

Министерство культуры Челябинской области
Государственный исторический музей Южного Урала

ГОРОХОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

*Материалы восьмой региональной
музейной конференции*

Челябинск
2017

УДК 069.7: 9(470.5)
ББК 79.1 + 63.3(235.55)
Г703

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Министерства культуры Челябинской области

Редакционная коллегия:

*В. И. Богдановский (председатель), А. Э. Алакшин, А. Н. Андреев,
Д. Г. Графов, И. Н. Козырева, А. Н. Лымарев*

Гороховские чтения : материалы восьмой регион. музейн. конф. / сост., науч. ред.
Г703 А. Э. Алакшин. — Челябинск, 2017. — 363 с.

ISBN 978-5-905081-16-3

Сборник материалов восьмой региональной музейной конференции «Гороховские чтения» отражает современное состояние научных знаний о революционных потрясениях 1917 г. и последующих событиях Гражданской войны на Южном Урале. Обращение к «революционной» тематике, связанное с отмечаемым столетним юбилеем Великой революции, позволило авторам статей по-новому взглянуть на события и явления Южно-Уральской истории, раскрыть новые сюжеты, ввести в оборот не известные прежде источники, а также инициировать новые дискуссии по предмету. В сборнике представлены исследования по вопросам развития социальных и политических отношений в регионе накануне и в ходе революции, а также в годы Гражданской войны; результаты исследований повседневности Южного Урала; историко-биографические материалы. Авторы сосредотачиваются на проблемах отражения революционных процессов в культуре и искусстве региона, уделяют большое внимание формированию и документированию исторической памяти о революционных событиях и Гражданской войне.

УДК 069.7: 9(470.5)
ББК 79.1 + 63.3(235.55)

ISBN 978-5-905081-16-3

© Алексеев Н. А., Андреев А. Н.
и др., статьи, 2017
© Государственный исторический
музей Южного Урала, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя.....	7
Часть I. 1917 год в истории Южного Урала: историографический опыт, перспективы изучения, дискуссионные вопросы.....	9
<i>А. И. Конюченко.</i> Если бы в октябре 1917-го не произошло революции.....	10
<i>В. Д. Павленко.</i> Уральские историки XXI века о трудах Николая Кузьмича Лисовского.....	16
<i>А. П. Романов.</i> История повседневности: зарубежный и российский опыт в контексте локальных исследований Южного Урала.....	22
Часть II. Человек, общество и власть на Южном Урале в 1917—1920 годах.....	29
<i>А. Н. Андреев, Ю. С. Андреева.</i> Участие духовенства Русской православной церкви в политической жизни страны в начале XX века (на примере духовенства Оренбургской епархии).....	30
<i>А. В. Буданов.</i> Примирительные камеры на Урале в 1917–1918 годах.....	37
<i>К. А. Вуколова.</i> Реорганизация системы управления промышленностью Южного Урала в 1917 — первой половине 1920 года.....	46
<i>А. В. Ганин</i> Статистика заключенных Оренбургской губернии под властью белых (1918–1919).....	52
<i>Н. С. Журавлева.</i> 1917 год глазами провинциального чиновника: «Челябинские хроники» К. Н. Теплоухова.....	66
<i>М. А. Казанцева.</i> Хроника XX века. Тургоякская трагедия (по материалам периодической печати 1950–60-х годов).....	73
<i>Т. Е. Карачевцева.</i> События 1917–1918 годов на Челябинкопях в материалах архивных источников.....	79
<i>В. В. Колмогоров.</i> Орден Красного Знамени — награда Копейска.....	85
<i>Е. Д. Королёва.</i> «Ваше дело второстепенное». Духовенство Челябинской губернии между белыми и красными.....	89
<i>В. А. Кузьминых.</i> Передача церковных ценностей учреждениям культуры в первой половине XX века (на примере коллекции икон Государственного исторического музея Южного Урала).....	96
<i>Л. Н. Молчанов.</i> И шла Гражданская война... К 100-летию Гражданской войны на Южном Урале.....	99
<i>З. А. Овчинникова.</i> Село Николаевка Увельского района в годы революций и Гражданской войны.....	110
<i>Ю. П. Окунцов.</i> Златоустовский казенный завод в 1917 году.....	113
<i>Г. К. Павленко.</i> 1917 Год. Южный Урал в тисках революций.....	117

<i>С. И. Панькин.</i> Повстанческая группировка станицы Краснинской Верхнеуральского уезда в 1920 году	122
<i>Н. Ю. Приходько.</i> Выступление казачества против установления советской власти в Челябинске в конце 1917 года (по газетным публикациям)	129
<i>С. Н. Ростовцев.</i> Деятельность большевистских организаций в 1919 году в Челябинске	135
<i>В. В. Филатов.</i> Динамика развития растениеводства и животноводства в Уральском регионе накануне революции 1917 года и в 1920–30-е годы	139
<i>М. А. Филимонов.</i> Профсоюзы Южного Урала в 1917 году	145
Часть III. Повседневная жизнь региона в эпоху революций и Гражданской войны	151
<i>В. Г. Демаков.</i> Празднование 1 июня 1919 года годовщины освобождения Челябинска от власти большевиков	152
<i>В. Г. Демаков.</i> Хроника посещения Урала адмиралом А. В. Колчаком в феврале 1919 года (по материалам местной периодической печати)	156
<i>В. В. Кашин.</i> Революция в судьбе мясоторговца Герасима Фомичева и скотовода Василия Геруса	164
<i>И. В. Ковшов.</i> Повседневная жизнь Южноуральского региона от февраля до октября 1917 года	172
<i>А. Н. Лымарев.</i> Пропаганда и ее основные приемы на страницах периодических изданий в годы Гражданской войны (на материалах газет Южного Урала)	179
<i>С. В. Марков, Д. С. Вьдрин.</i> Повседневность Гражданской войны в воспоминаниях уйского казака Трофима Ивановича Голощапова	184
<i>Н. Р. Мухамедова.</i> Ликбез и красная косынка (женщины Южного Урала в строительстве новой жизни)	190
<i>В. А. Черных.</i> Год великих потрясений. Верхний Уфалей сто лет назад	201
<i>Н. Н. Чухарева.</i> Великая российская революция глазами подростка (по воспоминаниям А. А. Скаруцкого)	215
Часть IV. Личность на изломе истории	221
<i>Н. А. Алексеев.</i> Павел Александрович Агапов — организатор профессионального союза врачей Челябинска (1918)	222
<i>А. Ф. Блиновский, В. А. Распопова.</i> Александр Аксенов: от революции до репрессии (судьба первого председателя Кусинского волревкома и волисполкома)	227
<i>Т. В. Герасимова.</i> Урал в биографии маршала В. И. Чуйкова: к вопросу увековечения памяти	231
<i>С. Б. Демакова.</i> Возвращение домой: путь длиной в век	238
<i>И. С. Ивлиева.</i> Дмитрий Федорович Фехнер: страницы биографии	245
<i>Т. К. Махрова.</i> «Это был прообраз парижской коммунарки...» (о некоторых эпизодах биографии Р. М. Азарх)	248
<i>В. П. Микитюк.</i> Общественный деятель Николай Чистосердов	253
<i>В. А. Черных.</i> Николай Федорович Евсеев: страницы биографии	259

<i>Е. В. Шуляк.</i> Александр Васильевич Протасов (1891–1932) и Федор Тимофеевич Розенгауз (1868–1931) — врачи, революционеры и партийные пропагандисты.....	269
Часть V. Отражение революционных процессов в культуре и искусстве Южного Урала.....	273
<i>Е. В. Волков.</i> Культ большевистских вождей в Челябинской области советского периода (на примере изобразительного искусства).....	274
<i>И. Н. Калашникова.</i> Листовки 1920-х годов в фондах Государственного исторического музея Южного Урала.....	282
<i>Т. В. Палагина.</i> Театральная жизнь в Челябинске в 1917–1921 годах.....	286
Часть VI. Формирование и документирование исторической памяти о революционных событиях и Гражданской войне.....	291
<i>З. С. Багина.</i> Одежда начала XX века из фондов Государственного исторического музея Южного Урала: история и реставрация.....	292
<i>Д. Г. Графов.</i> Некоторые аспекты фотографической съемки Челябинского Совета в 1917 году.....	299
<i>Ю. В. Латышев, Г. Х. Самигулов.</i> Здания Челябинска периода 1901–1917 годов.....	303
<i>Н. С. Маткина.</i> Реставрация серии линогравюр А. П. Сабурова «Орлята Южного Урала» из собрания Государственного исторического музея Южного Урала.....	313
<i>Л. А. Новожилова.</i> «Там, где три сосны...» Опись имущества лагеря второго военного отдела ОКВ (1919).....	322
<i>Е. В. Петрова, Н. А. Кругляк.</i> Нагрудные жетоны Февральской революции как выражение идей нового времени (на примере жетонов из фондов Государственного исторического музея Южного Урала).....	329
<i>Т. Н. Таршина.</i> Источники о Гражданской войне в музее села Варна.....	333
<i>И. Б. Третьякова.</i> Отголоски эпохи. Изучая фонды Верхнеуфалейского музея.....	337
<i>В. Б. Феркель, Е. С. Меньшенина.</i> Формирование и трансформация исторической памяти о событиях 1903–1919 годов.....	343
<i>К. О. Часова.</i> Документирование событий революционного периода и Гражданской войны на примере карты памятных мест Усть-Катава и его окрестностей, составленной в 1980 году краеведом П. И. Биевым.....	348
<i>О. М. Шилин, Е. Г. Засухина.</i> О штурме Зимнего дворца. Из истории одного музейного документа.....	353
Сведения об авторах.....	359
Список сокращений.....	362

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В истории любой страны есть периоды, когда ломается сама суть общественных явлений. Вековые противоречия крушат сложившиеся системы отношений в государстве и обществе — незыблемые, казалось бы, ценности людей уходят в небытие; их место занимают установки сметания отживших моральных и материальных основ жизни народа и дальнейшего развития его личности за счет смены идеологических парадигм. Социальные революции проходят мирно или кроваво — ход их развития и конечный результат напрямую зависят от остроты накопившихся противоречий, от степени ненависти друг к другу представителей конфликтующих страт.

События политической жизни 1917 г. до неузнаваемости изменили облик России: тысячелетние устои монархического режима рухнули в дни Февральской революции; захват большевиками власти в октябре стал причиной жестокой Гражданской войны, сотрясавшей страну на протяжении трех лет. После окончания войны большевики планомерно уничтожили все опорные институты прежней культуры — ликвидации подверглись дворянство, казачество и зажиточное крестьянство; православная церковь была отделена от государства и фактически объявлена вне закона. По сей день сложно оценить итоги политико-экономических трансформаций, которые впоследствии пережила Россия: долгие годы голода и моровых болезней, коллективизация, индустриализация, политические репрессии, победа в изнурительной Великой Отечественной войне, создание мощного лагеря союзных держав на территории Центральной и Восточной Европы, величайшие достижения в сферах науки и культуры, распад создававшегося десятилетиями Советского Союза, строительство цивилизации новой России — старающейся вобрать в себя лучшие черты самой себя в различные периоды истории.

На нашей конференции представлены доклады на тему событий революции и Гражданской войны на Южном Урале — оказавшись локальным эпизодом жизни страны в XX в., они существенным образом повлияли на ход всей Гражданской войны и, соответственно, на историческую судьбу России. Первые выстрелы грядущей братоубийственной бойни прозвучали именно на Южном Урале. Факторы участия чешских войск в акциях войны, перехода сотен населенных пунктов из рук в руки под власть противоборствующих сторон, непримиримости настроений в рядах солдат Белого движения и Красной армии, уносивших тысячи жизней инфекционных эпидемий определили уровень накала страстей среди населения уральской глубинки. Задачи участников конференции состоят в том, чтобы дать важнейшие характеристики явлениям жизни этого этапа истории Южного Урала, разобраться в специфике проведения военных действий на его территории; ввести в научный оборот прежде не известные сведения. Тематика настоящей конференции охватывает едва ли не все вопросы жизни общества — от восстановления непосредственно хронологии фактов истории в том или ином населенном пункте в 1917–1920 гг. до анализа сути и логики самых разнообразных инцидентов в водовороте революционных событий.

«Гороховские чтения» изначально были задуманы как музейное мероприятие, поэтому значительная часть материалов в сборнике посвящена описанию предметов революционной эпохи, находящихся в фондах музеев Челябинской области. Важность подобных статей трудно переоценить — с их помощью исследователи смогут понять,

какие источниковые ресурсы есть в выставочных залах и запасниках музеев, и, конечно, более глубоко разобраться в событиях революции. Текст многих документов обнаружится впервые.

А. Э. Алашкин,
доктор исторических наук,
заместитель директора Государственного исторического музея
Южного Урала по научно-исследовательской работе

Часть I

**1917 год в истории Южного Урала:
историографический опыт,
перспективы изучения,
дискуссионные вопросы**

ЕСЛИ БЫ В ОКТЯБРЕ 1917-го НЕ ПРОИЗОШЛО РЕВОЛЮЦИИ...

Можно ли задаться таким вопросом: как развивалась Россия, если бы в октябре 1917 г. не произошло революции?

Многие ответят: нет, поскольку история не терпит сослагательного наклонения. Как специфическая наука, действительно, не терпит, поскольку имеет дело с реально произошедшими событиями и их интерпретацией, оперирует фактами. Историю вспять не повернуть. Эксперимент не поставить. Но никогда не вредно размышлять, сопоставлять, делать выводы.

Например, Арнольд Тойнби, пусть и в шуточной манере, писал, что если бы Александр Македонский не скончался в 323 г. до н. э., то события могли идти иным образом, и на планете могла бы появиться империя, равной которой никогда не было в истории. Она включала бы в себя территории Европы, Северной Африки, Малой и Средней Азии, Индию и даже Китай. Последователи Александра Великого раздвинули бы границы цивилизации до тропической Африки и джунглей Южной Азии включительно. Человечество в короткие сроки добилось бы значительных успехов в сферах науки и техники, образования и здравоохранения¹.

Неизбежна ли была Октябрьская революция в России? Марксисты-ленинцы ответят: да, поскольку революции вызываются к жизни объективными причинами. «Великая Октябрьская социалистическая революция ознаменовала начало новой эпохи в истории человечества... Победоносная социалистическая революция была подготовлена всем предшествующим историческим развитием»².

Поскольку революция приводит к смене власти, то государственный переворот в Украине, произошедший в 2014 г., — это тоже революция. Действительно, это событие получило в массовой коммуникации Украины название «революції гідності» («революции достоинства»).

Но была ли эта революция неизбежна, если бы не материальная и политическая помощь Запада (заинтересованных стран) и нерешительность власти? Виктория Нуланд (ее высказывание в ссылках не нуждается, поскольку приобрело статус афоризма) после состоявшегося переворота сказала в интервью, что США потратили на «достижение демократии» в Украине более пяти миллиардов долларов.

Стоило украинским властям в решающий момент отдать подразделению «Беркут» приказ бескровно очистить Майдан, и государственный переворот не состоялся бы. «Революция достоинства», лишившая Украину достоинства, не одержала бы победы, и Украина не скатилась бы в грязное болото, наполненное кровью, ложью и потемнением коллективного разума, из которого неизвестно сколько времени ей выбираться.

Поэтому неизбежно в таких ситуациях, как революционная, недовольство существующим положением, но не сама революция. Разве не было в XX в. недовольных людей в странах, которые не отметились революциями?

В чем заключается главное значение Октябрьской революции? В «Кратком курсе истории ВКП(б)» говорится следующее: «Октябрьская социалистическая революция разбила капитализм, отняла у буржуазии средства производства и превратила фабрики, заводы, землю, железные дороги, банки — в собственность всего народа, в общественную собственность. Она установила диктатуру пролетариата и передала

руководство огромным государством рабочему классу, сделав его, таким образом, господствующим классом. Тем самым Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру — эру пролетарских революций»³.

Последующие учебники, по которым учились будущие историки даже в перестроечные в 1980-е гг., сохраняли заданную тенденцию. Это вбивалось в головы, и сложно было что-то противопоставить этому. С 1987–1988 гг. начался переворот в массовом сознании благодаря журналу «Огонек». Хотя в этом издании, естественно, публиковалось много сногшибательных «бомб», которые затем приобретали статус жареных фактов.

Без резкого качания вправо и влево можно сказать, что в действительности «новая эпоха в истории человечества», «эра пролетарских революций» закончилась, по историческим меркам, едва успев начаться. Рабочий класс никогда не был господствующим классом, поскольку власть прибрала к рукам номенклатура. Фабрики, заводы, земля, железные дороги перестали считаться и являться общественной собственностью в постсоветский период. Снова нужна очередная N-ская революция?

Привычны доводы, что все достижения XX в. в промышленности, сельском хозяйстве, науке и культуре произошли в СССР. Но это могут утверждать лишь те, кто по-прежнему рассматривает дореволюционную историю как преддверие настоящей, которая началась с 1917 г. Те достижения, которые произошли в 1920–70-е гг., действительно свершились в советский период, но не на пустом месте. Люди СССР, граждане Советского Союза не прилетели из другой галактики, не были инопланетянами, а вышли из Российской империи. Кто назовет достижения в некоторой стране, свершившиеся с нулевой или минусовой точки отсчета?

В дореволюционной России совершалось немало открытий и изобретений. Дмитрий Иванович Менделеев открыл периодический закон химических элементов; экспедиции Николая Михайловича Пржевальского и Петра Петровича Тян-Шанского значительно обогатили мировую географию, зоологию, ботанику; появились лампа накаливания, радио, водолазный аппарат, самолет и парашют; значительных успехов добились физик Петр Николаевич Лебедев, физиолог Иван Петрович Павлов и биолог Илья Ильич Мечников (двое последних были удостоены Нобелевской премии); без ученого-самоучки Константина Эдуардовича Циолковского, инженера Николая Ивановича Тихомирова не было бы успехов советской космонавтики...

Февральская революция была не так страшна, хотя и устранила самодержавие. Россия была объявлена республикой (но семья последнего императора никогда бы не была варварски уничтожена, значит, была возможна реставрация конституционной монархии), были назначены выборы в Учредительное собрание, а еще раньше союзники по Антанте гарантировали России то, на что она претендовала в Первой мировой войне. Россия могла идти дальше по пути республики или конституционной монархии.

Но все сломала революция в октябре. Принятые декреты о мире и о земле стали уловкой, поскольку реализованы, по сути, не были. Крестьян поманили землей, а потом загнали в колхозы. Предательский мир с Германией превратили в кровопролитную Гражданскую войну.

Сепаратный Брестский мир с Германией, на котором настоял Ленин, готовый отдать что угодно, лишь бы сохранить свою власть хоть на какой-то части территории России, был предательством национальных интересов, что возмутило даже союзников большевиков — левых эсеров. Если бы не революция в Германии, Россия потеряла бы часть своих значительных во многих смыслах западных районов.

В случае продолжения войны до победы Россия получала, что подтвердили союзники в 1917 г., побережье Мраморного моря с важнейшими проливами Босфор и Дарданеллы. Антанта одержала победу и без России, но если бы не революция, победа произошла бы раньше, Россия вышла бы из войны в числе победителей и включила в свой состав не только стратегически важные территории, а, может быть, и другие, куда граждане сегодняшней России летают «не домой» (например, в Турцию).

Победа была важна и в психологическом отношении. СССР во Второй мировой потерял гораздо больше, но, ощущая себя победителями, люди с энтузиазмом принялись за восстановление своей страны. То же самое происходило бы и после

окончания Первой мировой. Ее последствия можно было преодолеть в короткие сроки. А далее — перейти к реализации программ, прерванных этой войной.

По итогам Первой мировой войны был бы сделан вывод, что до ее начала Россия (как страна второго эшелона мирового капиталистического развития) не успела существенно сократить отставание от стран первого эшелона. А значит, она будет обречена на проблемы в будущем, и, следовательно, нужно незамедлительно приступить к форсированной индустриализации.

Программу индустриализации в 1893–1894 гг. императору Александру III изложил С. Ю. Витте. Ее повторил Ленин в нэповском плане «движения к социализму», а реализовал Сталин (но уже в партийной редакции). Финансовую реформу Витте повторил советский нарком финансов Г. Я. Сокольников в 1922–1924 гг., также как и винную монополию⁴. Новой власти не надо было выдумывать ничего нового, нужно было лишь продолжать то, что по ее вине было остановлено.

Экономический обозреватель Эдмон Терри получил от французских министров сельского хозяйства и общественных работ задание изучить на месте ситуацию в России. Он отметил, что с 1902 по 1912 г. Россия прошла серьезные испытания в виде неудачной войны с Японией и революции 1905 г., а также понесла тяжелую утрату в лице убитого в Киеве премьер-министра П. А. Столыпина. Тем не менее, обратил внимание Э. Терри, отмечался рост промышленного производства. С 1898 по 1912 г. производство чугуна возросло на 24,8 %, железа и стальных полуфабрикатов — на 45,9 %, железа и стали — на 53,1 %, добыча каменного угля — на 79,3 %⁵. Не нужно акцентировать на этом внимание, поскольку на показателях прироста значительно сказывается точка отсчета.

Значительно возросли и объемы продукции сельского хозяйства, особенно после аграрной реформы П. А. Столыпина. С 1898 по 1912 г. производство ржи возросло всего лишь на 2,4 %, но по остальным культурам показатели были выше: производство овса увеличилось на 20,9%, пшеницы — на 37,5 %, кукурузы — на 44,8 %, ячменя — на 62,2 %, картофеля — на 31,6 %, сахарной свеклы — на 42 %⁶.

Да, Россия оставалась заложницей своего пространства, что обрекало ее на экстенсивный путь развития. Тем не менее, хлебный экспорт Российской империи с 1900 по 1913 г. вырос в количественном отношении на 155 %, в денежном — на 194 %⁷.

Аграрную реформу, осуществленную П. А. Столыпиным и приведшую к убедительным успехам сельского хозяйства, советская власть похоронила.

В отношении подготовки квалифицированных кадров в различных областях России после революции, естественно, притормозила, и существенно. В годы внутренних смут нет возможности уделять необходимое внимание таким сферам внутренней жизни, как культура, образование, здравоохранение. Кадры заболевают, погибают.

В Российской империи, по наблюдениям Э. Терри, расходы на народное просвещение с 1902 по 1912 г. возросли на 216,2 %⁸. Это говорило о том, что страну вскоре ожидало введение всеобщего образования, увеличение числа высших учебных заведений, появление квалифицированных кадров в различных отраслях и новых ученых. Если бы не революция и вызванная ей Гражданская война, не было бы прекращения функционирования и развала системы образования, отката назад, гибели и утечки «мозгов»... Эмигрировавший в США Владимир Козмич Зворыкин стал одним из изобретателей современного телевидения. Создатель первых в мире четырехмоторных самолетов, гидроплана Игорь Иванович Сикорский, находясь в эмиграции в США, подарил американцам первый в мире вертолет...

В Российской империи в связи с ростом и повышением плотности населения постоянно проводились территориально-административные реформы. Вполне возможно, что на стыке Среднего и Южного Урала появилась бы новая административно-территориальная единица. Варианты обсуждались еще до революции. Уездный город Челябинск, получивший стимул к развитию после прокладки железной дороги, связавшей европейскую Россию с азиатской, должен был поменять свой статус. Крупный Челябинский уезд, весьма благополучный в сельскохозяйственном отношении и значительно отдаленный от центра губернии — Оренбурга, — напрашивался на отделение.

Полезные ископаемые горы Магнитной были обнаружены до революции, но, по словам Д. И. Менделеева, их было сложно разрабатывать из-за удаленности

и отсутствия возможности доставки на металлургические предприятия. Так что и Магнитогорск был обречен на свое появление на территориально-административной и металлургической карте новой советской России.

И другие города, и заводские поселки Урала ожидал рост. В докладной записке правительству Совета съездов представителей промышленности и торговли, составленной в июле 1914 г., говорилось: «Города растут у нас с поистине американской быстротой. Целый ряд железнодорожных станций, фабричных и заводских поселков, особенно на юге, обратился в крупные центры городской — по всему своему складу и запросам — культуры. Естественный в известные периоды экономического развития процесс концентрации населения, в силу происходящих сейчас коренных изменений в жизни сельскохозяйственного населения России, пойдет несомненно с возрастающей быстротой и лет через 20–30 мы увидим, быть может, картину самых крупных в этой области перемен. Но рост городов есть в то же время рост совершенно новых потребностей, для удовлетворения которых должны будут возникнуть целые отрасли промышленности, неизвестные или очень слабо развитые в настоящее время. Без преувеличения можно сказать, что рост городской жизни вызовет переворот в нашей промышленности»⁹.

Население Челябинска в 1897 г. составляло 19 998 человек, в 1905 г.— 35 494, в 1909 г.— 61 884, в 1916 г.— 67 304 человека¹⁰.

Население России с 1902 по 1912 г. увеличилось с 139,3 миллиона до 171 миллиона человек, то есть на 22,7 %¹¹. Поэтому приписывать заслугу количественного роста городов и увеличения численности их населения советской власти неправильно, хотя данные советских источников выглядят довольно убедительно.

Например, население Челябинска на 1 января 1955 г. составило 600 тысяч человек; больше, кроме стоявших гораздо выше крупнейших городов Москвы и Ленинграда, проживало в Киеве (973 тысячи), Баку (вместе с поселками при нефтепромыслах, подчиненных горсовету,— 894 тысячи), Харькове (869 тысяч), Горьком (868 тысяч), Ташкенте (758 тысяч), Куйбышеве (731 тысяча), Новосибирске (718 тысяч), Свердловске (695 тысяч), Тбилиси (625 тысяч), Сталино (современный Донецк, 605 тысяч), Одессе (604 тысячи) В Челябинской области к 1955 г. еще три города накопили население свыше 100 тысяч человек. Магнитогорск насчитывал 280 тысяч, Копейск — 146 тысяч, Златоуст — 142 тысячи¹².

Не будь революции и Гражданской войны, унесших миллионы жизней, население росло бы быстрее и города были крупнее. По подсчетам Э. Терри, при сохранении имевшихся тенденций прироста населения в России должно было насчитываться в 1924 г.— 215,9 миллиона человек, в 1936 г.— 272,5 миллиона, в 1948 г.— 343,9 миллиона¹³.

Мировая и Гражданская войны, утрата западных территорий Российской империи сократили численность населения на территории Советского Союза. По переписи 1926 г., в СССР проживало почти 147 миллионов человек (146 989 460)¹⁴, 1939 г.— более 170,5 миллиона (170 553 097)¹⁵. Вторая мировая принесла еще больше человеческих жертв, поэтому в 1950 г. население СССР составило 178,5 миллиона, а по последней переписи 1989 г.— 286,7 миллиона¹⁶.

Естественно, на демографической ситуации в СССР к середине XX в. сказались, прежде всего, две мировые войны. Но не следует забывать, что значительное количество жертв принесла Гражданская война и репрессии. В результате к распаду СССР в нем проживало меньше, чем должно было проживать в середине XX в. при сохранении демографических тенденций страны начала XX столетия.

«Благодаря» революции был нанесен тяжелейший удар по духовной сфере и потребовались чрезмерные усилия и затраты, чтобы оправиться от него. Сколько стоило, например, одно лишь восстановление храма Христа Спасителя, воздвигнутого в память победы в Отечественной войне 1812 г. и разрушенного с невероятной циничностью (перед взрывом зубилами выбивали глаза образам на фресках)? А были еще расходы на планирование грандиозного Дворца Советов на его месте, на обустройство бассейна...

Большинство разрушенных православных, единоверческих и старообрядческих церквей, католических костелов, протестантских кирх, мусульманских мечетей

и иудейских синагог так и не было восстановлено. Поэтому пришлось возводить новые — на новые деньги. А это сколько стоило?

Итак, допустим — революции не случилось. Храмы стоят, главными высотными доминантами Челябинска поначалу остаются Христорождественский собор, построенный в середине XVIII в., и римско-католический костел. Но вскоре появляется и древлеправославная церковь, на сооружение которой старообрядцы не поспешили, а затем и новый собор, который может принять большее количество молящихся. Малиновый звон плывет над уютным историческим центром города в 2017 г., где не сохранились разве что незатейливые старые деревянные постройки без претензий на стиль. Появились, кстати, на границах исторического центра и новая соборная мечеть, и синагога. Новые промышленные предприятия изначально строились в удалении, со временем, естественно, оказались в городской черте, но в окружении санитарных зон зеленых насаждений.

Градостроительное развитие Челябинска продолжалось не в том направлении, которое наметили советские архитекторы. Новые здания окаймляют, а не уничтожают кладбища, которые оказываются в центре города. Челябинцы изучают историю своего города не только по книгам, но и по кладбищам (надписям на крестах, плитах и памятниках). Как и жители других городов, некрополей которых не коснулись последствия революции. И не нарушается национальная традиция, выраженная А. С. Пушкиным:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу,
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

На них основано от века,
По воле Бога самого,
Самостоянье человека,
Залог величия его.

Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва,
Без них наш отчий край — пустыня
И как алтарь без божества.

Новая власть сразу после революции устроила новое кладбище для революционеров в самом центре Москвы под стеной Кремля. По этому примеру устроили свой революционный некрополь и в Челябинске, у Народного дома (позже, в 1950 г., его перенесли). А на старых кладбищах советская власть отплясалась.

Преступность в XX в. достаточно низкая, потому что население верит не в абстрактные идеалы, а в Бога, не бедствует, и охраной общественного порядка занимаются оренбургские казаки.

В Челябинской области сохраняются казачьи станицы и поселки. Зачем военное-земледельческому сословию переезжать в быстро растущие заводские поселки и города? Они продолжают, как и в начале XX в., пользоваться землей и заниматься маслodelием в свободное от военной службы время. Вовлекаются в сельскохозяйственный оборот целинные и залежные земли, растет кооперация. Растут доходы, растет количество детей в семьях...

* * *

Э. Терри предрекал России при сохранении темпов ее развития в начале XX в. колоссальные успехи и лидирующие позиции в Европе: «...если тенденции, наметившиеся в период с 1900 по 1912 г. в крупнейших европейских государствах, сохраняются до 1950 г., к середине нынешнего века Россия будет доминировать в Европе как с политической, так и с экономической и финансовой точек зрения»¹⁷.

Но Россия с начала XX в. прошла следующими этапами: естественное развитие с достигнутыми успехами — Первая мировая война — революция, обесценившая принесенные жертвы в Первой мировой — братоубийственная Гражданская война — возвращение к начатому прежней царской властью (реформам) — достигнутые успехи — репрессии (в отношении действительных и мнимых противников установившейся власти) — Вторая мировая — развал СССР. Круг замкнулся...

Сегодня в России живут потомки победителей в Гражданской войне, тех, кто оставался на нейтральных позициях, и тех, кто войну проиграл. Все они составляют единый народ. И мы должны оставаться единым народом. Иначе нам не выстоять перед вызовами, которые были, есть и будут.

Примечания

¹ Тойнби А. Д. Если бы Александр не умер тогда // Знание — сила. 1979. № 12.

² История СССР. Эпоха социализма : учеб. для ист. фак. вузов. М. : Высш. шк., 1985. С. 3.

³ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) : крат. курс. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1938. С. 214.

⁴ Сироткин В. Г. Вехи отечественной истории. Очерки и публицистика. М. : Междунар. отношения, 1991. С. 149–150, 155.

⁵ Терри Э. Экономическое преобразование России [Электронный ресурс] // Исторические материалы : сайт. URL: <http://istmat.info/node/60>

⁶ Там же.

⁷ Россия, 1913 год [Электронный ресурс]. URL: <http://ref.rushkolnik.ru/v70620/?page=40>

⁸ Терри Э. Указ. соч.

⁹ Цит. по: Корелин А. П. Экономическая конъюнктура в стране [Электронный ресурс]. URL: <http://maxpark.com/user/1061192250/content/1837275>

¹⁰ Божье В. С. и др. Челябинск // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. Т. 7. Челябинск : Камен. пояс, 2007. С. 150.

¹¹ Терри Э. Указ. соч.

¹² Народное хозяйство СССР за 1913–1956 г. : крат. стат. сб. // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 2310. Л. 18–20.

¹³ Терри Э. Указ. соч.

¹⁴ Всесоюзная перепись населения России 17 декабря 1926 г. : крат. сводки. Вып. 3. Население СССР. М. : ЦСУ Союза ССР, 1927. С. 3.

¹⁵ URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php?reg=0

¹⁶ Население СССР [Электронный ресурс]. URL: <http://cccp-15.narod.ru/naselen.htm>

¹⁷ Терри Э. Указ. соч.

УРАЛЬСКИЕ ИСТОРИКИ XXI ВЕКА О ТРУДАХ НИКОЛАЯ КУЗЬМИЧА ЛИСОВСКОГО

Прошло сто лет со дня революционных событий 1917 г. С крахом советского строя исследователи Октябрьской революции, журналисты, идеологи различных политических ориентаций оказались в совершенно новой исторической ситуации. Ломались копыя, перечеркивались оценки историков предшествующей эпохи. Сегодня часто задают тон те, кто возрождает тезис о «верхушечном» характере Октября и чисто насильственном насаждении большевиками «тоталитаризма». Однако историк и политолог профессор Индианского университета (США) А. Е. Рабинович считает Октябрьскую революцию «одним из самых главных событий XX века. Она стала поворотным пунктом в истории не только самой России, но и оказала в нашем столетии огромное влияние, как позитивное, так и негативное, на судьбы Европы. В частности, страх перед коммунизмом дал возможность определенным кругам в Германии привести к власти Гитлера»¹. Что же касается вопроса, был ли Октябрь трагедией, то Рабинович с определенностью утверждает, что нет.

Изучение истории Октябрьской революции началось с первых дней ее свершения — как в стране, так и на Урале,— хотя профессор И. В. Нарский считает, что многого из ее истории мы не знаем². С ним можно согласиться. Вместе с тем познавать новое необходимо в совокупности с наработками историков прошлых лет, поднявших огромные архивные пласты центральных и местных архивов. При этом аспект тех лет может быть переосмыслен в совокупности причин внутренних, внешних, наличия харизматических лидеров, победы одних и поражения других.

До сих пор нет такого серьезного и масштабного исследования событий 1917 г. по материалам Уральского региона, каковыми являлись монографии Н. К. Лисовского, вышедшие в советское время³. Естественно, ограниченный объем монографий не дал возможности раскрыть все проблемы, в чем упрекают Лисовского современные исследователи, рассматривающие более узкие темы.

В настоящее время некоторые наиболее радикально настроенные историки желают вычеркнуть многое из сделанного предшественниками. А. В. Трофимов отмечает, что «в очередной раз в отечественной истории представители Клио стремятся пересмотреть приоритеты развития науки в угоду очередным модным поветриям. Воистину история не учит тех, кто не желает у нее учиться»⁴.

По словам члена-корреспондента А. А. Искандерова, «марксизм, по существу, вывел историю за пределы науки, превратив ее в часть партийной пропаганды»⁵. Думается, что и без марксизма сегодня у ряда либеральных историков она является таковой.

Между этими двумя мнениями существует еще и исследовательская практика, в ходе которой современные авторы оперируют работами советских историков. Как это делается на практике, хорошо подметил А. П. Логунов, проанализировав 150 авторефератов докторских и кандидатских диссертаций и около 50 диссертаций, защищенных в последние годы соискателями научных степеней в области истории. Он пишет: «Авторы всех без исключения работ (т. е. 100 %) заявляют о своем разрыве с определенными качествами советской историографии, которая представляется

излишне политизированной (71 %), идеологизированной (58 %), не дающей возможности ставить и решать избранную проблему (42 %), ориентирующей исследователей на прямые фальсификации (13 %), приводящей к монополии одной группы историков (14 %)». В то же время А. П. Логунов не считает, что труды предшественников радикально отвергаются или опровергаются. Радикализмом отличаются всего лишь 5 % рассматриваемых работ. Основная часть диссертантов, напротив, заявляя о том, что их исследование принадлежит к «новой» традиции, тем не менее, предпочитают давать лишь позитивные оценки упоминаемым ими работам, адресуя критику безымянным исследователям или отдельным авторам⁶.

Наша задача — проследить верность предположения А. П. Логунова на исследованиях доктора исторических наук Н. К. Лисовского.

При написании обобщающих работ по установлению и упрочению советской власти на Урале Н. К. Лисовский использовал как архивные, так и литературные источники, сборники документов и материалов, стенографические отчеты и протоколы партийных съездов и конференций, съездов Советов, профсоюзов. Привлекал многочисленные воспоминания участников революционных событий 1917 г. и исследования уральских историков.

Н. К. Лисовский рассматривает период от Февраля к Октябрю на территории Вятской, Оренбургской, Пермской и Уфимской губерний. Он раскрывает этапы развития революции, основные проблемы, связанные с установлением в регионе советской власти. Впервые приводит обобщающие данные по Уралу о рабочем классе, партийных организациях, Советах, отрядах Красной гвардии. Нашли отражение в его трудах и деятельность горнопромышленников Урала после свержения самодержавия, участие уральских рабочих в создании и деятельности КОБов (комитетов общественной безопасности) вместе с антимонархическими группами населения. Автор рассматривает социальную базу и деятельность кадетов, эсеров и меньшевиков в КОБах и местных органах Временного правительства. По данным Н. К. Лисовского, во многих уральских городах и рабочих поселках действовали крупные эсеровские и меньшевистские организации. Характерной чертой всех исследований уральских историков, в том числе и Н. К. Лисовского, является освещение процесса борьбы большевиков за усиление своего влияния на трудящиеся массы и прежде всего пролетариат. Большевики использовали малейшее недовольство пролетариата политикой буржуазных властей, и, несмотря на пособничество буржуазии, меньшевиков и эсеров, напряженная политическая и организаторская работа приносила положительные результаты. Лисовский подробно, в отличие от других исследователей, рассматривает попытки буржуазии не допустить развития революции на Среднем Урале. Кадеты и мелкобуржуазные соглашатели в Екатеринбурге стремились мобилизовать все силы, чтобы не дать советской власти укрепиться. Под влиянием их пропаганды на путь саботажа встали служащие почты и телеграфа. Эсеро-меньшевистские организации на местах особенно активизировали действия против советской власти в период выступления меньшевиков и эсеров в центре⁷.

Главной социальной базой, противостоящей большевикам на Южном Урале, как отмечает Н. К. Лисовский, явилась богатая кулацкая верхушка казачьего населения, из среды которого в первую очередь и формировались добровольческие отряды А. И. Дутова. Победа над контрреволюцией далась сравнительно легко потому, что в конечном итоге у нее не оказалось серьезной политической и экономической опоры. Подавляющая часть населения выступила против белоказачьих мятежников⁸. Значительное место в работе уделено процессу перехода власти в руки Советов в Уфимской губернии.

В уральской историографической литературе последнего десятилетия можно встретить различные оценки «доперестроечного» этапа в развитии советской исторической науки. В. Д. Камынин и Е. А. Цыпина считают, что многие важные проблемы и периоды советской истории либо оказались слабо разработанными, либо были искажены или вообще не изучались⁹. Эти пробелы стали частично заполняться новыми историками. Хотя стремление не особо глубоко вникать в суть момента порой приводило их на радикальные позиции. Встает вопрос: как историки XXI в. относятся к работам своих предшественников, в частности Н. К. Лисовского? Обратимся

к исследованиям историков Урала постсоветского периода по теме «Октябрь 1917 года на Урале». Так, в статье П. И. Костогрызова «Октябрьский переворот и начальный этап антибольшевистского сопротивления на Урале (октябрь 1917 — март 1918 гг.)» отмечается, что большевикам сравнительно легко удавалось взять власть в заводских поселках и небольших индустриальных городах в силу того, что они составляли подавляющее большинство. О каком большинстве может идти речь, если даже в более крупных индустриальных городах организации большевиков были малочисленными или вообще не существовали? Об этом идет речь в работе Н. К. Лисовского «1917 год на Урале».

В установлении советской власти (а не большевистской диктатуры, о которой многие исследователи упоминают), отмечает Н. К. Лисовский, сыграли ведущую роль отряды Красной гвардии, созданные в основном из местного населения, а не из солдат-дезертиров (хотя последние — показатель кризисной ситуации в стране). Эти отряды оказывали военную помощь в установлении советской власти в Невьянске, Чусовом, Кунгуре, Перми, Чердыне, Оханске, Шадринске, Кургане, уездах и волостях Урала. Кроме того, Петроградский Военно-революционный комитет присылал пулеметы, наганы, винтовки и боеприпасы. Не остались в стороне и отряды матросов, прибывшие по решению Центра, Самары, Сызрани, Казани, Уфы и Омска¹⁰.

Надо признать, что П. И. Костогрызову удалось выявить глубинные причины поражения казаков в борьбе с большевиками на Южном Урале. Он отмечает, что ОКВ стало главной силой антибольшевистского сопротивления на Урале в конце 1917 — начале 1918 г., на помощь которому из Москвы прибыли 120 переодетых офицеров, создававшие в станицах дружины из стариков, малолеток и неспособных к военной службе. Вооружались они старыми берданками, дробовиками, шашками, самодельными пиками, топорами, нагайками и просто палками (просто средневековье!). Купечество и зажиточные горожане на просьбу Комитета спасения родины и революции оказать помощь в приобретении вооружения, обмундирования и продовольствия особой щедрости не проявили. Чрезвычайный войсковой круг, наметивший ряд финансовых мер (заем защиты войска, налоги, переход доходов от добычи ископаемых в распоряжение войска), так и не реализовал их.

Помимо этого автор отмечает и другие причины поражения антибольшевистского выступления: отсутствие, ни больше ни меньше, политической силы. Равнодушие казаков связано не только с агитацией большевиков, но и с действиями Временного правительства — отменой всех сословных ограничений, «расказачиванием», инициаторами которого выступали лидеры либеральных партий, которые еще, будучи в оппозиции царскому правительству, всячески старались создать казакам репутацию «царских опричников» и «душителей свободы». В сентябре 1917 г. круг Оренбургского казачьего войска потребовал от Временного правительства освободить строевые казачьи части от полицейской службы. Все это привело, по словам генерала И. Г. Акулинина, к равнодушию казаков в борьбе против большевиков.

Сложно согласиться с мнением П. А. Костогрызова, что главной задачей противников большевизма было направить революцию по мирному, демократическому пути развития. Как же тогда понимать прибытие 26 октября 1917 г. в Челябинск отрядов есаула Титова для разгрома взявших власть большевиков? И это их кровавое противостояние с самарским отрядом В. К. Блюхера и А. П. Галактионова не закончилось. И не могло закончиться — таковы законы борьбы за власть. Тому свидетельство события ночи с 3 на 4 апреля 1918 г. в Оренбурге, когда отряд в тысячу казаков учинил зверскую резню. Журнал «Оренбургский церковно-общественный вестник» писал, что проникшие в город рубили «спящих людей, не оказывавших никакого сопротивления, даже не успевших подняться с постели...». Горы окровавленных тел стариков, женщин и даже детей не могли не вызвать у жителей Оренбурга ненависть и испуг по отношению не только к тем, кто это сделал, но и ко всему казачеству¹¹. В публикации «Оренбургское казачество 1918 г.» сообщалось: «За время ночного разбоя было убито 129 красногвардейцев, ответственных советских работников и членов их семей (казаки перебили всех, кого застигли в юнкерском училище, не щадя женщин и стариков)¹².

Н. К. Лисовский отмечает, что установление советской власти в Белорецке, Златоусте и Верхнеуральске задержалось до марта 1918 г. не только потому, что здесь имелись большие силы эсеровской, белоказацкой и прочей контрреволюции, но также и потому, что большевистские организации этих городов в период подготовки к социалистической революции не уделяли должного внимания организации своих вооруженных сил и крайне запоздали с созданием военно-революционных комитетов¹³.

Интересен еще пример «нового подхода» исследователей к освещению исторического момента. После установления советской власти в Троицке в приказе начальника Северного летучего отряда говорилось, что главными задачами прибывших правительственных отрядов являются: установление в городе советской власти, беспощадная борьба с контрреволюцией, обеспечение доставки продовольствия на фронт и в столицу, реквизиция съестных припасов, спрятанных с целью спекуляции. В городе установился строгий революционный порядок¹⁴. А теперь новая интерпретация: в городе установился строгий революционный порядок — «обыски, аресты, конфискации, национализации, штрафы, лошадиные поборы стали обычным делом». И это есть новый подход к освещению белых пятен, которые не заметили советские историки.

Примечательно, что отдельные исследователи в авторефератах показывают историографическую бедность научных публикаций, преднамеренно скрывая отсутствие специальных монографических исследований, как общего характера, так и по определенным направлениям истории Урала 1918–1920 гг. Так П. И. Костогрызлов в автореферате кандидатской диссертации «Антибольшевистское движение на Урале 1917–1918 гг.» (Екатеринбург, 2013) в разделе «Степень изученности темы» даже словом не обмолвился о монографиях Н. К. Лисовского «1917 год на Урале» (Челябинск, 1967) и «Разгром дутовщины» (М., 1964).

А. М. Шилкин в автореферате своей кандидатской диссертации¹⁵ отмечает, что история городских дум Южного Урала советских историков практически не интересовала. Постоянно стимулируемый политически и идеологически интерес к темам конъюнктурного порядка, к деятельности большевиков, советов, различных организаций оставлял в тени работу городских дум. По многим причинам, часто не зависящим от историков, все исторические работы советского периода имеют две характерные черты — единообразие методологии и обилие фальсифицированных фактов. В пропагандистском исследовании А. М. Шилкина по истории челябинской большевистской организации затрагивалась тема передачи Советом рабочих и солдатских депутатов 2 ноября 1917 г. власти Челябинской городской думе, но ситуация была представлена неверно, факты искажены. Н. К. Лисовский пишет об успехах большевиков во время выборов в городские думы Южного Урала. Большевики в Челябинске и Уфе получили во вновь избранных думах соответственно 9 и 10 мест, а председателем Уфимской городской думы был избран большевик А. Д. Цюрупа. Места в Челябинской городской думе распределились следующим образом: эсеры получили 56 мест, большевики — 9, кадеты — 8, меньшевики — 5. Лисовский делает вывод, что автор монографии преувеличил успехи большевиков. Но при этом А. М. Шилкин пропускает целое предложение Н. К. Лисовского: «Однако в городских думах по-прежнему преобладали соглашатели, находившиеся в блоке с кадетами». Диссертант отметил: «Единственное достоинство работы (Н. К. Лисовского.— В. П.) — впервые опубликованы фактические данные о партийном составе дум Челябинска и Златоуста».

Бережное отношение к работам предшественников встречаем в исследованиях И. В. Семенченко и И. В. Шведова. Позитивной оценки заслуживает историографический экскурс И. В. Семенченко в диссертации на соискание степени доктора исторических наук¹⁶. Она отмечает, что отсутствие обобщающего исследования о земской деятельности в регионе не означает отсутствия вообще каких-либо работ по данной проблематике. В частности, в монографии Н. К. Лисовского «1917 год на Урале» достаточно подробно рассматривается вопрос о выборах в земства. И в качестве примера И. В. Семенченко отправляет читателей к тексту Николая Кузьмича: «...в ходе выборов летом 1917 года в городских думах и земских органах большинство мест заняли эсеры, меньшевики и кадеты». Скрупулезный анализ литературы по теме позволил ей

заметить, что Н. К. Лисовский привел ранее не известные сведения о ликвидации земств в различных районах Урала.

И. В. Шведов согласился с утверждением Н. К. Лисовского, что «с установлением в стране двоевластия буржуазия развернула борьбу за единовластие буржуазных органов власти, а сознательные рабочие — за единовластие Советов рабочих и солдатских депутатов. В Белорецком, Катав-Ивановском, Саткинском, Кусинском, Юрюзанском и во многих других горнозаводских районах Южного Урала Советы находились под влиянием эсеров и меньшевиков. До осени 1918 года в Сатке большевиков не было. Существовали социалисты-революционеры, социал-демократы, меньшевики, которые овладели всей собственностью. Совет рабочих и солдатских депутатов возглавлял эсер В. П. Пашков. По образному выражению большевиков, Саткинский завод являлся “осиным гнездом эсеровщины”»¹⁷. В действительности завоевание большинства в Советах было одной из основных задач большевиков. Ради достижения своей цели они нередко шли на уступки соглашателям. Так, Уфимский Совет рабочих и солдатских депутатов в апреле 1917 г. возглавлял эсер В. Ф. Гиневский. У многих руководящих работников партийных организаций Южного Урала не было тогда достаточно четкой линии по важнейшим вопросам развития революции, и они соглашались на объединение большевиков и меньшевиков. И. В. Шведов отмечает, что Н. К. Лисовский уделял внимание строительству Красной гвардии на Урале, где действовала определенная система. В Екатеринбурге был создан областной штаб, в Уфе, Челябинске, Златоусте — окружные штабы. Имелись районные штабы. Гвардия строилась по единому уставу. Особое внимание исследователя привлекли материалы из монографии о буржуазной и меньшевистской печати и ее ликвидации.

После небольшого разбора исследований историков XXI в., посвященных Октябрьской революции, можно сделать следующий вывод. Несмотря на то что с момента выхода в свет монографий Н. К. Лисовского прошло более полувека, при рассмотрении событий февраля и октября 1917 г. на Урале современные ученые зачастую используют материалы, которыми он поделился в своих трудах. Кроме того, нужно отметить, что при написании кандидатских диссертаций по узким проблемам периода 1917–1923 гг. так или иначе в историографических обзорах ссылаются на статьи и книги Н. К. Лисовского¹⁸.

Очень хорошо об исследователях прошлых лет сказал доктор исторических наук, профессор И. В. Нарский: «Многочисленные ссылки на работы предшественников наглядно показывают, сколь многим коллегам я обязан за ценную информацию и интересные мысли, которые послужили импульсом для работы»¹⁹.

Примечания

¹ <https://ineourok.ru/oktyabrskie-sobitya-goda-vzglyadi-istorikov-1423139.html>

² Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 20–21.

³ Лисовский Н. К. Октябрь на Южном Урале (борьба за установление и упрочение Советской власти на Южном Урале в 1917–1918 гг.). Челябинск, 1957. 303 с.; *Он же*. 1917 год на Урале. Челябинск, 1967. 587 с.

⁴ Трофимов А. В. Власть и историческая наука: проблемы отечественной историографии после сталинского десятилетия. Екатеринбург, 2000. С. 4.

⁵ Искандеров А. А. Историческая наука на пороге XXI века // *Вопр. истории*. 1996. № 4. С. 8.

⁶ Логунов А. П. Отечественная историографическая культура: современное состояние и тенденция трансформации // *Образцы историографии*. М., 2001. С. 8.

⁷ Лисовский Н. К. 1917 год на Урале. С. 447.

⁸ Там же. С. 480–502.

⁹ Камынин В. Д., Цытина Е. А. Проблемы политической и экономической истории Урала в 20-е годы XX века в отечественной истории. Екатеринбург, 2004. С. 16.

¹⁰ Лисовский Н. К. 1917 год на Урале С.453–497.

¹¹ Футорянский Л. И. Октябрьские дни // *История Оренбуржья*. Оренбург, 1996. С. 173–190.

¹² <http://komarov1976/blogspot.ru/201403/1403/1918.html>

¹³ Лисовский Н. К. Октябрь на Южном Урале... С. 139.

¹⁴ Там же. С. 119.

¹⁵ Шилкин А. М. Городские думы на Южном Урале в 1917–1918. Челябинск, 2000.

¹⁶ Семенченко И. В. Деятельность земств на Урале. 1900–1919 гг. Оренбург, 2010.

¹⁷ Шведов И. В. Политическое и военное противостояние на Урале. 1917–1921 гг. Региональная специфика. Челябинск, 2016. С. 62, 64, 84, 128, 135, 196.

¹⁸ См.: Алексеев С. Е. История создания и функционирования органов управления промышленностью Урала в 1919 — середине 1920-х гг. в отечественной историографии. Тюмень, 2002 ; Лукьянчикова Л. В. Проблемы становления политической демократии в России в период двоевластия (февраль — октябрь 1917 г.). Оренбург, 2010 ; Янков Ю. М. Становление органов государственной власти и массовых общественных организаций в Пермской губернии: март — октябрь 1917 г. Екатеринбург, 2000.

¹⁹ Нарский И. В. Указ. соч. С. 21.

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ЗАРУБЕЖНЫЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ В КОНТЕКСТЕ ЛОКАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЮЖНОГО УРАЛА

В центре внимания истории повседневности — «реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного жизненного мира»¹. Каждый из нас и все мы вместе живем в обыденном мире. Явления привычные, оттого и малозаметные, окружают нас. Потому люди полагают, что могут уверенно рассуждать об этих явлениях.

Понятие «повседневность» вошло в XX в. в оборот различных наук: психологии, социологии, этнографии, лингвистики и истории². Возникновению истории повседневности содействовал так называемый историко-антропологический поворот, который начался в гуманитарных науках в конце 1960-х гг. Предпосылкой стало ниспровержение веры в «большие нарративы» — великие объяснительные схемы, вроде марксизма, родившиеся в XIX в. Общее недоверие к «пророкам»-классикам, сплошь — «мертвым белым мужчинам»³, породило студенческие движения 1968 г., левых и феминисток второй волны. Другим источником «поворота» стали исследования антропологов, которые описывали и стремились понять жизнь племен-«дикарей», проживавших на удаленных островах и в джунглях. Их детальное изучение обнаружило, что возможны формы культуры, нравов и обычаев, отличающиеся от привычных западных. И в тоже время примеры жизни «дикарей» позволяют проводить аналогии с европейским прошлым, от которого современный Запад ушел далеко.

В истории с момента появления интереса к повседневности проявили себя несколько векторов ее рассмотрения. В первую очередь, вызвали интерес неполитические процессы, которые сложно представить в виде повествования (нарратива) и у которых нет явных и знаменитых героев. Это экономические процессы и другие явления, имеющие большую длительность: быт, ментальность, обычаи и традиции⁴.

Далее развивается интерес к истории «снизу», к жизни обычных людей. Здесь отвергается прежний снобизм политической истории, предполагающей, что герои ведут за собой толпы и вершат судьбы мира. В этом контексте возникает стремление рассматривать малые жизненные миры индивидуумов и крепнет убеждение, что главное — это частное, частный мир, частная жизнь.

Первоначально в становлении истории повседневности играли роль инициативные группы — «мастерские истории». Например, в ФРГ в конце 1980-х гг. насчитывалось около четырех десятков таких подвижнических групп. В целом в Западной Европе к началу 1980-х гг. существовало не менее 1600 исторических кружков, в которых краеведы-любители на локальном, региональном уровне изучали вопросы, связанные с изменением условий труда на местных предприятиях, жилищный вопрос и т. п. Эти «мастерские истории» ставили своей целью изучение повседневной жизни тех, кого они называли «безымянными статистами», или винтиками общественных процессов⁵. В Германии интерес был вызван также попыткой понять реалии жизни при Гитлере. Долгое время после войны ученые и политики настаивали на том, что немецкий народ был обманут и стал жертвой нацистских преступников. Так

сложилась «политкорректная» версия народа-жертвы. Исследования повседневной истории показывали, что у рядовых немцев обнаруживался весьма широкий спектр настроений в отношении политики и конкретных акций нацистов, не сводящийся к упрощенным версиям «поддержка — сопротивление», «преступники — жертвы нацистской пропаганды».

С. Оболенская приводила примеры развития демократического интереса к повседневной истории, исходившего от местных сообществ, активистов, а не из профессиональной исторической среды⁶. Так, в 1978 г. в Швеции вышла книга журналиста С. Линдквиста с характерным заголовком, давшим название целому движению, — «Копай, где стоишь». Автор, полагавший, что каждый человек может заниматься изучением истории своего родного места, места жизни или работы, описал проведенный по его инициативе опыт по изучению и написанию истории предприятий, в котором активно участвовали рабочие шведской цементной промышленности. Линдквист советовал любителям истории вступать в контакт с местными историками, знакомиться с методами их работы и смело приступать к делу. Идея Линдквиста нашла отклик и в ФРГ.

Следуя его примеру, историки-любители и рабочие из Рурской области написали книгу, которая по праву считается одним из лучших образцов подобных трудов. Члены кружка любителей истории в городе Реклингсхаузен в течение четырех лет писали историю старейшего городского квартала Хохлармарка. Группа инициаторов, назвавшая себя «Вы еще помните?», еженедельно устраивала встречи с жителями Хохлармарка, собирала рассказы о прошлом квартала, о том, как жили и работали люди в разное время, о чем думали, спорили, чему радовались и огорчались, как относились к событиям в стране. Собрали множество устных рассказов, фотографии, документы, дневники, письма, стихи, песни и т. п. Многие материалы целиком вошли в подготовленную книгу. Она была прекрасно издана, богато иллюстрирована факсимиле документов, фотографиями, рисунками, карикатурами и пр. Создание подобного рода работ, считают «историки повседневности», доступно всем⁷.

В СССР в эти же годы начинается подъем краеведческого движения, объекты внимания которого отчасти совпали с объектами внимания «мастерских истории». Существовавшее в ином идеологическом контексте, в условиях жесткого государственно-идеологического регулирования академической истории советское (в том числе и южноуральское) краеведение давало примеры внимания к повседневности, примером чему могут служить воспоминания челябинца К. К. Кушаева, записанные автором в период с 1976 по 1986 г., на основе его собственных дневниковых записей предшествующих десятилетий⁸. В них мы можем обнаружить детальное описание производственной и бытовой жизни советских людей в переломные годы XX столетия. Уделяет внимание автор и менталитету, восприятию жизни и ее эмоциональным аспектам, составляющим неотъемлемую часть бытия человека в контексте «большой» истории, частью которой он становится.

Важным направлением, позволяющим изучать повседневность, стала в последние десятилетия XX в. устная история. Под этим термином историки понимают прежде всего устные воспоминания — то, что люди излагают в ходе интервью, которое берет у них историк⁹.

Устные свидетельства ассоциировались с народной повседневной стихией, культурой так называемого безмолвного большинства, которое не имело образования, доступа к институтам власти и собственности. Достаточно вспомнить распространенное в России крылатое выражение: «Врет как очевидец». Политическая элита и образованное меньшинство исповедовало культ письма, вело обширную переписку, собирало семейные библиотеки, тренируя ум и приобретая навыки обращения с текстуальным миром. Большинство (народ) воспринимался элитой скорее как неразумная стихия, большой ребенок, которого надобно опекать и воспитывать. Устная стихия, единственно доступная народу, потому и воспринималась с недоверием. И наоборот, письменные свидетельства «хронистов», государственных учреждений, составленные представителями грамотного меньшинства, а соответственно «людьми с понятием» того, что происходит, пользовались доверием историков.

Обращение к устным свидетельствам стало проявлением своеобразной демократической альтернативы традиционной академической истории, долгое время замкнутой

в рамках «большой политики». Повседневный быт — важный аспект прошлого, где устные свидетельства могут быть весьма значимы.

На материалах устных опросов создаются и серьезные профессиональные исследования. Одним из лучших среди них в ФРГ считают работу, подготовленную группой ученых (интервью брали также и студенты) из Эссена и Хагена под руководством профессора Л. Нитхаммера. В рамках исследовательского проекта по изучению социальной культуры Рурской области ученые взяли 200 многочасовых интервью пожилых людей — рабочих, служащих, домохозяек — об их жизни в 1930–50-е гг. Ученых интересовали повседневная жизнь трудящихся, отношения в семье, между поколениями, восприятие событий, происходивших в стране (отношение к фашизму, войне, лагерям смерти, пленным, рабочим других национальностей, пригнанным во время войны). Исследователи поставили целью проследить линии непрерывных смысловых связей и разрывы этих линий в сознании и поведении рурских рабочих в годы фашизма и в послевоенную эпоху¹⁰.

Однако этот путь накопления устных свидетельств для «воссоздания» событий имеет свои трудности и ограничения, связанные со спецификой обыденного знания, которое осмысливает коллективный повседневный опыт. Это знание заведомо неполное, поскольку ограничено горизонтом событий, находящихся в поле зрения человека и его сообщества. Это знание критично, но при этом нерелексивно. К примеру, крестьянин может обсмеять появившегося в деревне аристократа, считая свое мнение истинным, и не станет рассуждать об условиях ограниченности собственного опыта и схем мышления, делающих возможным подобную насмешку.

Воспоминания людей о прошлых временах уже отфильтрованы последующим опытом. Скажем, повзрослев, человек может иначе оценивать свой юношеский опыт. Воспоминания могут подвергаться воздействию средств массовой информации. Та повестка дня, которая актуальна в СМИ в момент интервью может влиять на сообщаемые сведения. Часто пожилые люди могут испытывать ностальгию по годам своей молодости и недоверие к молодым: «Но, к сожалению, я тогда еще начал замечать, что молодое поколение недооценивает принесенные нами жертвы, бездумно пользуясь сполна плодами нашего самоотверженного труда. Молодежь начала “болеть от легкой жизни”»¹¹, — писал в 1980 г. в своих воспоминаниях о 1950-х гг. К. К. Кушаев. Более или менее налаженный быт эпохи «развитого социализма» резко контрастировал с бытовой неустроенностью предвоенных, военных и послевоенных лет. «Минимализм» советского быта середины XX в. воспринимается в качестве нормы, полной тягот и лишений, оправдываемых годами «строительства социализма» и военного времени. Жизнь 1970–80-х гг., в которых отсутствовала прямая угроза голодной смерти, уже воспринимается как «легкая» по отношению к упомянутой «минималистской» норме.

Таким образом, говоря о прошлом, люди следуют сегодняшним стереотипам и являются, соответственно, уже людьми настоящего. В качестве примера приведем смерть рабочего Луиджи Трастулли, который был убит во время демонстрации. Этот случай привлек внимание историка Алессандро Портелли¹². Событие вызвало сильное возбуждение рабочих, поэтому через некоторое время его конкретные причины и обстоятельства были переосмыслены свидетелями в соответствии с ценностями их жизненного мира. Так, в воспоминаниях, записанных через тридцать лет после убийства, рабочие не могли вспомнить демонстрацию, во время которой погиб их товарищ. Инцидент произошел на демонстрации против вступления Италии в НАТО, но многие воспоминания относили его к более поздней демонстрации против массового увольнения рабочих. В жизненном мире рабочих увольнение, лишаящее средств к существованию, куда более значимо, чем проблема заключения военного союза. Борясь за право на труд, погибший приобретает ореол мученика и героя. Кроме того, в воспоминаниях описывалось, как град пуль буквально пригвоздил Трастулли к заводской стене, подчеркивая мученический образ. Таким образом, историк столкнулся с тем, что реальные факты не соответствуют фактам из воспоминаний, и это не провалы в памяти, а творческое соединение памяти и воображения для создания смысла события, не ставящего под сомнение ценности жизненного мира.

Тот же К. К. Кушаев приспособливает детские воспоминания о Гражданской войне, с одной стороны, к официальному советскому дискурсу, рассуждая о солдатах Белой армии как обманутых и насильно мобилизованных, делая исключения лишь для казачьих частей и казаков¹³. С другой стороны, он ссылается на воспоминания своих матерей, во взрослом, следовательно, более осмысленном состоянии переживших годы Гражданской войны, и апеллирует к опыту старших односельчан, подкрепляя детские впечатления опытом более авторитетных взрослых. «Красные дошли до Урала от Москвы и будут гнать белых до края света. Зачем нам бежать за ними, ведь нас все равно догонят в Сибири и прибьют там. Лучше умереть на родной земле, чем на чужбине», — приводит он слова своей бабушки, «неграмотной темной старушки», в ситуации, когда семья рассуждала о том, стоит ли бежать вслед за белыми¹⁴.

Устные свидетельства в состоянии открыть дверь в мир жизненных ценностей обычного человека или небольшого местного сообщества — к тем вещам, к которым «большая», официальная история не имела никакого интереса. Поэтому первые попытки собирания устных свидетельств о повседневном существовании принадлежали краеведам-энтузиастам либо неформальным группам местных активистов, полагававших, что собирание «голосов» людей, представляющих их сообщества, будь то жители одного квартала или представители рабочего класса, позволит создать из устных воспоминаний историю подлинно народную и демократическую, в отличие от снобистской академической истории.

Однако, ориентируясь на установление непосредственного контакта с прошлым, эти проекты не могли выполнить подобной задачи. Во-первых, в ходе интервью каждая из сторон влияет на другую. Тот, кто рассказывает, неизбежно реагирует на присутствие постороннего, в некоторых ситуациях человек может ощущать себя ответственным исполнителем важной роли и в связи с этим фильтровать воспоминания, ориентируясь, скажем, на воспитательный эффект (примером могут служить встречи ветеранов со школьниками либо молодежью). Во-вторых, сам информатор уже не имеет контакта с прошлым, оно далеко за горизонтом и для него самого. Эмоции, пережитые после событий, могут оказывать влияние на рассказ о них (примеры я уже приводил). В-третьих, живя, человек может не понимать полностью происходящих с ним событий, особенно глобального плана, реальность жизни всегда более полная, чем опыт отдельного человека или группы людей. Поэтому устные свидетельства могут быть хорошим источником для понимания специфики обыденной жизни, но не полным и далеко не единственным.

В России интерес к истории повседневности пришел из академической и околонаучной среды, что было связано со снятием цензуры и возможностью устанавливать контакты с западными коллегами. Наиболее значительным стало влияние немецких историков и прежде всего Альфа Лютке, одного из основателей академической истории повседневности¹⁵. Сначала были переведены на русский язык его статьи на тему «что такое история повседневности»¹⁶, позже — работы по истории рабочего движения, в которых он вводит в научный оборот термин «своеволие» (Eigensinn). Согласно его концепции, зависимость людей от власти никогда не бывает полной, даже при таких режимах, как нацизм и сталинизм. Люди «внизу» всегда находят возможность для своеволия.

Лютке приводит пример из практики принудительных работ на одной из фабрик в Дрездене в 1944 г.: «[Немка] Фрида игнорировала все запреты на разговоры с [работавшими здесь] “евреями”; иногда нарочно оставляла на видном месте яблоко, однако [при этом] не скрывала своего ужаса от того, что некая “арийка” все еще замужем за “евреем”»¹⁷. Он подчеркивает, что люди продвигаются «не по одной колее», действуя по-разному на разных уровнях своего бытия.

Люди могут отлынивать от работы, спуская рукава выполнять распоряжения, которые им не нравятся, могут создавать систему неформальных связей, обходящих официальные институты (пример: советский «блат» или «несуны», компенсирующие дефицит товаров на полках магазинов подпольным обменом утащенного со своей работы на что-то другое). Даже Л. И. Брежнев был уверен, что все в СССР «приворачивают», но власть при этом не карала подобные мелкие преступления, попустительствуя им, для того чтобы пар социального напряжения не накапливался, а выходил через эти каналы. Тем самым повседневные практики позволяли

преследовать собственные интересы помимо декларируемых общественных и могли влиять на власть.

Элементы пресловутого «своеволия» можно уловить в оценках текущих конфликтов, занимающих воображение современников. Так, башкирские крестьяне-фронтовики Первой мировой войны скептически оценивали масштабы боевых действий Гражданской войны, перепугавшей односельчан. «...Наши деревенские фронтовики смеялись, что это не война, а игра в войну, на германском фронте такие бои не посчитали бы даже за разведку боем», — вспоминал К. К. Кушаев¹⁸. В то же время он сам, как автор воспоминаний, демонстрирует своеволие, отходя от канонической трактовки Гражданской войны как ожесточенного классового противостояния, приводя мнение фронтовиков. Судьба его брата Хафиза Кушаева, детали которой он воспроизводит в своем тексте, также скорее опровергает официальную трактовку событий. Будучи арестованным за предполагаемую связь с большевиками, Х. Кушаев был освобожден из Челябинской тюрьмы и мобилизован в колчаковскую армию, перешел со своим подразделением на сторону красных, воевал против колчаковцев. Потом сделал карьеру в процессе создания Башкирской АССР.

Одним из примеров подобного рода в отечественной истории 1930-х гг. может быть напряженная борьба администрации и общественных организаций московского Метростроя с кессонщиками и представителями других редких профессий. Они проводили ответственные и часто уникальные работы, их собирали «по крупицам» со всей страны и они в итоге считали себя незаменимыми, рабочей элитой, проявляли «рабочую спесь». Они категорически не хотели делиться секретами своего мастерства и даже брать «чужаков» в бригаду; пренебрежительно, с гонором относились на работе и в быту к другим, особенно к мобилизованным на Метрострой молодым комсомольцам (например, норовили подойти и демонстративно взять продукты в заводском магазине вне очереди); говорили на «своем языке», устраивали «чужакам» обидные розыгрыши, намеренно пугали молодежь небылицами о вреде их профессии для здоровья¹⁹. Также они весьма «нагло» вели себя с администрацией и стремились, пользуясь незаменимостью, диктовать свои условия труда и размер зарплаты. Такое поведение в российской практике могло характеризоваться определениями «рабочая спесь», «рабочее упрямство», «мастеровщина», «рабочая хитреца», «себе на уме» и др. По сути, однако, оно подходит по смыслу к проявлениям своеволия.

Значимо требование повседневной истории обращать внимание на повседневные практики жизни. С точки зрения А. Лютке, они следовали принципу меандра²⁰. Люди участвуют в отношениях власти / подчинения и следуют своему желанию быть частью целого, но это желание непостоянно, оно подрывается дистанцированием и даже актами сопротивления²¹. То есть человек мог исполнять разные роли дома и на производстве, на партийном собрании или во время публичной демонстрации. В одних случаях он мог уклоняться от «официальной» линии, в других выражать согласие и принимать деятельное участие. Задачей историка в данном случае становится понимание того, как это происходило и какие конкретные мотивы могли руководить человеком в различных обстоятельствах. Он рассматривает пример того, как бывшие немецкие рабочие, попав на войну, делают привычной военной действительностью, опираясь на свой производственный опыт. При этом можно говорить об использовании аналогии: война — «качественная немецкая работа». И в то время (да и сейчас) «качественная немецкая работа» отличала товары, произведенные в Германии, от прочих. Этот образ в сознании самих немцев, также как и иностранных потребителей, весьма устойчив, и его легко было объявить атрибутом «высшей» германской расы.

Анализируя письма солдат с фронта, Лютке приходит к выводу, что в начале войны преобладали настроения пассивного притяжения и готовности участвовать в инициативах режима²². В своих мыслях при этом призывники могли обращаться к родному заводу: что там, в родном цеху? Например, рядовой К. Шрайбер, трудившийся до призыва на заводе сельскохозяйственных машин в Лейпциге, писал в июле 1942 г.: «Я слышал от приятеля, что вы, ребята, сейчас очень много работаете. И это главное. Но просто позор, что на заводе так мало германских рабочих. Эти русские много не работают. Мы-то тут видим, что за народ *русские*. Самый лучший способ — поставить пулемет и держать их на мушке. Мы, немцы, все еще слишком жалеем их

и им подобных. Они бы нас так не жалели, да и не жалеют. У вас там полно таких на заводе (подневольные работники с захваченных территорий СССР.— А. Р.), так что сами увидите, из какого они теста. По сути своей русский — врун, мы-то видели это сколько угодно раз»²³.

Автор письма, заботясь о качественной работе, по сути, демонстрирует уже сформировавшееся чувство превосходства над русскими. Далее русские наделяются свойствами подлых людей, которых добрые немцы излишне жалеют, что фактически подводит к внутреннему оправданию неограниченного насилия по отношению к русским.

Бывшие рабочие в своих письмах стремятся найти сходные черты между работой на заводе и войной. Даже в бою убийство приобретало все больше черт «качественной немецкой работы». Некоторые солдаты писали, что ощущают себя не солдатами, а рабочими. Набор качеств, необходимых для рабочего и солдата, во многом сходен: точность, добросовестность и внимательное отношение к боевым приказам, а также сноровка в исполнении поставленных задач,— делает вывод Лютке²⁴. Солдаты могли себя оправдывать и поощрять словами «хорошо поработал», соотнося свое нынешнее положение с заводской рабочей реальностью.

Снятие цензурных ограничений, отказ от идеологического контроля, присущих СССР, вызвал интерес к белым пятнам в истории. В перестроечную эпоху заполнялись «лакуны» в политической истории. В постсоветскую эпоху, несмотря на снижение интереса к истории в целом, возникает любопытство, направленное на подробности жизни и любопытные детали, дотоле скрытые за фасадом официальной насаждаемой советской истории. Спрос порождает предложение — и в свет выходит серия книг издательства «Молодая гвардия» под названием «Живая история: Повседневная жизнь человечества». В этой серии издано уже несколько десятков книг, охватывающих широкую тематику — от повседневной жизни блокадного Ленинграда до жизни инквизиции, королей, дворян, моряков-подводников. Она концентрируется на тех бытовых характеристиках, о которых забывала официальная советская история. Однако профессионалами-историками этот продукт оценивается неоднозначно. Так, С. В. Журавлев замечает, что подобные работы, отождествляющие повседневность главным образом с бытом, нравами и тайнами личной жизни, не брезгают в погоне за сенсациями слухами и домыслами, в результате у современного российского обывателя формируется искаженное представление о прошлом²⁵.

История повседневности способна предотвращать соблазн модернизировать историю, то есть автоматически переносить современные представления в прошлое, приписывать людям из прошлого сегодняшние мотивы, идеи и ценности. Внедрение опыта академической истории повседневности в практику краеведческих исследований истории — весьма актуальная задача. Координация усилий профессиональных историков и краеведов-любителей в рамках общих проектов по истории повседневности Южного Урала могла бы открыть новую страницу в местной историографии.

Примечания

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 38.

² Повседневность [Электронный ресурс] // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. URL: www.enc-dic.com/enc_epist/Povsednevnost-517/

³ Рапорт В. Критическое переосмысление прошлого: кто такие мертвые белые мужчины? [Электронный ресурс] // Теория и практика : электрон. журн. URL: www.theoryandpractice.ru/posts/10242-dead-white-men

⁴ Примером могут стать работы Ф. Броделя. Наиболее известный труд — «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.» в трех томах.

⁵ Методологические проблемы истории / под ред. В. Н. Сидорова. Минск, 2006. С. 245.

⁶ Оболенская С. «История повседневности» в современной историографии ФРГ // Одиссей. Человек в истории. М., 1990. С. 187.

⁷ Там же.

⁸ Кушаев К. К. Воспоминания ровесника двадцатого века. Челябинск, 2017.

⁹ Тош Д. Стремление к истине. М., 2000. С. 261.

¹⁰ Оболенская С. Указ. соч. С. 188.

¹¹ Кушаев К. К. Указ. соч. С. 259.

¹² Тош Д. Указ. соч. С. 272–273.

¹³ Кушаев К. К. Указ. соч. С. 40–42.

¹⁴ Там же. С. 43.

¹⁵ Дубина В. С. «История повседневности» в плюрализме культурных поворотов. Российский и немецкий опыт // Диалог со временем, 2010. № 32. С. 206.

¹⁶ Лютке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история : ежегодник. 1998/99. М., 1999. С. 77–100 ; *Оп же.* «История повседневности» в Германии после 1989 г. // Там же. С. 121–125.

¹⁷ Цит по: Лютке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010. С. 6.

¹⁸ Кушаев К. К. Указ. соч. С. 42.

¹⁹ Соколов А. К., Журавлев С. В. Alltagsgeschichte и изучение рабочей истории в России : [предисл.] // История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти / А. Лютке. М., 2010. С. 38.

²⁰ По названию реки Меандр в Малой Азии (Турция), русло которой извилистое, течение часто меняет направление.

²¹ Лютке А. История повседневности в Германии... С 210.

²² Там же. С. 202.

²³ Цит по: Там же.

²⁴ Там же. С. 204.

²⁵ Журавлев С. В. История повседневности — новая исследовательская программа для отечественной исторической науки : [предисл.] // История повседневности в Германии: новые подходы к изучению войны, труда и власти / А. Лютке. М., 2010. С. 9.

Часть II

**Человек, общество и власть
на Южном Урале в 1917–1920 годах**

А. Н. Андреев, Ю. С. Андреева

УЧАСТИЕ ДУХОВЕНСТВА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СТРАНЫ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (на примере духовенства Оренбургской епархии)

На рубеже XIX и XX столетий РПЦ сталкивалась с различными проблемами социально-политического и административного порядка, затруднявшими ее функционирование как социального организма. По-прежнему весьма остро стоял вопрос о недостатках существовавшей со времен Петра I синодальной системы управления церковью, при которой последняя превращалась «в приводной идеологический ремень крепостнического государства»¹. Официальная позиция по данному вопросу, выраженная товарищем обер-прокурора Святейшего синода кн. Н. Д. Жеваховым, сводилась к убеждению «в благодетельности церковных реформ Петра Великого» и защите синодального порядка². Однако, по мнению самих священников, существовавшая модель взаимоотношений церкви и государства неблагоприятно сказывалась на организации религиозной жизни россиян. Например, протоиерей с. Шурова А. Никольский докладывал духовному начальству о провоцировании консисторскими служащими конфликтов между прихожанами и духовенством: «Обращаю Ваше внимание на одну из самых темных страниц церковной жизни — развращение народа и духовенства путем усиления представителями епархиальной власти вражды между прихожанами и духовенством через ужесточение преследований тех лиц из духовенства, кого необходимость, хотя бы самая крайняя, заставляет возражать против злоупотреблений консисторско-епархиальным управлением. Это не что иное, как стремление путем устрашения недовольных поддерживать исстари сложившийся выгодный консисторским дельцам порядок»³. Под «орудиями преследований и устрашений» духовенства (главным образом, сельского) Никольский имел в виду наушничество, психическое давление, провокации, в результате использования которых «в приходах водворяется анархия: все знают, что священник беззащитен»⁴. Протоиерей требовал решительных политических перемен, констатируя факт: «Этот порядок губительный для церкви, делает церковь не просветительницей народа, а развращающим фактором»⁵.

Отношения РПЦ и государства стали характеризоваться административным подчинением первой последнему уже в начале синодального периода, однако по прошествии полутора столетий данное явление приобрело системные и интегративные свойства: «...ни одна область жизни церкви не оставалась без стороннего вмешательства государства»⁶. В эпоху Александра II социальное положение клира все более определялось возрастающей зависимостью от правительственных решений. На уровне Оренбургской епархии эта зависимость хорошо видна из распоряжения канцелярии обер-прокурора Святейшего синода Д. А. Толстого, в котором обер-прокурор требовал от местного преосвященного в случае увольнения в отпуск секретаря консистории каждый раз ставить об этом в известность главу духовного ведомства «с присовокуплением сведений, на какой срок дан отпуск и кому именно поручено на время отсутствия секретаря исполнение его обязанностей»⁷. В годы пребывания на посту обер-прокурора К. П. Победоносцева подчинение церковной жизни общему военно-бюрократическому административному режиму стало ведущим политическим принципом, которым руководствовались все крупные государственные деятели и сами

императоры⁸. В начале же XX в. «принцип преобладания государственной власти в Христовой Церкви»⁹ приобрел еще большую значимость в силу вовлеченности церковнослужителей в политическую борьбу.

В Оренбургской епархии характер взаимодействия государственной власти с органами церковного управления в целом мало отличался от сложившейся общероссийской модели. Распоряжением Оренбургской духовной консистории приходские храмы активно использовались в качестве публичной трибуны для оглашения правительственных решений: священники объявляли пастве императорские манифесты и указы, зачитывали торжественные обращения¹⁰. Для этих же целей использовалась епархиальная пресса¹¹. Проповедники были обязаны предоставлять тексты проповедей цензурному комитету и наказывались в случае нарушения данного предписания¹². В указах из Святейшего синода на имя оренбургских архиереев, как и на имя других иерархов РПЦ, подчеркивалось, что церковь должна служить государству, выполнять многочисленные обязательства, связанные с этим «священным» служением. К ним относились мероприятия по укреплению в народе политической лояльности, участие клира в гражданской жизни, распространение патриотических настроений, содействие делу укрепления монархии и т. д.¹³ При этом зачастую сами церковные иерархи подчеркивали необходимость тесного союза церкви и государства — союза, который должен был достигаться, по мнению преосвященного Амвросия, архиепископа Харьковско-го, «свободным применением начал христианского мирозерцания и опытов жизни к общественной деятельности»¹⁴. Однако данный союз в условиях стремительной политизации общества и государства в конце XIX — начале XX в. означал автоматическое участие церкви в политических акциях правительства, часто непопулярных, что негативно сказывалось на ее авторитете. Например, «во время революции 1905–1906 гг. церковь предавала анафеме любые выступления против государственной власти; во время стачек священники вели агитационную работу»¹⁵. Таким образом, государство само втягивало служителей культа в «омут политической жизни».

По мнению некоторых крупных церковных деятелей начала XX столетия, например архиепископа Холмского Евлогия, истинные заботы церкви и политические страсти были бесконечно далекими друг от друга, но, несмотря на это, государство фактически вынуждало духовенство демонстрировать активную политическую позицию. Об участии церкви в политике Евлогий писал: «С точки зрения пользы, может быть и можно, и нужно; но если принять во внимание душу и совесть — это большое для духовного лица несчастье»¹⁶. Будучи членом 2-й и 3-й Государственных дум, архиепископ Евлогий так характеризовал сложившуюся ситуацию: «По отношению к Синоду настроение в Думе было вообще недружелюбное. Престижа он не имел»¹⁷. И, тем не менее, власти требовали от духовенства РПЦ, в том числе и от духовенства Оренбургской епархии, баллотироваться в Государственную думу и активнее голосовать при выборах членов Государственного Совета¹⁸. Неоднократно к участию в выборах во все четыре думы призывал духовенство официальный печатный орган Святейшего синода — еженедельник «Церковные ведомости», рассылавшийся по всем российским приходам¹⁹.

Следует признать объективным тот факт, что в начале XX в. деятельность церкви также значительно политизируется, и участие духовенства в работе Государственных дум сыграло в этом отношении одну из главных ролей: «Ничего значительного в интересах церкви духовенству сделать в Думе не удалось, хотя политические страсти через думское духовенство стали растекаться по всей клерикальной среде»²⁰. В исследовательской литературе подчеркивается, что изначально это было связано не с желанием духовенства вторгаться в мирские дела, а с зависимостью церкви от государства и необходимостью следовать государственному политическому курсу²¹. В воспоминаниях преосвященного Евлогия отсутствие желания, но необходимость участия в работе Госдумы прослеживается (на личном примере владыки) достаточно ясно, несмотря на целую идеологическую кампанию по привлечению духовенства к политической жизни в синодальной прессе. Некоторые священники прямо призывали духовенство к участию в выборах в I-ю Госдуму, пропагандируя политическую активность, но отмечая при этом чрезвычайную распространенность мнения, что «духовенство не должно принимать участия в общественных делах в силу своего священнического сана»²².

Христианские ценности, как известно из опыта многопартийной политической жизни начала XX в., тоже могли становиться политическими лозунгами. Эти ценности пропагандировались рядом монархических организаций и партий («Союзом русского народа», «Русской монархической партией», после 1907 г. «Союзом Михаила Архангела» и др.)²³. В 1918 г. были разработаны программа и устав Христианско-социальной рабочей партии, требовавшей от духовенства, «чтобы оно направляло все усилия к религиозно-нравственному возвышению своей паствы», было готово «проповедовать добро и правду, ложь же и неправду обличать, заботиться об оздоровлении семьи, воспитании детей своей паствы в духе церковного учения»²⁴. Однако значительная часть священнослужителей по объективным причинам не стремилась участвовать в политической жизни, по мере возможности дистанцировалась от политических страстей или же, в силу подчиненного положения церкви государству и развитой идеи сакрализации монархической власти, выражала консервативные, охранительные, реже либеральные взгляды²⁵. На протяжении второй половины XIX в. и в начале XX столетия политизирующееся общество вменяло церкви в вину ее консервативную позицию, традиционализм, присущий ей изначально. Отметим, что процесс падения авторитета церкви в российском обществе начался задолго до кризиса монархической власти — еще с периода реформ 1860–70-х гг., когда набирали силу сложные модернизационные процессы, становившиеся заботой государства, но остававшиеся далекими от жизни церкви. Именно тогда образованная часть русского общества стала усиленно критиковать церковь, причем не всегда справедливо: «Нельзя не отметить и то очевидное ожесточение, с которым подавляющая часть светской литературы и периодики нападала на Церковь. Духовенство обвинялось не только в традиционных грехах — поборах, мздоимстве, пьянстве, распутстве, чревоугодии, но и в том, что оно ничуть не сочувствует и не желает помочь обществу в столь ответственный момент (имеется в виду реформирование общества)»²⁶. С. А. Аскольдов в «Вехах» писал о тактике «полного устранения церкви от всех вопросов политической жизни», о церкви, деятельность которой «перешла допустимые пределы охранительной политики»²⁷.

В результате социальная активность РПЦ принимала специфические формы, проявляясь в благотворительности, духовном воспитании, миссионерской деятельности, хозяйственно-производственных заботах и в меньшей степени в политической работе²⁸. Тем не менее РПЦ не могла оставаться в стороне от социально-политических изменений: благодаря радикально-либеральным («левым») богословам «в сферу традиционных для религии проблем личного спасения, духовно-нравственного совершенствования вторгались мотивы общественного долга человека, необходимости социальных перемен, активного участия христиан в социальных процессах»²⁹. Появились дискуссионные журналы на религиозные и церковные темы, возникали братства, занимающиеся благотворительностью и нравственно-религиозным просвещением, возрождалось церковное проповедничество, укреплялись связи между духовенством и либеральной интеллигенцией³⁰. Но все это, по замечанию авторитетного современного историка, были «изменения в атмосфере, а не в институциональном плане»³¹.

Идеологический кризис РПЦ на рубеже XIX–XX вв., при всей объективной отстраненности пастырского служения от политических страстей, являлся относительным. Из анализа работы Всероссийского поместного собора 1917–1918 гг. следует, что деятельность РПЦ вполне могла отвечать запросам современного общества, потенциально имела шансы стать результативной³². Один из специалистов по православной церковной истории резонно отмечает: «Несомненно, продлись Собор в 1919 г., Церковь вступила бы в наш бурный XX век не “пережитком отсталого царизма”, как представляла богоборческая пропаганда, а живым динамичным организмом, непоколебимым в своих вероучительных основах, но откликающимся на требования века, отвечающим духовным запросам и понятиям современного человека»³³. Под «требованиями века» обычно подразумевается готовность клира к социальным реформам, однако обратим внимание, что среди таких «требований» в ряде случаев могло быть и стремление к радикальному переустройству общества и государства на уравнительных началах, способное поколебать даже «непоколебимых» в праве православного учения.

Было бы заблуждением считать, что в начале XX в. духовенство РПЦ в своем политическом оживлении ограничилось только монархическими акциями или,

в крайнем случае, выражением готовности участвовать в буржуазно-либеральном реформировании страны. Клер и приходские деятели из активистов-мирян не остались в стороне даже от революционной пропаганды. В Оренбургской епархии наблюдалось укрепление общественных движений, пропагандировавших социалистические и коммунистические взгляды в самом лоне церкви. Не только среди прихожан, но и среди духовенства были посеяны сопутствовавшие революционным идеям зерна антиклерикализма и атеизма, которые, прорастая, внутренне разлагали мистическое соборное единство Русской церкви. Эти зерна пали в подготовленную, «распаханную» политическими исканиями почву.

Современники неоднократно подчеркивали религиозную окраску русского народного монархизма, отмечали сакральный характер восприятия народным сознанием монарха и его власти³⁴. Несмотря на это, богоборческая и антимонархическая агитация приобретала широкие масштабы как в России в целом, так и в Оренбургской епархии³⁵. Антиправительственные настроения проникли в церковные круги, в семьи священников и причетников. Так, «уже с 1906 г. шли в Синод тревожные докладные из епархий об упадке веры в народе, особенно в таких промышленных районах, как Урал. Отчеты говорят об успешной агитации среди рабочих под лозунгом “Нет Бога, долой Церковь!”, о том, что семинаристы, студенты и школьники — дети духовенства на стороне революционеров»³⁶. Из гимназий и семинарий Оренбургской губернии неоднократно исключали за политическую неблагонадежность детей священников и церковнослужителей³⁷.

Политическая ситуация в Оренбуржье, зафиксированная в рапортах и отчетах чиновников департамента полиции МВД в начале XX в., действительно характеризуется резкой дестабилизацией. Если в 1880-е гг. в политических обзорах Оренбургской губернии отмечалась достаточно высокая общая лояльность населения к правительству, за исключением единичных случаев проявления политической неблагонадежности, то ближе к революционным событиям 1917 г. ситуация изменилась коренным образом. В обзоре губернии за 1884 г. было засвидетельствовано, что «низший класс населения губернии по-прежнему остается неизменно и непоколебимо преданным правительству. Появление между крестьянами лиц с целью вселить в них недоверие к правительственной власти не обнаруживалось»³⁸. В том же отчете фиксируется факт: «... между духовенством не замечено лиц политически неблагонадежных, кроме священника Подоельского, который своими либеральными идеями вредно влиял на воспитанников Троицкой гражданской гимназии»³⁹. В отчете департамента полиции МВД за 1888 г. находим похожие высказывания: «В истекшем 1888 г. явлений неблагоприятных в политическом отношении во всех слоях общества незаметно. Катастрофа 17 октября (речь идет о железнодорожной катастрофе в Борках. — *Авт.*) на всех подействовала страшно. Все благословляли Бога за то, что Он сохранил нам Государя и Августейшую семью Его»⁴⁰. Однако в рапорте Оренбургского полицмейстера от 14 декабря 1916 г. уже говорилось о готовящихся забастовках, о распространении нелегальной литературы в Оренбурге и Челябинске, давалась совсем иная характеристика социально-политической ситуации: «Заметно какое-то ненормально повышенное настроение, обставленное таинственностью. Повсеместно среди рабочих ведется секретная агитация к общему сплочению»⁴¹.

Во время Первой мировой войны в проповедях и частных разговорах некоторые священники и церковнослужители епархии распространяли среди прихожан пораженческие настроения, высказывая мысль о том, что война — это «дело гиблое, т. к. в армии полный упадок духа, отсутствие всякой надежды на успех, что при штабе Верховного Главнокомандующего царит беспробудное пьянство»⁴². Были зафиксированы случаи непристойных высказываний духовных особ в адрес императора и его семьи, отказы служить молебны в дни именин членов царской фамилии⁴³. В данном отношении показательное дело по обвинению Арсения Светлова, священника поселка Метверцовского, «в произнесении дерзких и возмутительных слов против Государя Императора и всего Царствующего дома»: Арсений Светлов «говорил, что Государь Император, как и вся Императорская фамилия, поганцы; произносил эти слова, он плевал, называл себя, что он первый крамольник, и что они перебьют всю Императорскую фамилию и Государя, что их много, всех не перевешают»⁴⁴. Подобные

случаи дают возможность по-новому взглянуть на политический облик православного духовенства начала XX в., хотя и не свидетельствуют еще о широком антиправительственном движении в церковных кругах. Изученные архивные материалы Оренбургской консистории содержат свидетельства о приверженности многих священников к самодержавному режиму⁴⁵. Кроме того, в большинстве случаев высказывания против императора и его семьи, а также святотатства допускали духовные лица, никогда не отличавшиеся кротким поведением и благочестием — такие «пастыри» сильно вредили церкви в общественном мнении. К примеру, упомянутый уже священник А. Светлов, как было отмечено в ходе следствия, издавна и нередко «предавался нетрезвости, соединенной даже с буйством»⁴⁶.

О распространении атеизма и антиклерикализма в епархии, о том, что к делам приходской жизни стали иметь отношение неверующие люди, свидетельствуют докладные записки участников Всероссийского церковного поместного собора 1917–1918 гг. В одном из докладов отмечалось: «Новый строй обновленной церковно-приходской жизни с его выборным началом во многих местах уже использован сектантами и безбожниками в целях пропаганды и натиска на православие. Так, руководителем одного из приходских собраний в Оренбургской епархии был избран совершенно неверующий человек, изгнанный своим домохозяином из квартиры за то, что выбросил его иконы из нанятой квартиры в помойную яму»⁴⁷. В тех же докладах был приведен не менее красноречивый факт: «В церкви одного села Оренбургской губернии произошел возмутительный случай: три дезертира-солдата во время богослужения ворвались в храм и камнями выгнали из него молившихся православных, крича, что теперь нет никакого Бога. Ворвались в алтарь, сорвали со священника облачение, вытащили его на паперть и избили»⁴⁸. В документах Оренбургской духовной консистории обнаружены описания случаев агитации за большевистскую власть и осквернения святынь духовными служителями. Например, указывалось, что псаломщик Максим Козлов «во время пения при богослужении подпекает кощунственные слова и выражения вроде: “вниз по Волге”, “Кума пеша, куму легче” и т. п.»⁴⁹.

Большевистский переворот и установление диктатуры пролетариата ознаменовали собой новый этап в эволюции политических «воззрений» и практик духовенства Оренбургской епархии. Ряд священников, спасаясь от преследований, старались подчеркнуть свою лояльность к новым властям, были вынуждены ее подкреплять соответствующими акциями. Таким образом, в очередной раз представители духовенства оказались втянутыми в чуждую им политическую игру: часть «батюшек» шла в политику поневоле, но некоторые из них, как можно предположить, делали это из конъюнктурных или идейных соображений. В данной связи весьма интересны сведения, почерпнутые из «Переписки благочинных священников с Оренбургской духовной консисторией об отношении священнослужителей к советской власти» (1918). Из документов, в частности, узнаем, что священник «градо-Илецкой» (г. Соль-Илецк) Казанской церкви Василий Петров был обвинен в организации выступления в пользу большевиков⁵⁰. Священник станицы Никольской Г. Петропавлов «обратился к пастве с призывом не выступать против большевиков, говоря, что они не угрожают нашим церквам, что каждая власть от Бога и что ей нужно подчиняться»⁵¹. Причем свидетели показали, что эта проповедь раздавалась с амвона в тот момент, когда в соседних селах пылали и осквернялись храмы, избивались в станицах женщины и дети, расстреливались невинные люди⁵². В приверженности к большевистской власти был замечен диакон Верхне-Самарского прихода И. Введенский и многие другие священники⁵³. Так пускал свои корни на Южном Урале обновленческий раскол. Среди церковнослужителей (псаломщиков, алтарников) отмечены были дезертиры с фронта, «зараженные красной пропагандой». В одном из дел канцелярии Оренбургской духовной консистории говорилось, что «псаломщик крепостной церкви станицы Рассыпной солдат-фронтник Иван Хрычев, ярый большевик, еще с фронта призывал к неповиновению начальству»⁵⁴. Дошла до нас информация и о других подобных случаях⁵⁵.

Принимая во внимание тот факт, что на территории Оренбургской епархии в основном происходили те же процессы в общественной, политической и духовной жизни, что и в России в целом⁵⁶, местную политическую атмосферу (включая и такое явление, как «большевизация» части клира) следует признать весьма харак-

терной для нашей страны в начале прошлого века. Анализ этой атмосферы позволяет утверждать, что политический радикализм, чуждый православному пастырскому служению, в ряде случаев находил сторонников в церковной среде. Вовлеченность священно-церковнослужителей в антиправительственное движение начала XX в., по наблюдениям ряда историков, отмечалась в самых разных регионах⁵⁷, хотя это явление еще ждет своего системного изучения и оценки. Связанный с политизацией общественных масс и являясь производным от институционального кризиса РПЦ, политический радикализм способствовал расколу в церкви, делая ее беззащитной перед лицом большевистского государства.

Примечания

- ¹ *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX в. М., 1995. С. 16.
- ² Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова : в 4 т. Т. 2. М., 1993. С. 270.
- ³ ГАРФ. Ф. Р-4652. Оп. 1. Д. 1. Л. 137.
- ⁴ Там же. Л. 138.
- ⁵ Там же. Л. 140.
- ⁶ *Римский С. В.* Российская церковь в эпоху великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М., 1999. С. 31.
- ⁷ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4305. Л. 4а ; См. также синодское распоряжение о штатном духовенстве 1876 г., определявшее, при каких условиях можно было стать священником, о порядке вступления священников, сложивших сан, на государственную службу и т. д.: Оренбург. епарх. вед. 1876. № 22. С. 822–830.
- ⁸ См. материалы переписки К. П. Победоносцева с императором Александром III и крупнейшими политическими деятелями России рубежа столетий: К. П. Победоносцев и его корреспонденты: Воспоминания. Мемуары : в 2 т. Т. 2. Минск, 2003. С. 61, 631 и др.
- ⁹ Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова. С. 271.
- ¹⁰ ОГАЧО. Ф. И-73. Оп. 1. Д. 2. Л. 115, 195.
- ¹¹ См.: Слово по случаю успехов русского оружия в войне с турками // Оренбург. епарх. вед. 1878. № 3. С. 79–84 ; *Большаков П. В.* Вся пресса Южного Урала: 1838–2006. Челябинск, 2006. С. 186.
- ¹² О штрафах священников Челябинской Троицкой церкви за «непредоставление проповедей» по указу Его Императорского Величества в размере трех рублей за каждую проповедь см.: ОГАЧО. Ф. И-73. Оп. 1. Д. 2. Л. 96.
- ¹³ ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6318. Л. 5.
- ¹⁴ Современные религиозные и церковно-общественные вопросы в решении их выдающимися духовными и светскими православно-русскими писателями. Вып. 1. СПб., 1903. С. 148.
- ¹⁵ *Анфиногентова А. П.* Социальная активность Русской Православной Церкви : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1993. С. 18.
- ¹⁶ Путь моей жизни: воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994. С. 173–174.
- ¹⁷ Там же. С. 179.
- ¹⁸ См. указ Святейшего Синода об избрании членов Государственного Совета от православного духовенства Оренбургской епархии 1909 г.: ГАОО. Ф. 305. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–3 ; об избрании членов Государственного Совета в 1912 и 1915 гг.: Там же. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6389. Л. 8 ; Там же. Ф. 305. Оп. 1. Д. 9. Л. 1 ; о предстоящих выборах в 4-ю Государственную думу: Там же. Ф. 173. Оп. 4. Д. 6379. Л. 17–18, 70–74.
- ¹⁹ Церков. вед. 1905. № 52. С. 295 ; Там же. 1907. № 23 ; Там же. 1910. № 26.
- ²⁰ *Митрофанов Г., прот.* История Русской Православной Церкви. 1900–1927. СПб., 2002. С. 56.
- ²¹ *Анфиногентова А. П.* Указ. соч. С. 18.
- ²² См.: *Потехин С., свящ.* Задача духовенства перед предстоящими выборами в Государственную Думу // Миссионер. журн. 1905. № 14/15. С. 767–773 ; *Тихомиров Л. А.* Христианство и политика. Калуга, 1999.
- ²³ См.: Программы политических партий и организаций России конца XIX–XX вв. Ростов н/Д, 1992 ; Непролетарские партии России в трех революциях : сб. ст. М., 1989 ; В указанные партии входили и представители духовенства — Антоний Храповицкий, например, возглавлял Волыньское отделение «Союза Русского Народа»: *Митрофанов Г., прот.* Указ. соч. С. 57.
- ²⁴ ГАРФ. Ф. Р-4652. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.

²⁵ Андреева Л. А. Религия и власть в России: религиозные и квазирелигиозные доктрины как способ легитимизации политической власти. М., 2001 ; *Она же*. Российские традиции государственно-церковных отношений // Религия и право. 1998. № 3. С. 59.

²⁶ Римский С. В. Указ. соч. С. 196.

²⁷ Аскольдов С. А. Религиозный смысл русской революции // Вехи: из глубины / под ред. А. А. Яковлева. М., 1991. С. 231; см. также о враждебном отношении русской интеллигенции к церковным служителями, высшим духовным ценностям: Бердяев Н. А. Духи русской революции // Там же. С. 285 ; Розанов В. В. В темных религиозных лучах. М., 1994. С. 279.

²⁸ Андреева Ю. С. Деятельность православного духовенства по воспитанию трезвого образа жизни среди населения Оренбургской епархии во второй половине XIX — начале XX в. // Культура и искусство в памятниках и исследованиях : сб. науч. тр. Вып. 4. Челябинск, 2006. С. 66–73 ; Андреева Ю. С., Андреев А. Н. Церковная благотворительность Оренбургской епархии в комплексе мер по духовному воспитанию паствы во второй половине XIX — начале XX в. // Культура и искусство в памятниках и исследованиях : сб. науч. тр. Вып. 5. Челябинск, 2007. С. 38–61.

²⁹ Аифиногентова А. П. Указ. соч. С. 8.

³⁰ Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX в. М., 1995. С. 30.

³¹ Там же. С. 31.

³² Сосуд избранный: история российских духовных школ в ранее не публиковавшихся трудах, письмах деятелей Русской Православной Церкви, а также секретных документах руководителей советского государства. 1888–1932. СПб., 1994. С. 154.

³³ Поспеловский Д. В. Православная церковь в истории Руси, России и СССР. М., 1996. С. 225–226.

³⁴ Гредескул Н. А. Перелом русской интеллигенции и его действительный смысл // Вехи: Pro et contra : антология. СПб., 1998. С. 603; о народном монархизме в Оренбурге см.: Оренбург. листок. 1891. № 19. Л. 40 об.; Оренбург. епарх. вед. 1881. № 8. С. 301–307.

³⁵ См. о наказаниях за непочтительность к царской фамилии, об исключении из учебных заведений за политическую неблагонадежность: ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10867Б. Л. 2, 62; Ф. 173. Оп. 3. Д. 4305. Л. 14 ; Ф. 174. Оп. 1. Д. 115. Л. 1, 21; Указ Синода о наказаниях за составление противозаконных сообществ и участие в оных // Оренбург. епарх. вед. 1874. № 22. С. 826–832.

³⁶ Поспеловский Д. В. Православная церковь в истории Руси, России и СССР. С. 214.

³⁷ См. дело об исключении из Троицкой гимназии детей священников С. Попова и П. Левашева за политическую неблагонадежность: ГАОО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 115. Л. 21.

³⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 59. Ч. 3. Л. 5.

³⁹ Там же. Л. 5.

⁴⁰ Там же. Оп. 87. Д. 43. Ч. 44. Л. 2.

⁴¹ ГАОО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 461. Л. 7, 12.

⁴² Там же. Ф. 173. Оп. 4. Д. 7788. Л. 1.

⁴³ Там же. Л. 13; Оп. 3. Д. 4588. Л. 21.

⁴⁴ Там же. Оп. 3. Д. 4446. Л. 2.

⁴⁵ См.: Андреева Ю. С. Деятельность Русской православной церкви по духовному воспитанию населения Оренбургской епархии во второй половине XIX — начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2006. С. 34–71.

⁴⁶ ГАОО. Ф. 173. Оп. 3. Д. 4446. Л. 92.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. Р-3431. Оп. 1. Д. 340. Л. 32.

⁴⁸ Там же. Л. 35. См. также: Там же. Д. 339.

⁴⁹ ГАОО. Ф. 305. Оп. 1. Д. 36. Л. 1, 3–6, 23 ; см. также сходные дела: Там же. Ф. 173. Оп. 10. Д. 146. Л. 62.

⁵⁰ Там же. Ф. 173. Оп. 10. Д. 146. Л. 4.

⁵¹ Там же. Л. 10.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. Л. 62.

⁵⁴ Там же. Л. 65.

⁵⁵ Там же. Ф. 305. Оп. 1. Д. 36. Л. 1, 3–6, 23; Ф. 173. Оп. 10. Д. 146. Л. 57–58.

⁵⁶ Лисюнин В. Ф. Участие тамбовского православного духовенства в общественно-политической жизни в конце XIX — начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2006. С. 16–20.

⁵⁷ Иконников С. А. Приходское духовенство Воронежской епархии второй половины XIX — начала XX века. Социокультурная характеристика : дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2015. С. 255–276.

ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ КАМЕРЫ НА УРАЛЕ В 1917–1918 ГОДАХ

Революционные события, начавшиеся в России в 1917 г., до сих пор остаются не изученными в полном объеме. Казалось бы, советские историки посвятили много-томные и многочисленные научные труды указанному периоду, но эти работы были зависимы от идеологического давления власти, а точнее, ориентировались на него. Первые постсоветские работы страдали другой проблемой — многие исследователи стремились развенчать имевшиеся в историографии мифы, а не изучать опущенные советской историографией проблемы. Одной из таких тем, обделенных вниманием историков, является опыт социального партнерства при решении трудовых споров в революционные годы. В массовом сознании, сформированном еще советской идеологией, идея социального партнерства в период революции кажется немыслимой, однако факты свидетельствуют об обратном. В России в 1917–1918 гг. была довольно популярна идея примирительных учреждений, которые должны были демократическим и гражданским способом разрешить противоречия между работниками и предпринимателями в трудовой сфере.

В нашей стране примирительные камеры для решения производственных конфликтов впервые были созданы в 1917 г. Хотя первоначально идея организации примирительных организаций для решения заводских конфликтов зародилась за рубежом, где стала важной составляющей государственной политики. В Англии закон о примирительном разбирательстве был принят в 1896 г., во Франции — в 1892 г., в Германии вышло два закона — в 1890 и 1901 гг.¹ Возможно, в результате этого Запад избежал столь острых революционных потрясений и кровавых гражданских войн, как в России. В нашей стране положения о создании примирительных учреждений были включены в программные документы политических партий в период первой русской революции 1905–1907 гг.: конституционно-демократической, прогрессивно-экономической и др. В программе РСДРП указывалось об «учреждении во всех отраслях народного хозяйства промысловых судов, составленных поровну из представителей от рабочих и предпринимателей»², впоследствии меньшевики выступили за создание собственно примирительных учреждений.

Начавшаяся в феврале 1917 г. буржуазно-демократическая революция вскрыла наболевшие проблемы уральской промышленности: низкая заработная плата рабочих, тяжелые условия труда, злоупотребления заводской администрации и т. п. Быстро и относительно успешно удалось решить проблему сокращения рабочего дня с сохранением прежнего заработка. Весной 1917 г. под давлением рабочих владельцы большинства уральских предприятий вынуждены были согласиться с восьмичасовым рабочим днем. Гораздо труднее решались другие проблемы. В результате весной 1917 г. по уральским заводам прокатилась волна острых производственных конфликтов. По данным Бюро совещания горнопромышленников Урала, под давлением рабочих весной 1917 г. было уволено 144 представителя заводской администрации, в том числе 14 управляющих заводами, 19 заведующих цехами, 8 лесничих и множество представителей инженерно-технического состава. Стихийные, неорганизованные выступления рабочих крайне отрицательно сказывались на состоянии уральского производства. Необходимость создания системы примирительных учреждений

на Урале подчеркивалась на совещании представителей общественных организаций и администрации 35 заводов Урала, созванном комиссарами Временного правительства А. А. Бубликовым и И. В. Титовым 29 марта 1917 г. в Екатеринбурге. Основными вопросами были: сохранение производства на должном уровне и даже увеличение производства металлов, разработка методов мирного решения производственных конфликтов³.

Мешала распространению примирительных учреждений в стране медлительность Временного правительства. В постановлении от 23 апреля 1917 г. о рабочих комитетах в промышленных заведениях, узаконившем существование фабрично-заводских комитетов, в статьях 6, 8 и 16 говорится о примирительных учреждениях и процедурах, однако до 5 августа 1917 г. не существовало законодательной основы формирования и деятельности примирительных камер⁴. На местах приходилось самостоятельно разрабатывать структуру и определять их компетенцию, важнейшими из которых были примирительные камеры и третейские суды, отчасти институт цеховых старост. Началось формирование новых социальных организаций на основе следующих принципов: примирительная камера — это согласительная комиссия, состоявшая из равного числа представителей от рабочих и предпринимателей, создаваемая для решения производственных конфликтов; третейский суд — вторая инстанция при разрешении трудовых споров, не решенных примирительными камерами. Суд состоял из нечетного числа членов. Председателем третейского суда, как правило, избирали нейтральное лицо и наделяли его правом решающего голоса.

Одними из первых на Урале к пониманию необходимости скорейшей организации примирительных камер для предупреждения и решения производственных конфликтов пришли инженеры, так как именно эта социальная группа сильно страдала от стихийных выступлений рабочих. В середине марта 1917 г. в Екатеринбурге было организовано временное исполнительное бюро Союза инженеров и техников Урала, которое сразу же приступило к выработке мер для предотвращения конфликтов между инженерами и «бурлящей» рабочей массой. Бюро рекомендовало для стабилизации положения на заводах войти в контакт с рабочими коллективами через советы рабочих депутатов и организовать примирительные камеры для решения конфликтов⁵.

Также огромную работу в деле организации примирительных учреждений для мирного решения производственных конфликтов проделали созданные в ходе революции общественные организации: советы рабочих депутатов, комитеты общественной безопасности, профессиональные союзы.

На практике примирительные учреждения в первую очередь возникли на оборонных заводах. Администрация казенных горных округов была крайне заинтересована в мирном решении трудовых конфликтов во избежание срыва оборонного заказа в условиях мировой войны. Например, в Златоустовском горном округе примирительная камера была создана 28 марта 1917 г. В ее состав от Союза инженеров и техников были делегированы инженер С. М. Печатальщикова и мастера А. А. Осипович и Алашев⁶, от Златоустовского Совета рабочих и солдатских депутатов — А. И. Пятыгин, З. Ф. Пудовкин и Ф. В. Коростелев. Примирительная камера сразу же приступила к решению спорных вопросов заводской жизни⁷. Примирительные учреждения были созданы и на других заводах горного округа: Миасском, Саткинском, Кусинском. На казенных Пермских пушечных заводах решение о создании примирительных учреждений было принято 14 марта 1917 г. на соединенном заседании исполнительного комитета Мотовилихинского Совета рабочих и солдатских депутатов, комитетов инженеров и комитета служащих. Примирительные учреждения были созданы также в казенном Гороблагодатском горном округе и т. д.

На государственных (казенных) предприятиях Урала была разработана единая схема решения трудовых споров. В ее основу был положен институт цеховых старост. Любой конфликт первоначально должен был решать цеховой старост. Если ему это не удавалось, созывался совет цеховых старост предприятия, который вступал в переговоры с администрацией предприятия. В тех случаях, когда вопрос не решался и здесь, дело передавалось в примирительную камеру (согласительную комиссию), которая формировалась на паритетных началах из представителей от Совета

рабочих депутатов и Союза инженеров и техников. На Пермских пушечных заводах при конфликте служащих и администрации согласительная комиссия формировалась из представителей комитетов служащих и инженеров. При больших разногласиях между членами согласительной комиссии в ее состав по взаимному соглашению сторон могли пригласить нейтральное лицо, что превращало согласительную комиссию в третейский суд. Высшими апелляционными инстанциями объявлялись две организации — Уральский Совет рабочих и солдатских депутатов и Министерство торговли и промышленности. Данную схему решения трудовых споров критиковали уфимские меньшевики, отмечавшие, что она слишком сложная, указывали на тот факт, что в реальной жизненной практике рабочие нередко напрямую обращались в примирительную камеру, минуя институт цеховых старост. Меньшевики Уфы также призывали сделать из примирительной камеры высшую инстанцию для решения трудовых конфликтов в губернии, ограничив компетенцию Советов рабочих и солдатских депутатов⁸.

В Богословском горном округе примириательные камеры начали создавать в апреле 1917 г. по договоренности между Советами рабочих депутатов и администрацией горного округа. На Богословском заводе из состава Совета в примирительную камеру были делегированы: А. В. Тюфтяев, Н. Т. Грехов, А. Н. Левин, П. Г. Коноплев и их заместители Дементьев и Барыкин. Основными принципами работы примирительных камер в горном округе были признаны: равенство сторон; обязательность решений для обеих сторон конфликта; председатель камеры — нейтральное лицо. В случаях, когда соглашение между сторонами не могло быть достигнуто, предполагалось, что вопрос будет передан в областную примирительную камеру, открытие которой ожидалось в скором времени⁹.

В Нижне-Тагильском горном округе примириательные камеры для решения трудовых споров создавались при отдельных заводах и состояли из трех представителей от рабочих и трех — от администрации. Следующей инстанцией была окружная примириательная камера, состоявшая из трех представителей от окружного Совета рабочих и солдатских депутатов и трех представителей администрации горного округа. В случаях, когда спор не решался и здесь, он должен был передаваться в областную примирительную камеру¹⁰.

В Невьянском горном округе при поддержке комитета общественной безопасности в середине марта 1917 г. было решено создать примириательные камеры при Невьянском заводе, цементном и асбестовом рудниках, Староборском, Выньговском и Николаевском приисках¹¹.

В Уфе примириательная камера была организована при участии трех общественных организаций: Совета рабочих и солдатских депутатов, Союза торговли и промышленности и комитета общественных организаций. От Совета в состав камеры были избраны Н. П. Брюханов, М. И. Родионов и Ф. Я. Першин¹², от Союза торговли и промышленности — Н. В. Коншин, С. И. Тряпицын, Н. В. Иванов. При этом примириательная камера была подведомственна комитету общественных организаций Уфы как нейтральной силе, председателем камеры был избран представитель от данной общественной организации присяжный поверенный А. А. Кийков¹³.

Положение «О примириательной камере в городе Уфе», утвержденное на первом общем собрании членов камеры 13 апреля 1917 г., было разработано на основе Устава Петроградской центральной примириательной камеры от 31 марта 1917 г.¹⁴ Фактически, камера представляла собой третейский суд, так как число ее членов было нечетным, а председатель был обязательно лицом нейтральным и обладал правом решающего голоса. Решения камеры были обязательны для исполнения обеими спорящими сторонами. В Петрограде центральная примириательная камера также была третейским судом, апелляционной инстанцией для решений местных примирительных камер. Показательно, что в Уфе центральная примириательная камера была создана раньше, чем возникли примириательные учреждения на отдельных предприятиях. То есть в городе институт примирительных учреждений формировался сверху — по решению лидеров общественной жизни, что свидетельствует о более слабой самоорганизации местных трудящихся. Для устранения недостатка разработчики устава включили в структуру примириательной камеры Уфы специальные комитеты, формировавшиеся

из членов камеры и занимавшиеся первичным рассмотрением и решением отдельных трудовых споров на конкретных предприятиях. Примирительный комитет состоял из четырех человек и не позднее 24 часов после поступления жалобы должен был попытаться на месте примирить спорившие стороны, предложив компромиссное решение. В случаях, когда этого достичь не удавалось, материалы передавались на рассмотрение общего собрания примирительной камеры, где выносилось окончательное решение. Денежные средства на содержание камеры выделялись Советом рабочих и солдатских депутатов, а также Союзом торговли и промышленности Уфы¹⁵.

Новая организация оказалась крайне востребованной в обществе. Число обращений в Уфимскую примирительную камеру было велико. Началось создание камер на отдельных предприятиях. Через месяц после открытия Уфимской примирительной камеры на ее общем собрании был утвержден Устав местных примирительных камер. Данный документ был точной копией соответствующего петроградского устава, принятого 22 апреля 1917 г. Петроградской центральной примирительной камерой¹⁶. Примирительные учреждения на отдельных предприятиях имели четное число членов, что при условии паритетного представительства сторон могло привести к равному распределению голосов. В таком случае вопрос передавался на рассмотрение центральной примирительной камерой Уфы¹⁷.

Примирительные учреждения рассматривали различные виды трудовых споров. По субъективному составу спорящих сторон они решали как индивидуальные, так и коллективные трудовые споры. По предмету разногласий в 1917–1918 гг. на Урале экономические трудовые споры явно преобладали над юридическими, что было естественным в условиях экономического кризиса и отсутствия необходимой нормативно-правовой базы в сфере трудового законодательства, которое при царском режиме не получило необходимого развития. Даже практика заключения коллективных договоров начала распространяться лишь с весны 1917 г., и данный процесс находился еще в зачаточном состоянии.

Индивидуальные трудовые конфликты улаживались примирительными учреждениями относительно быстро. В Уфе подобные споры практически всегда решались на уровне примирительных комитетов. Например, был улажен конфликт между рабочим склада товарищества «Нобель» А. Т. Зязевым и администрацией, угрожавшей уволить его за перепалку с заведующим¹⁸. В горнозаводской промышленности индивидуальные трудовые споры решались преимущественно на уровне цеховых старост.

Гораздо сложнее решались коллективные трудовые конфликты. Одной из наиболее острых в 1917 г. была проблема насильственного отстранения рабочими от службы представителей инженерно-технического состава и администрации предприятий. Такие действия рабочих не вписывались в стандарты правового решения проблемы, но в сознании рабочих воспринимались как справедливые и традиционные методы борьбы со злоупотреблениями мастеров, инженеров и администрации. Перед примирительными учреждениями возникла сложная задача — направить данный процесс в законное русло, предотвратив проявления самоуправства с обеих сторон. Например, в июле 1917 г. общее собрание примирительной камеры уфимских железнодорожников отстранило от службы без права занимать административные должности на железной дороге начальника станции Черниковка Гедеонова. Последний был признан виновным в злоупотреблении полномочиями, в грубом обращении с рабочими и служащими, доходившем до рукоприкладства¹⁹. С другой стороны, примирительные учреждения пресекали провокационные требования со стороны рабочих коллективов. Кушинская примирительная камера под председательством А. Г. Пургина, рассмотрев 14 июня 1917 г. жалобу рабочих на некомпетентность и грубое обращение заведующего доменным цехом металлургического завода Е. Н. Арсентьева, отвергла незаслуженные обвинения. Камера выяснила, что несколько рабочих сами спровоцировали конфликт, грубо оскорбив заведующего цехом²⁰. 9 июня 1917 г. Уфимская центральная примирительная камера отвергла все обвинения, предъявленные членом городского Совета фабрично-заводских комитетов чертежником Ф. Ф. Мориним управляющему городской электрической станции А. А. Гаврилову как незаслуженные и «раздутые» стараниями Морина, испытывавшего к Гаврилову личную неприязнь²¹.

Попытка Морина организовать забастовку, не подчинившись решению камеры, была пресечена Уфимским Советом рабочих и солдатских депутатов²².

Одним из важнейших летом 1917 г. было требование трудовых коллективов повысить заработную плату, рост которой резко отставал от повышения цен. Например, в Уфимской губернии за годы войны и первые месяцы революции цена за пуд пшеничной муки выросла с 75–80 копеек в мае 1914 г. до 4 рублей 50 копеек в мае 1917 г., на картофель — с 10 копеек до 3 рублей 50 копеек, на мясо — с 4–5 рублей до 40–50 рублей и т. д.²³ В итоге, по оценке историка П. В. Волобуева, за весь период с начала войны до первой четверти 1917 г. реальная заработная плата некоторых категорий рабочих Урала стала почти в два раза меньше довоенной²⁴. Сокращались и доходы промышленников, так как рост государственных закупочных цен на предметы обороны и металлы отставал от роста инфляции. Мирное решение данной проблемы стало одной из важнейших задач примирительных учреждений на Урале.

В Таналыко-Баймакском горном округе примирительная камера была организована в июне 1917 г. Председателем ее стал инженер С. А. Польковский. 13 июля 1917 г. камера рассмотрела жалобу учеников механического цеха на то, что заведующий не переводит их в мастерские (это означало бы повышение заработной платы на 40 %). Камера постановила привлечь к решению проблемы цеховых старост, которые должны были вместе с заведующим цехом определить, кто из учеников достоин перевода в разряд мастеровых²⁵.

В Кыштымском горном округе в июне рабочие и служащие потребовали увеличения заработной платы на 85–90 %, что было сложно сделать при существующих государственных закупочных ценах на медь. Бюро совещания горнопромышленников рекомендовало решить вопрос через примирительные камеры, которые предлагало создавать ускоренными темпами²⁶. К этому времени примирительные камеры действовали в ряде частных горных округов Урала: Невьянском, Богословском, Нижне-Тагильском, Верх-Исетском, где в свою очередь возникли серьезные конфликты по вопросам заработной платы. Однако на местах достичь взаимных уступок не удавалось, и стороны желали передать вопрос на рассмотрение вышестоящего примирительного учреждения. Областной Совет рабочих и солдатских депутатов также настаивал на скорейшей организации Уральской областной примирительной камеры. Проблема создания примирительных камер горячо обсуждалась в июне 1917 г. на совещании Совета горнопромышленников Урала в Екатеринбурге²⁷. Под руководством заведующего юридическим отделом совещания К. Ф. Копачелли и при участии представителей областного Совета был разработан весьма удачный «Проект положения о временных примирительных учреждениях на Урале». Предлагалось создать трехступенчатую структуру подобных учреждений. На отдельных заводах предполагалось организовывать местные примирительные камеры из рабочих и представителей администрации предприятий в количестве трех членов с каждой стороны и по столько же кандидатов к ним. Согласно положению, районные примирительные камеры создавались для всего горного округа и являлись апелляционной инстанцией для местных камер. Если вопрос не решался в районной камере, он передавался на рассмотрение в областную, состоящую из шести представителей от рабочих организаций и шести представителей от Бюро горнопромышленников Урала. Решение камеры считалось достигнутым при большинстве голосов. При равенстве голосов вопрос передавался в вышестоящую инстанцию либо для данного конкретного дела организовывался третейский суд на районном или областном уровнях. Решения третейских судов дальнейшему обжалованию не подлежали. Как примирительные камеры, так и третейские суды наделялись правом приглашения свидетелей, компетентных лиц, могли образовывать специальные комиссии для дополнительного расследования обстоятельств дела²⁸. Принятию проекта и открытию Уральской областной примирительной камеры, как это ни странно, помешали известия о скором издании Временным правительством закона о примирительных учреждениях. Председатель совещания Н. Н. Кутлер в телеграмме от 12 июля 1917 г. рекомендовал воздержаться от принятия положения и организации областной камеры до издания закона. После долгих прений Бюро горнопромышленников Урала предложило отложить организацию камеры до 11 августа 1917 г., ожидая издания соответствующего закона.

Под давлением областного Совета рабочих и солдатских депутатов было решено открыть камеру не позднее 4 августа²⁹.

Временное правительство приняло «Положение о примирительных учреждениях» лишь 5 августа 1917 г. Согласно этому положению задача организации примирительных камер и прием заявлений в них возлагались на местных комиссаров труда. Устанавливалась иерархия примирительных учреждений при смешении территориального и профессионального принципов. Камеры предлагалось создавать, с одной стороны, на отдельных предприятиях и в районах, с другой стороны — по профессиональному принципу, где оговаривалась возможность создания специальных камер для разбора конфликтов между служащими и администрацией предприятий и между служащими и рабочими³⁰. Такая запутанная схема лишь усложняла работу примирительных учреждений, создавая излишнее их дробление. Большие сомнения вызывают и возможности местных комиссаров Временного правительства, которые и без этого не справлялись со всеми возложенными на них задачами.

Медлительность Временного правительства крайне отрицательно сказалась на утверждении в социальной практике примирительных процедур для решения производственных конфликтов. Вызванная этим задержка в решении вопроса о повышении заработной платы на Урале толкала рабочих на более жесткие методы борьбы, так как цены на промышленную и сельскохозяйственную продукцию продолжали расти. В сложившихся условиях рабочие стали более восприимчивы к пропаганде большевиков и к их радикальным методам. Как следствие, в советах рабочих и солдатских депутатов усилились позиции РСДРП(б). Последние были против создания примирительных камер, так как вместо социального партнерства они выступали за жесткую классовую борьбу и за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. В результате не удалось завершить создание стройной системы примирительных учреждений в Кыштымском, Симском, Сергинско-Уфалейском и ряде других горных округов, где в советах были сильны позиции большевиков. В Симском горном округе к осени 1917 г. примирительная камера действовала лишь на Аша-Балашовском заводе. Не удалось создать систему примирительных учреждений в Сергинско-уфалейском горном округе³¹. В Кыштымском горном округе примирительная камера действовала лишь на Нязепетровском заводе в июле 1917 г.³² В итоге вышеперечисленные горные округа были в числе первых на Урале по числу и остроте производственных конфликтов.

В Челябинске из-за противодействия большевиков из состава Совета рабочих и солдатских депутатов долгое время не удавалось создать центральную примирительную камеру. Инициатором ее организации выступил созданный летом 1917 г. Совет профессиональных союзов (СПС) Челябинского района. Центральное бюро СПС обратилось в Челябинский Совет рабочих и солдатских депутатов с просьбой передать все дела, находившиеся в конфликтной комиссии, в примирительную камеру, создававшуюся при нем. Однако челябинские большевики не хотели передавать дела, и сроки организации камеры затянулись³³. Все же рабочие охотно шли на создание примирительных учреждений. Были созданы местные примирительные камеры при ряде предприятий города, в частности на заводе «Столь и К^о», мельницах Архипова, мукомольного товарищества, Петроградского акционерного общества и др.³⁴ Организация примирительных камер при отраслевых профессиональных союзах и их объединениях началась с лета 1917 г., по примеру Петрограда³⁵.

Серьезный удар по становлению социального партнерства и существованию примирительных камер нанес Октябрьский переворот 1917 г. Осенью 1917 г. приостановилась деятельность центральной примирительной камеры Уфы. В Совете рабочих и солдатских депутатов большинство мест заняли большевики. 24 ноября 1917 г. общее собрание уфимского Совета рабочих и солдатских депутатов обсуждало судьбу примирительных камер. Большевик М. А. Плотников прервал обсуждение, заявив, что он очень удивлен тем, что «в переживаемое время борьбы рабочих и капитала, рабочая секция занялась диспутом о примирительной камере», а Б. М. Эльцин заявил, что рабочим нужны не примирительные камеры, а «рабочий контроль над производством, который делает рабочих участниками ведения производства, подготавливает переход предприятий в руки рабочих»³⁶.

Из-за отрицания новой властью принципов социального партнерства ситуация все более накалялась. Например, вопрос о повышении заработной платы на заводе «Столь и К^о» 24 октября 1917 г. рабочие и администрация договорились передать на рассмотрение областной примирительной камеры³⁷. Однако после Октябрьского переворота деятельность камеры была остановлена, а рабочие завода, потеряв надежду на мирное решение конфликта, вынуждены были объявить с 18 ноября 1917 г. «итальянскую забастовку»³⁸.

После прихода к власти большевиков примирительные камеры продолжили свою деятельность — прежде всего там, где в советах сохранилось влияние меньшевиков и эсеров. На Саткинском металлургическом заводе 9 ноября 1917 г. примирительная камера под председательством Н. В. Ерофеева рассмотрела нестандартный для этого времени случай: рабочие строительного цеха потребовали восстановить на работе мастера цеха Воронина, который, по их мнению, был уволен несправедливо³⁹. Однако и здесь ситуация начала меняться: в Кусе, например, 15 декабря 1917 г. прежняя примирительная камера была распущена и организована новая, но уже при профсоюзе рабочих металлистов⁴⁰. В середине марта 1917 г. эсеровский Златоустовский совет был разогнан большевистскими отрядами. После этого деятельность примирительных камер в округе прекратилась. Они заменялись конфликтными комиссиями профсоюзов, которые решали преимущественно споры между самими рабочими. Представители администрации и владельцы предприятий могли участвовать в их деятельности прежде всего как обвиняемые.

После полосы «красногвардейской атаки на капитал» деятельность примирительных камер частично возродилась на еще не национализированных предприятиях. В оставшемся частным Катав-Ивановском горном округе сложилась сложная ситуация. Князь К. Э. Белосельский-Белозерский продал округ обществу Белорецких заводов Пашкова, но советская власть несколько месяцев проверяла законность сделки. При этом новые хозяева прекратили перевод денег и поставку материалов в округ до окончательного решения вопроса о собственности⁴¹. Эта ситуация угрожала серьезными столкновениями между администрацией округа и рабочими, оставшимися без зарплаты. Для предотвращения конфликтов в горном округе были организованы примирительные камеры. При Юрюзанском заводе камера была создана в начале 1918 г. и состояла из шести человек: от рабочих в нее вошли П. В. Варганов, Г. А. Дураков, К. С. Набатов, от администрации — П. В. Абаймов, И. П. Быков и А. И. Шильников. Камера занималась в основном решением конфликтов между рабочими и администрацией. При этом фабрично-заводской комитет, почувствовав власть, мог самочинно отменить решение примирительной камеры. Например, за использование казенных лошадей мастером Ф. П. Мокшанцевым для помощи в перевозке сена семье инженера И. С. Вавилова камера ограничилась выговором. Фабрично-заводской комитет же настоял на увольнении Мокшанцева. Большевики взамен социального партнерства во главу угла стремились поставить идею классовой борьбы⁴².

В Уфе через специально созданную примирительную камеру новая власть попыталась справиться с забастовкой уфимских государственных служащих, выступавших с протестом против захвата власти в стране большевиками. Однако большевики использовали камеру не для того, чтобы прийти к компромиссу, а чтобы выиграть время и переманить на свою сторону часть служащих⁴³. Это позволило 12 января 1918 г. арестовать членов стачечного комитета служащих, а остальным служащим предъявить ультиматум с угрозой увольнения, если они не выйдут на работу до 16 января 1918 г.⁴⁴

С января 1917 г. в Челябинске после передачи дел конфликтной комиссии Совета рабочих и солдатских депутатов наконец-то начала работу примирительная камера при СПС, на общем собрании СПС был утвержден ее устав. Первым председателем камеры стал В. И. Иванов. При этом было решено, что в примирительную камеру будут передаваться лишь наиболее спорные дела, которые не могут быть решены на местах⁴⁵. В январе 1917 г. в примирительной камере обсуждалось заявление профсоюза рабочих и служащих мукомольных мельниц Челябинского района о неуплате владельцем мельницы Толстых доплаты рабочим, установленной конференцией мельничных рабочих осенью 1917 г.⁴⁶ В конце февраля в примирительную камеру

обратился фабрично-заводской комитет завода «Столь и К^о» с просьбой рассмотреть вопрос об оплате рабочим за 17 дней забастовки, которая была вызвана отказом администрации повысить заработную плату. В марте 1918 г. камерой было вынесено решение о том, что управляющий завода В. И. Егоров должен изыскать средства на оплату дней забастовки⁴⁷.

После национализации всей крупной промышленности во исполнение декрета от 28 июня 1918 г. большого смысла в примирительных камерах в Советской России уже не было. Начавшаяся Гражданская война нанесла сокрушительный удар по идее социального партнерства. Однако деятельность примирительных учреждений имела значение для предотвращения краха системы производства в годы революции. Примирительные учреждения остановили рост деструктивных, инициированных трудовыми коллективами увольнений инженерно-технических специалистов, разрешили массу других трудовых конфликтов, угрожавших стабильной работе промышленных предприятий. Участвуя в их деятельности, рабочие стали осознавать, что успешная работа предприятий во многом зависит и от них. Усилилось взаимное доверие между рабочими и представителями администрации, инженерами, техниками и служащими. После национализации промышленности рабочие избирали опытных специалистов в деловые советы — органы рабочего управления национализированными заводами и горными округами, что повышало эффективность работы последних. Опыт создания и деятельности примирительных учреждений широко использовался в годы Гражданской войны правительствами демократической контрреволюции. Большевики же в ограниченном масштабе возродили примирительные камеры в годы нэпа.

В целом примирительные учреждения являлись органами внесудебного решения трудовых конфликтов в условиях острого экономического и политического кризиса, они позволяли смягчать остроту социальных конфликтов, их деятельность была направлена на стабилизацию и формирование согласительных механизмов социальной системы. Этот опыт представляется востребованным и в современном мире.

Примечания

¹ *Войтинский И.* Примирительные камеры на Западе. М., 1917. С. 14, 16, 20.

² Полный сборник платформ всех русских политических партий. С приложением высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. и всеподданнейшего доклада графа Витте. М., 2001. С. 14, 46, 62, 83.

³ Заурал. край. 1917. 9 апр.

⁴ Архив новейшей истории России. Сер. Публикации. Т. 7. Журналы заседаний Временного правительства: март — октябрь 1917 года : в 4 т. Т. 1. Март — апрель 1917 года / сост. Е. Д. Гринько. М. : Рос. полит. энцикл., 2004. С. 338–340.

⁵ Зауральский край: политическая, общественная, литературная и экономическая газета. 1917. 22 марта. № 65.

⁶ Изв. Златоуст. Совета рабочих и солдат. депутатов. 1917. 30 марта.

⁷ Там же. 1917. 18 апр.

⁸ Рабочий класс Урала в годы войны и революций в документах и материалах. Т. 2. 1917 г. (февраль — октябрь) / под ред. А. П. Танеева. Свердловск, 1927. С. 64, 114–115 ; Вперед. 1917. 13 апр.

⁹ Рабочий класс Урала в годы войны... С. 116.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 113–114.

¹² Вперед. 1917. 9 апр.

¹³ ЦГИА РБ. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 31. Л. 8.

¹⁴ *Войтинский И.* Примирительные камеры в России. М., 1917. С. 6–7.

¹⁵ Вперед. 1917. 20 апр.

¹⁶ *Войтинский И.* Примирительные камеры в России. С. 8.

¹⁷ Вперед. 1917. 4 мая.

¹⁸ ЦГИА РБ. Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 31. Л. 43.

¹⁹ Вперед. 1917. 16 июля.

²⁰ Архивный отдел администрации г. Златоуста. Ф. И-66. Оп. 1. Д. 1599. Л. 30.

²¹ Вперед. 1917. 11 июня.

²² Там же. 1917. 15 июня.

²³ Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Башкирии (февраль 1917 г. — июнь 1918 г.) : сб. док. и материалов / под ред. З. А. Аминова. Уфа, 1957. С. 107.

²⁴ *Волобуев П. В.* Пролетариат и буржуазия России в 1917 году. М. : Мысль, 1964. С. 90.

²⁵ ЦГИА РБ. Ф. И-163. Оп. 1. Д. 20. Л. 303.

²⁶ Заурал. край. 1917. 14 июня.

²⁷ ЗГАО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 2834. Л. 235.

²⁸ Рабочий класс Урала в годы войны и революций в документах и материалах... С. 117–119.

²⁹ Вперед. 1917. 9 авг.

³⁰ Архив новейшей истории России. Сер. Публикации. Т. 9: Журналы заседаний Временного правительства: март — октябрь 1917 года : в 4 т. Т. 3. Июль — август 1917 года / сост. Е. Д. Гринько. М. : Рос. полит. энцикл., 2004. С. 237–239.

³¹ ГАСО. Ф. Р-266. Оп. 1. Д. 10. Л. 5 об., 110.

³² ОГАЧО. Ф. Р-1246. Оп. 1. Д. 1. Л. 84.

³³ Там же. Ф. Р-991. Оп. 1. Д. 8. Л. 2.

³⁴ Там же. Д. 11. Л. 23–27.

³⁵ *Ходяков М. В.* Социальное партнерство в 1917 году (опыт примириательных камер Петрограда) // Февральская революция в России и современность (к 80-летию юбилею Второй российской революции) : сб. материалов межвуз. науч. конф. СПб., 1997. С. 40.

³⁶ Вперед. 1917. 26 нояб.

³⁷ ОГАЧО. Ф. Р-991. Оп. 1. Д. 11. Л. 48.

³⁸ Там же. Л. 49.

³⁹ Там же. Ф. Р-235. Оп. 1. Д. 2. Л. 508.

⁴⁰ Архивный отдел администрации г. Златоуста. Ф. И-66. Оп. 1. Д. 1594. Л. 89.

⁴¹ ЦГИА РБ. Ф. И-162. Оп. 2. Д. 172. Л. 21–22.

⁴² Архивный отдел администрации г. Златоуста. Ф. Р-201. Оп. 1. Д. 5. Л. 10, 16.

⁴³ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 2. Д. 40. Л. 4–5.

⁴⁴ *Гужвенко Г. И.* Башкирия в борьбе за Октябрь : крат. ист. очерк. Уфа : Башгосиздат, 1941. С. 36.

⁴⁵ ОГАЧО. Ф. Р-991. Оп. 1. Д. 35. Л. 194, 157.

⁴⁶ Там же. Л. 167.

⁴⁷ Там же. Л. 124.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ ЮЖНОГО УРАЛА В 1917 — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920 ГОДА

Уральские горные округа, определявшие экономическое «лицо» региона, представляли собой единые хозяйственные комплексы с законченным производственным циклом, собственной топливно-сырьевой базой и инфраструктурой, земельными угодьями, лесами, рудниками и заводами, составлявшими его неотъемлемые части¹. Окружная система, основанная на принципе неразделимости земли и заводов, использовании дешевой рабочей силы и постоянных источников сырья, при поддержке царского правительства сохраняла конкурентоспособность продукции на всероссийском рынке до конца XIX в.

До 1917 г. на Урале существовало 56 горных округов: 5 казенных, 45 частных и 6 посессионных. Из них на Южном Урале: в Уфимской губернии — 1 казенный и 11 частных, в Оренбургской губернии — 8 частных горных округов².

В начале XX в. произошли крупные изменения в структуре и финансово-экономической организации горнозаводских хозяйств. Заводовладельцы-аристократы, владевшие заводами с XVIII в., были оттеснены на второй план горнозаводчиками нового типа — дельцами, предпринимателями, банкирами, купцами. Процесс акционирования округов шел ускоренными темпами. Подлинными хозяевами горнозаводских хозяйств становился отечественный и иностранный банковский капитал, который, начав с кредитования акционерных обществ, перешел к скупке их акций, широкому финансированию, а затем и к их захвату и превращению в свою собственность³.

Произошли изменения и в среде рабочего класса. Становилась слабее привязанность уральских рабочих к земле и заводам, шло разрушение старых патриархальных отношений. С ростом грамотности и политической сознательности рабочих выросла их активность в борьбе за свои экономические и политические права. Все это вело к постепенному разрушению воспетого идеологами горнозаводчиков «великого принципа взаимной пользы», «неразрывной связи» уральских рабочих со «своими» заводами и заводовладельцами. Социальный мир и социальное согласие на уральских заводах все чаще стали сменяться открытой конфронтацией⁴.

Пережитки, сохранившиеся даже после капитализации, придавали строю уральской промышленности особый отпечаток, влияли на развитие его социально-экономической структуры⁵.

Приход к власти большевиков в результате Октябрьской революции 1917 г. существенно изменил ситуацию на уральских заводах. Принятое 14 ноября 1917 г. Положение ВЦИК и СНК о рабочем контроле обосновало право проводить широкий распорядительный рабочий контроль над всеми сферами заводской жизни через выборные рабочие организации: фабзавкомы, советы старост и т. д. Органы рабочего контроля получали право напрямую вмешиваться в процесс принятия управленческих решений. Координировать деятельность отдельных фабзавкомов должны были Советы рабочего контроля, являвшиеся органами местных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов⁶.

Еще в конце лета и осенью 1917 г. на южноуральских предприятиях начинают создаваться фабрично-заводские комитеты — рабочие организации, наиболее под-

ходившие для проведения рабочего контроля. В Симском горном округе был создан окружной комитет рабочего контроля над деятельностью заводоуправления. Комитет просматривал деловую переписку горного округа, следил за приемом заказов, проверял бухгалтерские документы и кассу, ведал вопросами регулирования рабочей силы, вел учет сырья, материалов и топлива, устанавливал расценки и нормы выработки, принимал меры к обеспечению необходимого порядка и дисциплины на предприятиях, к сохранности имущества и оборудования предприятия⁷.

Началась сначала стихийная, а затем организованная борьба рабочих за улучшение экономического положения, что породило массу конфликтов с администрацией и владельцами предприятий. Весной 1917 г. рабочие большинства предприятий Южного Урала добились сокращения рабочего дня до восьми часов. Горнозаводчики вынуждены были пойти на уступки, иначе рабочие вводили восьмичасовой рабочий день явочным порядком, считая его законным завоеванием Февральской революции. На Симском заводе восьмичасовой рабочий день был введен 26 марта 1917 г. общим собранием рабочих после переговоров с администрацией. На Миньярском заводе общее собрание рабочих постановило: ввести с 1 апреля восьмичасовой рабочий день с сохранением заработка как за двенадцатичасовой. Аша-Балашовский Совет рабочих депутатов добился установления восьмичасового рабочего дня и повышения заработной платы рабочим на 32 %⁸.

Распространение рабочего контроля как государственной политики объективно должно было привести к национализации промышленности. Исчерпав все возможности воздействовать на владельцев предприятий, заставить их организовать нормальную работу производства, рабочие коллективы и местные советы стали ставить перед советским правительством вопрос о национализации. Для его решения областной Совет рабочих и солдатских депутатов Урала направил в Петроград в конце ноября 1917 г. своих представителей, которых принял В. И. Ленин. Ознакомившись с положением на Урале, Ленин написал записку Ф. Э. Дзержинскому: «Вопрос на Урале очень острый: надо здешние (в Питере находящиеся) правления уральских заводов арестовать немедленно, погрозить судом (революционным) за создание кризиса на Урале и конфисковать все уральские заводы»⁹.

Зимой 1917 г. были национализированы три крупных южноуральских горных округа — Симский (9 декабря), Кыштымский (27 декабря) и Сергинско-Уфалейский (27 декабря). Декреты были приняты Советом народных комиссаров, их содержание сводилось к следующим положениям: причиной национализации объявлялся «отказ заводоуправления подчиниться декрету Совета Народных Комиссаров о введении рабочего контроля над производством»¹⁰. Причиной национализации всех трех округов стало неприятие заводоладельцами декретов советского государства и организация промышленного и финансового саботажа, направленного против введения рабочего контроля. В Сергинско-Уфалейском горном округе противодействие проявилось в закрытии Верхне-Уфалейского завода, что грозило остановкой других заводов округа или сокращением выпуска продукции¹¹.

Для управления заводами и горными округами съезд утвердил единую и желательную форму организации управления — деловые советы, состоявшие на $\frac{2}{3}$ из рабочих и на $\frac{1}{3}$ из служащих, инженеров и техников¹². На Южном Урале было избрано около тридцати деловых советов. При их создании широко использовались опыт работы и структура коллегий инженеров, созданных весной 1917 г. на казенных заводах Урала. Деловые советы состояли из следующих отделов: 1) рабочего, 2) технико-демилитаризационного, 3) финансово-бухгалтерского, 4) закупок и сбыта, 5) административного, 6) статистики, 7) продовольственного¹³.

Деловые советы национализированных горных округов успешно решали сложные производственные вопросы. Они смогли не только сохранить производство, но и приступить к его технической и хозяйственной модернизации. Ими разрабатывались такие проекты, как объединение железорудных месторождений региона, восстановление старого и приобретение нового оборудования, строительство железнодорожных путей, соединявших важные промышленные центры¹⁴. По данным ВСНХ за первую половину 1918 г., на национализированных заводах Южного Урала заметно возросло производство чугуна, составив в среднем 81 % от уровня 1914 г.

В Златоустовском горном округе этот показатель равнялся 90 %, в Кыштымском — 88 %, в Симском — 87 %, в Сергинско-Уфалейском — 59 %¹⁵.

С освобождением края от колчаковцев функции аппарата хозяйственного управления взяли на себя чрезвычайные органы управления — ревкомы.

Функциями ревкомов являлись: контроль над порядком в освобождаемых местностях, пресечение попыток агитации против советской власти, учет враждебных элементов и оказание помощи частям Красной армии всем необходимым для ведения боевых действий¹⁶.

С июня 1919 г. они становились преобладающими в структуре возрождаемых органов на местах. 8–9 апреля 1919 г. решением РВС Туркестанского фронта и 1-й армии был создан Оренбургский губернский ревком. В середине июня Советом рабочих и крестьянской обороны и ВЦИК был утвержден состав Уфимского губревкома¹⁷. С образованием по решению ВЦИК самостоятельной Челябинской губернии (3 сентября 1919) Челябинский уездно-городской ревком был преобразован в губернский.

После освобождения населенных пунктов политорганы направляли туда своих работников, которые, опираясь на коммунистов или сочувствующих советской власти, создавали революционные комитеты, инструктировали назначенных в их состав лиц, помогали на первых порах наладить работу, выделяя для этого из специальных фондов денежные и иные средства¹⁸.

Особенно большое внимание при восстановлении власти уделялось подбору кадров в состав уездных и губернских революционных комитетов. Их персональный состав обсуждался и утверждался, как правило, либо реввоенсоветом армий Восточного фронта, либо Сибирским бюро ЦК РКП(б), нередко без ведома самих кандидатов. Так, бывший председатель Златоустовского уездного ревкома В. П. Сулимов узнал о назначении его на должность из телеграммы, подписанной членом Сиббюро ЦК Ф. И. Голощекиным. В отличие от волостных и сельских ревкомов в уездные и губернские подбирались исключительно члены РКП(б), совмещавшие работу в советских учреждениях с ответственной партийной деятельностью. Членами Уфимского губревкома были большевики Б. М. Эльцин, Ф. Я. Першин, Т. С. Кривов, М. П. Бойков. В августе 1919 г. должность председателя Челябинского ревкома занял бывший левый эсер М. Х. Поляков, одновременно являвшийся товарищем председателя губкома РКП(б). В. М. Горин, Д. Е. Сулимов, А. Я. Бакаев, В. В. Архангельский также занимали руководящие посты в губернском партийном комитете. Таким образом, уже в годы Гражданской войны наметилось слияние партийных структур с органами государственного управления на местах¹⁹.

Первостепенной задачей являлось восстановление хозяйственных органов управления. Освобожденный Урал был единственным районом, откуда республика могла получать металл, необходимый как для военных, так и для хозяйственных целей. ЦК РКП(б) и ВСНХ непосредственно руководили этой работой.

Основным звеном хозяйственного управления на местах в годы Гражданской войны стали губернские советы народного хозяйства. Организация и деятельность их определялась Положением ВСНХ от 2 октября 1919 г. Согласно этому документу, губсовнархозы являлись исполнительными органами ВСНХ на территории отдельных губерний. В пределах общих постановлений и планов, проводимых ВСНХ, губсовнархозы ведали: а) организацией и регулированием отраслей народного хозяйства; б) управлением государственными предприятиями и их объединениями, не состоявшими в непосредственном ведении отделов, главков и центров ВСНХ; в) организацией государственных заготовок сырья и топлива; г) финансированием и отчетностью предприятий и указанных в п. «в» заготовок²⁰.

В целях осуществления вышеперечисленных функций на губсовнархозы возлагались: а) объединение и направление деятельности губернских народнохозяйственных органов, регулирование их взаимоотношений, разработка для них инструкций; б) разработка производственных программ по предприятиям губерний и их осуществление; в) регулирование и контроль деятельности правлений как частных, так и государственных предприятий, находящихся в их ведении; г) техническая организация предприятий, организация заводоуправлений отдельных предприятий и их объединений; д) выяснение потребностей своих губерний в топливе, сырье, орудиях

производства, рабочих и технических силах и прочих факторов, обуславливающих правильный ход работы предприятий; е) сбор, учет и распределение по планам центра перечисленных выше средств производства; ж) распределение заказов между предприятиями своих губерний; з) издание в порядке выполнения заданий центра обязательных по губерниям постановлений, имеющих принудительный характер по отношению ко всем учреждениям и предприятиям губерний; и) составление отчетности по всем местным операциям и производствам.

Первичным органом губсовнархоза являлся пленум в следующем составе представителей: восемь человек — от губернского Совета профсоюзов, семь — от производственных отделов губсовнархоза, шесть — от губернского Совета депутатов и его отделов, два — от объединения потребительских коммун, по одному — от городского Совета депутатов губернского центра и уездных отделов губсовнархоза. Пленум избирался руководящим органом губсовнархоза — президиумом в составе шести-семи членов, которые после предварительного рассмотрения губернским исполкомом утверждались президиумом ВСНХ.

В зависимости от степени развития отдельных производств соответствующие органы губсовнархозов создавались в виде отделов либо в виде секций отделов, ведающих соответствующей основной отраслью народного хозяйства.

Руководство отделами губсовнархозов возлагалось на организуемые президиумом по согласованию с местными профессиональными объединениями коллегии в составе трех членов или на назначаемых президиумом заведующих, если по объему работ коллегии считались излишними.

Структуры отделов и их штаты устанавливались губсовнархозами под общим руководством иногороднего отдела ВСНХ применительно к местным условиям, а равно и требованиям, предъявляемым отделами и главками ВСНХ²¹.

Кредиты, необходимые губсовнархозам на организационные нужды, производство и заготовки, отпускались в авансовом и сметном порядке ВСНХ и направлялись с точным указанием назначения и порядка расходования. Никакими другими доходами губернские совнархозы пользоваться права не имели. Все ассигнования и отпуск кредитов производились отделами губсовнархозов путем распоряжений, направляемых в финансово-счетный отдел совнархоза, который вел учет кредитов по всем отделам²².

Функции губернских совнархозов в отношении руководства промышленностью в конце 1919 г. были весьма ограничены. Первоначально предполагалось передать совнархозам управление всей экономической жизнью. Однако в условиях Гражданской войны и экономической разрухи произошла корректировка функций этих учреждений. Постановлением ВСНХ от 12 ноября 1919 г. крупные национализированные фабрики и заводы были изъяты из их ведения. В подчинении губсовнархозов в этот период оставались лишь мелкие промышленные предприятия местного значения²³.

В 1919 г. губсовнархозы действовали как исполнительные органы ВСНХ и поэтому не подчинялись губернским исполкомам. В результате последние были лишены возможности влиять на развитие промышленности. Жесткая централизация управления промышленностью, вызванная условиями Гражданской войны, имела оборотную сторону в виде связывания инициативы местных органов и бюрократизации руководства. Главки ВСНХ, управляя большим числом предприятий, разбросанных по всей стране, не могли учитывать специфические условия деятельности каждого из них и осуществляли руководство по общему шаблону. Установившийся порядок получения предприятиями необходимых им средств производства по ордерам главков часто порождал волокиту в материально-техническом снабжении. Все это отрицательно отражалось на работе промышленности, и уже в 1919 г. появилась настоятельная необходимость внесения изменений в сложившуюся практику руководства ею²⁴.

На Южном Урале советы народного хозяйства стали возрождаться после изгнания белогвардейцев в июне и июле 1919 г., когда уже создалась уверенность, что территория Урала и Приуралья прочно закреплена за Советской Россией. Сроки восстановления губернских хозяйственных органов зависели от сроков освобождения региона от колчаковцев. Уфимский совнархоз был создан 10 июня 1919 г., Челябинский губсовнархоз — 21 сентября. Особенностью создания губсовнархозов на Южном

Урале было то, что их президиумы избирались вначале не пленумами, а местными чрезвычайными органами²⁵.

Образование на Южном Урале многочисленных органов власти диктовалось в первую очередь нестабильной политической и экономической ситуацией как после прихода к власти большевиков, так и по окончании на Урале Гражданской войны. В связи с этим создававшиеся органы, как политические (комитеты РКП(б), советы на разных уровнях), так и экономические (деловые советы, губсовнархозы), дублировали друг друга — решали одинаковые задачи (учет подведомственных предприятий, улучшение условий труда на них, финансовая, административная деятельность); их членами являлись одни и те же люди, занимавшие как хозяйственные, так и административные должности.

Деловые советы несли полную ответственность за организацию производства. Помимо окружных (деловые советы Златоустовского, Симского, Кыштымского горных округов) они создавались и на конкретных предприятиях (Кусинском, Саткинском, Миньярском заводах, Челябинкопях и др.). Полномочия губсовнархозов — организация и регулирование отдельных отраслей народного хозяйства в рамках южноуральских губерний (Челябинской, Уфимской, Оренбургской) были масштабнее.

В обоих органах наблюдалось сравнительно небольшое количество специалистов (инженеров, техников). В деловом совете Кусинского завода на троих рабочих приходился один инженер, на Миньярском заводе — один инженер на двух рабочих и двух служащих. В отделах губсовнархозов на 50 сотрудников могло приходиться всего шесть-восемь специалистов. Во главе управленческих структур стояли, как правило, представители рабочих. Обязательным для них являлось членство в партии большевиков. Рабочие, возглавлявшие совнархозы и деловые советы, имели опыт революционной борьбы, многие из них смогли сделать карьеру в высших властных эшелонах. Так, Д. Е. Сулимов, являвшийся членом Симского окружного делового совета, позднее занимал должности председателя Челябинского губсовнархоза, губкома партии и Уралсовета, впоследствии возглавил СНК РСФСР²⁶. Председатель Симского окружного делового совета Ф. И. Локацков в 1919–1920 гг. был членом РВС 3-й и 5-й армий, в 1920-е гг. — председателем Промбюро Урала, управляющим синдиката «Уралмет», кандидатом в члены ЦК ВКП(б)²⁷.

Деловые советы, как и совнархозы, разрабатывали производственные программы, составляли сметы, следили за потребностью предприятий в сырье и т. п., взяли на себя функции демилитаризации предприятий, модернизации существующих производств (в частности, объединения предприятий сходных отраслей, строительства новых транспортных узлов).

Совнархозы имели многоступенчатую структуру (состояли из отделов и секций отделов по отраслям, которые управлялись коллегиями либо заведующими), в то время как деловые советы являлись коллегиальными органами, где каждый член отвечал за свой участок работы. В губсовнархозах же члены президиума отвечали сразу за несколько отделов. Отделы были «замкнутыми» структурами, мало зависящими от президиума.

К середине 1920 г., несмотря на тяжелые условия, при которых происходило хозяйственное строительство, промышленный аппарат по региону в целом был сформирован. Перспективы дальнейшего восстановления и развития промышленности были связаны с выполнением таких задач, как постепенное объединение промышленности губерний в производственные и хозяйственные единицы и усовершенствование управления всей хозяйственной и промышленной жизнью губерний из местных центров²⁸.

Примечания

¹ *Абрамовский А. П., Будапов А. В.* Горные округа Южного Урала в 1917–1918 гг. Челябинск, 2008. С. 6.

² *Алеврас Н. Н., Черных В. А.* Горные округа // Челябинская область : энцикл. : в 7 т. Т. 1. / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск : Каменный пояс, 2008. С. 919.

³ *Гаврилов Д. В.* Главные направления и основные этапы развития уральской металлургии с древнейших времен до начала XX в. (IV тысячелетие до н. э. — 1918) // Горнозаводский Урал XVII–XX вв. : избр. тр. Екатеринбург, 2005. С. 281.

⁴ *Алексеев В. В., Гаврилов Д. В.* Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008. С. 500.

⁵ *Буранов Ю. А.* К проблеме характера и сущности строя уральской промышленности периода капитализма // Промышленность и рабочий класс горнозаводского Урала в XVIII — начале XX в. : сб. ст. Челябинск, 1982. С. 137.

⁶ *Абрамовский А. П., Буданов А. В.* Указ. соч. С. 77.

⁷ Краткий очерк истории Челябинской области. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1965. С. 245.

⁸ *Абрамовский А. П., Буданов А. В.* Указ. соч. С. 41.

⁹ *Ленин В. И.* Записка А. Г. Шляпникову и Ф. Э. Дзержинскому. Конец ноября 1917 г. // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений : в 55 т. М., 1968–1975. Т. 32. С. 16.

¹⁰ *Абрамовский А. П., Буданов А. В.* Указ. соч. С. 96.

¹¹ Там же. С. 98.

¹² Национализация промышленности на Урале (окт. 1917 — июль 1918 г.) : сб. док. / под ред. В. В. Адамова и В. Н. Зуйкова. Свердловск, 1958. С. 85.

¹³ *Бакунин А. В.* История народного хозяйства Урала : в 2 ч. Ч. 1. 1917–1945 / А. В. Бакунин, Ю. А. Буранов, Р. Г. Пихоя и др. Свердловск : Изд-во Урал. гос. ун-та, 1988. С. 26.

¹⁴ *Абрамовский А. П., Буданов А. В.* Указ. соч. С. 231.

¹⁵ Нар. хоз-во. 1919. № 38. С. 27.

¹⁶ *Кобзов В. С., Сичинский Е. П.* Государственное строительство на Урале в 1917–1921 гг. Челябинск, 1997. С. 122.

¹⁷ *Бугай Н. Ф.* Чрезвычайные органы Советской власти: ревкомы 1918–1921 гг. М. : Наука, 1990. С. 51.

¹⁸ *Кобзов В. С., Сичинский Е. П.* Указ. соч. С. 124.

¹⁹ Там же. С. 126.

²⁰ Собрание уложений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР от 20.10.1919. № 50. С. 467.

²¹ Там же.

²² ОГАЧО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 13. Л. 6.

²³ ГАСО. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 1. Л. 174.

²⁴ *Самохвалов Ф. В.* Советы народного хозяйства в 1917–1932 гг. М. : Наука, 1964. С. 75.

²⁵ *Гараев Г. Г.* Организация и совершенствование системы управления промышленностью Урала (1917–1925 гг.). Томск : Изд-во Томс. ун-та, 1984. С. 109–110.

²⁶ Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. Т. 6. Челябинск : Каменный пояс, 2008. С. 338.

²⁷ ГАСО. Ф. Р-193. Оп. 1. Д. 66. Цит. по: *Гафурова В. М.* Создание и трансформация органов управления социалистической промышленностью Урала (1918–1929 гг.). Екатеринбург, 2008. С. 243.

²⁸ Челябинская губерния в период военного коммунизма (июль 1919 — декабрь 1920) : док. и материалы. Челябинск : Челяб. кн. изд-во, 1960. С. 281.

СТАТИСТИКА ЗАКЛЮЧЕННЫХ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ ПОД ВЛАСТЬЮ БЕЛЫХ (1918–1919)

Столетие начала Гражданской войны в России неизбежно актуализирует дискуссии об ответственности за ту войну, о ее цене, о том, какая из сторон показала себя наиболее жестокой. В силу нехватки фактического материала и слабой разработанности этих вопросов в конкретно-историческом отношении ответы на них в большинстве случаев даются вне научной плоскости и зависят от личных пристрастий того или иного автора.

Наиболее острые споры связаны с вопросом о терроре. Эта тема болезненна и применительно к Южному Уралу и Оренбургской губернии, поскольку, согласно установившейся в советский период историографической традиции, существовавший здесь режим атамана А. И. Дутова держался исключительно на насилии. Одним из ключевых аспектов проблемы террора и в целом репрессивной политики и практики является вопрос о численности, составе и положении заключенных в местах лишения свободы в Оренбургской губернии при белых, о чем и пойдет речь в данной статье.

Дабы показать произвол белых в отношении заключенных, исследователи прибегали к различным манипуляциям. Так, советский историк Н. К. Лисовский, не ссылаясь на какие-либо документы, утверждал, что в Челябинске дутовцы расстреляли, увезли в тюрьмы Сибири 9000 человек, в Троицке — до 3000 человек, в оренбургской тюрьме в августе 1918 г. якобы «томилось свыше 1000 коммунистов и беспартийных, из которых 500 человек были замучены при допросах»¹. Соединение абсолютно разных категорий, таких как расстрел и заурядная эвакуация заключенных, со всей очевидностью свидетельствует о подтасовке, поскольку даже о тысячах расстрелянных говорить не приходилось. Расстрелянные для получения внушительной цифры были приплюсованы к эвакуированным в Сибирь². Кроме того, Челябинский и Троицкий уезды в 1918–1919 гг. атаману А. И. Дутову не подчинялись³, находились в полосе действий Сибирской и Западной армий, которые имели собственные карательные органы. В этой связи обвинения в адрес абстрактных «дутовцев» едва ли обоснованны. Численность заключенных в оренбургской тюрьме в августе 1918 г. документально известна и существенно ниже приведенной Н. К. Лисовским. Не ясно и то, кого подразумевал автор под «замученными на допросах». В случае гибели 500 допрашиваемых уместен другой термин, и советский автор, изблещивший белых, не преминул бы сообщить об этом читателям прямым текстом.

Если в советский период подобные ухищрения имели официозный пропагандистский смысл, то в постсоветское время стали личной инициативой отдельных авторов. Исследователь истории казачества Л. И. Футорьянский, также не ссылаясь на источники, утверждал, что в Оренбурге при Дутове был расстрелян каждый сотый житель, а террор носил массовый характер⁴. При населении Оренбурга в 1917–1918 гг. в 140,5–155 тысяч человек⁵ речь должна идти о 1400–1550 расстрелянных. Между тем до сих пор известны лишь единственный список расстрелянных в оренбургской тюрьме, в котором указаны 177 человек (о нем будет сказано ниже), данные о приговоренных к смертной казни военно-полевым судом при штабе Оренбургского казачьего войска (выявлено 116 смертных приговоров) и разрозненные свидетельства

о самосудах. Остается открытым вопрос о пересечениях между этими материалами, но о соответствии действительности эффектного в пропагандистском смысле тезиса о расстреле каждого сотого жителя говорить не приходится.

Исследователь террора эпохи Гражданской войны И. С. Ратьковский некритически воспроизвел утверждения Н. К. Лисовского, причем тысяча заключенных оренбургской тюрьмы, составлявшая преувеличенные данные Лисовского, в цитате Ратьковского превратились в шесть тысяч заключенных⁶. К этому добавился не подкрепленный доказательствами тезис об установлении в Оренбурге с приходом Дутова «режима белого террора»⁷. Далее следовало перечисление приписываемых дутовцам актов террора, хотя даже в силу географического фактора подчиненные оренбургского атамана не могли иметь к большинству из них никакого отношения⁸. Позднее И. С. Ратьковский, пытаясь представить как можно большие масштабы белого террора, спроецировал выявленные нами статистические данные о смертных приговорах военно-полевого суда при штабе Оренбургского казачьего войска на общую численность заключенных Оренбургской губернской тюрьмы⁹. Если бы заключенные Оренбургской тюрьмы подлежали такому суду, проекция могла бы считаться корректной, однако говорить об этом не приходится.

К сожалению, состояние историографии вопроса трудно назвать удовлетворительным. Незнакомство авторов с делопроизводственной документацией в рамках изучаемого вопроса приводит к появлению пропагандистских по своему характеру компилятивных работ, претендующих на сенсацию, но имеющих лишь отдаленное отношение к научному поиску. Более того, очевидно отсутствие у некоторых исследователей даже стремления знакомиться с документами по этой теме, чтобы непредвзято в ней разобраться. Обусловлено это политическими пристрастиями, несоблюдением принципа научной объективности, а также тем, что глубокое погружение в изучаемый вопрос не даст оснований для спекуляций на теме террора.

Как известно, тюремное ведомство в силу своей специфики обязано вести тщательный учет заключенных. В фондах ГАРФ хранятся документы, содержащие сведения о положении мест заключения Оренбургской губернии при белых в 1918–1919 гг. Значительный интерес в плане изучения правоохранительной политики белых и белого террора представляют материалы фонда Главного управления местами заключения Министерства юстиции колчаковского правительства (Ф. Р-827). В этом фонде хранятся отчетная статистика по заключенным и данные о состоянии мест заключения, направлявшиеся из тюрем в Омск. За прошедшее с начала Гражданской войны столетие рука исследователя не касалась документов из этого фонда, относящихся к Оренбургской губернии.

Охарактеризуем особенности анализируемого пласта документации. Речь идет об отчетах о движении заключенных, представлявшихся тюремным ведомством в Министерство юстиции Российского правительства в Омск. Выявленная нами статистика неполна, отчеты грешат разночтениями, но эти материалы позволяют реконструировать движение заключенных Оренбургской губернии, установить численность политических заключенных, дать объективную оценку масштабам арестов при белых. Статистика арестованных, несмотря на ряд ограничений, позволяет приблизиться и к более точному пониманию вопроса о масштабах белого террора на Южном Урале.

С помощью собранных статистических сведений попытаемся ответить на вопросы о том, какова была динамика численности заключенных Оренбургской губернии при белых, сколько насчитывалось политзаключенных и какие приговоры выносились.

На территории Оренбургской губернии в период Гражданской войны существовали губернская (в Оренбурге), четыре уездных (в Орске, Верхнеуральске, Троицке, Челябинске) тюрьмы и одно исправительное арестантское отделение (в Илецке). Сохранились отдельные свидетельства и об иных местах заключения. Красный подпольщик П. М. Хадыка вспоминал, что более месяца содержался в одном из полицейских участков Оренбурга; по слухам, существовала некая тюрьма за Уралом, в которой всех арестованных расстреливали¹⁰. Возможно, речь идет о лагере военнопленных на Меновом дворе.

С приходом белых была восстановлена дореволюционная тюремная администрация. За соблюдением приемлемых условий содержания заключенных наблюдала

Оренбургская губернская тюремная инспекция. Заключенные обеспечивались всем необходимым, в том числе медицинским обслуживанием. Существовали губернский тюремный комитет и даже попечительное общество о тюрьмах Оренбургской губернии (работало с дореволюционных времен, было упразднено при красных, но восстановлено белыми). Впрочем, деятельность последнего ограничивалась отсутствием средств¹¹. Кроме того, при белых в Оренбурге работал так называемый Оренбургский социалистический Красный Крест, помогавший легально заключенным-меньшевикам, а нелегально — большевикам¹².

Не приходится говорить и об эксплуатации белыми принудительного труда заключенных. Так, в Орской тюрьме на 1 июня 1919 г. 91 заключенный из 106 не был занят на каких-либо работах, поскольку в результате эвакуации в феврале 1919 г. при отступлении белых никакого инвентаря в тюремных мастерских не оказалось¹³. Аналогичной была картина в Челябинской тюрьме, где на 1 ноября 1918 г. из 772 мужчин и 72 женщин не были заняты на работах (за неимением оных) 678 мужчин и 50 женщин¹⁴. В Троицкой тюрьме на 1 мая 1919 г. из-за отсутствия работы или по болезни не работали 90 мужчин и 14 женщин из содержащихся 123 мужчин и 18 женщин¹⁵. При этом содержание заключенных требовало огромных расходов. По данным на сентябрь 1918 г., только в сутки на продовольствие необходимо было 5 тысяч рублей, в итоге долги тюремного ведомства губернии к осени 1918 г. достигли 284 155 рублей¹⁶.

Статистика количества заключенных в Гражданскую войну неполна и охватывает не все места заключения, однако выявленные данные позволяют составить достаточно подробное представление о том, что происходило в оренбургских тюрьмах. В основном выявленные данные охватывают период с осени 1918 по лето 1919 г., то есть практически до ухода белых с Южного Урала.

Согласно краткой записке Оренбургского губернского тюремного инспектора А. Н. Мирного о состоянии мест заключения Оренбургской губернии на 15 сентября 1918 г., статистика численности заключенных по губернии выглядит следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Расчетное и фактическое число заключенных в местах заключения Оренбургской губернии на 15 сентября 1918 года¹⁷

Место заключения	Расчетное число заключенных по кубическому содержанию воздуха	Фактическое число заключенных	
		Мужчин	Женщин
Оренбургская губернская тюрьма	391	805	30
Илецкое исправительное арестантское отделение	586	43	0
Орская уездная тюрьма	43	Сведений нет, город под властью большевиков	
Верхнеуральская уездная тюрьма	317	450	1
Троицкая уездная тюрьма	96	152	11
Челябинская уездная тюрьма	785	781	58
Всего	2218	2231	100

Из этих данных следует, что по губернии наблюдалось превышение числа заключенных относительно санитарных норм кубического содержания воздуха в помещениях. Особенно острая ситуация сложилась в Оренбургской губернской тюрьме, где содержалось в два с лишним раза больше заключенных. При этом недавно отстроенное Илецкое исправительное отделение, куда, казалось бы, можно было переместить многих, наоборот, пустовало¹⁸. В то же время сам факт учета кубического содержания воздуха для здоровья заключенных уже говорит о многом в правоохранительной политике белых. Отметим и то, что число заключенных по губернии несущественно превышало дореволюционные нормативы, что является одним из показателей оценки

масштабов репрессий при белых (разумеется, с учетом того, что далеко не все заключенные относились к репрессированным).

Попытки представить белый режим в качестве царства террора слабо стыкуются с таким показателем, как данные о вооружении тюремной стражи, которая, по сути, оставалась безоружной весь период существования в регионе белых режимов (табл. 2).

Таблица 2

**Вооружение тюремной стражи Оренбургской губернии
на 1 июня 1919 года¹⁹**

Место заключения	Количество						
	Надзирателей		Наружных постов		Револьверов	Винтовок	Шашек
	Старших	Младших	Военных	Надзирательских			
Оренбургская губернская тюрьма ²⁰	Оружие при эвакуации осталось в тюрьме						
Илецкое исправительное арестантское отделение ²¹	Оружие отобрано при красных						
Орская уездная тюрьма ²²	2	16	2	6	0	0	0
Верхнеуральская уездная тюрьма ²³	1	24	4	4	2	10	1
Троицкая уездная тюрьма ²⁴	1	23	4	4	17	20	20
Челябинская уездная тюрьма ²⁵	8	103	0	10	57	57	5

Только в Троицке и Челябинске тюремная стража имела сколько-нибудь значимое вооружение. Не хватало и надзирателей, контингент которых был случайным и временным. В частности, в Троицкой тюрьме их полагалось по штату 24 (кроме того, одна надзирательница), тогда как на 15 января 1919 г. служило только 12 человек²⁶.

К началу августа 1918 г. в Оренбургской губернской тюрьме, по приблизительным данным, содержались около 800 человек²⁷. На 24 августа в тюрьме находился 691 человек, включая 2 политзаключенных, 590 подсудимых по политическим обвинениям, 12 уголовников, 82 подсудимых по уголовным статьям и 5 пересыльных уголовников²⁸. Анализ архивных материалов показывает, что следственные органы белых не справлялись с возросшим количеством дел. В сентябре, как уже отмечалось, в тюрьме находились 835 заключенных. Стремительное падение белого Оренбурга в январе 1919 г. исключало возможность даже заблаговременной эвакуации губернской тюрьмы, не говоря о развязывании террора по отношению к заключенным. Политзаключенные так и остались в тюрьме²⁹. Отметим, что большевистское подполье в Оренбурге в середине 1918 — начале 1919 г. было достаточно мощным и разветвленным³⁰. В этой связи значительное количество политзаключенных в оренбургской тюрьме нельзя считать случайностью или следствием произвола (в отличие от массовых необоснованных арестов в Советской России) — речь шла о репрессиях в отношении активных врагов белого режима.

После занятия Оренбурга в 1919 г. красные опубликовали список расстрелянных в губернской тюрьме, включавший 177 фамилий³¹. Однако в этом списке фигурируют оренбургский губернский комиссар юстиции М. Н. Бурзянцев, считавшийся зарученным казаками 16 августа 1918 г. за пределами Оренбурга, а также красные подпольщики, ставшие жертвами белых в разных местах начиная с лета 1918 г.³² Таким образом, речь идет о некоем сводном списке расстрелянных, составленном красными после занятия Оренбурга в январе 1919 г. и использовавшемся в пропагандистской работе. Полный анализ персоналий, включенных в список, остается задачей дальнейших исследований.

Статистика количества заключенных в Орской уездной тюрьме представляется следующей (табл. 3):

Таблица 3

Статистика числа заключенных в Орской тюрьме в 1919 году³³

Дата	Количество заключенных	
	мужчин	женщин
1 февраля	113 (по другим данным, 114)	4
1 мая	255	2
1 июня	106	0
1 июля	87	

Более интересны данные о количестве политических заключенных (табл. 4):

Таблица 4

Количество политических заключенных в Орской тюрьме в мае — июле 1919 года³⁴

Период	Категория заключенных		
	Красноармейцы (налицо / прибыло / убыло / остаток)	Заключенные в связи со свержением советской власти (налицо / прибыло / убыло / остаток)	Итого (остаток)
23 мая — 1 июня	40 / 23 / 10 / 53	53 / 55 / 56 / 52	105
1–8 июня	53 / 26 / 2 / 77	52 / 6 / 11 / 47	124
8–15 июня	77 / 38 / 14 / 101	47 / 6 / 4 / 49	150
15–22 июня	101 / 1 / 31 / 71	49 / 5 / 24 / 30	101
22 июня — 1 июля	71 / 0 / 18 / 53	30 / 21 / 18 / 33	86
8–15 июля	25 / 1 / 0 / 26	60 / 36 / 3 / 93	119

Наибольшим разнообразием отличался контингент Верхнеуральской тюрьмы (табл. 5), что было связано с наличием здесь множества органов и должностных лиц, обладавших правами следствия или присвоивших себе таковые (начальник гарнизона, комендант города, начальник милиции, начальник военного контроля, начальник военного отдела, начальник охраны войск, военно-полевой суд, следственная комиссия). Разумеется, такая ситуация не свидетельствовала о порядке в белом тылу.

Таблица 5

Статистика количества заключенных в Верхнеуральской тюрьме в 1918–1919 годах³⁵

Категория заключенных	Дата										
	1918 г.			1919 г.							
	1 ноября	15 ноября	1 декабря	1 февраля	15 марта	15 марта ³⁶	15 апреля	1 мая	1 июня	15 июня	1 июля
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Подследственные и подсудимые уголовные	8	11	82	302	182	160			153	89	90
Осужденные уголовные							24	25			
Присужденные к аресту политические		74							13	22	23
Присужденные к тюрьме	82	20	6	73	70	69	46	42	43	15	15
Присужденные к крепости				1							

Окончание табл. 5

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Присужденные к исправительному арестантскому отделению	4	5	10	8	7	7	6	4	6	2	2
Осужденные военно-полевым судом		4	49								
Присужденные к каторжным работам	4		3	7	3	7	5	4	7	2	2
Содержащиеся по распоряжению административных властей				60					50	13	9
Пересыльные				7	7	6			2		2
Подследственные, числящиеся:											
за военно-полевым судом			3		24	26	26	22	15		
за начальником гарнизона Верхнеуральска			4		14	12	5	6			
за следственной комиссией			163		71	66	25	24	110 поли- тиче- ских	211 поли- тиче- ских	188 поли- тиче- ских
за комендантом Верхнеуральска			7		16	23	12	4			
за начальником милиции					5	6	1	1			
за начальником военного контроля (контрразведки)	3	6	9				3	2			
за начальником военного отдела					4	2	3	3			
за начальником охраны войск					18	15					
Заключенные по распоряжению Верхнеуральской следственной комиссии	169	175	65								
Заключенные до суда Учредительного собрания	23	24	24	40	54	48	43	40	52	39	38
Дезертиры	3	3									
Эвакуированные:											
из Оренбургской тюрьмы							199	193			
из Стерлитамакской тюрьмы					39	37	36	36		32	37
из Белорецкой тюрьмы								26			
Дети при арестантах				3			5	4			
Итого	296	322	425	501	514	484	434	432	451	427	408
Пользовались лечением в тюремной больнице или околотке	11	16	15	40	75	175	201	124	69	43	30

Верхнеуральская тюрьма предоставляла и отдельные ведомости движения политзаключенных, данные которых отличаются от представленных выше (табл. 6):

Таблица 6
**Движение политзаключенных
Верхнеуральской тюрьмы в 1919 году³⁷**

Дата	Количество заключенных		
	мужчин	женщин	всего
22 мая	209	5	214
1 июня	215	5	220
8 июня	227	6	233
15 июня	218	6	224
22 июня	204	6	210
1 июля	245	6	251

Данные табл. 6 свидетельствуют о том, что в означенный период контингент политзаключенных и их положение почти не менялись.

Рассмотрим статистику заключенных Троицкой уездной тюрьмы (табл. 7, 8):

Таблица 7
**Статистика количества заключенных в Троицкой тюрьме
в конце 1918 — 1919 году³⁸**

Дата	Категория заключенных									Итого	Пользовались лечением в тюремной больнице или околотке
	Подследственные и подсудимые	Присужденные к тюрьме	Присужденные к крепости	Присужденные к исправительному арестантскому отделению	Присужденные к каторжным работам	Пересыльные	Содержащиеся по распоряжению административных властей	Политические	Детей при арестантах		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
<i>1918 г.</i>											
1 ноября	45	3	–	2	–	12	32	90	8	192	19
15 ноября	48	3	–	1	–	18	30	99	6	205	23
1 декабря	49	5	1	5	1	3	50	103	3	219	22
15 декабря	48 + 4 полит.	5	–	4	1	14	56	41	–	173	37
<i>1919 г.</i>											
1 января	43	8	–	4	1	15	57	40	–	168	45
15 января	43	10	–	3	–	18	–	25	–	142 [141] (40 других категорий и 2 ссыльных)	39
27 января	42	11	–	3	2	15	39	16 подследственных и подсудимых + 5 отбывали наказание	2	155 [133]	54

Окончание табл. 7

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
15 февраля	45	14	–	2	–	22	10	6 подследственных и подсудимых + 15 отбывали наказание	1	115	49
1 марта	41	16	–	3	–	23	16	16 подследственных и подсудимых + 15 отбывали наказание	2	132	42
15 марта	46	19	–	3	10	27	15	13 подследственных и подсудимых + 16 отбывали наказание	4	153	46
1 апреля	55	19	–	3	10	27	25	10 подследственных и подсудимых + 16 заключенных	4	169	42
15 апреля	80	23	–	2	4	18	18	10 подследственных и подсудимых + 17 отбывали наказание	2	174	20
1 мая	52	25	–	2	29	16	7	9 подследственных и подсудимых + 17 отбывали наказание	2	159	27
15 мая	49	30	–	2	11	1	10	8 подследственных и подсудимых + 17 отбывали наказание	3	131	24
1 июня	61	31	–	1	3	4	6	4 подследственных и подсудимых + 18 отбывали наказание	3	131	18
16 июня	59	33	–	1	4	6	5	5 подследственных и подсудимых + 21 отбывал наказание	3	137	8
1 июля	64	33	–	1	–	2	4	5 подследственных и подсудимых + 18 отбывали наказание	3	130	14

Таблица 8

**Движение политзаключенных
Троицкой тюрьмы в мае — июле 1919 года³⁹**

Дата	Количество заключенных		
	мужчин	женщин	всего
15 мая	24	1	25
1 июня	21	1	22
9 июня	24	1	25
16 июня	25	1	26
23 июня	26	1	27
1 июля	22	1	23

Данные по заключенным Челябинской тюрьмы следующие (табл. 9):

Таблица 9

**Сведения о количестве заключенных в Челябинской тюрьме
с 1 июля по 30 октября 1918 года⁴⁰**

Дата	Количество									Всего	Из них в больнице
	мужчин				женщин			детей			
	Следственных	Срочных	Кагоржных	Пересыльных	Следственных	Срочных	Пересыльных	Следственных	Срочных		
1 июля	465	32	1	40	17	16	3	3	—	577	42
15 июля	657	27	1	103	21	13	10	4	—	836	50
1 августа	654	33	1	35	28	17	10	3	—	781	62
15 августа	695	51	1	19	23	24	—	4	—	817	55
1 сентября	679	60	2	40	23	29	2	4	—	839	45
15 сентября	609	120	2	14	25	27	1	4	—	802	79
1 октября	558	107	2	39	26	31	5	5	2	775	57
15 октября	594	123	2	38	26	35	3	6	1	828	67
30 октября	567	146	2	51	25	45	4	4	7	851	90

Эти данные продолжает выкладка за более поздний период (табл. 10).

Таблица 10

**Статистика количества заключенных в Челябинской тюрьме
в конце 1918 — 1919 году⁴¹**

Дата	Категория заключенных						Итого	Осужденные к отдале в исправительные арестантские отделения, но признанные не способными к работам	Ссыльнокаторжные, перечисленные в разряд исправляющихся	Пользовались лечением в тюремной больнице или околотке
	Подследственные и подсудимые	Присужденные к тюрьме	Присужденные к исправительному арестантскому отделению	Присужденные к каторжным работам	Пересыльные	Дети при арестантах				
<i>1918 г.</i>										
1 ноября	586	197	1	2	58	10	854	—	2	89
1 декабря	437	205	3	5	48	8	706	—	4	71
<i>1919 г.</i>										
1 января	473	190	7	13	65	10	758	—	5	66
1 февраля	480	198	11	26	89	10	814	1	4	58
1 марта	570	155	15	29	87	5	861	2	3	98
1 апреля	725	144	44	46	28	5	992	2	4	102
1 мая	619	110	33	54	30	8	854	3	4	104
1 июня	670	97	27	95	47	8	944	5	4	77
1 июля	698	99	21	42	47	8	915	5	4	80

К сожалению, о политзаключенных Челябинской тюрьмы данных нет. Не все заключенные оказались в тюрьме в Гражданскую войну. Что касается данных о малолетних и несовершеннолетних заключенных, то на 1 января 1918 г. таковых насчитывалось шесть, прибыли и убыли за год двенадцать, к 1 января 1919 г. в заключении оставались также шесть. Девять несовершеннолетних находились в заключении более трех месяцев, шестеро — от месяца до трех, трое — менее месяца. Приговоренных к заключению в тюрьме или арестном доме на 1 января 1918 г. насчитывалось трое, в течение года прибыли 10, убыли 11, на 1 января 1919 г. приговоренных к этой мере наказания оставалось двое⁴².

Наконец, обратимся к статистике количества заключенных-женщин (табл. 11).

Таблица 11

**Количество заключенных-женщин
в Челябинской тюрьме⁴³**

Дата	Количество заключенных-женщин
1 ноября 1918 г.	77 (по другим данным, 72)
1 декабря 1918 г.	69
1 января 1919 г.	71
1 февраля 1919 г.	70
1 марта 1919 г.	65
1 апреля 1919 г.	66
1 мая 1919 г.	75
1 июня 1919 г.	76
1 июля 1919 г.	71 (по другим данным, 62)

Приведенные в табл. 11 цифры свидетельствуют о том, что количество заключенных женского пола практически не менялось.

Интересен вопрос о пересылке заключенных в тюрьмы Сибири через Челябинск. Находившийся на Транссибирской магистрали город был своего рода воротами Сибири. Администрация периодически пыталась решить задачу разгрузки Челябинской и других тюрем, пытаясь перевести заключенных в сибирские исправительные учреждения или в иные места заключения. Еще в августе 1918 г. начальник штаба III Уральского армейского корпуса генерал-майор Н. Т. Сукин предложил пленных красноармейцев из Челябинска отправить в Тоцкий лагерь (Самарская губерния)⁴⁴. В мае 1919 г. 98 осужденных на каторжные работы из Оренбургской губернии предполагалось перевести в Александровскую каторжную тюрьму⁴⁵. Однако планы эвакуации заключенных наталкивались на сопротивление администрации сибирских тюрем, от которой поступали сведения о их переполненности. Кроме того, при эвакуации особенно опасались инфекционных заболеваний. В связи с приближением фронта в начале июля 1919 г. белые эвакуировали Челябинскую тюрьму; 895 арестантов были вывезены в Сибирь: каторжные — в Александровскую каторжную тюрьму, прочие — в Александровскую пересыльную и Иркутскую губернскую тюрьмы⁴⁶. Среди эвакуированных было много уголовников. Эвакуировалась и Верхнеуральская тюрьма.

Общая статистика количества заключенных в Оренбургской губернии на 1 мая 1919 г. следующая (табл. 12):

Таблица 12

**Количество заключенных на подконтрольных белым территориях
Оренбургской губернии на 1 мая 1919 года⁴⁷**

Категория заключенных	Количество		
	мужчин	женщин	всего
Подследственные и подсудимые	1282	50	1332
Присужденные к тюрьме	176	45	221
Присужденные к исправительному арестантскому отделению	42	—	42
Присужденные к каторжным работам	88	2	90

Окончание табл. 12

Категория заключенных	Количество		
	мужчин	женщин	всего
Пересыльные	42	10	52
Содержащиеся по распоряжению административных властей	6	2	8
Дети при арестантах	4	5	9
Итого	1640	114	1754

Исходя из того, что тюрьмы на подконтрольных к этому времени белым территориях Оренбургской губернии вмещали 1241 заключенного, превышение, неизбежное в прифронтовой полосе в Гражданскую войну, составило 513 человек. Такое незначительное превышение относительно дореволюционных нормативов опровергает заявления о террористическом характере белых режимов на Южном Урале.

Среди документов тюремного ведомства удалось выявить чрезвычайно интересное дело об отправке из Оренбургской губернии на каторжные работы. В этом деле содержатся персональные карточки арестантов, включающие их биографические сведения, приметы, вынесенные в их отношении приговоры. Среди каторжников Оренбургской губернии периода Гражданской войны были лица, приговоренные к каторжным работам еще до революции, немало уголовников, но были и те, кого можно идентифицировать как политических заключенных.

К каторжным работам лица, на которых имеются карточки, приговаривались различными органами. Целый ряд приговоров вынесен военно-полевым судом при штабе Западной армии. Среди тех, кто приговаривался к каторге, а не к смертной казни, участники большевистских подпольных организаций, лица, подстрекавшие к бунту и лица, поднявшие на начальника оружие⁴⁸.

К примеру, выходец из Кустанайского уезда Тургайской области И. А. Провадин был признан виновным в создании тайной организации в тыловом районе и в воспрепятствовании приведению в исполнение приказа законных властей, осужден прифронтовым военно-полевым судом, утвержденным начальником гарнизона Троицка 1 апреля 1919 г., и попал в Челябинскую тюрьму, откуда подлежал отправке в Александровскую центральную каторжную тюрьму⁴⁹.

Еще один пример, разрушающий стереотип о том, что большевики-подпольщики еврейского происхождения белыми непременно истреблялись. Военно-полевой суд при штабе Западной армии 3 марта 1919 г. признал виновным в участии в работе подпольной большевистской организации и помощи семьям арестованных большевиков и красноармейцев С. Р. Мицгендлера, приговорив его к двадцати годам каторги. Аналогичными были обвинение и приговор, вынесенные тогда же А. А. Брагину⁵⁰.

Выходец из крестьян Кустанайского уезда Тургайской области И. Жунабаев подстрекал солдат одного из полков к бунту. Военно-полевой суд при штабе Оренбургского военного округа 11 февраля 1919 г. приговорил его к пяти годам каторжных работ. Жунабаев поступил в иркутскую Александровскую центральную каторжную тюрьму, где и умер 2 ноября 1919 г. в тюремной больнице от сыпного тифа⁵¹.

О том, что в Троицке осенью 1918 г. даже в отношении большевиков-подпольщиков расстрелы применялись далеко не всегда, свидетельствует доклад большевика С. Малышева Уральскому обкому РКП(б). Автор доклада отмечал, что «имевшие несчастье остаться или не успевшие бежать из Троицка активные работники партии и советских учреждений были расстреляны, часть их до сего времени сидит в тюрьме»⁵².

Дифференцированно применялось наказание даже в отношении членов челябинской подпольной организации большевиков, разгромленной белой контрразведкой в марте 1919 г. Тогда были арестованы 66 человек, девяти из них впоследствии полностью оправдали⁵³.

Анализ выявленных статистических данных показывает, что абсолютное большинство содержащихся в тюрьмах Оренбургской губернии в 1918–1919 гг. составляли подсудимые и подсудимые. Следствие и суд не справлялись с потоком дел ввиду острейшего дефицита следователей⁵⁴.

Особый интерес представляет численность политических заключенных на территории губернии. Обобщенные сведения об этом (кроме Челябинской тюрьмы, где политзаключенных в отчетах не выделяли в отдельную категорию) на 1 июня 1919 г. следующие: в Орской тюрьме — 105 политических заключенных, в Верхнеуральской — 220, в Троицкой — 22. Таким образом, в губернии (без учета Челябинской тюрьмы) насчитывалось 347 политзаключенных. По данным на 1914 г., численность населения Оренбургской губернии составляла 2,2 миллиона человек⁵⁵. Политические заключенные, следовательно, составляли около 0,016 % населения. Разумеется, речь идет об одномоментном и неполном срезе статистики. За весь период пребывания белых у власти в регионе численность политзаключенных будет выше. Тем не менее, о сколько-нибудь массовых политических репрессиях при белых говорить не приходится.

Среди лиц, которых тюремное ведомство белых относило к политзаключенным, немалую часть составляли пленные красноармейцы. По данным на 1 июня 1919 г., из 347 политзаключенных таковых было не менее 53. К 26 апреля 1919 г. в тюрьмах губернии содержались 189 пленных красноармейцев и 80 — в концентрационном лагере, всего же 269 пленных⁵⁶.

Среди документации Главного управления местами заключения сохранились документы о происшествиях в тюрьмах Оренбургской губернии. Происшествий в 1919 г. зафиксировано всего три: драка арестантов в Челябинской тюрьме 6 февраля 1919 г., в результате которой один из участников (В. Меньшиков) скончался; самоубийство заключенного Верхнеуральской тюрьмы И. Дмитриева 5 марта 1919 г. на почве болей от отравления газами в Первую мировую войну (начальник тюрьмы получил за это строгий выговор от губернского тюремного инспектора); побег двух политзаключенных из Троицкой тюрьмы 29 июня 1919 г. При этом беглецы подлежали освобождению 1 октября 1919 г., но не стали ждать этого срока⁵⁷. Исходя из того, что других происшествий не было зафиксировано, можно сделать вывод, что это единственные серьезные инциденты в оренбургском тюремном ведомстве в тот период, которые не могли быть скрыты от контролирующих органов. Если другие инциденты отсутствовали, а тюремная администрация оставалась дореволюционной, можно говорить о том, что события Гражданской войны практически не изменили тюремных порядков в регионе при белых.

* * *

Анализируя правоохранительную политику белых и террор на основании статистики тюремного ведомства, необходимо учитывать ряд факторов и обстоятельств. Прежде всего то, что далеко не все заключенные оказались в местах лишения свободы непосредственно при белых. В документах периода 1918–1919 гг. упоминаются лица, арестованные еще до революции. Среди арестантов было немало уголовников.

Положение заключенных при белых не было беспорядочным. В качестве надзорного органа функционировала губернская тюремная инспекция, действовали губернский тюремный комитет, общество попечения о тюрьмах Оренбургской губернии. Помощью политзаключенным занимался Оренбургский социалистический Красный Крест.

Статистика количества заключенных позволяет выявить численность лиц, преследовавшихся белыми по политическим мотивам. Таких лиц в Оренбургской губернии в целом немного. Среди них пленные красноармейцы, целесообразность тюремного заключения которых в качестве политзаключенных вызывает вопросы. Что касается политзаключенных, биографические данные которых известны, то, как правило, речь шла о красных подпольщиках, активно боровшихся с белыми режимами. Сохранившиеся документы не позволяют в полной мере проследить движение политзаключенных, чтобы дать точную оценку масштабам репрессий и оценить адекватность наказания обстановке Гражданской войны. Тем не менее, собранный материал послужит базой для дальнейших изысканий. Необходимо продолжать и работу по персонифицированному изучению деятельности и судеб политзаключенных.

К сожалению, не удалось выявить статистические данные о заключенных за некоторые периоды 1918–1919 гг. В частности, за июль — первую половину августа 1918 г. Отсутствуют данные о заключенных Оренбургской тюрьмы в конце 1918 — начале

1919 г. Подобная ситуация создает почву для допущений, что именно в эти периоды в тюрьмах содержалось намного больше заключенных, а репрессии усиливались⁵⁸. Однако такие допущения нуждаются в доказательствах. На сегодня известно, что политические заключенные благополучно дождались в губернской тюрьме прихода красных. Следовательно, усиления террора в начале 1919 г. в Оренбурге не произошло, но под вопросом в этом отношении остаются масштабы репрессий в первые недели по занятию города казаками в июле 1918 г.⁵⁹

Не приходится отрицать ни белый, ни красный террор, тем более в казачьем крае, где противостояние Гражданской войны отличалось особенной жесточечностью. Однако эта проблема, если речь идет о ее научном анализе, требует корректного, взвешенного и осторожного изучения с опорой на сохранившиеся архивные документы. Статистика, несмотря на ее неполноту, свидетельствует о дифференцированном подходе правоохранительных органов белых к приговорам, а также о том, что политзаключенные, вопреки пропагандистским мифам, не уничтожались, а содержались в местах лишения свободы. Приведенные данные не могут исключать эксцессов Гражданской войны — внесудебных расправ над заключенными, но не как массовых явлений.

Примечания

¹ Лисовский Н. К. Разгром дутовщины (1917–1919). М., 1964. С. 91.

² Для сравнения: общая численность населения Челябинска в то время составляла порядка 67 000 человек, из которых на долю трудоспособных мужчин приходилось около четверти. Таким образом, если верить Н. К. Лисовскому, жертвами белых в Челябинске стало сопоставимое с численностью мужского трудоспособного населения города количество людей.

³ Подробнее см.: Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов. М., 2006. С. 389–390.

⁴ Футорянский Л. И. Белый и красный террор в период Октября и Гражданской войны на Южном Урале // Иван Иванович Неплюев и Южно-Уральский край : материалы науч. конф. Челябинск, 1993. С. 120.

⁵ Оренбург. казачий вестн. 1918. № 86. С. 3 ; Статистический справочник Оренбургской губернии. Оренбург, 1925. С. 3.

⁶ Ратковский И. С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб., 2006. С. 104 ; Он же. Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917–1920 гг.). Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2017. С. 107.

⁷ О правоохранительной политике Дутова см.: Ганин А. В. Указ. соч. С. 359–373.

⁸ Ратковский И. С. Красный террор... С. 104–105.

⁹ Ратковский И. С. Белые репрессии в Оренбуржье в период Гражданской войны в России в 1917–1919 гг. // Петербург. ист. журн. 2015. № 2 (6). С. 124. См. наш комментарий к этой статье по материалам Южного Урала: Новые материалы об атамане А.И. Дутове / публ. А. В. Ганина // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры : сб. ст. и материалов. М., 2015. С. 211–214.

¹⁰ Хадька П. М. Записки солдата. Минск, 1971. С. 39–40.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-827. Оп. 4. Д. 42. Л. 1 — 1 об.

¹² ОГАСПИ. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 141. Л. 80.

¹³ ГАРФ. Ф. Р-827. Оп. 5. Д. 90. Л. 4.

¹⁴ Там же. Л. 9.

¹⁵ Там же. Л. 42.

¹⁶ Там же. Ф. Р-1405. Оп. 1. Д. 7. Л. 4 об., 9 об.

¹⁷ Сост. по: Там же. Л. 1 об.— 2.

¹⁸ Возможно, это связано с последствиями взрыва ста шестидюймовых снарядов в тюремной больнице при красных, последствия чего осенью 1918 г. еще предстояло устранить (Там же. Л. 4, 6).

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-827. Оп. 6. Д. 48. Л. 6 об.— 7.

²⁰ Согласно штатам, утвержденным 1 августа 1917 г., в Оренбургской губернской тюрьме полагалось иметь 5 старших и 69 младших надзирателей, 1 старшую и 2 младших надзирательниц (Там же. Ф. Р-1405. Оп. 1. Д. 7. Л. 3–3 об.).

²¹ Согласно штатам, утвержденным 1 августа 1917 г., в Илецком исправительном арестантском отделении полагалось иметь 3 старших и 40 младших надзирателей (Там же).

²² Согласно штатам, утвержденным 1 августа 1917 г., в Орской уездной тюрьме полагались 2 старших, 21 младший надзиратель и одна надзирательница (Там же).

²³ Согласно штатам, утвержденным 1 августа 1917 г., в Верхнеуральской уездной тюрьме полагалась также одна надзирательница (ГАРФ. Ф. Р-1405. Оп. 1. Д. 7. Л. 3-3 об.).

²⁴ Согласно штатам, утвержденным 1 августа 1917 г., в Троицкой уездной тюрьме полагалась также одна надзирательница (Там же).

²⁵ Согласно штатам, утвержденным 1 августа 1917 г., в Челябинской уездной тюрьме полагалось иметь 5 старших и 78 младших надзирателей, 1 старшую и 4 младших надзирательницы (Там же).

²⁶ Там же. Ф. Р-827. Оп. 7. Д. 58. Л. 6.

²⁷ Степанов М. М. Органы внутренних дел белых правительств периода Гражданской войны в России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 142.

²⁸ ГАРФ. Ф. Р-148. Оп. 7. Д. 11. Л. 23 об.

²⁹ Попов Ф. Г. Дутовщина (борьба с казачьей контрреволюцией в Оренбургском крае). М. ; Самара, 1934. С. 188.

³⁰ Машиш М. Д. Оренбургское и уральское казачество в годы Гражданской войны. Саратов, 1984. С. 52–54 ; Сайгин Н. И. В тылу Дутова (борьба подпольщиков и партизан Оренбуржья против дутовщины в 1918 году). Оренбург, 2001. С. 23–27.

³¹ ОГАСПИ. Ф. 7924. Оп. 1. Д. 128. Л. 1 об. ; ГА РФ. Ф. Р-827. Оп. 11. Д. 124. Л. 1–3. Список был опубликован 31 января 1919 г. в газете «Коммунар» — органе Оренбургского губернского и городского исполнительного комитета Советов. Позднее об этом списке с незначительным искажением его данных упомянула газета «Правда» (Правда. 1919. № 24. С. 3).

³² М. Н. Бурзянцев, И. Духанин, Н. М. Забарко, П. И. Калмыков, П. Н. Кириллов, Р. А. Марсаков, В. В. Харченко (Сайгин Н. И. В тылу Дутова. С. 16, 24–27). О расстреле заключенных в этой работе упоминается как о предшествовавшем занятию Оренбурга красными самостоятельным событием и без соотнесения с судьбами ранее упомянутых погибших подпольщиков (Там же. С. 27).

³³ Сост. по: ГАРФ. Ф. Р-827. Оп. 5. Д. 90. Л. 2, 4, 6 ; Оп. 7. Д. 57. Л. 1–3, 8.

³⁴ Сост. по: Там же. Оп. 7. Д. 57. Л. 4–7, 9–10.

³⁵ Сост. по: Там же. Д. 56. Л. 1–8, 12, 14.

³⁶ В деле имеются две ведомости заключенных тюрьмы, датированные 15 марта 1919 г. Возможно, первая из них относится к более раннему периоду. В таблицу данные включены по порядку расположения листов дела.

³⁷ Сост. по: ГАРФ. Ф. Р-827. Оп. 7. Д. 56. Л. 9–11, 13, 15.

³⁸ Сост. по: Там же. Д. 58. Л. 1–7, 9–15, 18, 21, 24.

³⁹ Сост. по: Там же. Л. 16, 19–20, 22, 23.

⁴⁰ Сост. по: Там же. Д. 59. Л. 11.

⁴¹ Сост. по: Там же. Л. 1–8, 12.

⁴² Там же. Л. 9 об.— 10.

⁴³ Сост. по: Там же. Л. 1–8, 12 ; Оп. 5. Д. 90. Л. 9, 27.

⁴⁴ Там же. Ф. Р-827. Оп. 5. Д. 35. Л. 1.

⁴⁵ Там же. Л. 33–36 об.

⁴⁶ Там же. Л. 51–52.

⁴⁷ Сост. по: Там же. Оп. 7. Д. 55. Л. 3. Отсутствуют сведения о захваченных красными Оренбургской губернской тюрьмы и Илецкому исправительному арестантскому отделению.

⁴⁸ Там же. Оп. 5. Д. 138. Л. 67, 124, 196, 199, 221.

⁴⁹ Там же. Л. 144–145.

⁵⁰ Там же. Л. 196, 199.

⁵¹ Там же. Л. 221.

⁵² Вебер М. И. «Организовать подпольную работу в Троицке оказалось безнадежным делом...» Доклад подпольщика Сергея Малышева Уральскому обкому РКП(б) // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Вып. 16. Екатеринбург, 2016. С. 116.

⁵³ РГВА. Ф. 39624. Оп. 1. Д. 137. Л. 393–394 ; Гражданская война на Южном Урале 1918–1919 : сб. док. и материалов. Челябинск, 1962. С. 251, 266–267.

⁵⁴ В частности, в Оренбургском окружном суде в августе 1918 г. работали лишь четыре судебных следователя вместо положенных по штату тринадцати (Степанов М. М. Указ. соч. С. 54).

⁵⁵ Россия накануне великих потрясений: социально-экономический атлас. 1906–1914. М., 2017. С. 26.

⁵⁶ ГАРФ. Ф. Р-827. Оп. 5. Д. 57. Л. 1.

⁵⁷ Там же. Д. 17. Л. 1–4.

⁵⁸ Ратъковский И. С. Хроника белого террора в России... С. 106–107.

⁵⁹ Относительно работы части следственных органов Южного Урала (в основном в районе Челябинска) в период «демократической контрреволюции» оценки исследователей достаточно осторожны, поскольку более половины дел прекращалось производством, а арестованные освобождались (Кобзов В. С., Семенов А. И. Правоохранительные органы Урала в годы Гражданской войны. Челябинск, 2002. С. 96–97).

**1917 ГОД ГЛАЗАМИ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ЧИНОВНИКА:
«ЧЕЛЯБИНСКИЕ ХРОНИКИ»
К. Н. ТЕПЛОУХОВА***

Переработка памяти о революционном прошлом нашей страны началась задолго до столетнего юбилея событий 1917 г. Помимо прочего эта проблематика доминировала в советской и постсоветской историографии. В научном мире до сих пор сохраняется устойчивый интерес к этой теме, особенно в связи с патриотической интерпретацией русской революции, наметившейся в середине 2000-х гг.¹

«Антропологический поворот» второй половины XX в. актуализировал пристальное внимание к широкому кругу проблем, связанных с человеком, его менталитетом, повседневностью. Вместо реконструкции макроистории акцент переносится на изучение микроистории, вместо глобальных теорий — на конкретные случаи. Происходит переход от анализа метанарратива к рассмотрению текстов, написанных «обычными» очевидцами. Меняется отношение к тексту, его начинают воспринимать как исторический источник, отражающий не столько реальность, сколько мотивы, образы, контекст.

В процессе реконструкции самосознания и жизненного мира исторической эпохи особо привлекают периоды изломов, таких как русская революция 1917 г. и, в частности, стратегии выживания населения в условиях катастрофы. Провинциальный опыт существенно отличался от практик жителей Петрограда или Москвы в силу удаленности от ключевых событий, скудости информации, социокультурной и политической ситуации в целом. В этом смысле «Челябинские хроники» Константина Николаевича Теплоухова (1870–1942) обладают высоким репрезентативным потенциалом, раскрывая многие малоизвестные страницы региональной истории.

Каждая эпоха выдвигает свои способы говорения о времени и пространстве, предлагает свой набор языков самоопределения и самоописания страны и ее локусов. Двадцатое столетие отличалось бурным ростом мемуарной литературы. К. Н. Теплоухов после выхода на пенсию в 1929 г. взялся за написание воспоминаний. Относился к ним как к труду жизни, понимая, что их не опубликуют. А повесть своим читателям он мог очень многое. Переехав в Челябинск из Перми, с 1899 по 1918 г. он работал по акцизному ведомству. По воспоминаниям внучки, это был чрезвычайно разносторонний человек: прекрасно знал русскую литературу, увлекался высшей математикой, химией, геологией. Стал одним из первых челябинских фотографов, писал рассказы о краеведении, охоте, рыбалке, заслужив звание «певца городского быта и уральской природы»².

И хотя 1917 г. начался для автора «мирно и спокойно», он назвал это затишьем перед бурей. Жизнь в столице становилась все труднее из-за перебоев в доставке продуктов питания и топлива. Ситуация на фронте также не могла порадовать, несмотря на перманентную мобилизацию и высокую оснащенность оружием. «Успешно шло только разложение армии»³, — писал он. Автор не рассматривал эти явления как факторы складывания революционной ситуации. Как и роспуск Государственной

* Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-04-00118 «На границе литературы и факта: языки самоописания в периодической печати Урала и Северного Приуралья XIX — первой трети XX века».

думы 26 февраля, ставший очередным политическим событием, не предвещавшим грядущих перемен. Однако «с марта началось»: 2-го числа пришло сообщение об отречении императора Николая II от престола, что не произвело особого впечатления ни на него, ни на окружающих. Одобрили и отказ от власти Михаила Романова. Правда, последующие события заставили признать наивность такой точки зрения. К назначению Временного правительства челябинская общественность отнеслась «безразлично, пожалуй, скорее с недоверием», утешаясь тем, что оно временное. Из всех членов правительства, по мнению К. Н. Теплоухова, лишь один был деловым человеком: «Все министры, за исключением А. И. Гучкова, были неисправимыми теоретиками, хорошо говорили в своих курятниках, были полны самых благих намерений, даже старались, но с прозой управления даже не встречались»⁴. Заметки о тех, кто встал у руля империи, говорили в пользу осведомленности автора, в том числе за счет вырезок из петроградских газет, присылаемых дочерью.

Бурные события в городе на Неве тревожили все чаще, демонстрации и беспорядки перекинулись на другие регионы. Между тем в Челябинске подобных «выступлений» не наблюдалось: «все занимались своими делами». Хронологической отсрочке надвигающейся катастрофы способствовали удаленность от столицы, общероссийская тенденция децентрализации, слабая связь между населенными пунктами, неразвитость городской жизни, перебои с дорожной сетью из-за Первой мировой войны. Отсюда — свойственные для провинции слухи, предположения, сплетни, участившиеся в условиях дефицита актуальной информации. Из-за волнений в Петрограде газеты издавались неаккуратно, а из-за беспорядков на железной дороге плохо доставлялись. Для автора, привыкшего читать свежую прессу и быть в курсе событий, это стало неприятным явлением. Другим атрибутом кризиса оказалась инфляция: челябинские цены ежемесячно поднимались на два-три процента. «Нам казалось это ужасным, но затруднений в приобретении чего-либо не наблюдалось», — писал. К. Н. Теплоухов, который за службу в акцизном ведомстве и военно-промышленном комитете получал зарплату 250 и 500 рублей соответственно. Подспорьем также являлось собственное хозяйство: огород, две коровы, охотничьи трофеи. Семья еще арендовала участок, где посадили пшеницу, овес, табак. Вообще, он назвал челябинский уезд богатым: здесь много кож, скота, шерсти, три железнодорожных ветки.

Предстоящие выборы в Учредительное собрание активизировали общественно-политическую жизнь страны. «Зашевелились» и челябинцы. Сначала толковали в отдельных кружках, в земстве, на бирже. В итоге созвали общее собрание для решения, в какую партию вступить всем, чтобы не дробить голоса: «Народ собрался из разных слоев, большинство были не левее умеренных октябристов, но стеснялись публично заявить об этом, потому все вступили в партию кадетов», — отмечалось в мемуарах⁵. Выбор оказался прост: поддерживать надо «партию власти». Получается, что стремление многих социальных групп к повышению своего статуса и готовность к переменам, зародившиеся в крупных городах на рубеже веков, мало коснулись южноуральской провинции. Отсутствие в России гражданского общества, неясность программных установок партий, малограмотность большинства населения, неразвитость самоуправления и буржуазных институтов предопределили выбор челябинцев. Политическая незрелость проявилась, например, в том, что собравшиеся стали вносить поправки в каждый параграф программы, преобразив ее до неузнаваемости. Автор вспоминал: «Я им сказал, вряд ли кадеты изменят программу по усмотрению челябинцев, а значит, надо создавать самостоятельную партию»⁶. Реплика возымела действие: согласились просто вступить в организацию. На этом перегибы не закончились. Наиболее рьяные новоиспеченные кадеты записали и всех служащих своего учреждения или конторы, заплатили из своих средств пятирублевый взнос: «А те и не подозревали, что они кадеты, а потом пережили много неприятных минут, когда воцарились красные и стали преследовать бывших кадетов»⁷. Судя по всему, о партиях, их целях и задачах, различиях челябинцы знали крайне мало. К примеру — о социалистах. Сам К. Н. Теплоухов думал, что они разделились из-за взглядов на мировую войну. Один его знакомый вообще считал, что социализм — это когда все равны. Вряд ли другие провинциальные города тогда в этом смысле стали исключением.

Просуществовав всего несколько месяцев, челябинская партия кадетов не остави-

ла почти никакого следа в политической жизни региона. На заседаниях обсуждались сугубо местные дела: продажа крупы, кадровые назначения и пр. И все-таки продуктивным оказалось издание ежедневной газеты «Народная свобода». Автор оценил ее как интересную и «живую» благодаря сотрудничеству с местными писателями и привлечению профессионалов. Сначала газету редактировал заведующий школой С. К. Кузьмин, затем — директор реального училища историк П. М. Андреев. Всего вышло 179 номеров.

Эта газета, как и другие средства массовой информации, освещала в основном обстановку на фронте. Многие задавались вопросом, почему продолжалось разложение русской армии вопреки приличному обеспечению оружием и помощи со стороны союзников. К. Н. Теплоухов возлагал вину на Временное правительство, не способное справиться с беспорядками в стране, отчего его авторитет падал с каждым днем. Пытаясь объективно оценивать ситуацию, он признавал, что проблемы возникали нередко из-за поведения российских воинов. Так, приводился эпизод с высадкой русского корпуса во Франции. Его продержали взаперти до отправки на фронт из-за хулиганства и мародерства солдат. Все это ослабляло международный авторитет России, как и дезертирство: узнав о революции, многие бойцы покинули Западный фронт.

Воздействие внутреннего фактора дестабилизации — двоевластия, или «анархии», как назвал автор, — датировалось не ранее лета 1917 г.: «Совет теперь вылез из подполья и натравливал население и солдат на Временное правительство, — оно грызлось между собой и делало вид, что не замечает Совета»⁸. По его мнению, конфликт обостряли «нелепые» требования пролетариата: стопроцентная прибавка жалования с начала войны, шестичасовой рабочий день, выплата зарплаты за полгода вперед. Верхом абсурдности стали новости с Балтики: «Неразбериха дошла до того, что Кронштадт объявил себя независимой республикой»⁹. Поведение этих и других недовольных групп населения он оценил так: «добивались» и «требовали», вероятно, и сами не знали — у кого и чего.

Уже вскоре аналогичные явления добрались и до Челябинска, который не мог оставаться в стороне от процессов пробуждения общественной инициативы. Они отражали возросшую политическую активность вследствие демократизации страны после Февральской революции, с одной стороны, а с другой — порождались неспособностью правительства обеспечить стабильность в тылу и на фронте. В Челябинске возник Комитет общественной безопасности с широким представительством, в него вошли даже рабочие. Казалось бы, в условиях надвигающегося хаоса разнородные силы будут стремиться к компромиссу и социальному миру. Но это стало почти утопией: правые и левые не смогли договориться, и председателем выбрали одного «бесцветного» врача. О нем автор высказался весьма иронично: «Агапов принял весьма озабоченный вид, ходил с толстым портфелем, жаловался на большую работу, но по существу остался тем же Пашей Агаповым»¹⁰. Авторитет комитета держался лишь на поддержке двух батальонов, ведь, несмотря на статус высшего органа власти, не были определены его функции.

Все это отражало положение в столице, где не прекращались скандалы: «Каждый из министров ведет свою линию, грызутся между собой, объединяющего центра нет»¹¹. Избрание нового председателя Временного правительства не оправдало надежд: А. Ф. Керенский — «социалист, болтун, без царя в голове» — не смог навести порядок. При нем разложение армии пошло быстрее и успешнее: назначенные в каждую часть военные комиссары уговаривали солдат продолжать войну. «Главноговаривающим» стал он сам. На Государственном совещании, открывшемся 12 августа в Москве, А. Ф. Керенский проговорил шесть часов подряд. Произошел казус: один из двух охранявших его жандармов упал в обморок через три часа, второго пришлось заменить. Никчемность заседания для многих была очевидной: «Слушатели обалдели и перестали понимать, — что они, где они и зачем они тут...»¹² Задачи по укреплению социальной базы Временного правительства и провозглашению антикризисной программы достигнуты не были. По наблюдению автора, после совещания положение только ухудшилось. Население оказалось в ситуации, когда ради выживания требовалось преступить закон. Например, подготовка челябинцев к отопительному сезону была успешно решена благодаря казакам, которые рубили войсковые рожи и дешево

продавали на базаре дрова. Некоторые зарабатывали тем, что варили самогонку. Как работник акцизного ведомства К. Н. Теплоухов пытался пресечь подпольное винокурение. Однажды он даже наткнулся на крестьян, в открытую варивших алкоголь.

В поле зрения автора нередко попадала повседневная рутина, мелочи жизни, курьезные случаи. К примеру, его поразили возникшие очереди за галошами. Без обращения к краеведческим исследованиям сложно представить себе всю важность покупки этого товара. Еще В. Весновский писал, что многие улицы города — немощеные, а если замощены, то острыми камешками вверх. Оттого иногда встречались на мостовых застрявшие галоши. По размеру галош и узнавали приезжих: местные жители носили большие галоши, даже полуботинки, а приезжие чаще всего — мелкие¹³. К этому стоит добавить грязь челябинских улиц, сатирически описанную П. Н. Второвым в фельетонах¹⁴.

С августа перестали ходить газеты, и источником информации становились лишь слухи. Часто удавалось что-то узнать от приезжих из Сибири: «Европейская Россия оказалась *terra incognita* (так в тексте.— Н. Ж.)»¹⁵. И все-таки разлагающее влияние докатилось и до Челябинска. Падала производительность в мастерских, рабочие стали лениться: «Пример петроградских рабочих и усиленная агитация делали свое дело»¹⁶. «Обещающих» в Челябинске было достаточно: чаще других говорили о С. Цвиллинге и С. Елькине.

Ожидаемое К. Н. Теплоуховым событие октября — командировка в Москву на Всероссийский съезд комитетов — разочаровало. Заседания показались скучными, а доклады — монотонными. С утра до вечера К. Н. Теплоухов бродил по Москве, любясь историческими объектами. Не понравилась ему современная архитектура, в частности храм Христа-спасителя. Зато удивила масса больших блестящих магазинов, из-за отсутствия товара торговавших еле-еле. Это замечание, а также упоминание о том, что железнодорожное движение на запад шло свободнее, чем на восток, стали единственными подтверждениями революционного кризиса. Все это противоречит распространенному мнению, что осенью 1917 г. страна находилась на грани общенациональной катастрофы.

Судя по мемуарам, для автора эпохальное событие — Великая Октябрьская социалистическая революция — прошло незамеченным: «В ноябре появились слухи, что в Петрограде происходят крупные события: Керенский и его коллеги исчезли куда-то, а власть захватили красные»¹⁷. В декабре слухов стало больше. Говорили о переговорах новой власти о сепаратном мире и о скором окончании войны. Слухи подпитывались тем, что объявлялась демобилизация, началось массовое бегство с фронта, исчезли задержательные центры, аннулировались государственные долги и заказы военно-промышленным комитетам. Тем временем мирная жизнь продолжалась по инерции: лавки торговали, присутственные места открывались и закрывались вовремя, в школах учили. Настроения челябинского общества в конце 1917 г. выражались так: «Слухами интересовались все,— некоторые волновались, но подавляющее большинство оставалось спокойным: вот будет Учредительное собрание, оно решит — что и как...»¹⁸ Даже то обстоятельство, что старая власть умерла, а новая еще не народилась, никого особо не огорчало.

Подобный оптимизм, вероятно, проистекал из-за неосведомленности о процессах, развернувшихся в Петрограде после захвата власти большевиками. Автор признавал, что начиная с сентября из-за прекращения доставки газет пришлось описывать «внутренние» события — семейные и городские. Во многом этим обусловлено запоздалое зарождение постреволюционных явлений на челябинской почве. Например, здесь лишь в начале 1918 г. образовалась вторая власть, причем было неизвестно, кто ее назначил или выбрал. Вскоре она превратилась в новую, советскую власть. Изменения поначалу были довольно безобидными: появилось много воззваний по разным вопросам. Но далеко не все указы достигали результатов. Так, провозглашение выборного начала в школах привело к избранию тех же, кто прежде и работал — из-за дефицита педагогических кадров. Завершились неудачей попытки национализации домов. Однако пролетариат, как главная опора большевиков, стал обретать уверенность в своих силах. Рабочие все чаще вмешивались в производственные вопросы, вставали на защиту своих интересов. К примеру, Д. Колющенко в довольно резкой

форме пытался выяснить у военно-промышленного комитета, почему завод «Столь и К^о» получил военный заказ лишь на сто мин, тогда как предприятия в Кыштыме и Златоусте — на тысячу каждый. Рабочие успокоились только после аргументов К. Н. Теплоухова: несмотря на изготовление изделий с браком и запозданием, для поддержки местных трудящихся будет продолжена практика мелких заказов. Стоит отметить, что встречаемые фамилии деятелей, в честь которых названы улицы Челябинска, как правило, лишены героического ореола, свойственного персонажам советской литературы о революционерах. К примеру, Д. Колющенко показан грубоватым и недалеким. А с именем С. Елькина был связан один курьез: он просил защитить типографию его семьи от рабочих, требующих прибавки: они получили десять процентов, потом — пятнадцать и требовали еще. При этом отмечалось, насколько низкой была активность рабочих в общественной жизни города: они хотели работать минимум, а получать максимум, «на все остальное им было “плевать”».

Таким образом, мемуары К. Н. Теплоухова «Челябинские хроники» стали одним из немногих локальных текстов, освещавших русскую революцию 1917 г. Причем в фокусе авторского взгляда оказались не только Челябинск и окрестности, но и Петербург, Москва, Пермь и другие города. Несмотря на высокую степень персональности, очевидно, что автор излагал отношение к происходящему определенной социальной группы. В большинстве это были представители провинциальной интеллигенции, как и он, скептически воспринимавшие новости из столицы. Многим из них было трудно привыкнуть к резко меняющимся обстоятельствам. Неслучайно автор частенько допускал путаницу в названии города — то Петербург, то Петроград.

Перед читателем разворачивается картина постепенного разрушения нормальных условий жизни. Особенно сложно это было пережить в Петрограде. Грядущая катастрофа проявилась не столько в деградации властных структур, сколько в деструкции повседневности: инфляция, недостаток топлива и хлеба, перебои с выпуском газет. Между тем совсем нет ощущения цивилизационного обвала в самом Челябинске. Перемены приживались медленно, горожане продолжали жить по-прежнему: «Что-то носилось в воздухе: продолжали работать, учиться, но как-то механически, по инерции»¹⁹. Все шло своим чередом: летом многие разъехались по озерам. Вроде бы впереди новая, неизвестная жизнь, но текущую никто не отменял. Стремление жить как всегда, вероятно, стало защитным механизмом, спасавшим от отчаяния и страха перед будущим. Отсюда — много внимания описанию охоты, перечислений в подробностях, сколько зайцев убил каждый член семьи. Жизнь Теплоуховых кажется однообразной, даже скучной: жена хозяйничала по дому, дочери работали, он тоже, да еще вечерами столярничал или сапожничал. Все это показано как нормальная жизнь, «здоровая» будничность. Традиционная для кризисов деформация семейных отношений обошла стороной этот дом. Таблицы с указанием цен на продукты отражали систему ценностей подавляющего большинства россиян в 1917 г. Очевидно, что на пороге пятидесятилетия К. Н. Теплоухова волновали проблемы здоровья, досуга, жизни вообще, нежели борьба убеждений или потребность в новизне. Общественный подъем, охвативший многие группы населения, на авторе мало отразился: он работал на двух должностях, но, кажется, скорее, ради жалования, нежели из-за амбиций, потребности в самореализации или общения с единомышленниками. Автор фокусировался на утилитарной стороне жизни: служба, забота о пропитании семьи, хобби. Так, потрясением в начале июня стали заморозки, из-за которых сгнила малина и пострадали пчелы. На Теплоухова лично это повлияло более негативно, нежели события в Петрограде. Подобная «беззаботность» во многом порождалась изоляцией Челябинска, лишенного известий из внешнего мира.

Да, конечно, признавалось, что после 1917 г. существование автора и его знакомых изменилось, но водораздела на периоды «до» и «после» нет. Однако Октябрьскую революцию автор не принял. Его судьбу изменил 1919 г., когда установилась советская власть: он стоял на бирже труда, карьерный рост давался с трудом. С 1919 по 1929 г. К. Н. Теплоухов сменил более двадцати мест работы, причем часто увольняясь по собственному желанию, недовольный ростом бюрократизма, невежества, неорганизованности. И хотя в мемуарах нет явной антисоветчины, их вряд ли могли опубликовать в СССР. Например, у советского читателя могли возникнуть сомне-

ния насчет роли большевиков в организации Февральской революции и свержении царской власти. До апреля 1917 г. об этой партии ничего не знали в России. Автору показалась странной заметка в прессе о беспрепятственном прохождении из Швейцарии в Петроград вагона с тридцатью двумя социалистами, из них девятнадцать были членами новой партии — большевиков²⁰. Все это развенчивало миф о том, что РСДРП(б) с февраля по октябрь 1917 г. завоевала внимание большинства рабочих и крестьян. Замалчивались последствия первых декретов советской власти: ни о национализации земли, ни об отмене частной собственности и «атаке на капитал» не говорилось. Наоборот, показано, что каждый старался заработать любым способом. Приход большевиков к власти никоим образом не показан как величайшее событие в истории. Челябинск узнал об этом поздно, посредством слухов. Новая власть поначалу всерьез не воспринималась: чего только стоит эпизод с захватом чехами в 1918 г. красного гарнизона, охранники которого просто спали.

Автор не избежал соблазна многих мемуаристов — доказать важность собственного участия в описываемых обстоятельствах. Он вспоминал, что в июне его выбрали в городскую думу, хотя он и не выставлял своей кандидатуры. Несколько раз его избирали в общественные структуры, но он также отказывался. При этом «Челябинским хроникам» почти не свойственна оценка исторических событий, столь характерная для мемуарного жанра. В основном сухое краткое описание действий. Нет пространных комментариев или философских размышлений. Как будто автор предлагал читателям самим сделать выводы. Вероятно, воспоминания предназначались узкому кругу — семье. Оттого не ставилась цель переосмысления революции: освещалась четверть столетия — с 1899 по 1924 г. — как ключевая веха в биографии автора и страны. Неслучайно мемуары содержат много казусов, наиболее поразительных случаев. В этом раскрывалось одно из ключевых свойств памяти: если факты могут стираться, то впечатления останутся навсегда. Хотя автор и опирался на дневники, письма, личные заметки, вырезки из газет, воспоминания близких. Об этом свидетельствуют ссылки на точные даты мелких событий. Но нередко память, особенно с возрастом, подводит. В частности, Брусиловский прорыв он датировал 1917 г., тогда как это событие произошло годом раньше. Подобные неточности не искажают общей картины исторических событий, но все-таки порождают сомнения в достоверности изложенного материала. Однако выяснять соотношение исторического нарратива и реальности прошлого — задача исследователя, а не мемуариста.

Примечания

¹ Подробнее об этом см.: *Нарский И. В.* Октябрьская революция 1917 года в советской и российской коллективной памяти // *Вестн. ВЭГУ.* 2017. № 2 (88). С. 151–164.

² *Гайнуллин М. Ш.* Уральский Леонардо да Винчи. Хроники Челябинска вековой давности // Южноурал. панорама. 2015. 13 марта.

³ *Теплоухов К. Н.* Челябинские хроники. 1899–1924 / сост. и науч. ред. В. С. Боже ; Центр ист.-культур. наследия Челябинска. Челябинск, 2001. С. 290.

⁴ Там же. С. 291.

⁵ Там же. С. 294.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 295.

⁸ Там же. С. 299.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 300.

¹¹ Там же. С. 301.

¹² Там же. С. 303.

¹³ *Весновский В.* Весь Челябинск и его окрестности (1909 г.) // *Дореволюционный Челябинск в слове современников : собр. текстов / сост. В. С. Боже.* Челябинск : Центр ист.-культур. наследия г. Челябинска, 1997. С. 48.

¹⁴ *Журавлева Н. С.* Периодическая печать как форма литературной жизни Челябинска в первой трети XX в. // *Литературный процесс в региональной периодической печати 1830–1930-х гг.: от «Заволжского муравья» к «Уральскому рабочему» : коллектив. моногр. / под общ. ред. Е. К. Созиной, Т. А. Снигиревой.* Екатеринбург : Кабинет. ученый, 2016. С. 313.

¹⁵ *Теплоухов К. Н.* Указ. соч. С. 305.

¹⁶ Там же. С. 306.

¹⁷ Там же. С. 315.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 318.

²⁰ Там же. С. 294.

М. А. Казанцева

ХРОНИКА XX ВЕКА. ТУРГОЯКСКАЯ ТРАГЕДИЯ (по материалам периодической печати 1950–60-х годов)

2017 г. в России наполнен многими яркими событиями, привлекающими внимание общественности. Среди них столетие Октябрьской революции. Как и все значимые исторические события, русская революция по своему характеру — явление неоднозначное. Мировое сообщество до сих пор бурно обсуждает события вековой давности. И это не удивительно, ведь русская революция несет в себе множество человеческих судеб и жизней, героических подвигов и, в контрасте с ними, действительно позорных фактов и страшных тайн, многие из которых до сих пор остаются неразгаданными.

Как известно, историю вершит человек, сохраняя ее для потомков. Благодаря неустанной работе историков, краеведов и просто неравнодушных к судьбе своего народа людей мы узнаем факты и подробности событий ушедших эпох. Одним из таких людей является инициатор создания музея в городе Карабаше Андрей Афанасьевич Панов. В далеком 1909 г. он переехал в Карабаш из Кыштыма. Участник Гражданской войны, с 1916 г. участвовал в рабочих забастовках, революционном движении, деятельности большевистских организаций. С 1939 г. занимал пост редактора заводской многотиражной газеты «Борьба за медь», с 1941 г. работал в газете «Карабашский рабочий». Удивительный, многосторонний человек, посвятивший многие годы сбору богатейших исторических материалов о городе и его жителях. Андрей Афанасьевич собрал 90 папок исторических документов, которые легли в основу музейного фонда. Именно благодаря работе Андрея Афанасьевича в «Карабашском рабочем» в 1950–60-е гг. большое внимание уделялось темам революции и Гражданской войны на Урале. Материалы, опубликованные в газетах, позволяют пролить свет на события 1917–1919 гг. Многочисленные воспоминания, беседы с участниками и свидетелями военных действий, фотографии и документы открывают читателям многие ранее не известные и даже засекреченные факты. Среди них крайне трагическая и страшная история гибели 96 человек — рабочих Карабашского завода.

Карабаш — один из старейших городов Челябинской области. В южной его части, в Соймановской долине, на каменном постаменте возвышается черная безмолвная фигура рабочего-красногвардейца.левой рукой опирается он на рукоять тяжелого молота, правой твердо сжимает винтовку. Этот монумент установлен на братской могиле 96 карабашских рабочих — борцов революции, которые пали жертвами кровавой расправы в далеком июне 1918 г. Взгляд рабочего обращен к востоку — туда, где из-за Золотой горы ежедневно встает солнце, откуда приходит утро и где оборвались многие невинные жизни...

В первые дни Октябрьской революции Советы взяли власть во многих городах и селах Южного Урала: в Миньяре, Усть-Катаве, Аше, Кыштыме, Верхнем и Нижнем Уфалее... Большевистские организации пользовались огромным влиянием в массах, так как в этих районах наиболее организованную силу представлял именно пролетариат. Однако в районах, где имелись крупные контрреволюционные силы белоказаков и эсеров, пролетарская власть встречала серьезное сопротивление. Таким образом, с середины 1918 г. Южный Урал стал ареной ожесточенной гражданской войны.

Активное участие трудящихся Карабаша в борьбе против белогвардейцев не было случайным. Несмотря на то что история города началась задолго до того, как разразились трагические события сначала революции, а затем и Гражданской войны, вся она пронизана духом борьбы. В далеком 1822 г. в одной из долин, затерянных в южноуральских горах, на берегу таежной речушки Сак-Елги было обнаружено золото. Там-то и заложил заводчик Григорий Зотов небольшой выселок. Так появился поселок Соймановский, из которого позже вырос металлургический городок Карабаш. Спустя время, в 1834 г., в долине были обнаружены залежи медной руды, которая скрывалась под «железными шапками», и заложен первый медный завод. Соймановский поселок тогда входил в состав Кыштымского горного округа. Территория округа вызывала огромный интерес у промышленников и в 1907 г. была выкуплена английским горным обществом, возглавляемым капиталистом и инженером Лесли Урквартом. В погоне за максимальной прибылью Уркварт хищнически эксплуатировал природные богатства Соймановской долины. Разрабатывались только самые богатые руды с содержанием меди не ниже 4 %. Варварски вырубались леса. За десять лет хозяйствования Уркварта цветущая лесная долина превратилась в изрытую желто-серую пустыню. Только с 1910 по 1916 г. доход Уркварта составил 1524 тысячи рублей золотом¹.

Такая огромная по тем временам прибыль была добыта кровью и потом тысяч уральских рабочих. До постройки медеплавильного завода и рудников местные жители занимались старательством — добывали рудное и россыпное золото. Работа была тяжелой, старатели проживали в трудных условиях. Поэтому соймановские рабочие не раз поднимались на борьбу против царского произвола и гнета иноземных промышленников. В 1908 г. начались волнения среди рабочих старого медного завода, вызванные очередным понижением зарплаты. В 1909 г. на шахте Конюховской стихийно вспыхнул бунт. После пуска третьего медеплавильного завода в 1910 г., несмотря на установку самого современного на тот момент заводского оборудования, жизнь рабочих легче не стала. И в 1911 г. вновь произошло крупное волнение в медеплавильном цехе. Забастовка длилась 12 часов, пока администрация не согласилась удовлетворить требование бастующих о сокращении рабочего дня. В 1915 г. Карабашский медеплавильный завод выпускал треть всей меди в стране. Несмотря на столь высокие показатели, условия труда рабочих не улучшались, промышленники продолжали богатеть, а простые рабочие только беднели. Надежду на лучшее карабашским рабочим подарила февральская, а затем и октябрьская революции 1917 г. В марте 1917 г. рабочие карабашского завода добились сокращения рабочего дня до восьми часов. А в июне того же года рабочие потребовали, чтобы с завода убрали «урквартовских мастеров». Новыми мастерами стали местные жители, знатоки своего дела Владимир Махетов, Петр Карташов и Владимир Абрамов.

После Февральской революции большевистские организации по всей стране вышли из подполья, карабашская партийная группа не стала исключением. Большевики все более широко разворачивали свою деятельность. На заводах Карабаша и Кыштыма распространялась газета «Правда», еще в 1912 г. рабочие заводов приняли активное участие в сборе средств в фонд этого издания. Кроме того, среди рабочих Карабаша распространялась и нелегальная большевистская газета «Рабочий». Итогом деятельности карабашских активистов стало то, что предприятия Карабаша (тогда уже поселка) были национализированы одними из первых не только на Урале, но и в стране. В декабре 1917 г. они стали собственностью народа. Также благодаря деятельности активистов очень бойко проходила запись карабашцев в ряды Красной гвардии. На всей территории города открыто шли занятия по военной подготовке новобранцев.

Летом 1918 г. Южный Урал стал ареной ожесточенной гражданской войны. Рабочие Кыштымского горного округа, как и все южноуральцы, были вынуждены взяться за оружие, чтобы отстоять свою свободу. 27 мая 1918 г. на завод пришли известия о возвращении Колчака и о вспыхнувшем контрреволюционном восстании Чехословацкого корпуса. В тот же день крупные силы белочехов двинулись в сторону Екатеринбурга. В Карабаше состоялся митинг, на котором выступили активисты города — председатель центрального делового Совета трудящихся Кыштымского

горного округа коммунист Д. А. Тимонин и рабочий завода И. П. Логутенко. Они призвали собравшихся встать на защиту завоеваний рабочего класса. Добровольцами записалась большая часть членов Социалистического союза рабочей молодежи. Среди них — организатор и руководитель молодежной организации Афанасий Логутенко, Степан Ерошкин, Иван Тараканов, Алексей Брялин и др. Всего записалось до 200 рабочих. Из добровольцев был сформирован красногвардейский отряд, который возглавил коммунист Д. А. Тимонин, помощниками командира были назначены рабочие М. Саломатин и С. Пыхов². Карабашский отряд тут же отправился в Кыштым, где располагался главный штаб екатеринбургско-челябинского направления. Там карабашские красногвардейцы встретились с отрядами из Каслей, Кыштыма, Уфалея. Основная часть отрядов под командованием Тимонина и Саломатина расположилась в Тютнярах. Отряды рабочих были плохо вооружены. Одежда и обувь также оставляли желать лучшего. Кроме того, новоиспеченные красногвардейцы были плохо обучены и не могли с полной силой противостоять более подготовленному и лучше оснащенному противнику. Таким образом, отряды Красной гвардии, сражавшиеся в районе Аргаяша против белогвардейцев, под давлением превосходящих сил противника вынуждены были отступить. Часть красногвардейцев Карабаша отошла в сторону Златоуста, часть продолжала оставаться в рабочем поселке. Вскоре в Карабаш прибежал гонец с плохой новостью: соседнее село Андреевку захватили белоказаки, убит председатель совета А. И. Макурин, арестованы активисты. В Карабаше было принято решение отправить отряд для освобождения Андреевки от белоказачков. Отряд карабашцев под предводительством Андрея Савельева с задачей справился, однако все понимали, что вскоре белоказаки вернуться.

Установление белогвардейской диктатуры на Южном Урале сопровождалось поистине диким, кровавым террором. Красная гвардия отступала. Весть о скором приходе белых в Карабаш заставила рабочих задуматься о своей безопасности. Вечером 11 июня в город ворвались казаки. Белоказацкая сотня под предводительством поручика Глинского учинила жестокую расправу над жителями города³. Очевидцы утверждали, что пьяные белоказаки жестоко избивали каждого, кто осмеливался произносить неугодные речи. Шли бесконечные обыски и аресты, людям запрещалось собираться в группы больше трех человек. Многие активисты вынуждены были уйти в леса. В их числе был и Василий Глазков, в доме которого неоднократно проходили собрания рабочих. После ухода Глазкова в лес его жена продолжала прятать в своем доме не только оружие и боеприпасы, но и 12 красногвардейцев, не успевших покинуть поселок до прихода белых. Чтобы не вызывать подозрений у окружающих, женщина была вынуждена пойти на разные уловки. Ведь на ее плечи легла нелегкая задача прокормить 12 человек, а это оказалось непросто. Однако женщина нашла выход и вскоре прослыла в поселке спекулянткой. Дурная слава была ей на руку — белогвардейцы считали ее своим человеком, тем самым Глазкова отводила от себя подозрения в укрывательстве. Но все же вскоре ее стали подозревать. Женщина придумала хитроумный план, при помощи сестры мужа под покровом ночи она сумела вывести из дома всех красногвардейцев, переодев их в женскую одежду. Беглецы благополучно скрылись в лесу и присоединились к отряду Глазкова. Однако женщина все же была арестована после обыска дома. Глазков, переживая за судьбу жены, совершил роковую ошибку — тайком пробрался в поселок. Здесь Глазкова заметили и впоследствии выследили, где скрывается его отряд. Рабочие были арестованы и пригнаны назад в Карабаш.

Для того чтобы успокоить рабочих и выявить активистов Красной гвардии, белогвардейцы пошли на хитрость — подговорили администрацию завода объявить, что все рабочие могут вернуться на завод и что никаких репрессивных мер к ним применяться не будет. Многие поверили этому и вернулись на свои рабочие места. Производство вновь запустили, рабочие продолжали собираться на заседания. Однако были среди них и предатели. Так, во время очередного заседания профсоюза были арестованы Алексей Брялин, Абрам Малоземов, братья Гвоздевы. Один из активистов — Афанасий Клепинин — был предупрежден и успел убежать в лес, но белогвардейцы долго пытали его мать в надежде на то, что женщина выдаст им сына. Не добившись от матери Афанасия признания, белогвардейцы бросили ее, избитую,

умирать на улице. Женщине помог сосед Никифор Махетов. На этом белогвардейцы не остановились и продолжали выискивать активистов Красной гвардии. Вскоре один из рабочих по фамилии Миляев донес, что в доме семьи Логутенко проходят собрания и что семья что-то прячет. В результате были арестованы братья Иван и Афанасий Логутенко — активные участники революционных событий в Карабаше. Арестованных и осужденных на смертную казнь братьев было решено доставить поездом на место казни. 24 июня всех осужденных привели на станцию Карабаш и согнали в один вагон. Родственникам не дали возможности даже попрощаться с ними, вагон надежно охраняли белогвардейцы. На привокзальной площади собралось много народа, была среди них и мать двух братьев — Марина Яковлевна Логутенко. Осознав всю беспомощность перед белогвардейцами, Марина Яковлевна решила обратиться с речью к толпе и к заключенным в вагоне, которые ее услышали и поддержали громким стуком в стену вагона. Марина Яковлевна взобралась на пустую платформу и начала свою речь, толпа рабочих служила ей естественной защитой от разъяренных белогвардейцев, и прежде чем они смогли добраться до платформы, толпа унесла Марину Яковлевну на руках прочь. Речь Логутенко была гневной, изобличающей все пороки белогвардейцев. Естественно, после такого выступления ей грозил арест. Друзья и соседи предлагали Марине Яковлевне укрыться в лесах, но женщина не стала этого делать и впоследствии была задержана.

Вот что вспоминала Ольга Петровна Фадеева, дочь Марины Яковлевны Логутенко: «...маму арестовали после того, как она выступила с обличительной речью в адрес белобандитов. Она клеймила их позором и проклинала за то, что белые приговорили двоих моих старших братьев к расстрелу 23 июля 1918 года. В ночь с 23 на 24 июля к нам в дом ворвались казаки, схватили маму и увели к тургоякским шахтам...»⁴

Собрания проходили и в доме ствольного рабочего Конюховской шахты Анисифора Еримеевича Чиркова. О собраниях в доме Чирковых донес его сосед Антон Сенькевич. Чирков знал, что сосед в сговоре с белогвардейцами, и скорый арест не был для него неожиданностью. Вечером, после того как разошлись по домам участники очередного собрания, в дом ворвались белогвардейцы и увели Анисифора Еримеевича. В фондах городского музея Карабаша хранятся воспоминания родных и близких красногвардейцев. Среди них статья, посвященная Евдокии Федоровне Чирковой, жене Анисифора Еримеевича: «Очень я беспокоилась за судьбу мужа. Пришли в Карабаш чехи, начались аресты тех, кто стоял за новую власть. Ну, конечно, нашлись и предатели. Был такой шахтер Антон Сенькевич. У нас на квартире вечерами частенько собирались товарищи мужа по работе. ...и муж знал, что за ним придут. И действительно вскоре в дом ворвались казаки, мужу даже не дали обуться, схватили и повели. Я побежала следом за ними, твердо решила проследить, куда погонят арестованных. С северного рудника их повели вначале в Соймановск, где продержали сутки в маленькой комнатухе. Затем под усиленным конвоем казаков погнали в Миасс. Были слухи, что доставят их в Челябинск. Я поехала туда, но там наших не оказалось. Сказали, что искать нужно в Кургане. Но и там не было никаких следов. Пользуясь слухами, я доехала до Омска. Там в следственном комитете один добродушный старичок надоумил меня, что искать нужно между Карабашом и Миассом. Я вернулась домой. Пошла в сторону Миасса. Добралась до поселка Тургояк. Там познакомилась с женщиной, которая под строгим секретом пообещала показать в лесу место, где белогвардейцы с кем-то жестоко расправились, там, в лесу, мы с ней обнаружили изувеченный труп нашего карабашского муллы Тукаева. ...мужа тогда я так и не нашла, но узнала страшную весть. Мне намеками дали понять, что белоказак в лесу под Тургояком зарубил всех арестованных карабашских красногвардейцев, которых гнали в Миасс, и трупы побросали в старые золотоискательские шахты...»⁵

Всех, кто был арестован — их оказалось 96 человек, — согнали в здание Совета рабочих депутатов Соймановского поселка. Арестованные находились на втором этаже здания несколько дней. Почти круглые сутки велись допросы, людей зверски пытали. К ним никого не пускали. Родным и близким сообщали, что задержанных приказано доставить в Челябинск через Миасс по железной дороге, на работу для фронта. Сами заключенные также не догадывались, какая участь ждет их, и строили догадки, надеясь на лучшее.

В один из жарких летних дней, разбив арестованных на две группы, казаки-каратели погнали их по дороге, ведущей в Андреевку. Многие арестованные бежали, подгоняемые плетками. Тех, кто от бессилия падал, каратели привязывали за ноги к лошадям и волочили за собой по земле. Привал белогвардейцы сделали лишь в селе Тургояк. Именно там и решилась судьба арестованных. Несколько дней рабочих продержали в Тургояке, не давая еды, не позволяя засыпать. Лишь однажды им принесли ведро воды, которое тут же было осушено измученными людьми. Белобандиты в это время пировали в доме одного из местных кулаков, и чем больше напивались белогвардейцы, тем ожесточеннее они становились. Вскоре арестованных вновь подняли и погнали по дороге на Миасс, но за поселком каратели резко повернули к озеру Кысы-Куль. Многие знали, что там находится заброшенный рудник.

Рудник охранял сторож Дмитрий Лощенов. Возможно, он стал единственным свидетелем страшной трагедии, разыгравшейся в те дни на руднике. Завидев странную процессию, старик поспешил спрятаться неподалеку и из своего укрытия наблюдал за происходящим.

Рабочих согнали в барак и закрыли, бороться с карателями у арестантов не было сил, утомленные дорогой, голодом и жаждой, они обреченно ждали своей участи. Здасть рабочие провели две ночи. После того как из барака забрали первых пленных, оставшиеся поняли, что их привели на бойню. Но, тем не менее, они стойко и с отвагой приняли этот страшный вызов судьбы. Позже сторож рассказывал, как сам, не дожидаясь расправы, прыгнул в шахту Тетерин, как срубили голову Александру Гужавину, как, обнявшись, бросились в шахту братья Щербаковы. Рассказывал старик и о том, что пытался бороться с палачами Брялин, а Швейкин погиб до того, как его тело бросили в шахту, от потери крови. Но одной из самых жестоких была смерть единственной женщины среди арестованных — Марины Яковлевны Логутенко. Она и еще несколько арестованных остались последними в бараке, и когда к месту казни повели одного из самых молодых арестантов, Ваню Тараканова, женщина бросилась на карателей, держа в руке камень, в попытке защитить парня от издевательств и унижений палачей. Прежде чем женщина успела бросить камень в карателей, один из них рассек женщине голову шашкой.

Заполнив телами убитых одну шахту, каратели рубили арестованных у другой. Всего было казнено 96 рабочих-красногвардейцев. Среди зарубленных и замученных насмерть карабашских рабочих были и заживо погребенные, и как впоследствии рассказывал сторож, стоны их слышались еще несколько дней. Чтобы замести следы кровавой расправы над рабочими, каратели сняли лопатами верхний слой земли, срубили деревья, забрызганные кровью, замаскировали заваленные трупами шурфы.

Целый год оставалась неизвестной судьба карабашских рабочих, казненных карателями. Лишь в 1919 г. родным удалось узнать о расправе. До наших дней дошли воспоминания родственников и знакомых о тех страшных днях, о том, как люди пытались узнать о судьбах своих мужей, сыновей и жен. Много всего пришлось пережить Евдокии Федоровне Чирковой во время своих поисков — бесконечные аресты и допросы, прежде чем она вместе с другими искавшими правду смогла отыскать место, где были казнены ее муж и земляки.

Из воспоминаний Евдокии Федоровны Чирковой, жены карабашского шахтера Анисифера Еримеевича Чиркова: «...труп моего Анисифера Еримеевича лежал наверху, в числе 33 сваленных в одну из шахт. Очевидно, его убили последним. У него была сломана рука, шашкой разрублена голова... среди убитых оказалась и женщина по фамилии Лагутенко. У нее казаки выкололи глаза...»⁶

Только после того как в Карабаш возвратилась советская власть, пострадавшие семьи карабашских красногвардейцев обратились в Совет и к командованию частей Красной армии и рассказали о том, что удалось им узнать о судьбе рабочих. В 1919 г. место жуткой расправы было найдено, откопали трупы зверски зарубленных белоказаками арестованных рабочих. Всего их оказалось 96 человек. Девяносто из них удалось опознать, шестеро так и остались неизвестными. Всех погибших перевезли в Карабаш и захоронили в братской могиле в поселке Соймановском. На месте казни установили каменные обелиски, а на могиле — деревянный обелиск. В 1926 г. его заменили кирпичной колонной, над которой возвышалась чугунная фигура рабочего.

В 1978 г. была произведена реконструкция памятника к 60-летию со дня гибели рабочих, возведена кирпичная стена с барельефной композицией, изображающей момент гибели арестантов, и установлены мемориальные доски с именами погибших.

Несмотря на то что сегодня история революционного движения на Южном Урале и история трагической судьбы 96 карабашских рабочих обросла многочисленными подробностями, основной материал был опубликован именно в 1957 г. в преддверии сорокалетия революции. Память о 96 карабашских борцах за революцию по сей день не угасает в сердцах жителей города, которые ежегодно возлагают цветы к могиле павших борцов. Многие улицы города носят имена рабочих, дабы потомки помнили и гордились теми, кто проливал свою кровь за светлое будущее своей родины.

Примечания

¹ Карабаш. рабочий. 1957. № 133. С. 2.

² Материалы собрания Совета старых коммунистов и участников партизанского отряда, 16/XI-1962. С. 8.

³ Лучевников П. С. Карабашские партизаны. Страницы истории. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1966. С. 51.

⁴ Фадеева О. П. Воспоминания. Материалы из фондов городского музея г. Карабаша. Карабаш, б. г. С. 8.

⁵ Елыков А. Воспоминания старой горнячки // Карабаш. рабочий. 1957. № 87. С. 2.

⁶ Там же. № 88. С. 3.

Т. Е. Карачевцева

СОБЫТИЯ 1917–1918 ГОДОВ НА ЧЕЛЯБКОПЯХ В МАТЕРИАЛАХ АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Собрание исторических фактов о Челябинских угольных копях (Копейске) начало формироваться в 1950-е гг., когда копейскими краеведами И. Г. Агарышевым, Я. М. Порохиным и М. Г. Семеновым был изучен богатый архивный материал — копии документов из центральных и областных архивов, отражающие социально-экономические и политические события начала XX в. на Челябинских копях. Каменноугольный район копей, интенсивно развивавшийся, представлял в то время важное значение для экономического развития региона и страны в целом. Отсюда пристальное внимание к нему со стороны центральных и региональных органов власти. Некоторые архивные документы вошли в изданную в 1959 г. книгу о Копейске, многие годы представлявшую собой чуть ли не единственный источник знаний об этом периоде¹. К столетнему юбилею города (2007) был выпущен ряд изданий об «угольном» периоде истории Копейска. В их основу легли документальные материалы, собранные первыми краеведами города, часть из них находится сегодня в фондах городского краеведческого музея.

В данной статье предпринята попытка систематизации и анализа архивных документов 1917–1919 гг., касающихся вопросов экономического развития региона, ранее не введенных в научный оборот, и подборки статей из периодической печати о революционных событиях на Челябинских копях. Ценным дополнением к документальным источникам являются собранные краеведами в 1950-е гг. воспоминания копейских старожилов, которые использованы нами для характеристики революционных событий.

Многие факты о политической ситуации на копиях периода революции и Гражданской войны сегодня предстают в новом свете и, «очищенные» от советских идеологических штампов, интерпретируются по-новому. В статье показано участие не только шахтеров, но и коренного казачьего населения поселка Тугайкульского — исторической части Копейска — в революционных событиях тех лет. Ряд документальных сведений, отражающих социально-экономическую жизнь и промышленное развитие региона, приводится впервые.

Челябинские угольные копи, образованные в 1907 г., расположены в центральной, наиболее широкой части Челябинского угольного бассейна, заключающей в себе более двухсот миллионов тонн геологического запаса угля. Через десять лет своего существования копи представляли собой перспективный промышленный район, добыча угля в котором ежегодно росла и в 1916 г. превысила довоенный уровень, составив 157 200 пудов. К 1917 г. добыча резко увеличилась (до 328 300 пудов) в результате введения в эксплуатацию пяти новых предприятий. Все они, следуя за направлением угольного пласта, осваивали участки, расположенные к северу и югу от Тугайкульского месторождения. Так зародились копи (шахты) Козыревского месторождения, с восточной стороны озера Тугайкуль, на участке под названием «Пустошь дорожная», на Давыдовском и Сергинско-Уфалейском отводах, на землях Сухомесовского и Дудоревского поселков, расположенных на территории будущего Копейска².

В начале 1917 г. на копиях было спокойно, год начался как обычно, ничто, казалось, не предвещало накала драматических событий в социально-политической жизни прилегающих к шахтам рабочих поселков.

1 февраля 1917 г. произошла смена собственника Тугайкульских копей, что зафиксировано в постановлении войскового хозяйственного правления Оренбургского казачьего войска, на землях которого располагались шахты, построенные частными предпринимательскими компаниями. Группа первых давших уголь промышленного значения шахт, принадлежавших акционерскому обществу Белорецких заводов, была передана Урало-Кавказскому акционерному обществу. Его доверенный инженер А. И. Деревенсков по требованию войскового хозяйственного правления представил удостоверение горного департамента № 154 от 25 января 1917 г., выданное акционерному обществу в том, что оно имеет право заниматься горным промыслом и расширять свои горные предприятия путем приобретения в аренду угольных отводов (согласно Высочайше утвержденному Уставу горного департамента). Правлением Урало-Кавказского акционерного общества внесено в Оренбургское казначейство для зачисления на депозит войскового хозяйственного правления 6000 рублей. Всего было передано 36 рудников (Постановление войскового хозяйственного правления ОКВ № 379 от 1 февраля 1917 г. подписали генерал-лейтенант Наследов, главный инженер Деревенсков и другие лица)³.

Весть о Февральской революции в Петрограде пришла к горнякам Челябинской области ранним мартовским утром 1917 г. Вот что рассказали об этом очевидцы событий А. К. Смирнова и А. Х. Бетехтина (записано краеведом Я. М. Порохиным в 1967 г.). Против дома управляющего Кыштымскими копиями наскоро построили арку, украшенную лозунгом: «Долой кровавого Николая! Отречемся от старого мира! Вся власть Советам!» Митинг прошел и на Тугайкульских копиях. Он собрался на площади, напротив тюрьмы. Выступили горный техник Кыштымских копей Дмитрий Бойцов, политические ссыльные Паршуков и Прокопьев. Слесарь шахты Иван Колечкин призвал к выборам в Советы рабочих и солдатских депутатов. Однако казачья верхушка поселка Тугайкульского выступила против данной инициативы. Казачий урядник, поддержанный атаманом поселка Федоровым, сказал, что у казаков есть свое правление, поэтому Совет им не нужен, они дождутся решения Челябинской думы. Но выборы все же прошли. Заместителем председателя Совета горняков избрали Ивана Колечкина. Люди были возбуждены, никто не хотел расходиться. Тогда приняли решение отправиться на Сергинско-Уфалейские копи и там провести митинг, на нем выступил ссыльный польский революционер шахтер Л. Ф. Гольц⁴.

Из приведенного эпизода становится понятно, что главное противостояние на копиях происходило между передовыми шахтерами — политическими ссыльными (в дальнейшем большевиками) и зажиточным тугайкульским казачеством. Позиция казаков в целом оказалась неоднозначной. Отдельные представители обедневших казачьих семейств, в противовес устоявшемуся мнению, что казаки осуществляли исключительно охранно-карательные функции, вынуждены были работать на шахтах. Пример тому — семья почетного гражданина города И. Г. Медведева, уроженца поселка Тугайкульского, потомственного казака, который, чтобы помочь семье, с подросткового возраста работал на одной из шахт копей. Его судьба типична для того времени. Будучи на фронте в годы Первой мировой войны, И. Г. Медведев был распропагандирован большевиками и, вернувшись на копи в 1917 г., активно включился в политическую жизнь. Случайно узнав о готовящемся вооруженном мятеже тугайкульского казачества против большевистского шахтерского актива, он оповестил товарищей, которые успели разоружить зажиточных казаков и тем самым предупредили возможное кровопролитие. В период Гражданской войны И. Г. Медведев возглавил красногвардейский кавалерийский отряд⁵. Но вернемся к событиям 1917 г.

В газете «Уральский рабочий» за 1917 г. с завидным постоянством публиковались заметки о бурно развивающихся событиях на Челябинских копиях, свидетельствующих о возросшей активности рабочих масс на местах. В начале сентября состоялись массовые митинги шахтеров, на которых присутствовало до десяти тысяч человек. 12 сентября 1917 г. по инициативе Челябинского Совета рабочих и солдатских депутатов проведено общее собрание рабочих каменноугольных копей Челябинского района. Принята резолюция (о текущем моменте), в которой декларированы лозунги большевиков: о введении рабочего контроля в общегосударственном масштабе, национализации важнейших отраслей промышленности, в том числе угольной и др.⁶

Подобные собрания в поддержку большевистской партии, борющейся за власть, проходили на всех крупных предприятиях Челябинска и прилегающих районов. После разгрома в Петрограде августовского мятежа генерала Л. Г. Корнилова в стране началась массовая большевизация Советов. Отголоском этих событий стало требование рабочих Челябинской области «строжайшего расследования корниловского мятежа и предания гласному суду всех виновных»⁷.

На Кыштымских копиях одной из первых была создана большевистская организация, которая на своем собрании 9 декабря 1917 г. приняла резолюцию, приветствующую победу большевиков в результате Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде⁸.

Октябрьский переворот большевиков был встречен неоднозначно. Одними из первых оказали сопротивление установлению советской власти в стране казахи атаманы, в том числе А. И. Дутов в Оренбурге. О накале политических страстей в нашем крае после октябрьских событий говорят следующие документальные факты.

25–27 ноября 1917 г. в Екатеринбурге проходил Южноуральский краевой съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, на котором наряду с представителями Челябинска, Миасса, Самары, Кургана, Омска, Верхне-Уральска и других городов (всего 15 местных Советов), были представители Кыштымских копей (Копейск). В телеграмме на имя оренбургского атамана А. И. Дутова, а также Комитета спасения Родины и революции и Совета рабочих и солдатских депутатов съезд потребовал освобождения арестованных в Оренбурге большевиков и других «представителей революционной демократии». Требование носило ультимативный характер: «...съезд доводит до вашего сведения, что он поддержит свое требование всеми имеющимися в его распоряжении средствами. Срок ответа даем 5 (пять) дней». Ответ А. И. Дутова был таким: «Большая часть арестованных, за исключением некоторых лиц, может быть освобождена немедленно. Заключение требуют освобождения всех, иначе отказываются покинуть тюрьму. Освобождение всех невозможно»⁹.

3 декабря 1917 г. была принята резолюция общего собрания рабочих каменноугольных копей Кыштымских горных заводов (Кыштымских копей) с требованием освободить большевиков, арестованных атаманом А. И. Дутовым в Оренбурге. В документе ярко отражен революционный запал и боевой дух того времени: «Обсудив вопрос о действии казачьего войскового круга по отношению к товарищам, членам демократических организаций г. Оренбурга, которые в настоящее время сидят в тюрьмах, постановили: требовать немедленного освобождения заключенных товарищей. Предупреждаем, что мы пожертвуем жизнью, но не допустим издевательств над друзьями народного права, за жертвы в бою (Цвиллинга и его товарищей.— Т. К.) будут ответственны достаточно напившиеся крови народной реакционер Дутов и предатель Архангельский, которым мы шлем проклятие...» Последующие строки резолюции звучат как воззвание и невольно завораживают своей поэтической революционностью: «Помните, враги народовластия! Вам ад несчастный по окончании всего на всей земле революционной. Нет сил у вас, проклятые тираны! Не удержат вас всего, чего угодно вам. Позором будете разбиты, скорпионы! Жизнь светлая придет из боя к нам...» Далее о насущном: «Проклятие врагам, саботирующим народовластие, а вам, товарищи, пока шлем 100 рублей — лепту мизерную на помощь. Ваши друзья, подземный люд — шахтеры. Председатель Самойлов»¹⁰.

24 декабря 1917 г. на общем собрании рабочих Урало-Кавказских копей присутствующие 500 человек под председательством Б. Ушакова и секретаря И. Колечкина после обсуждения текущего политического момента вынесли резолюцию в поддержку советской власти и приступили к вооружению шахтеров, вступивших в Красную гвардию для отражения вооруженного сопротивления сторонников А. И. Дутова¹¹.

Окончание 1917 г. было напряженным на копиях в связи с еще одним политическим событием — выборами в Учредительное собрание. Выборы проводились в ноябре, а результаты были опубликованы в декабре 1917 г. и начале января 1918 г. Итоги выборов на Кыштымских каменноугольных копиях, в отличие от результатов голосования по стране в целом, показали приоритет большевиков над другими партиями. В девяти списках кандидатов от различных партий и организаций были представители и от Оренбургского казачьего войска. Несмотря на давление, оказанное

казаками на трудящихся в тех станицах, где влияние казачества было сильным (например в поселке Петровском), казаки получили всего три голоса, в то время как большевики — 486¹². Исторический выбор копейских рабочих был очевиден.

В ноябре 1917 г. вышел декрет ВЦИК о введении рабочего контроля над производством и распределением промышленной продукции. Наряду с владельцами предприятий фабрично-заводские комитеты, профсоюзы и другие самостоятельные рабочие организации несли ответственность за работу предприятий, сохранение оборудования, сырья, готовой продукции и т. п.

Ввиду отказа заводоуправления Кыштымских копей вводить рабочий контроль 27 декабря 1917 г. декретом Совнаркома РСФСР было решено имущество Кыштымского акционерного общества «конфисковать, в чем бы это имущество не состояло, и объявить его собственностью Российской республики». Управление делами Кыштымского акционерного общества передавалось во временное ведение местных Советов рабочих и солдатских депутатов, фабрично-заводских комитетов и подобных учреждений (на копиях для управления шахтами был создан деловой совет). Служебный и технический персонал был обязан оставаться на местах и исполнять свои обязанности. За самовольное оставление занимаемой должности или саботаж виновные предавались революционному суду. Подписан декрет заместителем председателя Совета народных комиссаров И. В. Сталиным¹³.

2 апреля 1918 г. произошла национализация копей Челябинского района, которые после их объединения стали называться «Народными Челябинскими копиями» (Кыштымские копи были национализированы 20 января 1918 г.). Названия отдельных шахт были заменены номерами¹⁴. Копи Челябинского района после национализации вошли в подчинение областному Совету комиссаров Урала. Областной совет поручил инженеру Замятину обследовать состояние шахт. 11 апреля 1918 г. им был составлен отчет, выдержки из которого публикуются ниже.

Из доклада районного делового совета Челябинкопей областному Комитету производства и снабжения о национализации, объединении и потребностях копей (шахт) Челябинского района: «В настоящее время работа копей идет нормально. Расход на свои потребности составил 350 тысяч пудов угля, на рынок — 2 млн 100 тыс. пудов. Потребности копей в финансах на оплату рабочим и материалах были оценены в 1 млн 43 тыс. руб. — на март и в 1 млн 400 тыс. руб. — на апрель, кроме того: на охрану от Дутова — 80 тыс. рублей; на новые постройки — 3 млн 500 тыс. рублей; на заготовку материалов для построек и внутреннего сообщения — 3 паровоза и 100 открытых платформ; рудничных вагонеток 100 штук; экскаватор; 2 грузовых автомобиля, можно из Челябинского автопарка и др.»¹⁵. Председатель делового совета А. Замятин подчеркнул, что для переоборудования Челябинкопей необходима электрификация, которая сильно удешевит челябинский уголь. Вывод был следующим: «Означенная денежная и материальная потребность является насущной и требует немедленного удовлетворения. Без этого работа упорядочиться не может. Уголь будет обходиться дорого, и будущая добыча также будет стоять под вопросом — и даже может прекратиться»¹⁶.

Экономические трудности в регионе усугублялись политической ситуацией, осложнившейся призывом атамана А. И. Дутова ко всем казакам Оренбургского казачьего войска поддержать вооруженное сопротивление против советской власти.

5 апреля 1918 г. было проведено собрание рабочих Челябинкопей совместно с казаками поселка Тугайкульского по вопросу об отношении казаков к мятежу атамана Дутова и признании ими советской власти. Текст протокола гласил: «На общем собрании рабочих копей № 2 народных каменноугольных копей Челябинского района, совместно с казаками поселка Тугайкульского 2-й Челябинской станицы, 5 апреля выяснился вопрос о взаимоотношениях рабочих рудника и казаков поселка Тугайкульского. По этому вопросу была произнесена речь [товарищем] Ушаковым, в которой он призывал товарищей казаков объединиться с рабочими. На его призыв товарищи казаки выразили свою солидарность и дали слово идти с рабочими рука об руку. После сего т. Ушаковым был поднят вопрос об отношении к мятежу Дутова и его приверженцам и о той пропаганде, которая ведется Дутовым против Советской власти. Товарищи казаки выразили глубокое порицание Дутову и его своре, едино-

гласно заявили, что они признают только лишь Советскую власть, которой всецело подчиняются, в подтверждении чего представили протокол общего собрания жителей поселка Тугайкульского от 5 апреля 1918 года за подписью жителей всех присутствующих. В заключение т. Ушаков разъяснил товарищам пункты партийных программ, и товарищи казаки более сочувственно отнеслись к программе большевиков. Под рукоплескания и возгласы “Да здравствует власть Советов!” собрание закрывается»¹⁷.

Тот факт, что в дни мятежа атамана А. И. Дутова и Чехословацкого экспедиционного корпуса (в мае 1918 г.) много казаков-фронтовиков из окружающих копи станиц ушло в красные отряды В. К. Блюхера, братьев Кашириных, объясняется прежде всего влиянием на них большевиков и шахтеров Челябинских копей.

После освобождения Челябинского угленосного района к нему со стороны центральных органов власти стало проявляться усиленное внимание, показывающее его возросшее экономическое и политическое значение в условиях Гражданской войны.

Приказ № 144 по войскам 5-й армии Восточного фронта, подписанный командующим М. Н. Тухачевским, причислял рабочих и служащих, занятых добычей топлива в Челябинском угленосном районе, к разряду военнослужащих. В течение сентября — октября 1919 г. в Москве проходили заседания коллегии Главного угольного комитета, на которых рассматривались вопросы о состоянии каменноугольной промышленности в Челябинском районе (протокол № 40) и административно-организационного строительства Государственных угольных копей (протоколы № 43, 44), прерванного военными действиями¹⁸. «Исключительное значение, которое приобретают в настоящее время Челябинские копи в снабжении топливом Омской и Самаро-Златоустовской железных дорог, заставляет довести до максимума возможную добычу района, как путем механизации существующих разработок, так и благодаря открытию новых», — говорилось в справке, составленной Главуглем о добыче в Челябинском районе¹⁹.

Представители советского правительства беспокоились о быстрейшем восстановлении угленосного района. В телеграмме народного комиссара путей сообщения Л. Б. Красина от 26 сентября 1919 г. руководству Самаро-Златоустовской железной дороги говорилось о необходимости выделить Челябинкопям 40 теплушек или товарных вагонов для временного жилья шахтеров²⁰. 15 ноября 1919 г. на заседании Совета труда и обороны, где обсуждался вопрос о мерах по улучшению работы угольной промышленности на Урале, по предложению В. И. Ленина было принято решение оказать шахтерам Челябинских копей практическую помощь в механизации угледобычи открытым способом (доставить экскаваторы)²¹.

Шахтеры Челябинкопей проявляли революционный энтузиазм в борьбе за увеличение добычи угля: добровольно установили для себя восьмичасовой рабочий день (вместо шестичасового), что было отмечено в протоколе № 17 заседания технического совета при Главугле 30 октября 1919 г.²². Результатом стало повышение производительности труда: добыча угля к ноябрю 1919 г. возросла до 70 тысяч пудов в сутки, в то время как «при занятии района красными войсками, когда часть выработок была затоплена, суточная добыча не превосходила 20 тысяч пудов»²³.

В докладной записке челябинского губернского партбюро Центральному комитету партии отмечалась особая роль и значимость Челябинских угольных копей в деле социалистического строительства: «В настоящее время угольные копи Челябинского района в отношении Челябинской губернии являются единственным пролетарским центром. При наличии хороших условий из него можно черпать новые революционные силы»²⁴.

Боевые и трудовые заслуги шахтеров Челябинкопей перед советской властью в период Гражданской войны были оценены. Постановлением Президиума Центрального исполнительного комитета СССР от 2 января 1925 г. коллектив рабочих Челябинских угольных копей был награжден орденом Красного Знамени²⁵.

Первым советским орденом, который в настоящее время хранится в фондах краеведческого музея, награждались граждане, организации и коллективы, как правило, за боевые заслуги. Челябинские угольные копи (Копейск) был в числе шести городов, награжденных этим боевым орденом в 1919–1925 гг. Однако в поздравительной телеграмме Реввоенсовета СССР от 6 февраля 1925 г. шахтерам Копей по поводу вручения ордена отмечены наряду с оказанием активной помощи Красной армии при взятии

важного узлового пункта Челябинск и трудовые заслуги копейских шахтеров: «...за самоотверженную борьбу на хозяйственном фронте...»²⁶ Этот документ дает право более широко интерпретировать исторические заслуги копейчан, отмеченных высшим знаком отличия советской республики.

Примечания

- ¹ Семенов М. Г., Заикин М. И. Копейск. Челябинск : Челяб. кн. изд-во, 1959.
- ² ГАСО. Ф. 59. Оп. 14. Д. 1082.
- ³ Там же.
- ⁴ Заре навстречу. Из воспоминаний о событиях февраля — марта 1917 г. на Челябинских // Копейск. рабочий. 1965. 26 дек.
- ⁵ Документальный фонд МУ «Краеведческий музей». ОФ. 71.
- ⁶ Урал. рабочий. 1917. № 8.
- ⁷ Там же. № 56.
- ⁸ Там же.
- ⁹ ГАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 497, 119.
- ¹⁰ Изв. Челяб. воен.-революц. к-та. 1917. № 9. С. 1.
- ¹¹ Там же. 1918. № 19. С. 2.
- ¹² Урал. рабочий. 1917. № 56.
- ¹³ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1917–1918. № 13. С. 192.
- ¹⁴ Там же. С. 40–41.
- ¹⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 28. Д. 147. Л. 128.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Изв. Челяб. Совета рабочих, крестьян., казачьих и армейс. депутатов. 1918. № 51. С. 1.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. 8082. Оп. 1. Д. 13. Л. 30 ; Д. 12. Л. 134, 143, 144.
- ¹⁹ Там же. Д. 51. Л. 10.
- ²⁰ Там же. Д. 58. Л. 9.
- ²¹ Семенов М. Г., Заикин М. И. Указ. соч. С. 89.
- ²² ГАРФ. Ф. 8082. Оп. 1. Д. 26. Л. 43.
- ²³ Там же. Д. 51. Л. 10.
- ²⁴ ОГАЧО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 5. Л. 37.
- ²⁵ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 13. Д. 3. Л. 4 ; Ф. 3316. Оп. 17. Д. 629.
- ²⁶ Семенов М. Г., Заикин М. И. Указ. соч. С. 100.

ОРДЕН КРАСНОГО ЗНАМЕНИ — НАГРАДА КОПЕЙСКА

Копейск — один из восьми городов на постсоветском пространстве, награжденных орденом Красного Знамени¹. Также высокой боевой награды удостоены Петроград (ныне Санкт-Петербург), Грозный, Царицын (ныне Волгоград), Луганск, Ташкент, Севастополь и Кронштадт.

Сегодня дорогая реликвия занимает центральное место в экспозиции Копейского краеведческого музея.

«Крепостью революции» назвал шахтерский Копейск писатель Лев Вениаминович Никулин в своем биографическом очерке «Тухачевский»². Защитники «крепости» в лихолетье Гражданской войны — шахтеры-красногвардейцы — сыграли важную роль в освобождении Челябинска во время одноименной операции летом 1919 г.

Челябинская операция, проходившая с 17 июля по 4 августа, — одно из решающих противоборств красных и белых в годы Гражданской войны. Победа Красной армии открывала путь в Сибирь, где в Омске находилась резиденция Верховного правителя России адмирала Александра Васильевича Колчака.

В сражении за Челябинск со стороны красных принимала участие 5-я армия под командованием М. Н. Тухачевского, со стороны белых — 3-я армия под командованием К. В. Сахарова. 24 июля 242-й Волжский полк 27-й стрелковой дивизии под командованием С. С. Востречева взял станцию Челябинск, заблокировав движение поездов по железной дороге. Вместе с бойцами 242-го полка станцию освобождала шахтерская рота под командованием Д. Долгова.

Отряд шахтеров под командованием В. Прибылева участвовал в боях под станцией Долгодеревенской в составе 243-го Петроградского полка 27-й стрелковой дивизии под командованием А. М. Шеломенцева.

Преднамеренно отступая, белогвардейцы решили дать возможность Красной армии сосредоточить свои позиции в Челябинске, чтобы в дальнейшем окружить и уничтожить их западнее Челябинска и перейти в контрнаступление.

На следующий день, 25 июля, ударная северная группа под командованием генерала С. Н. Войцеховского, а 27 июля — ударная южная группа под командованием генерала В. О. Каппеля и сковывающая группа под командованием генерала В. Д. Косьмина перешли в наступление.

Северная группа сумела перерезать железнодорожный путь Екатеринбург — Челябинск, создав угрозы тылу 5-й армии. Сковывающая группа ворвалась в окрестности Челябинска, но была остановлена.

По призыву Челябинского ревкома и политотдела 27-й стрелковой дивизии несколько тысяч рабочих влились в регулярные части, были сформированы рабочие отряды, значительную их часть составляли копейские шахтеры. С 29 июля по 1 августа ударная группа 5-й армии ликвидировала прорыв, уничтожив пять полков противника. Уже 1 августа 5-я армия завершила бои за Челябинск, а 4 августа был освобожден Троицк³.

Очевидный факт награждения, закрепившийся в памяти копейчан, не был подкреплен документами, активным поиском которых занялся главный архитектор Копейска и краевед Михаил Григорьевич Семенов. Исследователь вел активную пере-

писку с архивами страны, собирая по крупицам материал. Из Государственного архива Челябинской области (ныне Объединенный государственный архив Челябинской области) прислали машинописную копию заметки «Орден Красного Знамени копейцам» из челябинской газеты «Советская правда» от 8 февраля 1925 г., из Центрального архива Октябрьской революции и социалистического строительства (ныне Государственный архив Российской Федерации) — архивную выписку с извлечением текста из протокола № 39 заседания Президиума ЦИК СССР от 2 января 1925 г. о награждении коллектива рабочих Челябинских угольных копей орденом Красного Знамени⁴.

Но только почти через девяносто лет удалось собрать воедино документальные материалы и источники, воссоздав полную картину тех лет.

Консультант ЦИК СССР Виноградов в своем заключении от 13 августа 1924 г. рекомендовал награждать коллектив рабочих Челябинских угольных копей орденом Красного Знамени. Из заключения следовало, что ходатайство о награждении исходило от отдела по командному составу управления РККА. Постановление о ходатайстве перед ЦИК СССР приняли на заседании наградной комиссии при штабе

Торжественное вручение ордена Красного Знамени коллективу рабочих Челябинских угольных копей в Народном доме. 15 февраля 1925 г.

Презид. ЦИК, Коллектив рабочих Челябинских угольных копей — СССР

Выписка из протокола № 39 заседания Президиума ЦИК СССР
 Выписка из протокола № 39 заседания Президиума ЦИК СССР
 2 января 1925 г.

Самшалаи саухаали саухаали / постановили ухвामीи настанавіи
 17. О награждении орденом Красного Знамени:
 4/ Коллектив рабочих Челябинских угольных копей / Цик. РКСБ Союза ССР /

Секретарь ЦИК СССР: [подпись]
 Верно: [подпись]

337.861/25
 1925

Выписка из протокола № 39 заседания Президиума ЦИК СССР от 2 января 1925 г. (ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 17. Д. 629. Л. 7)

РККА. Протокол комиссии был утвержден 18 июля 1924 г. заместителем председателя РВС СССР Михаилом Васильевичем Фрунзе⁵. К заключению прилагался проект постановления о награждении⁶.

На основании протокола от 2 января 1925 г. № 39 заседания Президиума ЦИК СССР под председательством Наримана Нариманова коллектив рабочих Челябинских угольных копей был награжден орденом Красного Знамени⁷.

Приказом РВС СССР от 26 января 1925 г. № 63 награждение было подтверждено с формулировкой: «За помощь, оказанную Красной армии 24 июля 1919 г. при занятии г. Челябинска, когда в трудный момент рабочие влились в ряды Красной армии и, презирая смерть, с пением “Интернационала” бросились в бой и тем помогли Красной армии отстоять важный узловый пункт — Челябинск»⁸.

В конце января — начале февраля управлением по командному составу РККА была подготовлена препроводительная записка председателю Челябинского горисполкома с выражением просьбы о вручении ордена Красного Знамени коллективу рабочих Челябинских угольных копей. К записке прилагались орден Красного Знамени (№ 8045), выписки из протокола № 39 заседания Президиума ЦИК СССР от 2 января 1925 г. и приказ РВС СССР № 63 от 26 января 1925 г.⁹

На заседании пленума Челябинского окружкома РКП(б) 6 февраля 1925 г. заместитель председателя Челябинского окрисполкома Владимир Петрович Евладов внеочередным заявлением прочитал выписки из протокола Президиума ЦИК СССР и приказа РВС СССР¹⁰.

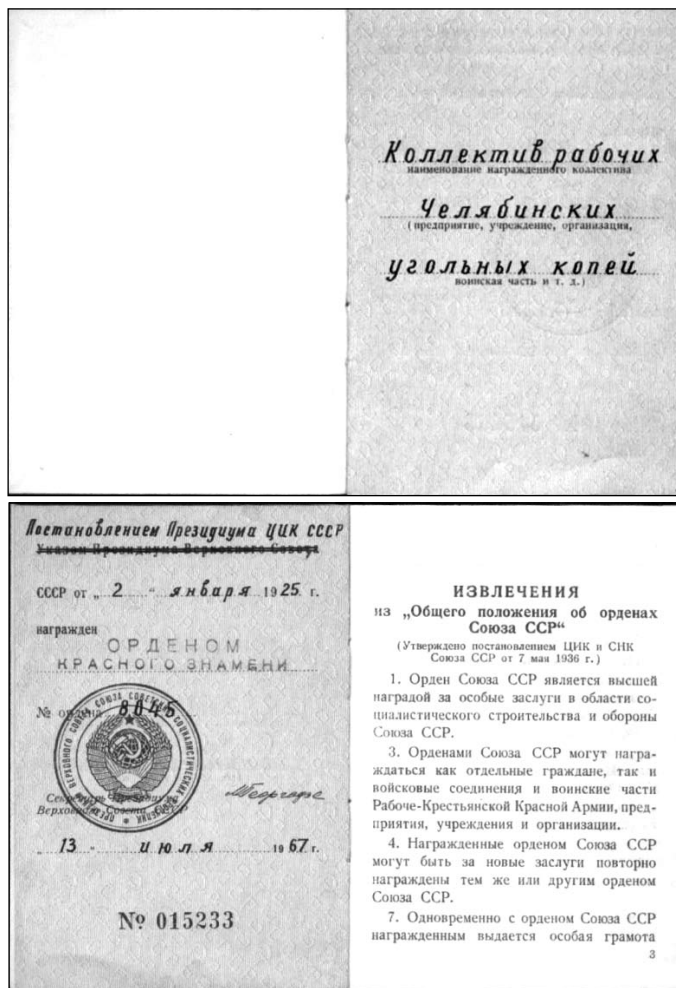
На заседании президиума Челябинского окрисполкома 12 февраля 1925 г. было решено выделить окружному финансовому отделу на проведение торжественного вручения ордена Красного Знамени коллективу рабочих Челябинских угольных копей суммы в размере 250 рублей¹¹.

Торжество состоялось в воскресенье 15 февраля 1925 г. в здании Народного дома (Центрального рабочего клуба имени Октябрьской революции). Председатель Челябинского окрисполкома Владимир Иванович Мухин вручил награду участнику Челябинской операции Максиму Васильевичу Сутягину¹². По окончании торжества кинемеханик Павел Васильевич Ромов показал немой фильм¹³.

Событие нашло отклик на страницах не только местной¹⁴, но и центральной печати. Газета «Правда» 29 марта 1925 г. опубликовала заметку «Награждение рабочих Челябинских копей»¹⁵.

Орден хранился в зрительном зале Народного дома на стене с правой стороны в специально сделанной рамке под стеклом для всеобщего обозрения. В рамке была электрическая лампочка, горевшая даже во время киносеансов. Рядом с орденом висела грамота ЦИК СССР¹⁶.

Книжка на орден Красного Знамени коллективу рабочих Челябинских угольных копей взамен сгоревшей грамоты ЦИК СССР (из фондов краеведческого музея Копейского городского округа)

Во время пожара в Народном доме сгорел документ о награждении. В 1933 г. на том месте, где ранее находился центр культуры поселка, открыли Центральный городской клуб имени Октябрьской революции (в дальнейшем Дворец культуры угольщиков).

В 1967 г. из Президиума Верховного Совета СССР прислали орденскую книжку (№ 015233), которая хранится в фондах краеведческого музея и соседствует в экспозиции рядом с дорогой реликвией¹⁷.

Память о высокой награде отражена в официальной символике города — гербе, флаге и гимне.

Примечания

¹ Копейск — один из пяти городов-орденоносцев Челябинской области. Орденом Ленина награжден Челябинск, орденами Ленина и Трудового Красного Знамени — Магнитогорск, орденом Октябрьской Революции — Златоуст, орденом Трудового Красного Знамени — Миасс.

² Никулин Л. Тухачевский : биограф. очерк. М., 1964. С. 78.

³ Водолагин М. А. Бастионы славы. М., 1974. С. 58–61.

⁴ Карачевцева Т. Краснознаменный Копейск // Музейный вестник Копейского городского округа. Вып. 8. Копейск, 2015. С. 12–14.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 17. Д. 629. Л. 5.

⁶ Там же. Л. 6.

⁷ Там же. Л. 7 ; Оп. 13. Д. 3. Л. 4.

⁸ Карачевцева Т. Указ. соч. С. 14.

⁹ РГВА. Ф. 37837. Оп. 1. Д. 791. Л. 21.

¹⁰ Орден Красного Знамени копейцам // Совет. правда. 1925. 8 февр. С. 2.

¹¹ ОГАЧО. Ф. Р-98. Оп. 1. Д. 150а. Л. 45.

¹² Семенов М., Заикин М. Копейск. Челябинск, 1959. С. 100–101.

¹³ Козлов Л. Орден на знамени города // Копейск. рабочий. 1990. 3 янв. С. 1.

¹⁴ Юркевич Б. Орден Красного Знамени — рабочим Челябинских копей // Совет. правда. 1925. 21 февр. С. 5.

¹⁵ Награждение рабочих Челябинских копей // Правда. 1925. 29 марта. С. 4.

¹⁶ Козлов Л. Указ. соч.

¹⁷ Карачевцева Т. Указ. соч. С. 12.

Е. Д. Королёва

«ВАШЕ ДЕЛО ВТОРОСТЕПЕННОЕ». ДУХОВЕНСТВО ЧЕЛЯБИНСКОЙ ГУБЕРНИИ МЕЖДУ БЕЛЫМИ И КРАСНЫМИ

Слова, вынесенные в заголовок статьи, были сказаны священнику Краснинской станицы Верхнеуральского уезда Иоанну Богоявленскому комендантом после изгнания атаманом Анненковым красных из станицы. Они применимы к конкретной ситуации, но, пожалуй, точно иллюстрируют положение духовенства в условиях братоубийственной войны. Масштабность и трагизм войны передается и расцветивается в том числе историей отдельного человека, которая аккумулирует в себе всю палитру государственных, общественных и личностных отношений.

В силу антирелигиозной идеологии и политики большевиков духовенство в большинстве своем оказалось на стане противников. Однако становление новой власти, поддержка ее населением вынуждали церковное сообщество приспосабливаться к быстро меняющимся событиям. Церковь, будучи по Декрету от 23 января 1918 г. отделенной от государства, тем не менее, оказалась ввергнутой в перипетии войны, так как противоборствующие стороны не могли не использовать ее в своих целях. В условиях стремительной смены политического статуса «свой — чужой» и властные институты, и каждый человек оказывались в ситуации выбора между правдой и ложью, политическим расчетом, личной выгодой и высшими ценностями. Это обстоятельство еще более усугубляло трагедию Гражданской войны.

Большая удача для исследователя, когда в руки попадает документ, насыщенный событийной информацией, изложенной противоборствующими сторонами. Таким собранием документов эпохи Гражданской войны в Челябинской губернии стало архивно-следственное дело 1920 г. по обвинению настоятеля Краснинского прихода священника И. Богоявленского «в содействовании расстрелу белыми красноармейцев и советского работника»¹.

Отец Иоанн — уроженец Катенинского поселка Краснинской станицы Верхнеуральского уезда. Служил в станичной церкви с 1916 г. Вследствие поражения антибольшевистских сил в Троицке в конце декабря 1917 г. и в Оренбурге в январе 1918 г. войсковые учреждения во главе с атаманом А. И. Дутовым переместились в центр второго округа — Верхнеуральск, а затем в станицу Краснинскую. Все изменения в настроениях, политике и тактике казачьего населения губернии и его руководства испытало на себе и духовенство. Осенью 1917 г. и в начале зимы 1918 г. большинство казачества не откликнулось на призыв Дутова к борьбе с большевиками. Впоследствии антиказачья идеология и практика советских лидеров, повсеместные контрибуции подтолкнули основную часть войскового сословия к открытой борьбе с новой властью².

Свою антицерковную политику большевики обозначили еще до публикации декрета об отделении Церкви от государства и школы от Церкви. «Декларация прав народов России» от 2 ноября 1917 г. отменяла все национальные и национально-религиозные привилегии и ограничения. По постановлению от 11 декабря того же года у Церкви были конфискованы учебные заведения. Инициаторы запретительных и конфискационных мер не могли не ожидать отрицательной реакции от церковной иерархии и населения.

Одним из факторов, усугубивших остроту обретения Церковью нового статуса, стало в целом пассивное отношение населения к атеистической политике большевиков. Впрочем, предшествующие годы между тремя революциями, затянувшаяся мировая война ускорили утрату народом-богоносцем своих лучших добродетелей. Но либеральные настроения и ожидания царили и в священнической среде. Февральские события 1917 г. были встречены большинством духовенства и иерархии с надеждой на изменение положения Церкви и религиозно-нравственного состояния населения.

Антицерковные настроения нарастали в ходе противостояния сторон, размаха карательных мер советской власти, агрессивной антибуржуазной и атеистической пропаганды. Заголовки газетных материалов обличали фигурантов дела: «Опять святые отцы побираются»; «Вот загребушие-то руки!». Обычно эти заметки заканчивались призывами к «черной рати» заняться «чем-нибудь путным» или отправить попа в чрезвычайную комиссию. То же обвинение в корысти услышал в свой адрес о. Иоанн Богоявленский, когда на него с приходом красных в станицу Краснинскую была наложена контрибуция в 3,5 тысячи рублей (тогда как сумма для жителей всей станицы составила 50 тысяч рублей). Когда батюшка попросил отменить эту меру, подошедший казак К. Горбунов стал говорить, что «все попы обирали и настоял оставить в силе наложенную... контрибуцию». Настоятелю пришлось занимать деньги у старосты, еще небольшую часть заплатило общество³.

«Демократизация» государственно-общественной жизни в приходской практике обернулась выбором духовенства и ухудшением жизни. Повсеместным явлением стало лишение причта земли, нищенская оплата треб. Священник И. Селезнев так охарактеризовал положение духовенства: «Спасайся сам, спасай свою семью от холода, голода и нравственного падения... В результате — бегство духовенства на гражданскую службу... лишь бы только обеспечивала возможное пропитание»⁴. Отмечались случаи приглашения священника Советами депутатов в обход утверждения церковной власти. Мордвиновский Совет крестьянских и рабочих депутатов Троицкого уезда просил епископа Мефодия об утверждении в должности приходского священника о. Иакова Адамова, которой уже приступил к исполнению обязанностей. Епархиальный Совет предложил священнику оставить захваченный приход и отправиться к месту своего прежнего служения; в противном случае он мог подвергнуться запрещению в служении⁵. Как все происходило, неизвестно, но в 1921 г. о. Иаков служил именно в этом приходе.

Считается, что террор советского государства был документально оформлен принятием постановления СНК РСФСР от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре». Согласно документу, классовые враги Советской республики должны были быть изолированы в концентрационных лагерях, расстрелу подлежали все лица, «прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам», имена всех расстрелянных и основания применения к ним этой меры направлялись к публикации в печати. Например, во исполнение этого постановления в ежедневной газете Челябинского губкома РКП(б) и Челябинского губревкома в 1919 г. в рубрике «Наш суд» читатели информировались о расстреле граждан и причинах их присуждения к высшей мере наказания. В частности, из пяти человек, расстрелянных в Челябинске по постановлению губчека в один из дней декабря 1919 г., трое были священниками⁶.

Устрашение политических противников в виде физического насилия, лишения имущества сопровождало установление власти Советов уже на начальном этапе. Например, когда в конце декабря 1917 г. в Троицк прибыл Северный летучий отряд красногвардейцев, помимо установления власти Советов он исполнял и карательные функции. Как вспоминал в 1960-е гг. ветеран полка им. Ст. Разина И. П. Золотухин, в Бобровской и Ключевской станицах Троицкого уезда, куда выезжал отряд, «на антисоветских кулаков и священника Симонова наложили денежную контрибуцию»⁷.

Террор большевиков, особенно по отношению к казачеству, зачастую бесконтрольная деятельность карательных и реквизиционных отрядов вынуждали пострадавших вступать в партизанские отряды А. И. Дутова. Населенные пункты не раз переходили из рук в руки, временные завоевания сопровождалась расправами с местными жителями, поддержавшими неприятеля. Когда в начале июля 1918 г. отряд Анненкова занял станицу Краснинскую, в первый же день члены Совета были аресто-

ваны и расстреляны, о. Иоанну Богоявленскому было запрещено их отпевать, поэтому он сделал это заочно. Как показывал на допросе батюшка, «белыми было расстреляно масса сторонников советской власти»⁸. Репрессивные меры борьбы красноармейских отрядов отличались размахом насилия. В своем приказе командир Верхнеуральского отряда И. Д. Каширин предупреждал: «Станицу или поселок, выступившие против советской власти, буду карать самый беспощадным образом... Восставший поселок Кидышевский артиллерийским огнем революционных войск моих отрядов уничтожен до тла»⁹.

Так как дутовцы продолжали традицию церковного присутствия в военном обиходе, при занятии ими населенных пунктов служились молебны. Проведение молебнов вменялось священникам как контрреволюционная деятельность и каралось различными наказаниями. Служение молебна о. Богоявленским при Дутове также было в ряду обвинений следственной комиссии. Сам священник на допросе показал: «Молебен я служил, но мне приказал Дутов, прислали записку... в это время уже звонили, но по чьему приказу, не знаю. Когда я пришел в церковь, уже были на руках молящихся иконы и на площади был молебен Спасителю и Божией Матери, без трезвона и многолетия и без речи»¹⁰.

Антицерковная политика советского руководства вызвала у священноначалия ответную реакцию, выразившуюся в заседаниях и деяниях Поместного собора Православной российской церкви 1917–1918 гг. Декрет «О свободе совести» и подобные ему акты квалифицировались как враждебные Церкви, священноцерковнослужители, монашествующие, содействовавшие проведению в жизнь этих положений, извергались из сана и духовного звания. Церковные организации и миряне призывались к «защите гонимых и освобождению заключенных за веру и Церковь и к принятию мер для возвращения отобранного имущества церквей, монастырей, церк. учреждений и организаций»¹¹. Тем самым духовенство и население благословлялось на противодействие антицерковным мероприятиям власти.

5 (18) апреля Поместный собор принял постановление «О мероприятиях, вызываемых гонениями на Православную Церковь». Им предписывалось: поминовение за богослужениями гонимых и скончавшихся исповедников и мучеников; составление списков пострадавших за веру и Церковь и распространение их на местах; «оповещение православного населения... о всех случаях гонения на Церковь и насилия над исповедниками православной веры»¹². На страницах газет появлялись статьи под заголовками «Гонения на духовенство», «Аресты священников». Например, в «Оренбургском церковно-общественном вестнике» сообщалось: «В последнее время, в связи с противобольшевистским движением среди казаков, стали поступать сведения об арестах священников казачьих приходов. В Оренбургской тюрьме сидит священник Кондуровского пос. Орского у. о. В. И. Назаров, которому поставлено в вину служение молебнов казакам... Есть телеграмма о заключении в тюрьму протоиерея г. Верхнеуральска о. М. Громогласова. Ходят слухи об аресте священника Солодянского пос. близ г. Троицка о. С. А. Цимбалове. Из Челябинска нам сообщают, что постановлено арестовать священника пос. Еманжелинского о. Ал. Дроздова. Последний скрылся из прихода»¹³.

Эти сведения передавались очевидцами событий благочинным и отправлялись правящему архиерею. Так, 14 сентября 1918 г. в своей «жалобе» архиепископу Оренбургскому и Тургайскому Мефодию благочинный 2-го округа Троицкого уезда и настоятель прихода станицы Клястицкой Савва Цимбалов сообщал об известных ему «случаях притеснения большевиками пастырей Церкви и расстрела казаков в районе 2-го благ. округа». Наиболее потерпевшим от «большевистского произвола» был священник Бобровской станицы о. Иоанн Симонов, которого «без всякого повода и причины арестовал местный поселковый “совдеп” и препроводил в Троицкую тюрьму, где он подвергался насмешкам и издевательствам как со стороны уголовных преступников, так и в особенности от “товарищей”, просидел до 4 июня (старый стиль.— Е. К.), когда чехословаки, заняв город Троицк, освободили вместе с др. и его»¹⁴. Подробности пребывания арестованных в тюрьме раскрывают записки протоиерея Верхнеуральского Николаевского собора М. Д. Громогласова¹⁵. На этом страдания и лишения о. Иоанна не закончились: по-видимому, в Бобровку он уже не возвращал-

ся, а скрывался в соседних селениях, потому что красные казаки считали его одним из «организаторов» дутовской «опричнины». По воспоминаниям И. П. Золотухина, в августе 1919 г., когда Красная армия вновь заняла Троицк, бобровские партизаны задержали священника, скрывавшегося в станице Полтавской Верхнеуральского уезда. По приговору ревтрибунала он был расстрелян в 1920 г.¹⁶

Сам благочинный также подвергся гонениям, но, как он сам писал, «будучи предупрежден об опасности, избежал их пули». Он обвинялся в том, что с момента захвата большевиками власти в Троицке в публичных и частных беседах убеждал прихожан не признавать советской власти, ведущей Россию не только к политической, но и к духовной смерти, указывал на ее враждебное отношение к Церкви, к православной вере; будто бы с амвона он призывал население к вооруженной борьбе с большевиками¹⁷.

Священники, оставшиеся в суровую годину испытаний «добрыми пастырями», продолжали оказывать духовную и материальную помощь и «своим», и «чужим». Исполнение привычных обязанностей в годы «братской кровавой распри» открывало для священника путь исповедничества. В оскорбительно-обличительном запале авторы газетных статей-доносов не понимали, что тем самым оповещали читателей о духовно-нравственном подвиге настоящих пастырей. Автор письма «Просветитель» из села Ляпуновского возмущался тем, что священник «до сих пор не угомонился и по-прежнему начинает мужицкие головы разной ложью... пользуется всяким случаем, чтобы ругнуть Советскую власть». «Разной ложью» он назвал беседы батюшки с детьми о загробной жизни, о страшном суде. Когда настоятеля спрашивали, зачем он эти беседы устраивает, тот отвечал, что ему совесть велит¹⁸. Редкими были публикации о возвращении в духовное сословие. Газета, сообщав об этом, призывала к расправе: «На фронт этого шкурника». Речь шла о старшем милиционере поселка Лейпцигского Троицкого уезда Владыкине, который, будучи коммунистом, заявил о выходе из партии и о возвращении на прежнее место службы, где он был псаломщиком¹⁹.

По просьбе жены своего обидчика о. Богоявленский просил коменданта отряда Анненкова отпустить арестованного, если тот задержан из-за священника. При этом жена задержанного обещала уплатить часть его долга. Ходатаю отказали, комендант пояснил: «Ваше дело второстепенное и мы взятки не берем»²⁰. Главная причина заключалась в том, что К. Горбунов был членом Совета Арсинского поселка, и его ждала та же участь, что и расстрелянных членов Советов других поселков и станиц. Из письма его жены в губернский ревтрибунал с просьбой об освобождении мужа известно о двух характерных обстоятельствах, которые не упомянул допрашиваемый. Во-первых, за ходатайство за Горбунова о. Иоанн получил выговор от коменданта. Кроме того, члены культурно-просветительского общества Краснинской станицы обвинили священника в агитации против офицерства, за что был он оштрафован на три тысячи рублей.

Таким образом, духовенство оказалось между народом, мятущимся между белыми и красными, которые в борьбе за власть использовали чаще всего военные методы, и церковным руководством, пытающимся отстоять самостоятельность Церкви и веры. Зачастую выбор стоял между жизнью и пастырским долгом. Представители обеих властей попытки духовенства выжить и не быть виновным в смерти своей паствы оценивали довольно презрительно. Уроженец поселка Арсинского подъяесаул Г. В. Енборисов о священнике своего прихода о. Иоанне Докукине писал, что тот постоянно сутяжничал и ссорился, потому что и напутственные молебны дутовцам служил, и «сговаривался» с большевиками²¹. В информационных сводках губчека поведение духовенства расценивалось как «политика лавирования между властью и верующими»²².

В этом отношении показательна и проникновенна судьба священника Уйской станицы Троицкого уезда о. Владимира Любимова. В 1920 г. станица оказалась в эпицентре столкновений частей особого назначения с партизанским отрядом во главе с местными казаками Я. Г. Лукониным и С. А. Выдриным. В ходе очередного захвата партизанами станицы они жестоко расправились с местными активистами, после чего предложили батюшке отслужить молебен. Он согласился, но под впечатлением расправы, а также от постоянных объяснений с чекистами ослаб здоровьем, стал из-

бегать людей, «перестал служить, дома тихо молился и пел, позже, с помутившимся разумом, в одежде нищего ходил по станице промаялся несколько лет и тихо умер»²³. Тревоги батюшки были небезосновательны: в 1920 г., когда в губернии шла борьба с отрядами дезертиров из «зеленой» армии, за добровольное служение молебнов в занятых дезертирами поселках священники подвергались расстрелу²⁴.

Второе обстоятельство, ставшее известным из письма супруге о. Иоанна Богоявленского, заключается в том, что дело священника о событиях 1918–1919 гг. было возбуждено через год «по злобе и личным счетам». Матушка упоминает в числе прочих дьякона В. Малышева, который «всегда не довольствовался на мужа и выходили у них повсегда распри и доношения друг на друга местным духовным властям»²⁵. Факт братских «нестроений» не единичен, вчерашние сотрудники иногда оказывались в противоположном стане. Наиболее известным примером можно назвать события, связанные с расстрелом 9 июня 1918 г. протоиерея Николаевского собора Верхнеуральска М. Д. Громогласова. В его задержании и казни свою роль сыграл священник собора А. Телегин, который после захвата города большевиками «вошел с ними в сношение, был назначен ими... настоятелем собора, произвел... перевыборы Приходского Совета... распустив ложный слух о растрате о. Громогласовым 7000 руб. церковных денег, с очевидной целью усилить его вину». После возвращения дутовцев приходское собрание предложило о. Телегину покинуть собор и сообщило о его действиях епархиальному начальству. Резолюцией правящего архиерея священник Телегин был отрешен от места, запрещен в священнослужении и над ним назначено следствие²⁶.

На место мученически погибшего протоиерея Михаила собрание избрало священника Георгиевской церкви Верхнеуральска В. Аманацкого, который вынужден был бежать из города, преследуемый И. Кашириным. Будучи председателем местного совета, в телеграмме на имя епископа Мефодия красный командир требовал рукоположить диакона Григория Тюрина (дьякона этой же церкви) в сан священника вместо о. Вячеслава Аманацкого, которого, по его словам, надо было удалить с прихода и лишить сана как контрреволюционера²⁷. Кандидатура о. Григория была не случайна: как сообщалось в епархиальной газете, он был другом одного из братьев Кашириных, коммунистом, председателем военно-следственной комиссии и «носил еще какие-то большевистские титулы». Когда в Верхнеуральск вернулись казаки, Тюрин был расстрелян²⁸. Телегин и Тюрин не были одиноки, о «перебежчиках» сообщали и церковные, и светские газеты. Известно о псаломщике села Сысоево Троицкого уезда А. Карпове, состоявшем большевистским комиссаром в своем селе. Во время наступления белых он не успел скрыться и был расстрелян чехословаками²⁹.

Гонения заставляли духовенство покидать места прежнего служения. Так, из-за угроз местного ревкома перебрался в соседний Катенинский поселок о. Иоанн Богоявленский. Из-за того что Верхнеуральск и окрестности стали ареной ожесточенной борьбы, священники, переводимые на место убитых или ушедших из селений настоятелей, отказывались от назначения в эти приходы. Например, священник церкви Челябинского переселенческого пункта о. Протопопов вскоре же отказался от настоятельства в Георгиевской церкви, потому что до него там служил пострадавший о. Аманацкий³⁰.

Начавшееся весной 1919 г. наступление Восточного фронта и возвращение Красной армии на земли оренбургских казаков вызвали опасения в повторении террора. Одни ускоренно вступали в ряды армии А. В. Колчака, другие спешно покидали свои селения с отступавшими частями. В этом потоке оказались некоторые представители духовенства, а с ними и архиепископ Мефодий. Но подавляющее большинство казачества встречало Красную армию не с оружием в руках, а хлебом-солью, желая задобрить победителей³¹.

С осени 1919 по 1920 г. массированные военные действия сменялись локальными восстаниями. Налаживание мирной жизни усложнялось тяжелейшими экономическими трудностями, одним из инструментов решения которых стала продовольственная разверстка. Непомерные размеры, нарушения при изъятии продовольствия неизбежно вызывали пассивный и активный протест. Под пристальным вниманием сотрудников ЧК, наряду с крестьянами, рабочими, военными и пр., находилось духовенство.

Поводом для ареста за «контрреволюционную деятельность» могли быть разные события. Например, священники обвинялись в призыве к родителям не пускать детей в кружки молодежи, где они «развращаются», и советовали воспитывать детей «в страхе Божиим». Настоятель Благовещенского прихода Карачельской волости Челябинского уезда А. Протасов октябре 1920 г. был обвинен в организации погрома бывшего дома священника, где располагались школа и «культпросвет». Хотя инициаторами были женщины, также проходившие по этому делу, священник был приговорен к пятилетнему заключению в концлагерь, остальные — к двухлетнему заключению. Но вследствие амнистии дело было прекращено, все освобождены из-под стражи³².

Контрреволюционными пролетарская власть могла объявить и святых. В начале ноября 1920 г. священник поселка Запечаловского Олахов был арестован Миасским политбюро вместе с иконой, от прикосновения к которой исцелился нашедший ее мальчик. Больше всего следователей возмущало не явление иконы, а «существенные доходы попов... несколько десятков тысяч рублей деньгами и 140 аршин холста»³³.

Лишенные избирательных прав не освобождались от продразверстки, неисполнение, сопротивление при изъятии было чревато лишением свободы. Священник поселка Борисовского Кособродской станицы Троицкого уезда Павел Лебедев был обвинен в укрывательстве хлеба и агитации против советской власти. Следствие продолжалось с сентября 1920 г. по апрель 1921 г., дело было прекращено, ввиду того что, несмотря на донос, ни первое, ни второе обвинения не подтвердились³⁴.

Одним из ярких примеров присуждения высшей меры наказания можно считать историю священника поселка Шеломенцевского Еткульской станицы Челябинского уезда Симеона Ионина и его брата (возможно) Ионина Николая, псаломщика поселка Коркинского. В числе тридцати пяти человек они были приговорены к расстрелу за участие в организации, носившей название «Голубая армия», которая действовала на территории Еткульской, Каратабанской, Дуванкульской, Кичигинской, Селезянской и Хомутининской станиц. Расследование было скоротечным: в начале сентября восставшие были арестованы, 25 сентября губчека вынесла постановление о расстреле³⁵.

Завершение активной фазы Гражданской войны требовало от властных структур и населения налаживания взаимодействия. Как показатель частичного изменения настроения духовенства в сводке губчека приводилось заявление, поданное заключенными в Челябинском доме лишения свободы священниками А. Протасовым, И. Докукиным, А. Кривошековым и В. Маврицким. Авторы писали, что будут служить трудовому народу, полагая основой своей жизни и служения Евангелие. Они отказывались от религиозной пропаганды с церковной кафедры до тех пор, пока «не определится отношение между властью и церковью». Не участвуя в политической борьбе, они искренно желали прекращения вражды и обращались ко всему духовенству с призывом принять намеченные ими пути, что будет способствовать укреплению советской власти и умиротворению страны. Священники просили разрешения вернуться в свой приход и не поставить в вину проступков, так как поступали «не ради личных целей или выгод, а исключительно в силу обстоятельств времени и ложного понимания переживаемых событий»³⁶.

Обзор и анализ рассмотренных событий и проблем позволяет сформулировать следующие выводы. Гражданская война явилась внешним выражением фундаментальных изменений, назревших в российском обществе и государстве: социально-политических и экономических, но прежде всего мировоззренческих и духовно-нравственных. Православная церковь, как институт и хранительница веры, для большинства населения утратила свое значение. Поэтому, как резюмирует историк ОКВ А. В. Ганин, «не стоит переоценивать значение религиозного фактора, который являлся отнюдь не основным вопросом гражданской войны»³⁷. Утрата веры в Бога как основы бытия народа существенно облегчила победу новой идеологии и общественно-политической системы. Вместе с тем потому что понадобился красный террор, что народ встал на защиту, в том числе и своих святых. Таким образом, другим фактором победы пролетарской власти стало насилие. Начинаясь эпоха строительства социалистического общества, в котором религия и благочестие стали уделом «белых платочков» и незначительной части духовенства, мужественно исполняющего свой долг пастырства.

Примечания

- ¹ ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 9647.
- ² *Абрамовский А. П., Кобзов В. С.* Оренбургское казачье войско в трех веках. Челябинск, 1999. С. 294–295.
- ³ ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 9647. Л. 10.
- ⁴ *Селезнев И.* Бегство духовенства // Оренбург. церков.-обществ. вестн. 1918. 28 янв. С. 2.
- ⁵ Самовольный захват прихода // Там же. 1918. 24 июня. С. 4.
- ⁶ Наш суд // Совет. правда. 1919. 19 дек. С. 4.
- ⁷ Воспоминания И. П. Золотухина, бойца полка им. Ст. Разина // Троицкий краеведческий музей. ОФ. С. 5.
- ⁸ ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 9647. Л. 21–21 об., 11.
- ⁹ *Енборисов Г. В.* От Урала до Харбина. Памятка о пережитом. Шанхай, 1932. С. 48.
- ¹⁰ ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 9647. Л. 22.
- ¹¹ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви. Протокол 126. 5 (18) апреля 1918 г. М., 1999. С. 113–115.
- ¹² Там же. С. 125–126.
- ¹³ Оренбург. церков.-обществ. вестн. 1918. 28 апр. С. 2.
- ¹⁴ ГАОО. Ф. 305. Оп. 1. Д. 40. Л. 1.
- ¹⁵ В большевистском застенке (посмертные записки прот. М. Д. Громогласова) // Оренбург. церков.-обществ. вестн. 1918. 6 окт. С. 2–3.
- ¹⁶ Воспоминания И. П. Золотухина... С. 4–5.
- ¹⁷ ГАОО. Ф. 305. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–2 об.
- ¹⁸ Просветитель // Совет. правда. 1919. 30 нояб. С. 3.
- ²⁰ Поповская кровь сказала // Трудовой набат. 1920. 1 нояб. С. 2.
- ²¹ ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 9647. Л. 21 об.
- ²² *Енборисов Г. В.* Указ. соч. С. 52.
- ²³ ОГАЧО. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 127. Л. 68 об.
- ²⁴ *Шибанов Н. С.* «Зеленая» война : ист. очерки. Челябинск, 1997. С. 69.
- ²⁵ ОГАЧО. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 127. Л. 43 об.
- ²⁶ Там же. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 9647. Л. 27 об.— 28.
- ²⁷ Предатель из своих // Оренбург. церков.-обществ. вестн. 1918. 11 авг. С. 4.
- ²⁸ Духовенство и церковные деятели по публикациям газеты «Оренбургский церковно-общественный вестник» за 1917–1918 годы : справ. изд. / сост. А. Г. Щегольков. Челябинск, 2013. С. 338.
- ²⁹ Предатель из своих.
- ³⁰ Псаломщик-комиссар // Оренбург. церков.-обществ. вестн. 1918. 11 авг. С. 4.
- ³¹ Хроника // Там же. 28 июля. С. 4 ; 3 авг. С. 4.
- ³² *Абрамовский А. П., Кобзов В. С.* Указ. соч. С. 303–304.
- ³³ ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 3991. Л. 40, 56.
- ³⁴ Там же. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 127. Л. 63 об.
- ³⁵ Там же. Ф. Р-96. Оп. 2. Д. 493.
- ³⁶ Там же. Ф. 401. Оп. 1. Д. 1. Л. 116–116 об.
- ³⁷ Там же. Л. 68 об.
- ³⁸ *Ганин А. В.* Оренбургское казачество и церковь в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. // Белая гвардия. 2008. № 10. С. 160.

ПЕРЕДАЧА ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ УЧРЕЖДЕНИЯМ КУЛЬТУРЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

**(на примере коллекции икон
Государственного исторического музея Южного Урала)**

Взаимоотношения Русской православной церкви (РПЦ) и советской власти являются важной частью истории XX в. Одним из принципов новой власти был провозглашен атеизм. Многовековая православная традиция была отвергнута. Ленинский декрет об отделении церкви от государства, опубликованный 23 января 1918 г., стал основой жесткой политики, проводимой в отношении религии и церкви. Согласно этому документу церковь не могла иметь собственность и вести обучение в школах. Она могла бесплатно пользоваться культовыми сооружениями и предметами, а также исполнять религиозные обряды, если они не нарушали общественного порядка¹.

Наиболее активно борьба с религией проходила в 1930-е гг. Специально для этой цели, а также для пропаганды атеизма был создан Союз воинствующих безбожников². Советская власть проводила масштабную антирелигиозную политику, одновременно с этим пропагандируя естественно-научное мировоззрение. Развернутая массовая антирелигиозная пропаганда побудила огромную часть населения закрывать, разрушать и разграблять храмы и другие религиозные учреждения под предлогом нехватки зданий для общественных нужд. Таким образом, церкви приходили в упадок, ветшали, а религиозные произведения искусства на стенах храмов со временем были утрачены³.

На Урале в 1920–30-е гг., во время социальных потрясений и трансформации общества, взаимоотношения РПЦ и советской власти выстраивались болезненно. Трудности были вызваны, с одной стороны, тем, что значительная часть крестьянского и горнозаводского населения в своем мировоззрении сохраняла верность патриархальным и религиозным устоям⁴. С другой стороны, для местных партийных руководителей были характерны попытки использования радикальных методов борьбы с религией.

Одним из примеров такого агрессивного метода может быть изъятие церковных ценностей в начале 1920-х гг.⁵ Следует отметить, что кампании по изъятию церковных ценностей предшествовал страшный голод, охвативший многие регионы страны. На Урале он пришелся на 1921–1922 гг.⁶ Советская власть использовала голод в качестве аргумента для проведения процедуры изъятия ценностей из монастырей и церквей. Однако во многом эта кампания была направлена вовсе не на сбор средств для помощи пострадавшим от голода, а на финансовую стабилизацию нового государства, на обеспечение жизнеспособности установившегося режима.

Изъятие церковных ценностей в Челябинской области началось в 1922 г. и продолжалось практически до Великой Отечественной войны. Например, из церкви при станции Челябинск 3 мая 1923 г. было изъято 58 фунтов 4 золотника (23,2 кг) ценных вещей⁷. В ходе многочисленных проверок, которые проводились на Южном Урале, осуществлялась обязательная перепись всего церковного имущества. Священники и верующие оказывали сопротивление, за которым следовали общественные волнения, сменившиеся вскоре судебными процессами и казнями⁸.

В 1922–1924 гг. местная советская власть постепенно перешла к другой стратегии — от агрессивного изъятия к пропаганде⁹. Свидетельствами этих изменений являлись отмена преподавания основ вероисповедания в учебных заведениях, введение антирелигиозного воспитания и обучения, построенного на естественно-научных принципах. Борьба с религиозным мировоззрением теперь активно велась и через средства массовой информации, особенно активно использовалась сатира, приветствовались фельетоны¹⁰.

Процесс изъятия церковных ценностей сменился их передачей властям — опять же, в целях антирелигиозной пропаганды. Происходило планомерное подчинение церкви как института интересам внутренней и внешней политики государства¹¹. Передача ценностей осуществлялась при участии таких местных организаций, как, например, исполком, Государственное управление торговли (Госторг) и т. д. Изъятые ранее из церквей и храмов предметы религиозного культа находились здесь на временном хранении в огромных количествах.

Проследить путь и историю появления того или иного предмета в коллекции музея не всегда возможно выяснить. Зачастую сложность этого процесса связана с утерей данных о поступлении в музей, но чаще всего — с общими формулировками в книгах поступлений. Огромное количество предметов записывалось целыми группами, без указания названия, места хранения до поступления в музей, размеров и т. д.

Государственный исторический музей Южного Урала хранит в своих фондах огромное количество предметов православного культа. Фондовые предметы разнообразны: среди них встречаются оклады, кресты, богослужебные книги и ткани, культовая деревянная скульптура, церковная утварь. Однако большую часть коллекции составляют иконы. Основным источником, с помощью которого можно проанализировать количество и состав поступлений, является инвентарная книга Челябинского губернского музея местного края (1922). Согласно записям в этой книге, в период с 1922 по 1924 г. в музей было передано около 134 предметов православного культа, среди которых были медные кресты и складни, но в основном — иконы. Большая часть этих предметов (70 единиц) передана в 1923 г. из Госторга («вещи, переданные из закрытых церквей в Николаевском поселке близ ж-д станции в г. Челябинске») и в 1924 г. — из отдела соцобеспечения по распоряжению окружного исполкома (35 единиц). Из закрытой церкви Рождества Богородицы при станции Челябинск в 1923 г. было передано в музей около 11 икон, в том числе «Святая Параскева Пятница» XIX в., а также несколько образов Богородицы (Владимирская, Казанская, Тихвинская), икона Вседержителя, праведного Симеона Верхотурского. Челябинская милиция передала музею в 1923 г. две иконы — предположительно «Дванадцатые праздники» и образ Богородицы «Владимирская».

Также в 1923 г. через А. И. Лепятского отдел народного суда передал музею иконы, которые служили вещественными доказательствами в уголовном процессе «по обвинению священника Миланова в религиозном шантаже в связи с обнаружением [нами] коему приписывается чудотворное действие». Иконы были оценены музейными специалистами, но, к сожалению, ни точных названий, ни описаний изображений, ни размеров в книге поступлений не указано.

Важно отметить активное участие первого директора музея Ивана Горохова в сохранении религиозных ценностей закрывающихся храмов. Культовые предметы продолжали поступать в коллекцию музея вплоть до 1932 г. В 1931 г. был закрыт челябинский Христорождественский собор, и в фонды музея переданы такие православные ценности, как деревянная скульптура Николая Мирликийского и иконы Божией Матери «Казанская», «Троеручница», «Тихвинская»¹². Остальная часть коллекции музея в эти годы была пополнена благодаря дарам.

Несмотря на политику советской власти, в основе которой лежали принципы дискредитации и разрушения РПЦ как организационной структуры, на проведение массовых репрессий против духовенства и варварского отношения к иконам, таким людям, как Иван Горохов, удалось сохранить огромное количество христианских святынь. Сформировавшаяся благодаря его усилиям коллекция икон и предметов православного культа в настоящее время активно экспонируется в залах музея и является уникальным материалом для будущих научных исследований и открытий.

Примечания

¹ Партийная организация и атеистическое воспитание : сб. ст. / под ред. А. Ф. Окулова. М., 1975. С. 124.

² ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 1. Д. 4232.

³ Там же. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 573. Л. 24.

⁴ Загребин С. С. Культурная политика государства. Челябинск, 1998. С. 4.

⁵ Костогрывов П. И. Участие православной церкви в антибольшевистском сопротивлении в 1917–1918 гг. на Урале // Изв. Урал. федер. ун-та. 2008. Сер. Гуманит. науки. Вып. 16, № 59. С. 71.

⁶ Худобородов А. Л. Стояние за веру в дни лихолетья: взаимоотношения русской православной церкви и советского государства в 1917 — начале 1930-х гг. Челябинск, 2014. С. 37.

⁷ ОГАЧО. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 53. Л. 53.

⁸ Худобородов А. Л., Яшина М. А. Обновленческий раскол в Русской православной церкви на Урале в 1920-е гг.: предпосылки, результаты, последствия // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. 2012. Сер. Социал.-гуманит. науки. Вып. 18, № 10. С. 93.

⁹ Загребин С. С. Культурная политика Российского государства в конце XIX — первой трети XX в. (общенациональные доминанты и региональные особенности). Челябинск, 2006. С. 47.

¹⁰ Шакирова Э. З. Эволюция государственно-церковных отношений на Южном Урале и Среднем Поволжье во второй половине XX в. Уфа, 2010. С. 19.

¹¹ Артемов Е. Т. Государство и народ в условиях социалистического эксперимента. Екатеринбург : Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2008. С. 100.

¹² ОГАЧО. Ф. Р-627. Оп. 3. Д. 400. Л. 9.

Л. Н. Молчанов

И ШЛА ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА... К 100-ЛЕТИЮ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ*

9–10 августа 1919 г. в двух километрах от поселка Березинского шел бой между 214-м Симбирским стрелковым полком 24-й Симбирской «Железной» дивизии 5-й армии РККА и казаками 6-го Сызранского стрелкового полка 2-й Сызранской дивизии 4-го Оренбургского армейского корпуса Западной армии белых. Место сражения растянулось на десять километров от поселка Березинского в сторону поселка Углицкого. Поселок Березинский в эти дни дважды переходил из рук в руки.

В ходе сражения 214-й полк понес значительные потери. Всего в окрестностях станции взято в плен, пропало без вести и убито 302 красноармейца, и это только по официальным донесениям. Изучая воспоминания комиссара 214-го полка Н. И. Кирюхина¹, мы видим, как официальная статистика разнится с реальными цифрами событий, развернувшихся в окрестностях станции Березинской.

Из дневника комиссара 214-го стрелкового полка Кирюхина:

6 августа. 1919 года. Станица Березинская. 6 августа красные части развернули наступление на город Верхнеуральск. Город был взят. Под Верхнеуральском продолжаются упорные бои. Нашей 2 бригаде приходится переносить всю тяжесть неприятельского напора. Поселок Остроленский три раза переходил из рук в руки; бои продолжаются. Видимо, белые стремятся выбить красных из города. 215-й полк послал один батальон на поддержку 213-го полка, который опять оставил поселок Остроленский.

На нашем участке белых пока не видно. Большую степную станицу Березинскую мы взяли без боя².

Комментарий автора книги: «Находясь на своей земле, где каждая балка, колок, лес, озеро было с детства знакомо и дорого, надеясь на победу, не желая подвергать казачье население станицы неизбежным пожарам и разрушениям при обороне поселка и жертвам среди мирного населения, казачье командование решило оставить поселок. Оно подготовило противнику серию внезапных ударов в местах предполагаемого наступления на Верхнеуральск. Станица Березинская была скрытно взята в плотное коль-

* Статья написана на основе семейных преданий. Кроме того, использованы материалы из Государственного архива Чесменского района, четырехтомника «Гражданская война и становление советской власти на Южном Урале», фондов Троицкого и Верхнеуральского историко-краеведческих музеев, сведения, предоставленные Челябинским отделением Российского военно-патриотического общества (в лице Павла Анатольевича Стромова), полученные в Российском государственном архиве (Москва) активистами инициативной группы «Редут–Доброхот» Челябинского отделения Российского военно-исторического общества.

Реконструкция начала двухдневного сражения между красными и белыми частями 9–10 августа 1919 г. в районе между современными поселками Березинский и Углицкий Чесменского района составлена автором на основе представлений о тактике действий казачьих частей в ходе Гражданской войны, когда зачастую не было сплошной линии фронта. Дневник комиссара 214-го полка 24-й «Железной дивизии» 5-й армии РККА товарища Кирюхина показывает, с какими трудностями пришлось столкнуться красным частям, вторгшимся на земли Оренбургского казачьего войска летом 1919 г.

цо казачьими разъездами и частями, и мышеловка под Березинской захлопнулась, захватив все части находящиеся в ней, о чем красное командование и не догадывалось».

...Много жителей убежало с белыми от «красных грабителей — зверей», как рекомендовали нас враги; однако, многие из уехавших жителей, узнав, что мы не грабители и не звери, возвращаются по своим домам, вместе со своим скарбом. Третий батальон пошел занимать станицу Куликовскую³.

Комментарий автора книги: «Комиссар Кирюхин все крупные поселки Оренбургского казачьего войска называет станицами, что не соответствует действительности и говорит о его нежелании считаться с установками и порядками, принятыми на казачьих землях».

8 августа 1919 года. Станица Березинская. Находимся в полном неведении относительно того, что творится вправо и влево от нас. Несмотря на все усилия, никак не можем связаться даже с бригадой, которая находится в станице Арсинской. Все связные, посылаемые туда, или попадают в руки шныряющих в нашем тылу казачьих разъездов, или с половины дороги возвращаются, спасаясь от погони.

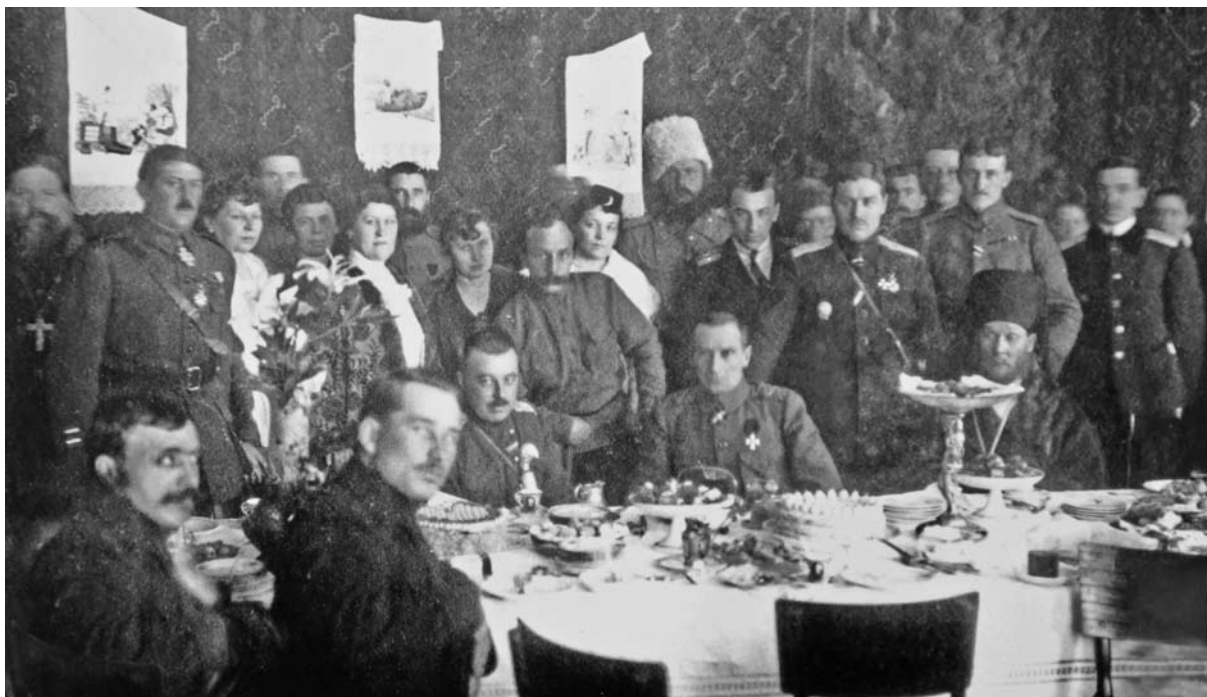
Третий батальон занял вчера станицу Куликовскую⁴.

*Генерал-лейтенант, председатель
войскового правительства
и войсковой атаман Оренбургского
казачьего войска с 1917 по 1921 год
Александр Ильич Дутов*

Группа оренбургских казаков вместе с белочехами. 1918 г.

А. И. Дутов, А. В. Колчак, И. Г. Ахулинин и архиепископ Мефодий (Герасимов) на банкете в честь Верховного правителя А. В. Колчака. Троицк, февраль 1919 г.

9 августа 1919 года. Станица Березинская. 3-й самый лучший, образцовый в политическом и в боевом отношении батальон, разбит... Утром... прилетел на взмыленном коне какой-то ординарец из 3-го батальона и, волнуясь, сообщил, что 3-й батальон окружен белыми (в станице Куликовской) и нужна немедленная помощь. Не успели мы его хорошенько расспросить, как приехали командиры 7-й и 9-й рот товарищи Дмитриев и Казак, которые сообщили, что батальон частью порублен, большей же частью захвачен в плен, что командир батальона товарищ Органов убит снарядом, и помощь бесполезна. Тем не менее, мы взяв 4-ю роту и бывшее при нас орудие, пошли на выручку, но и сами чуть не попали к белым. Их конница заходила на фланг, а снаряды засыпали нашу цепь. Мы отступили опять к станице Березинской⁵.

...Положение наше теперь критическое: мы окружены со всех сторон. Влево до бригады Каширина верст 80–85. Вправо до 2-й бригады 40–45 верст. Промежуточные же станицы заняты противником. Со штабом бригады связи еще нет. Утром посылали туда разведчиков с донесениями, но через три-четыре часа они прискакали на измученных загнанных лошадях обратно и рассказали, что отъехав от Березинской станицы верст на 10–12 они наткнулись на казаков, которые гнались за ними чуть не до самой станицы... Утром же посылали взвод конной разведки для занятия отрога Чесменского, откуда можно было бы связаться с бригадой Каширина, но тоже неудачно: разведка, отъехав верст на 5–6, тоже наткнулась на казаков, которых было 70–80 человек. Постреляв, наши вернулись ни с чем...

Одна сторона у нас свободна на случай отступления: это — направление на северо-запад, на отрог Сухтелинский, куда мы и решили, в крайнем случае, отступить. Ясно как день, что завтра белые будут наступать и на нас, и нам надо подготовиться. Среди бойцов 2 батальона быстро, еще утром, распространились слухи о том, что постигло третий батальон, и это произвело на всех удручающее впечатление. До сих пор мне не верится, что 3-го батальона уже нет. Самый стойкий, самый дисциплинированный, сильный духом батальон — и вдруг разбит! Нет, не может быть. Они могли отступить куда-либо, даже в сторону противника, и теперь скитаются, может быть, по степи, стараясь выйти к нам. Может быть, они отступили ко 2-й бригаде или к штабу нашей бригады, но в плен... Нет! Не могу допустить этого! С другой стороны, нельзя не верить: командир 9-й роты Казак, командир 7-й роты Дмитриев, спасшиеся пулеметчики, обозники, как очевидцы, рассказывают, что они видели, как казаки окружили батальон и как красноармейцы, видя бесполезность сопротивления, сдавали оружие; видели, как помощник командира 8-й роты товарищ Борзов, коммунист, испытывавший «прелести» белогвардейского плена еще у чехов в 1918 году, не желая сдаваться, выхватил наган

и покончил с собой; видели, как отчаянно, до последнего патрона бились пулеметчики; видели, как убило товарища Органова (командира батальона)...

И все-таки теплится какая-то надежда; авось, это неправда, авось вернется завтра большинство батальона, авось попали в плен не все...

Сейчас только прискакала группа разведчиков из бригады и привезла приказание: «Держаться в станице до последней возможности, в крайнем случае, отступить на Сухтелинский»⁶.

14 августа 1919 года. Отрог Краслинский. В ночь на 10-е августа весь батальон был в цепи. Вечером еще все канцелярии, околодок (по всей вероятности, полковой лазарет. — Авт.), лишний обоз и снаряды были отправлены нами в Сухтелинский. Вечером же было совещание комсостава по вопросу, оставлять ли Березинскую станицу и расположиться на выгодной для нас позиции или защищать Березинскую.

Товарищ Ильин, оставшийся за комполка (товарищ Мигин уехал в отпуск), предлагал оставить станицу и занять позицию северо-западнее ее по вершинам небольших холмов, указывая, что если белые крупными силами будут наступать, то нам все равно не выдержать. «Будь у нас здесь хотя бы два батальона,— говорил он,— а нас только 300 штыков, да одно орудие... Я — за отступление. Вы как?» — обратился он ко мне. «Я стою за то, чтобы остаться здесь и защищаться до последней возможности. Раньше времени покидать станицу нет смысла. А что, если противник ночью займет ее? Тогда нам придется выбивать его, а это уже труднее». Командир батареи принял сторону Ильина, но последний почему-то изменил свое решение и не вывел батальона из станицы⁷.

Комментарий автора книги: «Зачем было идти против мнения комиссара, настаивающего на обороне станицы в такой тревожной и непонятной обстановке? В случае поражения козлом отпущения станешь ты, ведь комиссар-то настаивал на обороне станицы. А на кону только твоя жизнь, главный идеолог как всегда в стороне. Поэтому проще идти в одной упряжке с комиссаром, себя-то он под трибунал не подставит! Тем более что 3-й, самый лучший батальон полка, уже наголову разбит!»

Комментарий автора о политической ситуации, сложившейся к лету 1919 г. на Южном Урале и в целом в стране: «Политика красных вождей по отношению к населению, противникам Советской власти и временным попутчикам, работающим на Советскую власть. Внутренняя и внешняя политика Советского государства, осуществляемая Наркомом иностранных дел и Главкомом Львом Троцким в 1919 году»⁸.

Лев Троцкий — один из главных идеологов и практиков, осуществивших Октябрьскую революцию⁹. В тесном содружестве с Ульяновым-Лениным строил советское государство. Будучи наркомом иностранных дел Советской России, в конце 1917 — начале 1918 г. заключил с Германией, Австро-Венгрией, Турцией, Болгарией Брестский мир¹⁰, по которому Россия потеряла Польшу, Литву, Латвию, Эстонию. Украина, Финляндия получили независимость. Турция отдала огромную часть Армении, Грузии с городами Карс, Ардаган, Батум.

По договору, Красная армия должна была быть ликвидирована, военно-морской флот переходил к немцам. Пленные с обеих сторон — три миллиона русских и два миллиона немцев — возвращались домой. Россия потеряла по договору 800 тысяч квадратных километров с населением 56 миллионов человек (это 1/3 всего населения страны), 80 % добычи угля и железа, половину посевных площадей. Но Россия вышла из Первой мировой войны, чтобы спокойно заняться внутренним переустройством, в то время когда вся Европа продолжала воевать. Распустив армию по дома

Построение перед атакой на красные части.
1919 г.

Казаки 4-го Оренбургского казачьего полка из Нижне-Увельской станицы

и создав Красную гвардию, Л. Троцкий сумел разоружить большинство частей, идущих с фронта домой, а все склады и хранилища с вооружением, обмундированием и продовольствием сразу были взяты под усиленную охрану.

Заключение грабительского Брестского мира в марте 1918 г. тяжелым бременем легло на разоренную страну, но буквально через полтора года противники Троцкого и Ульянова-Ленина убедились в гениальности этого политического решения. После Ноябрьской революции в Германии в 1918 г. Брестский мир был аннулирован по всем статьям.

В марте 1918 г. Л. Троцкий становится Главкомом вооруженных сил Советской России. 8 апреля 1919 г. создает систему волостных, уездных, губернских, окружных военкоматов и, видя несостоятельность Красной гвардии, ставит под ружье миллион-

«Горит земля, пылают села, сжигают наши хутора. И не чужие, не австрийцы, а наши, русские, свои...». 1919 г.

ную армию нового типа. В нее в качестве командиров частей и соединений призываются бывшие офицеры с гарантией хорошего оклада и устройства их семей и близких, вплоть до возвращения квартир и имений. К военспецам в виде контроля и жесткого спроса направляются военные комиссары с самыми широкими полномочиями. В случае предательства, неумелого командования или поражения военспецы подвергались наказанию вплоть до расстрела. А их семьи, находясь в тылу Красной армии, автоматически становились заложниками новой власти. Такая же участь часто постигала и комиссаров, проваливших порученное дело или не усмотревших затаившихся врагов.

В городах начинается нехватка продовольствия и прежде всего хлеба (сказываются результаты Брестского мира). В мае 1918 г. решением правительства создаются продотряды, которые по всем волостям, уездам и губерниям, контролируемым правительством, выгребают хлеб у крестьян, что приводит к повсеместным бунтам. На подавление бунтов бросаются регулярные части армии и ЧОНЫ (части особого назначения).

В наследство от Временного правительства в Советской России остался 45-тысячный Чехословацкий корпус (сформированный из пленных чехов и словаков), который не успел вступить в войну в виду заключения Брестского мира с Германией. Было решено отправить корпус во Владивосток, а там пароходами перевезти его в Европу на театры боевых действий. Когда корпус растянулся по всей Транссибирской железнодорожной магистрали, его попытались разоружить. В ночь с 26 на 27 мая 1918 г. чехи подняли мятеж, захватив одновременно всю магистраль от Самары до Владивостока. В конце мая — июне 1918 г. чехословацкие войска захватили Пензу, Самару, Сызрань, Златоуст, Челябинск, Новониколаевск, Омск, Томск, Красноярск, Владивосток. И в стране во всю силу запыхала Гражданская война, в которой не было правых и виноватых, где каждый бился за свое. Летом и осенью 1918 г. на фоне очень частых поражений красных частей на фронтах Гражданской войны Л. Троцкий вводит децимацию* в частях РККА¹¹.

На рассвете 10 августа на участке комендантской команды, которая также была в цепи, появилась неприятельская разведка, но нашим ружейным и пулеметным огнем была отогнана.

Через некоторое время загремела неприятельская батарея. Били из четырех орудий по пятой и шестой ротам, лежащим на буграх в полтора-двух верстах от станицы Березинской. Огонь был настолько силен, что через 10–15 минут место, где лежала одна из рот (кажется пятая), было окутано облаком черного дыма, смешанного с землей. Наблюдая с колокольни за боем, я сильно боялся за роту (потом, между прочим, в роте оказались ничтожные потери). Вот стало отвечать и наше орудие. Снаряды рвались где-то вдалеке у неприятельской цепи, поднимая в воздух фонтаны земли. Замелькали в воздухе белые барашки, — это рвались наши шрапнели над наступающей белой пехотой. Вдруг где-то сзади разорвался снаряд, за ним другой... Бьют по станице.

Вижу, четвертая рота, лежащая в цепи на краю станицы, поднялась и стала отходить (как выяснилось впоследствии, товарищ Ильин, видя превосходство сил белых, приказал отступить). Потянулись обозы, снялось и загромыхало орудие. Все покидали станицу.

Слез с колокольни и я. Проезжая по улице, я видел кучки жителей, шептавшихся между собою и посмеивавшихся нам вслед. Чувствовалось, что радуются нашему отходу. «Рано радуетесь, придем опять скоро», — подумал я и дал шпоры коню, чтобы догнать своих. Между тем, впереди творилось что-то неладное: мы отступали на Сухтелинский, а сильная стрельба слышалась где-то впереди по дороге.

«Отрезали!» — мелькнула в голове страшная мысль, и как бы в подтверждение этому, вижу — все обозы и орудие свернули вправо и понеслись прямо по полю. Догоняю цепь. Думаю, что она передняя, — оказывается, все перемешалось, и впереди еще есть наши...

Стрельба велась сильная. Стреляли по нам откуда-то слева из пулемета, но белые брали слишком высоко, и пули летели через головы. Выходим из лесочка на поляну и видим, как от нас удирают 30–40 казаков. Ободряюще пронесется по цепи «Ура!», и вслед бегущим гремят дружные залпы. Спешу вперед, чтобы догнать первую цепь, которая как будто недалеко. Но ее почти и нет: рассыпались по кустам, перемешались не более 49–50 человек, командир полка, командир батареи и несколько артиллерийских разведчиков. Все страшно измучились, в особенности стрелки. Жара невыносимая, цепью идем более 12 верст, а нас все преследуют и обстреливают казаки. Недалеко впереди нас везут наше единственное орудие. Два раза налетали на него казаки с криками «Сдавайтесь!», но каждый раз стойкие батарейцы и прикрытие отбивались ружейным и пулеметным огнем.

Конница белых двигалась параллельно нашему пути отступления и за нами в 150–200 шагах.

Но налетать на нас белые, видимо, боялись, так как шли мы в порядке, не спеша и отстреливаясь. Вдруг слева из лесочка выскочили еще 30–40 казаков, которые с гиком врезались в наш левый фланг. Мы встретили их залпами, но это их не остановило и они неслись на нас, крутя сверкающими

* Децимация — римский обычай, когда после поражения разбитый легион строился, из шеренг выбирался каждый десятый воин и публично перед строем подвергался казни в наказание другим.

на солнце шашками, с криками: «Сдавайтесь красные черти, а то порубим!» Горсть приведенных в отчаяние красноармейцев отстреливалась, но, не выдержав, бойцы побежали кто куда. Казакам только этого и надо было. С криками и свистом кинулись они на расстроенную пехоту, рубя направо и налево, без всякой пощады. Крики раненых, гиканье и свист казаков, одиночные выстрелы защищающихся — все это слилось в один ужасный шум... Механически заряжая винтовки и стреляя, мы видели, как было зарублено человек 10 красноармейцев...

Хорошо запомнилась мне такая картина: какой-то стрелок, бросив винтовку, поднял руки, прося пощады, но не получил ее от белых палачей. Боятся они наших красноармейцев, даже безоружных, но сильных своим сознанием. Знают белые, что в плену от красноармейцев ничего не услышишь кроме агитации за Советскую власть, к которой прислушиваются забитые, угнетенные палочной дисциплиной мобилизованные солдаты...

Нет пощады! — старый, грузный казак уже мчался к поднявшему руки стрелку: взмах блеснувшего безжалостного, холодного клинка, и красноармеец с разрубленной головой, обливаясь кровью, падает...

Видя, что все пропало, я поехал вправо, в видневшийся лесок. Впереди меня бежало несколько красноармейцев без винтовок, бросивших для легкости все обмундирование и бежавших в одних рубашках; туда же шел командир 6-й роты Шмель с револьвером в руке. Лошадь его, раненая, ковыляла сзади. Комполка, разведчики и часть пехоты ускакали с оружием на Сухтелинский. Отдохнув в лесу, я тоже поехал на Сухтелинский.

Подъезжая к Углицкому отрогу, через который нужно ехать на Сухтелинскую, я увидел человек 30–40 верховых, выезжающих из поселка Углицкого в сторону станицы Березинской. Они были в белых гимнастёрках.

«Казаки! — мелькнуло у меня в голове. — Как быстро они заняли поселок Углицкий!» Я повернул коня. Они заметили меня, и от отряда отделилось пять верховых, которые поскакали за мной. Я решил дорого продать свою жизнь и с надеждой сжимал восьми зарядный браунинг. Два казака подъехали уже близко, что-то крича, и выхватили шашки... Я выстрелил... Подъехавший ко мне вплотную и замахнувшийся было шашкой казак, откинулся назад и медленно упал с коня, причем зацепил ногою за стремя, и испуганная лошадь понесла его по полю. Инстинктивно, почти не сознавая, я выстрелил в другого казака, поспешно достававшего из-за плеча винтовку. Старый, бородатый казак выронил винтовку и схватился руками за бок: он был ранен. Трое остальных, несколько отставших, видя такой оборот дела, слезли с коней и стали стрелять по мне из винтовок. Пули свистели мимо меня и моего коня, но я благополучно добрался до леса, и преследование прекратилось. Я остановил бешеную скачку коня и пустил его шагом. Мой Васька был измучен. Он был весь в мыле.

Успокоившись и отдохнув, я начал раздумывать, что делать. «Впереди меня — белые; одному, — думал я, — не пробраться сквозь их расположение, да и нельзя; они сегодня же используют прорыв, в который сейчас же неудержимо польется их пехота для развития операции. Единственный выход — пробраться к Каширину, который со своим Верхнеуральским полком был в районе Троицка (это еще 30–40 верст на север). Покормив немного коня, я туда и двинулся.

Вскоре я нагнал человек 25–30 красноармейцев разных рот с одним пулеметом, которые двигались, сами не зная куда. Среди них был и Шмель, командир 6-й роты, которого я видел в поле, комендант полка и несколько телефонистов.

Потом нас догнал командир 5 роты товарищ Дубровский с пулеметом. Мы очень друг другу обрадовались, но настроение у всех было подавленное и печальное.

Стали делиться впечатлениями, рассказывали друг другу эпизоды боя. Тут мне, между прочим, рассказали о подвиге китайца Хут-Те, который, несмотря на то, что был окружен казаками, не сдавался. Сев на землю и высыпав патроны, он стрелял в упор, спокойно, не торопясь, прицеливаясь. Семь или восемь казаков были им убиты и ранены, и его зарубили только после того, как он не мог больше стрелять из-за порчи винтовки¹².

Иностранцы сражались во время Гражданской войны не только на стороне белых, но и на стороне красных¹³. Самые минимальные подсчеты показывают, что в разное время в составе Красной армии служили до 250–300 тысяч иностранных граждан (главным образом беженцев, военнопленных и рабочих-отходников), находивших-

ся в Советской Республике: австрийцев, немцев, мадьяр, китайцев, поляков, румын, финнов, чехов и т. д.). В Первую мировую войну на Урал взамен призванных в армию рабочих пригласили несколько тысяч китайцев, в основном из Харбина. Их появление в Пермской губернии относится еще к 1905 г., когда началась Русско-японская война. В тот период царские власти стали высылать всех работающих в районе Порт-Артура японцев, корейцев и китайцев на Урал. Не секрет, что поводом для высылки могла быть боязнь оставить хорошо организованные и подготовленные группы диверсантов и шпионов, передающих японцам сведения о действительном положении в Порт-Артуре и его окрестностях и подготовке и проведении диверсий на железной дороге и в самой крепости. В целом на Урал в период с 1905 по 1915 г. были перемещены предположительно около 30 тысяч китайцев. В ходе Гражданской войны основная часть этих эмигрантов поддержала советскую власть и с оружием в руках сражалась в рядах Красной армии с войсками белых и интервентов¹⁴.

Командир сотни 19-го Оренбургского казачьего полка Павел Иванович Иванов с сестрой Александрой

Несколько красноармейцев застрелились, не желая сдаваться в плен.

В полдень приехали мы в станицу Степную; отдохнув и переменяв лошадей, поехали далее на станицу Боровую Санарку. Там мы встретили красноармейцев Каширинского отряда, от которых узнали, что штаб их бригады — в станице Кособродской.

Сдав «атаману» села умершего от ран пулеметчика и приказав похоронить его, мы поехали в Кособродскую, но Каширина и его Верхнеуральский полк встретили по дороге: они двигались в город Верхнеуральск, в резерв.

Объяснив Каширину положение вещей, я спросил, что нам делать. Он посоветовал немедленно сообщить о случившемся в штаб 35 дивизии в город Троицк. Я так и сделал, послав с донесением командира роты товарища Дубровского.

На ночлег остановились в станице Кособродской, а утром поехали в свой полк, вслед за Верхнеуральским полком.

После трехдневного пути наш небольшой отряд с музыкой был встречен в том селе, где стоит теперь хозяйственная часть нашего полка и остатки разбитых батальонов. 1 батальон, совместно с 215 полком, ушел в наступление.

До рокового для 3-го батальона 9-го августа 1919 года в нем было 480 человек. А сейчас — всего 117 человек с не строевыми, а бойцов только 70. Пулеметы потеряны все. Убито, ранено, попало в плен 370 человек. Мой помощник, товарищ Лесников, хороший, энергичный парень, по одним слухам застрелился, по другим — попал раненый в плен.

Во втором батальоне до боя было 502 человека. Осталось всего 209 человек. Из них строевых бойцов — 150. Порубано, попало в плен 293 человека. Пулеметы все целы.

Против нас наступали те же самые части, что и против 3-го батальона: 6-й Сызранский полк, по показаниям пленных, имел 3 роты и четвертую инструкторскую, всего не более 300 штыков; 7-й Хвалынский имел 400 штыков; 33-й Казачий — 300–400 сабель; действовали также несколько эскадронов 2-го Сызранского кавалерийского полка. Всего против наших 400 штыков и одного орудия наступало не менее 700 штыков пехоты и 500 сабель при 4-х орудиях. Нечего сказать, справились!

Приехавший из отпуска товарищ Мигин, узнав о судьбе двух батальонов, заплакал. Товарищи Ильин, Жданкин, командир батареи, орудие, обозы — все спаслись¹⁵.

Комментарий автора книги: «Как видно из дневника комиссара, потери красных в ходе двухдневного сражения под станицей Березинской убитыми, ранеными и взятыми в плен достигает 763 человек, а в донесениях, отправленных в вышестоящий штабы, потери уменьшаются почти в 3 раза. В Российском государственном военном архиве (город Москва) активистами Инициативной группы «Редут–Доброхот» Челябинского отделения РВИО в марте — июне 2015 года установлены имена погибших бойцов РККА под станицей Березинской¹⁶ в количестве 302 красноармейца, что соответствует отправленным рапортам о потерях комиссаром и командиром 214-го полка РККА. Нетрудно подсчитать полный состав разбитого 214-го полка РККА, сражавшегося под станицей Березинской 9–10 августа 1919 года: 3-й батальон 9 августа насчитывал 480 человек, 2-й батальон насчитывал 502 бойца, в 1-м батальоне было около 500 красноармейцев, полковые разведчики, связисты, штаб, обозники, лазарет, батарейцы всего приблизительно насчитывалось 400 человек. Итого 1882 бойца. Против них воевали белые: 6-й Сызранский полк — 300 штыков, 7-й Хвалынский полк — 400 штыков, 33-й казачий полк — 400 сабель. Итого 1100 бойцов. Белые выиграли начальный этап сражения и вынуждены были отступить, только при многократном перевесе сил красных, брошенных в сражение комдивом Гаем».

15 августа. Станица Березинская. Вот я и снова на позиции, в этой злосчастной станице Березинской.

Два разбитых батальона стоят в резерве; они небоеспособны, так как в обоих осталось около 300 штыков. Второй раз станицу эту заняли без боя наш 1-й батальон и батальон 215-го полка. Сегодня сюда же прибыл один батальон 308-го полка 35-й дивизии. Нас здесь целый полк! Вот теперь белые сунулись бы наступать на нас, другое было бы дело.

Из попавших в плен красноармейцев кое-кто возвращается, убежав от белых. Возвращаются в одном белье, обобранные, избитые. По их словам, как только их забрали, началось массовое раздевание. Раздевали большей частью казаки. Раздетых гнали в тыл под сильным конвоем казаков, не разрешавших жителям даже передать пленным что-либо из продовольствия.

*Казаки Белой армии.
Слева стоит Александр Дмитриевич Киселев,
справа сидит Красильников.
Изобильная станица, 1918 г.*

Недавно возвратились несколько красноармейцев, попавших в плен еще на реке Белой. Они рассказывают, что белые первым делом обыскали, и все те, у кого нашли билеты Коммунистической партии, были тут же расстреляны. Вместе с другими были расстреляны товарищ Григорьев, 6-й роты, и товарищ Шадрин, 9-й роты, не успевшие разорвать партийных билетов¹⁷.

После восстания на Дону казаков оргбюро ЦК РКП(б) выпустило секретную директиву от 24 января 1919 г., провозглашающую политику раскачивания. В документе говорилось, что, учитывая опыт Гражданской войны, необходимо признать единственно правильной самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления. Никакие компромиссы, никакая половинчатость недопустимы — подчеркивало оргбюро ЦК. Директива требовала: «Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по от-

ношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применять все те же меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти». В директиве подчеркивалось, что надо провести полное разоружение казачества, расстреливая каждого, у которого будет обнаружено оружие после истечения срока сдачи. Действие директивы распространялось на территории всех казачьих войск, которые контролировались Красной армией. Директива ЦК еще больше «подлила масла в огонь» на фоне доведенного до предела ожесточенного противоборства двух враждовавших сторон.

В станице Березинской после занятия ее красными частями были взяты на учет семьи богатых казаков и офицеров, которые принимали участие в двухдневном сражении под станицей и отступили с белыми частями. Из этих семей отобрали заложников и расстреляли¹⁸. По детским воспоминаниям Алексея Александровича Овсянникова, его бабушка Анастасия Андреевна была замужем за Константином Ивановичем Соколовым, который был офицером и ушел с атаманом А. И. Дутовым. Забегав попрощаться, он сказал, что это отступление ненадолго, и они еще вернутся. Бабушку поставили вместе с другими заложниками к каменной ограде, но тут из толпы вырвалась ее маленькая дочка Клавдия и бросилась к матери. Комиссар, присутствовавший при расстреле, вывел 33-летнюю Анастасию с дочкой из шеренги и отпустил домой. Остальные заложники были расстреляны¹⁹.

Командир 3-го пластунского Оренбургского казачьего полка армии Дутова полковник Александр Степанович Горохов с дочерью

16 августа. Поселок Астафьино. Сегодня утром выступили вперед. Прошли через поселок Куликовский, где я напрасно старался узнать про участь моего помощника товарища Лесникова, и заняли этот поселок. Живут здесь казаки-нагайбаки.

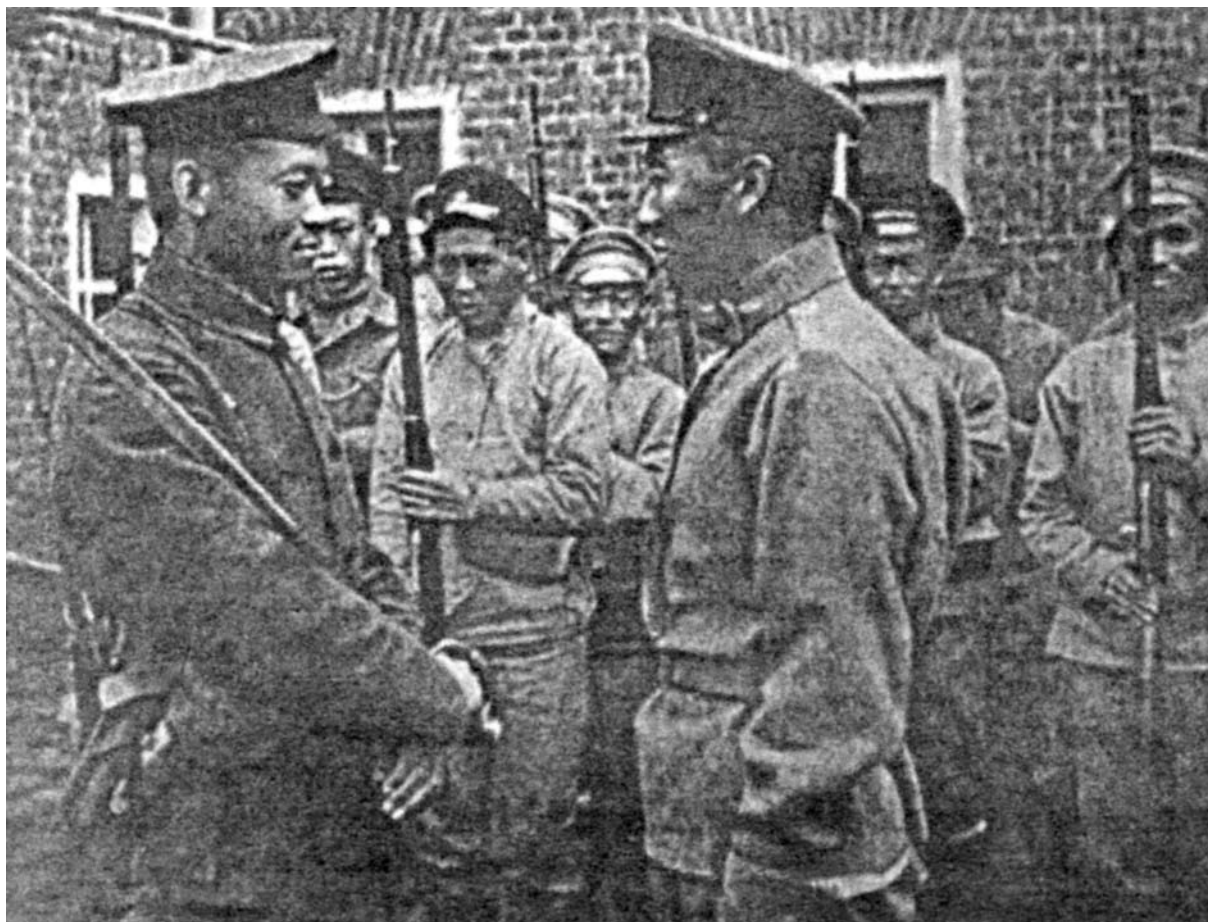
Нагайбаки — это татары, принявшие православную веру. У них обычаи и обряды свои и одеваются они в свои национальные костюмы, но иконы по углам висят православные. Не знаю только, молятся ли они им. Относятся к нам недружелюбно, недоверчиво. Оно и понятно, все казаки от 14 до 50 лет служат в белой армии и являются самым стойким элементом после офицерства.

Заняли мы этот поселок без боя. Вправо все время слышна стрельба из орудий: это 208-й и 215-й полки наступают на поселок Фершампенуаз.

25 августа 1919 года. поселок Фершампенуаз. ...На фронте все время упорные бои. Белые яростно сопротивляются, умело и удачно действуют своей конницей, совершая налеты на наш тыл и фланги...²⁰

На этом изучать и анализировать дневник комиссара 214-го полка РККА товарища Кирюхина я прекратил, так как следующие записи не имеют отношения к Березинскому сражению 8–10 августа 1919 г. и его последствиям.

В августе 2015 г. после двухгодичных поисков члены Челябинского военно-патриотического общества во главе с Павлом Анатольевичем Строевым около Березинского кладбища создали условную братскую могилу красных бойцов и установили на ней памятный знак с пофамильным перечнем бойцов РККА, сведения о которых были найдены в Российском государственном военном архиве активистами инициативной группы «Редут–Доброхот». Установить рядом памятный знак с фамилиями

Формирование китайского отряда добровольцев в Красную армию. 1918 г.

погибших в братоубийственной Гражданской войне белых воинов мне представляется практически невозможным в связи с отсутствием в советских архивах таких данных.

Примечания

¹ Кирюхин Н. И. Из дневника военного комиссара. М. : Воен. вестн., 1928.

² Там же. С.143.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 144.

⁶ Там же. С. 145.

⁷ Там же.

⁸ Большая российская энциклопедия : в 35 т. Т. 32 / гл. ред. Ю. С. Осипов. М. : Большая российск. энцикл., 2016. С. 438–439.

⁹ Большая советская энциклопедия : в 30 т. Т. 26. / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М. : Совет. энцикл., 1977. С. 251–253.

¹⁰ Великая Октябрьская социалистическая революция / под ред. Г. Н. Голикова, Н. И. Кузнецова, Л. С. Шаумяна. М. : Совет. энцикл., 1968. С. 55–57.

¹¹ Успенский В. Д. Тайный советник вождя // Роман-газета. 1991. № 7–8. С. 89, 91.

¹² Кирюхин Н. И. Указ. соч. С. 150.

¹³ История казачества Азиатской России : в 3 т. Т. 3. Екатеринбург, 1995. С. 58–60, 63.

¹⁴ Швабауэр Н. Цзян-Цзюнь уральский // Рос. газ. 2016. 21 июня. С. 23.

¹⁵ Кирюхин Н. И. Указ. соч. С. 151.

¹⁶ РГВА. Ф. 1307. Оп. 2. Д. 815. Л. 490 об.— 516.

¹⁷ Кирюхин Н. И. Указ. соч. С. 152.

¹⁸ История казачества Азиатской России... С. 68–69, 70.

¹⁹ Успенский В. Д. Указ. соч. С. 50.

²⁰ Кирюхин Н. И. Указ. соч. С. 152.

З. А. Овчинникова

СЕЛО НИКОЛАЕВКА УВЕЛЬСКОГО РАЙОНА В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

История Николаевки — это, с одной стороны, история заселения края помещицкими крестьянами (1832), с другой — история участия района в революционных событиях конца XIX — начала XX в. История страны, как в зеркале, отразилась в истории нашего края. Первая русская революция не прошла мимо увельчан. Задавленные нуждой и притеснениями графского управляющего, николаевские крестьяне 27 ноября 1905 г. подняли в селе восстание, прогнали управляющего и его приспешников и почти на месяц установили власть тружеников земли. 11 января 1906 г. казачья сотня из Троицка под командованием штабс-капитана Гофмана подавила восстание¹. Шестьдесят непокорных николаевцев были публично пороты розгами и нагайками, двадцать членов революционного кружка арестованы. Их приговорили кого к 15 годам каторги, кого арестантским ротам. Многие из них погибли в Первую мировую войну. Николаевка притихла на время, но не смирилась.

Октябрьская революция 1917 г. В штурме Зимнего дворца в Петрограде участвовали и наши земляки — увельчане Фердинанд Фердинандович Бауман, Иван Владимирович Калинин и Отто Эрнестович Ругайс.

Революционные события в Москве и Петрограде стали для увельчан началом гражданской войны. Отношение к революции разделило население на два фронта.

Ветераны Увельского района, награжденные за активное участие в Великой Октябрьской социалистической революции, Гражданской войне и борьбе за установление советской власти. 1967 г.

Казаки Нижне-Увельской и Кичигинской станиц записывались в отряды казачьего полковника А. И. Дутова, который предлагал создать особую казачью федеративную республику. Власть Дутова распространилась и на территорию Увельского района. Одновременно в Николаевке 1 января 1918 г. создан военно-революционный комитет в поддержку советской власти². Далеко за пределами прославились наши николаевские красные дружинники, вошедшие в отряд В. К. Блюхера. В марте 1918 г. в Николаевке находился штаб Блюхера. Крестьяне выставили на защиту родного края в поддержку революции 600 штабов. Летом того же года николаевские красные партизаны в составе отряда В. К. Блюхера участвовали в легендарном походе через Уральские горы, громили в тяжелых кровопролитных боях врагов советской власти и под Кунгуром, колчаковцев — в Сибири и Забайкалье.

В фондах районного музея сохранились воспоминания бывшего николаевского красного партизана Г. Пивоварова, публиковавшиеся в 1928 г. в газете «Челябинский рабочий» (сохранены стиль изложения, пунктуация и орфография источника):

В конце февраля месяца 18 года я прибыл с Юго-Западного фронта в родное село Николаевку. Как в этот момент по всему Троицкому округу господствовал полковник Дутов, организовавший своих единомышленников господ офицеров и добровольцев казаков, среди которых Дутов нашел опору. В то время в селе Николаевка были организованы две дружины добровольцев из крестьян. В дружины записались не только солдаты, прибывшие с фронта империалистической войны, но даже старики, молодежь, у которых в руках никогда не было оружия. В дружинах было до 500 штыков.

Дутов готовился к наступлению на Челябинск. Наша первая дружина в 250 штыков под командой командира дружины тов. Титова Г. В. была брошена на г. Троицк. А вторая дружина под командой командира т. Пищальникова М. осталась на охране с. Николаевки... Первая дружина задержала наступление Дутова. Дутовские войска теснили Красную армию, и после непродолжительного боя мы вынуждены были отступить на станцию Увельскую. Там мы сражались со второй дружиной и получили сообщение из г. Челябинска, что к нам выступает из Челябинска отряд им. т. Блюхера. Отряд Блюхера вынужден был задержаться среди путей в 15 верстах от станции Увельской. Причина — задержки эшелонов белобандитами: был разобран путь ж. д. и прервано телеграфное сообщение. Часть войск отправилось в наступление пешим порядком на поселок Кичигино, часть двинулась на подкрепление на станцию Нижне-Увельскую, а часть осталась в эшелонах. Для армии не было необходимых продуктов, паровозы стали без воды. Здесь оказало помощь население села Николаевки. Революционный военный совет села Николаевки отдал приказ, чтобы каждый гражданин, имеющий лошадей и водовозные бочки, мобилизовался для подвоза воды к эшелонам. Через час все население, до 500 подвод, было мобилизовано. А затем выделили несколько подвод проехать по селу, собрать хлеба, молока. Через два часа у здания совета стояло 10 подвод, наполненных печеным хлебом и несколько фляг 5-ти ведерных, наполненных молоком. Земельный отдел отпустил 18 туш мяса.

Вот такую помощь оказало село Николаевка отряду им. Блюхера. За всю оказанную поддержку т. Блюхер от имени Красной армии выразил искреннюю благодарность всему населению. Митинга в это время не устраивали т. к. агитировать было некого. До 500 вооруженных крестьян отправились на фронт, а остальные — на подвозку воды для паровозов.

Тов. Блюхер со своим отрядом на следующий день отправился на гор. Троицк³.

Более трехсот николаевцев погибло в годы Гражданской войны. В честь них установлен мраморный обелиск.

В ноябре 1919 г. Постановлением ЦИК РСФСР за революционные заслуги Николаевка была переименована в село Красное⁴. В события Гражданской войны были втянуты все населенные пункты Увельского района. Только 22 августа 1919 г. территория района была освобождена от белогвардейцев.

Примечания

¹ *Тренин М. А.* Край Увельский — Отчизны частица : в 2 т. Т. 1. Челябинск : Книга, 1997. С. 98.

² Изв. Челяб. ревкома. 1918. 6 февр.

³ *Пивоваров Г.* Как с. Николаевка помогла Красной Армии // Челяб. рабочий. 1928. 23 февр.

⁴ *Тренин М. А.* Указ. соч. С. 361.

ЗЛАТОУСТОВСКИЙ КАЗЕННЫЙ ЗАВОД В 1917 ГОДУ

Государственный переворот, именуемый Февральской революцией, для Златоуста, как и для всей империи, оказался полной неожиданностью. Поток невразумительных и противоречивых телеграмм из столицы вызывал недоумение. Только к вечеру 3 марта пространная телеграмма Главного комитета Земского союза донесла теряющемуся в догадках народу выстроенную версию случившегося. Она утверждала, что на фоне продовольственных затруднений в Петрограде начались вооруженные столкновения. В этих условиях депутаты Государственной думы, распущенной императором, сформировали Временный комитет, который взял в свои руки власть в столице. Его власть признали все части столичного гарнизона. Одновременно был организован Петроградский Совет рабочих депутатов. На сторону самозванных правителей неожиданно встал высший генералитет, вынудивший императора отречься от власти. И власть в результате оказалась в руках спешно сформированного Временного правительства.

Вожди российских демократов и либералов, свергнув монархию, самонадеянно верили, что установят в стране порядок западного образца и поведут ее к благоденствию. Но Россию ждали хаос, анархия, развал и гибель. Пока же взбудораженные произошедшим переворотом златоустовцы радовались ему. Горный начальник телеграфировал в столицу: «Рад сообщить: перерыва в работах округа не было. Рабочие, служащие проникнуты сознанием необходимости усиленной дружной работой оказать помощь новому правительству»¹.

3 марта по цехам проходили выборы депутатов, которые велись без учета партийной принадлежности. Списки депутатов выдвигало цеховое собрание, затем голосовали записками. Подсчет голосов вела специально избранная комиссия. К вечеру были подведены итоги выборов, и 4 марта в кинотеатре «Заря» собрался на свое первое заседание Совет рабочих депутатов. Чуть позже, когда большинство депутатов оформили свою партийность, оказалось, что 20 из 200 избранных — сторонники социал-демократии, а все остальные — социалисты-революционеры. В число рабочих депутатов каким-то образом попало шесть служащих земства. Один из них, П. П. Николаев, стал председателем Совета.

В первые дни Совет держался очень осторожно и никаких решительных шагов не предпринимал. В различные учреждения Совет направил своих комиссаров. К горному начальнику был приставлен некто Владимир Сидоров. 23 мая его на посту комиссара Златоустовского горного округа сменил рабочий снарядного цеха Александр Егорович Тютев. Из состава Совета было выделено большое количество различных комиссий: рабочая, по уездным делам, расценочная, продовольственная, мандатная, по организации примирительной камеры, финансовая, литературно-агитационная и др.

Безграничная демократия, свалившаяся неожиданно на головы ошалелых россиян, вызвала вспышку невиданной политической активности. Появилось огромное количество всевозможных общественно-политических организаций. Для разрешения разногласий, возникающих между рабочими и заводской администрацией, решено было создать Совет цеховых старост. В постановлении говорилось: «Каждый цех избирает столько старост, сколько, по условиям работы данного цеха, является необхо-

димым. Староста должен быть честным человеком и знатоком своего дела. Прежде чем наложить взыскание, администрация должна через старост расследовать дело»². В случаях, если Совет старост не мог разрешить спор, он должен был обращаться в Совет рабочих депутатов. 16 марта в Арсенале собрались инженеры и техники завода. Для защиты своих прав они создали Союз инженеров и техников. Дело в том, что на заводах отдельные группы рабочих начали сводить счеты с начальством.

Не случайно временные правители подписали специальное обращение к рабочим Урала, где умоляли: «Напрягите усилия, увеличивайте настойчиво и непрерывно производство металла... В ваших руках победа и закрепление свободы России... не оставьте беззащитными своих братьев в окопах... Нам нужны единение, порядок и внутренний мир... Исполните свой долг перед Россией». Местный Совет также пытался утихомирить анархизирующую часть пролетариев. В своем обращении, он призвал рабочих не играть на руку «старому строю и немцам», не бросать работу и не сводить личных счетов с заводским начальством, хотя бы до окончания войны.

Все слои населения, живущие на жалование или зарплату, требовали от новой власти немедленного улучшения своего материального положения. В начале апреля Совет рабочих и солдатских депутатов утвердил новые расценки для завода, по которым мальчик-рассыльный должен был получать в день 1 рубль, чернорабочий — 2 рубля, а квалифицированные рабочие — от 2,5 до 4 рублей. Горный начальник вынужден был соглашаться с этим, хотя и заметил, что это выльется в огромную сумму. Через некоторое время служащие завода потребовали о выдаче всем получающим до 120 рублей в месяц, временных добавок.

Одновременно с Советами повсюду в стране рабочие начали создавать профессиональные союзы. В мае 1917 г. был создан профсоюз «Единство». Он начал очень быстро расти. В августе избрали постоянное правление, в которое вошли одни эсеры. Служащие завода организовали свой профессиональный союз. Члены нового союза объявили в конце апреля 1917 г., что в него не могут вступить не только горный начальник, управитель завода и его помощники, но и все члены союза инженеров и техников, заведующие цехами, бухгалтеры, старший делопроизводитель и еще ряд лиц. Через два дня этот профессиональный союз постановил, что рабочий день для конторских служащих должен составлять семь часов, для служащих в цехах — восемь. В конце июня были выдвинуты новые требования. Служащие пожелали ограничить рабочий день шестью часами. В условиях войны они соглашались работать на час больше, но за отдельную плату. На производстве служащие соглашались работать и по восемь часов, но в этом случае два часа должны были оплачиваться как сверхурочные. Одновременно выдвигалось требование увеличить зарплату до 130–350 рублей в месяц в зависимости от должности и установить ежемесячные добавки к жалованию «на дороговизну» — от 15 до 50 %. Срок исполнения ультиматума был определен точно — 12 часов 4 июля 1917 г.

В духе времени с единоначалием было покончено и на производстве. На заводе была создана совещательно-исполнительная коллегия (СИК), взявшая на себя еще и функции временной коллегии Златоустовского горного округа. Задачами коллегии являлись «постановка, рассмотрение и решение всех технических, административных и хозяйственных вопросов по округу и заводам».

Новый орган пользовался правом контроля. В состав СИК входили заведующие производствами, отделениями, цехами и их помощники. С правом совещательного голоса в коллегии вошли комиссар горного округа, а также по одному представителю от Совета рабочих депутатов, секции мастеров, союза служащих. Для приведения в жизнь своих решений СИК избрала исполнительный совет в числе пяти членов и двух кандидатов.

К октябрю 1917 г. экономическое положение в России резко обострилось. Бумажный рубль стоил шесть копеек. Цены на продукты и товары потребления непрерывно росли. Поскольку Златоустовский завод работал на оборону, заработки у рабочих были стабильными. Снабжение продовольствием осуществлялось в централизованном порядке, и положение здесь было относительно благополучным.

Жизнь показала, что различные профессиональные союзы, действующие на одном предприятии, нуждаются в координации действий. По опыту других городов решено было организовать на Златоустовском заводе фабрично-заводской комитет (ФЗК). После длительных заседаний согласительная комиссия, составленная из представителей профсоюзов рабочих-металлистов, служащих, техников и инженеров, выработала устав ФЗК. Комитет должен был состоять из двух представителей союза инженеров, двух — союза техников, двух — союза служащих и по одному представителю от каждой секции союза металлистов. Все его комиссии формировались на паритетных началах, но в силу массовости рабочего профсоюза влияние его было преобладающим.

Устав ФЗК давал этой организации право контролировать производство, то есть все стороны деятельности завода и людей, занятых на нем. В его компетенцию входили расценки, разбор конфликтов, финансы, технический контроль, распределение работ, правила внутреннего распорядка, санитарный надзор и охрана труда, наконец, распределение продуктов. Вместе с тем отмечалось: «Распорядительная деятельность по заводу оставлена за управлением, на нем лежит вся ответственность перед высшей администрацией за ведение дела, поэтому, в случае своего несогласия с мнением ФЗК, управитель проводит в жизнь свое решение, под своей личной ответственностью. ФЗК, в данном случае, имеет возможность, с одной стороны обжаловать решение горным начальником и выше, а с другой стороны — апеллировать в свои профессиональные организации»³.

Одновременно создавались цеховые комитеты, куда входили заведующий цехом либо его заместитель, цеховой мастер, представитель служащих и представители рабочих — по одному от 100–200 человек.

Газета писала о назначении цехкомов: «Цеховой комитет принимает меры против недостатков технического оборудования цеха, способствует увеличению производительности труда, наблюдает за санитарно-гигиеническими условиями цеха, за выполнением всех правил и постановлений ФЗК, как рабочим, так и служащим, контролирует сдачу отдельных работ, отводит всех лиц, не могущих обеспечить нормальной работы»⁴.

Несмотря на всеобщий развал и хаос, вызванный революцией, Златоустовский завод упорно продолжал работать. Основная масса потомственных кадровых рабочих оставалась в стороне от политики и работу предпочитала митингам. Продолжалось строительство фабрики искусственных точил, нового прокатного цеха и других объектов.

По итогам 1917 г. прибыль по предприятиям округа составила 7244 тысячи рублей. В годовом отчете горный начальник счел необходимым прокомментировать это неожиданное достижение: «Небывалое на заводах Златоустовского горного округа получение прибыли в таком громадном размере объясняется тем, что ввиду значительного возродожания жизни и материалов, в 1916 году было возбуждено ходатайство о повышении условных цен на изделия. Ходатайство... разрешилось... лишь в конце 1917 года, причем цены на снаряды и холодное оружие были повышены до пределов цен, по которым давались заказы частным заводам»⁵. Получается, что в условиях войны частные предприниматели, в том числе и заграничные, наживались на поставках в русскую армию, тогда как государственные оборонные предприятия несли убытки. А едва только наши заводы были поставлены в равные конкурентные условия, округ получил значительную прибыль. Ее размер был бы на порядок больше, если бы изменение цен коснулось шанцевого инструмента, а также стали, поставлявшейся Златоустовским заводом другим предприятиям.

В революционном 1917 г. Златоустовский завод выплавил 1106 тысяч пудов мартеновской и 22 тысячи пудов тигельной стали. Производство снарядов, которое должно было перевалить далеко за миллион, составило 830 тысяч штук. Следует отметить, что в целом по округу снарядов было поставлено войскам 1377 тысяч. Для сравнения можно сказать, что в предреволюционном 1916 г. этот показатель составил 1178 тысяч, а в предвоенном 1913 г. — всего 372 тысячи. Показатели по холодному оружию были не столь впечатляющими: 131 тысяча единиц — в 1913 г., 1178 тысяч — в 1916 г., 1377 тысяч — в 1917 г.

А вот по производству шанцевого инструмента рост был просто фантастический: 109 тысяч единиц — в 1913 г., 1425 тысяч — в 1916 г., 1808 тысяч — в 1917 г.⁶

Получается, что производство холодного оружия за годы войны было увеличено более чем в два раза, артиллерийских снарядов — более чем в три раза, а шанцевого инструмента — более чем в десять раз. При этом горный начальник в том же годовом отчете счел нужным извиниться, что показатели оказались далеки от плановых. Он писал, с трудом подбирая мягкие формулировки: «Являясь для Государства предприятиями, изготавливающими почти исключительно предметы военного снаряжения, заводы Златоустовского горного округа с начала войны напрягали все усилия, доведя свою производительность до возможных пределов. Одновременно продолжая оборудоваться в этом направлении так, что к началу 1917 года были сделаны значительные усовершенствования в техническом их оборудовании, для выпуска изделий в максимальном размере. Однако выполнить намеченную программу в отчетном году удалось лишь только в первые месяцы, а затем, вследствие изменившихся в феврале месяце условий в политической жизни страны, планомерная работа заводов была нарушена. Октябрьские же события, в связи с расстройством железнодорожного транспорта, недостатком горючего, денежных знаков и других сопутствующих неблагоприятных условиях, принудили ли выделку предметов военного снаряжения сократить до минимума, а в конце года даже совершенно приостановить»⁷.

Увы, рекорд производительности, который должны были и могли установить златоустовские заводы в 1917 г., ставшем бы победным, если бы не цветная (в данном случае «красная») революция, был сорван.

Ликвидация военных заказов влекла за собой резкое сокращение производства и числа рабочих. 23 декабря 1917 г. председатель Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства направил на Златоустовский завод распоряжение об уменьшении числа рабочих, «до количества необходимого для мирной производительности». Вскоре поступил приказ прекратить прокатку снарядной заготовки. Это были первые шаги по полной остановке снарядного производства. Несколько тысяч рабочих были уволены, а оставшимся был значительно урезан заработок. Так Златоустовский завод встретил новый, 1918 год.

Примечания

¹ ЗГАО. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 2834. Л. 48.

² Там же. Д. 2903. Л. 32.

³ Там же. Д. 2880. Л. 124.

⁴ Там же. Д. 2885. Л. 17.

⁵ Там же. Д. 2903. Л. 89.

⁶ Там же. Д. 3045. Л. 54.

⁷ Там же. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 1686. Л. 91.

1917 ГОД. ЮЖНЫЙ УРАЛ В ТИСКАХ РЕВОЛЮЦИЙ

Более четверти века прошло со дня распада СССР в силу состоявшегося в 1991 г. переворота. Россия вновь развивается в условиях общемировых рыночных тенденций капитализма. И все эти годы не смолкают споры между либерал-демократами и традиционалистами о том, чем же были февральские и октябрьские события 1917 г. Первые считают Февраль настоящей буржуазно-демократической революцией, а Октябрь — переворотом большевиков, использовавших великолепно техническую тактику, немецкие деньги, помощь американских банков. Все перечисленные выше средства в современных условиях XXI в. продвинулись настолько (электронные средства передачи денег, инструкции, мобилизации масс и др.), что не идут ни в какое сравнение с началом прошлого века, хотя и имели место.

Либеральные историки советский период истории России считают экспериментом большевиков; трагедией, выдвинувшей на политическую арену фанатиков, мародеров, авантюристов, отбросивших моральные и общечеловеческие ценности и приведших к эскалации насилия и террора, и не только в годы Гражданской войны. Этот эксперимент как худое дерево, давшее худые плоды. В одном можно согласиться (это показывает мировой опыт) — что всякие революции перетекают в гражданские войны и затем «пожирают своих детей». Давайте окунемся в октябрьские события 1917 г. на Южном Урале. И поразмышляем: что это было? Переворот или революционные события?

Дадим определения этим понятиям.

Переворот — насильственная смена верхушки власти, как правило, не затрагивающая основ общества и экономики. Революция — кардинальное, глубокое качественное изменение в развитии каких-либо явлений природы, общества или познания, сопряженное с открытым разрывом с предыдущим состоянием.

Видимо, судя по ситуациям 1991 г. в Поволжье, на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке, когда регионы восприняли спокойно происходящие события, либеральные историки переносят их на 1917 г. Можно прийти к такому выводу, если прочитать только один документ, опубликованный 7 ноября к десятилетию Октябрьской революции в «Челябинском рабочем»: «Известие о вооруженном восстании в Петрограде было получено в Екатеринбурге 25 октября. На следующий день Уральский областной совет рабочих и солдатских депутатов обратился ко всем местным советам Урала с призывом — взять власть! В Челябинском совете телеграмму получил С. Я. Елькин. Взволнованный он прибежал с этой вестью к члену совета Морозову.

— Что делать? — спрашивал он.

— Ну, как что делать? Надо брать, значит надо! Две роты солдат без сомнения пойдут за нами. Во всяком случае,— продолжал он,— нужно поговорить с Голубых (председатель военной секции совета). Призвать роты, занять почту, телеграф, водоканализацию и электростанцию и через печать объявить, что власть принадлежит Совету»¹.

Вечером состоялся исполком партии большевиков, затем исполком Совета. Исполняющий обязанности председателя Шмотин не верил в возможность взятия власти. Тогда его освободили от должности и председателем избрали С. Я. Елькина. Утром служащие почты, телеграфа и банка испуганно оглядывались на вооруженных

красногвардейцев. А на улице в это время разбрасывали листовки и раздавали газеты с объявлением о переходе власти в руки Советов. Кадеты, меньшевики не признали новой власти и организовали забастовку почтово-телеграфных служащих, изолировав тем самым Челябинск от центра. Но длилось это противостояние недолго. И сказанные В. И. Лениным слова о событиях в Петрограде — «власть валялась у нас под ногами, и мы ее подобрали» — относятся и к Уралу, в том числе к Уфимской губернии, в которую входил тогда Челябинский уезд. Около 64 % Советов Урала взяли власть в первые дни октября. Наиболее быстро советская власть установилась в Миньяре, Симе, Усть-Катаве, Кыштыме, Верхнем Уфалее, то есть в горнозаводских районах, где в Советах безраздельно господствовали большевики.

Они оказались более сплоченными? В какой-то степени да. Большевики Урала сумели сорганизоваться за восемь месяцев. Небывалый срок. Ведь после Февральской революции революционные организации на Урале были малочисленными. В Златоусте разгромлены еще в 1916 г. Выйдя из подполья или возникая вновь, они были смешанными, состояли из меньшевиков, эсеров и большевиков. Среди рабочих пользовались поддержкой эсеры. Такими же смешанными, а то и вовсе эсеровскими были и Советы. На Южном Урале только $\frac{1}{3}$ советов были большевистскими, в то время как в целом по Уралу — 19 %. А по данным И. В. Нарского, на селе 75 % крестьян поддерживали эсеров². Среди них были те, кто верил в созыв Учредительного собрания, которое должно было решить вопрос о земле. Большинство населения первое время поддерживало Временное правительство. В телеграмме от 5 марта командующему Юго-Западным фронтом генералу А. В. Брусилову рабочие и служащие завода «Магnezит» и Саткинского казенного завода поздравляли в его лице офицеров и солдат «с полной победой над внутренним врагом, приведшим дорогую Родину на край гибели» и отмечали, что «твердо верят, что трудами нового Правительства и тесном единении с Государственной думой и общественными организациями будет достигнуто полное обеспечение всем необходимым наших доблестных войск... что даст им возможность довести дело до победного конца. А мы же со своей стороны удвоим энергию по выработке предметов обороны. Да поможет Вам Бог в Вашем трудном деле»³. Но уже в мае 1917 г. один из лидеров местных кадетов Крол писал в телеграмме Керенскому: «Здесь царство Ленина. Большевизм развивается».

И действительно, за такой короткий промежуток времени на Урале политическая жизнь забурилась. В Челябинском уезде на заводах состоялись митинги по выдвижению кандидатов в Совет рабочих депутатов. В Челябинске 5 марта в него вошли эсер Дорохов и большевики С. М. Цвиллинг и Е. Л. Васенко. Выпустили из тюрьмы политических заключенных. В Симе избравшие комитет разоружили администрацию завода. 7 марта в Челябинске на собрании представителей гарнизона яркий оратор С. М. Цвиллинг сагитировал выдвинуть представителей не в комитет общественной безопасности — орган Временного правительства, а в Совет рабочих депутатов. Его же 10 марта избрали секретарем городской партийной организации. 12 марта большевики Челябинска провели собрание торговых служащих. И опять победа. Выдвинуты делегаты только в Совет рабочих депутатов. А 14 марта произошло слияние Совета рабочих депутатов с Советом солдатских депутатов.

Кроме этого на Урале прошли: две Уральские областные конференции РСДРП(б), поставившие цель консолидировать различные слои общества (апрель, июль); два Уральских съезда Советов (май, август), Уральская областная конференция профсоюзов (август), 1-й крестьянский уездный съезд (май). Большевикам удалось оказать влияние и на молодежь, выступая с требованиями шестичасового рабочего дня для подростков, равной оплаты и всеобщего бесплатного образования. Как пишет В. Я. Рушанин, «влияние большевиков среди молодежи стало преобладающим. Попытки, например, эсеров создать организацию молодежи в Симе и других поселках окончились провалом. В городах стали возникать социалистические союзы молодежи»⁴.

Рост партийных рядов РСДРП(б) с марта по лето 1917 г. был значительным. Так, в Челябинске — со 120 членов до 655, в Миньяре — с 70 до 700, в Нязепетровске — с 20 до 500, в Троицке — с 20 до 300, в Златоусте — с 20 до 520, в Аше — с 16 до 328, в Симе — с 3 до 262⁵.

Большевизация Советов Урала шла настолько быстрыми темпами, что он уступал в этом только Петрограду и Москве. Медлительность центра в вопросах смены власти раздражала уральцев, и они предупреждали, что могут объявить о взятии власти на Урале.

Итак, еще один блок доказательств в пользу тех, кто считает, что только большевики виноваты в последующих российских событиях. Но победы им было бы не одержать, если бы не было поддержки со стороны населения. И не будь на тот момент тех психологических, социально-экономических, внутренних и внешнеполитических обстоятельств, которые удачно используют оппозиционные силы во все времена как внутри страны, так и извне. При этом важен фактор наличия харизматичных лидеров. Тому пример — Германия в 1930-е гг., СССР — в 1990-е, Украина — в начале XXI в. (Майдан). Эти же закономерности демонстрировала Россия в начале XX в. Во всех случаях структура власти по всем направлениям терпит кризис, не справившись с политическими, экономическими и социальными проблемами. Но в одних странах осуществляются перевороты, а в других все заканчивается революцией.

В начале XX в. происходили серьезные качественные изменения в промышленности Урала. Шли техническая реконструкция ряда казенных (Златоустовский) и частновладельческих (Кыштымский) заводов, процесс концентрации производства и капитала, осуществлявшихся в форме акционирования и синдицирования предприятий. В условиях кризиса потерпела крах акционерная Уфимская компания. Банковский капитал несколько ослабил в этот период внимание к уральской промышленности в силу более прибыльной ситуации на Юге, но продолжал ее поддерживать. Английский банк в 1907 г. взял в свои руки Кыштымское общество, Государственный банк помог крупными ссудами Катав-Ивановскому, Кыштымскому и другим уральским заводам. Спад переживали мелкие предприятия, сократившие число рабочих, так же как и горнозаводская промышленность. Одновременно увеличилась концентрация рабочих на крупных предприятиях — с 73 до 100 человек. Во многом это было связано с отсталостью технологии производства большинства уральских заводов⁶. Тяжелые условия труда служили источником травм и многочисленных заболеваний среди рабочих, по этим показателям Урал занимал второе место после Юга России. Д. П. Никольский, рассматривая ситуацию с травматизмом на Кыштымском заводе, пришел к выводу, что более 30 % несчастных случаев происходило с рабочими по причине неисправности механизмов, отсутствия или несовершенства ограждений, и незначительное число несчастий случалось из-за небрежности и невнимательности рабочих, по вине сторонних лиц, в результате «шалости и легкомыслия»⁷.

Это являлось одним из многочисленных поводов для недовольства рабочих. Оно обострилось в канун 1917 г. в связи с ухудшением продовольственного положения в крае и изменением состава рабочих.

17 декабря 1916 г. на собрании Екатеринбургского уездного земства В. А. Соловьев нарисовал неприглядную картину положения в южной части уезда (Уфалейские, Каслинские, Кыштымские, Сергиевские заводы): «Нужда продовольственная большая, едут покупать хлеб у крестьян в Камышловский и Шадринский уезды и там покупают старый хлеб по 3 руб. 50 коп и то с трудом. ...причин много. Плохой урожай. ...транспортировать хлеб по железной дороге (из других уездов.— Г. П.) некому... Твердые цены были установлены поздно, когда на рынке уже произошел ажиотаж»⁸.

С началом войны изменился социальный состав рабочих. В его ряды влились женщины и подростки, выходцы из зажиточных слоев крестьянства, уклоняющиеся от призыва в действующую армию, беженцы и эвакуированные, военнопленные, а также завезенные на Урал корейские и китайские рабочие. Их труд очень широко использовался на металлургических заводах Южного Урала. На предприятиях Златоустовского округа на 1 января 1917 г. насчитывалось 2625 подростков (11 % всех рабочих), 2062 женщины (8,7 %) и 2563 военнопленных (10,8 %), на Белорецком заводе они составляли 32 %⁹. На Челябинских угольных копиях использовали не только военнопленных. Управляющий копиями Деревенсков выхлопотал разрешение взять на подземные работы заключенных из Челябинской пересыльной тюрьмы. Таким путем он намеревался держать шахтеров под постоянным страхом безработицы и заставить их отказаться от забастовок¹⁰. В условиях войны рабочих не устраивали 12–14-часовой

рабочий день, низкие зарплаты, малые земельные наделы либо их отсутствие, что не давало возможности прокормить семьи. И если на Урале с 1914 по 1917 г., то есть за три года, произошло 67 тысяч забастовок, то только в феврале 1917 г. — около 44 тысяч. Заводчики увольняли недовольных, заменяя их на военнопленных, что вызывало еще большие волнения. К интересным выводам пришел Н. В. Михайлов. Он пишет, что ученые сегодня недостаточно учитывают влияние крестьянского фактора в среде рабочих. Трудовые конфликты фабрично-заводских рабочих на рубеже веков чаще всего порождались не столько пропагандой революционных партий, сколько глубоким конфликтом традиционных представлений рабочих-крестьян из сельских местностей, где располагались заводы, с теми условиями, которые они встречали на производстве.

Среди рабочих были широко распространены базовые общинные ценности — коллективизм, неприятие эксплуатации человека человеком, безразличие к частной собственности и накоплению, уравнительность, подозрительность к любому новшеству, а с другой — практики общинной самоорганизации и морального воздействия на своих членов. Существенную роль играло неприятие рабочими иного, по сравнению с крестьянским, нового индустриального способа организации труда, усиливающего монотонный ритм трудового процесса. Особую ярость вызывали у рабочих попытки увеличения привычной интенсивности труда, которую чаще других пытались навязать мастера и администрация из иностранцев. Если к этому добавлялись грубость и нарушение привычных норм поведения, выступления рабочих отличались особой жестокостью вплоть до погромов¹¹. Ярким примером такого поведения служат воспоминания рабочих челябинского завода «Столь и К^о» о случае, когда мастера, избившего подростка, упаковали в куль из-под угля, вывезли за территорию завода, и больше его никто не видел. Точно так же поступили рабочие Нижне-Уфалейского завода с мастером термического цеха Ширяевым¹².

Летом 1917 г. обстановка накалилась из-за отправки на фронт солдат, Корниловского мятежа, продовольственного кризиса. Крестьяне бунтовали против изъятия продовольствия, а рабочие — из-за неотоваривания карточек. Мельницы стояли. Не было зерна. В Златоусте его стали выдавать на человека по 10 фунтов вместо 30. Прошли голодные бунты с захватом магазинов в Златоусте, Уфе, Оренбурге и других городах. Бастовали рабочие, требуя повышения зарплаты на 50–100 %. Промышленники соглашались только на 15–25 %, при этом останавливали предприятия на два-три месяца. Итогом явилось самочинное введение рабочего контроля. Первыми его ввели на Нязепетровском и Юрюзанском заводах. Восьмичасовой рабочий день объявили рабочие Миньяра, сохранив зарплату как за двенадцатичасовой рабочий день. Их примеру последовали рабочие из Нижнего и Верхнего Уфалея. Рабочие Челябинской типографии постановили, что каждый работник, имеющий не менее шести месяцев стажа работы, пользуется ежегодным месячным отпуском с сохранением жалованья. Рабочие мельниц постановили повысить зарплату рабочим, не имеющим квартиры, до 30 рублей. Ввели страхование рабочих и служащих по достижению старости и на случай полной или частичной потери трудоспособности. В сентябре стачечное движение нарастало. На заседаниях Советов в Верхнем и Нижнем Уфалее, Симе, Аше, Каслях, Кыштыме, Карабаше, Челябинске принимались решения о переходе власти в руки Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

На селе обострилась борьба против хлебной монополии, введенной Временным правительством. Не говоря уже о том, что не был решен земельный вопрос. Три четверти населения Урала в начале XX в. было занято в сельском хозяйстве. В 1913–1914 гг. в Челябинском уезде насчитывалось 8 % беспосевных крестьянских дворов, в Златоустовском — более 16 % безземельных. Крупные землевладельцы имели от 700 до 800 десятин земли. Большая часть земли принадлежала заводчикам, казне и казакам. На фоне хлебной монополии обострилась борьба крестьян против кулаков, крупных землевладельцев, церковных владений и земель банков. Крестьянские земельные комитеты выступили организаторами захвата этих земель. В сентябре — октябре было 105 случаев применения военной силы против крестьян.

Власть Советов, установленная в Челябинске 26 октября и других городах, вызвала сопротивление буржуазии. Были сделаны попытки свергнуть ее с помощью

казаков Троицка и Оренбурга силами атамана Токарева и есаула Титова. Но помощь Самарского отряда, посланного председателем ВРК Самары В. Куйбышевым, оказалась своевременной.

После этого еще будут годы Гражданской войны со страшными жертвами и политикой военного коммунизма, годы трудового энтузиазма по восстановлению хозяйства, ликвидации безграмотности и годы индустриального рывка, превратившие наш край из аграрного в индустриально-аграрный, ставший становым хребтом в годы Великой Отечественной войны, а после нее — одним из центров развития атомной индустрии. Таким образом, потребовалось чуть более сорока лет, чтобы осуществить цивилизационный прорыв, который диктовался всем ходом исторического развития.

Примечания

¹ Подсчитано по: Лисовский Н. 1917 год на Урале. Челябинск, 1987.

² Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.

³ Челябинская область. 1917–1945 гг. : сб. док. и материалов / под ред. проф. П. Г. Агарышева. Челябинск, 1998. С. 12–13.

⁴ Рушанин В. Я. Революционно-демократическое движение уральской молодежи (1861–1917 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 1994. 39 с.

⁵ Борьба за Советскую власть на Южном Урале (1917–1918) : сб. док. и материалов. Челябинск, 1957. С. 9–21, 41–43.

⁶ Урал: век двадцатый: Люди, события, жизнь. Очерки истории. Екатеринбург, 2000. С. 21–35.

⁷ Ашмарина С. В., Бородкин Л. И. Травматизм и страхование горнозаводских рабочих в России в начале XX в.: количественный анализ // Экономическая история. Вып. 9 / под ред. Л. И. Бородкина. М., 2003. С. 44–59.

⁸ Черных В. А. Уфалей и уфалейцы во Второй Отечественной войне // Гороховские чтения : материалы пятой регион. музейн. конф. / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2014. С. 95.

⁹ Филимонов М. А. Профсоюзы Южного Урала в годы Первой мировой войны (1914–1918) // Там же. С. 159.

¹⁰ Косолапова В. А. Челябинские угольные копи в годы Первой мировой войны // Там же. С. 143.

¹¹ Русский рабочий в начале XX в. [Электронный ресурс]. URL: spbiiaran.nw.ru/wp...2014/03/Михайлов-доклад.pdf

¹² Лисовский Н. К. Октябрь на Южном Урале. Челябинск, 1957. С. 74.

ПОВСТАНЧЕСКАЯ ГРУППИРОВКА СТАНИЦЫ КРАСНИНСКОЙ ВЕРХНЕУРАЛЬСКОГО УЕЗДА В 1920 ГОДУ

После освобождения Южного Урала от войск А. Колчака новая власть перекроила карту региона, создав новые административные единицы. Одна из целей — раздробить территорию ОКВ, являвшегося в 1918–1919 гг. базой белого движения. В итоге земли казаков оказались в составе разных губерний. Верхнеуральский уезд, представлявший в урезанном виде бывший 2-й округ ОКВ, вначале остался в Оренбургской губернии, но уже 1 января 1920 г. вошел в созданную летом 1919 г. Челябинскую, где станицы оренбуржцев вперемешку с крестьянскими волостями находились также в Троицком, Миасском, Челябинском и Куртамышском уездах¹.

Местная партийная и советская элита в значительной степени состояла из казаков, процент коммунистов в станичных ячейках РКП(б), состоявших из боевиков-каширинцев, был выше, чем в других уездах. Всего на август 1920 г. в Верхнеуральском уезде числилось 630 коммунистов и около 700 кандидатов (сочувствующих)². Однако большинство населения относилось к советской власти настороженно, а местами враждебно. Причины крылись в политике военного коммунизма с принудительным изъятием у жителей продукции сельского хозяйства (продразверсткой), мобилизациями в РККА, запретом свободной торговли и другими непопулярными мерами.

Как одна из наиболее «контрреволюционных» отмечалась станица Краснинская (30 верст от Верхнеуральска). Видный участник белого движения генерал И. Г. Акулинин в своих мемуарах отмечал ее среди станиц, преданных белому делу с самого его начала. Зимой 1918 г. в станице некоторое время находилось правительство ОКВ во главе с атаманом А. И. Дутовым, а большинство населения уже тогда проявляло к большевикам враждебность³.

Помимо общей разрухи и экономического кризиса перед властями региона с осени 1919 г. остро стояла проблема дезертирства. Причинами массового бегства из Красной армии являлись плохие условия службы (недостаток питания, обмундирования), разгул тифа, холеры, гриппа в тыловых частях, низкая эффективность работы по обеспечению семей красноармейцев пайками и пособиями. С весны 1920 г. прибавились и другие факторы. Дезертиры стремились любыми способами попасть домой, чтобы помочь семьям в полевых работах, запасные части в связи с обострением на Польском фронте стали активно перебрасывать на запад, с приходом тепла в гарнизонах обострились эпидемии. В марте 1920 г. в Челябинской губернии произошла милитаризация продработы. Реквизиционные отряды, получив боевые приказы, приступили к усиленной выкачке у населения запасов продуктов и зерна урожая 1918–1919 гг. Красноармейцы из местных знали о ситуации в родных поселках, что стало ведущим стимулом к дезертирству⁴. В каждом конкретном случае мотивы оставления воинских частей могли различаться, объединяло большинство дезертиров из местных уроженцев стремление скрываться вблизи дома.

Формы и способы бегства, а также дальнейшие пути были разнообразны. Многие вообще уклонялись от призыва или регистрации военнообязанных, не являлись в части после отпусков и отсрочек. Так, за неявку по мобилизации краснинский казак И. С. Газеев был арестован и помещен в Верхнеуральскую тюрьму, откуда ему удалось

совершить побег вместе с одностаничником В. Т. Сукиным (Сукиновым)⁵. Уклонился от регистрации и стал скрываться Г. С. Борзенков, после того как утратил право на отсрочку, добровольно выйдя из Краснинской ячейки РКП(б), «так как заметил, что партия поступает с населением несправедливо»⁶.

Дезертировали из частей, эшелонов, группами и поодиночке. Краснинский казак И. М. Кожевников в июне 1920 г. бежал с Верхнеуральского пересыльного пункта, затем скрывался близ станицы до присоединения к отряду повстанцев⁷. В то же время при отправке команды в Красноуфимск дезертировал казак той же станицы, в прошлом боец кавэскадрона 49-й дивизии И. П. Горбунов. Позже он заявил на допросе: «...было обидно, что молодые служат около дома, а я служил много и опять отправляют куда-то»⁸.

Всего за 1920 г. в Челябинской губернии зарегистрировали 8013 случаев бегства из частей, а задержали за это время 36 144 дезертира⁹. Масштабы явления вызвали серьезную озабоченность у центральных и местных властей. Решением проблемы занимались губернские, уездные и станичные комиссии по борьбе с дезертирством (комдезы). Они помогали семьям красноармейцев, проводили облавы в населенных пунктах и воинские экспедиции в места скопления дезертиров. Комдезы обладали собственными боевыми силами, агентурной разведкой, имели судебные функции, вынося различные наказания задержанным¹⁰. Верхнеуральская комиссия считалась слабой и неэффективной: отчеты приходили в Челябинск с опозданием, плохо координировались действия с комиссиями в других уездах и между собственными отрядами. В отчете губкомдеза за август 1920 г. перечислялись причины и условия плохой работы в уезде: близость Башкирии, казачьи территории с их контрреволюционностью, горная местность, отсутствие железных дорог, плохая связь с центром и развал работы председателем комдеза¹¹.

Для отпора облавам, сопротивления карательным отрядам дезертиры уходили в леса, где создавали базы и вооружались при помощи населения. Возникла организация, налаживались связи с антисоветскими элементами станиц. В итоге массовое, но аморфное и разрозненное движение дезертиров, поддержанных частью населения, породило в некоторых районах повстанческие отряды. Выбросив политические лозунги, они перешли к активным действиям. Объектами их нападений стали учреждения советской администрации, продотряды и партработники. Повстанческое движение, носившее очаговый характер, охватило летом — осенью 1920 г. значительную часть Малой Башкирии (БАСР), Уфимской, Оренбургской и Челябинской губерний. В последней наблюдались локальные восстания (Кустанайский уезд), партизанские действия в лесных районах (Челябинский и Курганский уезды), операции крупных мобильных соединений — «зеленых» и народных армий (Троицкий, Миасский, Верхнеуральский уезды).

В одних случаях повстанчество ликвидировали на стадии зарождения или развития, в других массовые выступления быстро подавили своевременными чрезвычайными мерами. Долгое сопротивление оказывали крупные казачьи и башкирские формирования в смежных районах Башкирии с Кустанайским, Троицким, Орским уездами, входившими соответственно в Киргизскую АСР, Челябинскую и Оренбургскую губернии. Однако и малые числом отряды могли доставить власти не меньше проблем. К их числу относилась Краснинская группировка, поддержанная «контрреволюционной организацией» в станице. В архиве Челябинской области выявлено несколько уголовных дел на повстанцев и «заговорщиков». Судопроизводство по ним осуществляли разные силовые органы. Оперативной разработкой «контрреволюционеров», их осуждением и исполнением наказания занимались уездное политбюро и губернская ЧК. Расследование и судопроизводство по «банде дезертиров» вели органы комдеза и Ревтрибунал. Именно следственные дела в совокупности со сводками губчека, документами военных и партийно-советских структур позволяют реконструировать события.

Весной 1920 г. на территории Краснинской станицы появились дезертиры. Одни жили по займам или скрывались дома, другие объединились в отряд¹². Местные казаки снабжали дезертиров-станичников продовольствием, оружием, информацией. Лидер подпольной организации В. Т. Арзамасцев упоминал на допросе, что жители передали в отряд 15 винтовок и 100 обойм патронов¹³. Возглавили краснинских повстанцев братья Сукины (Сукиновы). Бывший младший урядник Василий Тимофее-

вич Сукин (27 лет), Георгиевский кавалер, дезертировал из 60-го красноказачьего полка. После ареста помещен в Верхнеуральский исправительный дом, откуда через пять месяцев бежал вместе с И. С. Газеевым. На допросе он заявил, что «второй побег совершил, боясь расстрела»¹⁴. Но у истоков организации отряда стояли его брат Алексей Сукин и И. И. Мاستьянов. Дезертир Н. И. Орехов в показаниях уточнял: «...нас сосредотачивали в группу Г. Н. Ломовцев, И. Фокин и И. Мاستьянов»¹⁵.

Первое время дезертиры не предпринимали активных действий, налаживая контакты с жителями. По донесениям Краснинского военкома И. А. Позднякова, по ночам в станице часто велась стрельба, а в начале августа три дезертира обстреляли милиционера Яковлева¹⁶. В связи с активизацией повстанческих выступлений в ряде станиц, а затем и в Верхнеуральском уезде ввели военное положение¹⁷. Активизировались и краснинские дезертиры. Поворотной датой стало 14 августа, когда они совершили налет на станицу. Согласно рапорту И. А. Позднякова, в два часа ночи дезертиры ворвались в станицу, но члены ячейки РКП(б) и милиционеры сумели дать им отпор, укрывшись в одном из зданий¹⁸. Зампредуездкомдеза С. Г. Барсук в отчете уточнял, что набег был «произведен с целью вырезать совработников», численность определялась им «в 20–30 конницы с оружием»¹⁹.

Данные события стали полной неожиданностью для уездных властей. Сведений о дезертирах в районе Краснинской до этого времени не поступало. Более того, с целью разведки и облав еще 26 июля 1920 г. выступил конный отряд в 27 человек во главе с членом уездкомдеза Вандышевым. Маршрут экспедиции пролегал через Краснинскую и Янгельскую станицы, Карагайский бор. В указанных пунктах и лесах по пути следования должен был производиться поиск дезертиров, однако их нигде не было обнаружено. То есть до набега Краснинская группировка как организованная сила себя не проявляла²⁰. После случившегося из Верхнеуральска направили другой отряд во главе с Лямыным, а затем выездную сессию Ревтрибунала под председательством И. Кузнецова, придав ей вооруженную силу — кавалерийскую группу Смирнова. После набега повстанцы призывали в свои ряды скрывающихся в окрестностях разрозненных дезертиров. А. Сукин убедил примкнуть к себе И. М. и С. С. Кожевниковых, живших на заимке последнего²¹. Невзирая на внушительные силы противника, отряд А. Сукина и И. И. Мастьянова оказал решительное сопротивление. Согласно одному из донесений, «24 августа высланный отряд около пос. Краснинский был окружен бандой дезертиров, в перестрелке 1 красноармеец был убит»²². Другая сводка сообщала, что в тот же день при облаве на хуторе Горбунова произошел бой, в ходе которого были захвачены шесть дезертиров и арестован офицер Кудрин, так как «видимо, участвовал в налете на Краснинскую»²³. В официальном печатном органе губкома РКП(б) уточнялось, что облава производилась ночью, по итогам допроса захваченного ранее дезертира. Шестерых пленных взяли с оружием в руках, еще пятеро сдались добровольно²⁴.

С 25 августа 1920 г. в станице развернула работу сессия Ревтрибунала. На основании показаний арестованных составили список из 32 дезертиров, скрывающихся в краснинских и карагайских лесах, который разослали по станицам Вернеуральского и Миасского уездов²⁵. Офицера Кудрина и шесть дезертиров приговорили к расстрелу, пятерых сдавшихся отправили на фронт, некоторым пособникам назначили сроки заключения в концлагерь. На все общество поселка Краснинского за недоносительство наложили контрибуцию в размере 150 лошадей, 150 коров, 500 овец, а также в виде обуви, одежды, белья в пользу фронта и семей красноармейцев²⁶. Упомянутый есаул П. П. Кудрин, кавалер нескольких орденов, в прошлом полковой адъютант 16-го Оренбургского полка, кандидат в члены войскового круга, был родственником активного члена тайной организации В. Е. Фокина. Однако помимо данных, что он «вел организацию дезертиров на заимке», доказать его причастность к повстанцам было затруднительно²⁷.

Казалось, очаг сопротивления разгромлен: население подвергли санкциям и террору, повстанцы понесли значительные потери расстрелянными и отправленными в штрафроту. Но костяк организации сохранился, отказавшись временно от активных действий и сменив дислокацию. Группа в составе А. Сукина, И. И. Мастьянова, Г. С. Борзенкова, И. М. Кожевникова, И. П. Горбунова, М. И. Горбунова, В. М. Голдобина, С. С. Кожевникова, И. И. Орехова, а также выходцев из Сухтеленского

А. Захарова и М. Огородникова временно сосредоточилась близ указанного поселка²⁸. В начале сентября к ним примкнули бежавшие из тюрьмы В. Т. Сукин и И. С. Газеев. Сессия вскоре отправилась в Карагайскую, но возглавивший карательные силы Зубков оценивал обстановку в районе Краснинской как тревожную. Так, явившийся добровольно А. П. Буторин сообщил о наличии дезертиров близ поселка Кассельского. По результатам противостояния Зубков 15 сентября 1920 г. доносил: «В Краснинском бандитов всего 25 конных. Нас в отряде 50 чел. с Краснинской ячейкой. Поддержка не нужна. Но они ушли на Карагайскую, разбились на несколько групп, преследовать нецелесообразно»²⁹.

Итак, отряд Зубкова выдал повстанцев из района, и они через Карагайский бор ушли в Башкирию, присоединившись к зеленым частям Н. Магасумова. С сентября 1920 г. он являлся организатором повстанческого движения в Тамьян-Катайском кантоне БАСР, объявив себя «военруком Башкирии»³⁰. Ему подчинялись башкирские отряды А. Иксанова, С. Зарипова, Мужаверова, А. Зиатбердина, в оперативной связи находились повстанцы Уйской станицы Миасского уезда. В октябре эти соединения составили 1-ю сводную дивизию, совершив 3 октября 1920 г. налет на город и станцию Златоуст Уфимской губернии³¹.

Показания Г. С. Борзенкова раскрывают подробности пребывания краснинских казаков в рядах башкирских повстанцев: «...когда начались облавы, нас Сукин увел в Башкирию, мы присоединились к Магасумову, в отряде которого было до 150 чел., после пошли на Учалы, по дороге встретились с отрядом С. Выдрин (60 чел), Выдрин дал безоружным винтовки и патроны. Мы присоединились к Выдрину, а Магасумов ушел обратно в Башкирию». Далее Г. С. Борзенкова упоминал об участии отряда в занятии ряда поселков, станиц и о повторном соединении с Магасумовым в Каменке³². И. С. Газеев на допросе добавлял, что до соединения с Выдриным «отрядом командовал Магасумов, а всеми русскими В. Т. Сукин и И. Мاستьянов». Общие силы на момент соединения в деревне Стангуловой он определил в 270 бойцов. Сам В. Т. Сукин заявлял про себя: «...бежал в кантон к начдиву Магасумову, тот меня командировал к полку Иксанова, где я находился примерно 25 суток»³³.

Указанные события происходили в двадцатых числах сентября 1920 г. Неизвестна точная дата присоединения краснинских повстанцев к силам Магасумова, неясно, было ли это как-то оформлено. Но известно время объединения с уйскими повстанцами. Согласно показаниям С. А. Выдрин, встреча с полком А. Иксанова случилась 25 сентября, после захвата Карагайской станицы. Однако сам Выдрин, подробно перечислявший все случаи пополнения, его начштаба Н. Я. Лузин и другие уйские повстанцы в показаниях ни разу не упомянули краснинских казаков в своих рядах. Объяснить это можно неоднократным делением отряда на части с последующим объединением. Часть краснинских казаков могла и раньше оказаться у Выдрин — среди дезертиров воинского эшелона, ставших основой отряда³⁴. В этом случае приход даже организованной группы краснинцев не воспринимался чем-то принципиально новым и неординарным.

Итак, отряд братьев Сукиных, войдя в подчинение военрука Н. Магасумова, был отправлен в полк А. Иксанова, а позже влился в ряды уйских повстанцев на фазе их активизации. Вместе они прошли все перипетии борьбы, участвуя в составе особой сотни в наступлении на Верхнеуральск, захвате Уйской станицы, налете на Златоуст. В тяжелом ночном бою в станице Кумляжской 29 сентября 1920 г. получил ранение, от которого позже скончался, А. Сукин³⁵. А при разгроме сводной дивизии в поселке Веселовка 7 октября 1920 г. краснинским повстанцам удалось спастись. Возможно, они оказались в составе крупной группы уцелевших во главе с тем же С. А. Выдриным, разбитой через неделю в Барангулово³⁶. Сам С. А. Выдрин упоминал: «...после этого второго разгрома одна банда от нас отделилась»³⁷.

В. Т. Сукин указал, что после Веселовки его «отряд в количестве 11 человек пошел в Краснинскую». Г. С. Борзенков сообщал: «...пошли (после второго соединения с Н. Магасумовым и разгрома.— С. П.) в Краснинскую, командовал Сукин Василий, а Алексей умер от раны. Провели собрание дезертиров и решили идти в Киргизские степи — жить до весны, а потом опять воевать с коммунистами. На Куликовском хуторе милиция нас разбила и мы разошлись, соединились и опять нас разбила»³⁸.

Но возможно, что отряд В. Т. Сукина не пошел с уйскими повстанцами, а оставался еще какое-то время в Башкирии, действуя совместно с А. Иксановым или Н. Магасумовым. В пользу этой версии говорит время их возвращения в родные места — начало ноября 1920 г. Так, допрошенный 15 ноября 1920 г. Н. И. Орехов сообщил, что скрывался близ Сухтеленского поселка с несколькими дезертирами: «...остальные недавно прибыли из Башкирии, нас разыскали, звали нас в Еленинский бор». Среди вернувшихся им названы семь человек: И. И. Мاستьянов, И. С. Газеев, Г. С. Борзенков, В. М. Головин, В. Т. Сукин, И. П. и М. И. Горбуновы. Последний также подтверждал на допросе: «...в отряде последнее время было семь человек»³⁹. О намерении прорваться на соединение с «1-й Народной армией» Г. С. Макарова в Джабык-Карагайский бор (Еленинский поселок) упоминали и другие арестованные, например И. М. Кожевников, покинувший отряд С. А. Выдрина в Башкирии. И. С. Газеев сообщал, что когда В. Т. Сукин «опять появился у поселка и стал объединять дезертиров, до 12 чел.», он имел цель уйти в степи на зимовку⁴⁰.

То есть группа вернулась в район не сразу после разгрома в Веселовке. В октябре 1920 г. отряд В. Т. Сукина, как и остатки полка С. А. Выдрина, стремился соединиться с силами Г. С. Макарова. Затем планы изменились в направлении родной станицы. Однако здесь обстановка в корне изменилась. В конце октября подпольную организацию ликвидировали чекисты, арестовав десятки ее членов. По лесам скрывалось несколько одиночных дезертиров и избежавших арестов «контрреволюционеров». Тогда повстанцы решили уйти на зимнее время в казахские степи. Однако перспективы перехода, снабжения на длительный период, дефицит оружия и боеприпасов требовали запастись средствами. Поэтому по приходу в родные места они провели несколько акций. При захвате почтовой команды 10 октября 1920 г. им досталось 500 тысяч рублей. 12 октября 16 конных повстанцев с подложными документами (выдавали себя за отряд милиции) прибыли в поселок Кассельский, но были опознаны очевидцами нападения на почту и удалились⁴¹. Упомянутый И. И. Орехов, кстати, заявлял: «У Сукина было много разных документов и денег»⁴². Однако уже в пути следования в нескольких столкновениях отряд разгромили и разогнали. Г. С. Борзенков показывал: «...милиция разбила нас на Куликовском хуторе», И. С. Газеев сообщил, что «по дороге на заимке милиция всех разогнала»⁴³. Уцелевшие повстанцы вскоре были переловлены или сдались сами. В. Т. Сукина вместе с И. С. Газеевым и Г. С. Борзенковым захватили в Краснинской 25 октября 1920 г. в погребе одного из домов. На допросах все заявили о желании явиться добровольно, на что их толкнули зима и надежда на амнистию⁴⁴.

Арестованные дезертиры, повстанцы и «контрреволюционеры» проходили по разным уголовным делам, и санкция в каждом случае зависела от политической обстановки на момент приговора. Лидеры повстанцев в декабре 1920 г. по решению сессии трибунала понесли весьма суровое наказание: В. Т. Сукина расстреляли, И. С. Газееву назначили 12 лет лагерей, а Г. С. Борзенкову — пять лет, учтя его партийность в прошлом и сотрудничество со следствием в настоящем⁴⁵. Из осужденных коллегией губчека в марте 1921 г. только А. И. Горбунов получил пять лет концлагерей, а М. А. Горбунова, И. М. Кожевникова, С. С. Кожевникова и И. И. Орехова расстреляли⁴⁶. Неизвестна судьба И. И. Мاستьянова, В. М. Головина, В. М. Астафьева, И. Фокина. Возможно, они сумели скрыться или погибли в боях.

Жизнеспособность повстанческой группировки во многом объясняется поддержкой населения, носившей организованный характер. Отряд получал продовольствие, вооружение и лошадей от своих сторонников в станице. Сам «заговор» чекисты раскрыли силами двух секретных сотрудников. Сводки губчека сообщали о выявленной «организации местного казачества, возникшей в связи с бандой дезертиров»⁴⁷. Согласно материалам дела, изначально в районе появились дезертиры, а тайная организация возникла позже из недовольных властью казаков, в прошлом активных «бойцов белых добровольческих дружин»⁴⁸. Во главе находилась «тройка» в составе В. Т. Арзамасцева, Г. Н. Ломовцева и П. В. Осипова (Портнихина). В обвинительном акте в отношении последнего содержалась характерная формулировка: «...стремился к вооруженному восстанию и свержению Советской власти». Лидеры были настроены весьма решительно. На тайном собрании они заявили тайному сотруднику политбюро: «...выступить можем и сегодня против Советской власти»⁴⁹. Дознание началось

13 октября и окончилось заочным постановлением приговора 25 ноября 1920 г. коллегией губчека в Челябинске на основании доклада уполномоченного Александрова. Всего к ответственности привлекли 64 человека, из них 44 получили по пять лет лагерей, а 20 были расстреляны⁵⁰.

Среди осужденных были родственники повстанцев, например С. А. Борзенков, сын которого Г. С. Борзенков одно время занимал пост председателя Краснинского сельсовета, затем вышел из РКП(б) и примкнул к А. Сукину⁵¹. По делу привлекли, а затем расстреляли священника Я. К. Вандышева. Его вина состояла в хранении рукописной прокламации в форме молитвы с антибольшевистскими высказываниями. Сам он отрицал связь с организацией, а листовку составил еще в 1918 г.⁵² Деятельность организации выражалась в снабжении дезертиров, агитации среди населения с целью расширения своих рядов. Судя по всему, большинство станичников агитировать не требовалось. Они изначально были настроены антисоветски, хотя на допросах не все сознавались в этом. Очевидно, что некоторые участники сами вступил в отряд дезертиров-повстанцев.

Перспективным направлением являлось налаживание контактов с недовольными казаками из соседних пунктов. С. М. Косогорцев отвечал за связь с Сухтеленским поселком, имеется информация о взаимодействии с Остроленским, Кассельским, Янгельским поселками⁵³. Допрошенный в качестве свидетеля председатель исполкома В. И. Максименко заявил, что после захвата 25 сентября 1920 г. станицы Карагайской отрядом С. А. Выдрин В. Т. Арзамасцев «открыто говорил, что они ждут банду»⁵⁴. В современных публикациях есть версия об аресте всех подпольщиков в один день, что противоречит материалам уголовного дела, согласно которому аресты и обыски шли весь период расследования⁵⁵.

Расстреляно участников организации было больше, чем повстанцев, но из всего числа осужденных к заключению четырнадцати узникам срок в апреле 1921 г. сократили наполовину⁵⁶.

Подводя итоги, отметим особенности краснинской группировки. Она являлась во многом типичной в ряду повстанческих формирований региона 1920 г. Ядром, как и в других случаях, послужили дезертиры из местных уроженцев, связанные с казачьим населением поселков. По сути, налицо была тайная антисоветская организация, располагавшая мобильной вооруженной группой. Аналогичную картину можно увидеть на примере «Голубой армии» в Еткульском районе. Уникальность краснинского отряда заключается в реализации модели автономных действий в составе крупных повстанческих формирований. Краснинские казаки решительно разорвали территориальную локальность, покинув под давлением карательных частей знакомую местность и перейдя от партизанских действий к тактике рейдов. Но лишившись базы и поддержки населения, на последнем этапе В. Т. Сукин с соратниками планировали дальний поход. То есть территориальная привязка была весьма условной. Среди повстанцев можно увидеть членов исполкома и коммунистов, красноармейцев, бывших добровольцев-дутовцев. Можно говорить, что общество станицы выступило против власти единым фронтом, хотя взять в руки оружие решились немногие. В целом действия малочисленной, но мобильной краснинской группировки в Башкирии, Верхнеуральском и Миасском уездах — яркая, но малоизученная страница истории повстанческого движения в регионе.

Примечания

¹ ОГАЧО. Ф. П-166. Оп. 1. Д. 9. Л. 74.

² Там же. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 62. Л. 7 об.

³ Акулинин И. Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. Шанхай, 1937. С. 189–191.

⁴ Челябинская губерния в период военного коммунизма 1919–1920 : сб. док. и материалов. Челябинск, 1960. С. 393, 395.

⁵ ОГАЧО. Ф. Р-96. Оп. 2. Д. 296. Л. 33.

⁶ Там же. Л. 69.

⁷ Там же. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 9563. Л. 48, 70.

⁸ Там же. Л. 97–98.

- ⁹ Там же. Ф. Р-97. Оп. 2. Д. 142. Л. 55, 72.
- ¹⁰ *Панькин С. И.* Нормативная база, структура и деятельность комиссий по борьбе с дезертирством на Южном Урале в 1919–1921 гг. // Политика и право в социально-экономической системе общества : материалы V науч.-практ. конф., г. Москва, 25–26 дек. 2012 г. М. : Спецкнига, 2012. С. 250–256.
- ¹¹ ОГАЧО. Ф. Р-97. Оп. 2. Д. 139. Л. 68.
- ¹² Там же. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 794. Л. 6.
- ¹³ Там же. Л. 6–7.
- ¹⁴ Там же. Ф. Р-96. Оп. 2. Д. 296. Л. 29, 99 об.
- ¹⁵ Там же. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 9563. Л. 70.
- ¹⁶ Там же. Ф. Р-327. Оп. 1. Д. 84. Л. 14 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 17 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 9 об.— 10.
- ¹⁹ Там же. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 127. Л. 76.
- ²⁰ Там же. Д. 109. Л. 75.
- ²¹ Там же. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 9563. Л. 48–49.
- ²² Там же. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 44. Л. 2.
- ²³ Там же. Ф. Р-327. Оп. 1. Д. 84. Л. 10 об.
- ²⁴ Совет. правда. 1920. 24 сент.
- ²⁵ ОГАЧО. Ф. Р-327. Оп. 1. Д. 84. Л. 11–11 об.
- ²⁶ Совет. правда. 1920. 24 сент.
- ²⁷ ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 794. Л. 183 ; *Ганин А. В., Семенов В. Г.* Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891–1945 : биограф. справ. М., 2007. С. 312.
- ²⁸ ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 9563. Л. 70–71.
- ²⁹ Там же. Ф. Р-327. Оп. 1. Д. 84 л. 11 об, 15 об.
- ³⁰ Там же. Л. 57 об.
- ³¹ Там же. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 127. Л. 59–60.
- ³² Там же. Ф. Р-96. Оп. 2. Д. 296. Л. 69–71.
- ³³ Там же. Л. 32, 67 об.
- ³⁴ Там же. Д. 300. Л. 19–20.
- ³⁵ Там же. Д. 296. Л. 71.
- ³⁶ *Шибанов Н. С.* «Зеленая» война: исторические очерки. Челябинск, 1997. С. 117.
- ³⁷ ОГАЧО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 545. Л. 31 об.
- ³⁸ Там же. Ф. Р-96. Оп. 2. Д. 296. Л. 32.
- ³⁹ Там же. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 9563. Л. 70–71.
- ⁴⁰ Там же. Ф. Р-96. Оп. 2. Д. 296. Л. 67 об.
- ⁴¹ Там же. Ф. Р-96. Оп. 2. Д. 296. Л. 9–9 об.
- ⁴² Там же. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 9563. Л. 71.
- ⁴³ Там же. Ф. Р-96. Оп. 2. Д. 296. Л. 67 об, 71.
- ⁴⁴ Там же. Л. 29, 99.
- ⁴⁵ Там же. Л. 111.
- ⁴⁶ Там же. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 9563. Л. 113.
- ⁴⁷ Там же. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 127. Л. 53 об., 70.
- ⁴⁸ Там же. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 794. Л. 6, 70.
- ⁴⁹ Там же. Л. 45, 181–182.
- ⁵⁰ Там же. Ф. Р-401. Оп. 1. Д. 1. Л. 95.
- ⁵¹ Там же. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 794. Л. 182 об. ; Ф. Р-96. Оп. 2. Д. 296. Л. 69–70.
- ⁵² Там же. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 794. Л. 57.
- ⁵³ Там же. Л. 9 ; Ф. Р-327. Оп. 1. Д. 84. Л. 11 об.
- ⁵⁴ Там же. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 794. Л. 14.
- ⁵⁵ *Степанюк Е.* «Конфисковать хлеб и расстрелять». Как большевики расправлялись с казаками // Аргументы и факты — Челябинск. 2017. 1 февр.
- ⁵⁶ ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 794. Л. 193, 215.
- ⁵⁷ Там же. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 794. Л. 6, 70.
- ⁵⁸ Там же. Л. 45, 181–182.
- ⁵⁹ Там же. Ф. Р-401. Оп. 1. Д. 1. Л. 95.
- ⁶⁰ Там же. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 794. Л. 182 об.; Ф. Р-96. Оп. 2. Д. 296. Л. 69–70.
- ⁶¹ Там же. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 794. Л. 57.
- ⁶² Там же. Л. 9. Ф. Р-327. Оп. 1. Д. 84. Л. 11 об.
- ⁶³ Там же. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 794. Л. 14.
- ⁶⁴ *Степанюк Е.* Указ. соч.
- ⁶⁵ ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 794. Л. 193, 215.

Н. Ю. Приходько

ВЫСТУПЛЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА ПРОТИВ УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ЧЕЛЯБИНСКЕ В КОНЦЕ 1917 ГОДА (по газетным публикациям)

Цель нашего исследования заключается в том, чтобы на основе анализа публикаций в газетах, изданных в 1917 г. в Челябинске («Союзная мысль», «Челябинский листок», «Народная свобода») рассмотреть события того периода в новом ракурсе — не только глазами сторонников революции, но и ее противников. Жители России и Южного Урала в частности приняли революцию по-разному, одни ее приветствовали и вставали на защиту ее завоеваний, другие выступили против установления советской власти во главе с большевиками. И это привело к кровопролитной Гражданской войне. Уральское казачество одним из первых выступило на стороне контрреволюции.

Кульминацией революции в России, начавшейся в феврале 1917 г. и радостно принятой всеми сословиями и политическими партиями, стало вооруженное восстание в Петрограде 25 октября (7 ноября), в результате которого пришли к власти большевики во главе с В. И. Лениным. Челябинские газеты смогли широко осветить это событие только через несколько дней. Газета «Союзная мысль» (№ 167 от 28 октября) писала, что с 25 октября телеграфное сообщение было прервано и жителей Челябинска знакомили с событиями в Петрограде по газете социалистов-революционеров (эсеров) «Дело народа». Исполнительный комитет Всероссийского Совета крестьянских депутатов обратился с воззванием: «Ко всем крестьянам, солдатам и рабочим! Вся власть Учредительному собранию! Против воли представителей всероссийского крестьянства и представителей армий власть захватывается Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. Захват власти за три недели до Учредительного собрания есть захват прав всего народа. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов начал братоубийственную войну». Далее газета писала о заседании Петроградской городской думы (24 октября), образовании комитетов общественной безопасности в составе центральных и районных дум и выборах представителей революционно-демократических организаций. Писалось о просьбе оказать «моральную помощь» Временному правительству, так как ему был поставлен ультиматум большевиками — сдать в течение двадцати минут, «в противном случае Временному правительству угрожали пушечным обстрелом с крейсера “Аврора”»¹.

Газета «Союзная мысль» излагала события в Петрограде очень подробно и в хронологическом порядке. Из газетного сообщения видим, что противников у большевиков было много. Эти же события через несколько лет были фальсифицированы органами большевистской пропаганды, что-то вычеркнуто, что-то исправлено, но не в пользу правдивых исторических событий.

Что происходило в Смольном в ночь на 25 октября? В основном долгое время знали только то, что печаталось в публицистике после проверки коммунистической цензурой. А вот то, что было в действительности, по словам очевидцев: «В ночь на 25 октября состоялось пленарное заседание ЦИК СР и СД (Центрального исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов. — *Н. П.*) и Исп. Ком. Кр. Д. (Исполнительного комитета крестьянских депутатов. — *Н. П.*). С докладом о текущем моменте выступил тов. Дан, указавший, что вооруженное выступление на

улицах Петрограда будет означать не торжество революции, а торжество контрреволюции, которая сметет в недалеком будущем не только большевиков, но и все социалистические партии. Докладчик также указал, что беспорядки в Петрограде найдут немедленный отклик в провинции. В заключение тов. Дан призывает демократию сплотить свои ряды воедино, ибо народная власть и история взвесит каждый шаг на своих беспристрастных весах»². Пророческое выступление — это и случилось в будущем. Партии меньшевиков-интернационалистов, левых социалистов-революционеров, трудовая народно-социалистическая партия выразили протест «против насилия безответственных элементов» с требованием опубликовать этот протест во всех органах печати. Но демократические методы оказались запоздалыми. Многие тогда понимали, что итогом захвата власти большевиками в России будет гражданская война, что и произошло в 1918–1920 гг.

26 октября (8 ноября) 1917 г. в Челябинске Совет рабочих и солдатских депутатов объявил о переходе в городе власти в его руки. Большевики взяли под контроль телеграф, который не работал в течение трех дней. Был захвачен Государственный банк, городская дума разогнана. Разоружены офицеры челябинского гарнизона.

2 ноября 1917 г. челябинский уездный комиссар Временного правительства смог отправить телеграмму оренбургскому губернскому комиссару о переходе в Челябинске власти в руки Совета и о постановлении исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов о вооружении дружинников и солдат гарнизона, расположенного в Челябинске: «Объявить начальнику гарнизона, что все приказы строевого характера, как то: разоружение частей, назначение командного состава и др. издаются от имени исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, все же хозяйственные приказы остаются в ведении гарнизона. При начальнике гарнизона назначается комиссар. Приказы, изданные не от имени исполнительного комитета не должны приводиться в исполнение. В городе и уезде спокойно»³.

Установление Советской власти в Челябинске и уезде разные слои населения приняли также по-разному. Неоднозначно к этому событию отнеслось и казачество. Оренбургским войсковым атаманом и председателем войскового правительства 1 октября 1917 г. был избран полковник Александр Ильич Дутов (1879–1921).

28 октября 1917 г. приказом по войску Дутов объявил о непризнании власти Советов. Он известил также совет Союза казачьих войск о том, что войско «твердо стоит за Временное правительство и поддерживает борьбу с большевиками»⁴. Назвав большевистский переворот «преступным и совершенно недопустимым», он, таким образом, стал первым войсковым атаманом, объявившим войну большевизму. В тот же день губернский комиссар подпоручик Н. В. Архангельский провел совещание, на котором власть в Оренбургской губернии была передана войсковому атаману.

В Челябинске началась забастовка почтово-телеграфских и банковских служащих, к ней присоединились рабочие типографии, которые шли за меньшевиками. В городе образовался «Комитет спасения Родины и революции». Комитет обратился за помощью к казакам Троицкого уезда. Троицкий атаман Токарев выслал против челябинских большевиков казаков во главе с подьесаулом Н. Н. Титовым.

31 октября 1917 г. казаки из Троицка, вооруженные пулеметами, прибыли в поселок Шершни. Другие отряды казаков находились на ближайших к Челябинску станциях. Переговоры с казаками отряда подьесаула Н. Н. Титова, предъявившего ультиматум об отказе Советов от власти в пользу городской думы, вел председатель городской думы М. Х. Поляков (1884–1939), член партии социалистов-революционеров с 1904 г., впоследствии член ВКП(б). «Союзная мысль» писала: «2 ноября состоялось заседание городской думы в связи с приближением к городу отряда казаков. Председатель думы Поляков изложил ход переговоров, которые он вел и ведет с начальником казачьего отряда подьесаулом Титовым. Поляков указал, что во избежание гражданской войны местный совет рабочих и солдатских депутатов отказался от принятия всей власти в свои руки, но казаки этим не удовлетворились, и предъявили требование о разоружении тех солдат и красногвардейцев, которые были вооружены в момент перехода в городе власти к совету». Е. Л. Васенко (1882–1918), возглавлявший после февраля 1917 г. челябинскую организацию РСДРП, делегат 2-го съезда Советов (25–26 октября 1917), после возвращения из Петрограда избранный

председателем Совета рабочих и солдатских депутатов, писал об осаде Челябинска контрреволюционным казачеством. Газета «Уральский рабочий» опубликовала письмо 21 ноября (4 декабря) 1917 г.

После нашествия казаков деятельность Совета нарушена... Создалось такое положение: в 2 часа ночи кончился срок предъявленного ультиматума, а в 12 часов ночи гарнизон еще не был вооружен. Начали вооружать его частично на риск и страх военной секции. В период между 11 часами ночи и 2 часами ночи 31 октября было роздано 220 винтовок рабочим. Когда узнали об этом казаки, то предложили разоружить Красную гвардию и гарнизон. Гарнизонное собрание постановило: Красную гвардию разоружить, а взятые у нее винтовки передать для вооружения солдатам. В настоящее время гарнизону розданы винтовки. Патроны находятся в распоряжении полковых комитетов. Настроение гарнизона хорошее. Сказать определенно, что оно большевистское, трудно, но, безусловно, за власть Советов. Командный состав, если и показал себя, то только на стороне так называемого «порядка». В то время, как рабочая часть исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов и большевики часть военной секции стояла за активное выступление, командный состав и умеренная часть исполнительного комитета — за соглашение с дутовцами-калединцами. Казаки, которые обложили Челябинск, выехали из Троицка в количестве 5 сотен, из коих половина направилась прямо походным порядком в Челябинск, а другая погрузилась на поезд, чтобы ехать на Румынский фронт, но доехала до ст. Полетаево, высадилась и пошла походным порядком в Челябинск. Все 5 сотен имеют при себе снаряжение, которое им полагается на фронте. Казаки остановились в 12 верстах от Челябинска в имени братьев Покровских и выслали в окрестности города разъезды. Кыштымские копи (разъезд Козырево) заняты казаками и на них поставлен казачий комиссар. Через Челябинск изредка проезжают рысью вооруженные казаки⁵.

Далее Васенко сообщал: «...казачье нашествие, ожидаемое со дня на день, висит свинцовой тучей над городом. Из Троицка сообщают, что там (в штабе контрреволюции) получена шифровальная телеграмма о том, что Каледин предлагает Дутову выступить на соединение с ним, а так же дает ему распоряжение отрезать доставку хлеба в Петроград северным путем. В Троицк недавно прибыла артиллерийская батарея. Вокруг Челябинска стоят мобилизованные казаки и ждут приказа идти на Челябинск. В Сосновке (12 верст от Челябинска) предполагается формировать казачий полк. Среди казаков единства нет. Руководят теперешним движением торговцы, старики и офицерство. Рядовое казачество и фронтовики недовольны и направлением работы, и теперешним составом Войскового правительства... Вообще среди казаков нужно повести работу. Но в каком роде и кто ее поведет — вот задача... Казачий кошмар висит над Челябинском и атрофирует всякую работу...»⁶

В результате переговоров с казаками, Совет рабочих и солдатских депутатов 2 (15) ноября 1917 г. объявил о передаче власти в Челябинске вновь городской думе. Газета «Союзная мысль» писала: «...исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов объявляет: «Для всех органов, учреждений и организаций восстанавливается прежний порядок их деятельности, существовавший до момента перехода власти к исполнительному комитету. Отменяется контроль над телеграфом, почтой и местными органами печати. Товарищи и граждане приглашаются по-прежнему с полным спокойствием и выдержкой относиться к событиям, не поддаваясь никаким провокационным слухам, не делая никаких выступлений»⁷. Сообщалось также, что в городе спокойно, никаких беспорядков не наблюдается. Тем временем челябинский Совет рабочих и солдатских депутатов обратился за помощью в Петроград, направив делегатов из Челябинска и Троицка с просьбой дать оружие.

По распоряжению Совета народных комиссаров в ноябре 1917 г. к Челябинску были стянуты крупные силы для поддержки челябинского Совета. 20 ноября 1917 г. в помещении Красных казарм (ул. Володарского) был расквартирован сводный отряд самарских, сызранских и уфимских революционных рабочих и красногвардейцев. Командовали отрядом В. К. Блюхер и А. П. Галактионов. Из Уфы в Челябинск отправился отряд с артиллерией «для усиления городского гарнизона». Газета «Союзная мысль» (№ 187 за 24 ноября (7 декабря) 1917 г.) опубликовала протокол заседания 20 ноября (3 декабря) 1917 г. в Народном доме Челябинского Совета рабочих и солдатских депутатов: «На заседании присутствовали представители местных про-

фессиональных комитетов и представители Советов соседних городов, а так же представители Советов воинских частей, прибывших в Челябинск для поддержания Челябинского Совета из Самары и Уфы». Представитель военной секции уфимского Совета Ершов сказал, что, «получив известие из Челябинска о контрреволюции казачества, выделили 400 человек для защиты Челябинска». Представитель троицкого Совета обратился за помощью: «Город Троицк находится в гораздо худших условиях, чем другие города, он окружен крепкой казачьей стеной», поэтому он просил «защитить от казачьего засилья»⁸. Собрание сводного революционного отряда выступило с призывом к солдатам Челябинского гарнизона стойко защищать советскую власть в Челябинске. В результате в городе прошли митинги с целью организации отрядов Красной гвардии для борьбы с казаками Дутова.

О переходе власти в Челябинске в руки Совета сообщала и газета «Известия Челябинского военно-революционного комитета» (№ 1 от 26 ноября (9 декабря) 1917 г.): «20 ноября 1917 г. объединенное собрание Совета рабочих и солдатских депутатов, полковых и ротных комитетов, центрального бюро профессиональных союзов, районного железно-дорожного комитета, в присутствии представителей Самарского комитета, Уфимского, Златоустовского, Курганского и Троицкого Советов, постановило: власть в г. Челябинске и его окрестностях переходит в руки Совета рабочих и солдатских депутатов»⁹. Таким образом, при военной поддержке власть в Челябинске, а позже и в Челябинской губернии перешла в руки Советов.

Для защиты советской власти в Челябинске был образован военно-революционный комитет, председателем которого избрали А. П. Галактионова (1888–1922), члена РСДРП, прибывшего из Самары в составе сводного отряда для оказания помощи челябинскому Совету. Комитет Галактионов возглавлял с 20 ноября по 2 декабря 1917 г. Позже он был назначен комиссаром сводного полка, посланного под командованием В. К. Блюхера против казаков-дутовцев. В марте 1918 г. стал членом революционного штаба в Самаре по борьбе с казаками Дутова¹⁰.

Товарищем председателя ВРК стал Е. Л. Васенко. Военно-революционный комитет взял на себя все полномочия власти Совета рабочих и солдатских депутатов для проведения в жизнь декретов СНК. 28 ноября 1917 г. в челябинской газете «Союзная мысль» был опубликован приказ челябинского ВРК, где «в целях охраны революционного порядка» в городе устанавливались особые правила. Комитет брал под свой контроль передвижение воинских частей челябинского гарнизона. Запретил «вторжение в жилье, готовые помещения», обещал пресекать «все попытки к погрому, насилию, нарушению революционного порядка». Запрещались самовольные обыски, конфискации, реквизиции без разрешения ВРК. Все правительственные и общественные организации призывались к работе в контакте с ВРК¹¹.

Противники установления власти большевистскими Советами — казаки — собирали силы для борьбы. Уральское казачество активно выступало против большевизма. Приказ по военному округу ОКВ публиковался в газете «Народная свобода» за 25 ноября 1917 г. В обращении троицкого атамана Токарева очень эмоционально выражено его отношение к большевикам, захватившим власть: «Я не могу умолчать о том чувстве негодования, каким должно наполниться сердце всякого любящего свою Родину и тех ее сыновей, которые невольны погибли от руки своих же братьев, увлеченных, обманутых преступными агитаторами-большевиками. Эти изменники Родины и прислужники Вильгельма стараются во что бы то ни стало вырвать власть у законного народного Временного правительства и этим самым травят одно словие на другое и топят людей в море братской крови». На фоне сохранившихся большевистских документов эта пламенная речь, дошедшая до нас из газеты 1917 г., позволяет увидеть и другую точку зрения. Атаман называет Ленина предателем и изменником. И следом идет призыв: «Не верьте этим обманщикам-разрушителям, дорогие станичники. А, вы, станичные атаманы и поселковые, арестуйте их. Я же со своей стороны считаю святой обязанностью призвать вас на защиту порядка и спокойствия. Объединяйтесь душой и сердцем и спасайте истекающую кровью Родину»¹².

Уральские казаки первыми выступили против установления советской власти в крае и объявили ей войну. Дутовцы захватили Оренбург, Верхнеуральск

и Троицк. Укрепившись в этих городах, они начали спешно готовить силы для разгрома советской власти в крае.

Войсковой атаман ОКВ А. И. Дутов объявил среди казаков мобилизацию. 16 декабря атаман разослал командирам казачьих частей призыв направить казаков с оружием в войско. Для борьбы с большевиками нужны были люди и оружие, но основная масса казаков, возвращавшихся с фронта, воевать не хотела. И на первом этапе борьбы оренбургский атаман, как и другие лидеры антибольшевистского сопротивления, не сумел поднять на борьбу и повести за собой сколько-нибудь значительное число сторонников.

25–26 декабря 1917 г. начальником Северного летучего отряда матросов Павловым, прибывшим на Южный Урал из Петрограда для борьбы с контрреволюционным казачеством, был дан приказ о переходе власти в Троицке в руки Совета рабочих и солдатских депутатов: «Всем гражданам города Троицка! Настоящим объявляется, что с сего числа управление городом переходит в руки Совета рабочих и солдатских депутатов, ввиду чего все имеющиеся организации, безусловно, должны подчиняться таковому как высшей местной власти. Непризнание Советской власти кем-либо из организаций или отдельными лицами будет считаться контрреволюционным действием... Всякого рода оружие, находящееся у граждан без разрешения Совета, должно быть в трехдневный срок сдано в штаб отряда. Лица, виновные в нарушении сего, будут подвергаться военно-революционному суду»¹³.

Неспокойно было в казачьих станицах и поселках. В Еманжелинской станице зажиточные казаки призывали с оружием выступить против Советов и большевиков, увозили свои семьи и имущество в дальние поселки. 24 декабря в Еманжелинск прибыл Северный летучий отряд из Петрограда во главе с мичманом С. Павловым. Всю ночь на 25 декабря и весь этот день отдельные партии вооруженных казаков скакали по поселкам, разыскивая своих командиров, но нигде не найдя их, возвращались домой. Такое же положение было и в Еткульской станице. При приближении Летучего отряда в станице началась паника, сборы казаков, но у многих не оказалось седел, оружия.

В ночь на 25 декабря из Еманжелинска стали прибывать казаки, которые объясняли, что такое советская власть. Агитаторам удалось большую часть казаков убедить, что советская власть и партия большевиков стремятся улучшить жизнь трудового народа. Жители станицы согласились послать в Челябинск своих делегатов на съезд казаков Челябинского уезда. Среди казачества началось расслоение. Войсковые старшины и зажиточные казаки поддержали Дутова и Белую гвардию, а беднейшее казачество выступило за Советы.

12 декабря 1917 г. Советом Народных Комиссаров, был опубликован «Декрет о всем трудовом казачестве», подписанный председателем СНК В. И. Лениным и народным комиссаром по военным делам Н. Подвойским. Декрет отменял обязательную воинскую повинность и устанавливал полную свободу передвижения казаков. Было объявлено, что рабоче-крестьянское правительство «ставит своей ближайшей задачей разрешение земельного вопроса в казачьих областях в интересах трудового казачества...»¹⁴. Декрет был для трудового казачества привлекательным, а для большевистского правительства своевременным, так как после его выхода беднейшее казачество в основной массе перешло на сторону большевиков и выступило против казачьего правительства.

14 (17) января 1918 г. в газете «Известия Челябинского военно-революционного комитета» (№ 27) говорилось об отказе запасных полков Дутова бороться против советской власти: «Сколько казачий командный состав ни скрывал того обстоятельства, что трудовое казачество в борьбе с Советской властью за ним не пойдет, теперь начал расписываться в своей полной беспомощности заставить казаков слепо пойти за ними на подавление рабочего движения и на защиту капиталистов»¹⁵. Оренбургские казаки требовали от своего начальства объяснений: против кого их ведут и кого называют большевиками. Многие казаки заявляли, что защищать буржуазию они не пойдут. В результате 20 января 1918 г. революционными войсками был взят Троицк, 23 января 1918 г.— Оренбург. Дутов с отрядами верных ему казаков отступил к Верхнеуральску, где Совет рабочих и солдатских депутатов спешно организовал и вооружил

боевые дружины. Из Челябинска к Верхнеуральску отправился отряд в количестве 2000 человек. За Верхнеуральск шли ожесточенные бои, в ходе которых Дутов потерпел поражение и ушел с небольшим отрядом в Тургайские степи. Таков итог борьбы казачества против установления советской власти в Челябинской губернии.

Примечания

¹ Союз. мысль. 1917. 28 окт. // ОГАЧО. Ф. И-388. Оп. 1. Д. 19.

² Там же.

³ Борьба за советскую власть на Южном Урале (1917–1918 гг.) : сб. док. и материалов. Челябинск, 1957. С. 199–200.

⁴ Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. Т. 1 / под ред. К. Н. Бочкарева. Челябинск : Каменный пояс, 2003. С. 201–202.

⁵ Там же. С. 580.

⁶ Борьба за советскую власть на Южном Урале... С. 202.

⁷ Союз. мысль. 1917. 2 нояб. // ОГАЧО. Ф. И-388. Оп. 1. Д. 19.

⁸ Там же. 24 нояб.

⁹ Борьба за советскую власть на Южном Урале... С. 212.

¹⁰ Челябинская область... С. 779.

¹¹ Союз. мысль. 1917. 28 нояб. // ОГАЧО. Ф. И-388. Оп. 1. Д. 19.

¹² Нар. свобода. 1917. 25 нояб.

¹³ Борьба за советскую власть на Южном Урале... С. 227.

¹⁴ Союз. мысль. 1917. 10 дек. // ОГАЧО. Ф. И-388. Оп. 1. Д. 20.

¹⁵ Борьба за советскую власть на Южном Урале... С. 229–230.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БОЛЬШЕВИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В 1919 ГОДУ В ЧЕЛЯБИНСКЕ

Гражданская война вызывает интерес у исследователей и по сей день. Конфликты в разных частях света внутри обществ, которые, казалось бы, были едины в этническом, конфессиональном и культурном плане, побуждают историков, психологов, социологов разобраться в социально-экономических предпосылках этих конфликтов, выявить их причины. По прошествии почти ста лет мы можем посмотреть на историю Гражданской войны более объективно, вне политической окраски. В данной статье мы постараемся подробно осветить деятельность большевистского подполья, действовавшего на территории Челябинска в 1919 г.

Термин «подполье» означает организованную деятельность против властей, протекающую в условиях строгой тайны, строгой конспирации¹. Фактически подпольщиков можно сравнить с разведчиками, действующими на территории противника, в нашем случае — белогвардейских войск. В свою очередь подпольщикам противодействовали спецслужбы белого движения, в частности образованное в 1918 г. отделение военного контроля². Военная контрразведка следила за военнослужащими, а органы военного контроля — за гражданскими лицами.

В Челябинске действовал подпольный центр со множеством ячеек. Ячейки находились на заводе «Столь и К^о», железнодорожном узле (организация стрелочников, рабочих железнодорожных мастерских станции Челябинск), Петроградской мельнице и т. д. В данной статье мы сосредоточимся на «Боевой большевистской организации» (подпольный центр) и одной из ее ячеек — «Организации стрелочников»³.

Для координации деятельности подпольных групп и организаций в конце августа 1918 г. был создан руководящий центр — городской подпольный комитет³. 11 декабря 1918 г. в Челябинске прошла городская подпольная конференция, на которой была утверждена инструкция, определившая деятельность Центрального военно-революционного штаба. При штабе создавались отделы: снаряжения, строевой, оперативный, связи, контрразведки и финансовый⁴.

Задачи отделов четко разграничивались. Отдел снаряжения занимался учетом имеющегося оружия, добыванием и хранением его. Строевой отдел занимался формированием боевых единиц организации. Задачей оперативного отдела была подготовка вооруженного восстания. Задача отдела контрразведки — разведывательная работа и передача сведений военного характера в Советскую Россию⁵.

Подпольный центр осуществлял руководство подпольными ячейками Челябинска и уезда. Из материалов следствия следует, что основной целью организации являлось ниспровержение существующего в России государственного и общественного строя,

* Стрелочники следили за движением поездов и за участком железной дороги на вверенной им территории, осуществляли техническое обслуживание (проверяли качество стыков рельс) и, исходя из имеющегося расписания движения железнодорожных составов на этом участке железной дороги, в установленное время осуществляли перевод стрелки для движения состава в нужном направлении. Стрелка — это, по сути, железнодорожный перекресток, а стрелочник выполняет роль регулировщика. Главное качество человека этой профессии — ответственность.

замена его советской властью. Для достижения данной цели организовывались конспиративные ячейки среди войск, рабочего и сельского населения, связанных между собой общим руководством Центрального военного отдела (военно-революционного штаба). В своем распоряжении организация имела деньги, оружие и взрывчатые вещества.

Военно-контрольное отделение приступило к ликвидации подпольного горкома 20 марта 1919 г. Было арестовано 66 человек, которых после дознания предали военно-полевому суду. Во время обысков контрразведка обнаружила оружие, взрывчатые вещества, документы, подпольную типографию и около 700 000 рублей⁶.

В числе 66 арестованных были 23 крестьянина, 19 граждан, 13 мещан, 9 военных, старший милиционер и казак⁷. Уроженцами Оренбургской губернии были 34 человека, 24 человека — из Челябинского уезда, непосредственно из Челябинска — 5 человек. Остальные члены организации являлись уроженцами разных губерний Российской империи: Херсонской, Витебской, Вятской, Ковенской, Пермской, Нижегородской, Кутаисской, Калишской, Полоцкой, Самарской, Уфимской⁸. Национальный состав организации: русские (60 человек), евреи (3), поляк, грузин, татарин. Руководителями организации следствие назвало мещанина г. Лодзи Боруха Янкелевича Голубева (Лобкова), прапорщика Алексея Васильевича Григорьева, мещанина Херсонской губернии Вениамина Ивлевича Гершберга (Гершкова), гражданку Витебской губернии Софию Алексеевну Кривую. Складами с оружием и взрывчатыми веществами заведовал Леонтий Романович Лепешков.

Военно-полевой суд приговорил 32 подпольщика к смертной казни, остальных — к различным срокам каторжных работ.

По мнению советских историков, организация была раскрыта провокатором Образцовым, в более поздних исследованиях говорится о внедренном агенте Барболине, который выявил имена некоторых руководителей, их адреса и даже главные явочные квартиры. Скорее всего, это один и тот же человек, выступавший под разными именами.

Ячейка стрелочников станции Челябинск действовала под вывеской «Профессиональный союз и касса взаимопомощи стрелочников». Целью организации являлась подготовка восстания против существующей власти. Организация занималась противоправительственной пропагандой, распространением большевистских изданий, укрывательством большевистских комиссаров и красноармейцев, помощью им хлебом, одеждой, деньгами, оружием, подложными документами, а так же вербовкой своих сторонников среди железнодорожных служащих и рабочих окрестных фабрик и заводов⁹. Кроме того, организация помогала семьям арестованных, а также находящимся в тюрьме заключенным денежными средствами и продуктами.

Всего агентами военно-контрольного отделения штаба Западной армии было арестовано 13 человек в возрасте от 32 до 50 лет. Подавляющее количество арестованных составляли крестьяне (11 человек), и только двое были мещанами¹⁰. Из 13 членов организации «местными», то есть проживающими на территории Оренбургской губернии, были только двое, остальные — приезжие из других губерний: Вятской, Пензенской, Костромской, Тульской, Могилевской, Томской, Смоленской. Большинство арестованных имели отношение к железной дороге: собственно стрелочники, рабочие вагонных мастерских, рабочие депо. И только два человека к железной дороге отношения не имели — Максим Слабженников и Никита Пожидаев. Оба являлись парикмахерами. Вероятнее всего, они выполняли роль связных, так как получать и передавать информацию они могли, не вызывая подозрения, во время своей работы. По национальному составу все члены группы, кроме Семена (Соломона) Мицгендлера и Иосифа Ярса, были русскими. Большая часть членов группы под судом и следствием не была. В поле зрения органов контрразведки и полиции попали только два человека. Семен Мицгендлер, бывший младший унтер-офицер 2-го Финляндского полка, проходил по «политическому» делу, находился под следствием за службу в Красной армии, но был оправдан. Второй, Максим Слабженников, проходил по уголовному делу еще в 1914 г. (за подделку монет), но также был оправдан судом.

Костяк группы, по мнению следствия, составляли «прежние совдепцы и красноармейцы»: стрелочник Брытков, парикмахер Слабженников, секретарь кассы

взаимопомощи стрелочников Зачепа, казначей той же кассы Кузнецов, бывший председатель организации Пожидаев и бывший член железнодорожного комитета Ярослав¹¹.

Руководителем организации следствие назвало 37-летнего Сергея Черемянина, уроженца с. Рябова Вятской губернии, до службы занимавшегося хлебопашеством, а в 1914 г. поступившего на службу на железную дорогу в качестве стрелочника. В поле зрения правоохранительных органов Черемянин не попадал.

Организация была раскрыта благодаря бывшему солдату Соколову. Из материалов следствия следует, что «Соколов и его спутник Кирьянов, с агентами Военно-Контрольного отделения выдали себя за большевиков красноармейцев и вошли в полное доверие главарей организации стрелочников»¹². Агенты узнали о планах организации осуществить восстание 7 февраля 1919 г. Впоследствии Дмитрий Соколов и Василий Кирьянов выступили свидетелями в суде, собственно на их показаниях и основывалось обвинение.

По постановлению суда четыре человека были подвергнуты смертной казни через повешение, девять человек были лишены «всех прав состояния» (конфискация имущества), один человек был отпущен, так как его вина не была доказана.

Организация стрелочников просуществовала до февраля 1919 г.¹³

Вербовка новых членов организации происходила из рабочей и крестьянской среды по личным связям^{**}. Рабочие предприятий были не только близки по духу (классу) но и представляли собой замкнутые коллективы, что способствовало распространению большевистских идей и, безусловно, затрудняло внедрение агентуры в эти сообщества.

Большевики вели пропаганду на людных улицах, у кинематографов и в самих кинематографах, в цирке и около цирка, на базарах и станции железной дороги. Причем на улицах велась агитация устная. В группу солдат или граждан втирался «субъект», который вслушивался в разговор. Постепенно, слово за слово, беседа переходила на политическую тему. На станции кроме устной добавлялась и печатная агитация (листовки, прокламации)¹⁴.

Несмотря на большие потери, челябинское подполье быстро восстановилось. Возобновила работу подпольная типография, вновь появились ячейки на предприятиях и в воинских частях. Деятельность подполья в Челябинске особенно активизировалась летом 1919 г., когда отступающие части Белой армии начали подготовку к эвакуации. Подпольщики срывали вывоз оборудования с завода «Столь и К^о», с электростанции, затрудняли переброску войск. По воспоминаниям Феофана Михайловича Янушевского, стрелочника станции Челябинск с 1917 г., «стрелочники дезорганизовывали движение поездов, задерживали отправление поездов путем неправильного приготовления маршрутов и неправильной подгонки паровозов под поезда. В результате этого эшелоны либо валились под откос, либо наталкивались друг на друга»¹⁵.

Как видно из материалов дела, в Челябинске действовала разветвленная подпольная сеть. Подпольщикам удалось внедрить своих агентов в военные структуры белого движения. Здесь важная роль отводилась вахмистру Широкову: состоя на должности помощника дежурного коменданта станции Челябинск, он сообщал членам сообщества сведения военного характера относительно времени, мест, направления и количества войск, проходящих по железной дороге. Наборщик типографии штаба Западной армии Михаил Леонардович Пржиялковский отвечал в подполье за типографию, печатал прокламации. Писарь начальника технического отдела при главном начальнике снабжения Западной армии Василий Михайлович Петрушин также обладал важными сведениями военного характера. С другой стороны, спецслужбы белого движения смогли парализовать деятельность подпольщиков благодаря внедрению своих агентов. Правда, подполье было быстро восстановлено, но мы это связываем с военными успехами красных. К тому же колчаковской контрразведке приходилось следить не только за большевиками, но и за дутовцами, семеновцами, каппелевцами и другими более мелкими войсковыми формированиями, которые также имели свои

* Например, из станции Шамурина Катайской волости в организации было девять односельчан, из с. Ивановка Сухоборской волости — четверо.

разведывательные службы. Кроме того, приходилось лавировать между американской и английской разведками¹⁶.

Примечания

¹ Словарь русского языка : в 4 т. Т. 3 / под ред. А. П. Евгеньева. М. : Рус. яз., 1983.

² *Кирмель Н. С.* Деятельность контрразведывательных органов белогвардейских правительств и армий в годы Гражданской войны в России (1918–1922 гг.) : монография. М., 2007. С. 27.

³ *Бычков И. И.* Кудрявцев Д. Д. — один из руководителей Челябинского большевистского подполья в 1918–1919 гг. // Краевед. зап. Вып. 2. Челябинск, 1969. С. 90.

⁴ *Абрамовский А. П.* Из истории большевистского подполья и профессионального движения на Южном Урале в 1918–1919 гг. // Там же. С. 127.

⁵ Там же. С. 128.

⁶ *Кирмель Н. С.* Указ. соч. С. 96.

⁷ ГИМЮУ. Оп. 4. Д. 888. Л. 1–4.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Д. 884. Л. 1.

¹⁰ Там же. Л. 6, 7.

¹¹ Там же. Л. 2.

¹² Там же.

¹³ Очерки истории Челябинской областной партийной организации. 1917–1967. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1967. С. 110.

¹⁴ ГИМЮУ. Оп. 4. Д. 886. Л. 2.

¹⁵ Там же. ОФ-5497/726. Воспоминания Янушевского Ф. М.

¹⁶ *Вепрев О., Лотов В.* Государственная безопасность: три века на Южном Урале. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 2002. С. 154.

В. В. Филатов

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ РАСТЕНИЕВОДСТВА И ЖИВОТНОВОДСТВА В УРАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА И В 1920–30-е ГОДЫ

Исследование революций невозможно без анализа экономики страны в столь сложный период. Революция 1917 г. наложила свой отпечаток на дальнейшее развитие России. Поэтому весьма актуально рассмотреть основные тенденции в динамике развития растениеводства и животноводства как накануне революции, так и в 1920–30-е гг., когда произошел переход от новой экономической политики к массовой коллективизации. Поскольку проблема недостаточно изучена в исторической литературе, материалы данного исследования позволят восполнить имеющийся пробел.

Важно, что в основу анализа положен материал, касающийся одного из крупнейших регионов России и СССР. Картина реального положения дел в сельском хозяйстве в переходный период от аграрного к аграрно-индустриальному государству будет интересна как профессиональным историкам, так и простым жителям Уральского региона. Бездоказательные порой утверждения о преимуществах развития села при царском режиме до революции или при советской власти до Великой Отечественной войны должны получить свое подтверждение (или опровержение) благодаря фактам.

В Уральском регионе в первой половине XX в. проводились постоянные изменения административно-территориальных границ. До революции Урал включал Пермскую, Вятскую, Уфимскую и Оренбургскую губернии. В 1919 г. были созданы Екатеринбургская, Пермская, Тюменская, Уфимская и Челябинская губернии. С 1923 по 1933 г. регион включал Уральскую область, Башкирскую Автономную Республику, Вотскую автономную область (с января 1932 г.— Удмуртская автономная область), Оренбургский округ Средневожского края. После административно-территориального деления в 1934 г. на территории Уральского региона возникли Свердловская, Челябинская и Оренбургская (Чкаловская) области, а также Удмуртская Автономная Республика. В 1938 г. в результате разукрупнения Свердловской области была создана Пермская область. Все это затрудняло проведение исследования по данной проблеме. Отдельные статистические материалы после пересмотра в конце 1930-х гг. составлялись по данным 1913 и 1916 гг. с учетом новых административных границ.

Следует оговориться, что совершенно точных показателей развития сельскохозяйственного производства в России и СССР не существует. В дореволюционный период сельскохозяйственная статистика ориентировалась на данные выборочных обследований крестьянских хозяйств, а в советский период, особенно в 1930-е гг., замалчивались или искажались сведения о реальном положении дел на селе. Тогда были попытки скрыть истинную урожайность с помощью манипуляции статистическими данными и не соответствующей действительности видовой, биологической урожайности. Показатели неурожайного 1931 г. часто отсутствовали в официальной статистике. Кроме того, необходимо учитывать годы подсчета; 1913-й стал наиболее урожайным на фоне других лет, а 1916-й, напротив, имел в основном низкие показатели, вызванные мировой войной.

В растениеводстве важнейшими культурами являлись зерновые. Посевные площади всех зерновых культур в границах будущей Свердловской области (без учета Пермской области) в 1913 г. исчислялись 800,3 тысячи гектаров. В 1935 г. они достигли максимального размера — 955,8 тысячи гектаров, в 1928 г. минимального — 750,2 тысячи. В 1913 г. урожайность зерновых составляла 11,3 центнера с гектара, тогда как в 1937 г. она достигла 16 центнеров. Показатели урожайности в 1932 г. демонстрировали спад до 6,1 центнера с гектара.

По нашим подсчетам, в 1931 г. в Уральской области урожайность зерновых была всего 2,7 центнера с гектара. Валовой сбор зерновых в границах Свердловской области в 1913 г. находился в пределах 9077 тысяч центнеров, а высокий урожай 1937 г. позволил собрать 14 677 тысяч центнеров. В то же время неурожай 1932 г. дал низкие показатели — 5692 тысячи центнеров. Наш анализ свидетельствует, что в Уральской области в 1931 г. собрали 17 228 тысяч центнеров зерновых, тогда как в 1928 г. — 49 358,7 тысячи центнеров.

В границах будущей Челябинской области посевы зерновых в 1913 г. занимали 2138,4 тысячи гектаров. В 1937 г. площади увеличились до 3045,2 тысячи гектаров. Если в 1913 г. урожайность зерновых равнялась 8,5 центнера, то в 1938 г. достигла самого высокого уровня (14,1 центнера с гектара). Однако в 1932 г. урожайность не превышала 4,1 центнера с гектара. Валовой сбор зерновых в 1913 г. был 18 103 тысячи центнеров, тогда как в 1938 г. достиг максимума в 42 504,4 тысячи центнеров, а в 1936 г. в области собрали самый низкий урожай — 9752 тысячи центнеров.

В 1913 г. в границах будущей Оренбургской (Чкаловской) области посевные площади зерновых равнялись 1977,2 тысячи гектаров. Этот показатель удалось превзойти в 1937 г. (3149,3 тысячи гектаров). При урожайности 1913 г. в 7,6 центнера с гектара хорошие погодные условия 1937 г. позволили довести ее до 10,2 центнера с гектара. Но в 1936 г. урожайность зерновых была всего 3,2 центнера с гектара. В 1913 г. крестьяне сумели собрать 14 988 тысяч центнеров. Этот рубеж был значительно преодолен вновь в 1937 г. — 32 139 тысяч центнеров, хотя в неблагоприятном для села 1936 г. урожай был самым низким — 9130 тысяч центнеров.

Наибольшие посевы под зерновые в 1913 г. на Урале имелись в Башкирии. Под эти культуры выделялось 2218,4 тысячи гектаров. Максимальной величины посевы достигли в 1934 г. — 3037,5 тысячи гектаров. В последующие годы Челябинская и Оренбургская области обогнали Башкирию по данному показателю. Урожайность зерновых в 1913 г. была 8,6 центнера с гектара, а в 1937 г. поднялась до 14,5 центнера с гектара. В том году собрали и самый высокий урожай в регионе — 43 808 тысяч центнеров, тогда как в 1913 г. он исчислялся 19 041 тысячей центнеров. В 1936 г. при урожайности в 4,1 центнера с гектара удалось собрать лишь 11 928 тысяч центнеров. Хотя, по нашим подсчетам, эти показатели были еще ниже — урожайность равнялась 3,7 гектара, а валовой сбор — 10 813 тысяч центнеров¹.

Кстати, урожайность зерновых в Башкирии и раньше была низкой. В 1871 г. составляла 8,8 центнера с гектара, в 1895 г. — 8,3, а в 1915 г. — 10,6 центнера с гектара². Динамика урожайности за 1900–1915 гг. яровой пшеницы показывает, что урожаи на Урале в дореволюционное время были не очень высокими. В Оренбургской губернии отмечен кризисный для сбора яровой пшеницы 1911 г. — урожайность составила всего 2,7 пуда с десятины, а в Пермской губернии значительно больше — 18,9 пуда. В то же время наиболее урожайными были по этой культуре в Оренбургской губернии 1915 г. (54,7 пуда с десятины), а в Пермской губернии в 1910 г. — 72,2 пуда с десятины.

По озимой ржи в Оренбургской губернии низший результат был получен в 1908 г. — 25,7 пуда с десятины, а в Пермской губернии в 1911 г. — 33,6 пуда с десятины. Высшее достижение по сбору озимой ржи было достигнуто в Оренбургской губернии в 1915 г. — 55,8 пуда с десятины, а в Пермской губернии в 1912 г. — 75,5 пуда с десятины³.

Две революции 1917 г. еще более усугубили положение в сельском хозяйстве региона. Постоянные мобилизации крестьян в противоборствующие вооруженные стороны оставили деревню без работоспособного населения. Резко сократились посевные площади и валовые сборы зерновых. Посевные площади в 1920 г. оказались

на 18,2 % ниже уровня 1916 г., а в 1922 г. еще больше — на 66,5 %. Если средняя урожайность ржи с десятины в 1905–1914 гг. равнялась 48,7 пуда, то в 1920 г. составила 27,2 пуда, пшеницы — соответственно 37,7 и 19,4 пуда. Лишь к середине 1920-х гг. удалось приблизиться к показателям 1916 г. Валовой сбор хлеба по сравнению с 1916 г. достиг в 1922–1923 гг. 41,5 %, в следующем году — 55,4 %, в 1924–1925 гг. — 82,5 %, в 1925–1926 гг. — 94,1 %⁴.

Так же нестабильно развивалось и животноводство. В четырех уральских губерниях в 1910 г. было 2753,5 тысячи лошадей, 4670,1 тысячи голов КРС, 6416,8 тысячи овец и коз и 871,1 тысячи свиней⁵. Революции и Гражданская война, неблагоприятные погодные условия привели к тому, что общее поголовье скота за 1917–1919 гг. уменьшилось на 27,2 %. Численность рабочих лошадей в 1921 г. составляла к уровню 1916 г. в Екатеринбургской губернии только 76 %, в Уфимской — 56,3 %, в Челябинской губернии — 57,6 %.

Установление продовольственной диктатуры, действия продовольственных отрядов, не ограниченных никакими законами, постоянные реквизиции красных и белых окончательно разрушили аграрную экономику, снизили мотивацию крестьян к труду. Первый год новой экономической политики совпал с неурожаем и жесточайшим голодом, охватившим многие регионы России, в том числе Урал. Уральские чекисты докладывали в центр, что «настроение масс неудовлетворительное в связи с осложнениями материальных условий жизни»⁶.

Кризис животноводства продолжался до 1923 г. Количество лошадей за после-революционное время сократилось в два раза, КРС — в 2,5 раза, овец и коз — в три раза, свиней — в восемь раз. За период нэпа (к 1928 г.) в основном был достигнут уровень 1916 г. Но коллективизация вывала новое массовое сокращение поголовья скота, особенно на первом этапе⁷. Представляет научный интерес анализ динамики поголовья скота на Урале (включая Удмуртию) за 1916–1936 гг. При этом на основе проведенного нами анализа многочисленных источников более детально рассматривается ситуация с животноводством в 1927–1940 гг.

Для поголовья скота 1916 г. был неблагоприятным в связи с Первой мировой войной. За годы войны в большинстве регионов Урала уменьшилась численность скота. Так, в Вятской губернии в расчете на одно крестьянское хозяйство в этом году по сравнению с довоенным периодом рабочих лошадей стало меньше на 18 %, в Пермской и Уфимской губерниях — на 17 %. В Вятской губернии сократилось количество коров на 14 %, овец — на 26 %, свиней — на 23 %. Если по численности коров Пермская и Уфимская губернии имели прибавку (14 и 9 % соответственно), то Пермская губерния понесла самые существенные потери по количеству овец (на 43 %) и снизила поголовье свиней на 10 %. Что интересно, в это тяжелое для страны время значительно увеличилось поголовье овец и свиней в Уфимской губернии — рост составил 33 и 42 % соответственно⁸.

При низком уровне механизации большую роль в сельском хозяйстве играли лошади, особенно рабочие. Подсчет статистических данных показал, что за 1916–1928 гг. среднегодовой спад численности лошадей на Урале составлял 63,2 тысячи голов, а в 1928–1936 гг. сокращение было втрое больше. Если в 1928 г. против 1916 г. поголовье лошадей уменьшилось на $\frac{1}{3}$, то в 1936 г. по отношению к 1928 г. — на $\frac{1}{2}$, а к 1916 г. — на $\frac{2}{3}$.

Численность лошадей в Свердловской области в 1936 г. была в 2,5 раза меньше, чем в границах этой области в 1913 г. (соответственно 195,2 и 491,4 тысячи). В Челябинской области разрыв был еще больше — в четыре раза (257,7 и 1025,5 тысячи), в Оренбургской области — в 4,7 раза (180,3 и 838,8 тысячи), в Пермской области — в 1,5 раза (230,9 и 346,8 тысячи), в Башкирии — в 2 раза (511,3 и 1036,8 тысячи), в Удмуртии — в 1,4 раза (177,1 и 248,9 тысячи голов).

По нашим подсчетам, за 1927–1933 гг. стадо лошадей на Урале сократилось вдвое — с 3000,5 тысячи до 1507,6 тысячи голов. Ликвидация лошадей селянами в период перехода к коллективному хозяйствованию, ограничения на содержание лошадей в подворье колхозника, необеспеченность нормального содержания поголовья в конюшнях и на фермах, неблагоприятные погодные условия и многие другие факторы повлияли на отрицательный конечный результат.

С 1934 по 1940 г. животноводство на Урале развивалось столь же неровно, хотя и не было такого резкого спада, как раньше. В 1934 г. в Уральском регионе осталось 1260,9 тысячи лошадей и к 1941 г. поголовье увеличилось более чем на $\frac{1}{5}$ — до 1626,6 тысячи голов. Однако даже при таком росте, с учетом оренбургских лошадей, показатели Урала в 1,9 раза отставали от данных 1927 г.

В 1936 г. по отношению к 1916 г. поголовье рабочих лошадей на Урале сократилось на 65,8 %, что было выше, чем в среднем по РСФСР и СССР. Значительное снижение стада произошло в Оренбургской и Челябинской областях — на 82,5 и 77,3 % соответственно. В 1936 г. по сравнению с 1928 г. численность рабочих лошадей уменьшилась в Уральском регионе на 51,9 %, что было больше, чем в среднем по РСФСР (на 50,5 %), но меньше, чем в СССР (на 52,9 %). В 1928 г. против 1916 г. стадо рабочих лошадей сократилось на Урале на 23,3 %, хотя в Оренбуржье сокращение достигало 51 %. Среднегодовое уменьшение численности данного вида скота составляло в регионе в это время 60,6 тысячи голов, а в 1928–1936 гг. — 165,9 тысячи.

Количество рабочих лошадей в Свердловской области в 1936 г. уменьшилось против 1916 г. в 2,8 раза (соответственно 141,9 и 391,4 тысячи голов), в Челябинской области — в 4,4 раза (180,9 и 797,6 тысячи), в Оренбургской области — в 5,7 раза (117,3 и 670 тысячи), в Пермской области — в 1,7 раза (166,3 и 279,1 тысячи), в Башкирии — в 2,3 раза (336,6 и 786,6 тысячи), в Удмуртии — в 1,6 раза (126,6 и 199,2 тысячи голов). Как видно из этих данных, наиболее ощутимые потери в численности рабочих лошадей понесли сельские жители Оренбуржья.

Неблагоприятные факторы отразились и на численности КРС. При сопоставлении с другими видами скота отрицательная динамика уральского поголовья КРС была не столь существенной. Показатели 1936 г. к 1916 г. снизились на 11,3 %, 1936 г. к 1928 г. — на 14,1 %, а 1928 г. к 1916 г. дали даже небольшую прибавку. Среднегодовой прирост поголовья КРС за 1916–1928 гг. составлял 15,8 тысячи голов, а в 1928–1936 гг. ежегодное сокращение происходило в среднем на 107,6 тысячи голов.

Количество КРС в 1936 г. в Свердловской области по сравнению с дореволюционным периодом уменьшилось в 1,1 раза (соответственно 698,8 и 759,3 тысячи голов), в Челябинской области — в 1,4 раза (1172,1 и 1642,8 тысячи), в Оренбургской области — в 1,2 раза (861,3 и 1022,5 тысячи), в Пермской области — в 1,1 раза (653,1 и 707,7 тысячи). В то же время в автономных республиках наметилось хотя и небольшое, но увеличение поголовья КРС: в Башкирии — с 1371,1 до 1410,8 тысячи, в Удмуртии — с 417,5 до 453,3 тысячи голов.

Количество КРС за 1927–1933 гг. сократилось на Урале с 5538 тысяч до 3080,1 тысячи голов (в 1,8 раза). Такие темпы снижения соответствовали общесоюзным. Отрицательная динамика начала проявляться уже в 1929 г., но особенно разрушительными стали для животноводства последующие годы.

Положительным моментом в развитии животноводства во второй половине 1930-х гг. являлось то, что на Урале произошло увеличение стада КРС. За 1934–1940 гг. оно возросло с 3114,1 тысячи до 3942,3 тысячи голов (на 26,6 %), хотя в 1940 г. уральские животноводы вернулись к результатам десятилетней давности. Однако в отдельных районах Урала не во все годы наблюдалось поступательное движение в росте поголовья. Например, в Оренбуржье стадо КРС в 1938 г. уменьшилось на $\frac{1}{5}$. Разумное решение центра о перераспределении скота из социалистического сектора в подворья колхозников позволило не только сохранить, но и увеличить поголовье.

Основу стада КРС составляли коровы, и здесь также наблюдалась отрицательная динамика. За 1916–1936 гг. численность коров на Урале уменьшилась на 21,3 %, за 1928–1936 гг. — на 23,4 %, но за 1916–1928 гг. возросла на 2,7 %. В течение последнего из этих периодов ежегодная прибавка в стаде коров доходила до 6,1 тысячи голов, тогда как за 1928–1936 гг. ежегодное сокращение составляло 80,6 тысячи коров. Большая часть сокращенного поголовья приходилась на Оренбургскую и особенно на Челябинскую области. Темпы снижения численности коров на Урале были выше, чем в РСФСР и СССР.

По сравнению с 1916 г. поголовье коров в 1936 г. в Свердловской области снизилось в 1,2 раза (соответственно 309,3 и 383,5 тысячи), в Челябинской области —

в 1,5 раза (477,3 и 715,6 тысячи), в Оренбургской области — в 1,4 раза (296,5 и 402,1 тысячи), в Пермской области — в 1,2 раза (303,3 и 361,9 тысячи), в Башкирии — в 1,1 раза (548,8 и 624,7 тысячи), в Удмуртии — в 1,1 раза (181,4 и 200,4 тысячи голов).

Численность уральских коров с 1928 по 1933 г. сократилась с 2738,7 тысячи до 1669,6 тысячи голов (в 1,6 раза), что соответствовало союзным темпам потерь. Сокращение стада КРС на Урале сильно ударило по сельской экономике. Мясное и молочное скотоводство вносило ощутимый вклад в улучшение благосостояния крестьянства и обеспечение города продуктами питания.

С 1934 по 1940 г. количество коров возросло с 1603,7 тысячи до 1992 тысяч голов (на 24,2 %), что по темпам роста было выше, чем по СССР и РСФСР. Однако данный факт не означал, что стадо коров увеличилось без проблем. По сравнению с предыдущими годами поголовье коров уменьшилось в Удмуртии в 1936 и 1938 гг., в Оренбургской области — в 1939 г., в Челябинской области и Башкирии — в 1940 г. Кроме того, нужно иметь в виду, что показатели 1940 г. не дотягивали до результата 1928 г. на 27,3 %.

По сравнению с 1916 г. в 1936 г. рост на Урале численности свиней достиг 16,1 %, что было вдвое меньше темпов по стране. Позитивная динамика в поголовье свиней отмечалась в соотношении 1936 г. к 1928 г. — рост на 57,5 %. Однако на Урале показатели 1928 г. по отношению к 1916 г. дали отрицательный результат, хотя по стране свиное стадо увеличилось. За 1916–1928 гг. среднегодовое сокращение поголовья составляло в регионе 41,4 тысячи голов, а в 1928–1936 гг. средний ежегодный прирост доходил до 111,2 тысячи свиней.

В 1936 г. в Свердловской области поголовье свиней увеличилось в 1,1 раза по сравнению с 1916 г. (соответственно 428,3 и 378,7 тысячи), в Оренбургской области — на 13,4 % (288,4 и 254,3 тысячи), в Пермской области — в 1,4 раза (427,3 и 313,2 тысячи), в Башкирии — в 1,4 раза (522,9 и 388,2 тысячи), в Удмуртии — в 1,2 раза (372,7 и 310,2 тысячи голов). Лишь в Челябинской области численность свиней незначительно уменьшилась (до 397,4 с 399,2 тысячи).

За 1927–1933 гг. на Урале количество свиней сократилось с 1396 тысяч до 740,5 тысячи голов (в 1,9 раза). При этом наибольшие потери понесла Уральская область, где данный вид скота убавился в 2,5 раза. Вызывают недоверие лишь показатели Удмуртии с ростом в 2,4 раза.

Во второй половине 1930-х гг. дела с подъемом свиноводства на Урале продвигались успешнее, чем в предыдущий период. За 1934–1940 гг. свиное поголовье возросло с 986,2 тысячи до 1372,6 тысячи голов (на 39,2 %). Темпы роста стада свиней на Урале были выше, чем в среднем по РСФСР, но ниже, чем в СССР. Однако такие итоги не могли радовать, они находились на уровне 1927 г. В 1930-е гг. свиноводство развивалось нестабильно: наблюдались и спады, и подъемы. Лучшими для региона были 1937 и 1939 гг., когда рост к 1934 г. составлял 48,4 и 55,9 % соответственно, а худшим оказался 1936 г.

За 1916–1936 гг. количество овец и коз в Уральском регионе сократилось на 39,5 %. Еще хуже результаты были в 1928–1936 гг.: снижение на 42,8 %, тогда как за 1916–1928 гг. была (хотя и небольшая) прибавка в 5,8 %. Если за 1916–1928 гг. ежегодно добавлялось в среднем 46,9 тысячи голов, то в 1928–1936 гг. среднегодовое сокращение доходило до 548,1 тысячи голов.

Уральские темпы за 1916–1936 гг. по овцам во многом совпадали с российскими, хотя за 1916–1928 гг. темпы роста в РСФСР были выше, чем на Урале. В течение 1928–1936 гг. большие потери по овцам понесли Свердловская область (снижение на 61,8 %) и животноводство будущей Пермской области (на 51,1 %).

В Свердловской области за 1916–1936 гг. поголовье овец и коз сократилось в 1,8 раза (до 439,1 с 790,9 тысячи), в Челябинской области — в 1,3 раза (до 1407,8 с 1791,3 тысячи), в Оренбургской области — в 1,6 раза (до 1290,8 с 2120,1 тысячи), в Пермской области — в 1,5 раза (до 625,2 с 921,4 тысячи), в Башкирии — в 1,5 раза (до 2051,1 с 3155,3 тысячи), в Удмуртии — в 1,3 раза (до 666,4 с 895,7 тысячи голов). Поголовье овец и коз в Уральском регионе снизилось за 1927–1933 гг. с 8027,3 тысячи до 3060,7 тысячи голов (в 2,6 раза), причем в Баш-

кирии — в 3,9 раза. Уральские показатели по темпам спада были близки к общесоюзным, но меньше российских.

Во второй половине 1930-х гг. на Урале выросла численность овец и коз. За 1934–1940 гг. их стадо увеличилось с 3004,9 тысячи до 7287,2 тысячи голов (в 2,4 раза), что примерно соответствовало темпам роста в СССР. Большой рост поголовья овец и коз во второй половине 1930-х гг. наблюдался в Челябинской и Оренбургской областях⁹. Эти области играли ведущую роль в овцеводстве и обладали половиной скота данного вида в регионе.

Итак, проведенное исследование убедительно показало, что сельскохозяйственное производство Уральского региона как до революций 1917 г., так и при советской власти развивалось нестабильно. Во многом на отрицательной динамике сказывались природно-климатические условия, приводившие к неурожаю. Нерешенность аграрного вопроса до революции, последствия Первой мировой войны, преобладание ручного труда, экстенсивные факторы также не позволяли поступательно развиваться сельскому хозяйству. Еще больший урон уральская деревня понесла после революционных событий 1917 г. Гражданская война ввергла российскую экономику в тяжелейший кризис. Политика «военного коммунизма» фактически полностью разрушила сельское производство. В период новой экономической политики по сравнению с дореволюционным периодом удалось частично восстановить растениеводство и животноводство.

Однако массовая коллективизация и другие причины постоянно приводили к кризисному состоянию не только уральского сельского хозяйства, но и в целом аграрного сектора экономики России. Недостаточное продовольственное обеспечение усиливало социальную напряженность и способствовало как радикализации населения до революции, так и снижению мотивации к высокой производительности труда в советское время.

Примечания

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 83. Д. 26. Л. 15, 17, 18 ; *Филатов В. В.* Уральское село, 1927–1941 гг.: динамика и темпы развития земледелия : монография. Магнитогорск, 2006. С. 123–258 ; *Он же.* Сельскохозяйственное производство на Урале в конце 1920-х — начале 1940-х гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2007. С. 322–347.

² XX лет Башкирской Автономной Советской Социалистической Республике (1919–1939 гг.). Уфа, 1939. С. 113.

³ Свод урожайных сведений за годы 1883–1915 (материалы Центрального статистического комитета по урожаям на наделных землях). М., 1928. С. 113, 116, 117, 125, 126, 128.

⁴ История народного хозяйства Урала : в 2 ч. Ч. 1. Свердловск, 1988. С. 49, 50, 56, 58.

⁵ Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург, 2000. С. 206.

⁶ История народного хозяйства Урала : в 2 ч. Ч. 1. Свердловск, 1988. С. 51 ; Продовольственная безопасность Урала в XX веке : док. и материалы : в 2 т. Т. 1 / под. ред. Г. Е. Корнилова, В. В. Маслакова. Екатеринбург, 2000. С. 344, 349.

⁷ Уральская историческая энциклопедия... С. 206.

⁸ История Урала в период капитализма. М., 1990. С. 359.

⁹ Животноводство СССР за 1916–1938 гг. М. ; Л., 1940. С. 5–6, 40, 44, 49, 51, 53, 66 (расчет автора); *Филатов В. В.* Уральское село... С. 134–251 ; *Он же.* Сельскохозяйственное производство на Урале в конце 1920-х — начале 1940-х гг. ... С. 27–28.

ПРОФСОЮЗЫ ЮЖНОГО УРАЛА В 1917 ГОДУ

Революционные события переломного для российской истории 1917 г. оказали огромное воздействие на все сферы жизни общества. Они стали важнейшим этапом в истории профессиональных союзов — самых массовых добровольных объединений работников, связанных общими производственными, профессиональными интересами по роду их совместной деятельности. Именно в этот период, до сих пор не получивший однозначной оценки в историческом сознании современной России, в предельно сжатые сроки произошло возрождение и становление профсоюзов в качестве ведущих центров защиты прав и жизненных интересов рабочего класса, а в условиях установления советской власти — огосударствление и изменение их функций.

Благоприятные перспективы для развития профсоюзов открыла победа Февральской революции. В декларации Временного правительства, обнародованной 3 марта 1917 г., провозглашались демократические свободы для всех слоев населения, устанавливались свобода слова, печати, собраний, профессиональных союзов¹.

Опираясь на завоевания революции, не дожидаясь разрешений и законодательных актов, приступили к созданию своих профессиональных организаций трудящиеся Южного Урала. Стихийно начавшийся процесс возрождения профсоюзов поддержали создававшиеся повсеместно Советы рабочих и солдатских депутатов и легализованные политические партии социалистической ориентации.

Объединенная социал-демократическая организация Оренбурга приступила к созданию профессиональных союзов сразу же после свержения самодержавия. В течение марта — апреля 1917 г. в городе были организованы профсоюзы железнодорожников, металлостроителей, кожевников, колбасников, булочников, мукомолов, портных, столяров-плотников, фармацевтов, торгово-промышленных служащих, рабочих и служащих лесных заведений, домашних рабочих².

К маю 1917 г. двадцать профсоюзных организаций Оренбурга объединяли более пяти тысяч трудящихся. Наиболее крупными являлись профсоюзы железнодорожников, металлостроителей, пищевиков, рабочих кожевенного дела³.

В организации профсоюзов Челябинска активно участвовала профессиональная (рабочая) секция Совета рабочих и солдатских депутатов, которую возглавлял С. Я. Елькин, являвшийся комиссаром по делам труда исполкома Совета. В марте 1917 г. в городе были образованы профсоюзы металлостроителей, железнодорожников, каменщиков, кожевников, мукомольных рабочих. В апреле возникают союзы пекарей, печатников, служащих кооперативов, ломовых извозчиков и др. В основу своей деятельности профсоюзы ставили борьбу с владельцами предприятий за улучшение материального и правового положения трудящихся. Союзы металлостроителей, мукомолов, конторских служащих добились заключения коллективных договоров с предпринимателями. Так, коллективный договор, заключенный между печатниками и владельцами типографии, регламентировал участие профсоюза в решении вопросов приема на работу, установления восьмичасового рабочего дня, предоставления ежегодных оплачиваемых отпусков. Контроль за выполнением мероприятий, включенных в коллективные договоры, осуществляли наблюдательные комиссии, члены которых избирались на профсоюзных и рабочих собраниях⁴.

Широкое развитие работа по созданию профсоюзов получила в Уфимской губернии. Наиболее активно процесс образования профессиональных организаций проходил в Уфе. Одними из первых создали свои профсоюзы рабочие и служащие паровозных предприятий Старицкого затона, рабочие-кожевники, сторожа и курьеры, служащие и рабочие керосиновых баков. Непосредственное участие в организации профсоюзов принимали социал-демократы. 21 марта 1917 г. общее собрание Уфимской группы РСДРП приняло постановление, в котором отмечалось: «Социал-демократия не только содействует, но и сама берет на себя инициативу по созданию профессиональных союзов, организует таковые как беспартийные и принимает все меры к тому, чтобы занять в них руководящее положение и согласовывать их деятельность с деятельностью партии». На собрании была создана комиссия по организации профсоюзной работы в городе, которая разработала примерный устав профсоюза. Его текст 30 марта 1917 г. опубликовала газета «Вперед!»⁵.

После этого процесс создания профсоюзов значительно ускорился. В апреле 1917 г. были образованы союзы рабочих прачечных, домашней и ресторанной номерной прислуги, портных, шляпников и шляпниц (союз «Игла»), служащих торговых и торгово-промышленных предприятий Уфы, розничных, мелких и кустарных торговцев Уфимской губернии. В конце апреля в Уфе насчитывалось восемь профсоюзов⁶.

Помимо губернского центра профсоюзное строительство развернулось в уездных городах. В марте 1917 г. возник Белебеевский союз рабочих. В апреле создан профессиональный союз рабочих и служащих промышленных предприятий и мастерских Стерлитамака, вскоре преобразованный в союз рабочих, занятых на заводах, мельницах, лесопилках Стерлитамака и его окрестностей⁷.

Размах профсоюзного движения заставил Временное правительство признать в законодательном порядке организации рабочих и служащих. 12 апреля 1917 г. был принят закон «О собраниях и союзах», в котором указывалось, что «все без исключения российские граждане имеют право без особого на то разрешения образовывать общества и союзы в целях, не противных уголовным законам»⁸.

В мае — июне 1917 г. началось создание профсоюзов на заводах Южного Урала. После Февральской революции здесь возникли и действовали Советы рабочих и солдатских депутатов, взявшие на себя обязанности по защите экономических интересов рабочих. На первом Уфимском губернном съезде Советов рабочих и солдатских депутатов (май 1917) отмечалось, что Советы во всех заводских поселках активно занимались разрешением вопросов о рабочем дне и заработной плате, вмешивались в организацию производства⁹.

Однако ухудшение экономической ситуации в связи с продолжавшейся войной и введением правительством некоторых ограничений свободы торговли вели к сокращению объемов производства и уменьшению заработной платы рабочих и служащих, что приводило к стачкам и демонстрациям и послужило основанием для организации профсоюзов¹⁰.

В мае 1917 г. в Златоусте был создан самый крупный профсоюз на Южном Урале — профессиональный союз «Единство», который объединял более шести тысяч рабочих Златоустовского горного округа. Одновременно с ним действовал профсоюз служащих Златоустовского округа, в который вошли 1266 служащих из 1500, работавших в округе, за исключением инженеров, техников и представителей администрации, осуществлявших технический контроль¹¹.

На Белорецком заводе 16 апреля 1917 г. в профсоюз объединились служащие. 18 июля здесь был организован профессиональный союз рабочих. Затем два профсоюза создали единую организацию — профессиональный союз рабочих и служащих Белорецкого горного округа. Он объединил 3,5 тысячи человек из 13 тысяч, работавших в округе¹².

Стихийный рост профсоюзов, организация их на большинстве предприятий по цеховому, узкопрофессиональному принципу, отсутствие общего руководства и единства действий этих организаций требовали создания единых центров профсоюзного движения. Такими центрами, координирующими деятельность разрозненных союзов, стали центральные бюро профсоюзов, построенные по территориальному принципу.

23 мая 1917 г. центральное бюро профсоюзов было создано в Уфе. В его состав вошли представители всех профсоюзов города, а также были введены с правом совещательного голоса представители социалистических партий — эсеров и социал-демократов. Председателем центрального бюро был избран М. А. Плотников, который возглавлял профсоюз кожевников Уфы¹³.

В Челябинске 14 июля 1917 г. состоялось общее собрание, созванное профсоюзной секцией Совета рабочих и солдатских депутатов, которое приняло решение о создании Челябинского центрального бюро профсоюзов. На делегатском собрании 31 июля того же года был утвержден устав нового руководящего органа, избрано центральное бюро профсоюзов в составе семи человек во главе с А. Безруковым. Однако вскоре тот сложил с себя полномочия председателя, и на этот пост был избран Ф. И. Горбунов¹⁴.

Параллельно с профсоюзами на многих предприятиях Южного Урала стали создаваться новые организации рабочего класса — фабрично-заводские комитеты (ФЗК). Они объединяли всех без исключения рабочих, независимо от принадлежности к тому или иному профсоюзу. Руководящими документами для них служили решения 1-й конференции фабрично-заводских комитетов Петрограда (30 мая — 3 июня 1917). Она избрала Центральный совет фабрично-заводских комитетов Петрограда, с которым установили тесные связи Советы рабочих депутатов и заводские комитеты Уфы, Челябинска, Златоустовского, Белорецкого заводов, других городов и предприятий Южного Урала. Они получали литературу, уставы, резолюции собраний и конференций фабзавкомов, вели разъяснительную работу среди трудящихся¹⁵.

Важное значение для развития профсоюзного движения края имело то, что представители уральских профсоюзов и центральных бюро профсоюзов приняли участие в работе 3-й Всероссийской профсоюзной конференции, состоявшейся 21–28 июня 1917 г. в Петрограде. Конференция приняла решение о том, что профсоюзы в новых исторических условиях должны оставаться организациями трудящихся, главной задачей которых должна быть защита социально-экономических прав своих членов, а основной формой борьбы — экономическая стачка, опирающаяся на мощный забастовочный фонд и организованность рабочих. Конференция переименовала центральные бюро в Советы профсоюзов, избрала Всероссийский центральный Совет профессиональных союзов¹⁶.

Итоги этой конференции широко освещались в печати, обсуждались на профсоюзных собраниях. Член Уфимского центрального Совета профсоюзов В. Павлов, возвратившись из Петрограда, широко проинформировал членов профсоюзов Уфы о решениях, принятых конференцией, выступив на собраниях членов профсоюзов «Игла», рабочих графических искусств, кожевников, комитета «Земгора» и др.¹⁷

Вся последующая деятельность профсоюзов Южного Урала строилась в соответствии с решениями 3-й Всероссийской профсоюзной конференции. Наглядно свидетельствует об этом обращение Уфимского совета профсоюзов к рабочим Уфы, которое призывало рабочий класс города объединяться в профессиональные союзы в целях усиления борьбы за улучшение своего экономического положения. Поскольку рабочие многих предприятий промышленности и строительства Уфы еще не были вовлечены в профсоюзное движение, совет профсоюзов рекомендовал объединиться в союзы деревообделочникам, металлистам, рабочим пищевых продуктов, строительным рабочим¹⁸.

Обращение совета профсоюзов ускорило процесс создания производственных союзов в городе. В августе 1917 г. был образован профсоюз рабочих-деревообделочников. На организационное собрание прибыли представители 14 предприятий: лесозаводов, фанерной и спичечной фабрик, паркетной мастерской. Собрание избрало правление союза во главе с председателем С. А. Чистяковым и секретарем В. И. Опоковым¹⁹.

В это же время объединились в профсоюз металлисты Уфы. Правление союза возглавил слесарь мастерской Шамова С. И. Сергеев, секретарем был избран токарь завода Гутмана Н. Я. Терехин. 13 августа 1917 г. был образован профсоюз пищевиков, 15 августа — строительных рабочих²⁰.

В сентябре 1917 г. организовали свои профсоюзы служащие Уфимского губернского земства и правительственных учреждений Уфимской губернии. Был создан Уфимский районный отдел Всероссийского профсоюза служащих и рабочих нефтяной промышленности, под руководством которого работали профсоюзные комитеты нефтепромышленных предприятий (складов, лавок, пристаней, контор) Уфимской,

Вятской, Пермской и Оренбургской губерний, Тургайской и Акмолинской областей. В Стерлитамаке в это время началась деятельность профсоюза мукомолов²¹.

Профсоюзное строительство продолжалось в Оренбурге. К осени 1917 г. здесь было образовано 38 профсоюзов, самым многочисленным из которых был профсоюз железнодорожников, объединявший 14 тысяч человек²².

Создание профсоюзов и фабрично-заводских комитетов, рост организованности и сплоченности рабочего класса повысили его активность в защите своих прав и интересов. В сентябре 1917 г. начались забастовки типографских рабочих Уфы и Челябинска, предъявивших предпринимателям требования о введении новых тарифов и заключении коллективных договоров. Рабочие железнодорожных мастерских, станций и депо Самаро-Златоустовской железной дороги приняли участие во всероссийской стачке железнодорожников, проходившей 23–26 сентября 1917 г. В Уфе в начале октября забастовали рабочие завода Гутмана, керосиновых баков, лесопильных заводов, фанерной фабрики и других предприятий²³.

Продолжавшаяся война, развал экономики, ухудшающиеся условия жизни и труда делали значительную часть трудящихся восприимчивой к радикальной, социалистической агитации. 25 октября 1917 г. в Петрограде было свергнуто Временное правительство. Взятие власти Советами поддержали многие профсоюзы Южного Урала. Областные съезды профсоюзов рабочих-металлистов, горнорабочих, окружная конференция профсоюзов Златоустовского округа, городские конференции Уфы, Челябинска направили резолюции в адрес советского правительства, высказались за поддержку новой революционной власти²⁴.

Однако некоторые профсоюзы занимали выжидательную позицию и не спешили публично выражать свое отношение к Октябрьской революции. Руководители ряда всероссийских профсоюзных объединений (союза железнодорожников, почтово-телеграфного, учительского и других союзов) не только осудили неоправданные «социалистические эксперименты», но и предприняли решительные шаги с целью противодействия левому экстремизму. В конце октября 1917 г. в стране развернулась мощная забастовка государственных и банковских служащих, парализовавшая работу органов власти и управления²⁵.

В Челябинске забастовка работников частных и государственных учреждений началась с прекращения работы служащими почтово-телеграфной конторы. Забастовку, которую возглавил старший механик Челябинского телеграфа, председатель профсоюза связистов города А. И. Смирнов, поддержали банковские служащие, железнодорожники, типографские рабочие. Собрания служащих уездного земства, отделения Государственного банка, педагогических работников города приняли постановления, в которых захват власти большевиками оценивался как «политическая авантюра». Военно-революционный комитет Челябинска, образованный 20 ноября 1917 г., взял под контроль работу бастовавших учреждений, назначил в них своих комиссаров. Забастовка была прекращена 15 декабря 1917 г.²⁶

В Уфимской губернии забастовку возглавлял союз профессиональных союзов, созданный в ноябре 1917 г. Он объединял профсоюзы служащих губернского и уездного земств, почтово-телеграфных учреждений, работников духовной консистории. Под его руководством прекратили работу сотрудники Уфимского отделения Госбанка, губернского земства, статистического комитета, часть учителей и врачей Уфы. В Бирске забастовали служащие уездного земства, учителя реального училища, женской гимназии. Опираясь на поддержку многих профсоюзов, Уфимский губернский революционный комитет предпринял решительные меры по пресечению «саботажа» служащих. Организаторы забастовки были уволены с работы, некоторые из них преданы суду²⁷.

В Оренбургской губернии попытки большевиков захватить власть были пресечены действиями войскового правительства во главе с атаманом А. И. Дутовым. Однако эти действия первоначально не были поддержаны широкими слоями казаков²⁸.

22 декабря 1917 г. в Оренбурге состоялось собрание представителей правлений профсоюзов, на котором был создан Оренбургский центральный совет профсоюзов во главе с Я. И. Пьяновым²⁹.

Направления дальнейшего развития профсоюзного движения определил 1-й Всероссийский съезд профсоюзов, который состоялся 7–14 января 1918 г. в Петрограде.

«Центр тяжести работы профсоюзов в настоящий момент,— указывалось в резолюции съезда,— должен быть перенесен в область организационно-хозяйственную. Профсоюзы как классовые организации пролетариата, построенные по производственному принципу, должны взять на себя главную работу по организации производства и воссозданию подорванных производительных сил страны»³⁰.

Таким образом, 1917 г. занял особое место в истории профсоюзов Южного Урала. После свержения самодержавия здесь начался процесс воссоздания профсоюзного движения. Во многом он был стихийным, не имел строго определенной концепции развития. Рабочие и служащие повсеместно создавали профессиональные союзы, главным направлением деятельности которых стала борьба за улучшение экономического положения трудящихся. В послеоктябрьский период в развитии профсоюзного движения произошел радикальный поворот: был взят курс на огосударствление этих организаций, активное участие в государственном и хозяйственном строительстве.

Примечания

¹ Хрестоматия по отечественной истории (1914–1945 гг.) : учеб. пособие для студентов вузов / под ред. А. Ф. Киселева, Э. М. Шагина. М., 1996. С. 55.

² История профсоюзов Оренбуржья: к 100-летию создания / под ред. В. К. Антонова, Г. И. Филиппова. Оренбург, 2005. С. 10.

³ История профсоюзов Урала: 1905–1984. М., 1984. С. 28.

⁴ *Абрамовский А. П., Кобзов В. С.* Профсоюзы: создание // Челябинск : энцикл. / сост. В. С. Боже, В. А. Черноземцев. Челябинск, 2001. С. 695–696.

⁵ Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Башкирии (февраль 1917 г. — июнь 1918 г.) : сб. док. и материалов. Уфа, 1957. С. 26.

⁶ *Александров Ф. А.* Борьба за власть Советов в Башкирии в 1917 г. Уфа, 1951. С. 47.

⁷ *Васильев С. М., Чемерис В. П.* На путях к Октябрю: Краткий очерк рабочего движения в Башкирии в 1914–1917 гг. Уфа, 1960. С. 60.

⁸ *Егорова А. Г.* Профсоюзы и фабзавкомы в борьбе за победу Октября (март — октябрь 1917 г.). М., 1960. С. 62.

⁹ Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Башкирии... С. 63.

¹⁰ Февральская революция и проблемы истории Башкортостана. Уфа, 1997. С. 44–45.

¹¹ Рабочий класс Урала в годы войны и революции в документах и материалах : в 3 т. Т. 2 / под ред. А. П. Тянёва. Свердловск, 1927. С. 222.

¹² *Егоров А. В.* Профком Белорецкого металлургического комбината // Белорецкая энциклопедия. Белорецк, 2007. С. 173.

¹³ История Уфы : крат. очерк. Уфа, 1976. С. 209.

¹⁴ *Абрамовский А. П., Кобзов В. С.* Указ. соч. С. 696.

¹⁵ История профсоюзов Урала: 1905–1984. М., 1984. С. 33–34.

¹⁶ История профсоюзов России: этапы, события, люди. М., 1999. С. 71–72.

¹⁷ Вперед! 1917. 27, 29 июля.

¹⁸ Изв. Уфим. Совета рабочих и солдат. депутатов. 1917. 6 авг.

¹⁹ *Чемерис В. П.* Профессиональный союз рабочих-деревянных деловиков г. Уфы в 1917 г. // Славный юбилей: к 50-летию советских профсоюзов. М., 1957. С. 133–134.

²⁰ *Александров Ф. А.* Указ. соч. С. 121.

²¹ НАРБ. Ф. 8876. Оп. 1. Д. 1. Л. 29; Ф. 8973. Оп. 1. Д. 3. Л. 28.

²² История профсоюзов Оренбуржья... С. 10–11.

²³ *Аминов З. А.* Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии 1917–1919 гг. Уфа, 1966. С. 122.

²⁴ История профсоюзов Урала: 1905–1984. М., 1984. С. 49.

²⁵ *Носач В. И.* Профсоюзы России: драматические уроки. 1917–1921 гг. СПб., 2001. С. 50.

²⁶ *Абрамовский А. П.* Борьба Челябинского военно-революционного комитета против саботажа банковских служащих // Установление и упрочение Советской власти на Урале. Челябинск, 1983. С. 102.

²⁷ Профессиональное движение // Уфимский Октябрьский сборник № 2 / изд. Уфим. губерн. к-та РКП(б). Уфа, 1920. С. 50.

²⁸ *Плотников И. Ф., Дмитриев Н. И.* Гражданская война в России // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург, 2000. С. 166.

²⁹ История профсоюзов Оренбуржья... С. 11.

³⁰ Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов. 7–14 января 1918 г. : стеногр. отчет. М., 1918. С. 398.

Часть III

Повседневная жизнь региона в эпоху революций и Гражданской войны

В. Г. Демаков

ПРАЗДНОВАНИЕ 1 ИЮНЯ 1919 ГОДА ГОДОВЩИНЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ЧЕЛЯБИНСКА ОТ ВЛАСТИ БОЛЬШЕВИКОВ

Среди тысяч фотографий и негативов, хранящихся в фондах Государственного исторического музея Южного Урала, есть немало уникальных. Некоторые из них способны вызвать недоумение даже у самого маститого исследователя. На одном из таких снимков запечатлен, как следует из подписи, торжественный молебен 1 июня 1918 г. в Челябинске¹. Сразу возникает вопрос: что за событие отмечали горожане в те дни? Пролить свет на историю появления этой фотографии смогли материалы, обнаруженные в челябинских газетах того времени.

Вернее, правильно было бы сказать, что газеты откликнулись не на событие этого дня, запечатленное на снимке, а уже на его годовщину, широко праздновавшуюся летом 1919 г. Ранее автору не приходилось сталкиваться с материалами подобного рода, поэтому было принято решение опубликовать их согласно первоисточникам, без каких-либо сокращений.

Из ежедневной челябинской газеты «Вестник Приуралья» следует, что 29 мая 1919 г. начальником гарнизона и уполномоченным по охране государственного порядка и общественного спокойствия по городу Челябинску и уезду, полковником Семеновом Ивановичем Лазаревым, был издан приказ № 137 следующего содержания:

В воскресенье, 1 июня, в день годовщины свержения советской власти в г. Челябинске, у собора, после обедни, будет отслужен торжественный молебен, после которого на Братском кладбище — панихида на могилах героев-борцов, павших в славном бою при освобождении г. Челябинска от большевиков.

Для присутствия на молебне и панихиде назначается от вверенного мне гарнизона парад.

На парад назначаются: от 6-й Уральской кадровой бригады — батальон 4-х ротного состава; от Артиллерийской кадровой бригады — взвод; от Оренбургского казачьего войска — батальон пехоты, эскадрон кавалерии и пулеметная команда; от французских войск — от Колониального батальона — одна рота.

6-й Уральской кадровой бригаде в ротах иметь по 60 рядов при оркестре музыки.

Артиллерии иметь холостые заряды для салюта на кладбище при пении: «Вечная память».

Осмотр холостых зарядов и установку сигнала для залпов произвести по распоряжению командира Артиллерийской кадровой бригады.

Войска выводятся на парад при оружии, в караульной форме. Артиллерийский взвод — при орудиях. Конным частям быть в конном строю.

Войскам 1 июня прибыть на место парада к 10 с ½ часам утра.

Места расположения войск, участвующих на параде, будут указаны комендантом города.

Парадом командовать начальнику 6-й Уральской кадровой бригады полковнику Соколову, которому назначить офицера для постановки линейных.

Всех линейных от всех частей войск, участвующих в параде, выслать к собору 31 мая, к 19 часам, в распоряжение коменданта города; к этому времени туда же прибыть офицеру, назначенному начальником 6-й Уральской кадровой бригады для расстановки линейных.

1 июня этих линейных выслать к 9-ти часам утра.

Парад будет принимать, после панихиды на Братском кладбище, — около этого кладбища — главный начальник Курганского военного округа, генерального штаба генерал-майор Георгиевский.

На параде присутствовать всем офицерам, свободным от служебных нарядов.

Порядок шествия войск на кладбище: крестный ход, духовенство, представители чеховоиск, правительственных учреждений, городских земских и общественных организаций; затем войска в следующем порядке: впереди оркестр музыки, за ним — пехота русских войск, пехота сербских войск, рота Французского колониального батальона, пулеметная команда сербских войск, артиллерия и кавалерия: сотня казаков и сербский эскадрон.

Процессия будет следовать от площади у собора, по Большой улице, к Братскому кладбищу.

На кладбище войска занимают места по указанию коменданта города.

При приближении крестных ходов из церквей к собору оркестру музыки встречать их, играя «Коль славен»².

В этот же день, 29 мая, в Одигитриевском женском монастыре архиепископом Мефодием был отлужен молебен по случаю годовщины освобождения города от власти большевиков. «Вестник Приуралья» писал:

Находящимся в Челябинске архиепископом Оренбургским и Тургайским Мефодием 29 сего мая в женском монастыре, после литургии, совершено, при огромном стечении богомольцев, благодарственное молебствие по случаю годовщины освобождения г. Челябинска от большевистской власти. Пред началом молебствия Высокопреосвященный архиепископ Мефодий обратился к собравшимся с простым, прочувственным словом, в котором, описав разницу в состоянии жизни теперь и год тому назад, когда были у власти большевики, пригласил всех к дружной работе на помощь нашей доблестной армии, борющейся за освобождение России, стонущей под игом большевистских властителей-инородцев³.

Спустя несколько дней речь архиепископа была опубликована в газетах⁴.

31 мая на страницах газеты «Утро Сибири» появилось объявление:

1-го июня 1919 г. нового стиля, в годовщину свержения советской власти в г. Челябинске, в саду Городского общественного собрания имеет быть народное гуляние. Играют три оркестра. Кабаре

Челябинск. Торжественный молебен на Соборной площади. 1 июня 1918 г.

с участием артистов и местных лучших сил. Будет буфет. В театре состоится очередной спектакль, часть сбора с которого поступит на увековечение памяти павших в борьбе за освобождение Родины⁵.

1 июня 1919 г. газеты «Утро Сибири» и «Вестник Приуралья» напечатали объявление городского головы Прокопия Владимировича Иванова:

1-го июня сего года, в воскресенье, в день годовщины свержения в городе Челябинске советской власти, во всех церквях города Челябинска будут совершены торжественные богослужения и молебны, после чего из всех церквей будут крестные ходы к собору, в коем торжественное богослужение совершит Высокопреосвященнейший Мефодий, засим перед собором, на площади, будет отслужен молебен; после молебна церковная процессия с крестным ходом и с парадом войск проследует на Братское кладбище для совершения торжественной панихиды по героям, павшим на поле брани за возрождение нашей дорогой Родины.

Объявляя о вышеизложенном во всеобщее сведение, обращаюсь к гражданам города с просьбой в день 1 июня украсить свои дома национальными флагами и зеленью. Желательно перекинуть через улицы гирлянды зелени⁶.

По завершении торжеств в прессе также появились статьи уже с описанием событий, происходивших в городе 1 июня.

3 июня 1919 г. в газете «Вестник Приуралья» была опубликована статья А. Васильевой «Празднование годовщины освобождения г. Челябинска от большевиков». В ней она пишет:

В воскресенье, 1 июня, город Челябинск праздновал годовщину своего освобождения от власти большевиков. В 12 часов дня, после литургии, совершенной в соборе высокопреосвященным Мефодием, архиепископом Оренбургским и Тургайским, было совершено архиепископом, всеми челябинскими священниками и временно проживающим в г. Челябинске духовенством, на соборной площади благодарственное молебствие с провозглашением многолетия «Российскому правительству, Верховному правителю, болярину Александру Васильевичу, правительствам союзных держав и воинствам: российскому, чехословацкому и сербскому».

Затем, крестный ход, под звуки военного оркестра, исполнявшего «Коль славен», проследовал на Братское кладбище, где архиепископом была совершена великая панихида по вождям и воинам за свободу Сибири и освобождение России, с окаждением могил всех защитников Родины. По пропении «Вечной памяти» был артиллерийский салют. Торжество закончилось парадом сибирских и иностранных войск. День был погожий, и публики было множество. Порядок шествий и парадов — образцовый. Дома были украшены флагами, а некоторые и зеленью⁷.

На следующий день на страницах газет появилось стихотворение Георгия Ано под названием «В годовщину освобождения Челябинска от большевиков»⁸. Приведем в заключение его текст:

О, бедный русский мой народ,
Обманутый «прекрасными» мечтами.
Тяжелых бремя нес невзгод,
Бичуемый своими ж палачами.

Ты, изнывая, проклинал
Своей судьбы злой рок.
Молить об избавленьи стал,
И Бог тебе помог.

День тот запомни из всех дней!
Когда ты вольным стал... свободным.
Освобожденным от цепей,
Своим же братом, чехом благородным.

Вот так иногда благодаря только лишь газетным публикациям можно проследить события, о которых по разным причинам не сохранилось сведений в документах. Мы сознательно не стали углубляться в канву исторических событий, предшествующих описываемым фактам, поскольку они многократно становились предметом исследований других авторов.

Примечания

¹ Фотонегатив «Торжественный молебен 1 июня 1918 г. в Челябинске» // Государственный исторический музей Южного Урала. ФН-3370.

² Приказ начальника гарнизона гор. Челябинска и уполномоченного по охране государственного порядка и общественного спокойствия по г. Челябинску и его уезду // Вестн. Приуралья. 1919. 1 июня. С. 1 ; То же // Утро Сибири. 1919. 1 июня. С. 2.

³ В память освобождения Челябинска от большевистской власти // Вестн. Приуралья. 1919. 1 июня. С. 4.

⁴ Слово в День празднования годовщины освобождения Сибири от большевистской власти // Вестн. Приуралья. 1919. 6 июня. С. 1–2.

⁵ Объявление // Утро Сибири. 1919. 31 мая. С. 1.

⁶ Объявление // Вестн. Приуралья. 1919. 1 июня. С. 4 ; От челябинского городского головы // Утро Сибири. 1919. 1 июня. С. 2.

⁷ Васильева А. Празднование годовщины освобождения г. Челябинска от большевиков // Вестн. Приуралья. 1919. 3 июня. С. 4.

⁸ Ано Г. В годовщину освобождения Челябинска от большевиков // Вестн. Приуралья. 1919. 4 июня. С. 2.

В. Г. Демаков

ХРОНИКА ПОСЕЩЕНИЯ УРАЛА АДМИРАЛОМ А. В. КОЛЧАКОМ В ФЕВРАЛЕ 1919 ГОДА (по материалам местной периодической печати)

Одним из наиболее известных и значительных деятелей военно-политической истории России начала XX в. по праву является Александр Васильевич Колчак (1874–1920). Однако, несмотря на достаточно большое количество публикаций об этом человеке, многие аспекты его деятельности до сих пор остаются в тени. Одной из таких нераскрытых страниц биографии адмирала является поездка в феврале 1919 г. по Уралу, ставшая во многом судьбоносной не только для Белого движения, но и для Гражданской войны в целом.

На основании многочисленных заметок, публиковавшихся на протяжении всего февраля 1919 г. в местной периодической печати, становится возможным проследить подробный маршрут этого визита в города Урала и прифронтовые районы. Его общий план выглядит следующим образом: выезд из Омска (8 февраля) — Курган (9 февраля) — Челябинск (10–11 февраля) — Златоуст (12 февраля) — прифронтовые районы (13–14 февраля) — Троицк, Челябинск (15 февраля) — Екатеринбург (16–18 февраля) — Нижний Тагил (18 февраля) — Пермь (19 февраля) — прифронтовые районы, Пермь (20 февраля) — Мотовилиха, Пермь (21 февраля) — Екатеринбург (23–24 февраля) — Тюмень (25 февраля) — возвращение в Омск (26 февраля). Ниже более детально остановимся на каждом из пунктов.

8 февраля 1919 г. Верховный правитель и Верховный главнокомандующий всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России адмирал Александр Васильевич Колчак отбыл на фронт¹. Цель поездки — осмотр воинских частей и разрешение вопроса о снабжении и финансировании армии.

С Верховным правителем выехали представители различных ведомств: военного, финансового, снабжения и продовольствия, иностранных дел и путей сообщения. Александра Васильевича сопровождали: директор канцелярии Верховного правителя генерал-майор А. А. Мартьянов, начальник походного штаба Верховного правителя полковник Д. М. Супрунович, товарищ министра продовольствия Н. А. Мельников, чиновник особых поручений при Верховном правителе Н. А. Самойлов, главный полевой казначей Кислицын, представитель Министерства иностранных дел И. Г. Лорис-

*Адмирал А. В. Колчак в рабочем кабинете.
1919 г.*

Меликов, представитель военного ведомства капитан Белов, представитель Морского министерства Робуш, журналист С. А. Ауслендер и др.²

Первым пунктом остановки Александра Колчака стал город Курган. В воскресенье 9 февраля в пять часов вечера поезд Верховного правителя подошел к станции³. На вокзале в зале первого класса собрался весь начальствующий цвет курганского общества — управляющий Курганским уездом М. В. Алексеев, городской голова Г. П. Шубский, председатель Курганской уездной земской управы П. И. Задорнов, а также представители различных организаций и ведомств. На перроне были выстроены военный почетный караул с музыкой и кавалерийская часть чешских войск, возглавляемая комендантом города поручиком Богуславом Губом. Около вокзала и станции царило оживление. Через несколько минут после прибытия поезда адмирал Колчак вышел из вагона и прошел по перрону, приветствуя встречающих. Затем принял рапорт от военных властей. После этого адмирал выступил перед общественностью с речью, в которой затронул вопросы дальнейшей борьбы с большевизмом, транспортный вопрос, проблемы промышленности и торговли. В заключение своей речи Колчак выразил надежду, что представители самоуправления Сибири и общественных организаций выполнят возложенные на них обязанности по спасению страны и восстановлению ее экономической мощи. Вечером поезд адмирала выехал в Челябинск.

На следующий день, 10 февраля, около восьми часов утра поезд прибыл на вокзал Челябинска. Колчака встречали: командующий войсками Западной армии генерал-лейтенант М. В. Ханжин со штабом, начальник челябинского гарнизона генерал-майор Н. И. Милевский, представители отдельных частей и гражданской власти. На перроне выстроились шеренги воинских частей, в числе которых были горные стрелки, английские и чешские отряды⁴. Верховный правитель принял рапорт начальника гарнизона, совершил обход построенных войск, здороваясь с частями под звуки марша. Затем начались приветствия. Первым к адмиралу обратился председатель городской думы Федор Тимофеевич Розенгауз. Член городской управы Николай Алексеевич Маркелов поднес Александру Васильевичу от города хлеб-соль. Гласный городской думы и заместитель председателя торгово-промышленной палаты И. Д. Авдеев говорил на тему возрождения Родины и о роли в этом адмирала Колчака⁵. От торгово-промышленного класса сказал речь Марков, поднесший Верховному правителю просфору. После парадной встречи адмирал проследовал в вагон. Вечером Колчак отбыл со своими адъютантами в город. Улицы Челябинска в этот день были украшены национальными флагами⁶.

В половине пятого вечера в здании реального училища Челябинской торгово-промышленной палатой в честь приезда адмирала был дан парадный обед⁷.

Первая полоса номера газеты «Курганская свободная мысль», посвященного приезду А. В. Колчака в Курган. 11 февраля 1919 г.

*Денежный знак правительства
А. В. Колчака номиналом 300 рублей. 1918 г.
Лицевая и оборотная стороны*

Сохранилось прошение члена городской управы Н. А. Маркелова к коменданту Челябинска о разрешении «выдать из винного склада 100 бутылок водки и $\frac{1}{2}$ ведра чистого спирта для раута по случаю приезда Верховного правителя»⁸. На обеде присутствовали высшие представители командования русской армией, а также чехословацких, сербских и французских войск, генералитет, начальники отдельных частей, представители администрации, суда, торгово-промышленного класса, печати и школы. В адрес Верховного правителя был произнесен ряд приветственных речей. Роскошно сервированный обед затянулся до позднего вечера; разъезд гостей начался лишь в десятом часу.

На следующий день, 11 февраля, в половине десятого утра в здании Челябинской городской управы состоялось экстренное заседание городской думы⁹. Здесь Александр Колчак выступил с программной речью. Подробно в ней он затронул земельный вопрос, остановился на проблеме недостатка валюты и мелких разменных денег. Указав, что с выпуском денежных знаков дело постепенно налаживается, а восстановле-

ние нормального денежного обращения связано с установлением правильного товарообмена и оздоровлением экономической жизни страны, в дальнейшей своей речи адмирал затронул вопрос, касающийся проблем транспорта, после чего перешел к вопросам земского и городского хозяйства¹⁰. По окончании выступления все присутствующие встали, раздались бурные аплодисменты. Заседание было закрыто около 12 часов дня¹¹.

В три часа дня в штабе Западной армии, расположившемся в здании бывшей гостиницы «Номера М. И. Дядина», в честь Верховного правителя был дан торжественный обед, на котором присутствовали: атаман А. И. Дутов, генерал-лейтенант Р. Гайда, представители союзных войск и другие приглашенные гости¹². На пять часов вечера было назначено военное совещание, которое проходило здесь же. В нем приняли участие: Верховный правитель А. В. Колчак, командующий Сибирской отдельной армией генерал-лейтенант Радола Гайда, начальник его штаба генерал-майор Б. П. Богословский, командующий Западной армией генерал-лейтенант М. В. Ханжин, начальник его штаба генерал-майор С. А. Щепихин, командующий Оренбургской отдельной армией генерал-лейтенант А. И. Дутов, в качестве секретаря присутствовал полковник Д. М. Супрунович¹³.

Основным вопросом этого совещания в Челябинске был стратегический план предстоящих операций, в том числе предполагавшегося весной 1919 г. наступления. По его итогам было принято решение о нанесении главного удара Западной армией в направлении Самара — Саратов и ее дальнейшем соединении с войсками генерала А. И. Деникина; другим армиям предстояло прикрывать ее правый и левый фланги. Войска Гайды при этом должны были выступить несколько раньше, чтобы отвлечь на себя часть сил Красной армии. В связи с ненадежностью прикрытия левого фланга казачьими частями Гайда предложил в случае критической обстановки на центральном участке фронта нанести удар в районе Бугульма — Симбирск. Затем рассматривался вопрос о нуждах армии, после чего совещание завершилось. В час ночи Верховный правитель выехал в следующий пункт своего маршрута — Златоуст.

12 февраля в девять часов утра поезд Александра Васильевича прибыл на станцию Златоуст. Здесь Верховный правитель принял парад войск, награждал Георгиевскими крестами 85 солдат, поздравил с производством в генералы двух начальников дивизии и одного командира полка и в офицеры — трех юнкеров¹⁴. После этого Колчак посетил цеха и мастерские Златоустовского завода¹⁵.

13 и 14 февраля Александр Васильевич посвятил поездкам по прифронтовым районам, проехав до самых передовых позиций. Посетил перевязочную, напутственными словами воодушевлял раненых бойцов. Наградил их Георгиевскими крестами и пожелал скорейшего выздоровления. Неожиданный приезд главнокомандующего в район боевых действий способствовал удачам — были заняты три деревни, захвачено два орудия и множество пулеметов¹⁶.

15 февраля в 10 часов утра поезд остановился у перрона станции Троицк. Верховный правитель прибыл на заседание Войскового круга Оренбургского казачьего войска¹⁷. Встречал его атаман ОКВ А. И. Дутов. На круге адмиралу было заявлено, что оренбургское казачество, отдавая жизни своих сынов во благо Родины, стремится к «созданию вновь великой единой России и укреплению твердой государственной власти». В ответной речи адмирал заявил, что казачество издавна было одной из самых надежных опор российской государственности. Этот Войсковой круг стал последним в истории оренбургских казаков. В четыре часа дня правительственный поезд выехал из Троицка и вечером вновь прибыл в Челябинск, где Верховный правитель принял парад командующего армией и башкирскую делегацию¹⁸.

Около часу дня в воскресенье, 16 февраля, поезд Колчака подошел к станции Екатеринбург¹⁹. На вокзал для встречи прибыли: командующий Сибирской армией генерал-лейтенант Р. Гайда, главный начальник Уральского края С. С. Постников, городской голова Н. А. Лебединский, председатель уездной земской управы П. Е. Патрушев и другие представители общественности. На вокзале был выстроен почетный караул уланского полка и чешского ударного батальона, городской голова произнес приветственную речь и поднес адмиралу хлеб-соль на серебряном блюде. После торжественной встречи Колчак направился в город, где посетил торжественное богослужение в кафедральном соборе, а потом отбыл в штаб Сибирской

Первая полоса номера газеты «Утро Сибири», посвященного приезду А. В. Колчака в Челябинск, 11 февраля 1919 г.

Краткосрочные обязательства Государственного казначейства номиналом 50 и 100 рублей. 1919 г. Лицевые стороны

Банкет в честь приезда адмирала А. В. Колчака. Екатеринбург, 16 февраля 1919 г.

армии²⁰. Днем в честь высокого гостя городское самоуправление устроило в здании Уральского горного училища пышный банкет²¹.

17 февраля Александр Васильевич посетил ряд городских учреждений Екатеринбурга, заслушал доклад командующего Сибирской армией, побывал в лазаретах²². Вечером того же дня в городском театре был дан спектакль.

18 февраля на пути в Пермь поезд Верховного правителя прибыл в Нижний Тагил, где Александр Васильевич встретился с рабочими завода. В беседе с адмиралом они с удивлением обнаружили, что он основательно знает заводскую жизнь, условия производства, технику.

В среду 19 февраля в восемь часов утра правительственный поезд прибыл на вокзал железнодорожной станции Пермь²³. Для встречи гостя даже был разработан особый церемониал, опубликованный в городской газете «Освобождение России»²⁴. Вдоль перрона были выстроены шеренги войск почетного караула от 1-й Сибирской штурмовой бригады. Среди встречающих были представители военных и гражданских властей города, духовенства, учебных заведений, земских и городских общественных самоуправлений, кооперативов. Приняв должностных лиц, хлеб-соль и почетный караул, в 10 часов утра Александр Васильевич проследовал в Спасо-Преображенский собор, где епископ Пермский и Кунгурский Борис преподнес ему икону Николая Чудотворца²⁵. Из собора Колчак в сопровождении генерал-лейтенанта А. Н. Пепеляева проследовал на Сенную площадь для принятия парада расквартированных в городе войсковых частей²⁶. Позже в газетах была опубликована благодарность Верховного правителя в адрес неизвестной женщины, передавшей ему на параде две золотые пятирублевые монеты²⁷. В 12 часов дня в здании Благородного собрания был устроен прием начальников воинских частей, представителей местных правительственных и общественных учреждений²⁸. Затем в губернской земской управе состоялось торжественное заседание деятелей пермского губернского и уездных земств²⁹. Вечером Александр Васильевич посетил Мариинскую женскую гимназию и 1-ю мужскую гимназию, где выступил с речами³⁰. В десятом часу вечера того же дня в зале Благородного собрания был устроен банкет³¹.

В пять часов утра 20 февраля поезд адмирала отбыл из Перми до станции Шабуничи³². Здесь Колчак принял парад частей 2-й Сибирской стрелковой дивизии

и лично вручил награды солдатам. Через некоторое время поезд продвинулся до станции Чайковской, близ которой стояла тяжелая гаубичная батарея. Затем Колчак и сопровождавшие его Р. Гайда и А. Н. Пепеляев поехали на передовую 5-го Томского стрелкового полка. Осмотрев позиции, Верховный главнокомандующий выразил желание лично наблюдать стрельбу артиллерии. В седьмом часу вечера Колчак возвратился в Пермь, где посетил госпиталь Красного Креста для больных и раненых воинов³³. После встречи адмирал проследовал в палату для тяжелораненых воинов, где ободрял героев словами благодарности за их верную службу Родине, награждал девятерых Георгиевскими крестами.

21 февраля Верховный правитель проследовал в Мотовилихинский завод, где представители местного уездного земства, инженеры и служащие завода встретили его хлебом-солью, вручили приветственные адреса³⁴. Колчак обошел цеха завода, который возобновил работу 11 февраля³⁵, подробно ознакомился с производством артиллерийских орудий, после чего состоялось совещание с участием рабочих предприятия. Вечером того же дня А. В. Колчак посетил Александровскую больницу губернского земства, где был встречен всем медицинским персоналом во главе со старшим врачом М. А. Пономаревым, двоюродным братом В. И. Ленина³⁶. Адмирал посетил все палаты хирургического отделения, награждал нескольких тяжелораненых воинов Георгиевскими крестами и медалями. Из хирургического отделения Колчак проследовал в главный корпус больницы, где также обошел палаты с больными и посетил больничную церковь.

К четырем часам дня Колчак из Александровской больницы проследовал в Мариинскую гимназию, уже посещенную им ранее, где вновь был горячо встречен руководством и воспитанниками³⁷. Вторичный визит Верховного правителя в это учебное заведение был вызван просьбой гимназисток, не имевших возможности увидеть его 19 февраля. В сопровождении врача Ковалевского адмирал осмотрел лазарет Н. И. Пепеляевой, открывающийся в здании гимназии. Спустя час после отъезда Колчака его адъютант привез гимназисткам прекрасно исполненный портрет адмирала с собственноручной подписью и датой³⁸.

23 февраля в девять часов утра поезд А. В. Колчака прибыл в Екатеринбург. Здесь адмирал принял генерал-лейтенанта Р. Гайду и командующего Западной армией генерал-лейтенанта М. В. Ханжина. Затем Колчак проследовал на Соборную площадь и участвовал в освящении знамени 25-го Екатеринбургского полка горных стрелков. Колонопреклоненный командир полка принял из рук Верховного главнокомандующего боевое знамя, украшенное Георгиевскими знаками³⁹. После этого состоялось соединенное заседание городских и земских гласных при участии представителей различных общественных организаций⁴⁰.

24 февраля Александр Васильевич выехал из Екатеринбурга, на следующий день прибыл в Тюмень, а 26-го числа — в Омск.

Первая полоса номера газеты «Освобождение России», посвященного приезду А. В. Колчака в Пермь. 20 февраля 1919 г.

Адмирал А. В. Колчак. 1919 г.

Подводя итог, отметим, что в процессе своей деятельности адмирал А. В. Колчак большое внимание уделял Уральскому региону, особенно в военном отношении. Он бывал во всех больших и многих малых уральских городах, встречался там с военным командованием, представителями местных властей, общественности, духовенства, рабочими, решал самые различные вопросы. Именно во время этой поездки на Урал в феврале 1919 г. Колчак, сначала в Челябинске, а затем и в Екатеринбурге выступил с развернутой программой своих действий. Челябинское совещание, где был принят стратегический план боевых действий на предстоящую весну, реализация которого первоначально привела к блестящим успехам, а позже — к тяжелейшему поражению, предопределило судьбу противостоящих сторон сначала на востоке, а затем и по всей стране.

Примечания

- ¹ Поездка Верховного правителя // Утро Сибири. 1919. 13 февр. С. 3.
- ² Свита Верховного правителя // Освобождение России. 1919. 20 февр. С. 2.
- ³ Проезд Верховного правителя // Курган. свобод. мысль. 1919. 11 февр. С. 1.
- ⁴ Приезд Верховного правителя // Утро Сибири. 1919. 11 февр. С. 3.
- ⁵ К приезду Верховного правителя в Челябинск // Там же. 14 февр. С. 3.
- ⁶ Приезд Верховного правителя в Курган. свобод. мысль. 1919. 14 февр. С. 2.
- ⁷ Парадный обед // Утро Сибири. 1919. 12 февр. С. 3.
- ⁸ ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 3. Д. 80. Л. 68.
- ⁹ Экстренное заседание // Утро Сибири. 1919. 11 февр. С. 3.
- ¹⁰ Речь Верховного правителя на торжественном соединенном заседании земства и города 11 февраля 1919 г. в здании Челябинского городского самоуправления // Там же. 14 февр. С. 2.
- ¹¹ Экстренное соединенное заседание общественных самоуправлений и организаций с участием Верховного правителя // Там же. 13 февр. С. 3.
- ¹² Отъезд Верховного правителя // Там же.
- ¹³ Ганин А. В. «Такой примитивный подход...» // Родина. 2008. № 11. С. 79.
- ¹⁴ Верховный правитель на фронте // Курган. свобод. мысль. 1919. 20 февр. С. 1.
- ¹⁵ Поездка Верховного правителя на фронт // Там же. 15 февр. С. 3 ; Верховный правитель в Златоусте // Утро Сибири. 1919. 19 февр. С. 3.
- ¹⁶ Верховный правитель на фронте... С. 2.
- ¹⁷ Поездка Верховного правителя // Утро Сибири. 1919. 22 февр. С. 3.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Приезд // Наш Урал. 1919. 18 февр. С. 3.
- ²⁰ Поездка Верховного правителя // Курган. свобод. мысль. 1919. 22 февр. С. 3.
- ²¹ Банкет в честь Верховного правителя // Наш Урал. 1919. 18 февр. С. 3.
- ²² Верховный правитель в Екатеринбурге // Там же.
- ²³ Приезд в Пермь Верховного правителя // Освобождение России. 1919. 20 февр. С. 1.
- ²⁴ Церемония пребывания Верховного правителя Всероссийского временного правительства и Верховного Главнокомандующего сухопутными и морскими силами адмирала Колчака в гор. Перми // Там же. 19 февр. С. 3.
- ²⁵ В кафедральном соборе // Там же. 1919. 20 февр. С. 1.
- ²⁶ Парад // Там же. С. 1–2.
- ²⁷ Благодарность Верховного правителя // Там же. 21 февр. С. 3.
- ²⁸ В зале Благородного собрания // Там же. 20 февр. С. 2.
- ²⁹ В губернской земской управе // Там же. 21 февр. С. 2.
- ³⁰ В Мариинской женской гимназии // Там же ; Посещение Верховным правителем Первой мужской гимназии // Там же.
- ³¹ Банкет // Там же.

³² Верховный правитель на фронте и в Мотовилихе // Освобождение России. 1919. 26 февр. С. 2.

³³ Верховный правитель в госпитале для раненых воинов // Там же. 22 февр. С. 2.

³⁴ Верховный правитель в Мотовилихе // Там же ; Верховный правитель на фронте и в Мотовилихе // Там же. 26 февр. С. 2.

³⁵ Возобновление работ на пушечном заводе // Утро Сибири. 1919. 15 февр. С. 3.

³⁶ Посещение Александровской больницы // Освобождение России. 1919. 23 февр. С. 1.

³⁷ Вторичное посещение Мариинской гимназии // Там же.

³⁸ Подробности вторичного посещения Мариинской гимназии // Там же. 1919. 26 февр. С. 2.

³⁹ Верховный правитель в Екатеринбурге // Курган. свобод. мысль. 1919. 27 февр. С. 3.

⁴⁰ Поездка Верховного правителя // Там же. 28 февр. С. 2.

РЕВОЛЮЦИЯ В СУДЬБЕ МЯСОТОРГОВЦА ГЕРАСИМА ФОМИЧЕВА И СКОТОВОДА ВАСИЛИЯ ГЕРУСА

До революции большое заводское селение, каким являлся Нижний Тагил с населением 50 тысяч человек, а тем более уездный город Челябинск (около 70 тысяч), обойтись мясом собственного скота никак не могло. Потребное количество мяса обеспечивал выращенный в степных районах скот. Закупали его большими партиями до двух тысяч голов в Поволжье, Оренбургской, Акмолинской губерниях, доставляя по железной дороге или перегоняя по трактам.

По прибытии на место крупный рогатый скот определялся на вольный выпас. При этом он не только восстанавливался от утомительной дороги, но и нагуливал по сотне килограммов. Скотопромышленники были заинтересованы в подножном откорме, так как упитанное животное обеспечивало до 55 % выхода мяса с туши. Кстати, одной из причин провала продовольственной политики царского правительства явился переход весной 1915 г. от закупок непосредственно мяса к поставкам живого скота. Если раньше население охотно покупало отходы мяса по приемлемым ценам, что стимулировало всю цепочку мясоторговли, то теперь посредникам и поставщикам стало невыгодно откармливать скот. Выход мясного белка и жира уменьшился на треть¹.

Закупать скот за тысячу верст посылали самых ловких и изворотливых приказчиков. Во время Гражданской войны опытные гонщики умели доставлять гурты из степных областей «гоном по глуши». Они намеренно огибали крупные города, такие как Челябинск и Екатеринбург, так как правила обязывали проходить там ветеринарное освидетельствование и платить сборы в казну.

Баранину гуртовщики закупали оптом в казахских и калмыцких степях. Летом везли живыми головами, а зимой привозили по железной дороге обработанные туши — так называемые стяги. Особенно славилась сочным и наваристым мясом калмыцкая курдючная порода, которая давала пуд мяса с одной туши.

В ходе забоя скота оставались шкуры — ценное сырье для кожевенной отрасли. Особенным спросом пользовались и прочные лосиные и оленьи кожи, которые за дешево закупались на севере Пермской губернии, а до железной дороги доставлялись по санному пути.

Мясные распродажи и заготовки начинались в декабре и продолжались до Рождества. Свежее мясо коптили, солили, вялили или сдавали в колбасные лавки. Приобретенное мясо хозяева хранили до лета в оборудованных ледниках и погребах четвертями туш.

В Нижнем Тагиле с середины XIX в. по велению Авроры Карловны Шернваль-Демидовой-Карамзиной (1808–1902) заводууправление выделяло средства на ежедневное горячее питание шахтеров-подземщиков. Ежегодно контора на торгах заключала договор на закуп мяса. Постоянными поставщиками в начале XX в. неизменно были братья Фомичевы, которые соглашались брать 6 копеек за фунт мяса (410 граммов)².

Постепенно в Нижнем Тагиле сложились семейные кланы крупных гуртовщиков и мясоторговцев. Это были братья Фомичевы, Куликовы, Шибневы, отец и сын Шепелевы и др. Одним из характерных представителей этой среды был Герасим Никоно-

вич Фомичев. Судьба выходца из социальных низов, его постоянная борьба за выживание и успех представляют определенный интерес в рамках поиска ответа на вечный вопрос: «Что мы потеряли и приобрели в результате русской революции?»

В Нижнетагильском городском историческом архиве в фонде «Лица, лишённые избирательных прав, 1930-е годы» хранится достаточно содержательная и подробная автобиография Герасима Фомичева, названная им «Описание моей жизни». Все последующие цитаты от первого лица в данной статье приводятся из указанного рукописного документа, а именно из дела № 1597. Дело на 35 листах стало интересным источником для понимания важных моментов российской истории первой половины XX в.³

Герасим Фомичев родился в 1879 г. в семье мастерового Нижне-Тагильского завода. Отец «работал сундуки для кустарей» и умер в 46 лет от болезни, оставив вдову и семерых детей без средств. Младшему из детей Герасиму не было тогда и четырех лет. Никто из семьи не учился в школе, так как дети с юных лет отправлялись торговать мелочным товаром для добывания пропитания. И самой вдове после смерти мужа пришлось сколотить ящик-лоток и встать у дома с бакалеей и всякой «тремелюдой»*. Череду жизненных невзгод привела к тому, что она зашла и умерла в 47 лет, Герасим остался полным сиротой в 11 лет. Пришлось определить его к старшему брату в работники — ухаживать за племянниками и помогать в торговле на рынке «со стола». Даже смышленому парню потребовалось несколько лет, чтобы освоить хитрости мясной торговли. Тогда сплошь и рядом использовались нечестные способы, иначе продавец не мог заработать лишнюю копейку, а приказчик — сколотить капитал.

Высшей школой профессионального умения и обвеса неопытного и состоятельного покупателя именовался букет «семь радостей». Это когда продавец, поедая глазами очередника, с усердием бросал товар на весы и, не дав им выровняться, быстро снимал взвешиваемое с чашки, поспешно упаковывал и выдавал покупателю с выражением покорной услужливости. Одновременно использовались завышенный вес упаковочной бумаги, гири меньшего веса, незаметное сбрасывание гирек, подмена сорта всего куса либо довеска мясом низшего сорта. Таких ловких приказчиков за глаза именовали — «о семи пальцах». Все это «искусство» обмана не исключало и честной работы за прилавком в угоду постоянному клиенту, особенно в условиях конкурентной борьбы за покупателя.

Старший брат Аверьян (1865 г. р.) выучил Герасима ремеслу и благословил в 26 лет на брак с дочерью лесообъездчика из Висимо-Шайтанска Александрой Павловной Никитиной. К тому времени молодой приказчик вполне состоялся как ответственный работник, а старший брат доверял Герасиму дальние поездки за отборным курдючным мясом. Младший Фомичев охотно и без боязни ездил в приволжские степи, так как чувствовал себя вполне самостоятельным в порученных ему важных делах семейного бизнеса. Поставщиков не обманывал, рассчитывался сразу или в оговоренный срок. Со временем сдружился и поддерживал партнерские связи со многими табунщиками. При этом не забывал брать с собой подарки — затейливый

Герасим Фомичев. Нижний Тагил.
1910-е годы. Из архива автора

* Тремелюдина — дрянь, хлам, мелочь.

Мясной магазин (в центре — Г. Н. Фомичев). 1924 г.
Из коллекции Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводский Урал»

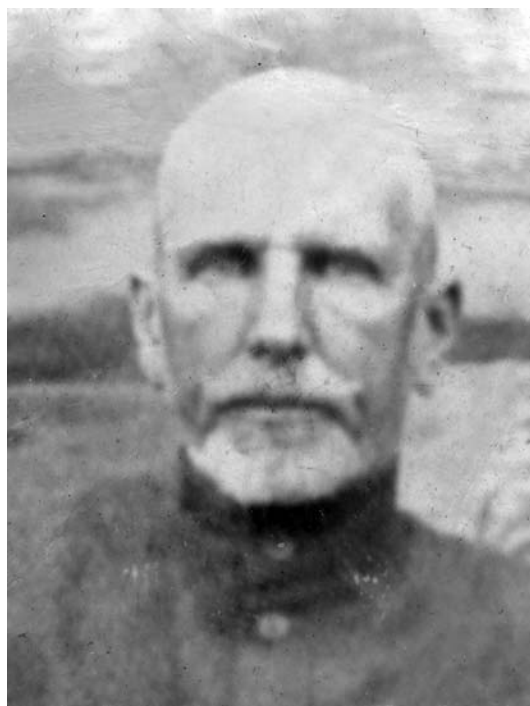
кованый сундук или расписанный чудными цветами лакированный поднос для хозяйки.

Особенно близко Герасим сошелся в Калмыкии с ровесником Василием, которого все звали по фамилии — Герус. Во время душевных разговоров грамотный и цивилизованный предприниматель делился своей непростой жизненной историей. Родился он в доме грека, который обосновался в Малороссии. Обрусевший торговец имел семью, но, как это случается в жизни, прижил ребенка от глухонемой служанки. К его чести, от сына не отказался, дал ему свою фамилию, воспитание и небольшой стартовый капитал после женитьбы. Видеть рядом «бастарда», а тем более оставлять ему в наследство часть торгового дела не позволила семья торговца. Поэтому юноша оказался на самостоятельных хлебах в просторных калмыцких степях.

Трудолюбивому и грамотному скотоводу улыбнулась фортуна в деловых начинаниях. Если у калмыков считалось счастьем сохранить половину летнего приплода, то у Геруса за сезон поголовье удваивалось. Он не считал лишним обращаться к услугам дипломированного ветеринара, привлекал к летнему выпасу всех членов своей семьи. И так несколько лет подряд тяжелый труд вознаграждался удачей. Появились деньги, и Герус отстроил каменный дом.

Свое нелегкое дело, давшее ему полную независимость от отца и его наследников, он не бросил, продолжая вкладывать в него все

Герасим Никонович Фомичев, 1930-е гг.
(НТГИА. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1597. Л. 10)

силы и знания. В доме родителей в Белой Церкви он больше не появился ни разу, а от всех признавших и не признавших его кровных родственников осталась только редкая в России фамилия⁴.

Герус полюбил уральского «купца» Герасима Фомичева. И не потому, что у того имелись при себе наличные деньги. Притягивали схожесть биографий и обделенное детство, живой ум и позитивный настрой. В обеих натурах просматривались внутренний стержень сильного характера и стремление крепко встать на ноги, овладев секретами профессии.

Закадычному другу и бизнес-партнеру Герус продавал баранов без пересчета. Как только стоворятся оба о цене и количестве голов, ударят по рукам, так приказывает скотовод батраку-калмыку уполовинить стадо «от сих до сих». Никогда не ошибался степняк в свою пользу, поэтому из года в год приезжали к нему постоянные покупатели с Урала. И опять пили плиточный чай, смотрели на звездное небо и вели душевные беседы о миропорядке.

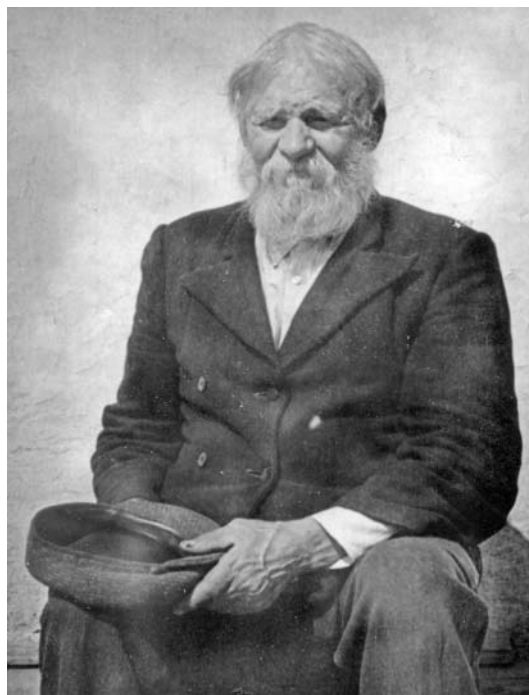
А после сделки, по старинному русскому обычаю, отмечали ее, чтобы задобрить христианских и местных степных богов. Для уважаемого гостя отлавливался молодой барашек. Под четверть самогона, чистого как слеза, барашек растворялся во рту за один присест. Захмелев, Герасим вспоминал голодное детство: как из нужды ходил с мешком мелочевых товаров по дворам, будя их обитателей громкими криками: «Шурум-бурум, шурум-бурум...»

После «стременной» рюмки и ухода гостей нетрезвый Герус громко звал жену, заставляя ее впрягаться в оглобли и возить его важную персону по двору, натурально показывая, кто в доме хозяин. Но как только крепкий напиток начинал действовать, ноги главы семьи подкашивались, а ролевые игры — кто в доме добытчик и распорядитель — заканчивались. Домочадцы укладывали «султана» в постель до нового будничного рабочего дня.

Еще до революции успешные братья Александр и Герасим Фомичевы отделились от старшего Аверьяна, зарегистрировали собственную фирму «Братья Фомичевы», в которой имели партнерские права и доли в общем капитале и соответственно прибыли.

Герасима Фомичева в числе других торговцев арестовали в начале 1918 г. после установления большевиками полного контроля в Советах. Той зимой не хватало ни мяса, ни хлеба, а среди населения зрели голодные бунты. Со всех предпринимателей требовали денег. Но вскоре торговца выпустили, приказав: «Давай мяса в большом размере для Красной гвардии». Контрибуцию скостили, выдали мандат на поставки мяса и аванс в 30 тысяч рублей.

При подготовке автобиографии в 1936 г. он уверенно назвал действующих комиссаров Нижнетагильского исполкома того периода — Григорьев, Овчинкин, Меринов, Петр Иванович Бабин, Семен Семенович Дружинин и Евгений Павлович Оплетин, — отметив, что последние трое живы и подтвердят его работу до своего отступления.

*Василий Викентьевич Герус.
Копейск. Из личного архива автора*

*Реклама из адрес-календаря
Пермской губернии на 1917 год*

...4 октября 1918 г. военные комиссары Григорьев и Овчинкин заехали ко мне за мясом. Часть мяса я положил в закрытый экипаж, а крупные полутуши — на телегу. После расчета угостили меня спиртом. Григорьев уверял меня, что они недалеко поедут и непременно вернуться...

В этот же день Нижне-Тагильский завод был окружен, в селение вошли части Чехословацкого корпуса, народной армии КОМУЧа и казаки атамана А. И. Дутова. «Вооруженные чехи» произвели обыск в доме Герасима и арестовали его.

Трое наставили на меня наганы: «Ты красный. Есть форменные доказанные сведения, мы тебя расстреляем», — и повели меня в Демидовский дом. Вся моя семья заплакала, а я еще не испугался, так как во мне был комиссарский спирт. Но как меня сунули в тюрьму, тут и отрезвился. Продержали не так долго, но пришлось пережить угрозы и всевозможную ругань. Но бывшие там люди подтвердили, что я не красный, а с юных лет деловой.

Меня выпустили, приказав придти на второй день в кабинет коменданта чеха Штички. И на этот раз он кричал и всяко порицал меня, но без вооруженной силы. Когда собралось собрание, то комендатура предложила представлять для полка колчаковских войск мясо. Дали мне документ на поставку скота из под Невьянска. Я пригнал первую партию скота и вел свою работу до отступления белых из Нижнего Тагила...

В период власти Верховного правителя России А. В. Колчака мясоторговцы не остались без дела. Братья Фомичевы посылали своих торговых агентов с документами земской управы за сотни верст «для закупки быков и баранов в Акмолинскую область, рыбы и сливочного мяса в Тюмень, соли вагонами в Пермь»⁵.

В июле 1919 г. военные власти приказали братьям эвакуироваться вместе со скотом, и Герасим не посмел ослушаться. Его стадо двинулось на восток — где своим ходом, а где в вагонах. За ним последовала и семья.

Александр и Герасим спешно продали родительскую усадьбу с двумя одноэтажными деревянными домами в начале улицы Тагильский Криуль. Успешные предприниматели к тому времени обзавелись большими полукаменными домами на улице Арзамасской (они вскоре были муниципализированы горкомхозом в связи с бегством хозяев).

В Тюмени военные реквизировали весь скот, выдав торговцу на руки железнодорожный билет и расписку-обязательство на получение вне очереди денег в Омске. Однако вместо чемоданов наличности Временного правительства сорокалетний Герасим был мобилизован в Русскую армию Колчака.

Тут вдруг вышел строгий приказ от 9 августа 1919 г. о призыве в Сибирскую армию белобилетников до 45 лет. Прошли облавы на рынках и вокзалах. Я явился добровольно, так как у меня порок сердца, но доктор, даже не взглянув на меня, объявил: «Принят». Так меня мобилизовали на военную службу, и я расстался с семьей. Нас немногих быстро сформировали и отправили в Иркутск в казарму «Петрушина Гора». Моя жена через знакомых в Омске узнала, где я, но смогла продвинуться только на 120 верст на своих лошадях. Далее она все побросала в селе Калачики и погрузилась с четырьмя детьми в телячий вагон и еще выбила два места для необходимой одежды и посуды. В Иркутске нашла меня и рассказала свою биографию пути. Так у меня все волосы шишом стали, что она пережила...

В Иркутске жизнь стала понемногу налаживаться. Трех детей отдали учиться, а младшая дочь еще не вышла годами.

Когда колчаковские войска отступали за Байкал, многие сослуживцы Герасима из 54-го полка сдались Красной армии. В конце 1919 г. из них был сформирован 15-й Советский полк, в котором Фомичев опять попал во 2-й взвод 4-й роты. Вместе с 30-й дивизией их направили в Забайкалье против атамана Семенова.

В начале 1920 г. Реввоенсовет республики приступил к сокращению вооруженных сил с целью уполовинить пятимиллионную армию. Увольнению в бессрочный отпуск подлежали красноармейцы старше 30–35 лет. 25 февраля Герасим получил документы, воинский билет и разрешение на проезд. Но тиф с осложнением на ноги задержал отъезд, а по выздоровлении Герасим поступил в местный губпродком агентом по мясному делу.

Тогда нельзя было достать продукты за деньги, только на обмен. Была у меня черная яга*, и я променял ее купцу Белитскому на барабан каустической соды, на которую можно было достать все необходимые продукты в то время. К моему несчастью у Совнаркома тогда же потерялась партия соды. Арестовали 74 человека, всех кто выменивал продукты на соду. Следствие шло 9 месяцев, столько и я был под стражей. Освободили без суда, установив мою непричастность.

Накануне Масленицы в мою квартиру пришли экспроприаторы и скомандовали «руки вверх», открыли подполье и всех ссадили туда и забили крышку гвоздями. А кипящий самовар поставили сверху западни. Что было из одежды и вещей, все утащили. У семьи не осталась ни средств, ни имущества...

В августе 1922 г. Герасим Фомичев вынужденно вернулся с семьей в Нижний Тагил, где взял свой беспризорный дом в аренду на пять лет. Большая семья недоедала. От голода и безысходности спасли новая экономическая политика (нэп) и деловая сметка предпринимателя.

Является как-то из Самары доверенный фирмы «Крольд» Иван Михайлович Бабушкин, который отправил в Н. Тагил два вагона ржи. Он всем предлагал, но рожь не купили. Это длилось три дня, пока он не получил телеграмму из Кунгура о смерти отца. Он поехал на похороны, оставив мне дубликаты товарных накладных. Просил принять зерно и ждать его через семь дней. Цену поставил 6 рублей пуд, а в розницу ржаной мукой торговали до 10 рублей. Только он уехал, приезжает ко мне ломовой извозчик, бывший мучник Василий Иванович Коновалов, и сообщает о прибытии первого вагона на станцию. А у нас денег ни копейки и ни одного мешка тары. Зато была приведена в порядок завозня**. На выкуп одолжил денег Яков Ефимович Семенов, а тару 80 мешков одолжил Детков. Вот мы один вагон кое-как перевезли этими мешками. Черноисточинские золото-платиновые старатели и Висимо-Шайтанские промышленники, прознав про рожь, понаскакали и разом скупили все за новые денежные знаки***.

Мы рассчитались с вернувшимся Бабушкиным совзнаками, и он снова предложил рожь с уступкой, так как оптовая цена падала, а розничная еще держалась на Урале. Мы часть распродали даже вперед, а когда пришла рожь, то ее сбыли скоро и выгодно. Стали приобретать самое необходимое: чашки, ложки, столы, кровати, лошадь и сани. Завели одежду, которой не было у всей семьи. Стали детей учить. С этой ржи начал немного подниматься, а потом занялся хорошо знакомым делом.

Сначала мясо продавал с воза у Входа-Иерусалимского Собора, потом перешел на старый рынок, арендовал лавку у коммунального отдела, успевая платить налоги, оплачивать кредиторов и выкупать советские облигации. Развернули дело только на доверии, так как своих денег ни гроша. А что заработаем копейку, так нужно было заводить необходимый инвентарь с мала до велика. Пришлось арендовать бойню, оборудовать ледник при доме для круглогодичной заготовки и оборота мяса.

В начале 25-го вдруг вышел новый Устав и надбавки за дом. Тут я управиться с платежами и не смог. В коммунальном отделе работал тов. Петр Ильин, который сказал: «Фомичев вноси деньги, иначе завтра запечатаю лавку и товар». Я не мог вывернуться, и 20 января 1925 года мое дело было продано с торгов. Пришлось с ходу передать лавку, мясо и продукты, чтобы уплатить коммунальному отделу. Так, я остался снова без гроша и обстановки...

Затем последовала работа у частного на Северном Урале и в Омске в Исыккульском кредитном товариществе агентом по закупу скота. Там его оценили как грамотного специалиста, доверили торговлю на рынке.

В Т-ве был заведен порядок — выплачивать ветеринарному фельдшеру вознаграждение за освидетельствование скота. Контора списывала эти расходы с разрешения администрации по разным счетам. Однажды я купил на базаре две коровы, получил от фельдшера свидетельство и награбил за его внимание 6 рублями. Он был уже выпивши, а гонорар, видимо, показался на этот раз недостаточным, и деньги попали в уголовный розыск. В результате появилось дело, а в апреле 1930 года

* Яга — шуба халатного покроя с откидным воротом для дороги или охоты.

** Завозня — сарай.

*** «Золотые» червонцы вошли в оборот осенью 1922 г. в качестве альтернативной валюты и равнялись десяти довоенным рублям. Банковский билет подлежал размену на золото (валюту) и товары в соотношении 50:50. В течение двух лет червонец котировался выше доллара, пока обеспечивался золотом хотя бы на треть.

я получил по ст. 118 УК 2 г. лишения свободы. Через две недели приговор привели в исполнение и посадили в Омскую трудовую колонию, а вскоре отправили поближе к скотине в совхоз, в котором я отбыл полный срок...

Так Герасим вновь вернулся без средств на родину, где работал сторожем в «Тагилстрое», пока его не уволили по ст. 47 КЗОТ как лишенного избирательных прав. Еще несколько лет пребывал он на низкооплачиваемых должностях в Союзшвейсбыте, Союзрыбсбыте, на опорно-случном пункте, был агентом по заготовкам продуктов для снабжения рабочих на строительстве Тагилкомбинатстроя и даже дворовым рабочим 3-й Советской заразной больницы. Однако его нигде долго не держали, избавляясь повсюду от «классово чуждого элемента». Потерявший все свои дома и сбережения, но полный желания поднимать семью, быть полезным обществу своими знаниями и опытом, наивный и аполитичный пожилой человек обратился в Центральную избирательную комиссию, заключая свое прошение убедительными словами: «Семья моя и я проверены и проработаны органами ГПУ. Являюсь пролетарием и не имею в данное время средств существования. Квартиры в собственности нет. Прошу вас товарищи Избиркома не отказать моей просьбе, за что премного буду Вам доволен».

Постановлением президиума облизполкома от 7 мая 1936 г. № 4278 Герасиму Фомичеву в восстановлении избирательных прав было отказано. Аналогично отказали и его брату, сторожу учительского дома Александру, несмотря на обращение к всесоюзному старосте Михаилу Калинину⁶.

Всю оставшуюся жизнь им припоминали их прошлое.

Старший брат Аверьян Никонович Фомичев, опора когда-то большой сиротской семьи, исчез где-то в Сибири во время Гражданской войны. Его сын Анатолий (1890 г. р.), отслужив в рядах тылового обеспечения РККА, остался жить в Новосибирске, продолжая семейным промысел далеко от Урала.

В течение шестидесяти лет после свертывания нэпа трудящиеся могли приобрести мясо преимущественно в организованной системе гастрономов в условиях его постоянного дефицита и низкого качества.

Успешного скотовода Василия Геруса в советское время признали эксплуататором, освободили от бремени владения многочисленным стадом, каменным домом в центре Элисты и выслали вместе с семейством разрабатывать угольные копи на окраине Челябинска.

К началу XX в. дефицит древесного топлива и повсеместное истощение лесов побуждали переходить на каменный уголь. Если для заводов Пермской губернии основным источником угля стал Кизел, то Южный Урал до сей поры питается углем Копейского месторождения, разрабатываемого с 1907 г. Вслед за пензенским предпринимателем Ашаниным уральские владельцы пивоварен и промышленники братья Злоказовы заложили там свои шахты. Близость Транссиба и заводов, предъявляющих неограниченный спрос на минеральное топливо, привели к расширению производства и добыче первого миллиона тонн угля за первые семь-восемь лет. В отсутствие промышленных технологий и машин шахты требовали большого количества рабочих рук.

После того как судьба Геруса второй раз кардинально поменяла свой курс, упорный и несломленный скотовод не пропал, а начал жизнь заново, с чистого листа, на Урале. Он быстро освоил премудрости древней профессии коногона по вывозке угля. Работал много, поставил на ноги и вывел в люди девятерых детей. Сыновья и внуки пошли в него рабочей хваткой, связав свою жизнь с новой малой родиной.

Бывший предприниматель хорошо зарабатывал и на Урале (относительно советских реалий), а при необходимости легко и надолго одалживал деньги. Они не имели магической силы для его широкой натуры.

Интересно, что жена и сноха Геруса никогда не жалели о крутых переменах в их, казалось бы, зажиточной жизни в Калмыкии. Наоборот, они хорошо помнили, какой тяжелой была доля скотовода в дикой необустроенной степи. Все члены семьи работали не меньше, а то и больше батраков. Сразу после родов женщина должна была приступать к работе, так как никаких домработниц в степи не было. Дите быстро вырастало из люльки. Тогда мать, затянув веревочной петлей ножку, привязы-

вала ребенка к вкопанному столбу. Малое дите, как та скотина, чтобы не потеряться в степи, крутилось по начертанному кругу, ограниченному длиной бечевки. А мать не покладая рук обихаживала стадо и исполняла домашнюю работу.

За годы советской власти в Копейске образовалась многочисленная трудовая династия Герусовых, члены которой внесли большой вклад в развитие молодого города. Сыновья и внуки Василия были отмечены высокими государственными наградами. Сам родоначальник южноуральской династии работал в шахте до 70 лет, а прожил на земле более ста лет, окруженный глубоким почтением и уважением близких людей.

Примечания

¹ *Оськин М. В.* Урал и Западная Сибирь в структуре мясного снабжения России в годы Первой мировой войны // Гороховские чтения : материалы пятой регион. музейн. конф. Челябинск, 2014. С. 145–146.

² *Орлов И. А.* Старый Тагил глазами краеведа: воспоминания. Нижний Тагил : Горнозавод. музей, 2011. С. 84–85.

³ НТГИА. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1597. Л. 31–35.

⁴ Воспоминания Л. Н. Герусовой (из архива автора).

⁵ НТГИА. Ф. 404. Оп. 1. Д. 13. Л. 169, 444, 554.

⁶ Там же. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1596. Л. 3.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЮЖНОУРАЛЬСКОГО РЕГИОНА ОТ ФЕВРАЛЯ ДО ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА

Для южноуральской провинции страсти революционных событий смены власти в феврале 1917 г. быстро заменились никуда не исчезнувшими повседневными нуждами и проблемами. Тем более что социально-экономические вопросы с каждым днем все более обострялись. Сохранившиеся документы того времени, хранящиеся в ОГАЧО, и материалы периодической печати (которые представлены всего двумя изданиями, выходящими в тот период,— «Челябинский листок» и «Союзная мысль») дают, конечно, не полную картину происходившего весной — осенью 1917 г., а освещают лишь некоторые ее аспекты.

К началу 1917 г. в условиях сокращения запасов, перебоев в работе транспорта, инфляции царское правительство было вынуждено использовать внеэкономические меры, устанавливать твердые цены на хлеб, уголь, нефть, металл, лен, кожи, шерсть, соль, яйца, масло, махорку и т. д., вводить карточную систему на ряд потребительских товаров. Однако объявленные нормы хлеба и мяса удовлетворялись только на 37–44 %. Резко подскочили цены, увеличились налоги. Ухудшились условия труда при одновременной его интенсификации. Не улучшилось экономическое положение страны и с установлением власти буржуазного Временного правительства. После февраля 1917 г. продолжалось сокращение производства всех основных видов промышленной продукции, обострился топливный кризис, в городах не хватало продовольствия. Непрерывное повышение цен на продовольствие и товары широкого потребления привело к падению реальной заработной платы, которая к осени 1917 г. составляла 57 % от довоенной¹.

Самыми острыми вопросами в условиях продолжавшейся мировой войны и кризиса продолжали оставаться продовольственное дело, нехватка продуктов питания и предметов первой необходимости, рост цен на них. Поэтому созданные при Челябинской городской управе в 1915 г. межведомственная нормировочная комиссия по борьбе с дороговизной, а в 1916 г.— городской продовольственный комитет (подчинялся уездному продовольственному комитету) продолжили свою деятельность².

В состав нормировочной комиссии входили представители земской и городской управы, биржевого комитета, военного ведомства, Министерства торговли и промышленности, городского военно-промышленного комитета, кооперативных организаций, а также заведующий Челябинским районом по заготовке хлеба для армии. Возглавлял комиссию городской голова П. Ф. Туркин. На заседаниях комиссия устанавливала предельные максимальные цены на продававшиеся в городе муку, печеный хлеб, мясо и мясопродукты, животные и растительные масла. Нормировочная комиссия действовала до лета 1917 г.

Продовольственный комитет занимался оптовыми покупками продовольствия для горожан на деньги, полученные в виде ссуды от государства, городской управы и частных лиц. Реализацией заготовок занимались частные торговые фирмы. Председателем городского продовольственного комитета стал член городской управы П. А. Нагоркин. После февральских событий комитет действовал на основании закона Временного правительства «О хлебной монополии» (25 марта 1917) и сочетал

в себе качества государственного учреждения и выборной демократической организации³.

Уже с 1916 г. комитет осуществлял продажу основных продовольственных товаров населению по карточкам по установленным твердым ценам, которые, конечно, периодически повышались. В ведении продовольственного комитета было не только продовольственное дело, но и снабжение города мануфактурными товарами и различными видами топлива (дрова, уголь, керосин, бензин). При этом комитет не был благотворительной организацией, получал умеренную прибыль от своей деятельности для содержания достаточно многочисленного аппарата и помещений (магазинов, лавок, складов).

В первой декаде марта 1917 г. совместным постановлением продовольственного комитета, комитета общественной безопасности и Совета рабочих и солдатских депутатов было решено провести в Челябинске в течение месяца регистрацию продуктов, принадлежащих частным лицам и учреждениям. При этом не только регистрировались продукты, но и брались подписки от хозяев товара (частных торговцев) с обязательствами сохранять продукты до особого распоряжения продовольственного комитета. В конце мая уездный продовольственный комитет постановил произвести отчуждение у населения всех «излишних запасов хлеба и хлебопродуктов». Одновременно запрещался вывоз за пределы уезда (кроме государственных поставок) зерна, муки, круп, мяса, сала, жиров, яиц, табака, чая и других продуктов, а также скота⁴.

Распространенным явлением стала реквизиция продуктов и товаров широкого потребления. После введения государственной монополии на хлеб (зерно), табак, сахар, ткани, свечи и некоторые другие товары, принадлежавшие частным торговцам и следовавшие транзитом через станцию Челябинск без специального разрешения, реквизировались. Реквизиции производились не только на железных дорогах, но и на рынках, на квартирах у частных лиц и просто на улицах сотрудниками вновь организованной милиции. Реквизированные товары поступали на склады продовольственного комитета, а оттуда распределялись по магазинам. Так, 21 апреля 1917 г. было реквизировано у В. Усманова 76 321 аршин ситца, который затем был продан женам призванных на войну солдат по норме 27 аршин на человека и по цене 32 копейки за аршин. 16 августа 1917 г. у Ф. Шишкина изъяты 363 пачки папирос, у А. Фидюнина — девять штук бумажной ткани⁵.

Жители деревень, оставшись без табака, сахара и ситца, так как в основном реквизируемые товары предназначались им, грозили прекратить поставки хлеба. Частично этот инцидент был разрешен соглашением между городским и уездными продовольственными комитетами, по которому, например, в мае челябинский городской продовольственный комитет передал уезду 1800 из 2600 конфискованных мест табака, в августе 1917 г. две трети пришедшего вагона табака передавалось в уезд для его распределения через сельские потребительские общества, и только треть вагона предназначалась городу, включая воинские части и госпитали. «Табачный голод» привел к тому, что норма его выдачи по карточкам к осени в отдельных случаях составляла $\frac{1}{8}$ фунта или 20 штук папирос второго сорта на курящего человека в месяц⁶.

Не менее острым был недостаток сахара. Норма его выдачи составляла всего полтора фунта на человека в месяц, что было крайне недостаточно и приводило к различным эксцессам в дни установленных продаж. С августа 1917 г. выдача сахара семьям офицеров и военным чиновникам гарнизона через воинские интендантские склады была прекращена, весь сахар распределялся теперь только продовольственным комитетом⁷.

В июне 1917 г. продовольственный комитет получил права самостоятельно устанавливать твердые цены и привлекать к суду нарушителей. Предельные цены стали устанавливаться не только на продукты, но и на другие предметы первой необходимости (ткани, одежду, обувь, мыло, спички, свечи, керосин). В этот же период продовольственный комитет стал нормировать прибыль частных торговцев города. Торговцы должны были иметь счета на все товары, чтобы можно было учесть их норму прибыли. Комитет призывал предпринимателей проявлять сознательность в сложных для всех условиях, указывая, что время спекуляций с прибылью от 50 до 200 процентов закончилось. Комитет 18 мая 1917 г. установил для торговцев

Челябинска следующие нормы прибыли: на сельскохозяйственные машины и орудия — 30 %, на мануфактуру — 10 % (оптовая продажа) и 25–30 % (розница), на бакалейные товары — 5 % (оптовая продажа) и 12 % (розница), на соль — 10 %, на мыло — 5 % (оптовая продажа) и 8 % (розница), на обувь — 15 % (оптовая продажа) и 25 % (розница), на готовое платье — 10 % (оптовая продажа) и 30 % (розница), на кухонную посуду — 5 %, на строительные материалы (цемент, олифу, гвозди, топоры, лопаты, пилы и др.) — 15 % (оптовая продажа) и 20 % (розница)⁸.

Имел в своем составе продовольственную комиссию и параллельный орган власти — Совет депутатов. Ввиду возникающих в городе беспорядков на почве продовольственного вопроса Челябинский коалиционный комитет народной власти в период своего существования также создал комиссию по контролю над деятельностью продовольственного комитета из числа представителей Совета депутатов, гарнизонного Совета и Крестьянского союза⁹.

Постепенно вводилось дальнейшее нормирование продуктов. С 14 мая 1917 г. в Челябинске вводилась карточная система и на отпуск чая — $\frac{1}{4}$ фунта (с 14 августа 1917 г. — $\frac{1}{8}$ фунта) на человека в месяц, определялись торговые точки, которые будут продавать чай по продуктовым карточкам. Причем те, кто не желал торговать сахаром из запасов продовольственного комитета, лишались права и на торговлю чаем¹⁰. С сентября стала продаваться по карточкам любая мука, даже третьего сорта, а к октябрю было принято решение временно ввести карточки на печеный хлеб¹¹.

Инфляция национальной валюты, сопровождаемая ростом цен, сказывалась на потребительском рынке. После Февральской революции эти процессы ускорились. За 1917 г. наблюдался существенный рост цен на продукты питания и топливо. Если в начале года стоимость простой пшеничной муки-сеянки составляла 3 рубля 40 копеек за пуд, то к октябрю она выросла до 7 рублей 80 копеек. Соответственно росла и стоимость печеного из нее хлеба — с 7 до 22 копеек за фунт. И это несмотря на усилия продовольственного комитета, боровшегося с дороговизной и устанавливавшего «твердые цены». Мука высших сортов из продажи исчезла и если и поставлялась, то использовалась только для нужд лазаретов и больниц. Если в январе стоимость березовых дров составляла 20 рублей за погонную сажень, то к октябрю она выросла до 30 рублей, каменный уголь вырос в цене к сентябрю с 28 копеек до 44 копеек за пуд. Примерно в такой же пропорции возросли цены на другие продукты питания и товары народного потребления¹².

Собиравшийся нерегулярно продовольственный комитет не мог оперативно решать вмененные ему задачи. Поэтому к ноябрю 1917 г. комитетом и городской думой была создана постоянно действующая городская продовольственная управа, находившаяся в зависимости от уездной продовольственной управы, работавшей на правах областной, созданной еще в апреле 1917 г. Председатель управы (А. А. Введенский) и пять ее членов составляли присутствие; они руководили работой многочисленного аппарата в отделах (секретарском, бухгалтерском, статистическом, карточной системы, хлебом, мясом, дровами и пр.) и магазинах (лавках). Но основная деятельность управы пришлось уже на другой исторический период и проходила в более сложных условиях.

Важным подспорьем в решении продовольственного вопроса была деятельность Челябинского сельскохозяйственного общества¹³. Несмотря на все трудности, удалось сохранить его жизнеспособность на территории города. В кризисных условиях деятельность общества приобрела сугубо практический смысл. Не прекращалась торговля семенами, сельскохозяйственными орудиями; члены общества продолжали опыты и консультировали население, что в значительной степени способствовало развитию огородничества и садоводства в городе и уезде. Работали питомник, испытательная станция, сушилка для овощей. Многие челябинцы, а также учреждения и организации могли приобрести за небольшую плату землю под огороды, на которых выращивали овощи как для своих семей, так и для госпиталей, лазаретов, беженцев.

Весной 1917 г. городской продовольственный комитет ввиду недостатка овощей и возрастания на них цены постановил выделить к уже имеющимся в распоряжении комитета шестидесяти гектарам огородной земли, еще сорок гектаров городской земли для посадки картофеля и других овощей и обратился за содействием к Челябинскому

сельскохозяйственному обществу. Одновременно общество предлагало горожанам различную рассаду по приемлемой цене (пикированную капусту — по 3 рубля за сто штук, цветную капусту и томаты — по 5 рублей, цветы — от 5 до 10 рублей), а также семена различных злаков. Общество занималось и заготовкой более 30 лекарственных растений. Принимало их от населения Челябинского и Троицкого уездов по цене от 3 до 80 рублей за пуд¹⁴.

В 1917 г. общество обязалось поставлять сено и хлеб для армии. Так как государственное финансирование общества практически прекратилось, оно вынуждено было самостоятельно изыскивать средства для существования. В связи с этим близ города был заложен промышленный огород на восемь десятин, а также картофельные поля. Несмотря на то что количество членов общества сократилось практически в пять раз (до 74 человек), были подобраны специалисты высокой квалификации, в том числе и огородник из числа немецких военнопленных. Они провели большую селекционную работу, основали сад декоративных и плодово-ягодных растений, ознакомили население с передовой технологией выращивания овощных и плодово-ягодных культур. Общество обеспечивало сезонной летне-осенней работой в питомнике-огороде и на сушке овощей учащих города и практикантов из числа выздоравливающих раненых.

Ввиду отказа Министерства земледелия в предстоящую зиму снабжать пчеловодов для подкормки пчел сахаром Челябинское общество сельского хозяйства приняло на себя так же на основе экспериментального опытного материала изыскание замещающих продуктов и способов подкормки пчел для их успешной перезимовки¹⁵.

Как показывает анализ имеющихся материалов, главная причина сокращения сельскохозяйственной продукции в регионе в то время объяснялась дефицитом рабочих рук в деревне. Семенного материала было достаточно, челябинский уездный продовольственный комитет предоставлял его всем желающим. Для решения проблемы предпринимались различные меры. В период посевной и уборки урожая вследствие нехватки на селе рабочих рук по заявкам от населения на полевые работы привлекались военнопленные. Так, по распоряжению губернского продовольственного комитета для уездного продовольственного комитета весной 1917 г. выделялось 7000 военнопленных, снятых с других работ¹⁶.

Кроме того, весной 1917 г. все солдатские воинские команды, прибывавшие в Челябинск, также направлялись на полевые работы. В сентябре 1917 г. по предложению Челябинского уездного продовольственного комитета из соседних губерний прибыло для уборки урожая более тысячи рабочих¹⁷.

Интерес представляют действия общественности по решению продовольственного вопроса в тот период. Резолюция съезда духовенства и мирян Челябинского викариата 27 апреля 1917 г. постановила, чтобы излишки монастырских и церковных земель в будущем, по решению Учредительного собрания, были переданы в государственный фонд. Собрание также усиленно рекомендовало всем членам причта в целях пополнения запасов хлеба для армии и тыла в возможно большем количестве засеять церковные земли силами членов своих семейств и побуждать к тому прихожан¹⁸.

21 апреля 1917 г. прошло собрание учащих челябинских средних учебных заведений по вопросу о создании рабочих дружин для отправки их на полевые работы. Почин исходил от Всероссийского земского союза и самих учащих. В июле 1917 г. Союз учащих Челябинска вновь инициировал создание двух добровольных сельскохозяйственных дружин для оказания помощи селу. Одна из них работала в районе Аргаяша. Количественный состав дружин определялся на сенокосе в 15 человек при трех косилках, на уборке урожая — 30 человек. Уездное земство и продовольственный комитет обеспечивали дружины уборочными машинами, помещениями, палатками, инвентарем. Труд дружинников оплачивался¹⁹.

Насущной проблемой в дни после Февральской революции для города и уезда стала охрана общественного порядка в связи с роспуском полиции и жандармерии. В первое время челябинцев призывали самостоятельно охранять здания, учреждения и общественные места, выбирать участковых старост и назначать ночных сторожей для наблюдения за порядком в городе в ночное время. С образованием милиции вопрос несколько смягчился, но продолжал оставаться актуальным в связи с нехваткой

нужных кадров. Прежде всего недоставало имеющих опыт работы рядовых милиционеров для наружной службы и оперативных работников бюро уголовного сыска. Конечно, сказывалась не только величина оклада простого милиционера (не более 75 рублей). Бывших полицейских, имеющих необходимый опыт, в ряды милиции брали редко, и то это вызывало, судя по заметкам в прессе, неодобрение общественности, а добровольно идти на милицейскую службу как «непрестижную» вызывались далеко не все. В рассматриваемый период челябинские периодические издания были полны объявлений о милицейских вакансиях²⁰.

Кроме того, оказалось, что прежние полицейские органы оказывали влияние и на санитарно-гигиеническое состояние города. В марте 1917 г. председатель санитарного попечительства Челябинска призывал граждан ввиду наступающей весны самостоятельно заботиться о чистоте и благоустройстве, чтобы предупредить эпидемические заболевания, так как теперь «городовой не придет с приказом очистить двор и не проследит за уборкой нечистот»²¹.

Резко подорожали транспортные услуги. Первыми отреагировали на смену власти челябинские извозчики, подняв стоимость проезда в два раза, парируя жалобы на дороговизну ответом, что «нет царя, нет и таксы»²².

Транспортные проблемы стали с мая 1917 г. сказываться на пассажирах, отправлявшихся со станции Челябинск. Управление Омской железной дороги постоянно сообщало, что ввиду сокращения числа пассажирских поездов впредь до особого распоряжения в большинстве поездов дальнего следования спальные места заменяются нумерованными местами для сидения. С 20 июля спальные места остались только в поезде Петроград — Владивосток и в вагонах международного следования²³.

Среди потока негативных новостей о повседневной жизни Челябинска встречались и положительные известия. 27 апреля 1917 г. открылось здание новой городской электростанции с просторными светлыми помещениями, что позволяло подавать электричество городу круглосуточно²⁴.

Несмотря на все трудности, вопросам образования и просвещения в этот год в регионе уделялось немало внимания. С 1 июля 1917 г. на острове на реке Миасс и в детском приюте переселенческого пункта отдел народного образования Челябинской городской управы производил запись детей в возрасте от 6 до 12 лет на площадку подвижных игр. Занятия проводились бесплатно с 9 до 12 часов утра. Цель организации площадки — знакомство детей с окружающей природой, физическое и эстетическое воспитание, развитие речи, наблюдательности, привычки к труду, ознакомление с требованиями элементарной гигиены²⁵.

Осенью 1917 г., по сведениям отдела народного образования уездной земской управы, наблюдался необычайный наплыв детей школьного возраста, желающих поступить в сельские школы. Различные волости просили об открытии новых школ. С целью удовлетворения спроса уездная земская управа принимала меры к открытию еще 38 начальных школ²⁶. Одновременно в связи с передачей церковно-приходских школ в сентябре 1917 г. в ведение Министерства народного просвещения четыре подобных школы в Челябинске переходили в подчинение городскому управлению — Соборная, Порт-Артурская, Монастырская, Свято-Троицкая. Всего передавались 522 учащихся (среди них 54 беженца), а также весь учебный инвентарь и книжный фонд. У городских властей возникали дополнительные расходы на содержание новых учебных площадей и педагогического персонала. Из девяти педагогов церковно-приходских школ далеко не все имели необходимый образовательный ценз. Кроме этих школ в районе вокзала существовала и Станционная церковно-приходская школа, которая находилась в ведении Омской железной дороги²⁷.

С 15 октября секция начальных учителей при городском филиале Челябинского педагогического общества открыла бесплатные вечерние курсы для неграмотных и малограмотных взрослых по программе начального училища в трех пунктах в городе. Этим же обществом в октябре при реальном училище было открыто вечернее платное среднее учебное заведение для взрослых с трехлетним сроком обучения. Без испытаний принимались лица, имеющие четыре класса образования или окончившие высшее начальное училище. Имеющие домашнюю подготовку сдавали экзамены по русскому языку и арифметике²⁸.

Челябинская уездная земская управа приглашала лиц, желающих занять должности заведующих избами-читальнями в уезде. От поступающих требовались среднее образование или стаж работы в сфере народного образования и специальная подготовка. Предлагались оклад в 600 рублей в год с 240-рублевой военной прибавкой, квартира с освещением и отоплением; за неимением квартиры выделялись квартирные деньги — 120 рублей в год. Всего в 1917 г. в Челябинском уезде функционировало 35 изб-читален (из них 27 русских), что было явно недостаточно, так как на одну библиотеку тогда приходился 11 161 житель уезда. В среднем в каждой библиотеке насчитывалось до 2000 книг, по 257 читателей²⁹.

Летом 1917 г., как и в прошлые два года, в сельской местности на территории Челябинского уезда устраивались детские ясли с целью освобождения женщин, имеющих малолетних детей, для полевых работ. Всего функционировало 20 яслей. Ассигнования на них были получены от Общества охраны материнства и младенчества, Общества трудовой помощи и земства. Руководителями яслей являлись сельские учительницы, прошедшие в Челябинске курсы дошкольного воспитания. Ясли размещались в сельских школах или арендованных частных помещениях. Принимали туда детей в возрасте от шести месяцев до трех лет. Однако в виде исключения брали и двухмесячных или десятилетних, чаще сирот (в качестве дополнительных нянек). Ясли работали ежедневно по 12–13 часов (как правило, с 5–6 часов утра), обеспечивали малышей четырехразовым питанием. До закрытия яслей в сентябре через них прошли 979 детей. Расходы с учетом питания составили в среднем 943 рубля на одни ясли³⁰.

Вопреки военным трудностям в регионе, как и по всей стране, набирало силу крестьянское кооперативное движение. Оно не только переживало период бурного роста, но и выходило за рамки собственно сельскохозяйственного производства (земледелие и животноводство). Челябинский союз потребительских кооперативов также за годы Первой мировой войны заметно развил свои торговые операции. Если на 1 ноября 1916 г. оборот союза составлял 181 082 рубля, то на 1 мая 1917 г. — уже 1 155 826 рублей³¹. Одной из важных функций сельскохозяйственной кооперации стал сбыт производимой крестьянами-пайщиками продукции. К концу 1917 г. они, опираясь на мощные сбытовые (Союз сибирских маслодельных артелей и т. п.) и финансовые (общества взаимного кредита и др.) центры, проводили активную политику по реализации на рынках сельскохозяйственных продуктов. Поэтому, учитывая перспективу, 15 июня Союз сибирских маслодельных артелей организовал за счет своих средств в Кургане шестимесячные курсы по подготовке кооперативных служащих для маслодельных артелей, лавок и общества потребителей. На курсы принимались и жители Челябинска и Челябинского уезда не моложе 17 лет, обоих полов, с проверкой знаний за курс начальной школы по чтению, письму и арифметике. Преподавались русский язык и корреспонденция, коммерческая арифметика, счетоводство, коммерческая география, товароведение, основы государственного и торгового права, основы народного хозяйства, кооперация³².

К концу года проблемой стал заметный дефицит уездного и городского бюджета. Местные власти старались периодически повышать заработную плату, прежде всего государственным и уездным служащим, чтобы компенсировать инфляцию, но жизненный уровень южноуральцев неуклонно снижался³³.

Челябинская торговая школа в связи с затруднениями, связанными с увеличением расходов на ее содержание, увеличивала с нового учебного года стоимость обучения, в младших и старших подготовительных классах — до 50–60 рублей, в основных классах — до 75 рублей. Из-за финансовых затруднений у большинства учащихся решено было оплату вносить в течение года четырьмя равными долями. Родительский комитет Челябинской женской гимназии, учитывая, что стоимость завтраков является для большинства учащихся непосильной, в течение пяти дней бесплатно организовывал завтраки для 600 учениц. Но в дальнейшем был вынужден установить за завтраки ежемесячную плату — 2 рубля 50 копеек. Не имеющие таких денег оплачивали завтраки по возможности. Недостающую сумму планировалось покрывать из благотворительных средств, полученных путем лотереи, частных сборов деньгами и продуктами от неравнодушных граждан. В частности, М. П. Архипов пожертвовал гимназии 20 пудов муки³⁴.

Так в непростых условиях в течение 1917 г. продолжалась противоречивая повседневная жизнь южноуральцев, обострявшаяся с каждым днем в экономической, социальной и политической сферах. Однако никто не мог предположить, что это только «прелюдия» к жестоким испытаниям периода Гражданской войны, который был не за горами.

Примечания

- ¹ Маркова А. Н. Экономическая история России. М. : Юнити-Дана, 2009. С. 176.
- ² Скориков А. И. Продовольственное дело (1916–19) // Челябинск : энциклопедия / сост. В. С. Боже, В. А. Черноземцев. Челябинск : Камен. пояс, 2001. С. 684.
- ³ Там же.
- ⁴ Челяб. листок. 1917. 28 июня ; Союз. мысль. 1917. 21 июня.
- ⁵ ОГАЧО. Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 3. Л. 40, 71–72 ; Союз. мысль. 1917. 23 апр.
- ⁶ ОГАЧО. Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 3. Л. 16 ; Челяб. листок. 1917. 10 авг., 19 авг., 20 окт.
- ⁷ Челяб. листок. 1917. 23 авг.
- ⁸ ОГАЧО. Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 2. Л. 27–34 ; Челяб. листок. 1917. 16 мая.
- ⁹ Челяб. листок. 1917. 30 июня.
- ¹⁰ ОГАЧО. Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 2. Л. 44–44 об. ; Челяб. листок. 1917. 14 авг.
- ¹¹ ОГАЧО. Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 2. Л. 42–42 об. ; Союз. мысль. 1917. 30 сент.
- ¹² Челяб. листок. 1917. 23 янв., 15 сент., 21 окт., 23 окт.
- ¹³ Турова Е. П. Общество сельского хозяйства // Челябинск : энциклопедия / сост. В. С. Боже, В. А. Черноземцев. Челябинск : Камен. пояс, 2001. С. 593.
- ¹⁴ Челяб. листок. 1917. 3 мая ; Союз. мысль. 1917. 14 мая, 22 авг.
- ¹⁵ Челяб. листок. 1917. 1 сент., 15 сент.
- ¹⁶ Союз. мысль. 1917. 28 апр.
- ¹⁷ Там же. 1 сент.
- ¹⁸ Челяб. листок. 1917. 29 апр.
- ¹⁹ Союз. мысль. 1917. 2 мая ; Челяб. листок. 1917. 13 июля.
- ²⁰ Например: Челяб. листок. 1917. Апр.— авг.
- ²¹ Челяб. листок. 1917. 14 марта.
- ²² Там же. 2 мая.
- ²³ Там же. Май — июль.
- ²⁴ Там же. 1 мая.
- ²⁵ Союз. мысль. 1917. 9 июля.
- ²⁶ ОГАЧО. Ф. Р-1542. Оп. 1. Д. 13. Л. 5–6 ; Союз. мысль. 1917. 13 окт.
- ²⁷ ОГАЧО. Ф. Р-1542. Оп. 1. Д. 8. Л. 3–6, 42, 71, 74–76, 99–100.
- ²⁸ Челяб. листок. 1917. 1 окт., 21 окт.
- ²⁹ ОГАЧО. Ф. Р-1542. Оп. 1. Д. 29. Л. 26.
- ³⁰ Там же. Д. 25. Л. 6–7 об.
- ³¹ Союз. мысль. 1917. 25 июля, 13 авг.
- ³² Там же. 14 мая.
- ³³ ОГАЧО. Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 2. Л. 38–39.
- ³⁴ Челяб. листок. 1917. 25 февр., 16 сент.

А. Н. Лымафев

**ПРОПАГАНДА И ЕЕ ОСНОВНЫЕ ПРИЕМЫ
НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ
В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
(на материалах газет Южного Урала)**

В последние два-три года в наш лексикон вернулось подзабытое уже слово «пропаганда». Обвинение в ее использовании становится одним из излюбленных журналистских штампов («российские пропагандистские каналы», «западные пропагандистские СМИ» и т. д.). Создается ощущение, что понятие, тесно связанное с противостоянием двух политических систем в XX в., снова востребовано и обществом, и государством. Понятно, что этот термин никуда не уходил из нашей жизни, просто его на некоторое время заменило толерантное «манипулирование общественным сознанием». Но как только внешняя и внутренняя ситуация изменилась, вернулась и старая терминология. Попробуем разобраться, что означает данное понятие и насколько оно эффективно в эпоху противостояния идеологий, к которой, несомненно, относится Гражданская война на территории России. Предметом нашего анализа станут публикации в южноуральских газетах¹, появившиеся в 1919 г.

Определимся с терминологией. В течение прошлого века в жизни человечества неуклонно возростала роль информации. Последняя присуща только живой материи и, являясь категорией социальной, определяется как «знание, сообщение, сведение о социальной форме движения материи и о всех других ее формах в той мере, в какой они используются обществом, человеком, вовлечены в орбиту общественной жизни»². Она не есть окружающая человека реальность, а лишь отражение последней и представляет собой знания, используемые отдельным человеком или всем обществом для ориентации в окружающем мире, для анализа и последующих за ним действий в процессе преобразования окружающей действительности в целях ее совершенствования и дальнейшего развития. Чем большее количество информации предоставлено на выбор индивидам или группам, тем выше степень свободы в данном обществе. И наоборот, чем меньше выбор, обеспечиваемый, а иногда и контролируемый властью, тем ниже степень свободы человека и заметнее приближение к политической системе, в которой государство или иные структуры стараются максимально изолировать потребителей от независимых информационных источников, формируя «заказ на информацию». Здесь и начинается процесс манипулирования общественным сознанием.

Выделяют целый ряд признаков манипуляции. Прежде всего это психологическое воздействие, кардинально отличающееся от прямого физического давления на индивида. При этом оно должно осуществляться только при участии самого человека, так как большинство граждан не желает анализировать тот поток информации, который к ним поступает. Гораздо проще воспринимать все на веру, чем критически перерабатывать сообщение, анализировать его источник и составляющие. Если же индивид усомнится, попытается воспрепятствовать такого рода воздействию — только в этом случае манипулирование сознанием терпит поражение. Вторым признаком является необходимое условие соблюдения тайны такого влияния. Социолог Г. Франке писал: «...под манипулированием в большинстве случаев следует понимать

психическое воздействие, которое производится тайно, следовательно, и в ущерб тем лицам, на которых оно направлено»³. Настоящий успех достигается только тогда, когда манипулируемый искренне верит, что приходящая к нему информация объективна. Третьим признаком является наличие определенного аппарата, так как манипулирование требует мастерства и знания механизмов такого воздействия — особого рода технологий. Поэтому необходимы специалисты, способные осуществлять подобные мероприятия.

На данном этапе в дело вступают пропагандистские институты. Само слово «propaganda» в переводе с латинского означает «подлежащий распространению». В советских словарях оно получило двойное толкование. Коммунистическая пропаганда — «научно обоснованная система духовной деятельности по распространению марксистско-ленинской идеологии и политики с целью просвещения, воспитания и организации масс, одно из средств руководства партией процессами революционной борьбы, строительства социализма и коммунизма». Пропаганда же буржуазная имела единственной целью «навязывание массам ложных идей, теорий, необъективной информации в интересах господствующих классов»⁴. Несмотря на столь разительные отличия, есть в определениях и общая составляющая — внедрение в условиях любой общественно-политической системы в сознание людей определенной идеологии для достижения заранее сформулированных задач.

Обывателю проще ориентироваться в пределах непосредственного восприятия, жизненный опыт и здравый смысл используются мало. Поэтому картина окружающего мира базируется на непосредственных образах. Это обстоятельство делает массовое сознание уязвимым для воздействия: те или иные стороны сознания получают подкрепление в идеологии, а идеология, в свою очередь, использует созвучные массовые представления. Особенно это касается знаний об обществе. Их усвоение происходит почти автоматически, они становятся устойчивыми, независимыми от эмпирических. Оторванность стереотипных знаний от личного опыта делает возможным дуальное восприятие действительности.

В результате мы имеем сознание, нормально воспринимающее несовместимые вещи. Для примера возьмем событие, произошедшее в селе Алабуга. В газете «Советская правда» 27 ноября 1919 г. появляется статья «Долой темноту и невежество!». В деревне отмечалась годовщина Октябрьской революции. Праздник «справлялся, не больше, не меньше, с молебном, торжественным крестным ходом и обычным поповским бессмысленным колдовством. Что это? Шутка? Злостная выдумка провокатора? Инициатор этого — саботажник и кулак?». Далее автор статьи констатирует: «Нет, как убога и невежественна наша многострадальная деревня! Как еще темен наш жалкий и великий, рабский и буйно-освободительный народ! Вся эта нелепица была придумана членами Ревкома — честными коммунистами — для единения всех жителей и для того, чтобы заслужить доверие масс». Между тем для дуального сознания проведение такого мероприятия вполне естественно.

Пропаганда гармонизирует общество, государство и их институты. Но есть и обратная сторона. Нижестоящие структуры в стремлении преуспеть (в материальном, карьерном или каком-либо другом плане) стараются нивелировать негатив путем фальсификации сведений и преувеличения достижений. Появляется вторая, «виртуальная» реальность, противоречащая в своем существовании всем объективным законам человеческой цивилизации. Приукрашенная информация, проходя через контролирующие инстанции, настолько преобразуется, что реальные сведения власть просто не получает. Не понимая всей глубины происходящих на нижних ступенях общества процессов, она тем самым гарантирует перманентный кризис государственного аппарата.

С другой стороны, сам человек оказывается в другой, непривычной системе координат. Возникает конфликт между навязанной ему средствами массовой информации картинкой и серой, невзрачной, безрадостной действительностью. Конечно, определенная часть людей, прочитав статью в газете с сообщением о счастливой жизни крестьян в коммуне, начнет верить, что если не здесь, то уж где-то там наступило «светлое завтра». А при огромных расхождениях и низкой мобильности населения создать подобную иллюзию не составит труда. Но для большинства граждан такое состояние

является невыносимым. Компенсаторную функцию выполняет «вторая жизнь» — общественная, которая бьет ключом и где всегда есть место подвигу. Поэтому «человек индивидуальный» уступает место «массовому человеку», для которого «естественно встраиваться в организацию — эту форму массы — и повиноваться программе, ибо таким способом «человеку без личности» задается направление⁵.

Основным способом воздействия на таких людей становятся слова «надо» и «должен». Сама реальность в кризисные периоды позволяет пропаганде использовать ее для поддержания общества в состоянии постоянной милитаризации сознания, «взведенного курка». Это использовали в годы Гражданской войны противоборствующие стороны. В результате на страницах газеты «Курганская свободная мысль» за 3 июня 1919 г. появляется заметка, в которой читаем: «Наша страна переживает такое время, когда интересы ее больше чем когда-либо в другую пору, требуют от граждан самоограничения и самопожертвования, готовности отдать все свои силы, все свое свободное время и все свои материальные блага на работу по воссозданию организма страны во всей ее обновленной мощи».

Приспосабливаясь к социальным условиям, человек развивает в себе те черты, которые заставляют его желать действовать так, как надо. Причем усвоение образцов поведения происходит бессознательно, через механизмы подражания и идентификации. Чувство единения, принадлежности к большому и сильному государству, народу было необходимо в тревожные дни Гражданской войны. Практика единых политдней, субботников и других массовых мероприятий находила отклик у трудящихся, которые часто сами выступали с подобными инициативами. Мысль, что многие тысячи людей в стране одновременно делают то же, что и они, вызывала ощущение сплоченности.

Это очень заметно в публикациях большевистских газет. «Советская правда» 2 декабря 1919 г. пишет: «Всегда и при всяком случае, на работе ли, в заводе, в часы ли отдыха, на собрании ли во время беседы каждый член партии должен быть готов прийти на помощь только что вступившему в партию. Мы все теперь и старые, и молодые — дети одной семьи, к одной цели мы стремимся, за одно дело боремся. И чем более тесно мы будем сплочены, чем дружнее мы будем работать, чем крепче мы будем друг за друга держаться и друг другу помогать — тем лучше у нас пойдет наша работа, тем скорее мы справимся и с разрухой, и с голодом, и с Деникиным, тем скорее мы победим».

Пропагандистским институтам крайне важно добиться узости кругозора восприятия, чтобы загнать многообразие окружающего мира в «прокрустово ложе» типологии «свой — чужой». Такое миропонимание рано или поздно приводит к полному разделу окружающей действительности на добро и зло при отсутствии, и даже недопущении, мысли о существовании некоего среднего звена. Это главный компонент особого типа мышления, четко делящего мир по определенным признакам только на белое и черное. Газеты того времени дают нам многочисленные примеры.

Номер «Советской правды» от 26 ноября 1919 г., статья «Несчастный случай». Празднование годовщины Октября в селе Птичье. Корреспондент сообщает: «Наше село торжественно отпраздновало вторую годовщину революции. Устроили шествие с флагами по всему селу: шли все организации, учащиеся и крестьяне. Пели и салютовали из пушки. Но наша радость была омрачена несчастным случаем, который при этом произошел. Стреляли мы из старой чугунной пушки, из которой прежде в царские дни палили. Эта пушка не захотела приветствовать торжество трудового народа, разорвалась и убила двух товарищей, которые ее заряжали. Этот несчастный случай несколько омрачил нашу радость».

Аналогичное восприятие происходящего и в противоположном лагере. В газете «Курганская свободная мысль» 25 июня 1919 г. размещен призыв: «...нам должен помогать каждый честный человек, русский не по имени, а по мыслям и сердцу, он должен поддерживать малодушных, изобличать сплетников и “очевидцев” и передавать властям агитаторов... Когда негодяи душат грязными руками Родину-мать, то всякое дешевое благородство и отвращение к “сыску” не должно иметь места, потому что всякое попустительство в этом случае также преступно, как и агитация врагов».

В то же время пропаганда поощряет своеобразный социальный нарциссизм, порождает уверенность в собственной непогрешимости и неоправданный оптимизм: «Русский рабочий, взявший на себя инициативу социальной революции, должен подавать всему миру такие примеры героизма в деле восстановления разрушенного хозяйства страны, какие он показал в борьбе с мировой контрреволюцией»⁶.

Еще одним обязательным элементом, используемым пропагандой, является страх. Он же дисциплинирует значительную часть населения, помогая поддерживать порядок в обществе. В газете «Курганская свободная мысль» от 25 июня 1919 г. читаем заметку под названием «Подлое дело». Автор, возвращаясь с фронта в Омск, заехал домой в Курган и нашел родных и знакомых растерянными и пришибленными какой-то страшной неизбежностью: «Еще в пути из случайных разговоров с публикой пришлось убедиться, что тыл заражен преступной провокацией, которая на почве малодушия и подлой, часто шкурной трусости одних и планомерной большевистской работы других, свила здесь прочное гнездо и, найдя себе союзников среди всех слоев общества в лице любителей и особенно любительниц распространения всякого рода сенсационных слухов — неуклонно прогрессирует в своем предательском антигосударственном деле».

Далее он отмечает, что «эта зараза со стороны населения не встречает никакого отпора и... самые чудовищно нелепые слухи принимаются за чистую монету. Вполне уравновешенные люди признаются, что провокационное болото мало-помалу затаскивает даже и их. Что, живя в этой отравленной атмосфере всеобщей растерянности, невольно и сам заражаешься духом сомнения, придумывая массы убедительных оправданий в виде дешевых сентенций, что “нет дыма без огня”. Нет сомнения, что то нравственное состояние толпы, которое переживает наш народ уже пять лет, и особенно ужасы последних двух лет, не могли не повлиять на психику каждого из нас, но нельзя же опуститься до степени животного и поддаваться влияниям всяких вольных и невольных пособников наших врагов, поддаваться до степени паники, ничуть не реагируя на действительность».

При таком информационном потоке окружающий мир наполнен зловещей таинственностью: один заговор сменяется другим, еще более изощренным. «“Златоуст уже взят”, — делились новостями два политика в шелковых юбках и модных шляпах, “завтра очередь за Челябинском, а затем за Курганом”. Почтенные гражданки с длинными языками, сами того не сознавая, сделали добровольными агентами большевиков и усиленно сеют смуту, повторяя то, что накануне шепотом передавал на базаре субъект явно определенного большевистского типа»⁷.

Смягчить столь мощный негативный компонент могла только череда бесконечных «триумфов». Стремление к любой победе, часто мнимой, иллюзорной, становилось манией. Как результат — исчезновение отрицательной (читай — реальной) информации, увеличение объема положительных персонажей и символов, смещение информационного потока в будущее, поскольку оно является чисто модельной ситуацией, результат которой можно использовать уже сегодня. Пропаганда редко пользовалась рациональными доводами. Внимание людей привлекалось к положительным сторонам идеи с помощью простых образов, аргументация была построена на эмоциональной основе: «У нас в деревне (имеется в виду деревня Аблатаева. — Л. А.) живут темные невежественные башкиры, которые раньше о большевиках и думать боялись. Но когда к нам приехали агитаторы и разъяснили нам, что такое Советская власть и что такое коммунизм, то мы все стали совсем по-другому думать и все готовы поддерживать Советскую власть. Хотя мы темны и невежественны, да правда-то, видно, светлее солнца»⁸. Приоритет апелляции к положительным эмоциям отражался и в расположении материала в газетах. Первые страницы отводились официозу, пропагандистским публикациям, описаниям героических поступков, новостям с фронта. Все критические материалы концентрировались на последних газетных полосах.

На страницах периодических изданий встречаются и оценки пропагандистских усилий противоположного лагеря. Автор «Курганской свободной мысли» подчеркивает: «Троцкий и кампания уже давно и совершенно справедливо сознали, что в современной войне, особенно в междоусобной, ныне явится новый род оружия,

еще более мощный, чем самые усовершенствованные произведения Крупа, Крево, Швейцера и др., а именно возможно широкая агитация как печатная, так и устная — среди своих, чтобы поддержать робких и воодушевить к дальнейшей борьбе, среди врагов, чтобы влить в их душу яд сомнения, разочарования и разложения. Большевики ассигновали 90 миллионов на дело агитации во всех его видах. Десятки тысяч газет, листовок и брошюр ежедневно выбрасываются печатными станками. Сотни лекторов по ту сторону фронта долбят одно и то же в уши товарищей, не меньше их пробирается и через фронт, чтобы агитировать среди наших войск в тылу...» Далее приводятся вполне конкретные примеры: «Одна из красных армий дрогнула и мы сделали прорыв. Через два дня Троцкий прислал не подкрепление, а 50 лекторов, из которых несколько были захвачены нашей разведкой и которые сами передавали этот факт, добавляя, что получают ежемесячно по 15 тысяч жалования»⁹.

Из этой же публикации читатель может узнать о способах борьбы с большевистской пропагандой: «...при каждой армии издается газета, печатаются воззвания, объясняются цели войны и раскрывается истинная природа предателей России — комиссаров». И далее: «Штаб Верховного Главнокомандующего совершенно беспристрастно и с возможной полнотой освещает все военные действия, не замалчивая свои неудачи и не преувеличивая успехи, поэтому каждый должен относительно вполне доверчиво к этим сведениям и всеми силами бороться с явными и тайными пособниками наших врагов. В этом должен залог успеха нашего счастья, нашего спасения от кровавого кошмара и ужаса безумия».

Подводя итоги, отметим: любая политическая система нуждается в политико-моральной стабильности, достигаемой при помощи специальных механизмов (в том числе пропагандистских), созданных как общественными, так и государственными институтами. Особенно они востребованы в ходе военных действий. Большевикам благодаря выстроенной в короткий срок системе пропаганды удалось более эффективно воздействовать на общество. Гражданская война окончательно закрепила эту систему. Более того, она наполнилась реальным содержанием, стала мобильнее и оказалась востребована различными сегментами общества и государства в последующие годы.

Примечания

¹ «Курганская свободная мысль» — общественно-политическая беспартийная газета. Выходила в 1918–1919 гг. «Советская правда» — орган Челябинского губернского комитета РКП и Челябинского губревкома. Издавалась в 1919–1927 гг.

² Афанасьев В. Г. Социальная информация. М., 1994. С. 13.

³ Цит. по: Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М., 2001. С. 16.

⁴ Советский энциклопедический словарь / под. ред. А. М. Прохорова. М., 1984. С. 1600.

⁵ Гвардини Р. Конец нового времени // Вопр. философии. 1990. № 4. С. 145.

⁶ Совет. правда. 1919. 29 нояб.

⁷ Курган. свобод. мысль. 1919. 25 июня.

⁸ Совет. правда. 1919. 3 дек.

⁹ Курган. свобод. мысль. 1919. 25 июня.

С. В. Марков, Д. С. Выдрин

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ВОСПОМИНАНИЯХ УЙСКОГО КАЗАКА ТРОФИМА ИВАНОВИЧА ГОЛОЩАПОВА

Существуют мемуары участников Гражданской войны на Урале, воевавших как на стороне красных, так и в рядах белых. Большинство мемуаров принадлежит участникам войны в ранге офицеров, генералов (Белой армии), командиров (Красной армии). Достаточно много воспоминаний рядовых красноармейцев. Но воспоминания рядовых Белой армии — свидетелей событий Гражданской войны крайне редки. К этой категории мемуаров относятся воспоминания Трофима Ивановича Голощапова.

Трофим Иванович родился 23 июля (по старому стилю) 1890 г. на хуторе Голощапово Уйской станицы Троицкого уезда Оренбургской губернии (территория ОКВ) в бедной многодетной казачьей семье. Окончил четыре класса станичной казачьей школы. С восьми лет батрачил: как он писал, работал «на богатого дядю». В 1909 г. женился на Ульяне Панфиловне Беловой из поселка Белово Уйской станицы. У них родились десять детей, из которых четверо умерли в раннем детстве. По состоянию здоровья Трофим Иванович был признан негодным к казачьей службе. В 1918 г. отделился от родителей и завел отдельное хозяйство. В Гражданскую войну сражался на стороне белых. После коллективизации работал в колхозе «Маяк», в 1930–40-е гг. — в сельском потребительском обществе и на Уйской МТС. Был награжден медалью «За трудовую доблесть». В 1952 г. вышел на пенсию. Умер 25 мая 1965 г. в возрасте 75 лет.

Его сын Яков Трофимович Голощапов вспоминал: «В конце последних лет своей жизни Голощапов Трофим Иванович сделал попытку описать свою жизнь». Писал он на листках из обыкновенной ученической тетради в клеточку. Воспоминания занимают 118 нумерованных страниц, исписанных сплошным текстом синими чернилами (некоторые заголовки и даты выделены красными чернилами). На обложке тетради надпись: «Для записей моей жизни от рожденья т. е. с 1890 года».

Текст рукописи был перепечатан. Изменения в текст не вносились, были сохранены орфография и пунктуация автора воспоминаний. Лишь в некоторых случаях, когда какое-либо слово было сильно искажено, в квадратных скобках после него приводились пояснения и правильный вариант написания.

*Трофим Иванович Голощапов
(1890–1965)*

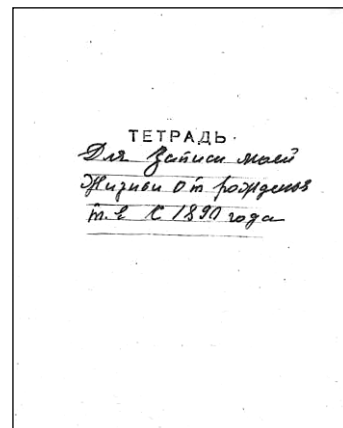
В воспоминаниях Т. И. Голощапова отражены многие страницы истории и повседневной жизни станицы Уйской конца XIX – начала XX в.: описаны различные учреждения (церковь, станичное правление, станичная школа, торговые лавки), базары и ярмарки, праздники и традиционные игры, полевые работы, сельскохозяйственные орудия и машины. Достаточно подробно описаны события Гражданской войны, повстанческого движения 1920 г., голода 1921–1922 гг., свидетелем которых был Т. И. Голощапов. Кратко упоминает он о начале Первой мировой войны, которую называет «отечественной», и о свержении Николая II.

В начале 1918 г. Трофима Голощапова вызвали на медицинскую комиссию в Верхнеуральск. Там он стал очевидцем проведения войскового казачьего круга. Верхнеуральск был центром 2-го военного округа ОКВ. Войсковой круг должен был проводиться в Оренбурге, но столица казачьего войска была в тот момент занята красными. Войсковой круг был объявлен единственной законной властью на территории войска¹. *«В то время в г. Верхнеуральске заседал казачий войсковой круг. На котором решалась судьба казачества. На войсковом круге решили, мобилизацию отменить, а братья в казачьи полки только добровольств. На казачьем войсковом кругу выступали братья Каширины Иван и Николай. Бывшие офицеры старой армии. Выступление я Кашириных на войсковом круге слышал. Каширины крепко стояли за то, чтобы отменить мобилизацию в старую армию, а братья только добровольств». Братья Каширины в дальнейшем стали видными красными командирами. Трофим Голощапов через несколько месяцев воевал против каширинских «красных партизан». Он запомнил из решений войскового круга то, что было для него жизненно важно: требование отмены мобилизации.*

«В 1918 году в марте месяце в Уйской станице принесли Советскую власть. Был избран председатель Рика т. е. председатель Райисполкома, а так-же и председатели сельских советов». Трофим Иванович правильно называет время формирования органов советской власти в Уйской, но путает названия органов. Был сформирован не «Рика» и не «Райисполком», а станичный совет, председателем которого стал фронтовик О. А. Кашигин².

Стремительно развивались события Гражданской войны, и это нашло отражение в мемуарах: *«...в 1918 году в мае месяце офицер старой армии в чине сотника Пичугин, уроженец деревни Пичугиной Уйской станицы, в селе Уйском с организовал отряд красной гвардии. Пичугин был из зажиточных. ...Отряд Пичугина не долго существовал. Пичугин збежал. Оставшиеся партизаны из его отряда присоединились к отряду Кашириных». Деятельность Ф. Г. Пичугина и его отряда достаточно хорошо освещена в литературе по Гражданской войне на Южном Урале. При этом оценки личности Пичугина очень противоречивы.*

Вооруженное выступление чехословаков дало толчок эскалации Гражданской войны. На территории ОКВ формировались казачьи части для борьбы с большевиками. В июне 1918 г. Трофим Голощапов был мобилизован в белую армию. *«Стали всех братья кто мог мало дело носить оружие». Трофим Иванович служил в первой конной сотне 3-го Уйского казачьего полка под командованием войскового старшины А. А. Грибанова. Он так описывает свой первый бой: «На 10 июня 1918 года отряды красной гвардии стали наступать на Уйское... Наш четвертый взвод занимал гору Маяк правее и левее Глазуновской дороги. Я с товарищами был левее дороги нас было пять человек. Мы были вооружены винтовки гра однозарядные старого образца. ...Из деревни Глазуновка вышли цепью пехота красных и в тоже время ударили из трех дюймовой орудий. ...Когда красные начали подыматься в гору мы отступили и они заняли гору. Подошли две сотни кавалерии из Уйска и отбили наступление пехоты и захватили орудия... Красные отступили в деревню Глазуновку, затем к Уйскому бору, а затем в Фомину. Вот на горе Маяк 10 июня у меня было первое боевое крещение. В этом бою был убит из нашего четвертого звона*

Обложка тетради с записями воспоминаний Т. И. Голощапова

Третеков [правильно: Третьяков]. *Егор житель села Уйск*. В воспоминаниях отмечается недостаток вооружения у казаков: винтовки системы «гра», уже давно устаревшие, отсутствие артиллерии.

Летом 1918 г. Трофим Голощапов участвовал в боях в районе Учалов, Тирляна, Белорецка, Верхнеуральска. Об этом сообщают бесхитростные строки из воспоминаний — просто перечисление населенных пунктов, которые брали или оставляли, упоминание боев, наступлений или отступлений: *«Через два дня после боя в Уйской все части которые находились в село Уйском, вышли по направлению Воронино, Фомино, а некоторые на Петропаловку. В Фомино нас красные с голых гор встретили, винтовочными выстрелами. В Фомину зашли мы без боя. Пошли на деревню Учелы (Башкирия). В Учелах ночевали. А затем вернулись обратно на Ахоновский тракт. Ахонову и Карагайску заняли без боя. Ночью пошли наступать на деревню Урледы. Нас тут обстреляли, деревню Урледы заняли, а затем пошли на г. Верхнеуральск. Тут с нашей стороны бою не было. Красные из города ушли. Из г. Верхнеуральска наш маршрут был на завод Кирлян. Кирлян мы заняли без боя. Простояли двое суток нас красные из Кирляна выбили мы отступили за Кирлян [правильно: Тирлян, Тирлянский завод], а затем и за г. Верхнеуральск. Простояли двое суток под Верхнеуральском, пошли снова вперед на завод Белорецк. Белорецк заняли збоем. Была небольшая перестрелка. Дальше пошли по направлению на завод Усолка, на Табын. В Белорецком я справлял день рождения это было 23 июля. В Табыне мы простояли трое суток не доходя деревни Изям. Наш полк расформировали»*. Фортуна была то на стороне красных, то на стороне белых. В конце концов белые выбили отряды Блюхера и Кашириных с Южного Урала.

На короткое время Трофим Голощапов вернулся домой: *«...дали убраться хлеб и измолотить...»* После уборки урожая казаки снова были мобилизованы. Оренбургская армия создавалась на более регулярных началах, чем части, стихийно сформированные летом 1918 г.³: *«...в октябре этого года погнали нас в г. Верхнеуральск. ...Из г. Верхнеуральска нас погнали в Кызыл. Это была Кызыльская станица. В то время меня взяли пешком. В Кызыле была камисия т. е. телесный осмотр. Миня признали нестроевым но домой не отпустили. Из Кызыла нас погнали в станицу Великопетровскую, тоже казачья. Великопетровском формировали второй пластунский полк. Из трех батальонов и пулеметной команды. Меня назначили в обоз пулеметной команды. После-чего поставили фуражиром в пулеметной команде в обозе было шесть лошадей. Простояв несколько время в Великопетровском, затем пулеметную команду и второй батальон перевели в деревню Париж. ...В Париже получили оружие. Пулеметы Кольт и трехлинейные винтовки. Я был командирован в Великопетровск где и для обоза получил шесть лошадей»*.

Итак, Голощапов с осени 1918 г. служил нестроевым во 2-м пластунском (пехотном) полку, фуражиром в пулеметной команде. К нестроевым нижним чинам относились писари, фельдшеры, лазаретные служители, носильщики, кашевары, рабочие по кухне, денщики, мастеровые и обозные рядовые, то есть люди, в воинской части необходимые, но не обязанные идти в бой. Фуражир Трофим Голощапов должен был обеспечить продовольствием бойцов и кормом лошадей своего подразделения. В дальнейшем мы не увидим на страницах тетради описаний эпизодов участия Трофима в боевых действиях.

В составе 2-го пластунского полка Трофим Голощапов принимал участие в боях под Орском и Актюбинском с февраля 1919 г.: *«...под Актюбинском полк двое суток пролежал в снегу, а затем отступил. В то время г. Орск был занят красной армией. Полк начал свое отступление, правее г. Орска и вышел в Наслединскую станицу. Снова повел наступление по направлению на г. Орск. Недолго полк был в боях, его отвели в тыл на отдых. Но на отдыхе немного пришлось стоять, снова весь полк двинули на г. Орск, а затем на г. Актюбинск. Из Актюбинска полк пошел по направлению Ташкенской железной дороге. Часто принимал бои»*. Постоянные передвижения воинской части — это результат маневренного характера Гражданской войны.

Вначале полк воевал в составе Оренбургской армии под командованием А. И. Дутова. В мае 1919 г. Оренбургская армия была реформирована и переименована в Южную армию, командовал которой генерал Г. А. Белов⁴. Мы изучили литературу по составу белых армий на востоке страны⁵. Но нам не удалось найти информацию о 2-м пластунском полку. Возможно, воспоминания Голощапова —

один из немногих источников, по которым восстанавливается боевой путь 2-го пластунского полка, хотя бы в общих чертах. Возможно, полк, в котором служил Трофим Голощапов, входил в 1-ю Оренбургскую казачью пластунскую дивизию.

Летом 1919 г. все чаще солдаты колчаковской армии отказывались воевать. О таких настроениях свидетельствовал и Трофим Голощапов: «Когда я еще был в пулеметной команде, второй пластунский полк и пулеметная команда начали бастовать. Стали отказываться идти в наступление против красной армии. Стали солдаты самовольно собирать собрания и вызывать на собрания командира полка и даже командира дивизии. Это дело было в июне 1919 года. Много было солдат рестованных и отправлено неизвестно куда. В том числе и я угодил, но меня отстояли ребята нашей пулеметной команды, только этим я и спасся. Дело дошло до того, что командира полка Чертыховского убили. Затем второй батальон угнали под Оренбург. А первый и третий батальоны снова повели в наступление».

Из воспоминаний видно, насколько колчаковская армия была дезорганизована летом 1919 г. Трофим Голощапов принимал участие в волнениях и чуть было не оказался под арестом. То, что пулеметная команда смогла отстоять своего мятежного бойца, говорит о том, что белые командиры во многом не контролировали ситуацию. Настоящая фамилия командира 2-го пластунского полка не Чертыховский, а Чертыковцев. Войсковой старшина И. Н. Чертыковцев был назначен командиром полка 28 сентября 1918 г.⁶ В источнике написано, что он погиб под Оренбургом не позднее июня 1919 г. Благодаря воспоминаниям Т. И. Голощапова мы теперь знаем, как он погиб.

Сломав руку, Трофим Голощапов попал в госпиталь в Орске. Интересный факт: в госпитале вместе с белыми воинами лежали раненные красноармейцы. Пример гуманного отношения к пленным во время всеобщего ожесточения Трофим Голощапов в воспоминаниях выделяет особо: «За ранеными красноармейцами ходили так же как и за всеми».

Общее отступление Западной армии и наступление красных по всему фронту на Урале летом 1919 г. вынудили отступать и войска Южной армии генерала Белова. После потери Верхнеуральска армия отошла на юго-восток и в сентябре вышла из Тургайской степи в районе Петропавловска.

Несколько страниц в мемуарах Т. И. Голощапова посвящено этим событиям: «...была сформирована слабосильная команда. Откуда и отпускали домой на поправку. По просьбе врачей больницы меня тоже туда выписали. Но отпускать домой не стали, потому, что началось сильное отступление Колчаковской армии по всему фронту».

В Орске Трофиму Голощапову довелось увидеть одного из руководителей Белой армии на Урале: «Одно время в слабосильную команду к нам приехал командующим Орским фронтом генерал Белов [на самом деле генерал Белов командовал Южной армией]. Высокий, здоровый детина бритый. Собрал нас всех кто мы подоты и стал спрашивать кто

Все время Уралом перемещался отряд
Красной гвардии.
Фигури Дел Уфа житомирских.
Когда Фигури перемещался отряд
Красной гвардии в Обоз и в первый
числа июня 1918 года из Уфимской
команды выехал. Остался в Уфимской
отряд Красной гвардии под командой
Игоря Леонова.
После же отрядом Фигури и Уфимской
отряд Леонова, Квасеру.
Новую село Уфимская фамилия Реловая
Фигури стали проводить новую
модификацию. Стали все брать
Кто Мал. Мало дело носить оружие
отряд Фигури не удалось достигнуть
Фигури завел. Остался
Барбизанис из его отряда присоединился
Которому Квасеру.

Страница из воспоминаний Т. И. Голощапова
с описанием событий Гражданской войны

когда был ранен, из какого полка. Как только солдат скажет, что из второго пластунского полка и он генерал Белов и разговаривать не станет, уходит проч». Генерал таким образом выразил отношение к казакам 2-го пластунского полка, не хотевшим воевать: «Белов генерал говорил. Хотя и мы сейчас будем отступить далеко, но через год или много два снова будем здесь. Но ему некто не верил». Генерал-майор Петр Андреевич Белов (Генрих Альфредович Виттенкопф, 1881–1920) с мая по сентябрь 1919 г. командовал Южной армией⁷.

Как и многие другие казаки, Трофим Голощапов не хотел уходить с отступающей Белой армией на чужбину. Ему пришлось проявить смекалку и хитрость, чтобы оторваться от своей воинской части и вернуться в Орск, уже занятый красными: «В один прекрасный сентябрьский день я вышел и покинул город Орск. Направился по направлению домой. Дошел до реки Урал меня нагнал красноармеец на паре запреженных лошадей входок, посадил меня и подвез несколько километров. И так я добрался до своего родного угла в село Уйск. Где пешком, где добрые люди подвозили». После многих злоключений Трофим Голощапов в сентябре 1919 г. вернулся в родную станицу, где уже установилась советская власть. И снова занялся крестьянским хозяйством.

Фронт откатился на восток, но мирная жизнь все не наступала. Новые правители проводили жесткую политику военного коммунизма. Отбирали хлеб у крестьян и казаков, запрещали торговлю, организовывали принудительные военные и трудовые мобилизации. Расстрелы и другие карательные меры были повседневным явлением. В лесах прятались многочисленные дезертиры, которым надоело воевать. Они стали ядром антикоммунистических повстанческих движений, охвативших не только Урал, но и всю Россию. В окрестностях станицы Уйской действовал повстанческий отряд, которым руководили С. А. Выдрин и Я. Г. Луконин⁸.

В 1920 г. Трофим Иванович стал свидетелем некоторых трагических событий во время повстанческого движения, которые описал в своих мемуарах. Одного из руководителей мятежников, бывшего учителя Якова Григорьевича Луконина, он знал лично. Дважды, 18 и 27 сентября, отряд Выдрин — Луконина захватывал станицу. Трофим Иванович так описывает взятие станицы повстанческим отрядом: «В октябре [ошибка Голощапова — это событие произошло 18 сентября] 1920 года из Урала пришла банда, примерно человек семьдесят вооруженных винтовками, были у некоторых гранаты. ...Пригнали на площадь стали бить в колокол на церкви тревожный сигнал. Тревожный звон в колокол это был знак партизана и партизан села Уйск. Которые должны собратся на указанном месте. ...Председатель райисполкома тов. Копырин по сигналу прибежал на площадь где уже были бандиты. Он побежал на берег и залез под анбар. Наверно его кто-то заметил и донес бандитам. Копырина из под анбара вытащили и рестовали. ...Когда я зашел в райисполком, то увидел рестованого председателя райисполкома [на самом деле М. Е. Копырин был председателем станичного исполкома] тов. Копырина и с ним еще четыре человека, в том числе одна женщина. Людей я этих не знал. В то время на подводе проезжали два красноармейца командированные из города Верхнеуральск в город Челябинск. Эти два красноармейца были пристрелены бандитами. После чего председатель райисполкома тов. Копырин был выведен в одном тельном белье на улицу против райисполкома и был на глазах народа зарублен бандитом, руководителем этой белой банды Выдриным...»

Т. И. Голощапов описывает флаг, который повстанцы вывесили над зданием захваченного станичного совета: «...развивался белый флаг. На котором был изображен крест; такой формы какие ставят умершим к ногам когда его похоронят. В правом углу флага был нарисован пуломесец и звездочка. А внизу флага было написано; За учредительное собрание. Все это было сделано красным».

Многие местные жители сочувствовали повстанцам и выдавали им коммунистов, красноармейцев и советских работников. Особенно женщины. Но были и те, кто не хотел кровопролития. Среди них Т. И. Голощапов. В этот день он спас одного из советских активистов, помог ему спрятаться: «Когда бандиты... забили в колокол в то время к нам верхом на лошади пригнал Гулин Иван Николаич. Он был не из роду казачего, приежий. Хотя и Гулин не был партийный но крепко стоял за советскую власть. Часто выступал на собраниях. ...Тогда я и мой сосед Катаев сказали. Давай лошадь заводи во двор Катаева сам Гулин давай иди ко мне во двор, перелзай через стену во двор к Буторину Василью Киприянычу, который жил со мной рядом, а из задвора Буторина перелзай во двор

Приданникова Мартына Никитича, который жил рядом с Буториным. Я и Катаев пошли к Приданникову чтобы т. Приданников скрыл тов. Гулина. Приданников Мартын ж так и сделал, посадил тов. Гулина в голбец. Два раза приезжали вооруженные бандиты, говорили, что у тебя скрывается Гулин, оба раза Приданников заверял бандитов, что у меня Гулина нет. Из приезжающих бандитов один Приданникову приходился племянник. Вот поэтому и обыск у Приданникова не делали. Таким образом и спасся тов. Гулин от ареста, может и от смерти». Вскоре отряды уйских повстанцев были разгромлены.

Сравнение воспоминаний Т. И. Голощапова с опубликованной историей Гражданской войны в нашем крае показало, что в воспоминаниях исторические события в основном отражены верно. В записях встречаются ошибки. Но если учесть, что главным источником фактов была память, то не следует строго судить автора. Т. И. Голощапов оставил описания интересных событий из истории Гражданской войны, в которых лично участвовал: например, боя под станицей Уйской летом 1918 г., действий повстанцев в станице Уйской. В своих мемуарах Трофим Иванович избегает оценочных суждений, эмоций. Описания, как правило, нейтральны. То, какие факты запомнились Т. И. Голощапову,— это тоже показатель: нежелание казаков воевать за Колчака, раненные красноармейцы в белом госпитале, зверства бандитов в Уйском, спасение советского активиста.

Трофим Иванович, когда записывал свои воспоминания, думал о том, как сохранить для своих потомков память о прошедших событиях в нашей истории. И это ему удалось.

Примечания

¹ Акулинин И. Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917–1920 [Электронный ресурс]. Шанхай, 1937. С. 14–16. URL: <http://www.elan-kazak.ru> (дата обращения: 22.10.2016).

² Шибанов Н. С. Станица золотой долины: (К 250-летию основания Уйской станицы). Челябинск : Челябин. гос. ун-т, 1994.

³ Акулинин И. Г. Указ. соч. С. 35–36.

⁴ Ганин А. В. Оренбургское казачье войско в Гражданской войне и в эмиграции. 1917–1945 гг. // Воен.-ист. журн. 2006. № 8. С. 27.

⁵ Волков С. В. Белое движение в России: организационная структура [Электронный ресурс] // Сайт историка Сергея Владимировича Волкова. URL: <http://swolkov.org/bdorg/index.htm> (дата обращения: 15.10.2016) ; Ганин А. В. Реконструкция боевого расписания казачьих войск Урала, Сибири и Дальнего Востока по состоянию к 25 октября 1919 г. // Белая гвардия : альманах. М. : Посев, 2005. С. 302–304 ; Он же. Боевые расписания юго-западной и отдельной Оренбургской армий // Там же. С. 213–218 ; Клавинг В. Белые армии Урала и Поволжья [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/h/sb_civil_war_povolzhie/12.html (дата обращения: 18.10.2016) ; Формирования белой армии, действовавшие в Поволжье, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. Архивы России. [Электронный ресурс]. URL: <http://guides.rusarchives.ru/browse/guide-book.html?bid=122&sid> (дата обращения: 23.05.2017).

⁶ Ганин А. В., Семенов В. Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891–1945 : биограф. справ. М., 2007. С. 604.

⁷ Там же. С. 116.

⁸ Шибанов Н. С. «Зеленая» война. Челябинск, 1997.

Н. Р. Мухамедова

ЛИКБЕЗ И КРАСНАЯ КОСЫНКА (ЖЕНЩИНЫ ЮЖНОГО УРАЛА В СТРОИТЕЛЬСТВЕ НОВОЙ ЖИЗНИ)

В дни столетия Великой Октябрьской социалистической революции можно подвести итоги прошедшему периоду. Что стало с отдельно взятой страной, где мечта о свободе, равенстве и братстве должна была осуществиться наяву? «Строили мы, строили и наконец построили?» Занавес упал! А мы шли «своим путем», видимо, зря? И эксперименты с Советами, с коллективизацией, с партийными чистками тоже — зря?

Данная статья посвящена участию женщин Южного Урала в строительстве нового социалистического государства, становлению женского равноправия в нашей стране. При написании статьи были изучены работы по истории советской гендерной композиции, которые в последние годы появились в печати в большом количестве: «Гендерная система Советской России и судьба россиянок» Н. Л. Пушкаревой, «Особенности правового положения женщин в Советской России» А. А. Максимова, «Права женщин в системе прав человека» С. В. Полениной, «Участие женщин в социалистической индустриализации страны» Я. С. Мазуровой, «Женщины на Урале в 1920–1935 годы» М. И. Мирошниченко. Последняя работа содержит ценные статистические сведения и наиболее полно отражает изменения в социальном составе женского населения нашего региона. В статье использованы материалы из Википедии и статья из Интернета «История советской моды. Часть 1-я — 1920-е».

В рамках статьи нет возможности отразить все стороны решения женского вопроса в нашей стране. Нет возможности цитировать работы В. И. Ленина, посвященные этому вопросу. Статья представляет собой обзор имеющихся на данный момент в коллекции ГИМЮУ фотографий и некоторых документов, наиболее ярко отражающих деятельность женщин в общественной жизни и на производстве. В статье использованы только материалы из фондов музея (фотографии и отдельные документы), а также выписки из местных газет «Советская правда» и «Степная коммуна» за 1919 и 1920 гг. из библиотеки музея.

Наибольший интерес представляют персональные комплексы материалов четырех женщин: Ю. Н. Обуховой, А. Е. Тычкиной, З. И. Иовлевой, А. П. Островской. Эти женщины работали в разных сферах производства и занимались общественной деятельностью в разных городах губернии, что позволяет рассмотреть широкий спектр изменений в уральском обществе. Фотографии этих женщин отражают новые явления в жизни Советской республики: «женотделы», «делегатки», «ликбез», «женщина-милиционер», «живгазета», «Синяя блуза», «форма юнгштурма». В музейной коллекции имеются два подлинных портрета Софьи Кривой, имеющих историческую и краеведческую ценность. Участие женщин в революции 1905–1907 гг. освещают материалы Л. Л. Пановой-Дружининой. Кроме цельных персональных комплексов тему женского участия в строительстве социализма отражают отдельные фотографии и документы А. Е. Бочкаревой, Е. Д. Слепенковой, А. К. Федоровой. Их материалы посвящены участию женщин в индустриализации и показывают общий размах активного включения женщин в производственную сферу.

В статье не освещается участие женщин непосредственно в Октябрьском перевороте. По объективным причинам таких документов в музее не имеется. Есть

один портрет участницы первой русской революции 1905–1907 гг. — фотография «Дружинина-Панова Людмила Леонидовна — секретарь Каслинского комитета РСДРП(б) в 1905–1907 гг., участница первой русской революции. 1905 г.» (Ф-10402 ЧОКМ ОФ-2383/1). Но в 1917 г. на Урале ее не было. Сама Дружинина-Панова прислала 22 января 1971 г. по почте из Москвы фото и документы, в том числе список политзаключенных женщин, сидевших в екатеринбургской тюрьме в 1907–1908 гг., воспоминания об отдельных товарищах: К. Т. Новгородцевой-Свердловой, А. А. Ашихминой, М. М. Кетовой, И. М. Захарове и А. Е. Новикове. В ее коллекцию входит автобиография, написанная 11 декабря 1955 г. О пребывании в Сибирской ссылке в 1909–1917 гг. и работе в советский период Л. Л. Дружинина-Панова обещала написать отдельные воспоминания.

За исключением портретов Софьи Кривой и ее сестры Риты Костяновской снимков, отражающих участие женщин в Октябрьском перевороте 1917 г., в музее нет. Портрет Р. Костяновской копия и не дает возможности его экспонирования. В музее есть два подлинных портрета С. Кривой: 1) «Софья Авсеевна Кривая — одна из руководителей большевистского подполья в период мятежа белочехов и режима Колчака» (Ф-12140 ЧГКМ ОФ-7062/2, 1918–1919 гг.); 2) «Софья Авсеевна Кривая — участница революционного движения на Урале, одна из руководителей большевистского подполья в период мятежа белочехов и режима Колчака. 1910 г.» (ЧГКМ ОФ-7062/1 Ф-12139 10.12.1910).

Что касается в целом фотографий, повествующих об участии женщин в событиях 1917 г., к ним можно с натяжкой отнести снимки, сделанные на митингах 1917 г. в городах Урала, а также групповые снимки членов первого Совета: «Манифестация по случаю свержения самодержавия с участием Челябинского гарнизона 10 марта 1917 г. на Южной площади Челябинска»; «Президиум Совета рабочих, крестьянских и казачьих депутатов. 1917 г.»; «Первый Совет рабочих и солдатских депутатов Челябинска у Народного Дома. Май — июнь 1917 г.»; «Шествие по улицам Катав-Ивановска 1 мая 1917 г.»; «Манифестация в память павших борцов революции в г. Сатке. 1917 г.»; «Демонстрация в 1917 году в г. Сатке».

На указанных сюжетных фотографиях женщины ничем не отличаются от тех, что участвовали в праздновании пасхи на Южной площади в 1913 г. (снимок широко известен). Радикальные перемены в облике наших землячек можно увидеть только впоследствии — на снимках 1920–30-х гг. К сожалению, в фондах музея нет фотографий, рассказывающих о событиях 1918–1919 гг.

Участие женщин в государственном управлении было идеологической установкой партии большевиков, в соответствии с которой представительство мужчин и женщин олицетворяло победу социалистической демократии. Рупором большевистской обработки женской части населения стала газета «Советская правда». Каждую субботу она выпускала «Страничку женщины-работницы». Так, в субботу 3 июля 1920 г. появилась заметка «Работницы! Все на борьбу с трудовым дезертизмом!». В другой заметке сообщалось, что в Троицком уезде отделу работниц поручено провести своими силами кружечный сбор помощи Западному фронту. В Кургане в отделе народного образования удалось за короткий срок организовать ясли для грудных детей. Там работницы в детском приюте шили детям платье и белье, участвовали в огородных работах. В газете от 10 июля 1920 г. (суббота) на той же «Страничке женщины-работницы» сообщалось о важном событии в станице Кундравинской: «...на собрание делегатов пришли в числе других женщины-казачки». Уже 7 октября 1920 г. в рубрике «Уголок работницы» сообщалось: «15 сентября в Полетаевском районе состоялось первое совещание волостных организаторов по работе среди женщин. ...Дружным пением Интернационала закончилось совещание, и бодрыми, уже более уверенными в своих силах разъехались организаторши-крестьянки работать среди своих сестер по глухим деревням, призывая их вставать в ряды строителей новой, светлой и счастливой жизни для всех трудящихся!» В другой заметке рассказывалось о росте бюрократии в работе женорганизаторов: «Заречный район. За последний месяц в районе проведено 27 собраний. От района за тот же месяц поступило 28 протоколов. ...Сознание необходимости организации проникает в среду домашних хозяек, собрания которых становятся все многочисленнее». Практическую деятельность делегатов отражали

другие заметки. 14 октября 1920 г. «Советская правда» сообщала о работе делегатского собрания, на котором делегатки из Губпродкома говорили о состоянии столовых, об уменьшении хищений со стороны персонала. Там же говорилось, что казачки Полетаевского поселка произвели сбор теплых вещей для фронта; шахтерки копей № 2 решили оказать денежную помощь красноармейкам, проведя кружечный сбор.

Конкретным шагом к привлечению женщин в органы власти стало создание женотделов. После 1-го Всероссийского съезда работниц и крестьянок России (16–21 ноября 1918) по решению ЦК РКП(б) при губкомах создавались комиссии по пропаганде и агитации среди женщин. В конце сентября 1919 г. они были преобразованы в женотделы, которые имели представителей во всех наркоматах союзных и автономных республик, во всеобуче, комиссиях ЦК КПСС и ВЦИК. В 1929 г. решением ЦК РКП(б) женотделы были ликвидированы, а их функции стали выполнять партийные организации в порядке общепартийной работы.

В местной прессе началась большевистская работа по привлечению женщин в общественную жизнь и практическую деятельность. Газета «Степная коммуна» от 27 августа 1919 г. на первой полосе размещает лозунг-призыв: «Шире дорогу женщине-пролетарке! Да здравствует революционная работница!» На второй странице печатается «Инструкция для бюро работниц при комитетах Р. К. П. (большевиков) по привлечению работниц к практической работе в Советских учреждениях» («...особенно в тех отделах, где она больше всего соприкасается в своей жизни: отделы Соц.Обеспеч., Труда, Питания и просвещения»).

Работа женотделов в Челябинске и губернии достаточно полно отражена в коллекции фотографий, переданных музеем 25 марта 1959 г. бывшей заведующей городским женотделом Юлией Николаевной Обуховой. Коллекция включает 28 фотографий, но ни одного личного документа. Нет важнейшего документа — автобиографии. Между тем Ю. Н. Обухова была весьма харизматичной личностью. По непроверенной информации, она работала до революции на железной дороге. В 1943 г. в составе делегации челябинцев отвозила подарки бойцам на Северо-Западный фронт. Ю. Н. Обухова обладала теми качествами, которые сделали ее лидером в среде женщин, на первых порах встречающих сопротивление мужской части населения в местных органах власти. Такую тенденцию отмечали в своих работах многие исследователи гендерного равноправия в Советской России в 1920-е гг. Пропаганда отношения к женщине как к товарищу, преобладание маскулинности в визуальном образе «новой женщины» привели к возникновению образа таких женщин, как Ю. Н. Обухова: короткая стрижка, крупные черты лица, волевой взгляд, предметы мужского гардероба (кепка, кожаная куртка). На фотографии «Редколлегия делегатского собрания при ГКК ВКП(б). 1927 г. Челябинск» (ЧОКМ ОФ-1652/21, Ф-6981) Обухова запечатлена с папиросой. На снимке можно видеть девять молодых женщин за столом, что-то пишущих на листах бумаги. За их спинами стоят еще пять женщин. На столе лежат листы бумаги, стоит чернильница, лежит сумка. На стенах висят знамена, плакаты.

Фотографии из комплекса Ю. Н. Обуховой относятся к 1924–1930 гг. (ЧОКМ ОФ-1652/1-28). В них отражена деятельность женотделов в различных сферах жизни Челябинска и губернии в целом. Приведу несколько названий фотографий: «Актив женотдела г. Челябинска», «Совещание актива женщин по вопросу “О работе в деревне”», «Собрание делегаток женотдела», «Книгоноши, распространители литературы среди работниц и жен рабочих», «Актив женщин в борьбе с беспризорностью на ст. Челябинск», «Экскурсия женщин железнодорожного транспорта в Митрофановский совхоз», «Областные курсы райженорганизаторов 20 июля — 20 августа 1927 г.», «Совещание работниц-нацменок строительства ЧГРЭС по борьбе с антисанитарией», «VI Уралоблсовещание работников среди женщин 27 августа — 1 ноября 1927 года», «Городское совещание женщин г. Челябинска (выпускной вечер делегаток Челябинского горженотдела 4 апреля 1925 года в здании над теперешним универмагом)», «Рабочие и работницы кожзавода в день 8 марта 1924 года», «Конференция женщин в 1922 году в Челябинске (подготовка для работы в деревне). 1922 г.», «Выпуск делегатского состава 1925–1926 годов в Челябинске. 1926 г.», «Сотрудницы Челябинского Дома Советов. 1929 г.». На оборотной стороне некоторых фотографий и в акте приема име-

ются аннотации, записанные со слов самой Ю. Н. Обуховой сотрудником музея. Кроме того, на нескольких снимках есть надписи, сделанные рукой Ю. Н. Обуховой в 1920-е гг. Писала она с грамматическими ошибками, неровным почерком, что свидетельствует о низком уровне образования заведующей городским женотделом. В этом нет ничего удивительного: по данным переписи 1913 г., 88 % женщин в России были неграмотными. Согласно переписи 1920 г., на Урале (в пределах территорий, вошедших в 1923 г. в Уральскую область) из проживавших в крае 355 8255 женщин грамотными были всего 20,3 %.

Приведу несколько подписей Ю. Н. Обуховой к фотографиям: «2/VI 1924 г. В прачьяльный ден. на вечную памет. В. отезд Бароткиной Орлова зав. ж. от. сестры делигатки И. Орлова И. Шумкин Обухова харошыя друзья (СССР)»; «канфиренция женщин по вопросу каприрования (кооперирования?— Н. М.)»; «Группа женщин железнодорожниц по борьбе с детской без призорностью на станции челябин 1925–26»; «Редкалегия при длеготском сабрани при ГКК вкп(б). 1927 г.»; «сидят с папиросой Обухова Ю. Н.— завженотделом. крайняя справа Чиркова Евг. Ив.»

В персоналии Анны Константиновны Теплоуховой, дочери известного челябинского акцизного чиновника К. Н. Теплоухова, имеется любопытный документ. Он подписан малограмотной Ю. Н. Обуховой, которой формально подчинялась Анна Константиновна, окончившая Челябинскую женскую гимназию на одни пятерки и четверки, а в дальнейшем преподававшая физику в школах и техникумах. Документ интересен своим содержанием, так как отражает историю института делегаток в 1920-е гг. Работу «делегаткой» можно назвать первым шагом в партийно-советской карьере молодых и немолодых, необразованных и малообразованных женщин. Делегаткам (членам делегатских собраний) давали различные общественные поручения, назначая их ответственными за разные направления деятельности: выдвигали практикантками на работу в советские органы, поручали проведение различных кампаний (борьба с голодом; подбор беспризорников; борьба с проституцией; подготовка праздников; помощь красноармейкам и т. п.), организацию субботников, проверку столовых, детских домов, магазинов и др. Документ называется «Карточка делегатская № 77 на имя Теплоуховой А. К., делегатки Челябинска, избранной от школы II ступени Городского района. Отдел ЦРК РКП среди работниц и крестьянок. 27 октября 1925 г.» (ГИМЮУ ОФ-7371/46). Изготовлена карточка типографским способом в виде книжки. На первом листе у верхнего края крупным шрифтом отпечатано: «Отдел ЦРК РКП среди работниц и крестьянок»; ниже — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Ниже указано, что карточка выдается на руки, ее номер 77, имя владельца — Анна Константиновна Теплоухова, «избранная сентября месяца 1925 г. сроком по 25 октября 1926 г. Школы II ступени Городского района». На втором листе помещена таблица, в которую внесены данные об общественной работе и докладах делегатки. На обороте листа помещена «Памятка делегатки» следующего содержания:

Делегатка, помни, что ты вошла в передовой отряд рабочего класса и крестьянства. Будь выдержана, стойка, сознательна.

Знай, чем труднее женщине крестьянке, тем организованнее она должна быть. Следуй за Коммунистической партией и веди за ней менее сознательных тружениц.

Помни, что Советская власть в своей борьбе и в своем строительстве видит в тебе подмогу. Приложи все силы, чтобы оправдать надежды Рабоче-Крестьянского государства.

1. Делегатка избирается на делегатское собрание от общего собрания предприятия, учреждения или селения сроком на один год.

2. Делегатка обязана аккуратно посещать делегатские собрания.

3. Делегатка должна добросовестно выполнять задания, порученные ей делегатским собранием.

4. Каждая делегатка должна нести какую-либо определенную обязанность (помогая работе сельсовета, райисполкома, комитета взаимопомощи, в школьном совете и др.)

5. Делегатка должна отчитываться в своей работе перед делегатским собранием женщин, ее избравших.

6. Делегатка, не посетившая три раза делегатских собраний, считается выбывшей из делегаток.

Подпись: делегатка / А. Теплоухова.

Завженотделом / Обухова

Введение юридического равноправия женщин повлекло распространение на них общегражданских обязанностей (трудовая повинность в эпоху военного коммунизма, уплата налогов). В развитие постановления СНК от 30 октября 1920 г. в порядке трудовой повинности к обязательной пошивке белья для Красной армии привлекались горожанки в возрасте от 16 до 45 лет. Тех, кто уклонялся от повинности, клеймили позором. Газета «Советская правда» постоянно публиковала статьи на тему борьбы с трудовым дезертирством.

Знаковыми являются фотографии «Первый губернский съезд работниц и крестьянок. Народный дом. Челябинск. Ноябрь. 1919–1923 гг.» и «Женский съезд Челябинского железнодорожного узла. 1927 г.» (ЧОКМ ОФ-6124/1, Ф-9110). Они отражают растущую организованность женщин и небывалый женский энтузиазм в общественной работе и в сфере производства. На первом снимке запечатлена большая группа женщин, стоящих на крыльце Народного дома Челябинска. На втором плане видны транспаранты с надписью «Женщина-труженица, в ряды борцов за светлое будущее человечества, за коммунизм!» На другом снимке запечатлена группа из 53 женщин у здания железнодорожного клуба имени Ленина в Челябинске. Во втором сверху ряду первая слева в белой косынке стоит Елизавета Прокопьевна Антропова — акушерка железнодорожной больницы, орденосеица, работала в 1923–1955 гг. Рядом с ней сидит врач Прасковья Яковлевна Резвущкина. В том же ряду справа сидит учительница начальных классов железнодорожной школы Клавдия Яковлевна Казакова.

Постепенно в обществе складывался новый лексикон: «женотделовка», «отраб» (отдел работниц), «матмладенчество» или «охматмлад», «охрматмлад» (охрана материнства и младенчества), «женраб» (работница среди женщин), делегатка, «выдвиженка».

В русле общей политики привлечения женщин к советскому строительству началось медленное и крайне сложное их проникновение в органы внутренних дел и прокуратуру. Летом 1920 г. в Челябинской губернской милиции было принято «Временное положение о приеме на службу женщин в советскую милицию по Челябинской губернии». Согласно этому документу женщины, как и лица мужского пола, поступаая на службу в рабоче-крестьянскую милицию, давали обязательство прослужить не менее шести месяцев; при выполнении своих обязанностей они должны были носить форменную одежду, иметь при себе личное оружие. Однако круг должностей, которые они могли занимать, в основном ограничивался вспомогательными подразделениями.

В наш музей поступили материалы женщины-милиционера 1920-х гг. А. Е. Тычкиной. Пожалуй, самым впечатляющим является ее портрет с сыном «Накоскина-Тычкина Анна Егоровна, начальник команды милиции на кожзаводе им. Зеленского в г. Фрунзе, с сыном Валерием. 1929 год» (ЧОКМ ОФ-2571/36, Ф-10493). На снимке запечатлены молодая женщина и мальчик 9–10 лет в интерьере фотоателье.

Второе фото от Тычкиной является яркой иллюстрацией такого нового явления, как «выдвиженцы» — «Группа женщин-выдвиженцев милиционеров Челябинокрадрмчасти. В первом ряду 1-я справа сидит Накоскина-Тычкина Анна Егоровна. 1929 г. Челябинск» (ЧОКМ ОФ-2571/35, Ф-10492). На снимке запечатлены молодые женщины и двое мужчин, одетые в милицейскую форму: папахи с кокардой, шинели, ремни, ботинки (две женщины — Ю. Н. Обухова в первом ряду, неизвестная во втором ряду — одеты в городскую одежду). На снимке — А. Е. Тычкина, курсант Челябинской школы резерва милиции, Ю. Н. Обухова — член женсовета Челябинска.

Третье фото из этой персоналии «Группа женделегаток г. Челябинска. В первом ряду 1-я слева сидит Накоскина-Тычкина Анна Егоровна. 1927 г.». На снимке запечатлены молодые женщины и мальчик пяти-шести лет. Женщины одеты в городскую одежду, за исключением А. Е. Накоскиной (она одета в военную форму: фуражка с кокардой, гимнастерка, ремень, галифе, сапоги; в руках держит лист бумаги, свернутый в рулон). Мальчик сидит на полу, одет он в темный берет, темное пальто, чулки, ботинки, в руках держит игрушечную собаку.

Интересен по самому названию четвертый снимок — «Накоскина-Тычкина Анна Егоровна (справа) и украинская беженка. 1917 г. Российская империя, Уфимская губ.,

Златоустовский уезд, г. Златоуст». Фото свидетельствует о проблеме беженцев в годы Первой мировой войны и революции.

Выбор профессии А. Е. Тычкиной объясняется личными трагическими событиями в годы Гражданской войны. Ее судьба была похожа на судьбы многих женщин. Со слов самой А. Е. Тычкиной в акт приема рукой Е. С. Малышко внесена краткая биографическая справка:

Тычкина Анна Егоровна (урожденная Накоскина) 1895 г. р. 1.09, место рождения с. Дуван, ныне Башкортостан, русская, замужем с 1919 года. В 1914–1918 гг. работала на Златоустовском металлургическом заводе рабочей кладовой. Приветствуя февральскую революцию, ходила с красной лентой через плечо с подписью «Долой царя! Да здравствует Свобода!». В 1918 году после белочешского переворота за ношение этой ленты и участие в красногвардейском отряде была арестована и привезена в Челябинск. В здании вокзала был карательный отряд, офицер которого стал допрашивать А. Е. Накоскину, пытался об арестованных рабочих. Анна Егоровна плюнула ему в лицо. Офицер разбил ей голову рукояткой нагана и сбросил ее с лестницы со второго этажа. Рабочие-железнодорожники подобрали А. Е. и отвезли в больницу. В годы гражданской войны погибли ее четыре брата-красногвардейца — Михаил, Петр, Иван, Николай, и дядя Накоскин Роман Захарович, коммунист, председатель ревкома в Дуванском районе. Михаил, коммунист, был убит вилами и лопатами на крыльце дома; Петр, Иван и Николай живыми зарыты в землю; дядя зарублен на работе в ревкоме. В с. Дуван на памятнике написаны их имена. А. Е. с 1926 г. работала милиционером в г. Челябинске. В 1927–1928 гг. была депутатом Челябинского горсовета. В 1929 г. выехала во Фрунзе, где разоблачила офицера, избивавшего ее в 1919 году (он работал начальником уголовного розыска г. Фрунзе, его фамилия — Мей). Два года А. Е. работала начальником команды милиции в г. Фрунзе. В 1934 г. переехала в Уфу, работала на макаронной фабрике 5 лет (вооруженная охрана), затем на Уфимской нефтебазе. В возрасте 48 лет по болезни ушла на пенсию, уехала в Дуван, работала книгоношей и в народной дружине. Имеет ряд почетных грамот. В январе 1968 г. переехала в Челябинск. Персональный пенсионер местного значения с 1961 г. Сын Валерий погиб в годы ВОВ (и 4 брата — Егор, Серафим, Кирилл, Михаил). Записала Е. С. Малышко — 1 декабря 1968 г.

Некоторые молодые женщины с энтузиазмом восприняли возможность участия в общественной жизни, карьерного роста, достижения успеха в жизни. Примером может служить биография нашей землячки Зои Ивановны Иовлевой (1902–1975), бывшей чекистки, впоследствии работавшей с трудными подростками. Архив был сдан в музей ее сыном Дмитрием Петровичем Порсиным 5 октября 1982 г. З. И. Иовлева работала в Челябинской ЧК, училась в Магнитогорском пединституте (одна из первых студенток), работала в продуктовых комиссиях, занималась ликвидацией неграмотности. З. И. Иовлева оставила после себя дневник. В комплекс ее документов входят: копия справки о работе в Челябинской ЧК, удостоверение о работе в должности инструктора ликбеза, справка о мобилизации ее на «продрабату», удостоверение воспитательницы детского дома, членский билет Советского Общества Красного Креста, членский билет ДОСААФ.

В коллекции фотографий Иовлевой можно выделить несколько аттрактивных снимков, передающих атмосферу энтузиазма и энергии молодых женщин 1920-х гг. Это практически праздник строительства новой жизни. Большой интерес представляет фотография «Курсы ликвидации неграмотности. 1925–1928 гг. г. Шадринск» (ЧОКМ

Работницы 1-го строительного района строительства ЧГРЭС № 1. 20 марта 1930 г. (ЧОКМ ОФ-2745/14, Ф-10708)

ОФ-5224/6, Ф-8555). На снимке запечатлена группа молодых людей в интерьере большой комнаты. На переднем плане на полу — листки бумаги, фотографический снимок. На заднем плане на стене — многочисленные стенгазеты. На самом верху нарисован лозунг «Никогда не поздно сбросить позор неграмотности». Ниже висят листы со словами «уголок» и «Ленина». В центре — портрет Ленина в полный рост. На обороте снимка имеется надпись черной шариковой ручкой: «г. Шадринск. Фотография И. Я. Хухаркина Шадринск, Короткая 3».

З. И. Иовлевой принадлежали и другие фотографии, отражающие новые веяния в жизни молодых женщин: «Совещание учителей г. Камышлова Уральской области, 1931–1932 уч. год»; «Областные курсы педагогов-продвиженцев ФЗС и ШКМ. Группа словесников. г. Свердловск»; «Организационное бюро, ревизионная комиссия и технические служащие столовой трудартели в селе Мишкино» (на снимке молодая Зоя Иовлева выделяется модной одеждой на фоне крестьянок).

Важной народнохозяйственной и политической задачей было вовлечение в социалистическое производство женщин. Рабочий класс в значительной мере пополнялся за счет женщин. К 1929 г. число работниц только в крупной промышленности страны возросло почти вдвое по сравнению с 1923 г. и составило 804 тысяч человек, то есть 34,2 % всех рабочих, занятых в крупной промышленности¹. Историческое значение для вовлечения трудящихся женщин в производство и повышения их квалификации имело постановление ЦК ВКП(б) от 15 июня 1929 г. «Об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок». Одной из форм подготовки женских кадров стала производственная учеба бывших домохозяек. Создавались делегатские ударные бригады, боровшиеся за укрепление производственной дисциплины. Если на 15 мая 1931 г. на строительстве ММК работала 31 женская бригада, то на 1 июля 1931 г. их было уже 63, и каждая перевыполняла нормы. К 1 октября 1931 г. на пуске домы в Магнитогорске работали до 50 тысяч женщин².

К теме участия женщин в строительстве промышленных гигантов Урала относятся фотографии со строительства ЧГРЭС, ММК, Саткинского завода «Магnezит», со строек жилых домов в годы первых пятилеток. На фотографиях видно, какую работу выполняли женщины, каков их национальный состав, какими были условия работы женщин на производстве. Приведу в пример несколько снимков, на которых запечатлены женщины-строители ЧГРЭС: «Митинг при закладке ЧГРЭС в 1927 году» (Ф-13177ЧОКМ ОФ-1775/12 А932/12); «Работницы 1-го строительного района строительства ЧГРЭС № 1. 20.03.1930 г.» (ЧОКМ ОФ-2745/14, Ф-10708); «Ударная комсомольская молодежная бригада имени XXI МЮДа. Электроотдел ЧГРЭС» (Ф-10628ЧОКМ ОФ-2716/4). Приметой нового послереволюционного времени стала красная косынка — символ освобождения женщины. Теперь ее надвигали на лоб и завязывали на затылке, а не под подбородком, как раньше. Причем женщины носили красные косынки не только на работе, но и дома.

Тяжелый неквалифицированный труд женщин в годы первых пятилеток отражен на многих снимках. В основном это была погрузка руды, угля, раствора: «Погрузка руды. Пос. Сатка. 1920-е гг.» (Ф-422ЧГКМ ОФ-6843/43); «Погрузка угля. 1920-е годы, пос. Сатка» (ЧГКМ ОФ-6843/45Ф-423); «Раскайловка руды до революции. 1910-е гг.» (Ф-421ЧГКМ ОФ-6843/37; фото явно относится в 1920-м годам); «Строительство школы № 6. 1933–1936 гг. пос. Верхний Уфалей» (Ф-951ЧГКМ ОФ-6831/119); «Строительство дробильно-брикетного отделения сушильного цеха. 1932 г., пос. Верхний Уфалей» (Ф-881ЧГКМ ОФ-6831/84).

Интересны фотографии от А. К. Федоровой: «Шура Федорова — ударница, ка-

*Погрузка угля. 1920-е годы,
пос. Сатка (ЧГКМ ОФ-6843/45, Ф-423)*

менщица на строительстве соцгорода. 1930 г.»; «Кирпичный цех курсов ЦИТ. Бригада №14. 1930 г., г. Верхнеуральск»; «Шура Федорова стоит за лебедкой на строительстве соцгорода. 24.02.1932 г.».

Изменения в ходе осуществления культурной революции, развитие средств массовой информации, придание ряду досуговых форм (художественная самодеятельность, физкультурные занятия и т. п.) статуса пропагандистско-идеологической работы — все это предопределило активное обращение женщин к деятельности в сфере художественной культуры, физкультуры и спорта.

О культурном досуге, проводимом в русле коммунистической пропаганды, рассказывают фотографии, поступившие в музей от нескольких женщин. Из них особое значение имеют фотографии от жительницы Челябинска Александры Петровны Островской (Жемковой), комсомолки 1920–30-х гг., бывшей работницы Златоустовского машиностроительного завода в составе бригады первых ударников Василия Симонова. Она была активной комсомолкой, все вечера проводила в рабочем клубе, являлась «синеглазницей», членом струнного оркестра, выступала в «живгазете». Фотографии от нее поступили 12 мая 1971 г. В акте приема с ее слов записана речевка тех времен:

Мы синеглазники,
Мы профсоюзники,
Долой кухня!
Долой лоханка!
Я не баба,
Я — гражданка!

Муж А. П. Островской Михаил Петрович Жемков был рабочим кузнечного цеха на машиностроительном заводе в Златоусте. Большой интерес для исследователей представляет фотография «Островская А. П. в форме юнгштурма. 1929 г. Златоуст» (ЧОКМ ОФ-2972/1, Ф-14263). На снимке запечатлены молодая женщина и мужчина, одетые в форму юнгштурма. На девушке гимнастерка и юбка из материала защитного цвета, фуражка из того же материала, черные чулки, черные ботинки. На оборотной стороне снимка имеется надпись: «10/ II-29 г. Сняты два товарища тов. Лоскутов тов. Островская»; справа — надпись простым карандашом: «Островская Александра». На основе формы «юнгштурмовки» была разработана единая форма для комсомольцев. Газета «Красная звезда» писала: «ЦК ВЛКСМ рекомендует местным организациям ввести путем добровольности единую форму комсомола»³. Мужские гимнастерки, перекочевавшие в женский гардероб, подчеркивали равноправие между советскими женщиной и мужчиной. Обувь, мужскую и женскую, составляли сапоги, ботинки, парусиновые тапочки, резиновые боты. Комсомольцы надевали на себя «юнгштурмовку» — гимнастерку или куртку различных оттенков зеленого цвета с отложным воротником и накладными карманами, носившуюся с ремнем и портупеей, на голове носили фуражку. Девушки надевали юнгштурмовки с прямой юбкой темного цвета. Аскетичность пролетарского костюма в 1918–1921 гг. была обусловлена не только мировоззрением, отрицающим все, что было связано со «старым миром», но и тяжелейши-

Живая газета, 1927 г., г. Миасс
(ЧОКМ ОФ-5915/107, Ф-8973)

ми экономическими условиями, разрухой, последовавшими за революцией, и жесточайшей политикой военного коммунизма. Одежда олицетворяла суровое и безжалостное время. Вещи шили из холста, грубого полотна, бязи, солдатского сукна, байки, бумазеи, грубой шерсти. На следующей фотографии мы видим комсомольцев, одетых по предписанию ЦК комсомола в форму «юнгштурма»: «Живая газета, 1927 г., г. Миасс. 1927–1928 гг.» (ЧОКМ ОФ-5915/107, Ф-8973).

В 1920–30-е гг. на основе «живых газет» в СССР возник жанр агитационных театрально-эстрадных представлений «Синяя блуза». Существовали профессиональные и самодеятельные коллективы «Синей блузы». Их репертуар состоял из литературно-художественных монтажей, обзоров, сценок, отражавших производственную и общественную жизнь, международные события. В представлениях использовались формы коллективной декламации, физкультурные номера⁴. Работа синеблузников отражена на многих снимках, имеющих в нашем музее, в том числе и из омплекса материалов от М. Я. Заславской.

Мария Яковлевна Заславская родилась в 1903 г., была членом «Синей блузы» в 1920-е гг., работала начальником Кировского райкартбюро Челябинска в конце 1940-х гг., инспектором отдела кадров и спецотдела Челябинского завода шлифовальных изделий в 1950–60-е гг. Первое фото от нее — «Коллектив «Синей блузы» при межрабклубе. 20/VII-1925 года, г. Самара» (ЧОКМ ОФ-5052/69, Ф-11423). На снимке запечатлена группа молодых людей (21 человек) на высоком крыльце общественного здания. Люди одеты в основном в «синие блузы» — сатиновые широкие рубахи, не-

*Коллектив «Синей блузы» при межрабклубе
(ЧОКМ ОФ-5052/69, Ф-11423)*

*Женская команда физкультурного кружка межсоюзников.
1927 г., Катав-Ивановск
(ЧОКМ ОФ-4638/80, Ф-15149)*

*Общеситие учительских курсов. 1920-е гг.
(ЧОКМ ОФ-4638/373, Ф-11051)*

которые из них — в городскую одежду.

Наряду с художественной самодеятельностью среди молодых людей набирала популярность физкультура. Поскольку женщины воспринимались как дополнительный ресурс боевой силы, модель нового женского поведения носила черты военизированнойности. Учителя и медработники были обязаны заниматься спортом и военной подготовкой. С этой точки зрения большой интерес представляет снимок «Женская команда физкультурного кружка межсоюзников. Катав-Ивановск. 1927 г.» (ЧОКМ ОФ-4638/80, Ф-15149).

На снимке запечатлены юноша и пять девушек. Они стоят вполборота, глядя влево. Юноша одет в сорочку и брюки, девушки — в блузы и короткие юбки. Вторая слева на снимке — А. Е. Бочкарева (одна из старейших учительниц Катав-Ивановска, математик, начала свою деятельность в середине 1920-х гг. в качестве учителя начальных классов).

Новым явлением в жизни советской женщины стали общежития. Они, с одной стороны, отрывали женщину от забот о домашнем хозяйстве, с другой — мешали создать семью. Бытовые условия общежитий на «великих стройках коммунизма» были нечеловеческими. В музее имеется фотография (из комплекса материалов Л. К. Татьяничевой), на которой представлена одна из комнат общежития строителей ММК. Комната напоминает, скорее, казарму. Более сносными были условия в общежитиях для студентов вузов. На фотографии от Е. Д. Слепенковой (старейший учитель Юрюзани) представлена такая комната — «Общежитие учительских курсов. 1920-е гг.» (ЧОКМ ОФ-4638/373, Ф-11051). На снимке запечатлена большая комната, в которой находятся 19 девушек. В центре комнаты стоит стол, за которым девушки едят и занимаются, около него — скамейки. Вся комната заставлена железными кроватями, на которых сидят и лежат по несколько девушек. Они одеты бедно, в городскую одежду. На стенах на гвоздях висят плащи. Под потолком — лампочка Ильича. На оборотной стороне снимка — надпись простым карандашом: «20-е годы. в общежитии».

Дальнейшим шагом в завоевании женщинами прав, равных с мужчинами, стало освоение техники, в том числе навыков вождения транспортных

Урок по изучению мотоцикла. Школа ДОСААФ (?). 1935–1940 гг., г. Челябинск (ЧГКМ ОФ-7276/68, Ф-15303)

Штурман самолета «Родина» старший лейтенант-орденоносец М. М. Раскова и 2-й пилот, капитан-орденоносец П. Д. Осипенко на прогулке на Медвежьем озере близ Москвы. Сентябрь 1938 г. (ЧГКМ ОФ-7218/132, Ф-12430)

средств. Женщины учились управлять тракторами, мотоциклами и даже самолетами. Школы ДОСААФ посещало все больше девушек. Учеба женщин в челябинской школе ДОСААФ отражена на фотографии «Урок по изучению мотоцикла. Школа ДОСААФ (?). 1935–1940 гг.» (ЧГКМ ОФ-7276/68, Ф-15303).

Апофеозом равноправия женщин в небе и на земле является фото из архива Л. К. Татьяничевой «Штурман самолета “Родина” старший лейтенант-орденоносец М. М. Раскова и 2-й пилот, капитан-орденоносец П. Д. Осипенко на прогулке на Медвеьем озере близ Москвы. Сентябрь 1938 г.» (ЧГКМ ОФ-7218/132, Ф-12430).

Обзор фотографий 1919–1938 гг. отражающих жизнь женщин в новом социалистическом государстве позволяет сказать следующее: жизнь была тяжелой и трагической, яркой, героической, кипучей, бурлящей, наполненной новыми событиями, созидательной и творческой. Несмотря на войны, голод, разруху, переселение в Сибирь и на стройки Урала, коллективизацию, репрессии, наши бабушки выжили. И вопреки всему остались «прекрасным полом». Что и отражено на многочисленных фотографиях из фондов Государственного исторического музея Южного Урала.

Примечания

¹ Максимов А. А. Особенности правового положения женщин в Советской России // Вестн. Междунар. ин-та экономики и права. 2016. № 2 (30). С. 130–139 ; Мирошниченко М. И. Женщины на Урале в 1920–1935 гг. : монография. Челябинск, 2013.

² Мазурова Я. С. Участие женщин в социалистической индустриализации страны // Опыт КПСС в решении женского вопроса. М. : Мысль, 1981. С. 35–54.

³ История советской моды. Часть 1-я — 1920-е [Электронный ресурс]. URL: <http://www.casual-info.ru/moda/wardrobe/168/11705/>

⁴ Синяя блуза [Электронный ресурс] // Википедия : свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Синяя_блуза

В. А. Черных

ГОД ВЕЛИКИХ ПОТряСЕНИЙ. ВЕРХНИЙ УФАЛЕЙ СТО ЛЕТ НАЗАД

Для большинства из нас события 1917 г.— это в первую очередь Октябрьская революция. Действительно, в октябре произошло то, что изменило облик мира. Большевики подхватили власть в стране, уже много месяцев сотрясавшейся от революционных бурь. Старый порядок сокрушила Февральская революция, которая смела прежнее общество и пустила историю России по совсем новой дороге.

К 1917 г. Россия подошла, имея массу нерешенных проблем. В стране, по сути, так и не закончилась революция 1905 г.: постоянно происходили нападения на чиновников, уничтожались помещичьи усадьбы, проходили забастовки, стачки на заводах. В основе этих бунтов лежал голод. Хозяйственная разруха, надоевшая всем затянувшая война, продовольственный кризис привели к усилению революционного движения в стране. Каким был этот год для жителей?

Верхний Уфалей. Вид на поселок с крыши дома на углу улиц Ерзовка и Станционная

Февраль — март 1917 г. Нам не дано полностью восстановить события того бурного года в истории нашего поселка, не дано вдохнуть того пьянящего воздуха свободы, почувствовать, понять мысли, витавшие в головах наших дедов и прадедов, полностью разобраться в атмосфере возвышенности, озлобления, непонимания, охватившей все население Уфалея, приемлющего и не приемлющего установившуюся в октябре власть. Предполагаем одно — равнодушных к происходящим событиям не было. В какой-то мере представить это можем по не столь отдаленным от нас 1990-м. Та же самая революция, только оранжевого цвета. И какими были мы в ней?..

А о тех временах судить мы можем только по хранящимся в архивах документам, сухие строки которых представляют нам события и их участников, да на основании субъективных заметок — сохранившихся воспоминаний, дневников. Не известны нам мнения, чувства, думы и чаяния тех, кто числился в «меньшевиках», «эсерах», «кадетах» — их голосов не слышно в общем многоголосье большевиков. А они тоже

*Заведующий золотыми приисками,
в 1913–1916 и 1919–1920 гг.
управляющий Верхнеуфалейским заводом
Владислав Иванович Витвицкий*

*Купец первой гильдии
Петр Никитич Иванов*

были людьми, не равнодушными к происходившему, причем к их числу относятся личности, весьма уважаемые в заводе. Взять того же В. И. Витвицкого, бывшего политссыльного, управляющего земельной дачей завода, а в 1913–1916 и 1919–1920 гг. — управляющего заводом, и его семейство, в котором первоначально все разделились: одни за эсеров, другие — за большевиков. Или купца П. Н. Иванова, известного не только в Уфалее, бывшего одно время (в 1908) руководителем Уфалейской организации РСДРП, осужденного и высланного из поселка, вернувшегося в него в 1912 г.

27 февраля (12 марта по-новому стилю). Начало русской смуты. Жители уральских заводов в недоумении и растерянности. Обстановка в Уральском регионе к тому времени накалена до предела. Царю сообщали, что «Пермская губерния обеспечена запасами зерна только до половины марта, после чего губернии, работающей на оборону, в апреле грозит голод»... Начальник Пермского губернского жандармского управления предупреждает: «Умы встревожены, не достает только толчка, дабы возмущенное дороговизной население перешло к открытому возмущению».

Событиями был насыщен буквально каждый день. Пожалуй, в этот роковой год столько всего происходило, сколько в былые времена не случалось за десяток лет. Поселок бурлил. Вышла из подполья РСДРП(б), организовывались другие партии. В заводе создали земскую управу, во главе которой пребывали среди прочих купец П. Н. Иванов, управляющий золотыми приисками В. И. Витвицкий, геолог завода Н. А. Керзин. Особая комиссия разоружила полицию и жандармов, которые были так напуганы событиями, что, не сопротивляясь, молча сдавали оружие. Была организована так называемая рабочая милиция — вооруженный отряд, на который стала опираться земская управа. Создали продовольственную комиссию.

Рядом с земской управой 6 марта появился Верхнеуфалейский Совет рабочих и солдатских депутатов, в большинстве своем состоявший из меньшевиков и эсеров. Председателем избрали заведующего химлабораторией В. И. Карпова, беспартий-

ного и глубоко порядочного человека. Были созданы Советы на железной дороге и Верхнеуфалейском заводе, которые возглавили большевики Алексей Михайлович Бабилов (председатель железнодорожных депутатов) и Петр Федорович Ермаков (председатель рабочих депутатов завода).

В марте же активизировалась партия эсеров, руководили которой Семенов и Лазарев и которая занимала дом черносотенца Кочнева. Входили в эту партию в основном кустари, торговцы, частные коновозчики; некоторая часть местной интеллигенции — учителя, счетоводы... Действовала и небольшая группа «Партии народной свободы» (кадеты), активно поддерживавшая Временное правительство и выступавшая, как и эсеры, за продолжение войны.

И в Верхнем, и в Нижнем Уфалее проходили митинги, в церквях служили молебны за здоровье Временного правительства. Александр Петрович Агапитов вспоминал: «Февральскую революцию в Нижнем Уфалее встретили колокольным звоном и молебном. Волостной старшина Власов вызвал в правление батюшку Митрофана Пономарева и объявил ему, что свергнут царь Николай, организовано Временное правительство и всюду служат молебен во здравие последнего, а потому и нам отставать не след. Батюшка согласился, вернулся в церковь и заставил звонить в колокола.

Главный геолог Верхнеуфалейского завода
Николай Аркадьевич Керзин

Нижний Уфалей. Молебен в честь Временного правительства. 10 марта 1917 г.

Нижний Уфалей. Митинг жителей поселка. 10 марта 1917 г.

Народу собралось много. С хором певчих из церкви вынесли иконы и направились к памятнику Александру II, где и отслужили молебен во здравие Временного правительства. Вскоре после этого начали к нам наезжать агитаторы, которые агитировали за вступление в партию социалистов-революционеров. Эсеры завоевали прочные позиции благодаря лозунгу «Земля и воля», привлекательной аграрной программе.

К этому времени узнали, что есть и партия большевиков. Она выдвинула лозунги: «Долой войну! За мир без аннексий и контрибуций!», «Фабрики — рабочим, земля — крестьянству!». Организовалась в поселке и она. Начались почти ежедневные собрания, на которых спорили о партиях — какая подходит нам лучше. Чуть ли не до драк доходили споры...»¹

Что происходило в Верхнем Уфалее? С красными флагами, хоругвями, иконами после отслуженного по этому случаю молебна пришло на заводскую площадь население. Наскоро сколотили из чего попало трибуну и открыли митинг. Каждого оратора встречали криками «Ура!» И все — от кадета до рабочего-большевика — заканчивали свою речь словами: «Власть — наша! Все теперь наше! Теперь мы — хозяева! Заживем, товарищи!» Но никто не говорил, да и не знал, естественно, что ждет дальше, что февраль — это только начало. Мало до кого доходило, что ораторы говорили на разных языках, что они по-разному понимали слова «Власть наша!».

Большинство из присутствовавших не видели разницы в выступлениях представителей разных партий. Их всех пьянило одно прекрасное слово — «Свобода!». Старушки крестились и не знали, как теперь жить без царя: не иначе как придет конец света. А на шубах и пальто митинговавших — красные банты. Даже конторские их нацепили. Попил кровушки народной царь Николай. Правда, на себе больших зверств не испытали, но слышали: сначала Златоустовскую бойню учинил, потом — Кровавое воскресенье в Петербурге, а после — на реке Лене виселицами да расстрелами усмирять непокорных. Еще и войну эту устроил, мясорубку проклятую: сколько родных осталось на чужой стороншке. И все верили: «Теперь все переменится. Все!» А что все-то? На заводах, к примеру, что будет? Кто командовать станет?..

После митинга начались разговоры и действия. Черносотенцы шептались: «Как это — без царя? Без царя — нельзя! Мы без него — как стадо без пастуха...» Рабочие вступали в спор. Спорили всюду — на заводе, дома, на базаре²...

В клубе общественного собрания собрались граждане поселка, в основном наиболее зажиточные. После ряда выступлений из кадетов и правых эсеров был избран

комитет общественной безопасности, в который вошли заведующий мраморными мастерскими Шапошников, главный лесничий Иван Максимович Локацков, кустарь Лазарев и др. Комитет разместился в волостном правлении. Пока разногласия между партиями были еще не явными, поэтому все они принимали участие в формировании комитетов общественной безопасности...

Создали в поселке и союз рабочей молодежи. Социальный состав его был разношерстным — здесь были представители всех слоев населения: дети рабочих, кустарей, коновозчиков, торговцев, рабочая молодежь от 15 до 17 лет. Союз проводил исключительно работу по просвещению и изучению «текущего политического момента». Были организованы кружки — драматический, струнный, хоровой.

В конце марта вернулся из сибирской ссылки В. А. Худяков. Уфалейцы организовали ему торжественную встречу на вокзале, где собрались сотни земляков — в поселке, где почти не было пришлых, все знали друг друга, а Худяков пользовался особой популярностью: ему верили, и старшие наказывали младшим почитать его. Еще бы — ведь его, машиниста воздуходувки доменной, в 1907 г. сослали в Саткинский завод, осудили в 1908 г. и отправили в ссылку в деревню Рожково Енисейской губернии; после освобождения он проплыл по Ангаре до Енисея сотни километров, работал в Тюмени. «Страдальцу за народ, изгнаннику» выстелили домоткаными половиками дорогу от вагона до коляски. Худяков вышел из вагона седой, старый... Собравшемуся народу от волнения

Главный лесничий Верхнеуфалейского завода Иван Максимович Локацков

Лучшие люди Верхнеуфалейского завода возле здания волостного правления. 1916 г.

сказать ничего не мог и заплакал. Его посадили в пролетку заводоуправления и привезли на заводскую площадь, к Белой церкви. Народ сопровождал его до места. А потом здесь состоялся митинг³...

Заводы бастовали. Политические забастовки, митинги на уфалейских заводах не прекращались с весны 1916 по декабрь 1917 г. Рабочие при поддержке большевиков вновь и вновь требовали от администрации сокращения рабочего дня, увеличения штатов (при непрерывном производстве), повышения зарплаты. Управляющий округом в Екатеринбурге (тоже, кстати, наш, уфалейский) Я. М. Питерский просил рабочих продолжать работу ввиду того, что шла война и дополнительно найти рабочих не представлялось возможным. Действительно, Россия, родина, воевала, а большевики трясли ее как грушу. Представьте, случись подобное в Великую Отечественную войну, начни бастовать голодные и работавшие по 20 часов в сутки женщины и подростки... Выдержали бы мы? Победили бы?..

Апрель. 13 апреля в Уфалей приехал представитель Уралобкома, и на общем партийном собрании был избран партийный комитет из семи человек, среди которых — две женщины. Организатором партии избрали В. А. Худякова, председателем — А. С. Мусатова, товарищем председателя — И. С. Пантелеева. В список членов Верхнеуфалейского райкома были внесены и другие большевики. На заводе были созданы профессиональный и производственный союзы, занимавшиеся защитой интересов трудящихся-металлистов (первый) и контролем за производством (второй).

В поселке продолжались митинги. Закончилось полное взаимопонимание и единодушие среди членов всех партий — большевиков, меньшевиков, эсеров. Эсеры переставали жаловать большевиков, те, в свою очередь, начали изгонять их со своих собраний. И каждая партия стремилась «разоблачить» соперницу. Заседали они по своим «углам»: большевики — в Народном доме, эсеры — у торговца А. Б. Кочнева, меньшевики — в доме П. Н. Иванова, меньшевистский солдатский комитет занял здание школы. Собрания в своих «резиденциях» почти ежедневно проводили все партии, существовавшие в заводе. Кадеты, эсеры выступали за передачу власти Государственной думе, за продолжение войны до победного конца, за захват Дарданелл. Большевики призывали к национализации фабрик и заводов, требовали землю отдать крестьянам и прекратить войну⁴.

«Гуляла» рабочая вольница на Нижнеуфалейском заводе. «В цехе, вспоминал А. П. Агапитов, — работал начальником Иван Федорович Чудинов. Тот еще был взяточник. В апреле он отправил несколько человек на «гулевую» неделю после полутора трудовых. Рабочие стали возмущаться, почему он одним дает работать четыре недели, а другим только полторы.

В это время проходивший мимо литейщик Костя Селиванов, услышал разговоры и, крикнув: «Эх вы, да разве царское время теперь, выгонять надо таких начальников!», — помчался в склад, принес мешок из-под сурика и вместе с рабочим листопркатного цеха Иваном Алексеевичем Селивановым разыскали Чудинова, набросили на него мешок и вывели из цеха.

Начальник скинул мешок и, весь в сурике, без фуражки, побежал в квартиру управителя Дюкова. Через некоторое время там собрались все начальники цехов. Листопркатный, сутуночный и механический цеха остановились, рабочие начали

*Организатор большевистской ячейки
Верхнеуфалейского завода
Василий Александрович Худяков*

митинговать, требуя вывезти из завода “командера” и магазинера листового склада Боровкова. От волостного правления бежал урядник Гижевских с криком: “Что за беспорядок, что за бунт? Немедленно разоитись!” И вновь Костя Селиванов вышел из толпы и заявил уряднику, что никакого бунта нет, только вывели из завода ненужных начальников. А поскольку старой власти нет, то и урядник — уже не власть. И сорвал с него шашку.

Урядник побежал в квартиру управителя. Митинг разошелся. На другой день стало известно, что управитель Дюков, начальник листопрокатного Чудинов и урядник Гижевских ночью уехали из Нижнего Уфалея вместе с семьями⁵.

Администрация Сергинско-Уфалейских заводов прислала нового управителя. Временно положение стабилизировалось.

Май. Долгие годы с начала XX в. рабочие отмечали Первомай нелегально: собирались где-либо в лесу под видом гуляющих компаний, выставляли дозоры и слушали выступления большевиков, мгновенно рассыпаясь по окрестным лесам в случае тревоги — обнаружения их полицией. И вот он — май 1917-го! Первый свободный май. Нынешний праздник можно отмечать не таясь, не скрываясь. Его тогда отмечали широко, раздольно по всей России, на Урале и у нас в Уфалее. Георгий Андреевич Иванов вспоминал, что в этот день на площади у завода была проведена первая легальная первомайская демонстрация, на которую вышло все население поселка. Люди радовались весне, а главное — свободе. «Многие были одеты в красные рубахи, кофты, почти у всех демонстрантов были красные банты, а некоторые приехали верхом на лошадях, укутанных красной тканью, сами в красного цвета одеждах». На митинге была принята резолюция (без них не обходился ни один митинг), осуждающая политику Временного правительства. Затем вся эта красочная демонстрация отправилась в лес, в Крутой лог, где было организовано праздничное гулянье⁶...

Июньские дни. Вот уже и лето наступило. Уфалей бурлил, как и в предыдущие месяцы, несмотря на работы на заводе, железной дороге, огородные дела, без которых прожить просто невозможно. Но рабочие находили время и место и для собраний, митингов, резолюций.

Большевики вели большую организационную работу среди рабочих завода и железной дороги, твердо отстаивали лозунг «Вся власть — Советам!», помогали в организации профсоюзов, поддерживали требования рабочих о восьмичасовом рабочем дне, контроле над производством. К началу июня уфалейцы были расколоты на два больших лагеря: большевиков (под руководством старых социал-демократов И. С. Пантелеева, В. А. Худякова, С. В. Мрачковского, Н. С. Степанова) и эсеров. Июньские перевыборы в Совет дали большевикам 95 мест из 103. Председателем Совета избрали А. К. Старожилова, товарищем председателя — И. С. Пантелеева⁷. Успеху большевиков способствовало и их требование немедленно покончить с войной.

Рабочих интересовали дела не только производственные, но и «домашние», главным из которых оставался еще с пореформенных времен земельный вопрос, так и не решенный после отмены крепостного права. Временное правительство, чтобы создать видимость «демократизации» государственного строя, в конце апреля 1917-го опубликовало Закон о создании земельных комитетов — будто бы для «подготовки земельной реформы». В Пермской губернии было организовано

*Первый большевистский председатель
Совета рабочих депутатов Верхнего
Уфалея Андрей Кузьмич Старожилов.
Июль 1917 г.*

12 уездных и около 500 волостных комитетов, которые возглавляли эсеры, беспрекословно выполнявшие указания Временного правительства.

Большинство же волостных комитетов действовало вопреки законам правительства и указаниям вышестоящих комитетов в интересах рабочих. Так, Верхнеуфалейский земельный комитет своим постановлением обязывал заводоуправление передать в его ведение сенокосные угодья. Только вмешательство губернского комитета приостановило действие постановления.

Жаркий июль. 20 июля на общем собрании членов РСДРП(б) Уфалейского района большевики выразили протест Временному правительству, по приказу которого в Петрограде были расстреляны участники демонстрации. Они призывали бойкотировать буржуазные газеты, требовали немедленного упразднения Государственной думы и Государственного Совета, перехода всей власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов⁸.

Правление округа отказалось рассматривать требования рабочих о повышении зарплаты, угрожая остановкой предприятия. Горнопромышленники края усилили наступление на рабочих, устраивали локауты, противодействовали введению рабочего контроля, восьмичасового рабочего дня. Промышленники выступали против вмешательства органов рабочего контроля в дела производства. 17 июля 1917 г. совещание горнопромышленников Урала вынесло специальное решение, направленное против введения рабочего контроля на предприятиях.

Но на Верхнеуфалейском заводе он был установлен. В начале месяца выяснилось, что предприятие стало работать с перебоями. Большевистский Совет поселка потребовал от заводской конторы сведения о запасах руды, металла, прочего сырья и материалов, предложил ускорить перевозку руды, чтобы обеспечить бесперебойную работу заводов...

Вот уже пятый месяц Уфалей бурлил. Рабочие возмущались положением дел в заводе, в стране, требовали немедленной отмены смертной казни на фронте, прекращения травли «вождей революционной демократии», протестовали против закрытия Временным правительством социалистических газет «Правда», «Солдатская правда», «Голос правды», «Утро правды», «Борьба» и др.; против распоряжений о закрытии съездов, собраний «как фактов явно контрреволюционного направления к тому, чтобы окончательно задушить голос рабочих, солдат и крестьян»⁹.

Они глотнули воздуха свободы и не хотели возврата к прошлому, настаивали на немедленном созыве Всероссийского съезда Советов и требовали, чтобы он взял всю полноту власти в свои руки. Они считали, что только такая власть может выполнить программу по вопросам о войне, земле, по рабочему вопросу, требовали созыва Учредительного собрания.

В Москве открыто Демократическое совещание. И они считали, что совещание, «созванное... для обсуждения вопроса о судьбе демократической России, по своему составу не соответствует задачам революционной демократии; а потому все революционные организации призывали отказаться от предложенного представительствам совещания и предлагали быть готовым к организованным выступлениям по первому зову Советов рабочих депутатов.

Демократия может доверять только своим представительным органам — Советам рабочих и крестьянских депутатов, которые должны обладать всей полнотой революционной власти.

Товарищ (заместитель) председателя Совета рабочих депутатов Верхнего Уфалея Иван Степанович Пантелеев. Июль 1917 г.

Означенную резолюцию немедленно довести до сведения Всероссийского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, а также Екатеринбургского областного съезда»¹⁰...

Шестой съезд РСДРП(б), проходивший 26 июля — 3 августа 1917 г., вынес решение о необходимости вооруженного восстания. Но для этого нужны были вооруженные силы. А их не было. Спустя двенадцать лет в журнале «Активист» Александр Николаевич Степанов, бывший рабочий завода, ставший в начале 1930-х директором Уральского отделения Всесоюзного института стройматериалов, писал: «В 1917 г., когда петроградский пролетариат с винтовкою в руках восстал против... российской буржуазии, рабочие Верхнеуфалейского завода одними из первых последовали их примеру... Создавались отряды Красной Гвардии, которая была своеобразным зародышем новой армии. Она строилась при местных Советах по производственно-территориальному признаку.

С целью привлечения в отряд добровольцев в один из воскресных дней июля в поселке было проведено три митинга: в Шуранке, на заводской площади и возле Спасо-Преображенской церкви. Не прошло и пяти дней, как в отряд записалось 40 добровольцев, главным образом рабочих метзавода и депо ст. Уфалей. Красногвардейцы сразу же горячо взялись за самоподготовку. Все они были объявлены на военном положении. Военным комендантом Уфалейского гарнизона был назначен большевик Козин. Обучение отряда в месячный срок было поручено большевику И. П. Фокину, бывшему унтер-офицеру. Учения проводились ежедневно, после рабочего дня, на горе, возле Ильинской часовни.

Учениями красногвардейцев интересовалась молодежь, порой на горе собиралось до 200–300 человек — женщины, старики, дети. Первыми красногвардейцами были рабочие завода и железнодорожники. Большую помощь в обучении новоявленных красногвардейцев, многие из которых отродясь не держали в руках винтовки, оказали военнопленные мадьяры, жившие в поселке, и солдаты, вернувшиеся с войны». Двенадцать лучших красногвардейцев были привлечены к постоянной работе в народной милиции, Екатеринбургский штаб гвардии выделил уфалейцам десять винтовок. Вооруженная «бригада» при необходимости должна была разоружить буржуазную «рабочую милицию» вместе с ее начальником и штабом¹¹.

Август — сентябрь. В августе в Екатеринбурге прошел первый в России областной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, принявший большевистские решения. С этого времени в городах и районах края стало устанавливаться двоевластие. Комитет РСДРП(б) укрепили стойкими большевиками, одним из которых был прибывший из Екатеринбурга И. П. Фокин. Полную поддержку большевики получили и во время выборов в волостное земство (сентябрь 1917). В августе — сентябре в пролетарских районах Среднего и Южного Урала (в том числе в Уфалее) на очередных пере выборах большевики не только победили, но и возглавили новые Советы¹².

После июльских событий наступление буржуазии на пролетариат усилилось, что сказалось и на рабочих Урала. Так, отменила восьмичасовой рабочий день, сократив заработную плату и угрожая остановкой заводов, администрация Сергинско-Уфалейского округа. Съезд горнопромышленников Урала 5 сентября 1917 г. принял решение о недопущении вмешательства рабочих в дела производства. Предпринимателям было дано указание объявлять локауты и закрывать заводы, если рабочие будут вводить рабочий контроль над производством. Как результат — с 20 августа рабочие прокатного цеха Верхнеуфалейского завода прекратили работу¹³.

Под руководством большевиков одним из первых в стране — 31 августа 1917 г. — организовался Екатеринбургский социалистический союз рабочей молодежи. На другой же день молодому большевику Николаю Евсееву поручили вести работу среди молодежи железной дороги и Верхнеуфалейского завода. В обновленный союз рабочей молодежи вступили около сотни человек. Их вожаком, первым председателем ячейки Социалистического Союза молодежи стал Н. Евсеев.

Вся работа союза проводилась в помещении бывшего дома торговца А. Б. Кочнева, позднее — в здании волостного комитета ССРМ (дом П. Н. Иванова) — групп и ячеек в цехах завода, на железной дороге еще не было¹⁴. Разнородность состава членов союза (первое время в него входила и часть молодежи из местной

интеллигенции) порождала внутри него жестокую борьбу. Рабочая молодежь, как и взрослые, вела себя нетерпимо к представителям других партий. Как вспоминал Г. А. Иванов, два члена комитета Союза рабочей молодежи представляли большевиков, один — эсеров. И не было таких политических вопросов, по которым бы комитет выходил на общее собрание с единым мнением: большевики предлагали одно, а эсер — обязательно противоположное: «...поднимались жаркие споры, переходившие во вселенский шум, ругань — это шла борьба вокруг лозунгов и решений большевиков. А сторонники эсеров почти всегда были биты — и в переносном, и в прямом смысле. Кончилось тем, что однажды на собрании эсера исключили из комитета и заменили его большевиком»¹⁵.

Ячейка Союза рабочей молодежи была создана и в Нижнем Уфалее. «В союз вступила почти вся молодежь, работавшая на заводе, — вспоминал нижеуфалеец В. Сидоров. — Мы приходили в рабочий клуб, где создавались самодеятельные кружки: драматический, струнный оркестр и другие. В клубе читались лекции, разъяснялись задачи молодежи в революционном движении того времени. Летом в Нижнем Уфалее был создан отряд красногвардейцев из рабочих и служащих, в который вступили и мы, молодые рабочие завода. Штаб красногвардейцев размещался в здании бывшего волостного правления. После работы мы собирались в штабе, слушали информационные сообщения о событиях в стране, участвовали в военных занятиях»¹⁶ — кроме просветительских кружков было введено и обязательное военное обучение. В ноябре — декабре, после проведения первых же собраний, на которых «прорабатывался и принимался» устав союза, зажиточная молодежь (дети кустарей, торговцев, интеллигенции, коновозчиков) из него вышли¹⁷. Позднее, уже в 1918–1919 гг. комсомольцы помогали старшим восстанавливать разрушенное хозяйство, боролись с разрухой и голодом, добывали сырье, рубили дрова, обеспечивая топливом цеха завода, паровозы; ремонтировали паровозный парк, железнодорожные пути и пр. Весной 1918 г. партия большевиков призвала добровольцев в Красную армию, 25 членов Союза молодежи стали добровольцами. Среди них и семеро тех, кто еще раньше участвовал в походе против Дутова...

По предложению Уральского областного съезда Советов 1 сентября свыше двух тысяч уфалейских металлургов и железнодорожников приняли участие во всеобщей однодневной политической забастовке, которая проводилась на Урале по решению 2-го Уральского областного съезда Советов под лозунгами большевистской партии и была наиболее показательным фактом перехода рабочих на сторону большевиков. Бастовали 25 уральских заводов, в том числе и наши. Утром 9 (22) сентября «рабочие уфалейского завода прекратили работу, остановили завод. По цехам оставили дежурных, чтобы не допускали провокаций... Днем по улицам поселка прошла демонстрация, был организован митинг на площади. На нем выступали и эсеры, а выступление свое заканчивали уже под свист и крики “долой”. Большевиков встречали и провожали с трибуны аплодисментами и дружным “Ура!”». На митинге была принята большевистская резолюция. После забастовки многие рабочие вступили в партию большевиков». На следующий день в 6 часов утра работы на заводе возобновились¹⁸. 23–26 сентября бастовала вся Пермская железная дорога, в том числе и железнодорожники Верхнего Уфалея.

Октябрь — ноябрь. В начале октября 1917 г. в красногвардейском отряде насчитывалось сто красногвардейцев, начальником отряда волостной комитет (волком) партии назначил большевика М. И. Куклина (Лапотышкина). В отряд принимали лишь по рекомендации волкома партии, Совета рабочих депутатов и профсоюза. Проводились своеобразные «экзамены» по подготовке красногвардейцев. «Однажды в грязный осенний день, — вспоминал А. Н. Степанов, — засвистел заводской гудок. Тревога. И через несколько минут — все в сборе.

— Товарищи, — начал начальник отряда товарищ Лапотышкин. — На станцию прибыл воинский эшелон с неизвестными вооруженными людьми. Перебита вся железнодорожная администрация. Мы должны немедленно разгромить всех бандитов!

— Идем туда! — посыпались предложения красногвардейцев.

Дружно отправились. Неподалеку от нас раздался выстрел, другой, третий...

— В цепь, товарищи! — скомандовал Лапотышкин.

Через несколько минут противник был окружен цепью и атакован. Как оказалось, никаких происшествий на станции не произошло и никаких противников там не было, а «наступление» производилось с целью проверки военной готовности красногвардейцев.

Это была пробная военная репетиция»¹⁹.

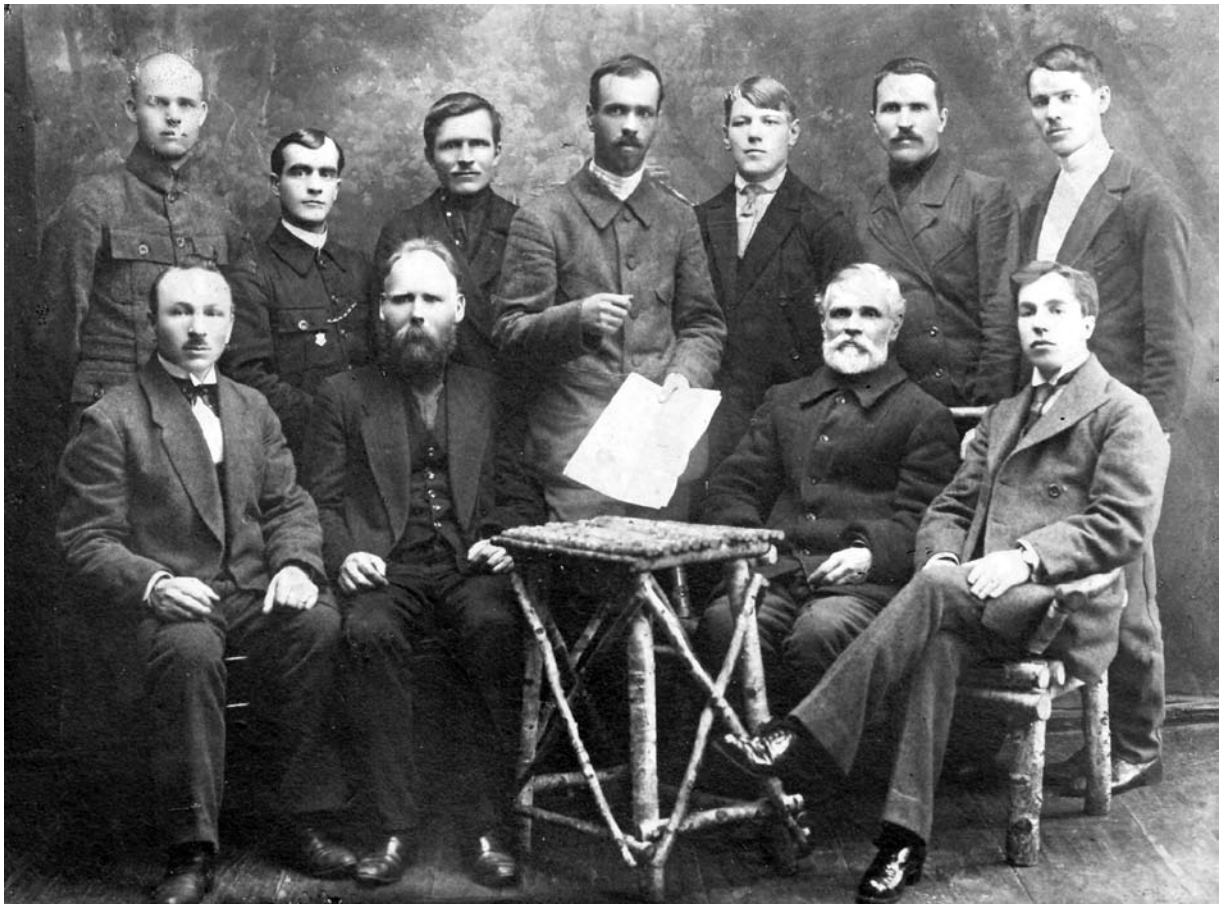
В конце октября отряд был передан в распоряжение ВРК, караулы красногвардейцев выставили для революционной охраны порядка на вокзале, у телеграфа, телефона и на почте. По решению общего собрания Верхнеуфалейской большевистской организации на 2-й Всероссийский съезд Советов от Уфалейского района были отправлены два делегата — И. С. Пантелеев и А. К. Старожилов. Рабочие, провожая их, наказывали: «Вся власть — Советам, или домой не приезжайте!»

26 октября при получении известия о переходе власти в руки Советов красногвардейцы разоружили некоторых ненадежных милиционеров, на зданиях волкома партии и Советов вывесили лозунги «Да здравствует Советская власть!», которые освещались электричеством и были хорошо видны в ночи. В Уфалее был создан, по воспоминаниям старожилов, образцовый порядок. В этот же день в заводе был установлен рабочий контроль над производством²⁰.

1 ноября торжественно встречали вернувшихся из Петрограда делегатов. Выступали с речами от партии большевиков Уфалейского района Худяков, от исполнительного комитета Совета рабочих депутатов — Бабилов, а при входе в здание Совета отряд красногвардейцев дал салют, после чего Пантелеев сделал доклад²¹. В Верхнем Уфалее советская власть была официально установлена 28 октября 1917 г. Председателем Совета избрали И. С. Пантелеева, товарищем председателя — А. К. Старожилова, членами Совета — В. А. Худякова, В. Я. Мрачковского, И. П. Фокина,

Первый Совет рабочих депутатов Верхнего Уфалея при советской власти. Ноябрь 1917 г.

*Сидят слева направо: И. С. Пантелеев, В. А. Худяков, В. Я. Мрачковский, И. П. Фокин;
стоят: А. К. Старожилов, И. П. Анциферов, И. И. Запашников, А. С. Мусатов, А. Н. Степанов,
А. М. Бабилов, И. П. Сурков*

И. П. Анциферова, А. С. Мусатова, А. Н. Степанова, И. И. Запащикова, А. М. Бабилова, И. П. Суркова и др. В состав Совета 25 ноября 1917 г. были избраны 40 человек (все большевики)²².

Советы были образованы не только в самих поселках, но и на предприятиях. Совет рабочих депутатов на заводе был создан еще в марте 1917 г. Председателем его избрали кочегара Петра Федоровича Ермакова. На железной дороге председателем Совета железнодорожных депутатов (в августе 1917) был избран Алексей Михайлович Бабилов (после революции — депутат и член исполкома Совета рабочих депутатов Верхнего Уфалея, председатель мирового суда; вел работу по организации профсоюза, укреплению трудовой дисциплины, борьбе с бюрократизмом, организации контроля над производством, налаживанию хозяйственной и культурной жизни на железной дороге). Членами железнодорожного Совета были Леонид Витальевич Мрачковский (председатель железнодорожного Совета станции Аргаяш), Иван Афанасьевич Данилов, Александр Устинович Онучин, Сергей Семенович Платонов и др.

Власть у Советов. Но заводы пока находились в ведении старых хозяев, от имени которых управляла администрация по делам Товарищества Сергинско-Уфалейских горных заводов. Саботаж, локауты, голод в поселках, продолжавшаяся война довели к осени хозяйство Урала до полного краха. Обострился и продовольственный кризис. Невероятных размеров достигла спекуляция. Сократился подвоз хлеба к заводам, рабочие получали полуголодные пайки... Общее впечатление о том «бунташном» годе высказал в своих записках А. В. Акимов в 1918 г.: «Прошлый, 1917 год, был полон всяких новшеств. Кругом — безначалие, своеволие и произвол, жизнь человеческая ничего не стоит, ни гроша. Кругом — озлобление и партийные дразги. В общем, мало утешительного...»²³

14 ноября 1917 г. советское правительство приняло декрет об установлении рабочего контроля на производстве. Органы рабочего контроля, не лишая горнопромышленников их собственности, постепенно становились фактическими руководителями промышленных предприятий. На Южном Урале, как и во многих других районах страны, национализация заводов и фабрик началась задолго до издания Совнаркомом декрета об общей национализации всей крупной промышленности. Проводилась она не только правительственными органами, но и местными Советами. Вначале были национализированы крупные предприятия — металлургические и металлообрабатывающие заводы.

Г. А. Иванов вспоминал: «Власть была у Советов, на заводе — старые хозяева. Фактически, на предприятии получалось двоевластие... В начале декабря на общем собрании членов большевистской организации поселка рассматривались ближайшие задачи в области экономики, в том числе говорилось и о необходимости проведения в жизнь декретов Советской власти о введении 8-часового рабочего дня и рабочего контроля, о борьбе со спекуляцией и беспощадном обложении денежной контрибуцией капиталистов и купцов вплоть до конфискации их имущества»²⁴.

Рабочий контроль создавал условия для перехода к национализации промышленности. Введение его, естественно, было враждебно воспринято заводчиками. Владельцы заводов на введение рабочего контроля, подразумевавшего становление твердых расценок и норм выработки для различных видов работ, правил внутреннего распорядка, учета материалов, сырья, топлива, требования от администрации заводов своевременной выплаты рабочим заработной платы, отвечали по-своему. Администрация ставила вопрос о закрытии Верхнеуфалейского завода якобы из-за невозможности доставать необходимые материалы и сырье²⁵. На окружной конференции фабзавкомов, профсоюзов и Советов (20–23 ноября 1917 г.) было принято положение, согласно которому контроль надлежало установить над всеми сторонами деятельности горнозаводчиков, а в случае противодействия привлекать их к уголовной ответственности.

Петроградское правление Сергинско-Уфалейских заводов потребовало от администрации закрытия Верхнеуфалейского, а затем и других заводов округа. Правление округом прекратило снабжение предприятий и материалами, и деньгами. Верхнеуфалейский завод был закрыт.

«Уральский техник» сообщал: «В окружной Совет... 9 декабря для выяснения причин закрытия Верхнеуфалейского завода были приглашены... представители администрации Сергинско-Уфалейских заводов. На соединенном собрании областного и окружного Советов было выяснено, что причиной было желание администрации во что бы то ни стало помешать введению рабочего контроля...»²⁶ Все закончилось арестом представителей и заключением их в одиночные камеры, назначением новых управляющего заводом и главного бухгалтера. И новая администрация вынуждена была считаться с требованиями собрания областного и окружного Советов²⁷.

С просьбой к Ленину оказать помощь в ликвидации саботажа горнопромышленников и национализации принадлежащих им предприятий обратился в начале декабря и Уральский областной Совет рабочих и солдатских депутатов. Тогда же на собраниях рабочих предприятий Сергинско-Уфалейского горного округа, в том числе и Верхнеуфалейского завода и железной дороги, были избраны делегации для поездки в Совет народных комиссаров с просьбой о скорейшей национализации заводов округа. От Нижнего Уфалея делегатами были избраны А. В. Зайцев и П. М. Анисимов, от Верхнего Уфалея — члены совета И. П. Фокин и помощник машиниста паровоза А. С. Мусатов. Были отправлены делегации и от Сергинской части округа.

Ленин направил записку А. Г. Шляпникову и Ф. Э. Дзержинскому: «Вопрос на Урале очень острый: надо здешние (в Питере находящиеся) правления Уральских заводов арестовать немедленно, погрозить судом (революционным) за создание кризиса на Урале и конфисковать все уральские заводы. Подготовьте проект постановления поскорее»²⁸. 27 декабря 1917 г Совнарком издал декрет о национализации акционерного общества Путиловских заводов и акционерных обществ Кыштымского и Сергинско-Уфалейского горных округов на Урале (заводы Каслинский, Кыштымский, Нязепетровский, Верхне- и Нижнеуфалейские и Сергинские). В декрете говорилось: «Ввиду отказа заводоуправления акционерного общества Сергинско-Уфалейского горного округа подчиниться декрету Совета Народных Комиссаров о введении рабочего контроля над производством, Совет Народных Комиссаров постановил конфисковать все имущество акционерного общества Сергинско-Уфалейского горного округа, в чем бы это имущество ни состояло, и объявить его собственностью Российской Республики. Весь служебный и технический персонал обязан оставаться на местах и исполнять свои обязанности. За самовольное оставление занимаемой должности или саботаж виновные будут преданы революционному суду»²⁹.

Вернулись уфалейцы домой, и на общем собрании рабочих поселка И. П. Фокин рассказывал, как их Ленин принимал. Сестра Ивана Петровича вспоминала позднее: «Я,— говорил Фокин,— представлял себе Ленина каким-то снаружи особенно представительным человеком. В действительности увидел самого обыкновенного мужчину, как мы...»³⁰ Особенно поразила уфалейцев заплатка на ленинском ботинке...

Примечания

¹ Воспоминания А. П. Агапитова.

² Воспоминания Г. А. Иванова.

³ Там же.

⁴ Черных В. А. Завод на речке Уфалей. От завода до города. 1917–1945. Челябинск, 1913.

⁵ Воспоминания А. П. Агапитова.

⁶ Уфал. рабочий. 1937. 28 окт.

⁷ Там же. 1917. 22 сент.

⁸ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 237.

⁹ Резолюция пленарного заседания Верхнеуфалейского Совета рабочих депутатов // Урал. правда. 1917. 13 авг.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 6978. Оп.1. Д. 356. Л. 33.

¹¹ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 2196.

¹² Лисовский Н. К. Октябрь на Южном Урале. Челябинск, 1957.

¹³ Рабочий класс Урала в годы войны и революции. Свердловск, 1927.

¹⁴ Уфал. рабочий. 1937. 23 окт.

¹⁵ Воспоминания Г. А. Иванова.

¹⁶ История Нижнеуфалейского завода.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Урал. рабочий. 1917. 20 сент.

¹⁹ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 2196.

²⁰ Лисовский Н. К. Указ. соч.

²¹ Воспоминания Г. А. Иванова.

²² ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 1188.

²³ Дневник А. В. Акимова.

²⁴ ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 237.

²⁵ Лисовский Н. К. Указ. соч.

²⁶ Рабочий класс Урала в годы войны и революции.

²⁷ Воспоминания Г. А. Иванова.

²⁸ Национализация промышленности на Урале : сб. док. Свердловск, 1958.

²⁹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. М., 1968–1975. Т. 29. С. 428 ; Изв. ВЦИК. 1918. № 262.

³⁰ Воспоминания С. П. Присягиной — сестры И. П. Фокина.

Н. Н. Чухарева

ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ГЛАЗАМИ ПОДРОСТКА (по воспоминаниям А. А. Скарущкого)

2017-й — год столетнего юбилея Октябрьской революции. Нам необходимо взглянуть более объективно на события столетней давности, извлечь уроки из трагических для нашей родины событий. Революция 1917 г. в России прошла в два этапа — в феврале и октябре. Большое значение имеют также события между этими этапами. Великая российская революция затронула каждую семью и каждого отдельно взятого человека.

В фондах Миасского краеведческого музея хранятся сведения о том, какими увидел революционные события подросток 13–14 лет — воспоминания Антона Антоновича Скарущкого. Чтобы лучше понять его впечатления, нужно обратиться к его личным документам, которые также хранятся в фондах музея. Одной из причин революционных событий 1917 г. стало недовольство народа затянувшейся войной. В марте 1916 г. к городу Борисову Минской области подошел фронт. Автор воспоминаний вместе с матерью был эвакуирован на Урал — в Миасский завод Троицкого уезда Оренбургской губернии¹.

К сожалению, о самом Антоне Антоновиче ничего не написано в Миасской энциклопедии, нет сведений о нем и в Интернете, хотя эта личность заслуживает внимания. Он был одним из первых сотрудников Ильменского заповедника, одним из первых комсомольцев Миасса, минералогом, геологом, метеорологом, членом Всесоюзного географического общества.

Антон Скарущкий родился 27 апреля 1905 г. в городе Борисове в семье учителя церковноприходской школы Антона Игнатьевича Скарущкого. Мать занимала пост председателя учительского союза, в 1921 г. умерла от холеры².

Антон Антонович прожил большую интересную жизнь, знал многих известных в Миассе людей. В газете «Миасский рабочий» за 1988 г. размещена статья комсомольца 1920-х гг. Антона Скарущкого.

Личный листок по учету кадров

1. Фамилия Скарущкий
имя Антон отчество Антонович
2. Пол Муж. 3. Год рождения 1905 4. Место рождения:
по существующему адм. делению г. Борисов
Минской области

5. Национальность Белорус. Соц. происхождение из рабочих
а) быль, сословие (звание) родителей Скарущкие
б) основное занятие родителей до Октябрьской революции
Учитель, после Октябрьской революции
Учитель 7. Основная профессия (занятие) в настоящее время.
Для членов ВКП(б) — к моменту вступления в партию Чл. с.с.р.
8. Соц. положение Скарущкий 9. Партийность Чл. с.с.р. 10. Какой
организацией принят в члены ВКП(б)

11. Партистка нет или к/карточки нет
12. Стаж пребывания в ВЛКСМ с 1920 по 1921 13. Состоял ли в других партиях (каких, гд.,
с какого и по какое время) Несостоял
14. Состоял ли ранее в ВКП(б) нет с какого и по какое
время и причины исключения или выбытия

15. Был ли избран в проведение линии партии и участвовал ли в оповещениях (квиз, кода)

16. Членом какого профсоюза состоит и с какого года Сов. Винох. м.к. и М. учр.

17. Образование Среднее

Общая характеристика	Полное название учебного заведения (узна, вуза, техникума, колледжа, школы и проч.) и его местонахождение	Название факультета или отделения	Дата (м., г.)		Средний балл	Если не окончено, то с какого и по какому году учился	Какие (какие) специальности получены в результате окончания учебного заведения
			поступил	окончил			
Полное наименование	<u>Минская губернская учительская семинария</u>	<u>Минск</u>	<u>1919</u>	<u>1920</u>			
	<u>Миасская 2-я гимназия</u>	<u>Миасс</u>	<u>1920</u>	<u>1921</u>		<u>Октябрь.</u>	<u>Учитель, инж. 1 ступени</u>
	<u>Миасская 1-я гимназия</u>	<u>Миасс</u>	<u>1921</u>	<u>1924</u>			
Полное наименование	<u>нет</u>						

18. Ученица степерь (звание) Учитель 19. Имеет ли научные труды и изобретения нет (перечень и устных трудов и изобретений с указанием, по каким вопросам и где опубликованы, необходимо дать в приложении).

20. Был ли за границей нет (да, нет)

Дата (м., г.) с какого по какое времени	В какой стране (указать город)	Цель пребывания за границей

Личный листок по учету кадров
Антон Антоновича Скарущкого

Он пишет: «Отгремели последние раскаты артиллерийской дуэли, и каппелевцы откатили на восток, за отроги Чашковских гор... В затхлую атмосферу старого мещанского быта ворвалась свежая струя революционной бури. Ознаменовалось это и доселе небывалым наплывом культурных сил из голодающего Петрограда. Все это создало новую, еще не виданную духовную атмосферу и способствовало, в частности, возникновению в Миассе музея местного края...» Далее он описывает образование нашего краеведческого музея. Коренной питерец, первый заведующий поднаробраза миасского ревкома Сергей Владимирович Стржешковский был заметной фигурой даже в столичном окружении. «Его высокая эрудированность счастливо дополнялась незаурядным талантом создателя и организатора. Как-то само собой получилось, что в поднаробразе нашлось два человека (вторым оказался я), ринувшиеся спасти научные и культурные ценности, которым угрожало уничтожение и гибель. А что за ценности? Это были чучела животных и птиц, коллекции минералов, образцы флоры и энтомофауны. Их прежде изготовляла мастерская учебных пособий частного предпринимателя Бардина, сбежавшего с белыми...»³ В солнечном августе 1919 г. Сергей Владимирович раздобыл в горкомхозе подводу, а у председателя ревкома товарища Эгле — мандат на право национализации бардинского имущества. Герои ухитрились совершить по четыре рейса в день по тряской булыжной мостовой. За три дня задача была выполнена.

В том же «Миасском рабочем» (№ 65 от 26 апреля 1995 г.) в статье «Жизнь долгая и интересная» краевед Владимир Федорищев писал, что из-за революции, Гражданской войны не пришлось Антону получить систематического образования, «но благодаря пытливости, хорошей памяти, воспитанию в учительской семье юноша постоянно черпал знания, культуру. И стал, несмотря ни на что, образованным человеком»⁴.

В шестнадцать лет Антон Скаруцкий стал преподавать в четвертом классе Миасской начальной школы, затем работал воспитателем беспризорных в детском городке.

Два года своей отроческой жизни (1917–1918) он провел в Челябинске, обучаясь бесплатно в духовном училище. В это время он жил в интеллигентной семье Пирожек. Известие о революционных событиях застало его в этой семье. Зимой 1917 г. один из родственников семьи — дядя Коля — забегал с различными вестями, которые становились все более сенсационными. «Однажды он ворвался очень взволнованным и, не раздевшись, выпалил: “Николай отказался от престола”. Обычно он старательно раздевался и приступал к очередной политинформации. Теперь весь порядок был нарушен. “Подумать только! Вместо царя временное правительство!”»⁵

Дальнейшие разговоры, рассуждения и сплетни не интересовали ребят. «Однажды он забежал с красным бантом на груди. — В стране революция! — объявил он торжественно... — Весенние ветры подули над страной! — декламировал он, нервно расхаживая по столовой и размахивая носовым платком, так и не спрятанным в карман... И действительно в городе творилось что-то необычное»⁶.

По улицам, как вспоминает А. Скаруцкий, шли многолюдные процессии с красными флагами и революционными песнями: «Отречемся от старого мира! Отрянем его прах с наших ног!» Люди пели в полный голос и не таясь... Тоня вспомнил, как еще недавно эта песня была запрещена и старшеклассники пели ее так: «Отречемся от старого мыла и не будем мы в баню ходить!»⁷.

Правительство было новое, а порядки мало чем изменились. Германская война продолжалась. По улицам маршировали роты солдат в серых шинелях. Оглушительно с диким присвистом и с лихом впереди вышагивающим офицером, пели они: «Соловей, соловей, пташечка! Канареечка жалобно поет. Рас, два, горе не беда. Канареечка жалобно поет...» Но иногда солдаты горланили под разбойничий посвист и явную похабщину»⁸.

А. А. Скаруцкий пишет о том, что в этом году жизнь стала заметно ухудшаться, все дорожало. С продуктами становилось все труднее и качество их снижалось. Хозяйке доставляло немало хлопот, чтобы прилично и сытно накормить многочисленную семью. Подобно буре, революция ломала и сметала напрочь старые порядки и жизненные устои. В этом водовороте прекратило свое существование духовное училище.

*Коллектив служащих торфяника МНЗ.
Пятый слева в верхнем ряду — Антон Антонович Скаруцкий. 1922 г.*

Челябинское духовное училище, созданное еще в 1830 г., было одним из лучших духовных учебных заведений Оренбургской и Уфимской епархий. В преподавательском составе было много высококвалифицированных педагогов, имелась хорошая библиотека. В корпусе учебного заведения располагался домовый храм. В 1916/17 учебном году в Челябинском духовном училище занимались 168 человек. Срок обучения составлял четыре года. После революции 1917 г. советские власти стали закрывать духовные образовательные учреждения. Закрылось и Челябинское духовное училище. В здании, которое некогда принадлежало учебному заведению, расположились представители новой советской власти. В первую очередь ими был уничтожен храм, после были разрушены остальные постройки. В настоящее время на этом месте находится здание Правительства Челябинской области⁹.

По окончании второго класса Антон навсегда уехал из Челябинска. С большой грустью прощался он с гостеприимной семьей Пирожек. При расставании дорогой друг Митя сказал ему: «Прощай брат!.. Нос не вешай! Надеюсь, что из тебя выйдет человек! — с большим волнением Тоня воспринял это напутствие, как некое духовное завещание»¹⁰.

Зимой 1917/18 гг. в Миассе ходили политические слухи о «большевистской угрозе», «зверствах большевиков»... Поселившись рядом с Антоном Скаруцким в школьном классе, какой-то бывший деятель земства все время бредил Учредительным собранием, считая его панацеей от всех политических бед и напастей. Потом этот бородатый «политикан» куда-то исчез, и вскоре рядом, в классе, разместилась группа красноармейцев с баяном. Музыкант лихо играл, бойцы пели революционные песни¹¹.

Потом красногвардейцы неожиданно ушли и больше не возвращались. На это Антон даже внимания не обратил, но его заинтересовали какие-то бородатые

мужчины, бегающие по улице с ружьями. Кто-то из вооруженных торговцев сказал, что это «контрреволюционный мятеж». К полудню автор воспоминаний увидел с балкона колонну четко шагающих солдат в обмотках и поющих на незнакомом языке песню:

«Подару тэбэ колэчко,
Будешь ты моя кралочка...»¹²

Вскоре выяснилось, что это пришли чехи. Антон начал гадать, кто от кого произошел: чехи от Чехова или Чехов от чехов? Суток не прошло — в школу вселили команду военного оркестра. Теперь подросток слушал бесплатные концерты. По его воспоминаниям, чехи были вежливы, галантны, чисто выбриты, и от них пахло одеколоном и дорогим табаком. По-русски они говорили довольно прилично. Своей галантностью они покоряли миасских барышень. А когда пришла пора разлуки, немало было пролито девичьих слез. По вечерам чехи со знанием дела обучали девиц западным танцам и имели в этом успех. Интересный факт отметил юный Антон: в то время был устроен конкурс на «первую красавицу» в городе. Главный приз получила Сима Гоз, унаследовавшая красоту от отца. У нее эффектно сочетались нежный цвет лица, васильковая синева глаз и блеск черных волос. В этот переломный год Антон закончил городское училище¹³.

Галантные чехи ушли, оставив после себя груды разбитых сердец и океан горячих слез. Подходило последнее действие драмы, когда в истории города Миасса листалась еще одна новая страница. «На несколько часов миасский обыватель оказался в “интересном положении”... От века стояла законная власть — “богом данная”... А тут нака тебе! — Нету никакой власти! Вот ведь где лафа!.. Ну тут обыватель и показал себя во всей “красе”»¹⁴.

Для Антона и его друга Шуры картина эта оказалась очень назидательной. У многих жителей разыгрались их первобытные инстинкты. К бакалейной лавочке подъехал верховой казак, ударом приклада от винтовки он сбил замок и, не слезая с коня, проник в нее. Взяв пачку махорки и семечек, беззаботно уехал. После этого начался грабеж среди бела дня. Толпа ворвалась в лавку, и тут начался «еврейский погром». Озверелые обыватели ломились, дрались, рычали. Поднялась невообразимая давка, драка, галдеж. В один миг вся поверхность земли вокруг лавки покрылась охрой и мелом вперемешку с махоркой, семечками, гвоздями и осколками стекла. Среди всей этой мешанины просвечивали подозрительные красные лужи — то ли краска, то ли кровь человеческая. Это зрелище потрясло юные создания. Они не верили своим глазам, узнавая в бешеной толпе своих знакомых и уважае-

Сотрудники Ильменского заповедника. Третий слева в первом ряду — Антон Антонович Скаруцкий. 1960-е гг.

мых граждан. Так влияли отсутствие власти и революционные «свободы» на местных жителей.

«Тем временем перестрелка увеличилась. Частое стрекотание пулеметов время от времени заглушалось грохотом пушек. Это началась “артиллерийская дуэль” между наступающими красными и отступающими белыми — “капеловцами”, стреляющими с Чашковской горы. Нередко на небе возникали красивые кудрявые облачка взрывающихся снарядов, осколки которых потом железным градом барабанили по крышам. Испуганный народ хоронился в подпольях... Все виденное кажется каким-то ненастоящим, как в кино...»¹⁵

Судьба автора воспоминаний, несмотря на то что он рано потерял отца, а в 16 лет — и мать, сложилась благополучно. Он прожил долгую и интересную жизнь, был одним из первых комсомольцев нашего города. Трудности его только закалили. В автобиографической повести, хранящейся в Миасском музее, практически художественным языком описана жизнь нашего города и жизнь отдельно взятого человека, ставшего свидетелем перелома в жизни российского обывателя и в его сознании. Немалый интерес и удивление вызвал у меня факт, что не в самый сытый 1923 г., восемнадцатилетний Антон занялся голоданием и йогой, причем не только читая книги, но и непосредственно занимаясь практикой. Антон Антонович в течение 30 лет заведовал метеорологической станцией и вел фенологические наблюдения. Он изучал периодические явления живой природы и их связь с климатическими явлениями Челябинской области¹⁶. Был награжден почетной грамотой президиума Всесоюзного географического общества как неутомимый наблюдатель за явлениями природы, похвальным листом Миасского городского комитета ВЛКСМ за большую общественную работу в совете Миасского краеведческого музея и в связи с 50-летием со дня его основания в 1970 г.¹⁷

Примечания

¹ Автобиография А. А. Скарущкого // Миасский краеведческий музей. НВ 215. ДК 708. Л. 1.

² Там же. Л. 2.

³ Скарущкий А. Рождение музея // Миас. рабочий. 1988. 30 июля. С. 2.

⁴ Федорищев В. Жизнь долгая и интересная // Миас. рабочий. 1995. 26 апр. С. 1.

⁵ Детство, отрочество, юность Антона Антоновича Скарущкого // Миасский краеведческий музей. АШ 17. С. 12.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ URL: <http://www.theolog.info/schools/5-cheljabinskoe-duhovnoe-uchilische.html>

¹⁰ Детство, отрочество, юность Антона Антоновича Скарущкого... С. 19.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 20.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Грамота географического общества. Один из старейших сотрудников Ильменского минералогического заповедника // Миасский краеведческий музей. НВ 205. ДК 669.

¹⁷ Похвальный лист Миасского городского комитета ВЛКСМ // Миасский краеведческий музей. НВ 205. ДК 668.

Часть IV

Личность на изломе истории

ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ АГАПОВ — ОРГАНИЗАТОР ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЮЗА ВРАЧЕЙ ЧЕЛЯБИНСКА (1918)

Павел Александрович Агапов родился 24 июня 1869 г. в семье казака Оренбургского казачьего войска. В 1894 г. окончил медицинский факультет Императорского Казанского университета. Получил диплом лекаря с отличием и 19 октября врачебным отделением Оренбургского губернского правления после утверждения губернатором определен врачом 8-го медицинского участка Оренбургского казачьего войска в станицу Кундравинскую (Троицкий уезд). В феврале 1896 г. получил серебряную медаль в память царствования императора Александра III.

19 ноября 1897 г. после смерти врача А. С. Арнольдова переведен на должность врача 9-го участка Оренбургского казачьего войска в Челябинск. Был женат на дочери диакона Наталье Николаевой. Имел детей: сына Леонида, родившегося 15 мая 1891 г., и дочерей Тамару, родившуюся 5 июня 1893 г., и Наталию, родившуюся 15 августа 1897 г.¹

В декабре 1902 г. вышел в отставку, занимался частной практикой, работал врачом в учебных заведениях города (реальное училище, низшая ремесленная школа, учительская семинария). Несколько раз замещал врача городской больницы. Имел чин коллежского советника. Избирался мировым судьей по Челябинскому уезду (1909). Был членом попечительного совета женской гимназии (с 3 августа 1906), председателем Челябинского комитета Всероссийского союза городов (1916). После падения царизма в марте 1917 г. возглавил временный Комитет общественной безопасности (КОБ) — высший орган власти на тот момент².

Имел собственный дом на улице Большой (современный адрес: ул. Цвиллинга, 16). После Гражданской войны в 1920-х гг. в доме Агапова располагался губздравотдел, затем окрздравотдел, амбулатория. В 1925 г. в этот дом переведена зуботехническая лаборатория³.

Но это был не первый дом П. А. Агапова в городе. По архивным документам 1900 г., у него имелся дом на улице Казарменной. При поисках квартиры под приемный покой для солдат городская управа «за неимением поблизости казармы подходящего для этой цели дома остановилась на предложении врача П. А. Агапова, желавшего сдать городу под приемный покой флигель во дворе при доме его по Казарменной улице с платою по 200 руб. в год без отопления и освещения. Городская Дума в заседании своем 31 мая 1900 года предложение г. Агапова отклонила»⁴.

В ноябре 1918 г. в связи с эпидемией тифа по приказу начальника штаба Западного фронта белых войск были созданы санитарные комитеты, в том числе в Челябинске. Возглавлял этот комитет П. А. Агапов.

В 1919 г. он помощник начальника санитарного отдела Западной армии белых. В Гражданской войне он не погиб, в 1923 г. проживал в Москве по адресу: ул. Н.-Божедомка, д. 11, кв. 10 (данные из справочника «Вся Москва» за 1923 г.), занимался врачебной практикой. В медицинском списке за 1924 г. эти сведения подтверждаются⁵.

Занимая активную гражданскую позицию, имея определенное политическое мировоззрение (принадлежал к партии кадетов), в бурные революционные годы Па-

вел Александрович был достаточно заметной фигурой среди горожан, участвующих в политических преобразованиях. Об этой стороне его деятельности есть достаточно много информации. Вместе с тем до настоящего времени ничего не было известно о том, что П. А. Агапов в годы революции был инициатором создания и первым председателем правления профессионального Союза врачей в Челябинске. На основании материалов, насыщенных сведениями источников попытаемся восстановить картину далеких событий.

Предположительно в феврале 1918 г. (точная дата неизвестна) состоялось учредительное собрание по созданию союза. Второго марта прошло первое заседание правления, кроме Агапова на нем присутствовали врачи Бланкфельд, Соловьев, Добрадин, Славин (протоколы заседаний правления сохранились практически в полном объеме). Под председательством Агапова решался ряд организационных вопросов, в том числе решено было оповестить о создании Челябинского союза Пироговское, Оренбургское, Екатеринбургское и Пермское общества врачей, Союз профессиональных союзов и просить их прислать уставы и материалы. Известить городское собрание, земство, районный комитет Омской железной дороги, переселенческое управление, управление больничной кассы, беженский орган, Совет военных врачей. Совет рабочих и солдатских депутатов врачи не посчитали нужным информировать о создании своего профессионального союза.

Были заказаны печать, кассовая книга. Решено было заседания правления союза проводить еженедельно, но на практике так получалось только в начальный период. Была разработана анкета, которую врачи заполняли при вступлении в союз. Одним из важных вопросов анкеты являлся вопрос материального положения членов союза. Была определена сумма вступительных и годовых платежей, периодически она корректировалась.

Уже через неделю в союз вступили известные в городе врачи Шефтель, Шульдц, Родионов, Волкова, Черкасова.

Проводилась достаточно активная работа по привлечению в союз врачей города и уезда, вскоре большинство врачей состояло в союзе, тем более что членство стало обязательным для продолжения профессиональной деятельности.

В период функционирования в городе некоторых старых и появившихся новых органов власти (фактически двоевластия) позиция союза по отношению к ним проявлялась достаточно четко. 23 марта в союз обратился исполнительный комитет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Челябинска с просьбой выдвинуть кандидатуру от врачей на должность комиссара здравоохранения. Союз постановил: «...ответить, что вопрос этот будет разрешен общим собранием профессионального союза врачей. Обсудив принципиально, правление высказывается против выдвижения кандидатуры врачей на эту должность, с указанием на необходимость создания исполнительного органа здравоохранения, выдвинутого общим собранием городского и уездного санитарных советов».

В то же время на обращение Челябинской управы от 11 марта 1918 г. постановили: предложить общему собранию избрать делегата в уездный медико-санитарный совет, городской санитарный совет.

Ввиду важности, срочности и сложности вопросов 31 марта было проведено общее собрание членов союза в здании народной управы. Заседания правления проводились в доме Агапова.

По вопросу о выдвижении врача на должность комиссара здравоохранения общее собрание поддержало правление (кандидат также не был выдвинут), делегатов в городской и уездный санитарные советы избрали.

Комиссаром здравоохранения был назначен А. В. Протасов. В конце апреля 1918 г. врач Ф. Т. Розенгауз заявил, что он стал членом коллегии комиссариата здравоохранения, на что правление союза постановило считать «данное вступление врача Розенгауза делом индивидуального усмотрения».

На собрании союза было принято решение об организации ночных дежурств врачей по городу. В месяц получалось по одному дежурству на врача, иногда по два. Для дежурных врачей выделялась комната при городской аптеке, затем в аптеке Плонского. Дежурства начались 20 апреля 1918 г.

Общим собранием дано поручение членам правления разработать проект коллективного договора и предложения по окладам врачей.

В связи с начавшимся уплотнением населения города союз встал на защиту врачей в этом вопросе, просил власти в квартиры врачей никого не подселать. Этот вопрос обсуждался неоднократно.

При союзе организовывалась касса взаимопомощи, размер взносов устанавливался в размере 1 % от заработка.

На заседании правления 8 мая встал вопрос о делегировании врачей на областную конференцию здравоохранения. Правление постановило предоставить решение вопроса общему собранию с указанием, что в виду: «1) малокомпетентности конференции, где врачи согласно инструкции являются малочисленной группой, где подавляющим большинством являются лица малоприкосновенные к дисциплинам научной медицины, 2) в виду политического подбора врачей — врачей стоящих на платформе признания Советской власти — политического принципа не совместимого с аполитической основой медицинского строительства и дела здравоохранения, оно не настаивает на посылке делегата на конференцию». Конференция проходила в Екатеринбурге 15–24 мая. От Челябинска Советом депутатов на нее был делегирован комиссар здравоохранения А. В. Протасов.

При правлении союза было организовано бюро труда, в сферу деятельности которого входили поиск вакансий, рекомендации врачам при определении их на должность и защита их прав при увольнении. Практически союз брал на себя все вопросы трудоустройства врачей, без решения союза врачи не имели права заместительства. Союз регулировал работу частнопрактикующих врачей, составлял единый список их для публикации объявлений в местную газету. При обращении в бюро труда врач, желающий найти рабочее место, платил 5 рублей, организация (лечебное учреждение) при поиске врача платила в бюро 10 рублей.

Началось формирование медицинской библиотеки при союзе, врачу И. М. Бланкфельд поручено было выписать необходимую периодическую литературу.

При союзе был сформирован суд чести, принято положение о суде и посредничестве при недоразумениях.

Предполагалось страхование врачей на случай болезни или смерти. Страховая сумма планировалась в 10 000 рублей. Правда, неизвестно, успели ли члены союза осуществить задуманное (вероятнее всего, нет).

Власть Советов, не успев окончательно закрепиться, летом 1918 г. пала.

10 июня представитель союза врачей П. М. Добрадин был делегирован на общее собрание организационного комитета народной власти — недолго просуществовавшего органа управления в переходный период. Вскоре были восстановлены прежние, дореволюционные органы местного самоуправления.

Союз брал на себя обязанности по определению очередности частичной мобилизации врачей. В расчет принималась: «а) бытность на фронте б) возраст (не старше 50 лет) в) незаменимость на службе». Составлялись списки очередности. Первоначально была установлена очередь:

Неополитанов
Бирюков
Подгорский
Гилевич
Маркарянц
Виноградов
Преображенский
Добрадин
Гуляев
Земсдорф
Попов
Фогель
Розенгауз
Агапов
Папулова

Волкова
Черкасова
Алексеева.

Составление списков не означало немедленную мобилизацию.

Это была первоначальная очередность на частичную мобилизацию, а в октябре 1918 г. Союзом врачей уже была создана специальная комиссия, которой необходимо было выработать более детальный порядок установления очередности на мобилизацию.

«Считая факт проведенной Сибирским правительством мобилизации врачей до 43-летнего возраста вызванным глубокой государственной необходимостью, Комиссия нашла для себя возможным приступить лишь к рассмотрению дела наиболее справедливого распределения мобилизованных врачебных сил.

По тяжести условий военной жизни и быта Комиссия усматривает в территории объятой войной две основных полосы:

I. Зона действующих частей

II. Зона тыловая: постоянные госпитали, лазареты, запасные части

В I зону должны, по мнению Комиссии, быть направлены врачи в последующем порядке:

А) врачи вовсе не призванные на военную службу за период 1914–18 г., находящиеся в призывном возрасте.

Б) Врачи, не бывшие на фронте войны 1914–18 г.

В) Врачи из бывших на фронте менее 20 месяцев.

Из последних устанавливается нижеследующая очередь:

Во-первых, направляются врачи, служившие в запасных полевых госпиталях

Во-вторых, направляются врачи, служившие в подвижных и дивизионных полевых госпиталях

В-третьих, направляются врачи, служившие в действующих частях.

Во II зону направляются врачи, пробывшие 20 и более месяцев на фронте.

Примечание 1. При постепенном привлечении врачей в действующие части, по мнению Комиссии, в раннюю очередь, при прочих равных условиях, привлекаются врачи более молодые по возрасту.

Примечание 2. При назначении в действующие части должно сообразоваться со специальностью врача и необходимостью его на месте».

Так, например, по мнению комиссии, не подлежал мобилизации Константин Матвеевич Добрадин как необходимый в качестве врача городской больницы. Врачи больницы Бирюков и Папулова мобилизации подлежали.

На этом заседании 4 октября было принято решение о переизбрании правления. Агапов утвержден врачом реального училища, а затем призван в Белую армию, Алексеева и Грубель утверждены врачами заразного отделения городской больницы. Председателем правления избран А. Г. Соловьев (врач железной дороги), его заместителем — Л. С. Славин, казначеем — С. В. Шульц, секретарем — Н. А. Арнольдов.

Заседание правления 20 октября 1918 г. было посвящено врачу Кушелевскому. Решение по его вопросу приводим полностью.

«Заслушивалось дознание по делу врача Екатеринбургского гарнизона Кушелевского, постановлено обратиться к командиру 3-го Уральского корпуса со следующим:

Правление Союза врачей Челябинска и уезда, задача которого является защита, а так же материальная и нравственная поддержка всех врачей проживающих на территории Челябинска и его уезда, ознакомившись с представленными Союзу врачей врачом Екатеринбургского гарнизона, пребывающего в настоящее время в г. Челябинске А. П. Кушелевским копии со следственного материала, постановило на основании того, что: врач Кушелевский имеет большие заслуги перед Родиной, как врач заслуживший в течение 3 ½ лет службы на фронте боевые отличия, лучшие аттестации начальства и сослуживцев по боевой жизни. Из отзывов Союза врачей Екатеринбурга видно, что он, врач Кушелевский, состоял членом Союза врачей неустанно борющегося с советской властью, проявил себя вполне лояльным и патриотически настроенным гражданином. Что имеющийся материал не подтверждает того тяжелого

обвинения, которое повлекло за собой тяжелое заключение врача Кушелевского и не прошло безследно для состояния его души. Просить высшую военную власть в лице вашего дело о враче Кушелевском направить к прекращению».

С аналогичной просьбой Союз врачей обращался в следственные органы по поводу врача Н. А. Арнольдова — также об освобождении его из заключения.

В чем обвинялись врачи конкретно, неизвестно, но оба были освобождены.

В Челябинске в конце 1918 г. планировался областной съезд врачей, но в связи с начавшейся эпидемией тифа, мобилизацией многих врачей, нерегулярностью железнодорожного передвижения созыв съезда союз решил считать несвоевременным.

Последние сведения о работе Союза врачей относятся к февралю 1919 г. На заседании правления в связи с эпидемией тифа обсуждался вопрос об организации патроната для раненых и больных воинов. Патронат — это фактически общественный лазарет. Предполагалось развернуть его на 30 коек.

Предполагалось использовать следующие источники дохода:

— процентные отчисления из жалованья всех военных и гражданских служащих;

— отчисления биржевого общества и Торговой палаты;

— пожертвования дамского комитета (сборы от спектаклей);

— пожертвования от населения через прессу⁶.

Вскоре начались события, вновь вернувшие в город власть Советов, наступили времена, при которых не позволялось создавать профессиональные организации на низовом уровне с таким объемом функций и ответственности, каковы были у Союза врачей, инициированного Павлом Александровичем Агаповым. Медсантруд — профсоюз работников здравоохранения при советской власти — был жалким его подобием.

Примечания

¹ Послужной список врача 9 участка Оренбургского казачьего войска Павла Александровича Агапова // ГАОО. Ф. 11. Оп. 7. Д. 293. Л. 13, 14.

² Божье В. С. Агапов Павел Александрович // Челябинск : энциклопедия. Изд. испр. и доп. Челябинск, 2001. С. 17–18 ; *Он же*. Школьный мир дореволюционного Челябинска : в 2 т. Т. 2. Справочные материалы. Челябинск : Центр ист.-культур. наследия г. Челябинска, 2006. С. 8.

³ ОГАЧО. Ф. 112. Оп. 2. Д. 4. Л. 10 об.

⁴ Там же. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 643. Л. 17.

⁵ Список медицинских врачей СССР (на 1 января 1924 г.). М., 1925. С. 224.

⁶ ОГАЧО. Ф. 1542. Оп. 1. Д. 75. Л. 56–63, 67, 69, 70, 73–79, 81, 98.

А. Ф. Блиновский, В. А. Распопова

АЛЕКСАНДР АКСЕНОВ: ОТ РЕВОЛЮЦИИ ДО РЕПРЕССИИ (судьба первого председателя Кусинского волревкома и волисполкома)

Ежегодно 12 июля Кусинское городское поселение и его гости отмечают день города. Но сейчас мало кто знает о том, с чем же связана эта дата, почему именно первые числа июля стали праздничными для этого маленького городка и кто из кусинцев внес свой вклад в развитие города. Тяжелые дни революций начала XX в. охватывали не только главные города Российской империи, но и малые. Не стала исключением и Куса. Тогда она называлась Кусинским заводом. В 1914 г. Кусинский чугунолитейный завод с художественного литья перешел на выпуск военной продукции. В ноябре 1917 г. власть перешла к Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и была организована Красная гвардия.

1918 г. принес с собой Гражданскую войну. Не успели челябинские рабочие пережить два похода А. И. Дутова, как восстали чехословаки. В мае они захватили Челябинск. Кусинские красногвардейцы находились в это время на фронте под Миассом, защищая вместе со златоустовскими рабочими подступы к Златоусту. В мае 1918 г. эсеры подняли контрреволюционное восстание, расправились с находящимися в Кусе большевиками и захватили власть. Восстание было скоро подавлено прибывшими с фронта из-под Миасса красногвардейцами.

В конце июня 1918 г. отряды Красной армии отступили на запад. В Кусу вошли чехословаки и колчаковцы. Целый год, до июля 1919 г., в Кусе вся власть была в руках у белых. Когда разгром А. В. Колчака стал свершившимся фактом и белые начали откатываться в Сибирь, кусинские контрреволюционеры стали спешно эвакуировать завод. Самое ценное оборудование снималось, упаковывалось в ящики и вывозилось на восток. После двухдневного ожесточенного боя в ночь на 12 июля 1919 г. Кусинский завод был освобожден от колчаковцев. С тех пор день 12 июля стал праздноваться как день освобождения Кусы от белых¹.

Одним из первых руководителей кусинской большевистской организации с 1 июля 1917 г. был котельщик Кусинского чугуноплавильного завода Александр Николаевич Аксенов. Именно он возглавлял Кусинскую волостную парторганизацию. Расскажем подробнее об этом интересном человеке и его судьбе.

Александр Николаевич Аксенов родился в 1888 г. в Кусе в семье простого рабочего-литейщика. С 12 лет, как и многие дети того времени, стал работать на производстве — в литейном цехе Кусинского завода. В 1910 г. был призван в армию, служил на Балтийском флоте. В Кронштадте окончил школу машинистов-мотористов подводной лодки и в звании унтер-офицера был переведен на Черноморский флот. Там сначала в Севастополе, а затем в Балаклаве сблизился с большевиками, впервые познакомился с марксистской литературой и 1 июля 1917 г. вступил в партию большевиков. Под руководством А. Н. Аксенова экипаж подводной лодки, в которой он служил, по призыву Балаклавского комитета партии обезоружил офицеров и поднял над своим боевым кораблем красный флаг.

В сентябре 1917 г. Александр Аксенов возвратился в Кусу и влился в ряды местных большевиков. Вскоре стал руководителем их волостной партийной организации,

проводил в жизнь важнейшие лозунги социалистической революции, провозглашенные В. И. Лениным в своих «Апрельских тезисах». К этому времени в Кусе сложилось особенно бедственное положение семей рабочих: прекратилось снабжение их хлебом. Большевики под руководством А. Н. Аксенова требовали передачи всей власти в руки Советов. В итоге 27 октября в Кусинской волости был совершен переворот, который прошел бескровно в течение суток.

Кусинский волревком, ставший большевистским по своему составу в феврале 1918 г., взял твердо власть в свои руки. Ликвидируя саботаж владельцев предприятий, он национализировал заводы Кусы, Никольска, Петропавловки и Медведевки; сформировал красногвардейские и продовольственные отряды, реквизируя у торговцев и сельской буржуазии спрятанный хлеб, чтобы спасти от голода детей рабочих; распустил «Комитет общественной безопасности», земство и волостное управление, образовав вместо них хозяйственные комиссии при Совете рабочих депутатов².

Во время майского восстания 1918 г., о котором говорилось выше, не обошлось и без террористических актов: в окно дома Аксеновых злоумышленники бросили бомбу, в результате чего пострадала жена Александра Николаевича — Елена Васильевна. 14 июня того же года, до того как в Кусу вошли чехословаки и колчаковцы, в городе вновь вспыхнул мятеж. В то время Александр Николаевич находился на отцовском покосе около села Петропавловка Кусинского района. Там его схватили белогвардейцы и пригнали в Кусу. Избитый, он был брошен в подвал керосинной лавки, где уже томились несколько рабочих. На утро был запланирован расстрел, но от гибели узников спас красногвардейский отряд И. М. Малышева, прибывший из Златоуста.

После событий конца июня 1918 г. Александр Аксенов покинул Кусу вместе с большевиками, работал в ЧК Красной армии. Лишь после 12 июля 1919 г. он вернулся домой. И вновь Александр Николаевич возглавил районную большевистскую организацию, работал председателем волревкома и волисполкома. В 1923 г. был назначен председателем Златоустовской рабоче-крестьянской инспекции. С 1920 по 1924 г. работал в Златоустовском районном исполнительном комитете. С 1925 по 1926 г. был председателем Миасского районного исполнительного комитета.

В 1927 г. он стал заместителем директора Златоустовского металлургического завода. В 1928 г. назначен директором Ашинского металлургического завода. В 1929 г. — уже в Серове работал заместителем директора металлургического завода. В 1930 г. вернулся в Златоуст, занял должность начальника Златоустстроя. В 1931 г. переехал в Челябинск, где работал заместителем начальника строительства Бакалстальстроя. С 1934 по 1937 г. — в Челябинместпроме, в 1937 г. — управляющий Челябинским трестом стройматериалов³.

Из биографии А. Н. Аксенова видно, что с 1918 по 1926 г. он посвятил становлению и укреплению советской власти, и его деятельность была явно успешной. Об этом свидетельствуют его переводы в более крупные города. С 1927 г. началась его работа как хозяйственника, не менее успешная (вновь переводы на более крупные заводы). Но не все так безоблачно было в жизни Александра Николаевича. Наступил 1937 г. В Челябинске шли репрессии. Не избежал этой участи и Александр Аксенов. Во время ареста при нем находились следующие документы: профсоюзный билет, удостоверение красногвардейца, билет члена 2-го райсовета, билет члена Челябинского горсовета, партбилет, билет ОБЛИКа. Все это дает понять, что А. Н. Аксенов — не простой заводской рабочий, а человек с определенным высоким социальным статусом⁴.

Несколько месяцев Александр Николаевич находился под следствием. В отношении его проводились многочисленные допросы и очные ставки. Не секрет, что для «выбивания» нужных следствию показаний в то время повсеместно применялись методы физического воздействия на арестованных. Более того, для ускорения следственного процесса практиковалась фальсификация документов: протоколы допросов и очных ставок арестованных готовились заранее и уже в готовом виде давались им на подпись. Арестованные, прошедшие предварительную силовую «обработку», подписывали документы, не читая. Для подведения допрашиваемых под

действие «нужных» приказов в протоколы допросов, анкеты и справки следователи записывали стандартные компрометирующие сведения: «эсер с 1917 года», «судился на 5 лет», «торговец» и т. п.⁵ Все сказанное объясняет, каким образом в деле Александра Аксенова появился листок с его неровным почерком: «Запирательство свое прекращаю. Виновным себя признаю, что являюсь членом контрреволюционной организации и обязуюсь дать правдивые показания»⁶. К сожалению, дата на записке отсутствует.

Как позже (при пересмотре дела в 1956–1957 гг.) отметили следователь и прокурор, все обвинение держалось именно на словах самого Александра Николаевича. Даже данные против него свидетельства ничем не были подкреплены. Но в чем же его вынудили признаться? А. Н. Аксенов дал показания, что с целью вредительства изготавливал кирпич плохого качества, который поставлялся на стройку Челябинского педагогического института и его общежития, универмага на улице Кирова (Челябинск) и других строений, предполагая, что в 1939–1941 гг. эти здания разрушатся. Признал, что участвовал в подготовке диверсии на железной дороге и планировал провести диверсионные действия в Еманжелинске.

Десять месяцев понадобилось следственной группе, чтобы добиться такого признания. К этому времени в документах появилась также запись, что в 1930 г. Александр Николаевич уже был осужден за подобную деятельность, однако это совершенно противоречит его биографии: в тот период он работал в Златоусте, затем переехал в Челябинск на новую должность. В деле добавились записи и о том, что он был кулаком и эсером с 1917 г., то есть примерно с того же года, когда вступил в коммунистическую партию. Но на дворе был уже сентябрь 1938 г., и на противоречия никто не обратил внимания — у следствия были признательные показания Аксенова. 25 сентября 1938 г. особая тройка УНКВД по Челябинской области вынесла решение — расстрел с конфискацией имущества. 30 сентября приговор был исполнен. В эти тревожные 1937–1938 гг. пострадал от репрессий не только Александр Николаевич, но и его жена Елена Васильевна. За полгода до расстрела мужа ее, простую домохозяйку, арестовали и осудили на пять лет лагерей. Своего взрослого сына она увидела лишь в 1942 г.

Прошли годы, но гриф секретности так и не был снят с уголовного дела Александра Николаевича. На свое обращение в органы с целью узнать о судьбе своего отца Виктор Александрович Аксенов получил стандартный ответ: А. Н. Аксенов, отбывая наказание, умер 13 декабря 1942 года от грудной жабы⁷. Такова была директива КГБ при Совете министров СССР от 24 августа 1955 г. № 108сс — отвечать всем, что их родственник был осужден на десять лет и умер от заболевания; дата смерти указывалась условно⁸.

Наступил 1957 г. Военным трибуналом Уральского военного округа бывший управляющий Челябинским трестом стройматериалов Александр Николаевич Аксенов был реабилитирован. Его уголовное дело прекращено за отсутствием состава преступления. Бывшие работники УНКВД по Челябинской области Лапшин, Луговцев, Ворончихин и Мальцев, принимавшие участие в расследовании этого дела, были осуждены за фальсификацию следственных дел и другие нарушения социалистической законности в 1940 г. Дальнейшая их судьба неизвестна.

Сегодня здание Челябинского педагогического института стоит практически в своем первоначальном виде. Общежитие, универмаг и многие другие здания Челябинска, в строительстве которых участвовал Александр Николаевич Аксенов, стоят и радуют глаз прохожих. Да и сама маленькая Куса все также хранит память о нем. Решением Кусинского горсовета от 6 июля 1978 г. № 87 одной из улиц микрорайона «Барочная» было присвоено имя А. Н. Аксенова. На доме, в котором он жил, установлена мемориальная доска. В 1972 г. редакция газеты «Строитель коммунизма» (ныне «Жизнь района») учредила ежегодную премию имени первых большевиков Кусы А. Н. Аксенова и И. К. Подосенова — организаторов районной печати.

Человек жив, пока его помнят. Время показало, что А. Н. Аксенова не только помнят, но и чтят его заслуги.

Примечания

¹ Кусинский машиностроительный завод // Музейно-краеведческий центр (Куса). МКЦ-ГИК-Д(04)/1833. Л. д. 58–59.

² Фалов А., Викторов А. Боец ленинской гвардии // Строитель коммунизма. 1987. № 115. С. 3.

³ Ксерокопии листов уголовного дела А. Н. Аксенова. Архив семьи Аксеновых.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Островская И. Расстрел без права переписки [Электронный ресурс] // Новая газ. 2011. № 121. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2011/10/28/46529-rasstrel-bez-prava-perepiski> (дата обращения: 27.04.2017).

⁸ Директива КГБ при Совете министров СССР от 24 августа 1955 г № 108сс «О порядке ответов на запросы граждан о судьбе осужденных к высшей мере наказания в 30-е годы» [Электронный ресурс] // Клуб «Генеалогия в Туле». URL: http://chiginskiy.ru/geneatula/2014/4/17-4760-Direktiva_KGB_SSSR_ot_24_08_1955g___108ss.html (дата обращения: 28.04.2017).

Т. В. Герасимова

УРАЛ В БИОГРАФИИ МАРШАЛА В. И. ЧУЙКОВА: К ВОПРОСУ УВЕКОВЕЧЕНИЯ ПАМЯТИ

Среди мемуарных изданий, представленных в научной библиотеке Снежинского городского музея, особое место занимает книга Маршала Советского Союза, дважды Героя Советского Союза Василия Ивановича Чуйкова¹ «Закалялась молфдость в боях»². Эти «записки о гражданской войне», адресованные в первую очередь молодежи, автор начинает словами: «...перед вами выступает не маршал, а девятнадцатилетний командир полка. О незабываемых событиях, свидетелем и участником которых мне довелось быть, я стремился рассказать так, как воспринимал их тогда, в пламенные дни защиты революции <...> В той сложной обстановке удержать власть можно было при одном условии — победить внутреннюю и внешнюю контрреволюцию. И началась кровопролитнейшая, изнурительная гражданская война»³.

Василий Иванович Чуйков принадлежит к тому поколению советских людей, которое революция буквально подняла на гребне своей волны. Родившись в большой крестьянской семье, он был вынужден рано, в двенадцатилетнем возрасте, вступить в самостоятельную жизнь и уйти из отцовского дома, что в Серебряных Прудах Московской губернии, на заработки в Петроград, где три его старших брата служили на Балтийском флоте. Шпорная мастерская, куда Чуйков поступает слесарем, размещалась

Маршал Советского Союза В. И. Чуйков у братской могилы борцов революции, павших 22 июля 1918 г. Село Воскресенское Каслинского района Челябинской области. 4 июня 1969 г.

на Казанской улице, почти в самом центре города. Так судьба вовлекла юношу в водоворот революционных событий. После расстрела июльской демонстрации 1917 г., унесшего и жизнь его товарища, Чуйков уже не мог быть к ним нейтральным. В сентябре 1917 г., с закрытием мастерской, он начинает службу в Кронштадте, в учебно-минном отряде, с апреля 1918 г. — курсант Первых московских курсов Красной армии.

Маршал Советского Союза В. И. Чуйков во время встречи со старожилами села Воскресенского. 4 июня 1969 г.

Василий Иванович Чуйков вошел в военную историю России как выдающийся полководец, участник Гражданской, советско-польской, советско-финляндской и Великой

Отечественной войн. Награжден девятью орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, тремя орденами Суворова 1-й степени, орденом Октябрьской Революции, медалями СССР, иностранными орденами и медалями. Всенародное же признание и слава пришли к нему во время Сталинградской битвы, решающая роль в которой принадлежала возглавляемой им легендарной 62-й армии. На месте ожесточенных боев на Мамаевом кургане в 1959 г. началось возведение памятника-ансамбля «Героям Сталинградской битвы»⁴, работы велись в течение девяти лет, В. И. Чуйков являлся военным консультантом строительства. В конце жизни маршал Чуйков, имевший привилегию быть захороненным у Кремлевской стены, завещает похоронить свой прах там, на Мамаевом кургане в Сталинграде⁵, где захоронены тысячи бойцов, которыми он командовал.

В этой связи при рассмотрении боевого пути Чуйкова на Урале в годы Гражданской войны видится важной оценка, данная маршалом спустя годы, жестокому и кровопролитному бою за село Муслюмово⁶ 25–30 июля 1919 г.: «Село Муслюмово... Я запомнил его на всю жизнь. Кажется, именно здесь во мне стало особенно развиваться то самое чутье, которое называется командирским: ответственность за судьбы вверенных тебе людей, умение разгадывать замыслы врага и принять единственно верное в сложившейся обстановке решение. После короткого встречного боя с 46-м полком противника⁷ мы заняли Муслюмово. Заняли и... далее началось то, что я теперь могу назвать “Сталинградом боевой молодости”»⁸.

В период Гражданской войны В. И. Чуйков воевал на Южном, Западном и Восточном фронтах с июня 1919 г. В. И. Чуйков, которому было тогда 19 лет, командовал 43-м Казанским стрелковым полком 5-й дивизии Красной армии. Дивизия продвигалась к Уралу, наступала на стыке 5-й и 2-й армий, между железными дорогами Казань — Екатеринбург и Уфа — Челябинск. Преодолев Уральские горы, 43-й стрелковый полк в ходе Челябинской операции 18 июля занял тогда большое село Воскресенское. Из Воскресенского полк выступил рано утром 19 июля, получив задачу наступать через Тюбук на Караболку. В деревне Аллаки полк окружил и взял в плен только что прибывший на фронт 47-й полк 12-й дивизии белогвардейцев — более тысячи человек (среди них 17 офицеров), около тысячи винтовок и двенадцать пулеметов. Пленных офицеров отправили в Тюбук, солдат — сначала в Воскресенское, затем в Верхний Уфалей, где был развернут штаб дивизии. Заняв Русскую и Татарскую Караболку, полк 21 июля выступил на Урукуль, где успешно вступил в бой с атакующим противником — остатками 47-го полка. Далее были Кунашак и Муслюмово⁹...

Спустя полвека после Гражданской войны, в июне 1969 г., Василий Иванович Чуйков вновь побывал на Урале, посетил Челябинск, места боев, 4 июня в селе Воскресенском¹⁰ встретился со старожилами, которые сохранили в памяти те далекие события, правда без номера полка, имени и фамилии его командира. В Снежинском городском музее хранятся фотографии этой встречи¹¹.

Маршал Советского Союза В. И. Чуйков принимает парад воинского гарнизона. Центральная площадь (ныне площадь Ленина) Челябинска-70 (ныне Снежинск). 4 июня 1969 г.

В тот же день В. И. Чуйков посетил с рабочим визитом и выросший рядом с селом закрытый город Челябинск-70 (ныне Снежинск¹²). В этот период В. И. Чуйков занимал должность начальника Гражданской обороны СССР. После осмотра в Челябинске-70 сооружений гражданской обороны и ознакомления с соответствующими направлениями деятельности маршал В. И. Чуйков принял парад воинского гарнизона, состоявшийся на центральной площади города. В горкоме партии встретился с городским активом, сфотографировался с группой горожан, подписал несколько книг и дал интервью городскому радио¹³. Вот как об этом вспоминает почетный гражданин города Виктор Иванович Востриков¹⁴, в то время заведующий отделом агитации и пропаганды горкома КПСС: «Это интервью осталось у меня в памяти. Может быть потому, что отчасти растерялся — ведь передо мной сидел видный полководец, в то время — заместитель министра обороны, герой Сталинградского и Берлинского сражений. Меня приятно удивило, как спокойно, ненавязчиво и вместе с тем дотошно вела интервью молодая журналистка¹⁵:

— Товарищ маршал, скажите, пожалуйста, что привело Вас в наш город — такой маленький в масштабах страны?

— Какое впечатление на Вас произвели изменения, происшедшие здесь за годы Советской власти?

Эти и другие вопросы направляли беседу в необходимое русло. Она стремилась услышать из первых уст правдивые слова о прошлом и настоящем уральского края. Запись этой беседы ждут горожане: многие слышали о приезде в город знаменитого героя Гражданской и Великой Отечественной войны, но увидеть и услышать Маршала посчастливилось далеко не всем. Плавню и доверительно идет рассказ о походе Красной Армии в Сибирь, об уральских парнях, которые сначала партизанили, а затем воевали в армии Тухачевского. Беседа переходит к битвам под Сталинградом и Берлином, о задачах гражданской обороны на современном этапе¹⁶.

В Снежинском городском музее сохранились фотографии, запечатлевшие события этого дня, и аудиозапись обращения прославленного полководца:

Товарищи уральцы! Я приехал сюда, в это самое место, на озеро Синара, где был еще молодым юношей — девятнадцатилетним командиром полка. Мы тогда освобождали Урал от колчаковских

банд. Прошло пятьдесят лет, но в памяти невольно воскрешаются те сражения, бои, которые вела здесь наша Рабоче-Крестьянская Красная Армия. Когда мы шли сюда, на Урал, мы имели задание. Это задание, оно исходило из уст Владимира Ильича Ленина, который говорил всему советскому народу, что в 19-м году не только Урал, но и Сибирь должна быть советская. Иначе революция может погибнуть. Так он характеризовал значение для советского народа, для молодой советской республики Урал, уральскую промышленность. Не сладко нам досталось освобождение Урала. Я вспоминаю бои. Верно, село Воскресенское, оно было взято без боя, но зато вот Аллаки, Караболка, Куяш, Муслумово — тут происходили страшные бои у нас, около недели мы их вели. Потому что в то время Колчак бросил свои главные силы и старался взять реванш — вернуть Урал. Но ему это не удалось. Что нам помогало тогда? Это, прежде всего, тот энтузиазм, который вложил в наши сердца Владимир Ильич Ленин — основатель нашей партии, нашего государства. В то же время я должен отметить именно отношение к нам самих уральцев. Еще не доходя Урала к нам пробирались рабочие с заводов, которые просили одно — поскорей прийти, освободить их от Колчака. Потому что он объявил полную мобилизацию молодежи, но эта молодежь, не слушая его, бежала в лес. И он сжигал те поселки, из которых молодежь уходила в леса. Вот такой поселок был как Шемаха, да и другие. Как нас встречали молодежь, жители — трудно переоценить, и каждый наш красноармеец, он это очень высоко ценил. Это придавало ему и стойкость, геройство, выносливость. И совместно, прямо скажу, плечом к плечу с уральцами, он [Урал] был освобожден. Ведь после боев в районе Челябинска, Екатеринбурга (нынешнего Свердловска) Колчак сразу отступил за Tobol, потерпел полное фиаско. И вот сегодня нахожусь здесь среди вас, мне хочется еще раз сказать вам, что вы своим трудом подменили Урал — он стал во много-много раз краше, мощнее. Люди настолько выросли культурно, что трудно сравнить с теми уральцами 19–20 года. И в заключение хочу пожелать вам, дорогие друзья, дальнейшего вашего процветания. Набирайте больше мощи во славу нашего советского народа, во славу нашей партии, чтобы нам поскорей достигнуть светлых вершин коммунизма. Желаю всего Вам хорошего, товарищи.

Запись завершается благодарностью и аплодисментами присутствовавших на встрече¹⁷.

После поездки на Урал к наградам и званиям маршала Чуйкова добавилось еще одно. Решением исполнительного комитета городского Совета народных депутатов Челябинска-70 от 5 июня 1969 г. № 143 ему было присвоено звание почетного гражданина города. «В связи с пребыванием в городе маршала, дважды Героя Советского Союза, принимавшего участие в освобождении Урала и наших мест от Колчака и белочехов»¹⁸, — говорится в тексте документа. Статус, основания и порядок присвоения звания «Почетный гражданин города» впервые был определен решением исполнительного комитета городского Совета депутатов трудящихся от 31 октября 1967 г. № 236 «Об учреждении книги Почетных граждан и городской книги Почета», согласно которому звание почетного гражданина города устанавливалось «для наиболее отличившихся граждан, добившихся выдающихся успехов в научной, производственно-технической, общественно-политической деятельности, проявивших мужество и самоотверженность, внесших особо значительный вклад в развитие города»¹⁹. Имя почетного гражданина заносилось в Книгу почетных граждан, которая в настоящее время хранится в Снежинском городском музее. В 1997 г. Снежинским городским Советом депутатов утверждено положение «О присвоении звания “Почетный гражданин горо-

Маршал Советского Союза В. И. Чуйков во время встречи с городским активом и интервью городскому радио. Челябинск-70 (Снежинск). 4 июня 1969 г.

да Снежинска»²⁰, с 2004 г. действует новое Положение «О порядке присвоения звания «Почетный гражданин города Снежинска»²¹, последние изменения в которое вносились решением Собрания депутатов Снежинска в 2017 г.

Звание «Почетный гражданин» присваивается решением представительного органа местного самоуправления города Снежинска гражданам РФ, жителям Снежинска, а также уроженцам Снежинска, проживающим вне города. Основаниями для присвоения звания являются: долговременная и устойчивая известность среди жителей Снежинска в сфере своей профессиональной деятельности; героизм и мужество, проявленные при защите Отечества или выполнении воинского, а равно служебного долга; авторитет у жителей города, приобретенный длительной общественной, культурной, социально-экономической, научной, политической, хозяйственной и иной деятельностью с выдающимися результатами для Снежинска. Звание «Почетный гражданин города Снежинска» является высшей формой общественного признания выдающихся заслуг перед жителями города.

Маршал Советского Союза В. И. Чуйков во время визита в Челябинск-70 (ныне Снежинск). 4 июня 1969 г.

38

СПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ГОРОДСКОГО СОВЕТА
ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

Город Челябинск-70

РЕШЕНИЕ

5 июня 1969 г. № 143

О присвоении звания Почетного гражданина города маршалу Советского Союза тов. ЧУЙКОВУ Василию Ивановичу.

Исполком городского Совета депутатов трудящихся

РЕШАЕТ:

В связи с призыванием в городе маршала, дважды героя Советского Союза тов. ЧУЙКОВА Василия Ивановича, принимавшего участие в освобождении Урала и наших мест от КОЛЧАКА и БЕЛОЧЕХОВ - присвоить ему звание Почетного гражданина нашего города.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОР ИСПОЛКОМА *У. МАЛИНИН* У. МАЛИНИН

СЕКРЕТАРЬ ГОР ИСПОЛКОМА - *В. МУРАШКИНА* В. МУРАШКИНА

отп. 6 экз.
19.11.69г.сн.

Решение исполнительного комитета городского Совета народных депутатов г. Челябинска-70 от 5 июня 1969 г. № 143 «О присвоении звания почетного гражданина города Маршалу Советского Союза В. И. Чуйкову» (Архивный отдел администрации Снежинского городского округа. Ф. 1. Оп. 1. Д. 222. Л. 32)

116

ЧЕЛЯБИНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СОВЕТ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

РЕШЕНИЕ

от 25.05.82 № 244
г. Челябинск

О присвоении наименования проектируемой улице № 19 во вновь строящемся 18-м микрорайоне г. Челябинск-70

Рассмотрев предложение исполкома Челябинск-70 об увековечении памяти активного участника гражданской и Великой Отечественной войн, дважды Героя Советского Союза, Маршала Советского Союза Василия Ивановича Чуйкова, исполнительный комитет областного Совета народных депутатов р е ш а е т :

Присвоить проектируемой улице № 19 во вновь строящемся 18-м микрорайоне города Челябинск-70 имя Маршала Советского Союза В.И.Чуйкова и впредь именовать ее - улица имени Маршала Чуйкова.

Председатель облисполкома *В.Ф. Куракин* В.Ф. Куракин

Секретарь облисполкома *В.Т. Петров* В.Т. Петров

Решение исполнительного комитета областного Совета народных депутатов от 25 мая 1982 г. № 244 о присвоении улице города Челябинск-70 (ныне Снежинск) имени маршала Чуйкова (ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 10. Д. 2569. Л. 116)

Василий Иванович Чуйков ушел из жизни 18 марта 1982 г. В память о нем 13 апреля 1982 г. исполнительный комитет городского Совета народных депутатов Челябинска-70, «учитывая многочисленные предложения трудящихся и руководствуясь положением о порядке присвоения имен государственных и общественных деятелей улицам, площадям и другим частям населенных пунктов РСФСР, решил просить исполком Челябинского областного Совета народных депутатов присвоить имя Маршала Советского Союза В. И. Чуйкова проектируемой улице № 19 во вновь строящемся 18 микрорайоне г. Челябинск-70

*Памятная доска на улице Маршала Чуйкова.
Установлена 15 ноября 2000 г.
на доме № 12-а. Снежинск*

и впредь именовать ее — улица Маршала Чуйкова»²². Рассмотрев поступившее предложение «об увековечении памяти активного участника Гражданской и Великой Отечественной войн, дважды Героя Советского Союза, Маршала Советского Союза Василия Ивановича Чуйкова, исполнительный комитет областного Совета народных депутатов решает присвоить проектируемой улице № 19 во вновь строящемся 18-м микрорайоне г. Челябинск-70 имя Маршала Советского Союза В.И. Чуйкова и впредь именовать ее — улица имени Маршала Чуйкова»²³.

В январе 1998 г. Снежинский городской Совет депутатов по ходатайству президиума городского Совета ветеранов об увековечении памяти известных людей города и государства принимает постановление об установлении в городе четырех мемориальных досок, согласно которому памятная доска устанавливается и на улице имени Маршала Чуйкова — «в честь полководца Великой Отечественной войны, Маршала Советского Союза, дважды Героя Советского Союза Чуйкова Василия Ивановича»²⁴. Памятная доска была установлена на улице имени Маршала Чуйкова на доме 12-а и открыта 15 ноября 2000 г. Текст доски имеет следующее содержание: «В 1990 году эта улица названа в честь полководца Великой Отечественной войны, Маршала Советского Союза, дважды Героя Советского Союза Чуйкова Василия Ивановича». К сожалению, в тексте нет сведений ни о том, что Василий Иванович Чуйков является почетным гражданином города, ни о том, что с этим краем он связан прежде всего как полководец Гражданской войны.

Проходят годы, все меньше остается участников событий советского периода истории нашего государства. В этой связи большая ответственность накладывается на структуры, обеспечивающие в той или иной мере формирование и документирование исторической памяти. Так, на сайте Государственного комитета по охране объектов культурного наследия Челябинской области в перечне выявленных объектов культурного наследия, представляющих историческую, художественную или иную культурную ценность, расположенных на территории Снежинского городского округа, под № 30 значится объект со следующими данными: «Дом, где жил Чуйков В. И., памятник, г. Снежинск, ул. Чуйкова, 12»²⁵. Хочется надеяться, что это лишь техническая ошибка, которая будет исправлена.

Примечания

¹ См.: Большая советская энциклопедия : в 30 т. М., 1978. Т. 29 ; Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 608–609 ; Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. Т. 7. Челябинск, 2007. С. 332.

² Чуйков В. И. Закалялась молодость в боях. М., 1978. 256 с.

³ Там же. С. 3–4.

⁴ Автор и руководитель авторского коллектива — народный художник СССР скульптор Е. В. Вучетич, главный архитектор — Я. Б. Белопольский.

⁵ Наименование города приводится по тексту В. И. Чуйкова.

⁶ Ныне село, центр Муслюмовского сельского поселения Кунашакского района Челябинской области.

⁷ Подразделение 12-й Сибирской стрелковой дивизии — пехотного соединения в составе армии адмирала Колчака.

⁸ Чуйков В. И. Указ. соч. С. 104.

⁹ Там же. С. 94–103.

¹⁰ Село относится к Тюбукскому сельскому поселению Каслинского района Челябинской области. Расположено на берегу реки Синары.

¹¹ Снежинский городской музей. СМ КП-352. Ф-24.

¹² Закрытое административно-территориальное образование. Город основан в 1957 г. в связи с созданием на Урале Научно-исследовательского института № 1011 по разработке и созданию атомного и водородного оружия (ныне ФГУП «Российский федеральный ядерный центр — Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики имени академика Е. И. Забабахина»).

¹³ На службе Отечеству: сборник рассказов ветеранов и воспоминаний о них : в 2 кн. Кн. 2 / авт.-сост. В. Востриков. Снежинск, 1998. С. 129.

¹⁴ В. И. Востриков (1919–2016) — партийный работник, журналист, участник Великой Отечественной войны. Подполковник в отставке (1995). Жил и работал в Снежинске.

¹⁵ Интервью вела М. Васильева, радиожурналист, заслуженный работник культуры РСФСР (1981), первый руководитель отдела радиовещания и телевидения (1963–1993). Живет в Москве.

¹⁶ На службе Отечеству... С. 235–236.

¹⁷ Снежинский городской музей. Аудиофонд городского радио. Запись 130 от 04.06.1969 г.

¹⁸ Архивный отдел администрации Снежинского городского округа. Ф. 1. Оп. 1. Д. 222. Л. 32.

¹⁹ Архивный отдел администрации г. Снежинска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 47.

²⁰ Постановление Снежинского городского Совета депутатов от 21 апреля 1997 г. № 77.

²¹ Постановление Снежинского городского Совета депутатов от 24 ноября 2004 г. № 152.

²² Решение исполкома городского Совета народных депутатов от 13 апреля 1982 г. № 83 // Архивный отдел администрации г. Снежинска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1015. Л. 223–224.

²³ Решение исполнительного комитета Челябинского областного Совета народных депутатов от 25 мая 1982 г. № 244 // ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 10. Д. 2569. Л. 116.

²⁴ Постановление Снежинского городского Совета депутатов от 28 января 1998 г. № 180.

²⁵ <http://okn.eps74.ru/htmlpages/Show/contacts/per2>

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ: ПУТЬ ДЛИНОЙ В ВЕК

В 2017 г. в нашей стране исполнилось сто лет с момента революционных событий, результаты которых разрушительно сказались на казачестве. Хорошо известно, как их преследовали в Гражданскую войну, и они бежали с насиженных мест. Казаки готовы были признать новую власть, но при условии сохранения своей автономии, невмешательства во внутренние дела, уважения их традиций и обычаев¹. Но допустить этого диктатура пролетариата не могла.

Полковник И. Г. Акулинин, помощник атамана А. И. Дутова, так охарактеризовал обстановку того времени: «Неумелая и жестокая политика большевиков, их ничем неприкрытая ненависть к казакам, надругательства над казачьими святынями и особенно кровавые расправы, реквизиции, контрибуции и разбои в станицах — все это открыло глаза казакам на сущность советской власти и заставило их взяться за оружие»². Оказавшись разделенным на два лагеря, казачество было втянуто в братоубийственную войну. Некоторые не примкнули ни к тем, ни к другим и отказывались принимать участие в военных действиях.

В челябинской семье Ездиных всегда знали, что их предки были сельскими учителями, но до недавнего времени даже не подозревали, что родом они из казаков поселка Полетаевского Челябинской станицы ОКВ. Многие намеренно скрывали свое прошлое, чтобы сохранить семью.

Как известно, до революции казачьи семьи отличались многодетностью. Так и в семье Алексея Лаврентьевича Ездина было десять детей. Старший сын Архип рос смышленным, начальную школу окончил с отличием. Местный священник отметил его способности и усердие в учении и разрешил пользоваться своей домашней библиотекой, где было много книг религиозного содержания. Архип стал помощником учителя в полетаевской начальной школе. Рос глубоко верующим человеком, в юности даже хотел уйти в монастырь. Но родители возлагали большие надежды на грамотного сына, и он не посмел ихслушаться. Помогал младшим брату и сестре в учебе.

После отбывания в 1891–1898 гг. воинской повинности в Средней Азии, где-то возле Хивы или Бухары, в звании вахмистра Архип Алексеевич вернулся к своей учительской деятельности в родном поселке и оставался на этой службе до 1919 г.³ В казачьих школах учителя в основном были войскового сословия, работали честно и добросовестно, учили детей тому, что умели сами. Строевая подготовка, гимнастика, джигитовка, метание дротиков в цель на скаку, сборка и разборка ружья, изучение приемов фланкировки пикой и рубки шашкой — чего только не требовалось познать будущим воинам. Особое внимание уделялось конной подготовке, ведь у казака конь — это боевой товарищ, защитник, помощник и верный друг.

Войсковым начальным школам по циркуляру 1871 г. предписывалось «быть проводником воспитания казачат в духе военной дисциплины и казачьих традиций»⁴. Считалось, что школа должна не только давать общеобразовательные знания, но и служить для подготовки юношей к казачьей службе, развивать у них смелость и сметливость, ловкость и лихость всадника, прививать товарищеский дух, патриотизм, уважение к старшим по возрасту и званию. Служба в станичных и поселковых

школах какое-то время даже засчитывалась за действительную военную, что говорило об ее значимости в казачьей среде.

Женился Архип Алексеевич в 29 лет на дочери казака поселка Батуринского Еткульской станицы ОКВ — Капитолине Николаевне Мангатовой 27 лет. Венчание состоялось 30 июня 1903 г. в полетаевской Иоанно-Предтеченской церкви⁵. Капитолина Николаевна стала учительствовать в соседнем поселке Полетаево-2. Служба в этой должности по высшему окладу казачьих школ давала 500 рублей на двоих в год⁶. У семейной пары родились девять детей, но только четверым из них удалось выжить в трудные годы Гражданской войны.

Налаженная жизнь в станицах рухнула в 1919 г. Ездины лишились хозяйства, дом продали за 20 пудов лебеды, которая пошла на пропитание. Семья была вынуждена не раз менять место жительства. Оказавшись в Челябинске, они поселились в сырой землянке. Пережили тиф, дизентерию и прочие болезни. Зарплаты отца хватало на неделю, приходилось менять вещи на продукты. К 1923 г. положение с питанием немного улучшилось за счет картофеля. «Второй хлеб» помог выжить.

Сотрудники Американской администрации помощи (АРА) в губерниях, пострадавших от неурожая, в том числе в Оренбургской, открывали столовые, где кормили голодающих и раздавали пайки кукурузы. Эта организация известна своим участием в оказании помощи Советской России в ликвидации голода 1921–1922 гг. В свои структуры АРА набирала из «бывших»: военных, чиновников, служащих (врачей и учителей), священников, так как нужны были образованные люди. Потом их обвиняли за то, что они «подкармливали контрреволюцию». Всего в стране было открыто более 15 тысяч столовых, где летом 1922 г. помощь получали свыше шести миллионов человек⁷.

Только в 1926 г., после испытаний Гражданской войны, Архип Алексеевич смог оформить пенсию — 20 рублей. Право на ее получение в первые советские годы имели немногие, но для учителей городских и сельских школ в 1925 г. были установлены пенсии за выслугу лет — 240 рублей в год⁸.

Несмотря на невзгоды все четверо детей получили образование и профессии. Родители помогали чем могли. Свой долг «старшего» Архип Алексеевич выполнил до конца. В 1928 г. его не стало — не выдержало сердце. Капитолина Николаевна пережила его почти на двадцать лет.

Своим детям в наследство Архип Алексеевич и Капитолина Николаевна не оставили никаких материальных благ — время было такое, что приходилось выживать самим, поднимать детей. Оставили только принципы морали, которые исповедовали сами. Их основное жизненное кредо: «Главное — быть человеком!» Прошедшие испытания потомки не уронили честь семьи. Все стали образованными и трудолюбивыми людьми.

Старшая дочь Ездиных Александра с начала 1940-х гг. со своей семьей проживала в Омске, работала в школе; ее муж Михаил Иванович Агеев в 1957–1969 гг. был директором Омского краеведческого музея.

Сын Алексей мечтал получить профессию инженера, но «подвело» происхождение: на рабфак принимали только рабочих и крестьян. По путевке Челябинского горкома комсомола он отправился учиться в Пермь на экономиста. В 1930 г. женился

*Архип Алексеевич
и Капитолина Николаевна Ездины. 1904 г.*

на Агнии Михайловне Черепановой, ставшей впоследствии одним из известных в Челябинске педагогов-историков⁹. У них родились три дочери. В 1933–1946 гг. Алексей Архипович работал в системе Военторга Уральского военного округа, в годы войны был начальником его Челябинского филиала, занимался вопросами снабжения армии. Потом более двадцати лет проработал в системе Снабэлектростроя на крупных энергетических объектах страны. Награжден медалями и другими знаками отличия¹⁰.

Младшие дети Архипа Алексеевича, Феоктиста и Василий, в конце 1930-х гг. оказались в Перми, стали педагогами, завели семьи. Участник войны 1941–1945 гг., кавалер орденов Красного Знамени, Красной Звезды и Отечественной войны Василий Архипович Ездин в мирное время был учителем математики и директором школы рабочей молодежи № 5 Перми. Феоктиста Архиповна преподавала в Пермском государственном университете, вышла замуж за Александра Прокопьевича Волгина, в 1940 г. у них родилась дочь Галина. Она училась, а затем и работала в Пермском университете, в лаборатории радиоспектрологии. Кандидат физико-математических наук. После выхода на пенсию и смерти матери в 1999 г. Галина со своей семьей и родственниками мужа уехала в Израиль.

В 2016 г. автору представилась возможность познакомиться с Татьяной Алексеевной Ездиной, младшей дочерью Алексея Архиповича. У нее сохранился богатый семейный архив — включая фотографии, документы и воспоминания. Ей было предложено написать историю жизни своих родителей на основе этих материалов. Вскоре выяснилось, что фамилия Ездины — казачья, а их предок, Архип Алексеевич, значится в «Именном справочнике казаков Оренбургского казачьего войска, награжденных государственными наградами Российской империи» как удостоившийся в 1917 г. золотой нагрудной медали «За усердие» на Анненской ленте¹¹.

В процессе подготовки материала Татьяне Алексеевне удалось связаться со своей двоюродной сестрой Галиной Розенберг (Волгиной) из Иерусалима, и оказалось, что в их семье до сих пор хранятся очень редкие фотографии начала XX в., вероятно, сохранившиеся до наших дней лишь в единственном экземпляре. Оставшись одна после кончины мужа, Капитолина Николаевна уехала жить к своей дочери в Пермь и забрала с собой эти снимки. Предоставив их в электронном варианте, Галина Александровна любезно согласилась передать оригиналы в Челябинск, что в скором времени и было сделано через Марину Михайловну Лаковскую, приезжавшую в наш город в июне 2017 г. Таким образом, уникальные фотографии вернулись на родину, и теперь

Казаки и казачки Полтаевского поселка Челябинской станции. 1900 г.

мы можем увидеть лица тех, кто волею судеб был вынужден бежать из родных мест. Долгие годы, иногда до конца своей жизни многим нашим землякам приходилось скрывать, что они — казаки. Так случилось и с членами семьи Ездиных.

На фотографии, сделанной 1 сентября 1900 г., мы видим группу казаков и казачек поселка Полетаевского Челябинской станицы — красивые и одухотворенные лица. С достоинством и гордостью взирают они на нас. Некоторые из них с медалями «За усердие» и знаками отличия на груди. У Архипа Алексеевича, стоящего в центре третьего ряда, два таких знака — «За отличную стрельбу» и «Разведчик 1-го разряда». Это объясняет, почему он был метким стрелком на охоте, этому же учил и сына Алексея, что впоследствии пригодилось ему в жизни. В третьем ряду вторая справа стоит учительница Капитолина Николаевна Мангатова, позже ставшая женой Архипа Алексеевича.

В казачьей среде с особым уважением и почетом относились к имевшим награды, нашивки на погонах, знаки отличия, призовые часы, похвальные листы за победу в соревнованиях¹². На них равнялись и стремились походить малолетки. Считалось, что престиж казака определяется не богатством, а его службой. В центре снимка сидят двое хорунжих, но узнать имена их, как и остальных изображенных, сейчас уже не представляется возможным. Вероятно, никогда не станет известно и то, по какому случаю этот кадр был сделан.

На другой фотографии начала XX в.— учащиеся полетаевской начальной школы, вместе мальчики и девочки, так как некоторые казачьи школы к тому времени были так называемыми «соединенными». Трое взрослых в центре — это поселковый атаман (с насекой в руке), рядом с ним, вероятно, попечитель школы и учительница Капитолина Николаевна Езина. Всего на снимке более 40 учеников примерно одного возраста, из них только тринадцать девочек. Поселок Полетаевский-2 был небольшим по населению в то время, но снимок подтверждает, что в казачьих семьях было много детей и чаще отдавали на обучение сыновей. «Вообще, школа приобрела себе доверие среди казачьего населения, которое охотно посылает своих детей учиться, так как в нем все более и более укореняется сознание необходимости и пользы грамотности»¹³. Казачья молодежь под пристальным вниманием своих наставников получала знания и навыки, необходимые для воинской службы, успешного ведения собственного хозяйства и участия в общественной жизни войскового сословия.

У нескольких ребят на этом снимке рубашки с красивыми цветочными вышивками или орнаментами: их мамы-казачки были рукодельницами. Часть детей

Учащиеся полетаевской начальной школы. Начало XX в.

*Съезд учителей станичных и поселковых школ 3-го военного отдела
Оренбургского казачьего войска. Около 1915 г.*

в парадной школьной форме: девочки — в белых передниках, а мальчики — в светлых гимнастических рубашках, подпоясанных ремнем. Возможно, снимок сделан в какой-то праздник, осенью или зимой, на некоторых ребятах — теплая одежда, валенки. У детей серьезные и сосредоточенные лица. Они еще малы и не ведают, как через некоторое время жизнь их изрядно потреплет и заставит забыть, что родом они из казаков, кто-то даже выйдет из этого сословия, а кто-то погибнет в годы лихолетья.

На следующей фотографии, сделанной около 1915 г., запечатлен педагогический состав казачьих учебных заведений на фоне здания Коельского Николаевского двухклассного училища. Проходил очередной съезд учителей станичных и поселковых школ 3-го военного отдела ОКВ (Челябинский и Троицкий уезды).

В казачьих школах очень мало учителей имели специальное образование, большинство из них оканчивали только начальные школы. Для улучшения подготовки кадров и повышения их квалификации с 1871 г. по инициативе наказного атамана генерал-майора К. Н. Боборыкина в летний период стали проводиться учительские курсы-съезды сроком на полтора-два месяца, куда приглашались известные педагоги и методисты. «Съезды эти были, в сущности, временными педагогическими заведениями, где руководитель читал лекции, показывал новые приемы обучения и обсуждал вместе со слушателями-учителями различные вопросы преподавания и организации школы»¹⁴.

Школьное здание в Коельской станице было построено в 1822 г. и стало самым первым на войсковой территории¹⁵. В 1896 г. школу преобразовали в двухклассное училище. На снимке Архип Алексеевич стоит в первом ряду, одиннадцатым слева, в светлом форменном кителе. После отъезда в 1919 г. из Полетаево он продолжил работать учителем сначала в Еткульском мужском училище¹⁶, а затем в Челябинске. Более 30 лет Архип Алексеевич служил делу народного образования.

На территории 3-го военного отдела ОКВ крупным педагогическим центром стало открытое в 1909 г. в Еткульской станице Высшее начальное четырехклассное училище¹⁷. В 1912 г. от директора народных училищ ОКВ было получено разрешение на проведение экзаменов для получения свидетельств о присвоении званий учителям двухклассных училищ и казачьих школ. В ОГАЧО сохранилась «Ведомость о подвергнутых испытаниям на звание учителя начальных училищ» за 1917 г.¹⁸ Экзамены сдавали 28 человек — 18 учителей и 10 казаков. Успешно сдали экзамены 12 учителей, среди них указан от Полетаевской соединенной школы Архип Алексеевич Ездин.

Начальник Главного управления казачьих войск генерал-лейтенант П. О. Щербов-Нефедович, инспектировавший ОКВ еще в 1902 г., отмечал в своем докладе, что многие из учителей, с которыми он встречался, произвели на него самые лучшие впечатления добросовестным отношением к обязанностям и усердием к своему делу¹⁹.

В школах были проверены знания и навыки учащихся, а также взрослого казачьего населения, которое не забыло грамоты, что служило доказательством правильной постановки дела со школьным образованием в войске.

Развитие сети учебных заведений ОКВ позволило создать эффективную систему подготовки казаков к предстоящей военной службе. Благодаря этому казачество выделялось по грамотности из других слоев населения. За ходом учебного процесса следило местное станичное и поселковое руководство, недаром на одной из фотографий присутствует атаман. Свидетельство об окончании школы подписывали, кроме учителя и попечителя, атаман станицы и атаман отдела. Уровень грамотности у оренбуржцев был самым высоким среди казачьих войск Российской империи²⁰.

Революция и Гражданская война серьезно деформировали традиционные представления и понятия. Казаков попрекали за поддержку белого движения, обвиняли в антисоветских настроениях. Были запрещены к употреблению слова, напоминавшие о принадлежности их к бывшему сословию. Все делалось для того, чтобы вытравить из людей саму память о казачестве. Не стало былого уважения к старшим, к боевым наградам, подвигам предков. Молодежь не желала жить прошлым своих отцов.

В 1920–30-е гг. за хранение дедовской шашки, наград или старых фотографий можно было поплатиться жизнью, потому и мало что осталось в семьях казаков. Люди пытались сохранить для потомков хоть что-нибудь: закапывали Георгиевские кресты и медали, затирали изображения наград, лица родственников и памятные надписи на фотоснимках, а потом прятали их от посторонних глаз...

Тем ценнее для нас эти потрепанные временем фотографии — сохранившиеся несмотря на беды, выпавшие на долю семьи Ездиных, их неоднократные переезды, и, наконец, вернувшиеся в те места, где когда-то жили, растили детей, служили своей Родине эти воины-пахари. Вглядываясь в лица запечатленных на фотографиях людей, мы видим, какими они были век назад. И нас берет гордость за наших предков, за славное прошлое нашей страны.

Примечания

¹ *Войнов В. М.* Оренбургское казачье войско в годы революции и Гражданской войны (октябрь 1917 — 1919 г.) // Оренбургское казачье войско : ист. очерки. Челябинск, 1994. С. 83.

² *Акулинин И. Г.* Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками, 1917–1920 гг. Шанхай, 1937. С. 83.

³ *Демакова С. Б., Ездина Т. А.* Страницы истории одной семьи // Гороховские чтения : материалы седьмого регион. музейн. конф. Челябинск, 2016. С. 594.

⁴ Школьное образование в Оренбургском казачьем войске за 1819–1895 гг. : крат. ист. очерк. Оренбург, 1896. С. 36.

⁵ ОГАЧО. Ф. И-226. Оп. 4. Д. 406. Л. 306 об.— 307.

⁶ Школьное образование в Оренбургском казачьем войске... С. 22.

⁷ *Геллер М. Я., Некрич А. М.* Утопия у власти. М., 2000. С. 124.

⁸ О пенсионном обеспечении учителей школ 1-й ступени сельских и городских и др. работников просвещения в деревне : Постановление ЦИК и СНК СССР от 15 января 1925 г.

⁹ *Демакова С. Б.* Черепанова Агния Михайловна, педагог (110 лет со дня рождения) // Календарь знаменательных и памятных дат. Челябинская область, 2017. Челябинск, 2017. С. 187–191.

¹⁰ *Демакова С. Б., Ездина Т. А.* Указ. соч. С. 595.

¹¹ *Бешенцев В. Г., Завершинский В. И., Козлов Ю. Я.* Именной справочник казаков Оренбургского казачьего войска, награжденных государственными наградами Российской империи. Изд. 2-е, доп. и испр. Челябинск, 2015. С. 370.

¹² *Войнов В. М.* Правда об Оренбургском казачестве // Отечество : краевед. альм. Вып. 1. М., 1990. С. 211.

¹³ Доклад о результатах командировки начальника Главного управления казачьих войск генерал-лейтенанта Щербов-Нефедовича в 1902 году в Оренбургское казачье войско. СПб., 1902. С. 25.

¹⁴ *Чехов Н. В.* Народное образование в России с 60-х годов XIX века. М., 1912. С. 109.

¹⁵ Школьное образование в Оренбургском казачьем войске... С. 7.

¹⁶ ОГАЧО. Ф. Р-107. Оп. 1. Д. 37. Л. 32 об.

¹⁷ *Абрамовский А. П., Гехт И. А.* Высшее начальное училище Еткульской станицы Оренбургского казачьего войска // *Оренбургское казачье войско: Культура. Быт. Обычай.* Челябинск, 1999. С. 144–160.

¹⁸ ОГАЧО. Ф. И-23. Оп. 2. Д. 13.

¹⁹ Доклад о результатах командировки... С. 25.

²⁰ Статистический обзор современного положения казачьих войск. СПб., 1903. С. 61.

ДМИТРИЙ ФЕДОРОВИЧ ФЕХНЕР: СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

5 апреля 2017 г. исполнилось 120 лет со дня рождения старейшего челябинского художника-графика, книжного иллюстратора Дмитрия Федоровича Фехнера. Это имя знаковое и для нашего города, и для Урала в целом. Дмитрий Фехнер запечатлел в своих работах облик современного ему Челябинска — улочки, памятные места, крупные промышленные предприятия, а также виды многих южноуральских городов, природные достопримечательности. Широкому кругу людей это имя знакомо по серии цветных линограур «Южный Урал», изданных Южно-Уральским книжным издательством в 1950 г.¹ Многие современные издания по истории Челябинска охотно публикуют его работы. И неудивительно, ведь графика Д. Ф. Фехнера — это мастерство и реалистичность исполнения, многоплановость, точная передача окружающей действительности, правдоподобность, лиричность. Все его творчество пронизано любовью к Южному Уралу, уважением к окружающим людям. Работы Дмитрия Федоровича создают ощущение, что он — уроженец, коренной житель этих мест, с детства видевший вековые сосны, голубые озера, синее небо, горы, понимающий, что такое тяжелый труд на металлургических заводах, рудниках, каменных карьерах. Но это не так. Фехнера «занесли» навсегда на южноуральскую землю вихри революции 1917 г. и последующей за ней Гражданской войны.

Удивительно, но за пятьдесят лет творчества у Д. Ф. Фехнера никогда не было персональной выставки, если не считать совместной выставки старейших художников (Д. Ф. Фехнер, И. Л. Вандышев², П. Г. Юдаков³) в Челябинской картинной галерее в 1958 г. Юбилейная выставка к 120-летию со дня его рождения в Государственном историческом музее Южного Урала, открывшаяся осенью 2017 г., — первая.

Малоизвестны и практически не изучены факты биографии художника. Между тем она очень интересна: в ней кроме личных жизненных обстоятельств отразилась и история нашей страны в XX в. Судьба Фехнера удивительна. Родившись в обеспеченной дворянской семье, имея высокопоставленного отца с жалованьем 2000 рублей в год⁴ (об этом речь пойдет ниже), обладая несомненным художественным талантом и вкусом, он мог прославиться как художник в Москве либо Санкт-Петербурге. Но судьба распорядилась по-иному: революция, сломав прежние устои, спокойное и размеренное жизненное течение, перенесла нашего героя в иное измерение, в иную реальность — в глубокую провинцию, где он обжился, обзавелся семьей и продолжал заниматься плодотворно любимым делом. Жил как все — много работал, часто за натуральную оплату или бесплатно, про-

Дмитрий Федорович Фехнер

зябал большую часть жизни в маленьких дряхлых домишках-конурах безо всяких удобств.

А начиналось все совсем в другой жизни и в других условиях. 4 апреля (22 марта по старому стилю) 1897 г. в местечке Грузди Шауляйского района Литовской ССР (бывшая Ковенская губерния Шавельского уезда) в многодетной семье врача Федора Людвиговича Фехнера родился шестой ребенок, которого назвали Дмитрием⁵. Через полтора года семья переехала в Тифлис. Через пять лет после рождения Дмитрия его мать Софья Васильевна (уроженка Орла, происходившая из бедного, полуразорившегося дворянского рода) скончалась от туберкулеза. Семья распалась: двое младших детей, Дмитрий и Софья, остались дома в Тифлисе, воспитывались сестрой отца; старших девочек, Ольгу и Лидию, забрали орловские бабушки. Старший сын Георгий впоследствии служил в армии; еще один сын, Владимир, служивший кассиром 2-го разряда в Малоархангельском казначействе Орловской губернии, в молодом возрасте умер от той же болезни, что и мать⁶.

К сожалению, художник, в отличие от многих его коллег по художественному цеху, не оставил после себя мемуаров, дневниковых записей. С родными братом и сестрами, за исключением Софьи, по словам родственников его супруги, связь оборвалась навсегда. Поэтому о детских и отроческих годах художника практически ничего не известно. Отрывочные сведения сохранились в воспоминаниях его супруги Марии Васильевны⁷. Сам художник писал в одной из автобиографий о том, что получил общее образование в 4-й мужской гимназии Тифлиса одновременно с художественным образованием. До этого он окончил 3 класса петроградской 8-й гимназии. В Тифлисе сначала брал уроки рисования и живописи у преподавателя гимназии Кривошенка, занимаясь в свободное время и по воскресеньям. После смерти учителя поступил в частную школу Фогеля-Склифосовского, где проучился более трех лет. По окончании этой школы (1915) более полугодом учился в подготовительной школе Академии художеств в Тифлисе (автобиография от 1 июля 1944 г.)⁸.

Отец Дмитрия Федор Людвигович (27.12.1861 — после 1920) являлся не рядовым врачом. Карьера его была головокружительной: доктор медицины (1905), статский советник (1903), действительный статский советник (1909). По окончании медицинского факультета ИМУ (1886) он был утвержден в степени лекаря и звании уездного врача. Служил в Ковенской губернии. С 1906 г. — ковенский губернский врачебный инспектор, с 1908 г. — петербургский губернский врачебный инспектор, затем управляющий медицинской частью гражданского ведомства на Кавказе (1913)⁹. Автор ряда статей по судебной медицине, издал несколько книг, проводил научные исследования на медицинские темы.

В 1916 г. Дмитрий Фехнер выдержал экзамены в Императорскую академию художеств, но Первая мировая война спутала все его планы. 1 мая 1916 г. он поступил в Тифлисское военное училище, окончил его 1 октября того же года. Выпустился в звании корнет-командира сотни. Воевал на Кавказском фронте в составе 6-го пограничного полка. В 1917 г. был взят в плен турками. Во время Октябрьского переворота находился в турецком плену¹⁰.

В 1919 г. вместе с другими русскими военными служащими был отпущен домой. Первое время жил у отца в Тифлисе, служил на таможне в Батуми. В 1920 г. через советскую миссию в Тифлисе выехал в Россию, поступил в Красную армию. В анкете для бывших офицеров и военных чиновников Белой армии, заполненной им по прибытии в Челябинск 27 ноября 1921 г., Дмитрий указал, что 4 сентября 1920 г. в Ростове-на-Дону он проходил проверку в особом отделе Кавказского фронта ВЧК как прибывший из меньшевистской Грузии и был реабилитован¹¹. К сожалению, каких-либо документов о данном этапе его жизни не сохранилось. В автобиографии от 1 июля 1944 г. художник объяснил причину: в особом отделе при проверке все документы, включая свидетельство об образовании, у него были отображены. Восстановить их невозможно, так как архив не сохранился. В 1920–1921 гг. Дмитрий служил комвзвода кавалерийских курсов в Свердловске и Троицке. В боях не участвовал. В конце 1920 г. был назначен в агитмастерскую при штабе Свердловского военно-учебного округа. В 1921 г. демобилизован, направлен в распоряжение Челябинского отдела труда¹². Началась мирная жизнь, работа, занятие любимым художественным

ремеслом до конца жизни. Почему он не уехал из Челябинска? М. Ф. Фехнер вспоминала: «Сперва некуда [было], потом прижился, понравилась природа».

Революция 1917 г. и последующая за ней Гражданская война — это не только смена власти, правящего режима, военные сражения, утрата родных и близких с обеих противоборствующих сторон. Это коренное изменение, слом традиционного уклада жизни, личных жизненных планов, интересов отдельного человека. Сегодня мы, живущие спустя век, до сих пор делим людей, ставших участниками этих событий, на красных и белых, правых и неправых, наших и не наших. Жизнь и творчество челябинского художника Дмитрия Фехнера — яркий пример того, как человек из старой формации, родившийся и сложившийся как личность в элитарных дворянских кругах, смог приспособиться к новой реальности, и более того — жить и творить в ней.

Примечания

¹ *Фехнер Д.* Южный Урал. Гравюры на линолеуме. Челябин. обл. гос. изд-во, 1950. 15 л.

² Игнатий Лукич Вандышев (29.01.1891, хут. Вандышево Троицкого уезда Оренбургской губ. — 02.03.1964, Челябинск), художник-живописец, член Союза художников СССР (1936).

³ Петр Гаврилович Юдаков (10(23).09.1897, Миасс — 21.12.1978, Челябинск), художник-живописец, график, член Союза художников СССР.

⁴ РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Д. 850. Л. 58 (копия документа предоставлена доктором исторических наук профессором А. Н. Андреевым).

⁵ Там же.

⁶ *Фехнер А. Д.* Воспоминания об отце // Челябинск неизвестный : краевед. сб. Вып. 4. Челябинск, 2008. С. 494 ; РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Д. 850. Л. 55.

⁷ Мария Васильевна Фехнер (урожденная Колбина) — жена Д. Ф. Фехнера, одна из младших дочерей челябинского купца, предпринимателя, общественного деятеля Василия Михайловича Колбина (1854–1911).

⁸ *Борисов В. Г.* Тетрадь «Записи, посвященные Дмитрию Федоровичу Фехнеру, художнику. Содержатся автобиографические записи, интервью, воспоминания современников, список работ, переписанные от руки газетные статьи «Челябинского рабочего» 1940-х, 1950-х, 1960-х годов» // Акт ВХ ЭФЗК 1397/30. С. 9–12.

⁹ РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Д. 850. Л. 58–62.

¹⁰ ОГАЧО. Ф. Р-393. Оп. 5. Д. 71. Л. 3–4.

¹¹ Там же.

¹² *Борисов В. Г.* Указ. соч.

Т. К. Махрова

**«ЭТО БЫЛ ПРООБРАЗ ПАРИЖСКОЙ КОММУНАРКИ...»
(о некоторых эпизодах биографии Р. М. Азарх)**

Героиня этого очерка, Раиса Моисеевна Азарх, сама написала вынесенную в заголовок фразу в своих воспоминаниях о событиях Московского вооруженного восстания 1917 г., характеризуя общий революционный порыв его не только участников, но и участниц. «На мой призыв,— пишет она,— мобилизуются все... в автомобиль с винтовкой лезет какая-то женщина. Вы куда? — Умереть вместе с мужем, покойно отвечает она. Это был прообраз парижской коммунарки...»¹

Сама Р. М. Азарх стала активной участницей всех описанных ею событий первых шести революционных лет, за которые, как писала она впоследствии, «каждый постарел на 60 лет, прошел невиданную школу борьбы, побед и поражений и вновь побед...»² Добавим, что этот невероятный по насыщенности жизненный путь охватывал не только уплотнившееся вдруг время, но и пространство: Украина, Приднестровье, Москва, Урал, Сибирь и, наконец, Испания... На этом пути зимой 1919 г. была и кратковременная остановка в Челябинске, оборудование в городе тылового эвакуопункта, чему посвящена одна из страниц воспоминаний начальника санитарной службы 5-й армии Р. М. Азарх.

Три войны — Гражданская, финская и Отечественная, четвертая — в Испании в качестве советника и организатора санитарных подразделений республиканской армии. Круг ее общения и известная логика эволюции власти не могли не привести Раису Азарх в политизолатор, что и произошло в 1947 г. (по обвинению в «космополитизме» с включением написанных ею книг в списки для изъятия из библиотек и книжных магазинов). Хотя могло произойти и раньше, в апреле 1937-го, когда Н. Ежов предлагал арестовать проходившую по показаниям писательницу за связь с троцкистами. Но в 1937-м ограничились партийным взысканием — за опубликованный в «Новом мире» в 1935 г. роман «Пятая армия», который в журнале «Литературный фронт» был раскритикован как «содержащий грубые извращения истории нашей партии».

Раиса Моисеевна Азарх родилась 2 мая 1897 г. в шахтерской Щербиновке Екатеринославской губернии (в 1938–2016 гг.— Дзержинск, сейчас это город Торецк Донецкой области на Украине). Училась в Харьковском женском институте, медицинский факультет которого окончила в 1917 г. Сама она называет себя в мемуарах воспитанницей созданного медицинским сообществом Харькова Женского медицинского института. Знавший Р. М. Азарх в 1960-е гг. З. Гельман высказывает в своих воспоминаниях предположение, что, получив в России среднее медицинское образование, она изучала медицину в Европе, в совершенстве владея немецким языком и несколько хуже — французским (в Испании неплохо овладела испанским)³.

После Февральской революции побывала в Петрограде, где «получила первое ораторское крещение», выступив на женском митинге в Таврическом дворце⁴. В марте 1917 г. вступила в РСДРП. С лета 1917 г. она в Москве, врач-ординатор 128-го военного госпиталя и член военно-революционного комитета Симоновского района, участвует в Московском вооруженном восстании в октябре 1917 г. В опубликованной З. Гельманом записи она называет себя «первой заведующей отделом здравоохранения

в августе 1917 г.». В это же время начинает печататься. В первые послеоктябрьские годы жила в Туле, где работала в редколлегии газеты «Коммунар»⁵. Уже в 1921 г. вышла первая книга Р. Азарх «Октябрь в Москве», затем последовали выдержавшая пять изданий «Борьба продолжается» (1930), «Сыны народа» (1941)⁶, «Отважные» (1942), роман «Дорога чести» (1956–1959), «В Симоновском районе» (1957), очерк «Гуманисты» (1957)⁷, «У великих истоков» (1967). В 1928–1931 гг. вышло несколько публикаций на украинском языке в харьковском журнале «Червоний шлях» («Красный путь») и в издательстве «Литература и искусство». В Российском государственном архиве литературы и искусства хранятся рукописи неизданных произведений (романов «Марина Лерс», «И снова в бой», воспоминаний «Бой за Московский Совет»)⁸. Произведения Р. М. Азарх не раз подвергались литературной критике, но писательница состояла членом РАПП, а в 1934 г. ее приняли в члены Союза писателей СССР. Большая часть ее произведений была основана на личных воспоминаниях и осмыслении событий, ставших частью собственной биографии.

Свой фронтовой путь Р. М. Азарх начала в Вятке, куда была направлена из Москвы в штаб войскового соединения, занималась организацией военно-санитарного управления и санитарного поезда, а затем была назначена комиссаром 1-й Особой Вятской дивизии, сформированной в составе 2-й армии РККА в сентябре 1918 г. под командованием А. А. Медведева для подавления Ижевско-Воткинского антибольшевистского восстания (август — ноябрь 1918). По воспоминаниям Р. М. Азарх, назначена она была в силу тяжелого положения на участке фронта как «решительный человек» и сама участвовала в перестрелках и конных рейдах разведки по белым тылам. Слышала за спиной: «Дальше опушки комиссар не поедет...» Но репутации решительного человека не теряла⁹. Ей 21 год, на фронт она ушла, оставив в Москве грудного ребенка. Брат, Исаак Азарх, 22-летний комбриг Курской бригады Железной дивизии, уже погиб под Симбирском и похоронен в братской могиле в августе 1918 г.¹⁰ На Украине остались сестры, которым в случае гибели матери должны отплатить ее маленького сына...

Как врач Р. М. Азарх подлежала призыву в армию в обязательном порядке. Принудительный набор в армию по Постановлению ВЦИК от 29 мая 1918 г. первоначально осуществлялся в Москве, Петрограде и ряде других областей. По Декрету СНК РСФСР от 29 июля 1918 г. все граждане в возрасте от 18 до 40 лет считались военнообязанными. На действительную военную службу призывались все врачи и фельдшеры. Июльский призыв не обеспечивал растущих потребностей Красной армии, поэтому через месяц, 29 июля 1918 г., призыв был продублирован новым декретом, касавшимся всех «медицинских, зубных, ветеринарных врачей, лекарственных помощников, медицинских и ветеринарных фельдшеров»¹¹. Осенью 1918 г. возрастные границы для призыва медработников были расширены: Декрет СНК от 12 ноября 1918 г. требовал призвать «во всех местностях всех медицинских врачей» 1873–1882 годов рождения¹². От явки по призыву не освобождался никто, кроме «имеющих очевидные наружные признаки негодности... и одержимых тяжкими болезнями, подтвержденными медицинскими свидетельствами». В распоряжении окружных военно-санитарных управлений врачи обязаны были служить в течение года, но не подлежали увольнению до конца военных действий.

После Вятки Азарх была направлена на Украину, в Харькове участвовала в создании Главного военно-санитарного управления (Главсанупра) в правительстве Украины, в 1919 г. в качестве начальника украинского Главсанупра выезжала в Одессу для организации медицинской помощи на фронте и эвакуации раненых. После наступления Деникина и эвакуации рабоче-крестьянского правительства из Киева руководители Главсанупра с группой медперсонала были направлены на Урал, в штаб 5-й армии. На этот раз на фронт Р. М. Азарх едет с сыном, которому нет еще и двух лет (родился 17 декабря 1917). «Бессменному спутнику октябрьских гроз, невольно прошедшему через борьбу и победы, сыну своему единственному посвящаю». Таким эпиграфом сопровождает автор одно из изданий своих воспоминаний «Октябрь в Москве». А потом добавляет: «Твердокаменностью отличались все мы...»¹³

Описание района действий 5-й армии, начинавшегося от Уфы, в воспоминаниях немногословно, но складывается в почти зримую картину декабря 1919-го. Скопле-

ние десятков воинских эшелонов на маленьких станциях. Не помогает даже наличие мандата, подписанного Лениным, о внеочередном продвижении. Нет топлива. Шпалы и окрестности занесены снегом. Вдоль железнодорожной линии — «кладбище паровозов, вагонов, какого-то скарба... из-под снега кое-где виднеются трупы». Обледеневший поезд в сорокаградусный мороз буквально пробивается сквозь Уральские горы. В населенных пунктах по пути от Златоуста к Челябинску — сыпнотифозные бараки. В Челябинске, где тоже свирепствует тиф, состав задерживается: в нескольких вагонах лопнули трубы отопления, сломалась водоподогревательная установка, вагоны пришлось заправлять водой вручную, в течение нескольких часов, передавая воду по цепочке. В Челябинске, где после отступления Колчака осталось огромное количество больных, но не осталось больничного оборудования, были устроены эвакуационный пункт и армейский лазарет с опытным персоналом, которому поручено за зиму покончить с тифом, чтобы с началом весеннего таяния снега эпидемия не захлестнула весь край...¹⁴

Лишь под Новый год эшелон подошел к Омску, но попасть в город можно было только по льду, так как мост через Иртыш был взорван. Азарх, начальник санитарной службы 5-й армии и Главсанупра Забайкалья, занимается созданием эвакуационных пунктов и госпиталей по пути движения армии в Томске, Новониколаевске, Красноярске. Везде сталкивается с ужасающими масштабами эпидемии, которая не щадила ни красных, ни белых, ни военнопленных-иностранцев. К марту 1920 г. эпидемия пошла на убыль, в немалой степени это стало результатом решительных действий «начсанарма» Р. М. Азарх и ее коллег (в ее санитарном отряде было 150 врачей, 300 фельдшеров и медсестер).

По воспоминаниям, на которые ссылается томский автор, подготовивший в 1967 г. очерк для местной газеты «Красное знамя» (в 1921 г. ее, под названием «Знамя революции», редактировала Раиса Моисеевна), Азарх имела «репутацию человека железной воли, не знающего страха, блестящего организатора и страстного оратора», обладала «динамитной энергией», которой хватило для того, чтобы возглавить в Сибири структуру с говорящим названием «Чекатифа». Примечательно и описание внешности «юного военкома», каким запомнил ее томский подпольщик Я. Дворкин во время выступления на одном из митингов: «Выступала молодая женщина, одетая в бекешу, отороченную белым мехом. Из-под шапки выбивается копна густых, иссиня-черных волос. В каждом слове — сердечная боль, гнев, страстный призыв. Выступал опытный митинговый оратор»¹⁵.

Р. М. Азарх стала одной из первых советских женщин, награжденных орденом Красного Знамени — в числе 66 участниц Гражданской войны¹⁶.

После окончания войны Азарх занималась партийной и литературной работой в Томске, какое-то время работала «на голодном фронте», училась на литературном отделении Института красной профессуры.

Современные исследователи периода Гражданской войны относятся к публикациям Р. М. Азарх скорее как к мемуаристике с художественно-публицистическим, односторонне партийным и, конечно, женским взглядом на события. Хотя это взгляд женщины, действующей, и действующей решительно, в условиях, далеких от размеренной жизни обывателя.

Кажется, что судьба просто не оставляла ей возможности жить такой жизнью. Возвратившись в Харьков, Азарх занималась вполне мирной работой в Госиздате Украины. Она одна воспитывала сына, которого потеряла в мае 1927 г.: девятилетний мальчик был сбит пьяным автомобилистом. Детей у Раисы Моисеевны больше не было, но она помогала сыну сестры, который выбрал профессию врача. Вероятно, несчастье отразилось на ее здоровье. Продолжительное время она лечилась, во время болезни продолжая работать над рукописью очередной книги.

Возможно, что после гибели единственного ребенка возвращение на «передний край», к деятельности в экстремальных условиях становится для нее единственно возможной формой полезного существования. «Боевой стаж» Р. М. Азарх пополнился участием в Гражданской войне в Испании, куда она прибыла нелегально в ноябре 1936 г. вместе с «генералом Лукачем» (Матэ Залкой), командовавшим 12-й интернациональной бригадой и погибшим в 1937 г. Азарх стала советником республиканской армии и Министерства по организации санитарной работы в 1936–1937 гг. В рядах

РККА она была и во время польского похода 1939 г., и в период советско-финской войны в 1939–1940 гг. в качестве уполномоченного НКО СССР. В 1941–1944 гг. Р. М. Азарх выезжала на фронт как военный корреспондент. Начальник тыла Брянского фронта Н. А. Антипенко вспоминал, как в 1942 г. его фронтовой кабинет в Ефремове трое суток занимала журналистка Азарх: «На руках у нее был мандат, достаточно авторитетный, чтобы давать ей право вникать во все детали»¹⁷.

Воспоминания Азарх в деталях могут вызывать сомнения, на что указывает ряд исследователей. Например, неоднократно упоминаемый ею населенный пункт Верблюжье — сначала в описании событий под Ижевском, а затем как резиденция атамана Никифора Григорьева на Украине¹⁸. На территории Удмуртии такого села, как указывает Е. Г. Ренев в развернутой в сетевых ресурсах полемике, не существовало¹⁹. На чрезмерную осторожность мемуаристки, прошедшей через тюрьмы НКВД и, вероятно, проходившей по ведомству советской военной разведки, указывает З. Гельман, считая, что это вообще характерно для жанра мемуарной литературы советского периода, когда автор опасался сказать лишнее и расставить «не те акценты». По той же причине, считает он, писательнице пришлось «перевернуть» историю Гражданской войны в Испании²⁰.

Мы не ставим перед собой задачи подробного критического анализа воспоминаний Р. М. Азарх, оценки степени их идеологической предвзятости или наличия дефектов памяти мемуариста. Мы лишь обращаем внимание на некоторые детали, которые, на наш взгляд, важны для понимания того, как соединялись время и личность, из чего складывались качества ее революционной «профпригодности», ее мировосприятия.

Поразительной стороной последнего остается для многих внешних наблюдателей отказ признать очевидность тоталитарного перерождения завоеванной власти теми, кто эту власть отстаивал и кто этой же властью был репрессирован. Доктор Азарх — из их числа.

Немецкий историк Ян Плампер опубликовал в одной из своих книг выдержки из датированных 1934 г. писем Азарх к К. Е. Ворошилову, интерпретируя их текст весьма многозначно: и как запоздалое (с момента знакомства в 1918 г.) и раздражающее адресата любовно-романтическое послание, и как «замечательное психологическое свидетельство эпохи» (свидетельство формирования, бытования и воспроизводства «мифа о любимом вожде», его вдохновляющем, воодушевляющем образе), и как отражение писательской «кухни» при подготовке рукописи о Гражданской войне. К этому времени писательница закончила первую часть романа о 5-й армии, о чем и рассказывала в письме, «переплетая историю страны со своей частной жизнью». В частности, она сообщает, что, изучая материалы по Чехословацкому восстанию, обнаружила сведения о связях Троцкого с Чехословацким корпусом, а также о том, что «Сталин спас Красную Армию от поражения в гражданской войне... и пора уже сказать рабочим и крестьянам... что гений Сталина предвосхищал восстание чехословаков, и если бы это было предвидено, реки крови не пролились бы на Востоке!»²¹.

Судя по письму, Азарх надеялась уточнить информацию, узнать подробности о некоторых эпизодах начального периода Гражданской войны, возможно и о том рейде бронепоезда, в котором она находилась вместе с К. Ворошиловым и Г. Ягодой. В воспоминаниях Ариадны Львовны Балашовой (дочери сотрудницы ВЧК, соратницы Ф. Дзержинского А. А. Андреевой-Горбуновой), с которой Р. М. Азарх сидела в одной камере Владимирского политизолятора, сохранился рассказ Азарх о том, как бронепоезд был окружен белыми, исход боя был неясен, и будущий председатель ОГПУ прятался под диваном²².

Как и Р. М. Азарх, А. Л. Балашова была арестована в 1947 г. по «делу Аллилуевых», но первая — за дружбу с вдовой брата Надежды Сергеевны Аллилуевой — Евгенией Александровой Аллилуевой (ее обвинили в организации террористической группы с целью ликвидировать Сталина), а вторая — с Анной Сергеевной Аллилуевой. В одной камере они оказались после того, как в тюрьму доставили арестованных по «Ленинградскому делу», и старых узников из одиночек определили в камеры по двое с «однодельцами». По воспоминаниям Балашовой, Азарх в тюрьме били, держали в карцере, шантажировали, требуя дать показания против Ворошилова и Кагановича.

Сама Раиса Моисеевна рассказывала своему лечащему врачу (матери З. Гельмана), что в карцере от сумасшествия ее спасла крыса, которую она подкармливала, так как рядом не было других живых существ.

Но в марте 1953 г. она рыдала в камере, узнав о смерти вождя...

Всех сидевших по «делу Аллилуевых» начали освобождать в апреле 1954 г. Р. М. Азарх после освобождения добилась возвращения наград и квартиры²³. В 1967 г., к 50-летию юбилею революции, в Москве был выпущен фотоплакат «Славные большевички», на котором рядом с портретами Н. К. Крупской, И. Ф. Арманд, А. М. Коллонтай, М. И. Ульяновой был и портрет Азарх²⁴.

Р. М. Азарх умерла в 1971 г., похоронена на Новодевичьем кладбище в Москве.

Примечания

¹ Азарх Р. М. Октябрь в Москве: воспоминания. Симбирск : Тип. № 1 Симбгубкомбината, 1923. С. 25.

² Там же. С. 1.

³ Гельман З. Кто вы, доктор Азарх? [Электронный ресурс]. URL: <http://newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=1069> (дата обращения: 22.06.2017).

⁴ Азарх Р. М. Мое первое выступление на женском собрании // Крас. тулячка. 1923. № 2. С. 12–14.

⁵ Гридчина Ю. В. Мемуарный жанр для краеведения (обзор литературы Тульской областной универсальной научной библиотеки) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tounb.ru/tulskij-kraj/istoriya-kraja/istochniki-po-istorii-tulskogo-kraja/memuarnyj-zhanr-dlya-kraevedeniya-obzor-literatury> (дата обращения: 22.06.2017).

⁶ Между молотом и наковальней. Союз советских писателей СССР. Документы и комментарии. Т. 1. 1925 — июнь 1941 года / отв. сост. З. К. Водопьянова. М. : РОСПЭН : Президент. центр Б. Н. Ельцина, 2011. С. 264.

⁷ Азарх Р. М. Гуманисты. Рассказ писателя // Звезда. 1957. № 11. С. 78–84.

⁸ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 9. Д. 638, 639 ; Ф. 634. Оп. 5. Д. 1024 ; Ф. 1234. Оп. 20. Д. 58.

⁹ Азарх Р. М. У великих истоков. М. : Воен. изд-во М-ва обороны СССР, 1967. С. 55, 61, 72.

¹⁰ Павлов И. Н. Легендарная Железная. М. : Воениздат, 1987. С. 11, 14. В 1923 г. Р. М. Азарх опубликовала статью «Памяти брата» (Пролетар. путь. 1923. 12 сент.).

¹¹ Декреты Советской власти. Т. 3. М. : Политиздат, 1964. С. 111, 260.

¹² Там же. Т. 4. М. : Политиздат, 1968. С. 10–14.

¹³ Азарх Р. М. Октябрь в Москве: воспоминания. С. 18.

¹⁴ Азарх Р. М. У великих истоков... С. 132–133.

¹⁵ Брускин А. Лицом к огню // Крас. знамя. 2017. 4 мая (публикация воспроизведена к 100-летию выпуска первого номера газеты).

¹⁶ Романишина В. Н. «Все большевички — страшные...». Красноармейки // Родина. 2011. № 2. С. 125.

¹⁷ Антипенко Н. А. На главном направлении (Воспоминания заместителя командующего фронтом) [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/antipenko_na/08.html (дата обращения: 22.06.2017).

¹⁸ Азарх Р. М. У великих истоков... С. 73, 95.

¹⁹ Ревев Е. Г. Новые «открытия» в историографии Ижевско-Воткинского восстания [Электронный ресурс] // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции, 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-otkrytiya-v-istoriografii-izhevsko-votkinskogo-vosstaniya> (дата обращения: 22.06.2017).

²⁰ Гельман З. Указ. соч.

²¹ Цит. по: Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве [Электронный ресурс] / пер. с англ. Н. Эдельмана. М. : НАО, 2010. URL: <http://os.colta.ru/literature/projects/119/details/15652/?expand=yes#expand> (дата обращения: 20.06.2017).

²² Антонов-Овсеенко А. В. Враги народа [Электронный ресурс]. М. : Интеллект, 1996. С. 355. URL: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=11109> (дата обращения: 21.06.2017).

²³ Там же. С. 362–363.

²⁴ Брускин А. Указ. соч.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ НИКОЛАЙ ЧИСТОСЕРДОВ

Николай Павлович Чистосердов принадлежал к тем поколениям уральцев, которым было суждено стать и современниками, и участниками интереснейших и сложнейших событий, потрясших Россию в начале XX столетия.

Николай Чистосердов не относился к числу коренных уральцев. Он появился на свет в 1886 г. в городе Сапожок Рязанской губернии, где его отец трудился в качестве помощника смотрителя местного духовного училища. По сути дела, работа в этом городке была началом служебного поприща Павла Ивановича Чистосердова (1859–1921). Окончив Рязанскую духовную семинарию и Киевскую духовную академию и получив степень кандидата богословия, он лишь в начале августа 1882 г. поступил на службу в духовное ведомство. Жизнь многих служащих этого ведомства была кочевой, и П. И. Чистосердов не избежал этой участи. Поработав некоторое время в Сапожке, он в 1888 г. переехал в г. Раненбург той же Рязанской губернии¹.

Этот русский город с иноземным названием для Павла Ивановича был родной: здесь легче работалось и проще жилось, но в 1896 г. по воле начальства он был переведен на службу в Уфимскую губернию, где занял должность епархиального наблюдателя церковно-приходских школ. В том же году он был рукоположен сначала в диаконы, а затем в священники. В 1900 г. в его жизни случился новый поворот: он был назначен епархиальным наблюдателем церковно-приходских школ Екатеринбургской и Ирбитской епархии. В силу этого П. И. Чистосердов стал екатеринбуржцем. Переезды давались непросто. В семье Павла Ивановича и Екатерины Дмитриевны Чистосердовых было не менее девяти детей, и любая смена места жительства была делом крайне хлопотным. Обустройство на новом месте также давалось не без труда, причем как родителям, так и детям, которым приходилось время от времени менять учебные заведения.

В частности, так пришлось поступить Николаю Чистосердову. Немного пробыв в Уфимской гимназии, он затем стал учащимся аналогичного учебного заведения в Екатеринбурге. Учился он неплохо и по окончании учебного года даже получал награды. Так, в 1902 г., закончив 5-й класс, он получил награду 2-й степени. В 1905 г. Чистосердов отправился в Казань, где поступил на юридический факультет. Учеба в университете продлилась недолго, так как новоиспеченный студент вскоре вернулся в Екатеринбург, где с головой погрузился в водоворот бурных событий. Его политические симпатии определились быстро: как и многие его молодые современники, он увлекся социалистическими идеями.

В начале 1906 г. Чистосердов вступил в партию социалистов-революционеров (эсеров) и вскоре был избран членом Екатеринбургского комитета социалистов-революционеров. В этот период он активно участвовал в политических дискуссиях и вел самую разную практическую работу. Однако некоторое время спустя у него возникли разногласия с большинством соратников. Многие эсеры считали необходимым прибегнуть к террору и экспроприациям, довольно быстро они перешли от слов к делу. Первые же террористические акты и экспроприации, сопровождавшиеся применением оружия и кровопролитием, произвели на Николая Павловича самое отталкивающее впечатление. Он попытался убедить своих товарищей сконцентрироваться

на пропагандистской деятельности, но его усилия не увенчались успехом. В результате Чистосердов постепенно прекратил всякое практическое участие в делах эсеровской организации.

Отказавшись от политической деятельности, он решил продолжить образование. В 1907 г. поступил на юридический факультет Московского университета и погрузился в изучение юриспруденции. Однако темперамент общественного деятеля дал о себе знать, и вскоре он принял участие в организации екатеринбургского студенческого землячества. Его роль в создании этой самостоятельной структуры была столь заметной, что друзья-студенты не долго колебались с выбором кандидатуры на пост председателя правления землячества — избрали Н. П. Чистосердова.

Новая общественная деятельность захватила Николая. Близко познакомившись со студенческими проблемами, он посчитал одной из главных разобщенность многочисленных землячеств. В 1908 г. Николай приехал в Екатеринбург на летние каникулы, которые оказались очень насыщенными разными событиями, в том числе трагическими: 6 июня этого года скончалась его мать Екатерина Дмитриевна². Но даже это горестное событие не погасило энергии Николая Чистосердова. За время каникул он пообщался с учащимися ряда высших учебных заведений и уговорил их приступить к объединению екатеринбургских студенческих землячеств и начать координацию их деятельности. С его легкой руки возник «Совет всех екатеринбургских землячеств и студенческих групп». Первым председателем Совета был избран Николай Павлович. В том же 1908 г. он окончательно разорвал все связи с эсерами, заявив о выходе из партии социалистов-революционеров.

В 1907–1910 гг. Николай Павлович вел активнейшую работу в студенческих организациях и попутно решал проблему политического самоопределения. Разрыв с эсерами подтолкнул его к анализу программ и практической деятельности других политических партий. Результатом этих поисков и размышлений стало вступление Н. П. Чистосердова в Московскую студенческую организацию партии народной свободы (конституционно-демократическую). Ее сторонников обычно именовали кадетами.

В 1910 г. в Москве прошел ряд студенческих митингов, на которых Николай Чистосердов не удовлетворялся ролью простого слушателя. Порой он выступал на них, подвергая правительство резкой критике. Это не осталось незамеченным со стороны правоохранительных органов: Николай был арестован и после недолгого нахождения в Бутырской тюрьме сослан на четыре года в Архангельскую губернию под гласный надзор полиции. Полтора года недоучившийся студент провел в г. Онега, а затем получил возможность эмигрировать. В результате он очутился в Париже — одном из самых главных центров русской эмиграции. Об этом периоде жизни Н. П. Чистосердова надежных сведений нет. Известно лишь, что он тесно общался с представителями разных политических партий, следствием чего стало полное разочарование в социалистических идеях.

В 1914 г. Николай Павлович получил возможность вернуться в Россию. Здесь постарался завершить образование, получить профессию и трудоустроиться. Ему не суждено было вновь стать студентом-очником: власти не желали появления в каком-нибудь вузе учащегося с репутацией политически неблагонадежного. Чистосердову был предложен другой путь: самостоятельное изучение положенного курса и сдача экзаменов экстерном: «Бывшему студенту Московского университета Н. П. Чистосердову министром народного просвещения разрешено держать государственный экзамен экстерном в сессию 1914 г.»³. Так Николай Павлович и поступил. Сдав экзамены при Томском университете, он получил возможность работать в адвокатуре.

В 1915 г. Николай Павлович вернулся в Екатеринбург и устроился помощником присяжного поверенного. Некоторое время спустя он начал вновь участвовать в общественной жизни, не забывая и о политике. Едва освоившись в новой должности, он вступил в партию народной свободы. Правда, в 1915–1916 гг. екатеринбургские кадеты не рисковали вести активную политическую деятельность: она сводилась в основном к изданию газеты «Зауральский край» и участию в работе разных общественных организаций.

Николай Павлович пошел аналогичным путем. В 1915 г. он был избран заведующим делами Екатеринбургского городского попечительского комитета по призрению семей воинов, призванных на войну, и в этой должности работал по 1917 г. Кроме того, он стал одним из организаторов комиссии по заведению Харитоновским садом и театром разумных народных развлечений. В январе 1916 г. Чистосердов занял должность заведующего делами городской продовольственной комиссии и в том же году принял участие в создании городского попечительства о бедных на базе комитета по разбору и призрению нищих.

Все занимаемые Н. П. Чистосердовым должности были хлопотными и требовали массы сил и времени. Очень часто приходилось участвовать в разных заседаниях, в том числе и за пределами Екатеринбурга. В 1916 г. острой проблемой стала нехватка железнодорожных вагонов, что негативно сказывалось на поставках товаров первой необходимости. Органы городского самоуправления постарались донести свою тревогу до структур, отвечавших за перевозку. Не последнюю роль здесь сыграл Уральский порайонный комитет: «Городской управой командированы в Пермь на заседание Уральского порайонного комитета 15 января по урегулированию массовых перевозок член управы П. П. Вязельщиков и заведующий делами городской продовольственной комиссии Н. П. Чистосердов»⁴. Эта поездка увенчалась относительным успехом: Екатеринбург была «разрешена немедленная доставка 5 вагонов соли, предоставлено пользование 1000 вагонами под погрузку дров со станций главной линии Пермской железной дороги и обеспечен пропуск 50 вагонов в сутки для подвоза продуктов первой необходимости»⁵.

Впрочем, период 1915–1916 гг. молодой юрист мог вспоминать как относительно спокойный. Последующий временной отрезок — 1917–1919 гг. — оказался для него еще более насыщенным, причем во всех отношениях. Падение самодержавия и приход к власти Временного правительства Н. П. Чистосердов встретил с воодушевлением. Он самоотверженно трудился на старых должностях и не отказывался от новых поручений. С созданием в Екатеринбурге Комитета общественной безопасности Чистосердов стал его членом и вскоре был включен в состав митинговой комиссии, которой была поручена разработка положения о митингах⁶.

Начиная с весны 1917 г. в Екатеринбурге заметно оживилась деятельность партии народной свободы. Ее члены весьма активно взялись за организационную работу. В короткое время были созданы комитеты — городской и временный Пермский губернский. В последнем Николай Павлович подвизался в должности секретаря, выполняя огромный объем повседневной работы⁷.

В мае 1917 г. кадетская организация пришла к мысли о необходимости создания агитационной секции. Эта идея была мгновенно осуществлена, причем председателем вновь образованной секции оказался ни кто иной как Николай Чистосердов, на которого легла дополнительная нагрузка. В течение нескольких месяцев он руководил заседаниями секции, которая собиралась по понедельникам и четвергам⁸.

Дело, разумеется, не ограничивалось только ведением заседаний секции. Нередко Николаю Павловичу приходилось участвовать в митингах и предвыборных собраниях, как в Екатеринбурге, так и за его пределами. В прессе то и дело появлялись соответствующие объявления: «28 мая в г. Камышлов выезжают из Екатеринбурга на митинг партии народной свободы Н. Н. Бегишев и Н. П. Чистосердов. Первый сделает доклад на тему “Война и свобода”, второй — “Об отношении к Временному правительству”»⁹.

Не отказывался Чистосердов и от публицистической деятельности. Начиная с июня 1917 г. он являлся постоянным сотрудником общественно-политической газеты «Зуральский край», которая занимала в основном прокадетскую позицию. Некоторое время спустя Николай Павлович занял пост редактора этого печатного органа. По-видимому, коллеги по партии считали его деятельность в этой должности вполне успешной. Так или иначе, но, создавая в октябре 1917 г. при Пермском губернском комитете партии народной свободы литературно-издательскую комиссию, они выбрали ее председателем Н. П. Чистосердова.

Впрочем, в конце 1917 г. работать Николаю Павловичу становилось все сложнее. После падения старой власти он, равно как и многие россияне, пребывал в крайне

восторженном настроении. Выступая в конце марта на крестьянском съезде, он заявил: «Мы все строим прекрасный дворец свободы и всем нам в нем места хватит»¹⁰.

Действительность оказалась иной. Летом и осенью Н. П. Чистосердову приходилось часто дискутировать с разными политическими оппонентами, в том числе с эсерами и большевиками. Особую тревогу у него вызывала деятельность большевиков, которых он нередко резко критиковал. Их приход к власти он встретил крайне отрицательно, что не замедлило сказаться на нем. Уже в ноябре 1917 г. он оказался на полулегальном положении, так как большевики предприняли попытку арестовать ряд лидеров кадетов, в том числе Н. П. Чистосердова. Попытка оказалась неудачной, и вскоре Николай Павлович стал участником выборов в Учредительное собрание, но через избирательное сито не прошел.

Зимние и весенние месяцы 1918 г. оказались не менее трудными. По мере укрепления власти большевиков положение Чистосердова становилось все более сложным. По решению новых властей был закрыт «Зауральский край»: Николай Павлович лишился не только места работы, но и источника дохода. Как член кадетской партии он находился под сильным прессингом репрессивных органов советской власти, но самый мощный гром грянул в конце весны. Сначала в дом Павла Чистосердова нагрянули чекисты. Они произвели обыск, затем арестовали священника и заключили его в тюрьму, где он провел не менее пяти недель. Вместе с Чистосердовым было арестовано еще несколько священников. За неожиданным арестом последовало столь же неожиданное освобождение, но Чистосердовым было не до радости: едва ли не в день освобождения отца был арестован Николай Павлович, попавший в разряд заложников¹¹.

Вскоре Н. П. Чистосердов и другие арестованные были приговорены к расстрелу. Поводом для страшного приговора стала смерть большевика И. М. Малышева (в 1918 г. военный комиссар Златоуст-Челябинского фронта и командующий фронтом; погиб 23 июня 1918 г. от рук эсеровских партизан на ст. Тундуш; в 1920 г. его останки были перезахоронены в братской могиле в городском саду Златоуста). Исполнение приговора не заставило себя долго ждать: 28 июня несчастные были расстреляны. Однако Николай Павлович остался жив. За мгновение до залпа он бросился бежать и сумел уйти от погони. В Екатеринбург Чистосердов вернулся лишь тогда, когда город был занят отрядами Сибирской народной армии и Чехословацкого корпуса.

Его спасение вызвало у многих горожан искреннюю радость: «Примите от нас сырых, обездоленных, призреваемых в Александровской богадельне нашу искреннюю, сердечную радость по поводу избавления Вас от угрожающей Вам смертельной опасности. Божию Провидению угодно было вырвать Вас из когтей смерти, а также из когтей деспотической партии, которая именует себя коммунистической. Когда мы узнали, что Вы живы и здоровы, то первым нашим желанием было снова видеть Вас среди нашего попечительства и снова почувствовать на себе Ваше теплое к нам отношение, внимание и попечение, которое Вы оказывали нам, когда были членом попечительства»¹².

В Екатеринбург Николай Павлович вернулся во многом другим человеком. Арест и расстрел избавили его от иллюзий о том, что «в дворце свободы места хватит всем». Он превратился в сторонника непримиримой борьбы с большевиками и активно включился в нее. В августе 1918 г. его назначили помощником начальника Екатеринбургского гарнизона по гражданской части¹³.

В этот период у Чистосердова началось постепенное расхождение со своими товарищами по кадетской партии. Многие из них, не отказывая противникам большевизма в разнообразной помощи, в то же время были против применения жестких репрессивных методов, применявшихся белыми. Часть кадетов не поддержала переворот, совершенный А. В. Колчаком, и скептически относилась к членам его правительства. Николай Павлович явно придерживался другой позиции. Его высказываний по данному поводу не сохранилось, но его дела ясно свидетельствуют, что он был готов поддержать почти любых врагов советской власти.

Осенью 1918 г. Н. П. Чистосердов стал помощником полковника С. А. Домонтовича, уполномоченного по охране государственного порядка и общественного спокойствия при командующем Сибирской армией. 18 ноября того же года к власти

в результате переворота пришел адмирал А. В. Колчак, провозглашенный Верховным правителем России. Николай Павлович стал сотрудничать и с новыми властями. Сначала он занял пост заведующего Министерством внутренних дел при главном начальнике Уральского края С. С. Постникове, а затем стал временно исполняющим обязанности пермского губернского комиссара. Спустя некоторое время он уже именовался исполняющим обязанности управляющего Пермской губернией, а затем и управляющим Пермской губернией¹⁴.

Новый пост Н. П. Чистосердов занимал всего несколько месяцев. Он принял участие в формировании губернских органов власти и в восстановлении органов самоуправления, организовывал мероприятия по борьбе с тифом и другими болезнями и т. д. Все это происходило в условиях постоянно меняющейся реальности и под прессингом военных, которые не были склонны «миндальничать» с гражданскими властями. И чиновники, и работники органов самоуправления нередко подвергались нападкам, в том числе арестам и высылкам. Так, 12 февраля были арестованы председатель Челябинской городской думы и трое его сподвижников, которые вскоре были высланы в Тобольскую губернию¹⁵. Нечто подобное происходило и в Пермской губернии, что негативно сказывалось на деятельности гражданских властей.

Наступление Красной армии прервало деятельность Чистосердова на посту управляющего губернией. Вместе с отступающими колчаковцами он оказался сначала в Сибири, а затем на Дальнем Востоке. В 1920 г. Николай Павлович эмигрировал в Китай и на долгие годы поселился в Харбине¹⁶.

Какое-то время Чистосердов занимался коммерцией, затем попробовал себя в роли бухгалтера, причем в 1921–1932 гг. он работал бухгалтером на КВЖД. Позднее он являлся служащим 5-го отдела Бюро по делам беженцев российских эмигрантов, некоторое время служил в известной коммерческой фирме Чурина. В декабре 1939 г. Николай Павлович вновь устроился в Главное бюро по делам российских эмигрантов, где и работал по 1945 г. В бюро, которое в определенных кругах считалось «прояпонской антисоветской организацией», он был главой одного из отделов¹⁷.

Находясь в эмиграции, Николай Павлович продолжал заниматься общественно-политической деятельностью. В этот период в его взглядах произошла новая трансформация: бывший кадет примкнул к монархистам. Он начал сотрудничать с монархическим легитимистским движением, а также с журналом «Грядущая Россия». В 1945 г. оба этих обстоятельства для Николая Павловича стали роковыми. После занятия Харбина советскими войсками он был задержан. Следствие не выявило его связей с японской разведкой, но, тем не менее, нашло нужным арестовать Чистосердова и этапировать в Свердловск. 11 декабря 1946 г. Особое совещание при Министерстве госбезопасности приговорило Николая Павловича к десяти годам исправительно-трудовых лагерей. Вскоре Чистосердов оказался в Краслаге, но пробыл там сравнительно недолго. По официальным данным, он заболел воспалением легких, от которого скончался 31 августа 1948 г.¹⁸ 7 апреля 1989 г. он был реабилитирован за отсутствием состава преступления.

Николай Павлович Чистосердов, равно как и миллионы россиян, был вовлечен в сложнейшие политические события начала XX в., но, в отличие от многих современников, он не являлся их пассивным свидетелем. Чистосердов принимал активное участие в революциях и Гражданской войне. Оказавшись в эмиграции, он продолжил борьбу с большевизмом. Н. П. Чистосердов, видный общественный деятель Урала начала XX в., достоин того, чтобы его имя и дела были занесены в региональную историю.

Примечания

¹ Чистосердов Павел Иванович, протоиерей [Электронный ресурс]. URL: pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/person/2097/ (дата обращения: 24.06.2017).

² Объявление о смерти Е. Д. Чистосердовой // Урал. край. 1908. 7 июня.

³ Экзамены экстерном // Заурал. край. 1914. 2 февр.

⁴ На заседание Уральского порайонного комитета // Там же. 1916. 15 янв.

⁵ Обеспечение продовольствием // Там же. 19 янв.

- ⁶ Митинговая комиссия // Заурал. край. 1917. 27 марта.
- ⁷ Объявление временного Пермского губернского комитета // Там же. 21 марта.
- ⁸ Создание агитационной секции // Там же. 16 мая.
- ⁹ Митинг партии народной свободы // Там же. 27 мая.
- ¹⁰ Крестьянский съезд // Там же. 28 марта.
- ¹¹ Убийство священника А. Мокроусова и других // Изв. Екатеринбург. церкви. 1918. № 11–12. С. 225.
- ¹² Открытое письмо Н. П. Чистосердову // Урал. жизнь. 1918. 6 сент.
- ¹³ Назначение // Заурал. край. 1918. 13 авг.
- ¹⁴ *Звягин С. П.* Управляющий Пермской губернией Н. П. Чистосердов: штрихи биографии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.permgaspi.ru/.../s-p-zvygin-upravlyuchij-permskoi-guberniej-n-p-ch...> (дата обращения: 27.06.2017).
- ¹⁵ Высылка // Отечеств. вед. 1919. 18 февр.
- ¹⁶ *Плотников И. Ф.* Чистосердов Николай Павлович // Гражданская война на Урале (1917–1922) : энцикл. и библиогр. : в 2 т. Екатеринбург, 2007. Т. 2. С. 178.
- ¹⁷ *Онегина С. В.* Бюро по делам российской эмиграции в Маньчжурии // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 4. С. 144.
- ¹⁸ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 55877. Л. 113.

В. А. Черных

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ ЕВСЕЕВ: СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

...Люблю лишь тех, кто, смерти не боясь,
не труся за себя в огне пожаров,
отдал по капле кровь свою, борясь
за дело будущих и мертвых комиссаров.

Н. Ф. Евсеев

Почти двадцать шесть лет минуло с той поры, когда было уничтожено великое государство — Советский Союз. Чем это стало для страны под именем Россия, для ее народа? Великим благом? Великим бедствием?

Рассмотрим это на примере одной личности, сумевшей подняться из обычного заводского мальчишки, ученика железнодорожного слесаря до видного военачальника, ученого, преподавателя...

С окончанием Гражданской войны по инициативе М. В. Фрунзе и М. Н. Тухачевского развернулась значительная и серьезная исследовательская работа по углубленному изучению и обобщению стратегического, оперативного, тактического и военно-политического опыта Красной армии, наряду с критическим пересмотром и обобщением исторических материалов Первой мировой войны. Создавался золотой фонд советской военной историографии, освещавший основы военного искусства Красной армии. В этой работе, которая строилась на документальных и мемуарных данных, участвовали крупнейшие военачальники, военно-политические деятели и штабные работники Красной армии, а также историки из числа старых военных специалистов.

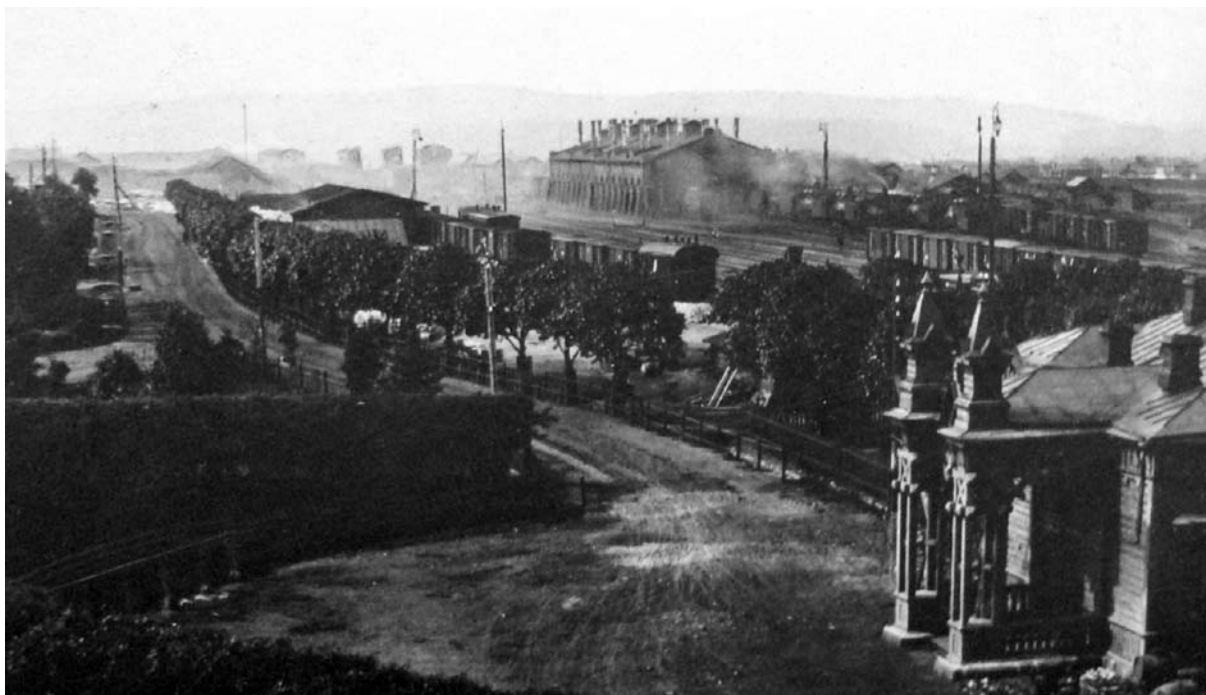
В то же время сразу была поставлена задача воспитания новых кадров советских военных историков из среды политработников и командиров, прошедших боевую школу Гражданской войны. К этому первому поколению кадров советской военно-исторической науки принадлежит и Николай Федорович Евсеев. Он выдвинулся своим трудом и талантом на научно-педагогическом поприще в области военной истории, имея за плечами боевой путь, пройденный на фронтах Гражданской войны, — путь бойца, комиссара, командира.

Николай Федорович Евсеев родился 9 (22) октября 1899 г. в семье потомственного горнозаводского рабочего. Дед, отец, мать и старший брат Николая работали на Верхнеуфалейском заводе.

«...После окончания сельской школы работал в мастерской у кустара... С 1912 года занимался

Николай Федорович Евсеев. 1936 г.

Вид на здание железнодорожного вокзала и станцию Уфалей. 1910 г.

самообразованием под руководством своей любимой учительницы Александры Николаевны Зайцевой по программе реального училища и в октябре 1916 года держал экзамен на аттестат зрелости в Алексеевском реальном училище в Екатеринбурге... В 16 лет поступил в депо Уфалей Пермской железной дороги слесарным учеником. В депо работал до 1917 года. Последний год — конторщиком... После экзаменов был принят на военную службу вольноопределяющимся, но как квалифицированный железнодорожный рабочий вскоре был возвращен в депо Уфалей с оставлением на учете...»¹.

С пятнадцатилетнего возраста Николай участвовал в подпольной работе, помогал старшему брату Алексею (бывшему в 1907 г. членом Уфалейско-Кыштымской окружной организации РСДРП) в распространении листовок, проведении агитационной работы среди рабочих станции и депо.

С 1914 г. был связан с членами РСДРП — рабочими депо и металлургического завода. В Февральскую революцию вступил в партию. С мая 1917 г. перешел на партийную работу в Верхнеуфалейский партийный комитет, где работал до декабря 1917 г.²

Молодому коммунисту поручили ответственную работу — организовать молодежь поселка. Николай Иванович Сухоруков, слесарь депо, впоследствии первый директор средней школы № 1, заслуженный учитель РСФСР, вспоминал: «В один из дней августа 1917 года в депо пришел Николай Евсеев... В беседе он старался передать нам свою ненависть к тому, что осталось от старого строя в Уфалее... Это было первое организационное собрание молодежи... Вскоре была создана ячейка Коммунистического союза молодежи...»

Вожаком был Николай Евсеев. С мая 1917 г. был секретарем Верхнеуфалейского районного комитета РСДРП (б), а с октября 1917 г. — секретарем Уфалейского районного отделения профсоюза железнодорожников. На проходившем с 25 января по 2 февраля 1918 г. третьем чрезвычайном съезде Советов железнодорожных депутатов Омской железной дороги Н. Ф. Евсеева избрали членом и секретарем Центрального исполнительного комитета Советов железнодорожных депутатов Омской железной дороги и до 1 июня 1918 г. он работал в Омске.

В Красную гвардию Евсеев вступил еще осенью 1917 г. в Верхнем Уфалее. С выступлением чешских легионеров Евсеев сражался против белочехов в рядах красногвардейских отрядов под Омском и Мариановкой. Возвратившись в Уфалей,

Н. Ф. Евсеев (третий справа во втором ряду) и комсомольцы Верхнего Уфалея. 1918 г.

Николай постановлением Верхнеуфалейского Совета рабочих депутатов 9 июня 1918 г. был избран военным комиссаром Верхнеуфалейского завода. Он включился в спешное формирование Верхнеуфалейского отряда Красной армии для отпора чехам.

В составе отряда Евсеев отправился добровольцем на фронт и до середины июля 1918 г. участвовал в боях на Екатеринбург-Челябинском направлении в боях под Кыштымом и Уфалеем, участвовал в боях под Екатеринбургом. Оправившись от тяжелого ранения и контузии, полученных 16 июля 1918 г. в бою под станцией Полдней, будучи эвакуирован сначала в Пермь, а затем в Вятку, Николай, едва оправившись от ранения и контузии, добился зачисления на открывшиеся в Вятке краткосрочные курсы красных командиров, после окончания которых 16 сентября 1918 г. был назначен врио командира батальона связи формируемой Вятской пехотной дивизии.

Тем временем Верхнеуфалейский отряд вошел в состав 2-й Уральской пехотной дивизии, сражавшейся на Тагильском направлении. Просьба Евсеева об отправке на фронт в эту дивизию была удовлетворена. В это время из 1-й и 2-й Уральских дивизий была образована Сводная Уральская пехотная (в дальнейшем 29-я стрелковая) дивизия. Поступив как бывший железнодорожник в распоряжение комиссара военных сообщений Сводной Уральской дивизии Ивана Александровича Бобылева, Евсеев получил задание сформировать 1-й Уральский железнодорожный коммунистический батальон и был назначен помощником командира этого батальона.

Здесь, в Кушве, на станции Гороблагодатской и был сформирован этот легендарный 1-й Уральский железнодорожный коммунистический батальон, предназначенный для выполнения восстановительных работ, ремонта паровозов, а при необходимости — для оказания вооруженного отпора белогвардейцам. Уже в ноябре батальон принял участие в обороне Кушвинского района, в боях на станциях Европейская, Хребет Уральский и Селянка, на Горнозаводской линии железной дороги в тяжелую зимнюю кампанию 1918/19 гг., а также на Пермском направлении.

*Командный состав 1-го Коммунистического железнодорожного батальона.
Первый слева — командир батальона И. А. Бобылев, седьмой слева — комиссар батальона
Н. Ф. Евсеев. Декабрь 1918 г.*

«Батальон стал тогда основным связующим звеном между тылом и фронтом. Его бойцы доставляли к переднему краю составы с оружием, боеприпасами, продовольствием, эшелоны нового пополнения. Батальон имел паровозы и вагоны, которые обслуживали стокилометровый прифронтный участок, находившийся между станциями Зуевка и Балезино...»³

Когда части 3-й армии оставили Пермь, Евсеева назначили военным комиссаром 254-го (позднее 257-го) Камышловского стрелкового полка 29-й стрелковой дивизии, воевавшего на Пермском направлении от январского контрнаступления красных войск и до конца марта 1919 г. Затем — снова 1-й Уральский железнодорожный коммунистический, который сражался в боевых порядках пехоты под Глазовом, занимался восстановлением разрушенного белогвардейцами железнодорожного транспорта на Урале.

Долгое время носил Николай Федорович карманные часы в вороненом стальном корпусе с гравировкой на крышке: «Тов. Евсееву Н. за труды по восстановлению транспорта с 15 июня по 21 июля 1919 года от Реввоенсовета 3-й Армии».

Вскоре — снова бои. 258-й Камский полк, комиссаром которого был в то время Н. Ф. Евсеев, участвовал в сентябрьских оборонительных боях против перешедших в осеннее наступление белых войск в междуречье Тобола и Ишима, закончившихся победоносным наступлением красных на Ишимском направлении.

В ноябре 1919 г. при формировании Н. Д. Томиным 10-й кавалерийской дивизии Евсеева назначили комиссаром 56-го Путиловского Стального кавалерийского полка. Здесь, в Шадринске, сошлись боевые пути Николая Дмитриевича Томина (начальника 10-й кавдивизии в то время) и Николая Федоровича Евсеева. «Их знакомство переросло в крепкую боевую дружбу»⁴.

Во время зимней стоянки в Шадринске части кавалерийской дивизии, входившей в 1-ю Ревтрудармию (в нее была преобразована 3-я армия), вели усиленную боевую

После взятия Тобольска. Н. Ф. Евсеев — второй справа в первом ряду. 1919 г.

подготовку, работали на трудовом фронте. Большую организаторскую роль играл здесь Евсеев. Партийная конференция 10-й кавдивизии избрала Николая Федоровича делегатом с правом решающего голоса на IX съезд партии, который проходил с 29 марта по 5 апреля 1920 г.

Николай Федорович Евсеев. 1919 г.

Возвратившись со съезда, Евсеев выступал в полках и эскадронах, рассказывал о жизни Москвы, о решениях съезда, призывал бойцов и командиров крепить воинскую дисциплину, изучать военную технику, работать на трудовом фронте.

В мае 1920 г. их бригаду перебросили из Зауралья в Петроград: «...в 7-ю армию, откуда после двухнедельной стоянки в резерве в Красном Селе в июне она следует на Западный фронт — в Белоруссию. Во главе с командиром полка И. А. Лещевым и комиссаром Н. Ф. Евсеевым 56-й Путиловский Стальной кавалерийский полк участвует в конце июня 1920 г. в ликвидации прорыва белополяков на реке Березине в районе Лепеля, а затем прибывает в район Полоцка, где сосредоточиваются все части 10-й кавдивизии Н. Д. Томина, вошедшей в созданный здесь под командованием Г. Д. Гая 3-й конный корпус»⁵⁵.

В это время Николай Федорович, назначенный помощником военкома 10-й кавдивизии с одновременным исполнением обязанно-

стей комиссара 1-й бригады дивизии, с полками своей бригады участвовал в прорыве фронта белополяков и во всех боях, которые 10-я кавдивизия вела в составе 3-го кавалерийского корпуса: в Свенцянской операции, в боях за город Вильно. 14 июля 1920 г. Вильно заняли полки томинской дивизии, в том числе и 56-й Путиловский Стальной. Вот как описывает этот бой сам Николай Федорович:

«На реке Вилия противник сильно укрепился на берегу и не поддается нашему огню. Переправы все уничтожены, остаются броды, и те под прикрытием перекрестного пулеметного огня. Два дня бьемся у реки... Наконец, отыскали брод. Путиловский Стальной полк быстро переходит реку и атакует засевшего в местечке Буйвидзы противника. Пораженные столь смелым маневром нашей конницы, белополяки в панике бегут, а наши с гиком преследуют их, зная, что через ночь будем в Вильно.

У деревни Сункели встречаемся с конной кубанской группой, которая, присоединившись к нашему корпусу, идет также на Вильно. В лесу между Сункелями и ст. Вилейка происходит ожесточенный бой. Все резервы продвинуты сюда для встречи нас, но и это не остановило нашего наступления. За день выбили врага из леса, ночь отдыхали в Сункелях, а на рассвете двинулись через Вилейку в Вильно. В клубах пыли, не встречая никакого сопротивления, мы врываемся в город, а в его центре, на южной и западной окраинах, нам приготовлены засады. Из домов посыпались пули и бомбы, затрещали пулеметы. Начался уличный бой. До позднего вечера продолжался бой, и только через 7–8 часов город был окончательно занят нами»⁶.

Он участвовал в Гродненской, Ломжинской операциях, в боях под Нешавой и Полоцком на реке Висле в ходе Варшавской операции Западного фронта, в тяжелых схватках конца августа 1920 г., когда 3-й кавкорпус неоднократно прорывал окружение, прикрывая отход всей 4-й армии и двух дивизий 15-й армии к границе Восточной Пруссии.

Конный корпус Г. Д. Гая прошел укрепленный рубежами путь в 1300 километров с непрерывными боями примерно за два месяца. И на всем пути впереди наших эскадронов развевалась меховая бурка комиссара Николая Евсеева.

...Конница Гая оказалась далеко в тылу у поляков и, окруженная со всех сторон, вынуждена была сдать во имя сохранения жизни красногвардейцев. Г. Д. Гай отдал приказ перейти на нейтральную территорию Восточной Пруссии. «До последней минуты 56-й Путиловский Стальной кавалерийский полк сдерживал врага... И только когда была сожжена радиостанция штаба корпуса и вывезены за рубеж все раненные, последним перешел рубеж этот полк. До последней минуты вместе с бойцами был Николай Евсеев...», — писал в 1980-е гг. А. В. Орлов, бывший красноармеец 56-го Путиловского Стального кавалерийского полка⁷.

Чужой мир... Утром их разоружили и под конвоем отправили в лагерь военнопленных возле города Ариса. Немцы сразу же стали отделять командиров от красноармейцев, добиваясь расслоения и развала дивизии. Были созданы невыносимые условия: людям урезали наполовину и без того скудный паек, коней лишили фуража. Начались голод, эпидемии.

Томин проводил Евсеева с группой товарищей в дальний путь. Дерзкий побег удался, и в сентябре 1920 г. они выбрались через Литву на территорию России. Евсеев поступил в распоряжение 16-й армии, где членом РВС был уральский большевик В. М. Мулин, хорошо знавший Н. Ф. Евсеева еще по 29-й стрелковой дивизии. Здесь Николай Федорович написал серию военно-мемуарных очерков под общим названием «От Двины до Вислы» — воспоминания и анализ боевого похода 3-го конного корпуса (опубликованы в десяти номерах газеты Поарма-16 «Красноармеец» и имели большой успех у читателей). Написанные за восемь лет до появления посвященного этой же теме военно-исторического труда Г. Д. Гая «На Варшаву» очерки Н. Ф. Евсеева и поныне остаются важным историческим источником.

В ноябре 1920 г. Евсеев — помощник комиссара 4-й стрелковой дивизии в Гомеле, а в конце января 1921 г. — комиссар 17-й стрелковой дивизии в Речице. В это время он участвовал в ликвидации банд Булак-Балаховича в Белоруссии.

Летом 1921 г. Евсеева перевели на должность комиссара 13-й кавалерийской дивизии в Семипалатинск. Вместе с начдивом П. П. Собенниковым Евсеев по главе 13-й кавдивизии с 22 августа по 6 октября 1921 г. на основе дипломатического

Командный состав 13-й Сибирской кавдивизии, действовавшей против генерал-лейтенанта А. С. Бакича в 1921–1922 гг. Во втором ряду пятый справа — начальник дивизии П. П. Собенников, шестой — военный комиссар Н. Ф. Евсеев

соглашения совершил поход в Западную Монголию для ликвидации укрывшихся там белогвардейских банд генерала Бакича (1-й Оренбургский белый казачий корпус). За героизм, проявленный во время проведения сложной и трудной операции в бою под Шара-Суме, комиссар 13-й кавдивизии Николай Федорович Евсеев был награжден орденом Красного Знамени.

О монгольском походе 13-й кавалерийской дивизии в 1923 г. Евсеев написал статью «Разгром генерала Бакича» (опубликована в мае 1923 г. в Новониколаевске и стала его первым уникальным военно-историческим трудом). Она служит примером хорошо организованных и умело проведенных действий конницы в условиях каменистой пустыни на большом удалении от баз снабжения. В ней приведены образцы выносливости, стойкости, героизма красных конников, обеспечивших успешное выполнение задачи. Но эта работа Н. Ф. Евсеева мало известна среди работ по истории Гражданской войны.

В июне 1922 г. Евсеев в Бийске — комиссар 4-й Сибирской отдельной кавбригады (в которую реорганизована 13-я кавдивизия), входящей в состав 10-го стрелкового корпуса, командиром которого был Николай Дмитриевич Томин, прибывший в Семипалатинск с Дальнего Востока. Возобновилась совместная служба друзей.

Осенью 1923 г. Н. Ф. Евсеев и Н. Д. Томин (из плена он бежал позднее Евсеева, когда немецкое командование стало разъединять части интернированных и отправлять их вглубь Германии) командировались на учебу в Москву на Высшие академические курсы (ВАК) высшего командного состава РККА. После окончания ВАК 30 августа 1924 г. Николая Федоровича назначили в Винницу на должность военкома 1-го кавалерийского Червоного казачества корпуса, командиром которого был в то время Николай Дмитриевич Каширин.

Тяжело переживал Николай Федорович весть о гибели друга Н. Д. Томина, погибшего 12 августа 1924 г. в Восточной Бухаре при преследовании банд басмачей, и принял живое участие в судьбе семьи боевого товарища.

В январе 1926 г. Евсеева выдвинули на пост командира-единоначальника 8-й Оренбургской кавдивизии (бывшей 11-й Гомельской кавдивизии 1-й Конной армии). Дивизия, только что вернувшаяся из Восточной Бухары (Таджикистан), с Туркестанского фронта, была преобразована под командованием Евсеева в территориальную и комплектовалась в дальнейшем оренбургскими казаками. Части ее под руководством Евсеева выполняли боевые задания по ликвидации банд в районе Аральского моря.

Николай Федорович продолжал заниматься и военно-исторической работой, изучая в военно-географическом и историко-краеведческом отношении район комплектования дивизии. В результате из-под его пера вышла монография «О прошлом и настоящем Оренбургских казаков», изданная в 1929 г. в Самаре⁸. В предисловии к книге отмечалось, что «работа написана литературно, хорошим языком, дающая богатый фактический материал». В монографии удачно сочетаются черты военно-статистического описания, исторического и литературно-публицистического очерка с использованием фотографий, литературных и документальных материалов с дополнением личных наблюдений над бытом и нравами оренбургских казаков.

В 1928 г., будучи командиром и комиссаром 8-й кавалерийской дивизии, которая дислоцировалась в Оренбурге, Николай Федорович заказал художнику Б. Тихменеву написать картину. Художник изобразил Н. Д. Томина на коне перед строем кавалерийских эскадронов. В 1929 г. Евсеев подарил эту картину Анне Ивановне Томиной, когда она гостила у него в Оренбурге.

В письме в Истпарт (комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б)) Уральской области 15 февраля 1929 г. он писал: «...За время своей кипучей боевой деятельности тов. Томин получил несколько ранений. За свои подвиги он еще при жизни был награжден двумя орденами Красного Знамени. Работая вместе с ним в 10-й дивизии и 10-м армейском корпусе, зная его близко, утверждаю, что Н. Д. Томин был выдающимся человеком и военным начальником. Докладывая изложенное, я прошу обсудить нижеследующие предложения... Командир и военный комиссар 8-й кавалерийской Оренбургской дивизии Евсеев».

Анна Ивановна Томина в своих воспоминаниях писала: «...Николай Федорович Евсеев много сделал для увековечивания памяти Николая Дмитриевича Томина. Это по его ходатайству приказом Реввоенсовета СССР, подписанным К. Е. Ворошиловым, 2 марта 1930 г. 3-я кавалерийская бригада 8-й кавалерийской дивизии была переименована в 3-ю кавалерийскую имени товарища Томина бригаду. Решением Усть-Уйского райкома партии сад в селе Усть-Уйском был назван садом имени Н. Д. Томина...»

Николай Федорович командовал кавалерийской дивизией, вел большую партийную работу. Оренбургская губернская партийная конференция избрала его членом Оренбургского губкома ВКП(б) и делегатом на XV съезд ВКП(б) с правом совещательного голоса. Он занимался самообразованием и заочно прошел программу Военной академии. Высшее командование, обратив внимание на его блестящие способности, направило его в Особую группу Краснознаменной военной академии им. М. В. Фрунзе, где Евсеев обучался с 1931 по 1933 г. После окончания академии он был назначен старшим руководителем кафедры конницы академии.

Николай Федорович Евсеев — преподаватель кафедры военной истории Военной академии им. М. В. Фрунзе. 1934 г.

16 марта 1935 г. была утверждена характеристика на старшего руководителя кафедры конницы Краснознаменной ордена Ленина Военной академии РККА им. М. В. Фрунзе Евсеева Николая Федоровича: «Отличный преподаватель тактики и тактики конницы в частности. Растущий военно-исторический работник. Достоин выдвижения на должность начальника кафедры, начальника курса или факультета, его строевой линии. Хорошо грамотен». Эту характеристику подписал будущий Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников.

В его аттестации на старшего руководителя кафедры конницы в 1934 г. значится: «Товарищ Евсеев переведен из состава кафедры конницы на военно-историческую работу. Написал работы по тактике, уже длительное время занимается научно-исследовательской работой над военно-историческими темами. Уже полгода исполняет обязанности начальника кафедры военной истории. Прекрасно развернул работу кафедры. Усиленно работает над составлением учебников по военной истории. Достоин утверждения в должности начальника кафедры военной истории».

С 1934 г. Евсеев — начальник кафедры военной истории академии им. М. В. Фрунзе. В этом же году в Государственном военном издательстве вышла книга Н. Ф. Евсеева «Конница в разгроме белых на Урале в 1919 г.» (фотокопия книги хранится в историко-краеведческом музее нашего города), которую Николай Федорович посвятил памяти своего лучшего друга Н. Д. Томина⁹.

С введением в 1935 г. первых воинских званий в Красной армии Николаю Федоровичу Евсееву было присвоено звание комбрига.

На протяжении своей недолгой академической деятельности Евсеев кроме лекций, докладов, методических разработок написал военно-исторические произведения по истории Первой мировой и Гражданской войн. Его труды свидетельствуют о большом таланте выдающегося военного историка-ученого. Но плодотворная работа была оборвана в 1937 г. Евсеев разделил судьбу многих партийных, советских, военных деятелей и ученых нашей страны. 21 июня 1937 г. Н. Ф. Евсеев был арестован. Умер он 3 апреля 1942 г., согласно свидетельству о смерти 1-ПЯ № 058522, выданному его сыну Николаю Брестским бюро ЗАГС 20 ноября 1956 г. Однако архивные документы говорят о другом: «Осужден Военной Коллегией Верховного Суда СССР 20 сентября 1937 г. к высшей мере наказания. Расстрелян 20 сентября 1937 г.; захоронен на Донском кладбище».

Жена Николая Федоровича Клавдия Аристарховна также была репрессирована в 1938 г. и умерла в 1944-м. Сын Николай 7 лет и дочь Татьяна 4 лет были отданы в детский дом.

В 1957 г. Н.Ф. Евсеев и его жена реабилитированы посмертно: «Дело по обвинению Евсеева Николая Федоровича пересмотрено Военной коллегией Верховного суда СССР 2 апреля 1957 г. Приговор Военной коллегии от 20 сентября 1937 г. в отношении Евсеева Н. Ф. по вновь открывшимся обстоятельствам отменен и дело за отсутствием состава преступления прекращено. Евсеев Н. Ф. реабилитирован посмертно».

Алексей Владимирович Орлов писал о Николае Федоровиче, что это был «человек, наделен-

Николай Федорович и Клавдия Аристарховна Евсеевы. 1936 г.

ный ясным умом, горячим и чутким сердцем, железной волей и большим трудолюбием, энергичный организатор и партийный трибун, храбрый воин и талантливый ученый».

Очень любил он родной Урал. Во фронтовом дневнике Николая Федоровича есть запись: «Нет ничего милей, красивей и лучше родного Урала... Высокие горы, покрытые хвойным лесом, быстрые речки и ручьи, пруды и озера... Они лучше всего, что я мог видеть. Там моя Родина».

Часто приезжал он в отпуск в Уфалей, учил соседских мальчишек и племянника Петра, как нужно рубить клинком врагов советской власти, показывал на стеблях подсолнухов — вспоминал Валентин Иванович Данилов, сын фронтового друга Евсева.

Из справки Брестского областного военного комиссариата № 1812, выданной 22 апреля 1958 г. Н. Н. Евсееву: «...согласно послужному списку... комбриг Евсеев Николай Федорович награжден орденом Красного Знамени № 5607, золотыми часами от ВЦИК, серебряными часами от Петроградского Совета, именными часами от Реввоенсовета Приволжского Военного округа...»¹⁰

5 ноября 1977 г. в городе Кушве на ст. Гороблагодатской состоялось открытие мемориальной доски: «На ст. Гороблагодатская 31 октября 1918 года был создан 1-й Уральский Коммунистический железнодорожный батальон. Действуя в составе 29-й стрелковой дивизии 3-й армии Восточного фронта, батальон под командованием И. А. Бобылева, затем Н. Ф. Евсева, Ф. П. Шатохина, И. К. Книсса, Н. Т. Гребнева с честью прошел боевой путь по Уралу и Сибири, послужил базой новых железнодорожных формирований Красной Армии в 1920 г.»¹¹.

В июле 1972 г. в Уфалее на доме № 41 на ул. Бабикова установлена мраморная доска, говорящая о том, что в этом доме родился и жил: Николай Федорович Евсеев, организатор комсомола в городе, герой Гражданской войны. А в 1978 г. одна из улиц нашего города названа его именем.

Примечания

¹ Из автобиографии Н. Ф. Евсева (фонды историко-краеведческого музея Верхнеуфалейского городского округа).

² Там же.

³ Михалев П. С. Бронепоезд проходит Балезино. Свердловск, 1969.

⁴ Кочегин П. Военком Евсеев // Уфал. рабочий. 1970. 6 янв.

⁵ Орлов А. Комбриг Евсеев // Челяб. рабочий. 1970. 11 марта.

⁶ Евсеев Н. От Двины до Вислы // Арм. периодика. 1920.

⁷ Орлов. А. Армия — его жизнь // Уфал. рабочий. 1981. № 35–37, 39, 41.

⁸ Евсеев Н.Ф. О прошлом и настоящем Оренбургских казаков. М., 1933.

⁹ Евсеев Н.Ф. Конница в разгроме белых на Урале в 1919 г. М. : Госвоениздат, 1934.

¹⁰ РГВА. Ф. 31750. Оп. 1. Д. 30 ; Ф. 1334. Оп. 1. Д. 29 ; Ф. 176. Оп. 5. Д. 173 ; Ф. 8582. Оп. 2. Д. 49 ; Послужной список Н. Ф. Евсева // Л/д. 228–824, 228–829.

¹¹ Черных В. Завод на речке Уфалей. От завода до города. 1917–1945. Челябинск, 2013. С. 323.

Е. В. Шуляк

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ ПРОТАСОВ (1891–1932) И ФЕДОР ТИМОФЕЕВИЧ РОЗЕНГАУЗ (1868–1931) — ВРАЧИ, РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ И ПАРТИЙНЫЕ ПРОПАГАНДИСТЫ

В революционных событиях 1917 г. на Южном Урале, как и по всей России в целом, принимали участие различные социальные группы. Была среди них и медицинская интеллигенция, яркими представителями которой являлись врачи А. В. Протасов и Ф. Т. Розенгауз.

Александр Васильевич Протасов родился в 1891 г. в Челябинске в семье почетного гражданина В. А. Протасова. В 1901 г. он поступил в Троицкую гимназию, которую успешно закончил через восемь лет. События революции 1905–1907 гг. повлияли на формирование мировоззрения А. Протасова, он проявлял высокую политическую активность. Так, уже в 1906–1909 гг. Александр интересовался деятельностью РСДРП(б) и занимался тиражированием революционных прокламаций. По окончании гимназии А. В. Протасов поступил на медицинский факультет Казанского университета. Свободное от занятий время он посвящал студенческому движению и участию в работе различных общественных организаций. Кроме того, он являлся председателем Троицкого землячества и членом «Коалиционного комитета».

С началом Первой мировой войны потребность во врачах настолько возросла, что студентов-медиков досрочно выпускали из стен университетов, в связи с чем в 1914 г. А. В. Протасову было присвоено звание зауряд-врача первого разряда. Это позволило ему отправиться добровольцем на фронт, и выполнять свой профессиональный долг на театре боевых действий. Спустя два года А. Протасов сдал государственные экзамены и получил звание лекаря¹.

События Октябрьской революции 1917 г. Александр Васильевич встретил в Челябинске, где трудился в одном из эвакогоспиталей. В 1918 г. Александр Васильевич вступил в ряды РСДРП(б), и военно-революционный комитет назначил его комиссаром здравоохранения города Челябинска и Челябинского уезда. Во время выступления Чехословацкого корпуса в Челябинске в мае 1918 г. А. В. Протасов был арестован противниками большевиков и до сентября того же года находился в заключении в Челябинской тюрьме. Затем он был отправлен сначала в Тобольскую каторжную, а затем в Иркутскую и Александровскую тюрьмы. В сентябре 1919 г. ему вместе с товарищами удалось бежать из Александровской тюрьмы и через пять недель скитаний по Ангаре достичь партизанского отряда в селе Большая Мамырь. После того как А. Протасов был назначен командованием отряда его старшим врачом, он организовал для партизан лазарет, изоляционные бараки для инфекционных больных, а позднее стал заведовать и военно-санитарным отделом краевого совета Северо-Восточного фронта партизанских войск Сибири, являясь в то же время его председателем.

В марте — апреле 1920 г. А. Протасов переехал в Тобольск, где заведовал военно-санитарным отделом управления здравоохранения. Позже он организовал первую в тех краях советско-партийную школу, которую и возглавил. Во время кулацких мятежей на территории Сибири в 1921 г. Александр Васильевич занимался эвакуацией детей и женщин — жен большевиков и активистов — на Урал².

Сам А. В. Протасов после окончания этого тревожного времени полтора месяца лечился в санатории, а затем через ЦК РКП(б) был переведен в Тверь, где работал в агитпропе губкома партии большевиков. Свой опыт лектора и пропагандиста он обобщил в учебнике «Партийная азбука»³, который вышел в 1924 г. тремя изданиями и явился одним из первых учебных пособий по истории партии⁴. Затем Александр Протасов трудился в Красноярском крае, а также в Москве, где приступил к работе над новыми пропагандистскими сочинениями⁵. Здоровье его требовало большого внимания, он лечился, но болезнь не оставляла его. В 1932 г. сердце врача, революционера и пропагандиста А. В. Протасова остановилось навсегда.

Федор Тимофеевич Розенгауз родился в 1868 г. в Минске в бедной семье. Когда ему исполнилось 12 лет, он поступил в гимназию, которую успешно окончил в 1887 г. С 1890 г. Ф. Розенгауз самостоятельно зарабатывал себе на жизнь уроками. Из-за ограничений, введенных в образовательных учреждениях Российской империи для евреев, ему не сразу удалось поступить в университет. Однако Федор Розенгауз активно занимался в «кружках саморазвития» народнического характера, а через несколько лет стал студентом медицинского факультета Московского университета. Закончив курс обучения в этом образовательном учреждении в 1895 г., он еще два года совершенствовался по своей специальности и лишь затем приступил к самостоятельной врачебной практике в Мензелинске Уфимской губернии. В Русско-японскую войну Ф. Т. Розенгауз оказывал медицинскую помощь раненым и больным русским воинам на театре военных действий в Маньчжурии, а после окончания войны в 1906 г. вернулся в Мензелинск, где поступил на службу в земство. В 1908 г. он примкнул к эсерам, занимался сбором средств и время от времени распространял нелегальную литературу. И хотя проявлял себя среди эсеров недостаточно активно, считая себя народником и эсером, летом 1908 г. принял участие в совершении террористического акта. Кроме того, Ф. Т. Розенгауз занимался чтением публичных лекций и организацией «маленького народного университета», функцией которого являлось распространение знаний по естественным наукам, медицине и агрономии⁶.

В 1914 г. Ф. Розенгауз был мобилизован на военную службу в Челябинск, где встретил события Февральской революции. Уже в марте 1917 г. он вступил в партию эсеров и был избран членом партийного комитета. Одновременно Ф. Т. Розенгауз был избран в Челябинский Совет рабочих и солдатских депутатов, где сначала являлся членом исполкома, а затем и товарищем председателя. Вскоре он разочаровался в деятельности эсеров. Октябрьская революция застала его на посту товарища председателя Челябинского Совета и товарища председателя Челябинской городской думы. Ф. Т. Розенгауз участвовал в защите советской власти от отрядов казаков, занимал пост старшего врача 1-го Уральского революционного полка, а также являлся и комиссаром здравоохранения. Во время чехословацкого переворота в Челябинске Федор Розенгауз избежал ареста только благодаря тому, что числился в эсерах и продолжал трудиться в Думе. В годы диктатуры Колчака он заявил протест против нее, за что подвергался преследованиям. После отъезда Колчака Ф. Розенгауз был арестован и препровожден в Тобольскую тюрьму, затем сдан под надзор полиции и вновь возвращен в Челябинск, где скрывался вместе с сыном в ожидании прихода Красной армии. После ее появления в городе он занялся лечением раненых. Утратив с весны 1918 г. связь с эсерами, в ноябре 1923 г. Ф. Т. Розенгауз вступил в РКП(б) в качестве кандидата, занимался агитпропагандой, руководил работой кружка политграмоты, а в 1925 г. был переведен в Екатеринбург, где трудился в редакции газеты «Уральский рабочий» в качестве заведующего политическим отделом⁷. Кроме того, в 1926–30 гг. он занимал пост заместителя начальника Уральского курортного управления. Федор Тимофеевич Розенгауз ушел из жизни в 1931 г.

А. В. Протасов и Ф. Т. Розенгауз являлись активными участниками революционных событий 1917 г. в Челябинске, проявляли живой интерес к политической деятельности и в последующие годы жизни советской страны. Это объяснялось тем, что в годы формирования их личности в России нарастали революционные настроения. В процессе обучения и профессиональной деятельности они хорошо ознакомились с состоянием общественного здоровья в стране, видели причины его неблагополучия в неграмотности подавляющего большинства населения, низком уровне жизни,

высокой травматизации и инвалидизации в процессе производства, антисанитарных условиях жизни рабочих и крестьян. Они считали, что изменить сложившуюся ситуацию может лишь изменение политической системы управления страной. Целью их жизни и деятельности было служение своему народу и Отечеству.

Примечания

¹ *Шмаков А.* Наш земляк // Челябин. рабочий. 1980. 2 марта.

² *Шмаков А.* Новое об авторе «Партийной азбуки» // Вечер. Челябинск. 1980. 22 марта.

³ *Протасов А. В.* Партийная азбука. Пособие для школ политграмоты и партшкол I ступени. Тверь : Октябрь, 1924. 337 с.

⁴ *Шмаков А.* Новое об авторе «Партийной азбуки»...

⁵ См., например: *Протасов А. В.* Партийная грамота. М. ; Л., 1925. 176 с.

⁶ *Калишниккина Е. А.* Федор Тимофеевич Розенгауз: врач, политик, мемуарист (по материалам уральских истпартов) // Архивы России на службе общества и государства : материалы науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию создания архивной службы России. Челябинск, 2008. С. 169–172.

⁷ *Калишниккина Е. А.* Ф. Т. Розенгауз — врач и общественный деятель [Электронный ресурс] // *Magistra Vitae* : электрон. журн. по ист. наукам и археологии. Челябинск, 2000. Т. 1. № 1 (11). С. 125–131.

Часть V

Отражение революционных процессов в культуре и искусстве Южного Урала

КУЛЬТ БОЛЬШЕВИСТСКИХ ВОЖДЕЙ В ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА (на примере изобразительного искусства)

Революция 1917 г. стала одним из самых распространенных сюжетов в изобразительном искусстве советской эпохи. Для государства, ведущего свой отчет с «Великого Октября», актуальной вещью являлось утверждение своей легитимности и формирование в обществе определенной коллективной идентичности. Мифы о «славном» и «героическом» революционном периоде призваны были способствовать созданию нового советского человека с его взглядами на прошлое на основе классового подхода.

Советское изобразительное искусство придавало советским мифам историко-достоверный характер, наподобие фото- и кинохроники. Визуальные образы историко-революционных картин, рисунков, памятников тиражировались в огромных масштабах, даже нередко публиковались в учебниках по истории. Художники визуализировали и сакрализировали советские мифы путем создания артефактов, неотделимых по их общественной функции от объектов культового и религиозного поклонения (например, парадные портреты и монументы вождей, памятники героям революции и Гражданской войны)¹.

К специфичным чертам историко-революционного изобразительного искусства относятся, во-первых, описательно-иллюстративный язык, как правило, не содержащий непонятных символов и каких-либо неясностей, во-вторых — «мифология, обличенная в реалистическую одежду». Отсюда и стремление многих художников опираться на старые, классические традиции русской живописи еще дореволюционной эпохи и отвергать то, что не вписывалось в каноны «социалистического реализма». Хотя нужно признать, что в 1920-е — начале 1930-х гг. в рамках историко-революционного жанра появлялись и авангардистские произведения, не вписывающиеся в представления о настоящем реализме. В последующие годы такие артефакты были подвержены обструкции и не имели доступа к широкому зрителю.

Еще одной особенностью историко-революционного изобразительного искусства являлась монументальность, связанная с победным и оптимистическим стилем. Классицизм, как стиль с ясными и органичными образами, как гармоничность и упорядоченность целого, также оказывал значительное влияние на советское искусство. В середине 1930-х гг. с подачи властей в СССР началась кампания по созданию советской классики и искоренения «формализма» в искусстве. Тогда же стал утверждаться принцип народности. Это означало, что ведущую роль в системе ценностей должен занимать народ. Отсюда стремление уйти от элитарности и быть в своих произведениях ближе и понятней народным массам. Здоровая и оптимистическая жизнь народа противопоставлялась упадочности и отвлеченности².

Центральные темы историко-революционного искусства — борьба с врагами и строительство нового мира. Поэтому здесь всегда присутствовало и героическое, и созидательное начало. По мнению ряда исследователей, в таком искусстве просматривался «пангероизм ницшеанско-марксистского толка», то есть помимо классовой теории К. Маркса о «пролетариате-спасителе» советский социалистический реализм

подсознательно опирался на идею Ф. Ницше о «сверхчеловеке». В свое время Ницше писал о важности мифа для здоровья культуры. Людям, полагал философ, необходимо даже ложное представление о своем прошлом, потому что это дает возможность осознанно жить и активно действовать. Ницшеанский образ «сверхчеловека» вполне вписывался и в канонический портрет героя советской эпохи, активиста, альтруиста, борца. Культ советских героев сочетал в их образах разумность и целесообразность («аполлонические» качества) с борьбой и аскетизмом³.

В данном исследовании рассматриваются и анализируются произведения советских художников, на которых запечатлены образы революционных вождей. По причине значительного количества артефактов работа охватывает лишь территорию Челябинской губернии (1919–1923) как значительной части Южного Урала. Впоследствии, в январе 1934 г., в ходе административно-территориальных реорганизаций данный регион выделили из Уральской области в самостоятельную Челябинскую область.

Если говорить о живописных полотнах, графических произведениях и скульптуре, то с точки зрения авторства их следует разделить на две категории. Первая, наиболее многочисленная группа — это творения, созданные региональными художниками. Произведения уральских мастеров кисти и скульпторов, видимо, составляют большую часть советского наследия историко-революционного изобразительного искусства Челябинской области. Вторая группа — произведения, созданные авторами из Москвы и Ленинграда, как правило, на заказ. Многие из таких творений остались в музеях, картинных галереях, частных коллекциях или до сих пор стоят в виде скульптурных монументов на площадях и улицах городов Челябинской области. Значительную роль в развитии творческого сотрудничества между столичными и уральскими художниками в историко-революционном направлении сыграла выставка «Урало-Кузбасс в живописи», проходившая в 1935–1939 гг. в Свердловске, Челябинске, Уфе, Новосибирске и ряде других городов РСФСР. На выставке был представлен целый ряд полотен московских, ленинградских, уральских и сибирских живописцев⁴.

Большинство из сохранившихся историко-революционных произведений с образами вождей относятся к 1930–80-м гг. Как правило, их количество значительно увеличивалось в связи с годовщинами «Великой Октябрьской Социалистической революции», днями рождения партийных и революционных вождей, другими знаменательными датами советской истории.

Ключевой фигурой историко-революционного искусства, конечно, являлся образ большевистского лидера В. И. Ленина как «отца-основателя» советского государства. Произведения советских художников, посвященные Ленину, по своему количеству побили все рекорды. Культ Ленина в изобразительном искусстве превзошел по своему размаху даже культ И. В. Сталина, не говоря уже о других советских руководителях. При этом фигуры таких известных большевистских лидеров, как Л. Д. Троцкий, Н. И. Бухарин, Л. Б. Каменев и Г. Е. Зиновьев, не успели стать культовыми в советском изобразительном искусстве, поскольку во второй половине 1920-х гг. они проиграли в политической борьбе Сталину.

Памятники «создателю советского государства» стали появляться один за другим на Южном Урале сразу же после кончины вождя. Так, уже в январе 1924 г. в Златоусте установили деревянный траурный обелиск. В августе того же года открыли чугунный бюст вождя в Троицке. Следующий памятник Ленину, из гранита, воздвигли в 1925 г. в Челябинске в парке Алое поле. В облике монумента проявились черты культовых сооружений древности. Мавзолейные формы памятника должны были отражать всеобщую скорбь. Непосредственно в постаменте, на верхней части которого поместили бюст вождя, сделали библиотеку-читальню. Создателем бюстов Ленина для памятников в Троицке, Челябинске, а затем и в Миассе искусствоведы считают московского скульптора М. Я. Харламова⁵. Судя по образу вождя, главным стремлением скульптора было максимально точно передать внешний облик создателя советского государства.

Впоследствии памятники Ленину открыли в целом ряде городов и селений Челябинской области. Только в Златоусте в 1925–1926 гг. появились чугунный бюст и бронзовая скульптура вождя. Среди наиболее известных памятников такого плана —

скульптурные изображения Ильича в Верхнем Уфалее (1963) и Копейске (1964). Образ Ленина на этих монументах стал более подвижным. Художники отошли от статичности в его репрезентации. На первом памятнике Ленин представлен как оратор, а на втором изображен идущим с папкой в руках на очередное заседание Совнаркома⁶.

Самыми помпезными и величественными скульптурными монументами, посвященными вождю, были те, что устанавливались в столице и областных центрах. Поэтому памятник Ленину в центре Челябинска, на площади Революции, открытый в ноябре 1959 г., отличается своими значительными масштабами и монументальностью. Статуя достигает в высоту пяти метров, а общая высота памятника с постаментом составила около пятнадцати метров⁷. Скульпторы Л. Н. Головницкий⁸ и В. С. Зайков⁹ изобразили Ленина идущим быстрым и уверенным шагом вперед, в «светлое будущее».

Интересная история произошла с бронзовым памятником вождю, выполненным в 1959 г. знаменитым скульптором Е. В. Вучетичем. Это творение почти двадцать пять лет простояло на хозяйственных задворках крупного предприятия, и лишь в 1984 г. его установили близ одного из Домов культуры в Ленинском районе Челябинска¹⁰.

Всего, по нашим подсчетам, на территории Челябинской области в советский период открыли не менее 31 памятника В. И. Ленину. Как правило, существовало два варианта подобных памятников: бюст или скульптура в полный рост. Образ вождя представлялся либо в статике, либо в движении. Основным материалом памятников — чугун, бронза, гранит, бетон¹¹.

Живописцы и графики также старались не отстать от скульпторов в изображении В. И. Ленина. К его образу обращались такие южноуральские художники, как А. П. Сабуров, А. В. Храмов, В. А. Неясов и др.¹² Они, как правило, изображали вождя ораторствующим в окружении соратников, жадно слушающих каждое его слово. Иной вариант — это статичный образ Ленина без сподвижников в тот или иной период его жизни. Оригинальный образ Ленина, очень приземленный, в виде простого мужика, появился на рубеже 1960–70-х гг. в таких работах челябинской художницы Л. Н. Костиной, как «Бился о Ленина темный класс» (1969) и «Декреты Советской власти» (1972)¹³.

Другим революционным вождем после Ленина, нередко запечатленным в произведениях советских художников, являлся отличавшийся тоталитарными чертами в развитии государства и общества И. В. Сталин, культ личности которого охватил период с начала 1930-х до середины 1950-х гг. При этом стоит отметить, что, в отличие от других вождей революции, многочисленные творения художников, посвященной Сталину, создавались преимущественно при его жизни. Монументов, портретов Сталина или картин, где он показан среди других персонажей, после двух масштабных кампаний советской эпохи по искоренению культа личности почти не сохранилось. Например, известна одна из работ, экспонировавшихся в рамках выставки «Урало-Кузбасс в живописи», — картина А. М. Любимова¹⁴ «Челябинский этапно-пересыльный пункт» (1935)¹⁵. На ней художник изобразил Сталина в шапке и полушубке, выходящего в один из зимних дней 1907 г. вместе с другими заключенными, скованными по двое кандалами, из этапной тюрьмы. Среди всех фигур — и ссыльных, и конвоиров — художник, благодаря световой гамме, выделил образ вождя с уверенным и волевым взглядом.

1 мая 1938 г. в торжественной обстановке открыли огромный десятиметровый памятник Сталину в Магнитогорске, у главной проходной металлургического завода. С. Д. Меркуров, автор многочисленных сталинских монументов, выполнил очередную бронзовую скульптуру вождя в движении, а постамент, отделанный финским гранитом, приспособил под трибуну¹⁶.

В Челябинске в свое время стояло не менее трех монументов, посвященных Сталину, они, как правило, являлись копиями оригинальных скульптур, созданных ранее. Один из памятников Сталину открыли в 1942 г. на территории парка Алое поле. Монумент представлял собой уменьшенную копию созданного Меркуровым памятника, установленного близ канала Москва — Волга. Сталин был изображен в шинели, с непокрытой головой, в движении. Еще один памятник Сталину, установленный

после Великой Отечественной войны, находился у проходной завода дорожно-строительных машин им. Д. В. Колющенко. В 1950 г. у кинотеатра «Родина» открыли скульптурную композицию, изображавшую Сталина и Ленина, которые сидели на скамье и беседовали. Все эти творения не пережили кампанию по искоренению «культа личности» и до настоящего времени не сохранились.

Скульптурные портреты ближайших соратников Ленина также нашли отражение в изобразительном искусстве. Наибольшее распространение в Челябинской области получила фигура «всесоюзного старосты» М. И. Калинина, совершившего в довоенный период не мене трех поездок на Южный Урал. Три памятника ему стоят в Копейске, два — в Кыштыме, один — в Челябинске. В Копейске в ноябре 1920 г. Калинин выступал перед шахтерами. Недалеко от этого места в 1956 г. установили памятник, выполненный киевским скульптором И. П. Кавалеридзе. «Всесоюзный староста» предстает государственным деятелем, озабоченным делами в стране. Еще ранее здесь был открыт памятник Калинину скульптора М. Ф. Листопада, а в 1967 г. появилась новая скульптура, созданная В. А. Авакяном¹⁷. Первый кыштымский монумент, открытый в 1959 г., создал московский скульптор Л. М. Писаревский, а второй, установленный на территории машиностроительного завода в 1962 г.— творение скульптора В. С. Зайкова. В Челябинске монументальный образ этого советского и партийного деятеля (скульпторы И. В. Бесчастнов¹⁸ и Б. А. Маганов¹⁹) появился в 1976 г. у здания Калининского райкома КПСС (ныне администрация Калининского района)²⁰. К настоящему времени памятник демонтирован.

Образ Калинина на фоне главной проходной Челябинского тракторного завода изобразил на линогравюре известный челябинский художник А. П. Сабуров²¹, автор ряда портретов вождей и революционных деятелей, выполненных в подобной технике.

Другим популярным персонажем у художников являлся С. М. Киров. Памятник ему открыли в 1954 г. на площади у главной проходной машиностроительного завода в Копейске. Осуществил данный проект известный столичный скульптор З. М. Виленский, представивший Кирова в роли народного трибуна, произносящего вдохновенную речь. Первоначально скульптура была выполнена из бетона, но в 1975 г. ее реставрировали, отлив в чугуне²².

Одним из последних монументов большевистским вождям в Челябинской области советской эпохи стала скульптура Кирова, созданная Э. Э. Головницкой²³ из ковanej меди. Ее установили в 1985 г. у административного корпуса Челябинского электролитного цинкового завода на месте старого бетонного и обветшалого памятника пятидесятилетней давности²⁴.

Появилось также несколько скульптурных образов Ф. Э. Дзержинского. Так, скульптор П. В. Серегин стал автором бюста «железному Феликсу», установленному в 1934 г. в Магнитогорске у здания городского управления внутренних дел²⁵. Художник С. Л. Черкашин²⁶ к 60-й годовщине Октябрьской революции написал портрет Дзержинского²⁷.

Среди региональных революционных вождей в Челябинской области можно выделить образ большевика С. М. Цвиллинга, запечатленный как на живописных полотнах, линогравюре, так и в скульптуре²⁸. Он изображался как мужественный, смелый, стойкий большевик. В то же время художники подчеркивали его молодость, силу воли и красоту. Перед зрителями предстает герой без страха и упрека. Молодой вождь, ведущий за собой народ на борьбу за идеалы социализма. Одного взгляда на образ Цвиллинга хватает, чтобы сделать вывод о нем как о лидере новой эпохи, «сверхчеловеке» в духе философской концепции Ф. Ницше.

Однако в реальной жизни Цвиллинг был не таким человеком. Факты из его до-революционной биографии свидетельствуют о том, что, будучи еще подростком, он в 1907 г. вместе с братом принимал активное участие в «эксах» (вооруженных налетах) с целью обеспечения кассы большевистской партии денежными средствами. В результате Цвиллинг, носивший кличку «Муля», оказался причастен к ограблению аптеки в Омске, за что впоследствии провел четыре года за тюремной решеткой²⁹.

На картине Р. И. Габриэляна³⁰ «Выступление Цвиллинга у кинотеатра “Луч”» показан его дебют в качестве политика и оратора в Челябинске. Это произошло 6

марта 1917 г., в первые дни после падения монархии. Картина представляет молодого вождя с обнаженной головой в солдатской шинели, стоящего над толпой демонстрантов и указывающего на «буржуев» как главных виновников всех бед трудового народа.

Если обратиться к историческим источникам, то можно констатировать, что художник несколько исказил изображенное им событие. Цвиллинг тогда говорил о недоверии только к военным, которые собрались на офицерское собрание в помещении кинотеатра «Луч». Согласно сообщениям местной прессы, на митинге помимо Цвиллинга выступали и другие люди, не таких радикальных взглядов, как он, среди ораторов оказался даже священник. Затем все мирно разошлись³¹.

Гибель Цвиллинга в апреле 1918 г., когда он, будучи председателем Оренбургского военно-революционного комитета, во главе продотряда столкнулся с превосходящими силами оренбургских казаков в станице Изобильной, художник А. С. Пруцких³² на своем полотне стремился показать как подвиг. В центре картины — Цвиллинг с саблей наголо вместе со своими немногочисленными бойцами мужественно отбивается от врагов. На него летят сразу трое верховых казаков. Один из них вот-вот ударит комиссара пикой. Перед зрителями как бы оживает миф о герое, погибающем за правое дело.

Однако история последних дней Цвиллинга была несколько иной. Узнав о том, что многие казачьи станицы и поселки отказываются сдавать хлеб, Цвиллинг лично отправился с продотрядом осуществлять изъятие «излишков» продовольствия. По мере продвижения отряда все дальше от Оренбурга боеспособность и преданность красных бойцов значительно убывала. Большинство из них отказались подчиняться Цвиллингу и отбирать хлеб у своих земляков. Поэтому в станицу Изобильную председатель военно-революционного комитета въехал с небольшим количеством добровольцев. Его отряд попал в засаду, хотя разведчики, ранее посланные в станицу, доложили, что там вооруженных казачьих формирований нет. Когда началось уничтожение продотрядовцев конными казаками, Цвиллинг кинулся к пулемету, но орудие заклинило. Выхватив пистолет, большевистский вождь отстреливался до последнего патрона, пока не встретил смерть от казачьей шашки³³.

Итак, образы революционных вождей как всероссийского, так регионального масштаба занимали ведущее место в историко-революционном изобразительном искусстве. Как правило, они представлялись как честные, благородные, никогда не ошибавшиеся лидеры, ведущие за собой народ к светлому будущему, готовые, если потребуется, пожертвовать собой ради идеалов революции.

* * *

Монументы, живописные и графические изображения, посвященные советским лидерам, безусловно, являются артефактами культурной памяти советского общества как части его коллективной памяти³⁴. Именно культурная память является цементирующей основой для коллективной памяти людей о своем прошлом. Кроме того, стоит отметить, что культ большевистских вождей стал активно развиваться в советском изобразительном искусстве после кончины Ленина³⁵. С середины 1920-х до начала 1930-х гг. в произведениях художников доминировал образ Ленина. В последующий период (с начала 1930-х до первой половины 1950-х гг.) наряду с Лениным появляется образ Сталина, которой порой затмевает собой фигуру «создателя советского государства». После развенчания «культа личности» в период оттепели прошла кампания по ликвидации изображений Сталина, и вновь усилился культ Ленина. С середины 1950-х до первой половины 1980-х гг. наряду с Лениным появились образы и других большевистских вождей, как всероссийского (С. М. Киров, Ф. Э. Дзержинский, М. И. Калинин и др.), так и регионального (С. М. Цвиллинг и др.) масштаба. Появление новых фигур, видимо, должно было акцентировать значительную роль коллективного руководства и партии большевиков в целом. Таким образом, в истории культа большевистских вождей, получившего свое воплощение в изобразительном искусстве советской страны, можно выделить следующие периоды:

— конец 1917 — январь 1924 г.— зарождение культа, появление первых изображений Ленина и его соратников, большевистских руководителей, в графике и живописи;

— январь 1924 — начало 1930-х гг.— доминирование культа В. И. Ленина, помимо живописных и графических изображений отрываются памятники ушедшему вождю;

— с начала 1930-х до второй половины 1950-х гг.— развитие культа И. В. Сталина наряду с культом В. И. Ленина;

— со второй половины 1950-х до середины 1980-х гг.— появление образов других вождей, как всероссийского, так и регионального масштаба, но при доминировании образа В. И. Ленина.

Ситуация в Челябинской области, связанная с созданием подобных образов в изобразительном искусстве, наглядно отражает положение, которое складывалось и в других регионах советской страны.

Основные функциональные задачи, которые выполняли созданные образы большевистских вождей, заключались, на наш взгляд, в следующем. Во-первых, они способствовали легитимации советской власти. Во-вторых, такие образы были ориентированы на воспитание советских людей в духе коммунистической идеологии, предполагалось, что большевистские лидеры будут образцами для подражания. В-третьих, историко-революционные произведения изобразительного искусства создавались с целью получения советскими гражданами, причастными к созданию подобных артефактов и их размещению в советском культурном пространстве, социальных дивидендов.

Историко-революционные творения, соединявшие в себе изобразительное искусство и пропаганду, оказали колоссальное влияние на взгляды советских людей о российской революции 1917 г., которая изображалась как героическое и трудное время рождения нового мира, а большевики представлялись «спасителями страны». Влияние таких образов изобразительного искусства дает о себе знать и сегодня, поскольку представления многих российских граждан о революции, ее вождях из большевистской когорты остаются во многом очень близкими к трактовкам советского дискурса.

Примечания

¹ Голомшток И. Соцреализм и изобразительное искусство // Соцреалистический канон : сб. ст. / под ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб., 2000. С. 138.

² Гюнтер Х. Тоталитарное государство как синтез искусств // Там же. С. 7–15.

³ Розенталь Б. Соцреализм и нищезанство // Там же. С. 56–69.

⁴ Трифонова Г. С. Художественная культура Южного Урала (1900–1980-е гг.) // Художественная среда. Музеи. Художники. Челябинск, 2009. С. 73–74, 79–80.

⁵ Кудзоев О. А., Ваганов А. С. Скульптурная летопись края. Челябинск, 1989. С. 21–26. Матвей Яковлевич Харламов (1870–1930) — скульптор, окончил Академию художеств в Санкт-Петербурге (1897). Жил и работал в Петербурге (Ленинграде). Автор ряда монументальных скульптур советских вождей. Создал свыше десяти вариантов бюстов В. И. Ленина (Кудзоев О. А. Харламов Матвей Яковлевич // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. Челябинск, 2008. Т. 7. С. 18).

⁶ Кудзоев О. А., Ваганов А. С. Скульптурная летопись края. С. 40.

⁷ Там же. С. 84–85.

⁸ Лев Николаевич Головницкий (1929–1994) — скульптор. Окончил Саратовское художественное училище (1952), МГПИ (1980). Член Союза художников СССР (1955), народный художник РСФСР (1980), действительный член Академии художеств СССР (1988), лауреат Государственной премии им. И. Е. Репина (1977), областной премии им. Ленинского комсомола (1967). В 1932–1987 гг. жил и работал в Челябинске. Автор многочисленных скульптур и памятников (Художники народов СССР : биобиблиогр. слов. : в 6 т. Т. 3. М., 1976. С. 84 ; Кудзоев О. А. Головницкий Лев Николаевич // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. Челябинск, 2008. Т. 1. С. 883–884).

⁹ Виталий Семенович Зайков (1925 г. р.) — скульптор, участник Великой Отечественной войны. Окончил Свердловское художественное училище (1948), Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина (1954). Член Союза художников СССР (1955), заслуженный художник РСФСР (1963). В 1954–1965 и 1973–1983 гг. жил и работал

в Челябинске. Автор ряда портретных и монументальных скульптур (*Титов В. И.* Зайков Виталий Семенович // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. Челябинск, 2008. Т. 2. С. 366).

¹⁰ *Кудзоев О. А., Ваганов А. С.* Скульптурная летопись края. С. 42–43.

¹¹ *Волков Е. В.* Образы историко-революционных произведений изобразительного искусства Южного Урала // Вестн. ЮУрГУ. Сер. Социал.-гуманит. науки. 2010. Вып. 15, № 28. С. 27.

¹² См., например, репродукции картин: А. П. Сабуров. «В. И. Ульянов (Ленин) в Челябинске»; А. В. Храмов. «В. И. Ленин в дни Октября» (1937); В. А. Неясов. «Ленин у карты ГОЭЛРО» (1970), «Ленин среди молодежи» (1970); «В дни Октября» (1979) и др. (Александр Порфильевич Сабуров : кат. выст. Челябинск, 1976 ; Художники Башкирии : справочник. Уфа, 1979. С. 201–202 ; Художники Южного Урала / сост. Л. Байнов. Челябинск, б. г. ; Челябинская организация Союза художников России : справочник. Челябинск, 1996. С. 262–264 ; Василий Андреевич Неясов. Личность и творчество / сост. Г. С. Трифонова. Челябинск, 2006).

¹³ *Трифопова Г. С.* «Минувшее проходит предо мною...». Живопись и графика Людмилы Костиной. Челябинск, 2016. С. 62, 97, 98.

¹⁴ Александр Михайлович Любимов (1879 — ?) — живописец. Окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества, затем Академию художеств (1909). После 1917 г. занимался педагогической деятельностью в учебных заведениях Ленинграда. В 1934 г. посетил Урал (*Серебрянников Н. Н.* Урал в изобразительном искусстве. Пермь, 1959. С. 129).

¹⁵ См. репродукцию картины: *Серебрянников Н. Н.* Указ. соч. С. 171. Оригинал хранится в фондах Челябинского государственного музея изобразительных искусств.

¹⁶ *Кудзоев О. А., Ваганов А. С.* Скульптурная летопись края. С. 32–33.

¹⁷ Вардкес Айкович Авакян (1931 г. р.) — скульптор. Окончил Ереванское художественное училище им. Ф. П. Терлемезяна (1954). Член Союза художников СССР (1960), заслуженный художник РСФСР (1975), лауреат областной премии Ленинского комсомола «Орленок» (1979), народный художник РФ (2003). Живет и работает в Челябинске. Автор многочисленных скульптурных композиций монументального характера. (*Сабельфельд Л. А.* Авакян Вардкес Айкович // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. Челябинск, 2008. Т. 1. С. 19–20).

¹⁸ Иван Васильевич Бесчастнов (1925–1996) — скульптор, участник Великой Отечественной войны. Окончил Ивановское художественное училище (1947), Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина (1953). Член Союза художников СССР (1963). С 1955 г. жил и работал в Челябинске. Автор ряда станковых и монументальных скульптур (*Титов В. И.* Бесчастнов Иван Васильевич // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. Челябинск, 2008. Т. 1. С. 385–386).

¹⁹ Бронислав Александрович Маганов (1934 г. р.) — скульптор. Окончил Уральское училище прикладного искусства в Нижнем Тагиле (1957), Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина (1963). Член Союза художников СССР (1971). С 1966 г. живет и работает в Челябинске. Автор ряда скульптур, памятников и мемориальных сооружений. Занимался педагогической деятельностью в Челябинском художественном училище (*Прокопьев В. П., Устьянцева Е. М.* Маганов Бронислав Александрович // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. Челябинск, 2008. Т. 4. С. 9–10).

²⁰ *Кудзоев О. А., Ваганов А. С.* Скульптурная летопись края. С. 49–50, 89–90.

²¹ Александр Порфильевич Сабуров (1905–1983) — художник-график. Окончил отделение графики Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина (1934), член Союза художников СССР (1936). С 1934 г. жил и работал в Челябинске. Руководил изостудией Челябинского тракторного завода. Стал одним из инициаторов создания Челябинской организации Союза художников России и был председателем ее правления (1940–1956). Автор целого ряда историко-революционных произведений в жанре портрета и плаката. В период Великой Отечественной войны работал в объединении художников «Боевой карандаш». Заслуженный работник культуры РСФСР (1978) (*Ваганов А. С.* Сабуров Александр Порфильевич // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. Челябинск, 2008. Т. 5. С. 702).

²² *Кудзоев О. А., Ваганов А. С.* Скульптурная летопись края. С. 48.

²³ Энрика Эмильевна Головницкая (1931 г. р.) — скульптор. Окончила Саратовское художественное училище (1952), член Союза художников СССР (1954), заслуженный художник РСФСР (1977), лауреат областной премии Ленинского комсомола «Орленок» (1978). В 1955–1987 гг. жила и работала в Челябинске. Автор многочисленных скульптурных портретов и монументов (*Кудзоев О. А.* Головницкая Энрика Эмильевна // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. Челябинск, 2008. Т. 1. С. 883).

²⁴ *Кудзоев О. А., Ваганов А. С.* Скульптурная летопись края. С. 90–91.

²⁵ Там же. С. 34.

²⁶ Сергей Леонидович Черкашин (1944 г. р.) — живописец. Окончил Свердловское художественное училище (1966), Ленинградское художественно-промышленное училище

им. В. И. Мухиной (1971). Член Союза художников СССР (1977). Автор ряда монументальных росписей, gobеленов, произведений станковой живописи в жанре портрета (*Трифопова Г. С. Черкашин Сергей Леонидович // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. Челябинск, 2008. Т. 7. С. 294*).

²⁷ См. репродукцию картины: Челябинская организация Союза художников России. С. 264.

²⁸ См., например, «Героическую гибель Цвиллинга» А. С. Пруцких (1944; см. репродукцию: *Байнов Л. П. Художники Челябинска. Челябинск, 1979*), «Выступление Цвиллинга у кинотеатра “Луч”» Р. И. Габриэляна (1957; оригинал картины хранится в фондах Государственного исторического музея Южного Урала), памятник С. М. Цвиллингу (1957; скульптор Е. И. Макаров, архитектор Е. В. Александров), линогравюру А. П. Сабурова «Цвиллинг» (1964; см. репродукцию: *Байнов Л. П. Указ. соч.*).

²⁹ *Борисов В. Г. Факты и мифы из жизни С. М. Цвиллинга // Исторические чтения. Челябинск, 1998. Вып. 4. С. 192–203.*

³⁰ Рубен Исроелович Габриэлян (1926 г. р.) — живописец. Окончил Азербайджанское государственное художественное училище им. А. Азимзаде (1949), Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина (1955), член Союза художников СССР (1958). В 1956–1967 гг. жил и работал в Челябинске. Автор многочисленных жанровых и портретных полотен, мозаичных панно (Художники народов СССР : биобиблиограф. слов. : в 6 т. М., 1972. Т. 2. С. 376 ; *Колпакова В. С., Чулкина М. А. Габриэлян Рубен Исроелович // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. Челябинск, 2008. Т. 1. С. 782*).

³¹ *Борисов В. Г. Указ. соч. С. 199.*

³² Александр Семенович Пруцких (1901–1977) — живописец, график, скульптор. Окончил Верхнеуральское начальное земское училище, Свердловский скульптурный техникум (1925), графический факультет Академии художеств (1930), член Союза художников СССР (1932). Работал и жил в Челябинске. Писал в жанре плаката, иллюстраций для книг, портрета. Автор нескольких скульптурных композиций (*Сабельфельд Л. А., Черных В. А. Пруцких Александр Семенович // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. Челябинск, 2008. Т. 5. С. 446*).

³³ *Борисов В. Г. Указ. соч. С. 200–203.*

³⁴ См.: *Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. 368 с. ; Он же. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. 328 с.*

³⁵ См.: *Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. М., 1997. 325 с.*

И. Н. Калашникова

ЛИСТОВКИ 1920-х ГОДОВ В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ ЮЖНОГО УРАЛА

В фондах Государственного исторического музея Южного Урала хранятся 130 подлинных листовок 1920-х гг. Из-за отсутствия учетных документов мы не можем проследить источники поступления, но можно с уверенностью сказать, что основная заслуга в их сборе принадлежит первому директору музея И. Г. Горохову.

1920-е гг. были очень сложными для Урала. Экономика находилась в тяжелом состоянии. Многие заводы были разрушены и бездействовали. Продразверстка и сильная засуха летом 1920 г. привели к страшному голоду 1921–1922 гг. Резко обострился социально-политический кризис. Советское правительство было вынуждено отказаться от политики «военного коммунизма» и перейти к новой экономической политике (нэпу). Вместо продразверстки был введен продовольственный налог, вернувший крестьянам стимул к труду.

В этот сложный период, когда основная масса населения была неграмотной, листовка стала одним из главных средств массовой информации. Издавались листовки самыми различными организациями — органами советского, военного, партийного управления страны, различными издательскими организациями, обществами и комиссиями.

Так, например, листовки, которые хранятся в нашем собрании, издавались Московским комитетом Российской коммунистической партии, Челябинским губернским государственным издательством, Губполитпросветом, Челябинским ОВД, РВЦ, Обществом друзей воздушного флота, Уральским обществом «Долой неграмотность», ЦК «Помгол» ВЦИК и др.

Листовка — это печатный или рукописный лист с текстом агитационно-политического, идеологическо-воспитательного и информационно-ориентационного характера. Отличается актуальностью содержания и оперативностью распространения.

В середине 1960-х гг. известный историк КПСС Е. С. Петропавловский¹ высказался против бытовавшего среди исследователей мнения о листовках как лишь о памятниках агитационно-пропагандистской работы, подчеркнув, что листовки являются важным источником изучения истории нашей родины, рабочего, солдатского и крестьянского движения, деятельности большевистских организаций. Ученый дал определение листовке: это вид публикации, осуществленный на одной или нескольких страницах малого или среднего формата. Его заслугой явилось также уточнение соотношения терминов «листовка» и «прокламация»: листовка — вид издания, прокламация (политический призыв) — содержание издания.

Как правило, листовка печатается крупным шрифтом. Композиция листовки должна быть особенно четкой, наилучшим способом оформлять текст. Этого требует прежде всего то обстоятельство, что текст листовки усваивается только путем чтения. «Композиция должна одновременно привлечь читателя (броскость), передать информацию (информативность) и «заразить» читателя, вызвать доверие (принимаемость)². Листовка должна воздействовать, как «вспышка», команда, сигнал — одновременно и однокачественно. «Она обращена не к чувству, а к глазу с целью его активного, целе-

направленного возбуждения как органа зрения»³. В листовках используется самый крупный шрифт. Листовка читается не столько сверху вниз, сколько от самого крупного текста к самому мелкому.

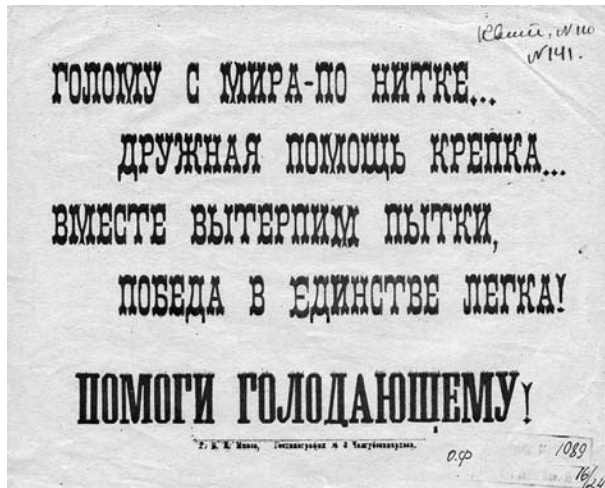
Вполне применима и классификация листовок Е. С. Петропавловского, в которой впервые выделены в отдельную группу внутрипартийные листовки: листовые издания делились на массовые, адресованные ко всему народу (к рабочим, крестьянам, солдатам, учащимся) и внутрипартийные, предназначенные для членов партии. Как массовые, так и внутрипартийные листовки по тематике составляют несколько групп: 1) агитационно-пропагандистские; 2) литературно-художественные (песни, памфлеты, короткие рассказы); 3) нормативные документы (отчеты, заявления, резолюции, уставы); 4) информационные (сообщения о событиях, объявления о демонстрациях).

Тематика листовок, хранящихся в собрании ГИМЮУ, чрезвычайно разнообразна. Большое количество листовок посвящено борьбе с голодом: резолюции Всероссийского совещания представителей комиссий помощи голодающим, инструкция по организации общественного детского питания в волостях, воззвание Московского комитета РКП(б) «На борьбу с голодом», листовки Челябинского губполитпросвета, речь Ф. Нансена на заседании Лиги Наций в Женеве, в которой великий путешественник разоблачает мировую буржуазию, бичует кампанию лжи против голодной Советской России, призывает оказать скорую помощь голодающим. Есть и листовки в стихах.

Многочисленна группа листовок посвящена борьбе за грамотность населения: «Мракобесию, темноте, смиренению молодежь противопоставляет борьбу за знание»; «Грамотный, ты в долгу у неграмотного,— расплатись, обучив его»; «Всеобщая грамотность — необходимое условие развития крупной промышленности» и др.

Наряду с образованием одной из важных задач было объявлено строительство воздушного флота. О чем свидетельствуют такие листовки, как «Деревня — строй воздухофлот», «В руках буржуазии авиация — средство истребления».

В коллекции нашего музея несколько листовок посвящены различным государственным займам: на вооружение, золотому, хлебному займу и др.

Листовка «Голому с мира — по нитке...». РВЦ, г. Миасс. 1920-е гг.

Листовка общества «Долой неграмотность». Типография «Гранит», г. Екатеринбург. 1920-е гг.

Листовка «Хлебный заем на общую сумму до 10 миллионов пудов в зерне». Гублитпросвет, г. Челябинск. 1920-е гг.

Листовка «Деревня — строй воздухофлот». Военная типография Управления РККА, г. Москва. 1920-е гг.

В листовках отразилось и стремление советского государства взять под контроль все развлечения и праздники: «Вместо пасхи — будем готовиться к I-му мая!»; «Комсомольская пасха — вылазка на богов, попов, святых, чертей!»

Большое количество листовок посвящено продналогу («Как вычислить продналог, причитающийся с хозяйства»); «Крестьяне, сдавайте продналог!», выборам в Советы («Кого надо посылать в Совет?»); «Крестьянин, спешите на пере выборы Совета!», санитарному просвещению («Товарищ красноармеец, уничтожай вошь!»); «Берегитесь тифа»), борьбе с партией эсеров («Долой партию эс-эров, предавшую рабочих и крестьян Красного Урала в руки Колчака!»); «Где восстание против рабочих и крестьян, там всегда ищи эс-эров»), посевным работам и сельскохозяйственным культурам («Семена для посева должны быть чистые, крупные, толстые, жирные, без запаха, всхожие!»); «Овес»; «Пшеница»).

Таким образом, мы видим, что листовки являются важным источником по истории страны в целом и Урала в частности, отражают все стороны жизни Урала в 1920-е гг., являются своеобразным символом времени.

Листовка «Берегитесь тифа...». Губполитпросвет, г. Челябинск. 1920-е гг.

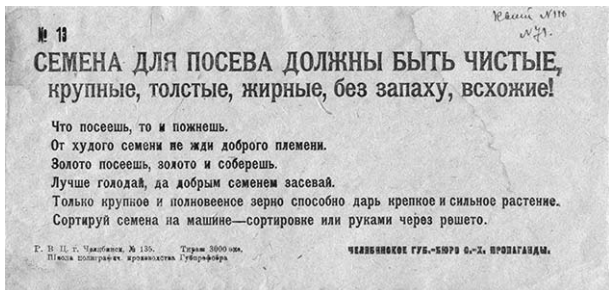
Листовка «Комсомольская пасха — вылазка на богов, попов, святых, чертей!». Типография промкомбината, г. Челябинск. 1924 г.

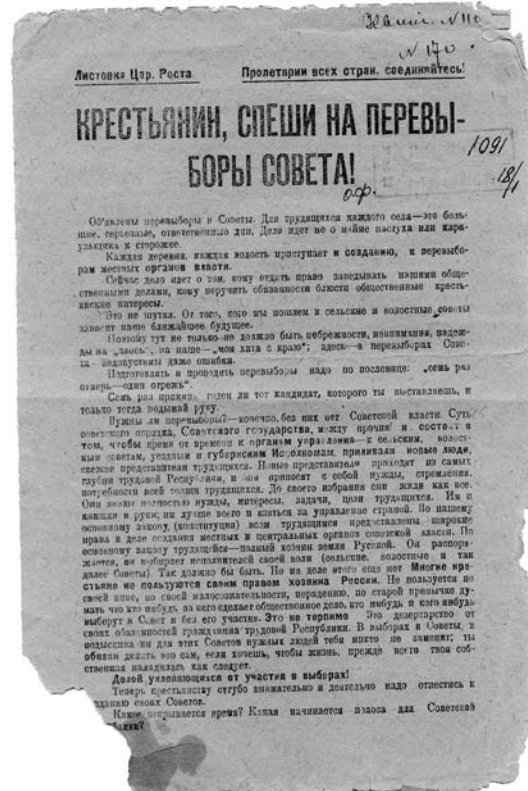
Листовка «Красный Урал помнит эс-эров...». РСФСР. 1920-е гг.

Листовка «Крестьяне, сдавайте продналог!...». РВЦ, г. Миасс. 1920-е гг.

Листовка «Семена для посева должны быть чистые, крупные, толстые, жирные, без запаха, всхожие!». Губернское бюро агропропаганды, г. Челябинск. 1920-е гг.

Листовка «Крестьянин, спеши на переизбрания Советов!». Государственное издательство, г. Царицын. 1921 г.

Листовки стали первоначальным источником информации для огромных масс населения, после чего они переросли в полноценные газеты и журналы.

Примечания

- ¹ Петров Павловский Е. С. Листовки как источник при изучении истории КПСС. М., 1966.
- ² Мамаев Н. Ю. Композиционная структура агитационной листовки : дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2001.
- ³ Чернышов О. В. Формальная композиция. Минск, 1999.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ В ЧЕЛЯБИНСКЕ В 1917–1921 ГОДАХ

Не будет преувеличением сказать, что Челябинск является театральным городом. Одно из ведущих и старейших учреждений культуры города — Челябинский государственный академический театр драмы имени Наума Орлова, официальной датой создания которого считается 9 декабря 1921 г. Однако эта дата условна: за точку отсчета принят день, когда на сцене Народного дома был дан спектакль по пьесе В. И. Немировича-Данченко «Цена жизни»¹. Почему именно этот день и этот спектакль?

Истоки театральной жизни города восходят к XIX в. Полноценный характер она приобрела после строительства в 1903 г. Народного дома, где выступали любители и гастролеры-профессионалы, в том числе ведущие артисты Российской империи. С середины 1910-х гг. театральная жизнь на сцене Народного дома была прервана: во время Первой мировой войны здесь размещался госпиталь, в период революции заседал Челябинский Совет рабочих и солдатских депутатов, в годы Гражданской войны здание пришло в упадок и нуждалось в ремонте. Несмотря на сложное экономическое положение, страшный голод 1920 г., унесший треть населения Челябинской губернии, местные власти нашли возможность в 1921 г. выделить средства на ремонт Народного дома. Весной этого же года губисполком принял постановление о переименовании этого учреждения в «Народный дом имени С. М. Цвиллинга» в память 3-й годовщины со дня смерти одного из первых председателей Челябинского Совета рабочих и солдатских депутатов (это имя, кстати, впоследствии автоматически перешло на афишу театра драмы)².

К осени 1921 г. ремонт Народного дома был завершен. Первыми на обновленную сцену вышли театралы-любители. 28 сентября 1921 г. был дан спектакль «Разбойники» по пьесе Ф. Шиллера³, поставленный показательной труппой губернского отдела народного образования. Затем труппа представила еще несколько постановок. 3 ноября 1921 г. вышло постановление коллегии губнаробраза о роспуске всех театральных трупп, после чего театральная жизнь в городе вновь замерла. В конце 1921 г. в Челябинск из Кургана прибыла профессиональная труппа во главе с известным режиссером П. И. Васильевым. 9 декабря актеры приступили к работе, и с этого времени театральная жизнь на сцене Народного дома не прерывалась. Вот почему именно этот день считается датой создания театра в Челябинске.

Однако появление театра в городе в 1921 г. — это событие, в основе которого лежат не случайные обстоятельства, а целый ряд объективных предпосылок. В данной статье не ставится цель проанализировать новые направления в театральном искусстве 1917–1921 гг., выявить новые имена, восстановить репертуар. Главная задача — выяснить, как в Челябинске появился театр, почему это произошло, какие события предшествовали этому. Исследователи истории театральной жизни Челябинска (точнее, Челябинского театра драмы⁴) первым годам существования учреждения, его «предыстории», уделяли мало внимания, ограничиваясь общими фразами, переходящими из одного издания в другое. Наиболее ценные сведения содержатся в архиве театроведа К. И. Антоновой (рукопись «На пути к театру»), краеведа Ф. Р. Менщикова (рукопись «Театр Челябинска в первые годы советской власти»)⁵. Этот материал

написан по воспоминаниям старейшего на Урале театрального деятеля режиссера И. М. Сметанина-Уральского.

Начнем с того, что в дореволюционном Челябинске не было своего театрального коллектива. Но это не значит, что не было общественной театральной потребности: публика охотно посещала спектакли гастролеров в Народном доме, в клубе железнодорожного собрания, в театрах Сада-острова и городского сада имени А. С. Пушкина. По существовавшей в Российской империи традиции, в провинциальных городах не было собственных профессиональных театральных трупп. Если они и появлялись, то как исключение (например, в Екатеринбурге в середине XIX в. был возведен городской театр — первое на Урале театральное здание), а в основном это были гастролирующие труппы. Ежегодно антрепренеры набирали артистов и приезжали с ними на один сезон в какой-либо город. И надо сказать, провинциальные театральные антрепризы сыграли огромную роль в развитии культурной жизни русской провинции. Эта традиция сохранялась в стране практически до начала 1930-х гг.

Революционные события, как ни странно, не притупили стремление населения к театральному искусству — напротив, можно говорить о всплеске интереса к театру. В эти годы он занял ведущее место в культурной жизни Советской России. Новая власть не оставила без внимания этот стихийный процесс. «В революционные эпохи театр приобретает особенно важное значение. А “величайшая из революций” — октябрьская, поставившая перед собою задачу преобразования всего мира, не знает нейтральных сил. Все становится ее оружием, которым она пользуется в своих целях, или препятствием, которое она сметает с своего пути. Само собой разумеется, что революция не могла не затронуть театра»⁶. Первым важным шагом явилась передача всех театров России в ведение только что созданной Государственной комиссии по просвещению. Декрет об этом был принят 22 ноября 1917 г., то есть менее чем через месяц после образования советского правительства. В 1918 г. был создан Отдел искусств и образован Театральный отдел (ТЕО) Народного комиссариата просвещения, заведующим которого стал Всеволод Мейерхольд.

Театр был признан государством средством идейного воспитания народных масс, пропаганды, просвещения и эстетического воспитания. Итог целому ряду мероприятий советской власти в области театра подвел подписанный В. И. Лениным декрет «Об объединении театрального дела»⁷. Все театральные здания, декорации, костюмы были национализированы и объявлены всенародным достоянием. Для руководства всем театральным делом в стране при Наркомпросе учрежден Центротeatр, председателем которого стал А. В. Луначарский.

В обстановке войны, разрухи, нищеты невероятная тяга народа к театральному искусству была поразительной. Широкий размах приобрела театральная самодеятельность. Это отмечено в публикациях тех лет: «Прежде всего, поражает количественная сторона. Будущий историк отметит, что во время самой кровавой и жестокой революции играла вся Россия. В секции по обследованию рабоче-крестьянского театра при театральном отделе Н. К. П. зарегистрировано более тысячи театральных кружков на фабриках и в деревнях. Цифра эта, вероятно, составляет небольшую часть действительного количества. Иногда местные интеллигенты принимают участие в создании кружков, но чаще мы имеем дело с беспримесным составом кружка, членами которого являются рабочие или одни крестьяне, либо те и другие вместе. Есть кружки, которые гордятся тем, что обходятся без помощи профессионалов (декорации написаны рабочими, костюмы добыты или перешиты работницами, рабочие же выдвинули из своей среды режиссера, актеров, оркестрантов и дирижера и т. д.)»⁸.

Попытаемся разобраться в причинах этого явления, проследив развитие театральной жизни в Челябинске после революции. В 1917 г., в первые месяцы после свержения самодержавия, в городе образовался полупрофессиональный театральный кружок, переименованный в культурно-просветительское общество, занимавшееся не только драматическим искусством, но и музыкой, хоровым пением, живописью.

Не утихла театральная жизнь и в годы Гражданской войны. В 1919 г., когда город находился в руках белых, на сцене театра Сада-острова (вмещал от 560 до 600 зрителей) работала драматическая труппа И. М. Сметанина-Уральского, главным режиссером был С. М. Сапунов. Ведущим актером стал крупный специалист

театрального дела Петр Петрович Медведев — сын известного на Урале театрального деятеля Петра Михайловича Медведева. В Челябинск он попал случайно, направляясь в Уфу, но согласился поработать здесь. В составе труппы были также Л. Н. Сейфуллина, выступавшая под псевдонимом Налидова, и ее муж В. П. Правдухин⁹. Актерский состав подобрался творчески зрелым, а репертуар — высокохудожественным. В репертуарной афише присутствовали пьесы А. Чехова, А. Сухово-Кобылина, П. Гордона, Л. Андреева, М. Горького, А. Островского и др. Одновременно в летнем театре городского сада имени А. С. Пушкина работала труппа Н. У. Башкирова (режиссер Сабуров-Долинин). Однако она значительно уступала труппе Сметанина-Уральского как по актерскому составу, так и по репертуару.

В конце июля, после отступления армии Колчака и восстановления в Челябинске советской власти, театральная жизнь в городе не прекратилась. До конца летнего сезона, по сентябрь включительно, продолжала работать труппа Башкирова. Большая часть труппы Сметанина-Уральского уехала вслед за армией Колчака, в том числе и П. П. Медведев, 13 человек во главе с И. М. Сметаниным-Уральским остались. Вместе с 5-й армией Тухачевского в Челябинск прибыла драматическая труппа политотдела Красной армии, работавшая в составе 26-й и 27-й дивизий. При ее содействии на основе оставшихся в городе артистов была сформирована труппа Челябинского культпросвета при городском Совете профсоюзов. Она проработала до конца августа. Однако затем значительная часть мужского состава была мобилизована в Красную армию, после мобилизации мужей Челябинск покинули и многие женщины-актрисы. От труппы остались четыре человека. Она была пополнена любителями и в таком составе продолжала работать под руководством И. М. Сметанина-Уральского при отделе искусств губнаробраз, здесь же была создана театральная студия.

Труппа, по сути, стала любительской. Но это не умаляло энтузиазма артистов, они продолжали ставить спектакли и в 1920, и в 1921 гг. Кроме этого коллектива существовала еще одна труппа — под руководством режиссера Смирнова, — о которой мало что известно. В это же время под эгидой губернского профессионального Союза работников искусств И. М. Сметанин-Уральский вместе с дирижером Г. Д. Моргулисом¹⁰ создал театр «Мозаика». Свои спектакли он показывал в помещениях разных клубов. Программа включала наряду с драматургическими миниатюрами игру на музыкальных инструментах и сольное пение. И, наконец, в конце 1921 г. в Челябинск прибыла профессиональная труппа П. И. Васильева, о чем говорилось ранее. Таким образом, как и в целом по стране, театральная жизнь в Челябинске была чрезвычайно насыщенной.

Нельзя не признать, что революция не только пробудила интерес к театру, но и позволила вовлечь в театральное творчество многие социальные слои, ранее оторванные от этого вида искусства. Кроме того, в сложный период жизни театр помогал искать ответы на многие вопросы, служил средством выражения собственных чувств и переживаний. Это объясняет всплеск театральной жизни в переломный момент истории страны, многочисленные творческие поиски, эксперименты, рождение новой драматургии. Молодое государство не могло остаться в стороне от этого процесса и отказаться от возможности пропаганды новых идей силами театрального искусства.

Но нельзя забывать, что само государство находилось в процессе становления, приходилось решать сложнейшие экономические и социальные проблемы в полуразрушенной стране. Театр как социальный институт не мог занимать приоритетного положения в политике государства, поэтому испытывал немало трудностей. Созданный в конце 1921 г. Челябинский театр драмы также оказался в сложных условиях. Исследователь театральной жизни Южного Урала К. А. Тухватулина называет этот период (1921–1927) этапом убыточной работы театров и соответственно резкого ухудшения материального положения работников¹¹, что мы и наблюдаем на примере нашего театра. Это был период становления.

Только в конце 1920-х гг. появилось гарантированное финансирование деятельности театра, в начале 1930-х гг. начало формироваться ядро постоянной труппы. С образованием Челябинской области (1934) начался настоящий творческий подъем. Челябинский театр драмы обрел свое лицо, к нему пришли успех и любовь зрителей.

Примечания

¹ «Образцовая по драматургическому мастерству, она сразу полюбилась актерам и прочно вошла в репертуар театров; ее много играли и после революции, играют до сих пор», — писал о пьесе В. Виленкин, исследователь творчества В. И. Немировича-Данченко. Более подробно см.: *Виленкин В. Я.* Вл. И. Немирович-Данченко: очерк творчества. М. : Муз. театр им. В. И. Немировича-Данченко, 1941. С. 51.

² ОГАЧО. Ф. 220. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

³ Совет. правда. 1921. 10 сент. ; ОГАЧО. Ф. 601. Оп. 1. Д. 383. Л. 144.

⁴ Челябинский академический театр драмы: избранные очерки истории и современности : в 2 т. / под ред. В. Ф. Рыжовой и др. Челябинск, 2001.

⁵ Архив музея ЧГАТД им. Н. Орлова.

⁶ Цит по: *Коган П. С.* В преддверии грядущего театра. М. : Первина, 1921. С. 45.

⁷ Известия. 1919. 9 сент.

⁸ Цит по: *Коган П. С.* Указ. соч.

⁹ *Антонова К. И., Казаков А. Л.* Сейфуллина Лидия Николаевна // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. / гл. ред. К. Бочкарев. Челябинск, 2005. Т. 5. С. 808 ; *Казаков А. Л.* Правдухин Валериан Павлович // Там же. С. 345.

¹⁰ *Антонова К. И., Вольфович В. А.* Моргулис Григорий Давыдович // Там же. Т. 4. С. 368.

¹¹ *Тухватулина К. А.* Театральная культура Южного Урала конца XIX — первой трети XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2010.

Часть VI

Формирование и документирование исторической памяти о революционных событиях и Гражданской войне

ОДЕЖДА НАЧАЛА XX ВЕКА ИЗ ФОНДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ ЮЖНОГО УРАЛА: ИСТОРИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ

В начале XX в. на Южном Урале было распространено несколько костюмных комплексов, характерных для крестьянства (старожилы и переселенцы), оренбургского казачества, горнозаводского населения и населения крупных городов (Челябинск, Троицк и др.). Костюм различался и по конфессиональной принадлежности. Например, в старообрядческих семьях сохранялся сарафан-клинник, платки складывались прямоугольником, надвигались до бровей и скальвались булавкой под подбородком. У православных сохранялся прямой сарафан на лямках, платки складывались треугольником и завязывались под подбородком на узел. Сарафан подпоясывался домотканым поясом (если он был из дорогой ткани, то подпоясывали рубаху). С сарафаном надевалась рубаха-«рукава» с поясом из гарусной пряжи. Запоны (фартуки) были повседневные и нарядные¹.

В сельской местности среди старшего поколения традиционная одежда преобладала до конца 1920-х гг., а по некоторым сведениям, и до конца 1930-х гг.² Сарафаны оренбургских казачек шились прямоклинными, нераспашными, на лямках, с имитацией застежки с помощью дутых медных пуговиц; под сарафан надевалась не поликовая рубаха, а кофта городского покроя. В некоторых станицах бытовали старинные казачьи наплечные сарафаны, которые кроились по косой, со складками наверху. Замужние женщины полностью закрывали волосы «повязкой» в виде сеточки, надевавшейся на шишку, или чепца из плотного материала. Поверх повязки одевалась «катетка».

Наиболее распространенной одеждой у оренбургских казачек были кофта и юбка. Юбки могли быть суконные, шерстяные, полушерстяные, ситцевые. Они шились прямыми, широкими, со сборкой по талии. Отстрачивались по подолу горизонтальными складками. Отдельвались кружевом, гарусными оборками, которые пришивались с внутренней стороны так, чтобы имитировать нижнюю юбку. В некоторых станицах юбки и кофты шились обязательно из одинаковой ткани. В других повседневным вариантом могли быть юбка и кофта из разных тканей, а праздничным — «парочки» (то есть из одинаковой ткани).

Кофты были ситцевые, атласные, полушерстяные, часто с отделкой, особенно в городах, крупных станицах. Широко использовалось кружево (оборки, манжеты), кружевные и шелковые кокетки, отделка гарусом, бисером, аппликацией из шелка и атласа. Очень популярны были горизонтальные и вертикальные складки, застроченные на машине, декоративные швы нитками контрастного цвета. Воротник — чаще всего стойка, иногда отложной. Застежка располагалась сзади через всю спину или только сверху; могла быть потайная застежка на левом плече и сбоку; иногда кофты застегивались на пуговицы спереди. Рукава пришивались «вскладку», зауживались книзу. Рукав мог заканчиваться манжетами или оборкой. Кофты шились прямого покроя, приталенные или расклешенные, с баской. Носили их поверх юбки. Шло нивелирующее русское влияние на костюм тех этнических групп, которые входили в состав Оренбургского казачьего войска, особенно если эти группы были христианскими по вероисповеданию.

У оренбургских казаков наиболее распространенным типом рубахи была косоворотка. Носили и рубахи с большим пришитым воротником и пуговицами спереди через всю полочку. Рубахи (однотонные, темные или реже пестрядинные) подпоясывались домотканым или шелковым поясом. Было принято носить рубахи навыпуск или заправленными в штаны и повязывать сверху широкий пояс.

Квалифицированные рабочие одевались по городской моде. В 1905–1910 гг. утвердилась мода на «русский стиль». Зажиточные образованные горожане носили рубашки-косоворотки, шаровары, заправленные в сапоги, приталенную поддевку со сборками, фуражку с лакированным козырьком³.

В фондах ГИМЮУ есть одежда начала XX в. Хранение и реставрация предметов из ткани представляет собой значительную сложность, поскольку органические материалы больше подвержены разрушению, и изделия из них часто имеют плохую сохранность. К сожалению, и условия хранения ее не всегда отвечали требованиям. Перед реставрацией проводятся реставрационные мероприятия: лабораторные исследования (например, проба на текучесть красителей тканей и нитей), описание сохранности до реставрации, фотофиксация предмета, согласование и утверждение состава и последовательности реставрационных мероприятий на реставрационном совете музея. И только после этого проводится реставрация.

Кофта шелковая красного цвета (ОФ-2907/1 Т-12) из праздничного наряда уральской казачки, купленная летом 1971 г. в деревне Форштадт Верхнеуральского района. Изготовлена в 1915–1916 гг. П. В. Прокопьевой для своей дочери В. А. Овчинниковой, которая надевала ее на Пасху, Рождество, Троицу⁴.

Кофта сшита на швейной машинке из тонкого шелка красного цвета, подклад из колленкора. Кофта с воротником-стойкой и большим отложным воротником. На кокетке — ручные буфы. Пояс, воротник и манжеты отделаны тесьмой, бисером и блестками. Внизу горловины пряжкой пристегнут бант.

Кофта была взята на реставрацию с многочисленными сечениями нитей, разрывами и утратами ткани и бисера; была загрязнена, имела пятна.

Исследование красителей ткани показало, что они стойки к увлажнению. Была проведена водная очистка щадящим моющим средством. Подобран реставрационный материал — туаль (натуральный шелк), окрашенная анилиновым красителем в тон подлинника. Для подведения шелковых фрагментов на деталях с подкладом (воротнике и поясе) был осуществлен частичный демонтаж. Небольшие фрагменты дублировочной ткани подведены под разрывы и укреплены тонкой, почти невидимой шелковой нитью, окрашенной в цвет ткани. Сборка деталей проведена хлопчатобумажными нитями соответствующего цвета ручными стежками. Ткань проглажена горячим утюгом с изнаночной стороны (кроме буфов). Подобран и восстановлен утраченный бисер на отделочной тесьме.

Кофта шелковая. Воротник до реставрации

*Кофта шелковая.
Общий вид после реставрации*

Благодаря проведенной реставрации кофта приобрела надлежащий вид и впоследствии неоднократно экспонировалась.

Казаки в некоторых станицах носили преимущественно форменную одежду, а в гражданской или крестьянской выполняли только черную работу. В других станицах, наоборот, форменную одежду одевали по праздникам. Фуражки и сапоги носили повседневно.

Брюки казака (НВ-6332/2) изготовлены в начале XX в. из шерстяного сукна. Они были загрязнены, имели многочисленные пятна и молевые утраты (поверхностные и сквозные), рассечения и утраты хлопчатобумажных тканей, разрывы мешковины карманов (до 17 см). Отмечались утрата нижней части правой половинки брюк, разрывы и утраты машинных швов, утрата пуговицы на откоске, коррозия на металлической фурнитуре.

Был произведен демонтаж металлической фурнитуры с целью ее очистки от коррозии. Очистка фурнитуры осуществлена водным раствором трилона Б. Механическим способом удалялись остатки нитей, частицы истертых волокон и пыль в подгибах швов, брюки обеспыливались пылесосом. Проведена механическая очистка тампонами сухой чистой марли. После этих мероприятий произведена влажная очистка. Подобрано сукно, окрашено в бирюзовый и голубой цвета. Подобрана и окрашена хлопчатобумажная ткань для восполнения утрат подкладочной ткани. Хлопчатобумажная ткань окрашивалась в отваре багульника и ольхи. Восполнение утрат на сукне было проведено игольным способом, методом инкрустации. Для восполнения сквозных утрат из предварительно подготовленного сукна вырезались фрагменты, соответствовавшие форме утрат. Фрагменты вкладывались в углубления на место утраты и укреплялись игольным способом. Под края по низу правой брючины подведена хлопчатобумажная ткань. Концы нитей на подлиннике расправлены, уложены и укреплены игой шелковыми нитями на подведенную ткань. Восполнены утраты и рассечения на ткани пояса и мешковинах карманов. Восполнены конструктивные швы в технике оригинала. Из собранной (для реставрации) коллекции старой фурнитуры подобраны пуговицы, укреплены на поясе. Проведена дезинсекция. После реставрационных мероприятий сохранность брюк улучшилась, благодаря чему они впоследствии неоднократно экспонировались.

Октябрьская революция 1917 г. изменила социальный состав общества, был ликвидирован класс дворянской и буржуазной аристократии. Вместе с ними исчезла роскошная одежда, не предназначенная для трудовой деятельности. Традиции простоты, скромности, аскетического отношения к быту, костюму характеризуют революционеров и первых строителей нового социалистического общества. Крестьянский и городской костюмы рабочих, служащих, интеллигенции приспособлялись к новым особенностям военного и гражданского труда и быта тех лет. Люди умирали от голода, о какой моде могла идти речь? Была одежда, олицетворяющая суровое, безжалостное время.

В суровой обстановке первых послеоктябрьских лет человек отрекался от старого мира и строил новую жизнь. Создавался новый быт, достойный пролетарской эпохи. Костюм должен был соответствовать новому социальному строю, стать носителем новой революционной морали. Одежда городских женщин того времени, активисток — это прямые юбки, блузки без декоративной отделки (галстуков, оборок, рюшей), красные платки. Красный цвет — цвет знамени революции — приобрел в период становления СССР важнейшее символическое значение в декоративном решении не только женского, но и мужского костюма. Эти изменения в одежде характерны и для населения Южного Урала.

В мужской костюм была включена одежда военного и полувоенного кроя: брюки-галифе, кожаные куртки, кирзовые или кожаные сапоги.

Брюки казака. Общий вид до реставрации

Гимнастерка и брюки-галифе малиновые (ОФ-1262 /1,2) изготовлены в 1918–1920 гг. из алого сукна. Костюм принят от М. В. Пантелеева, заместителя начальника политотдела 3-й кавалерийской дивизии 1-й Туркестанской армии под командованием М. В. Фрунзе. По словам Пантелеева, его дивизия с боями прошла по пути Оренбург — Бузулук — Бугуруслан — Стерлитамак⁵.

Брюки покроя галифе с двумя прорезными карманами спереди и маленьким часовым и прорезным карманами сзади, со штрипками снизу, застежкой на две пуговицы. На поясе сзади пришиты металлические пуговицы для подтяжек и хлястик с пряжкой. Гимнастерка с воротником-стойкой, двумя накладными карманами с клапанами и длинными втачными рукавами с хлястиками.

По всему костюму имелись пятна, многочисленные молевые утраты (сквозные и поверхностные). У брюк по среднему шву внизу — заплатка, пришитая темными нитками. Возле заплатки и у карманов — незначительные разрывы ткани.

Были проведены механическая очистка, обеспыливание, влажная очистка брюк. Подобранный шерстяной сукно красного цвета для восполнения утрат тонировано анилиновым красителем. Утраты на поврежденной ткани восполнялись методом ручного долива массой размельченных волокон. Для скрепления дополняющей волокнистой массы и приклеивания ее к основному материалу использовался клеевой состав (только по краям утраты). Эта методика пригодна только для тканей с неярко выраженной фактурой, где не требуется восстановления характера переплетения. Применяется для изделий из сукна, поврежденных молью или с незначительными утратами. Разрывы ткани возле карманов зашиты шелковыми нитями. Проведена дезинсекция гимнастерки и брюк-галифе. В результате проведенных реставрационных мероприятий костюм приобрел экспозиционный вид и ныне находится в постоянной экспозиции в зале истории XX в.

В 1923 г. был создан «Центр по становлению нового советского костюма», переименованный позднее в «Ателье мод». Основоположница советского костюма Надежда Ламанова при разработке моделей учитывала назначение костюма, физический склад и духовный облик советских людей. Утверждались требования к костюму: целесообразность, удобство, практичность. Особенно характерны для того времени модели, выполненные из кустарной ткани по мотивам русского народного костюма. Как и в народном костюме, конструктивные линии подчеркивались декоративными элементами⁶.

Кофта казачки подвенечная (ОФ-2796 Т-1) выполнена в модном для 1920-х гг. рубашечном стиле с подчеркнутой линией бедер. Изготовлена в 1920-е гг., поступила в музей в августе 1970 г. от В. З. Марковой, проживавшей в колхозе «Рассвет» Увельского района. Кофту Варвара Захаровна шила сама и венчалась в ней в 1925 г. в Кичигинской церкви Увельского района⁷.

Кофта была принята на консервацию для выставки «Ах, эта свадьба!» в 2013 г. Кофта из хлопчатобумажной ткани кремового цвета, с длинными втачными рукавами с манжетами. К спинке и боковым передним деталям по низу притачан пояс. Воротник отложной, с треугольным вырезом горловины. В нижней части выреза — небольшой хлястик, застегивающийся на кнопку с пуговицей. На манжетах и по краям пояса спереди пришиты пуговицы из ткани черного цвета.

Кофта была загрязнена, имелись рыжие пятна. В результате проведенных реставрационных мероприятий, водной очистки и выведения пятен кофте возвращен экспозиционный вид.

В 1920–30-е гг. в стране сохранялся острый дефицит одежды. Обычные граждане не задумывались о том, модная у них одежда или нет, а попросту донашивали то, что еще можно было носить.

Кофта казачки подвенечная после реставрации

Кофта женская малинового цвета (ОФ-1471) изготовлена в первой половине XX в. Поступила в музей от одного из жителей из г. Нязепетровска Челябинской области⁸. Сшита из шерстяного кашемира с подкладом из хлопчатобумажного ситца. Силуэт прилегающий по линии груди с расширением книзу, воротник-стойка, длинные двухшовные рукава, отделочные детали отсутствуют. Застежка спереди на пуговицы, петли обметаны вручную.

Кофта поступила в музей в неудовлетворительном состоянии, предлагалось даже списать ее как утратившую экспозиционное значение из-за многочисленных молевых утрат и разрывов ткани, в том числе крупных — до 10×10 см. Ткань обветшала, протерлась по сгибам, полиняла. Левый рукав был оторван по линии проймы. Разрыв был и по боковому шву на спинке. Но не смотря на плохую сохранность, кофта была отреставрирована.

Проведена водная очистка щадящим моющим средством. В качестве дублировочного материала подобрана белая тонкая хлопчатобумажная ткань — мадаполам. Дублировочная ткань окрашена анилиновым красителем в цвет кофты. Для укрепления ткани использовались шелковые нити (газ). Так как кофта на подкладе и с обтачкой по низу, для более успешной реставрации был проведен частичный демонтаж обтачки. Это позволило подложить (временно) тонкий полиэтилен между подкладом и лицевой частью для подведения под разрывы небольших фрагментов дублировочной ткани. Фрагменты дублировочной ткани были укреплены иглой тонкой, почти невидимой шелковой нитью. Для последующего восстановления ручной и машинной строчек по низу изделия использовались хлопчатобумажные нити, близкие по цвету и толщине к подлинным. Восполнена местами утраченная строчка втачивания рукава. Произведены монтаж обтачки по низу изделия и его дезинсекция. Благодаря реставрации стало возможным экспонирование кофты.

В одежде населения Южного Урала в 1920–30-е гг. присутствовали и элементы, характерные для южноуральского тюркского населения: например, **Фартук женский с нагрудником (аляпкыс)** (НВ-1697/2). Фартук изготовлен в 1920-е гг., принят от жителя деревни Байгазино А. К. Латыпова. Ранее принадлежал Хабибямал Латыповой (1908 г. р.), проживавшей в деревне Яраткулово Аргаяшского района в семье зажиточного башкира. Хабибямал вышла замуж в 1927–1930 гг. (?) в деревне Байгузина, где и жила впоследствии. Фартук носила вначале как праздничный, а в 1960–70-е гг. использовала для выступлений в составе ансамбля художественной самодеятельности⁹.

Фартук с нагрудником сшит вручную из красного сатина. Подол собран на густую сборку и нашит на пояс, переходящий в завязки. По горловине нагрудника нашита оборка, уложенная в складку. К горловине пришиты две завязки. Фартук украшен вышивкой тамбурным швом нитями мулине. Карманы и нижняя часть нагрудника с боков украшены тесьмой.

Кофта женская. Общий вид сзади до реставрации

Кофта женская. Общий вид после реставрации

Предмет нуждался в реставрации в связи с неудовлетворительной сохранностью. Фартук был загрязнен, покрыт пятнами. На обветшалой ткани отмечались многочисленные разрушения: сечения, разрывы, утраты, а также разрывы нитей вышивки и конструктивных швов. Имелись следы бытового ремонта, разрывы были зашиты грубыми ручными стежками черными нитями.

В процессе реставрации были удалены черные нити грубых ручных стежков, которые нарушали целостность изделия. Проведена водная очистка. Просушивание велось на гигроскопичной ткани в горизонтальном положении. Фрагменты ткани и нити в местах сечений расправлены, концы нитей распутаны во влажном состоянии и уложены на подведенный дублировочный материал, укреплены тонированной нитью. В качестве реставрационных материалов подобраны красный хлопчатобумажный ситец и белый шелковый газ, окрашенный в цвет подлинника. Вышивка в местах утрат не восстанавливалась. Не вмешиваясь в творчество автора, ограничились лишь укреплением отстающих и секущихся нитей вышивки иглой с тонкой нитью. Утраченные конструктивные швы восполнены в технике оригинала. Фартуку возвращен экспозиционный вид.

Свадебную одежду шили обычно из ткани светлых тонов (белого, розового, голубого). Примером могут служить **кофта и юбка из свадебного наряда казачки** (ОФ-3019/1,2 Т-94), сшитые из хлопчатобумажной розовой ткани и кружева в начале 1930-х гг. Наряд передан в музей жительницей села Бородиновка Варненского района Ф. И. Лычагиной, которая венчалась в нем в 1933 г.¹⁰

Костюм принят на реставрацию для экспозиции «Ах, эта свадьба!». Кофта и юбка сшиты из хлопчатобумажной ткани розового цвета. Кофта расширена книзу, верхняя часть переда застрочена в мелкие вертикальные складки. Рукава длинные, с манжетами, воротников два — стойка и большой отложной. Последний отделан кружевом белого цвета с растительным орнаментом. Кофта застегивается на кнопки и пуговицы по левому боку. Пуговицы из белого перламутра. Юбка прямая, со складками. Пояс переходит в длинные завязки. По низу юбки четыре горизонтальные застроченные складки.

Было отмечено общее загрязнение костюмных предметов, местами пятна на ткани от скорродировавшего металла и шариковой ручки, следы заляпанности от черных нитей. Имелись мелкие разрывы ткани по низу спинки и на воротнике, разрывы кружева (в десяти местах), утрата двух кнопок.

Проведена водная очистка щадящим моющим средством. Пятна стали менее заметны (часто достаточно ослабить загрязнение, чем подвергать сильному воздействию химических веществ ткань музейного предмета). Кнопки демонтированы и очищены от следов коррозии. Подобранная дублировочная ткань подведена под места

*Фартук женский с нагрудником (аляккыс).
Общий вид после реставрации*

*Кофта из свадебного наряда казачки.
Общий вид после реставрации*

разрывов, укреплена швом вприкреп. Тонкой нитью укреплено кружево в местах разрывов. Кофта проглажена горячим утюгом. Пришиты кнопки. В результате проведенных реставрационных мероприятий костюму возвращен экспозиционный вид.

Вместе со сменой эпохи, новыми социально-экономическими условиями, новыми моральными требованиями происходило историческое развитие основных форм одежды. Чем больше внимания, уважения и заботы уделяется памятникам истории, тем лучше они сохраняются. Уровень сохранности предметов одежды начала XX в., уровень их художественной и исторической ценности повысился благодаря реставрации. Предметы стали доступны для экспонирования, дальнейшего изучения и исследования.

Примечания

¹ Русская традиционная одежда // Челябинская область : энциклопедия : в 7 т. Т. 5. Челябинск : Камен. пояс, 2006. С. 650.

² Новикова О. В. Традиционная одежда оренбургского казачества в конце XIX — начале XX века // Оренбургское казачье войско. Культура. Быт. Обычаи : межвуз. сб. науч. тр. Челябинск, 1996. С. 75.

³ Русская традиционная одежда...

⁴ Акт приемки-сдачи № 2329 от 10 июля 1971 г.

⁵ Акт приемки-сдачи № 499 от 31 июля 1957 г.

⁶ Каминская Н. М. Костюм периода становления СССР (1917–1928 гг.) // История костюма : учеб. пособие для ср. спец. учеб. заведений швейной пром-сти. М. : Легкая индустрия, 1977. С. 115.

⁷ Акт приемки-сдачи № 2488 от 9 июля 1971 г.

⁸ Акт приемки-сдачи № 721 от 25 августа 1958 г.

⁹ Акт приемки-сдачи № 2729 от 28 февраля 1973 г.

¹⁰ Акт приемки-сдачи № 2488 от 9 июля 1971 г.

Д. Г. Графов

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОТОГРАФИЧЕСКОЙ СЪЕМКИ ЧЕЛЯБИНСКОГО СОВЕТА В 1917 ГОДУ

Выявленных визуальных источников о событиях 1917 г. в Челябинске сохранились буквально единицы. Самыми известными, широко публикуемыми и, без сомнения, относящимися к тем революционным дням в нашей истории можно считать три фотографии, две из которых хранятся в фондах ГИМЮУ.

Первая фотография под названием «Президиум Совета рабочих, крестьянских и казачьих депутатов» (ЧОКМ ОФ-4570, инв. № Ф-15106, фонд «Фотографии») размером 17×22,7 см выполнена на черно-белой матовой бумаге и наклеена на паспарту размером 26,4×36 см*. Снимок сделан в Народном доме. На сцене вокруг стола расположилась большая группа людей — тридцать человек, в том числе две женщины. Фигуры изображены в полный рост, анфас. Портретируемые размещены в два ряда.

Президиум Совета рабочих, крестьянских и казачьих депутатов. Челябинск, 1917 г.

* При описании фотографий использованы данные инвентарных карточек, составленных Н. Р. Мухамедовой.

В первом ряду на стульях сидят 14 человек, во втором сидят и стоят 16 человек. Крайняя справа за столом в белом платье и белой шляпе — Софья Кривая, рядом с ней — еще одна женщина в белой блузе и темном сарафане с непокрытой головой. Чуть правее сидит молодой человек в темном костюме, белой сорочке и темном галстуке. Справа от него — в сером пиджаке и косоворотке, с непокрытой головой — И. Л. Васенко. Далее сидит С. М. Цвиллинг, он в темном пиджаке и жилете, белой сорочке с темным галстуком. Справа от Цвиллинга находится Ф. Т. Розенгауз, одетый в военную форму (китель с погонями), на голове у него фуражка с кокардой. Справа от Розенгауза сидит мужчина в темном пиджаке и белой косоворотке, что-то пишет. За спиной Цвиллинга стоит Ш. И. Гоziосский, на нем темный пиджак, белая сорочка, галстук, шляпа. Справа от Гоziосского стоит М. А. Болейко, одетый в гимнастерку и солдатскую фуражку. Справа от Болейко — мужчина в белой косоворотке. Часть людей одета в военную форму, часть — в гражданскую.

Сцена оформлена транспарантами с политическими лозунгами социал-демократов: «Да будет миръ въ миръ торжествуетъ земля и воля», «Въ борьбѣ обрѣтешь ты Право Свое», «Да здравствуетъ российская С.-Д.-Р. Партія», «[Объ]единяйтесь! Да здравствуетъ трудящийся народ!». Задник сцены оформлен обоями с изображением деревьев и колоннады. На лицевой стороне паспарту по нижнему краю — надпись, сделанная перьевой ручкой черными чернилами: «Исполнительный комитетъ Челябинского Совета Крестьянских, Солдатских...». На обороте — также надпись черными чернилами: «Дорогим Фа... и Ми... ..амьять Революции 1917 года. Саму... 2 июля 1917 г. Г. Челябинск». Фото поступило в музей от Р. С. Алексеевой через Л. А. Циприса в 1975 г.

Вторая фотография с этого же мероприятия «Первый Совет рабочих и солдатских депутатов Челябинска у Народного дома» (ЧОКМ ОФ-2282, инв. № Ф-7625, фонд «Фотографии»). Размер фотографии — 27,8×38 см, паспарту — 32,1×41 см. На снимке запечатлена большая группа людей — мужчины и женщины на крыльце Народного дома в летний день. Фигуры изображены в полный рост, анфас. Портрети-

Первый Совет рабочих и солдатских депутатов Челябинска у Народного дома. Челябинск, 1917 г.

руемые расположены произвольно. В первых рядах часть людей сидит или полулежит на нижних ступенях, остальные сидят (примерно 90 человек) или стоят (примерно 80 человек). В числе членов Совета запечатлены Цвиллинг, Васенко, Кривая, Гоziоский, Тряскин, Розенгауз. Портретируемые одеты в повседневную одежду и военную форму (примерно 70 человек). На заднем плане — колонны и входная группа, окна. В задних рядах некоторые мужчины держат транспаранты с надписями: «Да будет мир в мире торжествует земля и воля», «Вечная память [па]вшим [бор]цам», «Вечная память павшим за свободу». На обороте имеется надпись фиолетовыми чернилами: «Цвиллинг, Соня Кривая, Колющенко в 1917 году снимались у Народного дома». Фото получено в дар от Н. П. Казанцевой, которая, в свою очередь, получила ее от скульптора Е. И. Макарова (по легенде, он использовал ее при работе над памятником С. М. Цвиллингу, открытому в 1964 г. у кинотеатра им. А. С. Пушкина).

Третья фотография хранится в фондах ОГАЧО (Ф. П-3298. Оп. 2. Д. 5). Размер фотографии 29,5×22 см, паспарту — 28,5×37,5 см. На снимке запечатлены зрительный зал и сцена Народного дома. Над сценой натянута транспаранты с надписями: «Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов», «Да здравствует демократическая республика», «Пролетарии всех стран соединяйтесь», «Да здравствует Учредительное Собрание». В зале и на сцене много людей в штатском платье и военной форме, одни из них стоят, другие сидят на стульях. Все позируют и смотрят прямо в объектив камеры, даже те, кто сидит спиной или вполоборота к фотографу. Съемка производилась с верхней точки — очевидно, с балкона, чтобы в кадр попала большая часть зрительного зала. К сожалению, мы не располагаем достоверной информацией, кто и когда передал данную фотографию на хранение в архив.

Попробуем задаться простым вопросом: а по какому случаю была произведена фотосъемка? Просто для фиксации заседания президиума челябинского Совета, который в те дни мог собираться по нескольку раз в неделю? Надо также понимать, что, как и в наше время, сто лет назад услуги фотографа надо было оплатить, а стоимость готовых фотографий большого размера, скорее всего, была достаточно высокой.

Заседание первого Совета рабочих и солдатских депутатов Челябинска в Народном доме

Сам процесс фотосъемки был не таким простым и оперативным, как в наше время (с появлением цифровых технологий). Для съемки камерой на стеклянную пластинку обязательно требовался штатив, поэтому, как правило, фотографа на выездные фотосъемки сопровождал помощник.

В челябинской газете «Союзная мысль» от 21 июня (среда) 1917 г. находим заметку следующего содержания:

Торжественный день.

Необычайное по своей торжественности и глубокому волнению присутствующих происходило заседание Челябинского совета рабочих и солдатских депутатов, в воскресенье, в Народном доме. Зал Народного дома весь убран красными знаменами. На сцене за столом Исполнительный Комитет, рядом сидят полковые командиры и начальник гарнизона. Стулья и столы заняты членами совета, и за барьером густой стеной гости — солдаты, офицеры, граждане. На хорах оркестр музыки 163-го полка. Всех собравшихся сюда в этот день торжественного прощания с отъезжающими на фронт полками охватило огромное чувство единой мысли, единых стремлений и желаний, единой заветной надежды и безграничной уверенности продолжать великую задачу русской революции, борьбу за счастье трудящегося народа.

Собрание открыл председатель совета рабочих и солдатских депутатов С. М. Цвиллинг. Раздались стройные звуки марсельезы и весь зал с обнаженными головами встал на ноги. Приветствуя собравшихся, Цвиллинг указывает на великие задачи, осуществляемые русской революционной демократией. Приветствуя командира 163-го полка полковника Иолшина, Цвиллинг говорит: мы верим, что весь 163-й полк вместе с его командиром не пожалеет отдать жизнь за революционную Россию. Речь покрывается аплодисментами и звуками марсельезы. Все встают. В ответ на приветствие полковник Иолшин просит остающихся в тылу не допустить солдатские семьи до нищеты и голода.

<...>

После заключительной речи председателя собрание закрывается. Совет в полном составе переходит на крыльцо Народного дома и располагается на ступенях. Приглашенный фотограф снимает весь совет и исполнительный комитет. Во время выхода из зала все поют марсельезу и памяти Чернышевского. Все расходились с этого торжественного заседания обновленными и долго отдельными кучками продолжали беседовать.

Можно предположить, что описанные выше фотографии были сделаны именно в этот день (воскресенье 18 июня), и это было заседание Челябинского Совета рабочих и солдатских депутатов, посвященное торжественным проводам на фронт частей 163-го запасного полка, который в тот момент располагался в Челябинске. На правильность данной версии указывает ряд факторов: совпадают участники мероприятия — члены президиума Челябинского Совета, во время фотосъемки присутствует большое количество военнослужащих (около 70), в заметке упоминается «приглашенный фотограф» и описывается сам факт фотосъемки участников собрания на крыльце Народного дома.

По всей видимости, «приглашенным фотографом» был челябинский мастер В. Н. Попов — его факсимиле проставлено на обратной стороне третьей фотографии («Фотография В. Н. Попова, г. Челябинск»). Его заведение располагалось до революции в центре города по адресу: ул. Уфимская, 31.

ЗДАНИЯ ЧЕЛЯБИНСКА ПЕРИОДА 1901–1917 ГОДОВ

События 1917 г. значительно повлияли на архитектурный облик Челябинска. В изданном в 2016 г. первом томе «Атласа истории зарождения и развития строительного комплекса государства Российского» (охватывает период до начала 1990-х гг.) строительные и архитектурные достижения Челябинска советского периода упоминаются всего один раз — в связи со строительством Челябинского тракторного завода. Таким образом, Октябрьская революция нанесла жестокий удар по архитектуре Челябинска. Как оказалось, в период с 1736 по 1991 г., то есть за 255-летнюю жизнь Челябинска наиболее интересные и сохранившиеся до настоящего времени здания были созданы именно в период 1901–1917 гг. Всего же в Челябинске до настоящего времени сохранилось около 80 примечательных зданий, построенных в 1901–1917 гг. (см. таблицу). Из них наибольший интерес представляют всего десять зданий.

Дом Юдиной. Одним из самых красивых деревянных зданий не только на улице Красноармейской (бывшая Солдатская), но и во всем городе, является бывший особняк, записанный в налоговых документах дореволюционного Челябинска за Праксковьей Юдиной. Этот дом был построен в начале 1900-х гг. Но, возможно, фактическим владельцем его был промышленник Лоренсов, владелец керамического завода. В «Памятной книжке Оренбургской губернии на 1913 год»¹ указано, что потомственный дворянин Всеволод Васильевич Лоренсов проживал на улице Солдатской в доме Юдиной.

Народный дом — старейшее общественное учреждение города. Здание было построено по инициативе Челябинского уездного комитета попечительства о народной трезвости для организации досуга горожан². Основной взнос — 24 тысячи рублей — пожертвовал крупный золотодобыдчик и купец А. А. Чикин. Участок для строительства на Южной площади (ныне площадь Революции) был безвозмездно предоставлен городскими властями. Проект здания бесплатно разработал пермский архитектор Р. И. Карвовский. Отделка фасадов выполнялась из уральского тесаного гранита с использованием кованого металла высокого качества, что обеспечило долговую сохранность здания.

Народный дом открылся в ноябре 1903 г. и практически сразу стал одним из культурных центров Челябинска. На его сцене ставились любительские спектакли, сформировалась своя труппа. Здесь выступали приезжавшие в Челябинск на гастроли театральные коллективы и отдельные артисты с сольными программами: А. А. Яблочкина, братья Адельгейм, В. Ф. Комиссаржевская (она оказалась в нашем городе со своим театром во время большой гастрольной поездки по Российской империи).

Депутаты челябинского Совета рабочих и солдатских депутатов на крыльце Народного дома. Июнь 1917 г.

В Народном доме челябинцы увидели Комиссаржевскую в «Кукольном доме» Ибсена, а 3 июня — в пьесе Зудермана «Огни Ивановой ночи». Пьеса «Кукольный дом» и сегодня есть в репертуаре Молодежного театра. Можно добавить, что это последний спектакль, поставленный известным челябинским режиссером Наумом Орловым.

Вскоре в стране начался период больших потрясений, которые неизбежно отразились на жизни провинциального города. В 1914 г. началась Первая мировая война. Вступил в действие мобилизационный план, в Челябинске, как и в других городах империи, началось развертывание военных частей. Не избежал этой участи и Народный дом. По сохранившимся документам, здесь предполагалось разместить более 500 человек из 163-го запасного пехотного полка.

В 1917 г. произошли Февральская и Октябрьская революции. Митинги, шествия зачастую проходили на Южной площади, рядом с Народным домом, а сам дом стал местом размещения первого челябинского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, избранного в марте 1917 г. Фотограф запечатлел этот Совет на ступенях Народного дома.

Чаеразвесочная фабрика товарищества «Преемник А. Губкина А. Кузнецов и К^о». Первоначально предприятие организовал пермский купец 1-й гильдии А. С. Губкин³. После его смерти в 1883 г. дело продолжил его внук А. Кузнецов, который и основал в 1891 г. товарищество. Челябинск привлек внимание хозяев компании по вполне понятной причине: после постройки Транссиба и железнодорожной ветки на Екатеринбург и Пермь город стал важным логистическим центром. Чай из Китая проще было доставить по железной дороге, чем везти караваном. А после того как было закончено строительство дороги до Владивостока, появилась возможность индийский и цейлонский чай доставлять по «железке».

В декабре 1901 г. в Челябинскую городскую думу поступило заявление от доверенного лица товарищества «Преемник А. Губкина А. Кузнецов» о прокладке телефонной линии от конторы до чаеразвесочной и до склада, которые сначала находились на улице Азиатской (ныне улица Елькина), а в 1904 г. было построено новое двухэтажное каменное здание. В 1911 г. товарищество получило разрешение на расширение каменной развесной как в ширину, так и вверх, до трех этажей. Это большое красивое здание даже в нынешнем состоянии является частью истории Челябинска, истории чайной торговли России.

Здание бывшего реального училища. Подготовительные работы к открытию реального училища начались в Челябинске в 1897 г., но открыть его удалось только через пять лет, в октябре 1902 г.⁴ Изначально оно располагалось в общественном доме по улице Ивановской (ныне улица Труда). Почти сразу же встал вопрос о новом здании для училища. Под строительство был выделен участок на юго-западной окраине (фактически за городом), по улице Садовой (сейчас улица Красная). Ранее на этом месте был городской сад. Для челябинского училища планировалось

Здание бывшей чаеразвесочной фабрики товарищества «Преемник А. Губкина А. Кузнецов и К^о». 1920-е гг.

Реальное училище. Открытка. 1907–1916 гг.

скопировать здание 3-го реального училища Санкт-Петербурга, построенного в 1885–1887 гг. по проекту архитектора А. Ф. Красовского. Но в итоге здание Красовского послужило архитектурной основой, на основе которой архитектор Владимир Николаевич Чаплиц сделал собственный проект. Строительство нового здания велось с 1904 г., подрядчиком был городской голова Александр Францевич Бейвель. По предложению городской думы сразу выполнили отделку только первых двух этажей, а третий был оставлен «до возникновения потребности». Однако после ввода в эксплуатацию в октябре 1905 г. выяснилось, что это неудобно, и третий этаж пришлось доделывать, поэтому датой окончания строительства считается 1907 г.

Александро-Невская церковь. Церковь во имя Святого благоверного князя Александра Невского была заложена 22 июня 1907 г. на месте бывшей недостроенной Александровской часовни (в память об убитом императоре Александре II)⁵. Предложение о перестройке часовни поступило от Оренбургской консистории в 1894 г., однако сбор средств на строительство церкви начался только в 1899 г., после разрешения мещанским обществом Челябинска. Деньги на постройку жертвовали многие организации и частные лица, а также государственные деятели, в их числе император Николай II и Челябинская городская дума. Самое крупное пожертвование сделал челябинский мукомол М. П. Архипов. Церковь была построена в 1907–1911 гг. по проекту московского архитектора А. Н. Померанцева. Главный престол освящен 4 декабря 1911 г., а из двух алтарных приделов до революции достроен только один — южный, освященный 29 марта 1915 г. во имя Святого Николая Чудотворца. Церковь одноэтажная, с подвалом, тринадцатиглавая, из красного кирпича, богато украшена кирпичным декором в неорусском стиле. Росписи внутри храма выполнены художниками мастерской В. И. Ощепкова. Темы сюжетов — канонизированные русские святые: Александр Невский, митрополит Иона, Борис и Глеб, Ярослав Мудрый, Владимир Мономах.

Храм Александра Невского. Кадр кинохроники. Весна 1919 г.

Обособник Хованова. Хозяином обособника был Дорофей Филиппович Хованов (1858 — 22.05.1910), который владел складами лесных материалов⁶. На улице Оренбургской (нынешняя Васенко) у Хованова была целая усадьба с несколькими деревянными домами и конторой. Ну а главным украшением усадьбы должен был стать большой двухэтажный обособник из красного кирпича. Двор по улице Оренбургской «запасный рядовой Дорофей Филиппович Хованов» купил примерно в 1890-е гг. К 1908 г. был построен каменный двухэтажный дом, внизу находилось 12, вверху — 14 комнат. Некоторые недоумевают — откуда у отставного (запасного) рядового деньги на постройку такого обособника? На самом деле отставные и запасные военнослужащие имели ряд льгот, которые позволяли им при желании вполне успешно вести дела. А здание действительно замечательное — в Челябинске это не единственный, но все же самый яркий памятник так называемого «кирпичного стиля», а в жилой архитектуре, пожалуй, единственный.

Дом Хованова — пример очень буйной эклектики, воплощенной в кирпиче; мотивы взяты из средневековой русской архитектуры, классицизма, барокко, неорусского стиля и, разумеется, модерна. Внучка Дорофея Филипповича, которая до последнего времени жила в Миассе, вспоминала, что дом достраивался уже после смерти деда (он упал с лесов, после чего умер: «повреждение легких» — записано в метрической книге). Завершал работы уже его сын Геннадий (1880–1956), который перенял дело отца, но почти сразу же столкнулся с финансовыми трудностями. Он начал сдавать часть своего дома в аренду.

Очевидно, позже дом был куплен Гавриилом Алексеевичем Башкировым, известным купцом, но уже в записи в «Раскладочной ведомости» 1916 г. имя Башкирова зачеркнуто и указано: «Челябинского городского общественного правления». В 1916 г. товарищество «Лаптев и Манаев» выкупило этот дом у Башкирова за 60 тысяч рублей (отметим, что для сбора налогов дом был оценен в 10 тысяч рублей) и... подарило его городу, с тем чтобы в нем был организован приют для детей-сирот солдат, погибших на фронтах Первой мировой войны. Торжественная передача дома состоялась 14 ноября 1916 г. в помещении Городской думы, но нотариально заверен этот факт был лишь 4 января 1917 г. Организовать приют городские власти не успели, а после окончания Гражданской войны в здании разместились органы ОГПУ.

Бывший дом Хованова. 1920-е гг.

Особняк Архипова. Красивый особняк на углу Скобелевской (ныне улица Коммуны) и Оренбургской возведен, скорее всего, в 1911 г. В 1908 г. на этом месте находился деревянный дом в четыре комнаты, а 21 мая 1911 г. участок перешел к Михаилу Петровичу Архипову. В ведомости указан полукаменный дом по четыре комнаты на каждом этаже, оцениваемый в 500 рублей. К 1913 г. к этому дому были пристроены еще помещения: с восточной стороны — по улице Скобелевской, с северной — по улице Оренбургской. В результате в 1916 г. за М. П. Архиповым записали полукаменный дом уже в 24 комнаты стоимостью 15 тысяч рублей. На открытке 1913 г. хорошо виден особняк Архипова с башенками наверху. Но уже на фото 1920-х гг. никаких надстроек на крыше этого здания нет.

Интересна личность хозяина дома — Михаила Архипова. Он родился в 1867 г. в крестьянской семье. Несмотря на отсутствие образования достиг значительных успехов в торговле, стал купцом, а затем видным деятелем города, меценатом. Торговый дом «М. П. Архипов и К^о» промышлял главным образом мукой и крупчаткой. К 1909 г. у Архипова появилась крупчатая мельница в Челябинске, и здесь же купец «запустил» оптовую торговлю крупой. К этому времени он окончательно обосновался в Челябинске и со всем своим семейством поселился в доме Михаила Ивановича Шихова по улице Большой (нынешний адрес: ул. Цвиллинга, 20). Затем был построен дом на углу Оренбургской и Скобелевской.

Здание эклектично как снаружи, так и в оформлении интерьеров второго этажа. Второй этаж был «парадный», первый — хозяйственно-жилой. На втором этаже комнаты по западной стороне образовывали анфиладу, будучи соединены между собой внутренними дверями, при этом имелись двери из каждой комнаты в коридор. В комнатах второго этажа на потолках сохранилась раскрашенная декоративная лепнина. В одной из комнат на потолке есть симметричные живописные композиции, изображающие пейзажи в различные времена года. Здесь же сохранились печи, облицованные рельефными изразцами. Рядом с входной дверью со стороны улицы Скобелевской раньше был широкий арочный проезд во двор. Для перекрытия проезда использовались оригинальные конструкции «своды Монье».

Магазин Валеева. Еще в 1908 г. на том месте, где находится здание магазина «Лебедь» (бывшая «Молодежная мода»), располагались два двора: сестер Рыловых и потомственной почетной гражданки Антонида Грибушиной. Вскоре у сестер Рыловых купил троицкий купец Мухаметжан Валеев, который построил в 1909–1911 гг. «каменный 2-х этажный магазин». А Антонида Грибушина построила в это же время каменный корпус, в котором поместились «магазин о 4-х отделениях, мастерская, кофейная и миллиардная»⁷. Причем оценочная стоимость постройки Грибушиной — 5000 рублей, против 3500 у Валеева. Возможно, Валеев при постройке нового двухэтажного магазина использовал существовавшие постройки — первый каменный

этаж старого дома и «теплый» каменный магазин. Церемония открытия магазина Валеева состоялась 14 октября 1911 г. В ту пору свирепствовал голод, и поэтому, открывая заведение, М. Ф. Валеев «нашел лучшим обычный в таких случаях обед или завтрак заменить пожертвованием на благотворительные и общепользные цели». Магазин был оборудован по последнему слову техники того времени. По некоторым свидетельствам, в его подвальном этаже располагался дизель-генератор, обеспечивавший здание электричеством. Через какое-то время Валеев приобрел магазин Грибушиной. Если угловой одноэтажный дом, который выходит на улицы Коммуны и Кирова (до революции Уфимская), — это «скорее модерн», то двухэтажный, стоящий по улице Кирова, — «скорее эклектика», причем в ее насыщенном, довольно помпезном варианте.

Магазин Валеева. 1911–1916 гг.

Дом Данцигера — Высоцкого. В 1910–1912 гг. по проекту инженера Аркадия Федорова был построен в стиле модерн особняк на углу улиц Сибирской и Мастерской (ныне улицы Труда и Пушкина). Первый владелец этого дома — врач-стоматолог Соломон Данцигер, член общественного собрания Челябинска. Данцигер прожил в городе всего пять лет, в 1916 г. у него этот дом купил Гнихусь Высоцкий, родственник владельца чаеразвесочной компании «Высоцкий и К^о». Это одно из немногих зданий в Челябинске, которое можно в полной мере отнести к стилистике модерна. Архитектурно-декоративными доминантами этого здания являются пятигранная полубашня, арочные проемы окон, шпили. На северном и западном фасадах сохранились барельефные отливки, которые изображают головы крылатых богинь в растительном обрамлении. Есть также изображения древнегреческого бога Гермеса, который считается покровителем торговли. Уцелела и декоративная отделка интерьера здания. Сохранились и двустворчатые двери с накладным декором в стиле модерн, встроенные платяные шкафы, изящные латунные ручки дверей.

Здание пассажа Яушевых. Род Яушевых восходит к арскому князю Яушу (арские князья — одна из групп служилой знати Казанского ханства). Отдаленный потомок князя Гайса Юсупович Яушев приехал в Троицк из деревни Старый Менгер Казанского уезда⁸. Начинать он как наемный работник, но со временем завел собственные лавки, наладил торговлю мануфактурным товаром, в 1850-е гг. открыл кожевенный и мыловаренный заводы, став купцом первой гильдии. Его сын Ахмеджан Гайсич Яушев затем «освоил» среднеазиатское направление торговли и записался в ташкентские купцы первой гильдии, положив начало активной экономической деятельности семьи на этих территориях. Дело продолжили и развили его сыновья: Абдували, Муллагали, Мухаметсадык и Мухаметшариф. В 1887 г. они учредили торговый дом «Абдул-Вали Ахмеджанович Яушев с братьями» (позже называвшийся просто «Братья Яушевы»). Главная контора располагалась в Троицке, кроме этого были конторы в Москве и Варшаве, отделения в Челябинске, Кустанае, китайском городе Кульдже, поселке Кочкарском, на семи местных ярмарках. Интересы Яушевых в Челябинске с 1886 г. представлял Закир Галеевич Галеев. Затем торговый дом «Братья Яушевы» приобрел двор на Сибирской улице.

10 октября 1913 г. состоялось открытие пассажа. В то время это был

Пассаж Яушевых. 1913–1914 гг.

самый большой и современный магазин в Челябинске — с электрическим освещением от собственного генератора, паровым отоплением и подъемными машинами. В пассаже было три отделения: рознично-мануфактурное, оптово-мануфактурное и оптово-галантерейное. В честь открытия пассажа в Челябинске Юшевы оплатили обучение десяти человек в реальном училище, женской гимназии и торговой школе. Новый торговый дом горожане по праву называли «дворцом торговли».

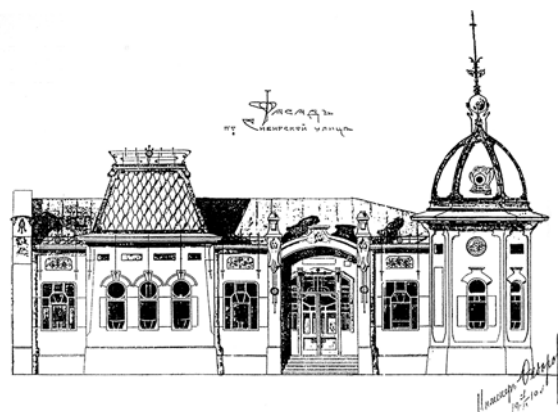
Сведений об авторах проектов дореволюционных зданий Челябинска очень мало. Более известен Аркадий Федоров, который окончил Институт гражданских инженеров (бывшее строительное училище) в начале XX в. В декабре 1909 г. А. А. Федоров принял предложение городского головы А. Ф. Бейвеля подготовить проект (не-что типа эскизного проекта) городского водопровода на основании уже наработанных материалов. 1 сентября 1910 г. А. А. Федоров был принят на работу в Челябинскую городскую управу с окладом 3000 рублей в год. Правда, помимо этого он брался за подготовку проектов и наблюдение за строительством городских школ. На чертежах дома Данцигера стоит подпись «Инженер Федоров». Он же был автором проекта магазина Валеева. Юшев также указывал, что проект магазина (пассаж Юшевых в Челябинске) выполнен инженером Федоровым. Можно предположить, что проект дома Архипова подготовил также Аркадий Федоров. В 1914 г. Федоров уже работал архитектором в Екатеринбурге.

Из зданий культового назначения, построенных в этот период, сохранились, кроме храма Александра Невского, еще три: Троицкая церковь, Петропавловская церковь и синагога.

Свято-Троицкая церковь была заложена в Казачьей слободе (Заречье) 16 июля 1768 г. Рядом с деревянным строением позднее появилось каменное (1796–1829), построенное по типовому проекту в стиле классицизма. В 1909 г. было принято решение о строительстве нового храмового здания. Автор проекта третьего здания церкви — челябинский мастер П. А. Сараев, руководитель строительных работ И. Кулаков. Церковь была освящена 12 октября 1914 г.

Церковь Петра и Павла. Возведение церкви началось в 1908 г. Она строилась на пожертвования прихожан и по сборным книжкам⁹. Небольшой деревянный храм (вместимостью 300 человек) с колокольной построили на фундаменте из дикого камня. Внутри его оштукатурили, но росписи на стенах не было. Церковь была крыта железом с железными кованными позолоченными крестами, вокруг имелась деревянная ограда. В июне 1909 г. состоялось освящение храма малым чином, а 14 марта 1910 г. — великим.

Синагога. В 1884 г. купец второй гильдии Соломон Брен приобрел участок земли на улице Мастерской (ныне улица Пушкина), где было «пустопорожнее дворовое место», а в 1894 г. он завещал этот участок еврейской общине для строительства

Проект А. А. Федорова. 1910 г.

Троицкая церковь. 1926 г.

каменного здания синагоги. 16 декабря 1900 г. Оренбургская духовная консистория издала указ, разрешающий строительство каменного здания синагоги в Челябинске. В 1903 г. развернулось строительство каменного здания синагоги на собранные среди еврейского населения деньги. В 1905 г. синагога начала свою деятельность в новом каменном здании.

Кроме выше упомянутого здания чаеразвесочной фабрики до настоящего времени сохранилось еще восемь зданий промышленного назначения, построенных в 1901–1917 гг.¹⁰:

1) комплекс построек **казенного винного склада** (1902). Он занимал целый городской квартал и включал в себя собственно винный склад, жилой двухэтажный дом, материальный склад, бондарную мастерскую, угольный завод, два корпуса для цистерн (одно- и двухэтажное), одноэтажное каменное разливное отделение;

2) здание **дрожжевинокуренного завода А. Ф. Аникина** (1911), которое было значительно надстроено в 1941–1942 гг.;

3) здание **керамического завода В. В. Лоренсова**, изготовлявшего изразцовые и терракотовые изделия, огнеупорный кирпич (начало XX в.). После революции на базе производства Лоренсова работал керамический завод, выпускавший кирпич, посуду и другие керамические изделия. До наших дней сохранился основной одноэтажный (надстроенный) корпус предприятия;

4) здание **паровой мукомольной мельницы купца А. В. Кузнецова** (1904–1905). Сохранились четырехэтажный (надстроенный) корпус мельницы, одноэтажное машинное отделение, кирпичная дымовая труба;

5) здание **паровой мукомольной мельницы торгового дома «Н. И. Петров и Ф. И. Поляков»** (1906–1907). В дореволюционный период мельница проработала недолго, поскольку в 1908 г. ее владельцы разорились. Вновь заработала она только в период нэпа;

6) **элеватор Государственного банка**, построенный по проекту инженера К. Е. Жукова (1914–1916). Ныне полностью утрачены боковые крылья-силосы, сохранился только железобетонный корпус рабочей башни со стиливыми чертами модерна и подсилосные железобетонные перекрытия;

7) **водонапорная башня городского водопровода** (1911–1912). Была поставлена на самой высокой точке в пределах города — 245 метров над уровнем моря (насосная станция, находившаяся на другом конце трубопровода, была разрушена в 2010 г.). С учетом высоты башни в шесть сажен была возможность обеспечивать подъем воды на высоту пять сажен в любой точке Челябинска (подавали воду на третий этаж домов), а также давать высоту пожарной струи не менее 10 сажен. Снаружи башня имеет элементы стиля модерн, особенно это видно по украшению на коньке крыши, а также по оконным решеткам;

8) **городская электростанция** (1915–1916). Построена и оборудована Русским акционерным обществом «Сименс — Шуккерт»¹¹. Здание уникально тем, что здесь впервые в городе применен прием безбалочного монолитного железобетонного перекрытия.

Кроме уже отмеченного выше здания реального училища сохранилось еще пять зданий, в которых размещались учебные заведения начала XX в.: городское смешанное начальное училище (1901), 4-е мужское приходское училище (1905), 5-е мужское училище (1911), 2-е смешанное городское училище (1911), 3-е женское начальное училище (1914).

Можно сделать вывод о том, что сохранившиеся здания, построенные в 1901–1917 гг., являются ценнейшими объектами культурного наследия Челябинска. Сохранение их и восстановление в максимально возможном первоначальном виде позволит значительно укрепить культурный и туристический потенциал города.

Элеватор. 1916 г.

**Здания Челябинска (построены в 1901–1917 гг.),
представляющие историко-культурную ценность**

№ п/п	Объект	Год постройки	Вид здания	Адрес (улица, номер дома)	Статус*
1	Дом трудолюбия	1901	1К	Воровского, 5	ВОКН
2	Дом В. И. Кузнецова	1901–1904	2К	Цвиллинга, 2	ОКНРЗ
3	Дом Смирных	До 1902	1Д	Свободы, 12	ВОКН
4	Флигель Галеева	1902	2К	Кирова, 149	ВОКН
5	Казенный винный склад	1902	Каменные здания от одного до двух этажей	К. Маркса, 2	ОКНРЗ
6	Полудомок Сухарева	1902	ПК	К. Маркса, 726	ВОКН
7	Здание торгово-промышленного банка	1902–1907	2К	Кирова, 88	ВОКН
8	Заводуправление завода Стоаль и К ^о	1902–1913	1К	Степана Разина, 16	–
9	Народный дом	1903	Каменное общественное здание	Кирова, 116	ОКНФЗ
10	Флигель усадьбы Д. П. Первухиной	1903	1Д	Свободы, 22а	ОКНРЗ
11	Дом жилой с парадным входом	1903–1904	1Д	Красноармейская, 31	ВОКН
12	Торговый дом братьев Кузнецовых	1903–1904	1К	Труда, 97	ОКНРЗ
13	Одноэтажный дом Егорова	1903–1904	1К	Пушкина, 5	ОКНРЗ
14	Флигель Смирных	1903–1904	1Д	Свободы, 10	–
15	Дом Деревянина	1903–1904	1Д	Красноармейская, 91	ВОКН
16	Дом Салимова	1904	ПК	Елькина, 18	ВОКН
17	Чаеразвесочная фабрика торгового дома Кузнецова – Губкина	1904	3К	Васенко, 37	ОКНРЗ
18	Войсковой остановочный пункт	1904–1905	2К	Монакова, 1а	ОКНРЗ
19	Мельница А. В. Кузнецова	1904–1905	4К	Свердловский пр., 40а	–
20	Синагога	1905	Каменное общественное здание	Пушкина, 66	ОКНРЗ
21	Здание приходского училища	1905–1906	1Д	Могильникова, 107	ВОКН
22	Жилой дом А. П. Холодова	1905–1906	2К	Кирова, 139а	ОКНРЗ
23	Здание реального училища	1905–1907	3К	Красная, 38	ОКНРЗ
24	Одноэтажный угловой деревянный дом	1905–1911	1Д	Российская, 150	–
25	Мельница Петрова – Полякова	1906	4К	III Интернационала	ВОКН
26	Дом врача Агапова	1906–1907	1Д	Цвиллинга, 16	ОКНРЗ
27	Дом Шихова	1906–1907	ПК	Цвиллинга, 20	ОКНРЗ
28	Дом Бухарина	1906–1907	2К	Елькина, 15	ВОКН
29	Здание, где находился кинотеатр «Модерн»	1906–1907	1К	Карла Маркса, 68	–
30	Дом пимокатов Гоглевых	1906–1907	ПК	Российская, 58	ВОКН
31	Каменный флигель усадьбы Г. Я. Пчелина	1906–1907	1К	Российская, 128	ВОКН
32	Дом Батракова	1906–1907	2К	Кирова, 118	ВОКН
33	Флигель Воробьева	1906–1907	2Д	Советская, 9а	–
34	Дом Беляевского	1907–1908	ПК	Труда, 64	ВОКН
35	Алекса́ндро-Невская церковь	1907–1911	Каменное общественное здание	Парк «Алое поле»	ОКНРЗ
36	Дом жилой двухэтажный Ростова	1908	2К	Коммуны, 81	ВОКН

Продолжение таблицы

№ п/п	Объект	Год постройки	Вид здания	Адрес (улица, номер дома)	Статус*
37	Тюремный замок	1908	Каменные общественные здания	Российская, 53	—
38	Полукаменный дом Е.П. Ромашина	1908–1909	ПК	Могильниковая, 103	ВОКН
39	Дом Хованова	1908–1910	2К	Васенко, 25	ОКНРЗ
40	Храм святых апостолов Петра и Павла	1908–1910	Деревянное общественное здание	Красных казаков, 20 (пос. Сосновка)	ВОКН
41	Дом товарищества «Братья Покровские»	1908–1911	1Д	Советская, 20/ К. Маркса, 58	—
42	Дом Бейвеля	1909–1910	2К	Кирова, 112,	ОКНРЗ
43	Керамический завод Лоренсова	До 1910	1К	Керамический поселок	—
44	Дом заведующего переселенческим пунктом	1910	1Д	Переселенческая, 31	ВОКН
45	Больничное здание	1910	1Д	Переселенческая, 116	ВОКН
46	Здание больницы	1910	1Д	Переселенческая, 26	ВОКН
47	Баня	1910	2К	Монакова, 39	ВОКН
48	Жилой дом для работников Госбанка	1910-е	2К	Елькина, 47 / Ленина, 58	ВОКН
49	Дом Ершова	1910–1911	ПК	8 Марта, 56	ВОКН
50	Флигель С. П. Первухина	До 1911	1Д	Свободы, 18	—
51	Флигель Г. Е. Кузнецова	До 1911	1Д	Свободы, 24	—
52	Жилые дома	До 1911 (№ 43) и в 1912–1917 (№ 41)	1Д	Привокзальная, 41 и 43	—
53	Особняк Архипова	1911	ПК	Коммуны, 68	ОКНРЗ
54	Дрожжевинокурный завод Аникина	1911	2К	Свободы, 2	—
55	Флигель Макара Глазунова	1911	1Д	Труда, 42	—
56	Дом мещанина Дернова	1911	1Д	Береговая, 129	ВОКН
57	Здание мужского училища	1911	2К	Борьбы, 28	ОКНРЗ
58	Водонапорная башня	1911	Каменное общественное здание	Воровского, 13	ОКНРЗ
59	Магазин Валеева	1911	2К	Кирова, 104,	ОКНРЗ
60	Здание пятого мужского училища	1911	1К	Кирова, 8	ОКНРЗ
61	Бывшее здание госбанка	1911–1912	Каменное здание разной этажности (два-три этажа)	Кирова, 114	ВОКН
62	Дом Данцигера – Высоцкого	1911–1912	1К	Пушкина, 1	ОКНРЗ
63	Дом жилой Григорьева	1911–1912	ПК	Труда, 56а	ОКНРЗ
64	Усадьба Бреслиных	1911–1912	2К	Цвиллинга, 15	ОКНРЗ
65	Комплекс зданий «Красные казармы»	1912–1914	2К	Свердловский пр., территория учебного центра	ОКНРЗ/ВОКН
66	Полукаменный дом Салимова	1912–1915	ПК	Елькина, 22	ВОКН
67	Двухэтажный магазин в стиле модерн	1912–1915	2К	Карла Маркса, 56	—
68	Здание привокзальной гостиницы	1912–1916	2К	Привокзальная, 1/2	—

Окончание таблицы

№ п/п	Объект	Год постройки	Вид здания	Адрес (улица, номер дома)	Статус*
69	Флигель на бывшей усадьбе Жуковского	1912–1916	1Д	Труда, 88	ВОКН
70	Флигель Злоказовых	1912–1916	2К	Карла Маркса, 111а	ВОКН
71	Дом жилой и контора Валеева	1912–1916	ПК	Елькина, 25а	ВОКН
72	Здание пассажира Яушевых	1913	2К	Труда, 92а	ОКНФЗ
73	Дом усадьбы купца Д. П. Белорусова	1913–1914	ПК	Российская, 154	ОКНРЗ
74	Троицкая церковь	1914	Каменное общественное здание	Кирова, 60а,	ОКНРЗ
75	Здание 3-го женского начального училища	1914	1К	Володарского, 14	ВОКН
76	Особняк Башева	1914	1Д	Красноармейская, 89	ВОКН
77	Элеватор	1914–1916	Каменное общественное здание	Кирова, 130	ОКНРЗ
78	Первая теплоэлектростанция города	1915	Каменное общественное здание	Труда, 66а	ОКНРЗ
79	Здание таможи	До 1916	1К	Елькина, 77а	—
80	Одноэтажный деревянный дом	До 1916	1Д	Волгоградская, 25а	—
81	Хозяйственная постройка	До 1916	1К	Свердловский пр. / пр. Ленина	—

* ОКНФЗ — объект культурного наследия федерального значения; ОКНРЗ — объект культурного наследия регионального значения; ВОКН — выявленный объект культурного наследия; 1Д — одноэтажное деревянное здание; 2Д — двухэтажное деревянное здание; 1К — одноэтажное каменное здание; 2К — двухэтажное каменное здание; ПК — полуквадратное здание (первый этаж каменный, второй — деревянный).

Примечания

¹ Памятная книжка Оренбургской губернии на 1913 год. Оренбург : Тип. бр. Маховых, 1913. 206 с.

² Самигулов Г. Х. Народный дом — 111 лет. Часть раз [Электронный ресурс]. URL: <http://gayaz-samigulov.livejournal.com/149456.html> ; *Он же*. Народный дом, часть два: Театр народной трезвости [Электронный ресурс]. URL: <http://gayaz-samigulov.livejournal.com/150356.html>

³ Самигулов Г. Х. Чаеразвесочная фабрика [Электронный ресурс]. URL: <http://chelchel-ru.livejournal.com/1307256.html>

⁴ Рафиенко Л. С., Колпакова В. С. Здание реального училища // Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР. Челябинская область : сб. науч. тр. Челябинск, 1986. С. 26–28.

⁵ Шабалин С. М. Челябинская церковь Александра Невского в кругу памятников русской архитектуры конца XIX — начала XX века // Древнерусская традиция в культуре Урала : материалы науч.-практ. конф. Челябинск, 1992.

⁶ Самигулов Г. Х. Дом Хованова (Васенко, 25) [Электронный ресурс]. URL: <http://chelchel-ru.livejournal.com/981900.html>

⁷ Самигулов Г. Х. «Мода» купца Валеева [Электронный ресурс]. URL: <https://up74.ru/articles/obshchestvo/25812/> ; Гизатуллин Р. Н., Самигулов Г. Х. Два этажа первой гильдии [Электронный ресурс] URL: <https://up74.ru/articles/obshchestvo/25502/>

⁸ Самигулов Г. Х. Яушевы. 100 лет пассажиру Яушевых в Челябинске [Электронный ресурс]. URL: <http://gayaz-samigulov.livejournal.com/30692.html>

⁹ Антипин Н. А. Православные храмы Челябинска: история и современность. Челябинск : АвтоГраф, 2015. 452 с.

¹⁰ Демаков В. Г., Латышев Ю. В. Объекты промышленной архитектуры дореволюционного Челябинска: взгляд через столетие // Природное и культурное наследие Урала : материалы VII регион. науч.-практ. конф., г. Челябинск, 2 июня 2016 г. Челябинск : ЧГИК, 2016. С. 103–110.

¹¹ Самигулов Г. Х. Первой городской электростанции скоро 100 лет [Электронный ресурс]. URL: <http://gayaz-samigulov.livejournal.com/364517.html>

Н. С. Маткина

РЕСТАВРАЦИЯ СЕРИИ ЛИНОГРАВИЮР А. П. САБУРОВА «ОРЛЯТА ЮЖНОГО УРАЛА» ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ ЮЖНОГО УРАЛА

Тема Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны, их основные события и этапы, а также участники и герои не оставались без внимания в изобразительном искусстве долгие годы и были ярко отражены в творчестве многих живописцев, графиков, скульпторов.

Одним из таких живописцев, не раз обращавшимся к данной теме, был художник-график, член Союза художников СССР, заслуженный работник культуры РСФСР А. П. Сабуров (1905–1983). Творческое наследие Александра Сабурова многообразно, но преобладают в нем историко-революционная тематика, произведения исторического плана о Южном Урале, выполненные преимущественно в жанре портрета и плаката, в технике линогравюры¹. Это серии портретов «Большевики Южного Урала», портреты Героев Советского Союза и Героев Социалистического Труда.

В собрании Государственного исторического музея Южного Урала хранится серия портретов «Орлята Южного Урала», выполненная А. П. Сабуровым в 1968 г. На основе документальных материалов художник воссоздал образы первых комсомольцев — героев гражданской войны на Южном Урале. Серия состоит из 11 листов-линогравюр (57,5×42 сантиметра каждый), выполненных в два цвета (черный и красный). Составившие большую портретную галерею произведения объединены композиционно и стилистически. Их отличают точность и ясность форм, лаконичность, сдержанность, четкость линий. В то же время конкретность и немногословность изобразительного языка сочетаются здесь с глубоким внутренним напряжением. Эмоциональное звучание образов усиливается противопоставлением совсем еще юных, но волевых и решительных лиц героев.

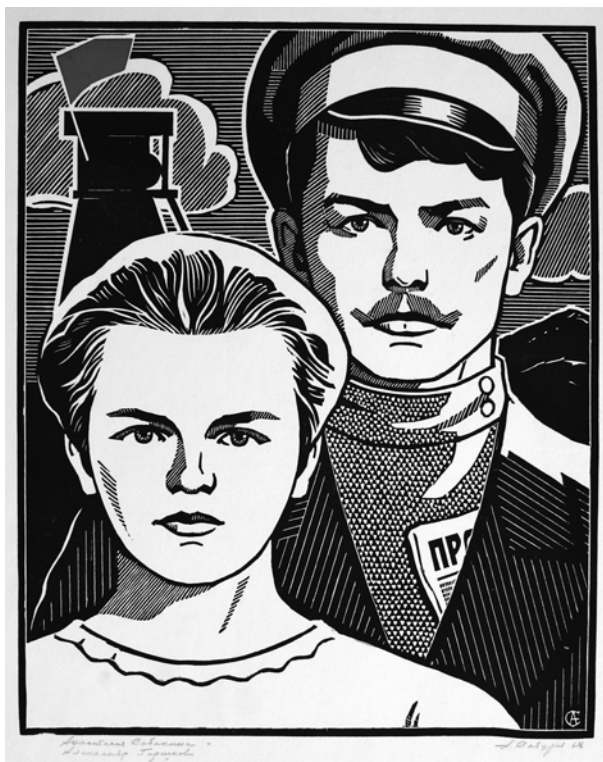
Первый лист серии — титульный: крупным планом стилизованное изображение знамени в виде надписи в три строки большими печатными буквами «ОРЛЯТА ЮЖНОГО УРАЛА» и древка в виде штыка винтовки. У основания древка — два цветка гвоздики. На остальных десяти листах — двенадцать портретов, два из них — групповые. Это портреты Виктора Геппа, Василия Грачева, Александра Фоминых и Константина Монакова, Федора Горелова, Анастасии Собакиной и Александра Горшкова, Ивана Ипатова, Якова Дубровина, Натальи Аргентовской, Константина Данилова, Николая Швейкина.

Несмотря на лаконичность, немногословность художественного языка изображения «Орлят Южного Урала» имеют явное портретное сходство с сохранившимися до наших дней фотографиями героев. Причем, как видно из примеров, А. П. Сабуров за основу портрета-линогравюры в некоторых случаях брал конкретный фотоснимок.

В последние годы жизни А. П. Сабуров написал мемуары, которые были переданы им сотрудникам Челябинского музея изобразительных искусств. В мемуарах есть несколько строк о серии «Орлята Южного Урала»: «По возрасту я давно уже не молод и не комсомолец, но в своей творческой деятельности, как и ранее, работаю над комсомольской тематикой. ...после трех лет поисков и изучения архивных материалов создал серию линогравюр о первых комсомольцах Челябинской области

*Анастасия Собакина.
Фотография*

*ОФ-2564/6. Линогравюра «Анастасия Собакина
и Александр Горшков». Лицевая сторона.
После реставрации*

*Виктор Генн.
Фотография*

*ОФ-2564/10. Линогравюра «Виктор Генн».
Лицевая сторона. После реставрации*

“Орлята Южного Урала”. Эта серия и другие мои работы экспонировались на выставке в вагоне агитпоезда обкома ВЛКСМ “Комсомольский пропагандист” в 1970-е годы. За эту работу обком ВЛКСМ вручил мне Почетную грамоту и удостоверение ветерана

комсомола. Кроме того, по его заказу печатники типографии напечатали 80 комплектов серии для райкомов и институтов области, а «Комсомольская правда» опубликовала фотоснимок автора на фоне его серии линогравюр...»²

Герои серии А. П. Сабурова «Орлята...» были первыми южноуральскими комсомольцами и, несмотря на свой юный возраст, активными и непримиримыми борцами за советскую власть.

29 октября 1918 г. был создан Российский коммунистический союз молодежи (РКСМ). Комсомол Южного Урала организационно оформился только после освобождения от белогвардейцев и восстановления советской власти летом 1919 г. До этого члены союзов рабочей и крестьянской молодежи действовали в условиях глубокого подполья. За принадлежность к комсомолу многие заплатили жизнью.

Первые организации коммунистически настроенной молодежи на Южном Урале появились еще до Октябрьской революции. Так, в 1915–1916 гг. на заводах Усть-Катава, Миньяра, Сима, Златоуста, Уфалея действовали «десятки» — небольшие по численности и организационно еще не связанные между собой группы молодых рабочих. Они занимались культурно-просветительской работой, постепенно втягиваясь в политическую борьбу. На VI съезде РСДРП(б) в июле — августе 1917 г. была принята резолюция «О союзах молодежи». А 27 июля 1917 г., еще не имея на руках резолюции съезда, молодые рабочие миньярского завода первыми на Южном Урале создали юношескую организацию, коммунистическую по характеру и составу рядов³.

О некоторых героях-комсомольцах с линогравюр А. П. Сабурова известно совсем немного, о других можно рассказать более подробно.

Яков Дубровин подростком стал помогать большевикам. До революции был писарем в волостном управлении, доставал большевикам паспорта и различные документы для конспиративной работы. Был председателем первого собрания молодежи Миньяра 27 июля 1917 г. и вошел в состав комитета союза. В период Гражданской войны находился в подполье. Вместе с членами союза распространял партийную литературу, обеспечивал Красную гвардию оружием и боеприпасами. Затем работал в штабе 5-й армии и учился в Московском военном училище. В марте 1921 г. учувствовал в подавлении Кронштадтского контрреволюционного мятежа и погиб⁴. Похоронен в Москве.

Василий Грачев родился в 1899 г. в Миньяре. Вместе со сверстниками помогал большевикам проводить митинги и маевки, распространял листовки. После одной из забастовок, спасаясь, перебрался в Златоуст. Здесь под видом струнного оркестра руководил ячейкой революционно настроенной молодежи. 25 августа 1917 г. на общегородском собрании был избран председателем только что созданного Социалистического союза рабочей молодежи III Интернационала. После Октябрьской революции 25–28 ноября 1917 г. учувствовал в работе I Уральского областного съезда ССРМ, как делегат от Златоуста избирался в состав первого в истории Уралобкома ССРМ.

В начале Гражданской войны и выступления белочехов Василий Грачев стал комиссаром артиллерийского склада «на колесах» при Саткинском заводе. Был схвачен белогвардейцами, бежал из плена, создал в Миньяре комсомольское подполье под видом музыкального кружка, как в свое время в Златоусте.

В августе 1918 г. вместе с товарищами сорвал мобилизацию молодежи Миньяра в белогвардейскую армию. В результате большой разъяснительной работы на призывной пункт никто не явился. Пока продолжалась мобилизация, молодежь скрывалась в лесу. То же повторилось и во время второй мобилизации, объявленной колчаковским правительством в декабре 1918 г. Затем по поручению большевиков провел тайную мобилизацию миньярской молодежи и создал лыжный отряд из 180 человек, который с боями прошел в тыл белогвардейцев и под Уфой соединился с частями Красной армии. В дороге погибло 18 человек, еще 10, сильно обморозившись, впоследствии стали инвалидами. В одном из тяжелых боев под Бузулуком Василий Грачев был убит⁵.

Константин Монаков родился в 1902 г. в Челябинске. С 14 лет работал на заводе «Столь В. Г. и К^о» учеником слесаря. Весной 1917 г. стал членом молодежной группы РСДРП(б), включавшей рабочих железнодорожных мастерских и завода. В сентябре 1917 г. Константин Монаков стал председателем организованного в Челябинске ССРМ III Интернационала. В марте 1918 г. он в числе 50 комсомольцев до-

бровольно записался в «молодежную сотню», организованную в Екатеринбурге, отправился воевать против казачьего атамана А. И. Дутова. Вернувшись в Челябинск, довел численность членов союза до 470 человек. После выступления Чехословацкого корпуса способствовал уничтожению документов городского совета и ССРМ, что спасло от репрессий многих комсомольцев.

До июля 1919 г. работал в большевистском подполье. Летом 1919-го участвовал в боях за Челябинск, затем воевал в составе 27-й дивизии. Стал помощником командира роты по политической части. В Челябинск вернулся в 1920 г. и был избран секретарем районного, затем уездного комитетов комсомола. Был организатором борьбы с неграмотностью. Умер после тяжелой болезни, не дожив до двадцати двух лет⁶. В честь Константина Монакова названа улица в Челябинске.

Виктор Гепп родился в 1902 г. Поступил учиться в среднее механико-техническое училище в Златоусте. В 1914 г. стал активным участником политического кружка, созданного в училище. В 16 лет Виктор Гепп стал членом РКП(б), одним из организаторов Союза социалистической молодежи Златоуста, секретарем подпольной организации большевиков. После взятия Златоуста белыми в июне 1918 г. вместе с другими активными членами союза Гепп остался в тылу. Подпольная молодежная организация соблюдала самые строгие правила конспирации: она была поделена на десятки, каждый ее член знал только товарищей по десятке и никого больше, связь с большевиками осуществлялась через Виктора Геппа.

Большевистское подполье в Златоусте возглавлял опытный подпольщик, в прошлом профессиональный революционер И. В. Теплоухов, направленный на Урал Центральным комитетом партии, Гепп же был секретарем подпольной организации большевиков. По ночам на квартире у Теплоухова, официально работающего писарем в городской управе, печатались нелегальные газеты и листовки. Шрифт, бумагу, краски для этого доставал Виктор Гепп. Активное участие принимал он и в печатании. За ночь удавалось отпечатать от 100 до 200 экземпляров газет и листовок. В мае 1919 г. подпольная организация была рассекречена. В руки белых попали все ее активисты, в том числе и Виктор Гепп. Во время допросов, которые продолжались полтора месяца, арестованных жестоко пытали. Тем не менее они никого не выдали. Сохранились письма В. Геппа, посланные из тюрьмы к родным. Они полны бодрости и мужества: «...по моему мнению, мне может быть лишь два приговора: каторга или, что я все же не жду,— расстрел. Как к тому, так и к другому отношусь хладнокровно, ибо чувствую себя правым перед совестью, а ведь это самое главное»⁷. Но накануне отступления из Златоуста 30 июня 1919 г. колчаковцы жестоко расправились со всеми заключенными: вывели их за здание тюрьмы и расстреляли. Виктор Гепп был похоронен в братской могиле в городском саду. Сегодня в Златоусте есть школа, улица и музей имени В. Геппа.

Федя Горелов родился 1 мая 1901 г. в Миассе. Окончил начальную школу, три класса ремесленного училища. С лета 1915-го работал на мельнице Дунаева, затем на напилочном заводе. Октябрьскую революцию принял сразу и вместе со старшими товарищами в январе 1918 г. участвовал в мирном установлении в Миассе Советской власти, в феврале вступил в отряд Красной гвардии, нес службу по охране города — посты тогда выставлялись в особо важных городских учреждениях: казначействе, торгово-промышленном банке и т. д.

В мае 1918 г. отряд выступил на помощь златоустовским рабочим для подавления выступившего против советской власти Чехословацкого корпуса. Трех членов Союза молодежи, в том числе и Федю Горелова — «красногвардейских сыновей», как их прозвали в отряде,— командир Т. Якубайтис решил взять с собой. Отряд только частично выполнил боевую задачу в Златоусте, когда получил сообщение о контрреволюционном перевороте в Миассе. На обратном пути в Миасс отряд Якубайтиса попал в засаду у горы Моховой. Это было 1 июня (по другим данным, 31 мая). Небольшая часть осталась прикрывать отход отряда и погибла. Только один Федя Горелов продолжал отстреливаться, сдерживая целую роту чехов и казаков. Таким образом, он дал возможность спастись своим товарищам, сам же был захвачен в плен чехами и казнен на подходе к городу на глазах у местных обывателей.

До сих пор не ясны до конца обстоятельства, предшествовавшие гибели Феде Горелова, неизвестны имена тех, кто его казнил. Называют то одного из подручных

местного кулака Дунаева, то белогвардейского офицера, который требовал у юноши отречься от советской власти, а Федя якобы только плюнул ему в лицо, потому и был немедленно повешен.

В энциклопедическом словаре «Миасс», вышедшем в издательстве «Геотур» в 2003 г., написано, что Федя Горелов казнен взводом чехов за грубость обращения с конвоем, угрозы отомстить за убитых в бою товарищей. Другая версия изложена местным писателем В. Р. Гравишкисом в книге «Гвардии Красной сын», которая была издана в 1958 г. к 40-летию комсомола. Автор долгое время изучал все обстоятельства жизни и подвига юного героя и пришел к выводу, что казнили Федю местные богачи за то, что он участвовал в изъятии ценностей у своего бывшего хозяина Дунаева⁸. Именем Феди Горелова названы улицы, школы в Челябинске и Миассе, в советское время его именем были названы пионерские отряды и дружины, пионерские лагеря, пик на Памире. В родном городе Феде Горелову установлено два памятника — на месте его гибели и на станции Миасс-2. В советское время в Миассе ежегодно 31 мая горком комсомола проводил легкоатлетическую эстафету на приз Феди Горелова. Эстафета состояла из 17 этапов — до места его казни и обратно. Каждый этап символизировал прожитый год недолгой жизни юноши.

Наталья Аргентовская родилась в 1900 г. В 1912 г. ее отец Василий Алексеевич был выслан за участие в «беспорядках» на Ленских приисках и вместе с семьей поселился в зауральском селе Чесноки, затем в городе Кургане. Вся семья Аргентовских активно участвовала в установлении советской власти в Кургане. Старший брат Наташи Лавр Аргентовский был первым комиссаром курганской рабоче-крестьянской милиции. Во время белочешского мятежа после изуверских пыток был расстрелян в числе десяти курганских комиссаров. От рук контрреволюционеров погибли также отец и брат Константин.

Наталья Аргентовская в период оккупации Кургана войсками Чехословацкого корпуса сотрудничала с большевиками-подпольщиками. Рискуя жизнью, выполняла сложные и ответственные задания подпольного комитета партии. Была схвачена белогвардейцами и посажена в тюрьму. Ее подвергали пыткам и издевательствам. 13 августа 1919 г., в ночь перед освобождением города Красной армией, она умерла⁹. Существует две версии гибели юной революционерки. Согласно книге В. А. Плющева «Юная революционерка», белые казаки вошли в тюрьму и забили девушку насмерть нагайками. В современных изданиях можно встретить версию, согласно которой Аргентовская умерла от чахотки, которую в тюрьме и подхватила.

Перед смертью Наташа написала на стене тюремной камеры: «Дорогие товарищи! Я умираю честно, как честно прожила свою маленькую жизнь. Мне не страшна смерть, но жаль, что мало сделала для дела революции. Мне неполных восемнадцать лет, но смерть встречаю смело»¹⁰.

Похоронена Наталья Аргентовская в братской могиле на бывшей Александровской площади, сейчас это западная часть городского сада.

В июле 1961 г. в Кургане, в сквере Декабристов, был установлен памятник Наташе Аргентовской, выполненный скульптором А. И. Козыревым. Памятник представляет собой скульптуру революционерки-комсомолки в полный рост с пачкой прокламаций в поднятой правой руке. Скульптура находится на высоком постаменте с надписью на нем: «Наташа Аргентовская, юная революционерка, погибшая в 1919 году за восстановление Советской власти в городе Кургане»¹¹.

Анастасия Собакина и **Александр Горшков**, изображенные вместе на одной из линогравюр серии «Орлята Южного Урала», являлись членами первой комсомольской организации Копейска, оба проводили активную борьбу за установление советской власти, а также участвовали в подпольной деятельности в период гражданской войны в Копейске.

Александр Горшков, до революции весельчак, поэт и гармонист, был известен под именем Ленька. В мае 1917 г., вернувшись в Копейск с фронта Первой мировой войны, он начал создавать вокруг себя ядро преданной делу революции молодежи. Они проводили читки газет, большевистских брошюр и листовок, собирали шахтеров на собрания, разучивали революционные песни. После того как встал вопрос о вооруженном восстании и появился первый красногвардейский отряд, Александр

Горшков, бывший унтер-офицер, возглавил взвод в отряде И. А. Рожинцева. На первомайском митинге в 1918 г. А. Горшков был одним из инициаторов учреждения ССРМ Копейска.

Когда копи захватили белочехи и начались карательные операции, члены ССРМ перешли на нелегальное положение и постоянно давали понять, что хозяевами положения все равно являются шахтеры. Так, комсомольцы бросили бомбу в зал, где находились белочехи, распространяли листовки, насыпали в буксы вагонов с боеприпасами песок, в результате чего возник пожар и были уничтожены снаряды. Также «маленькие большевики», как называли белогвардейцы комсомольцев, пустили под откос воинский эшелон с белыми, взорвали самодельными бомбами шахту и подожгли копер¹².

Анастасия Собакина вступила в ССРМ в 1918 г. и сразу же по заданию ячейки устроилась в штаб белогвардейцев уборщицей. Вместе с телефонисткой Леной Овечкиной распространяла в чешских казармах листовки, выживала у солдат и офицеров сведения для подпольного комитета¹³. Накануне 7 ноября 1918 г. вместе с товарищами А. Горшковым, И. Петряковым, С. Семеновым она водрузила над копром шахты «Александр», совсем недалеко от белогвардейского штаба, красное знамя. Тысячу рублей обещали в награду тому, кто снимет символ революции. Но все попытки оказались тщетными: за ночь крыша обледелена, и забраться по ней к знамени было просто невозможно¹⁴.

После войны Анастасия Собакина активно участвовала в восстановлении Челябинской области, организовала детский дом и женсовет, участвовала в работе других общественных организаций. В 1930-е гг. в честь Анастасии шахту, где она работала, переименовали в «Красную горнячку». О подвиге Насти Собакиной напоминает мемориальная стена в шахтоуправлении «Красной горнячки», оформленная художником В. Т. Слесаревым. Стена выполнена с использованием чеканки, инкрустации по дереву, живописи. В центре ее — большое чеканное панно с изображением горнячки с флагом в руке. Интересно отметить, что художник В. Т. Слесарев — родной внук А. Собакиной. На «Красной горнячке» до выхода на заслуженный отдых работали его дед, отец и дядя¹⁵.

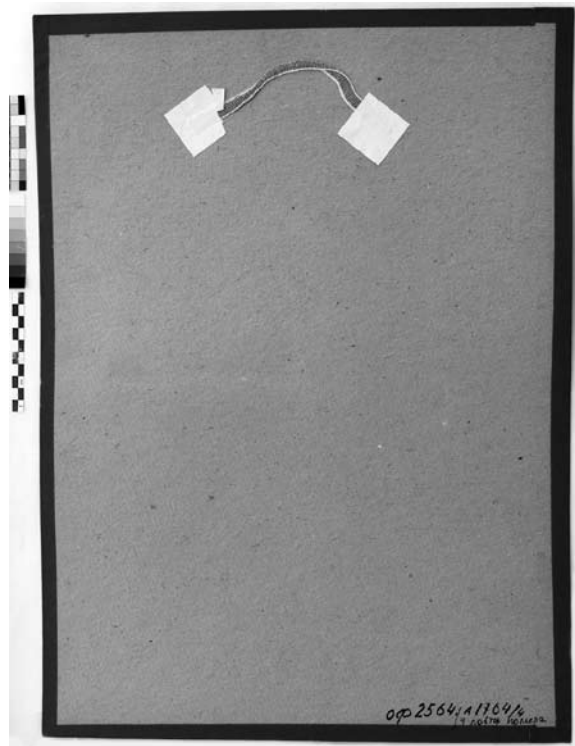
Серия портретов первых комсомольцев «Орлята Южного Урала» поступила в собрание ГИМЮУ в 1968 г. (акт № 1764 от 1 ноября 1968 г.), то есть в год создания ее А. П. Сабуровым. С большой долей вероятности можно сказать, что перед этим работы экспонировались на выставке, для чего были одинаково монтированы (возможно, даже самим автором), и в этой монтировке были переданы в музей.

Каждая линогравюра выполнена на листе плотной, толстой, слегка шероховатой белой бумаги и приклеена оборотной стороной к подложке из кислого толстого картона низкого качества темно-бурого цвета, обтянутого по краям полосками серого ледерина. По верхнему краю оборотной стороны подложки — крепление для экспонирования произведения на стене: петелька из хлопчатобумажной ленты, приклеенная двумя концами к картону прямоугольными фрагментами бумаги. На лицевой стороне произведения по нижнему полю под изображением — авторские надписи графитным карандашом: слева — название линогравюры (например, «Наташа Аргентовская»), справа — «А. Сабуров 68».

В ходе плановых осмотров фонда «Художественные коллекции» автором статьи совместно с хранителем И. С. Ивлиевой была выявлена неудовлетворительная сохранность серии линогравюр. Вследствие дублирования произведений на картон наблюдались сильная общая волнообразная деформация, коробление листов, многочисленные вздутия, «вспучивания», пузыри бумаги-основы в местах неравномерного нанесения клея. Длительное соприкосновение бумажной основы с картонной подложкой, содержащей в своем составе древесную массу в большом количестве, и дублирование ее на клей привели к неравномерному пожелтению бумаги-основы линогравюры и образованию множественных (иногда занимающих до половины поверхности) сквозных бурых пятен разной интенсивности и размера. Поверхность линогравюр была значительно запылена, на некоторых наблюдались фигурные водные затеки бурого цвета, а также затеки ярко-розового цвета. Дублирование линогравюр на картон низкого качества с помощью клея способствовало

ОФ-2564/4. Линогравюра «Наташа Аргентовская». Лицевая сторона.
До реставрации

ОФ-2564/4. Линогравюра «Наташа Аргентовская». Обратная сторона.
До реставрации

ухудшению физико-химического состояния бумажной основы. Поэтому необходимо было провести раздублирование, устранить негативные факторы разрушения, восстановить экспозиционный вид произведений.

Так как все листы серии имели однотипные физико-химические повреждения, целесообразным было разработать общую методику их реставрации. Это было сделано в ходе прохождения стажировки в мастерской реставрации графических произведений Всероссийского художественного научно-реставрационного центра имени академика И. Э. Грабаря в сентябре 2011 г. Во время стажирования выполнена реставрация линогравюры «Яков Дубровин» (ОФ-2564/13).

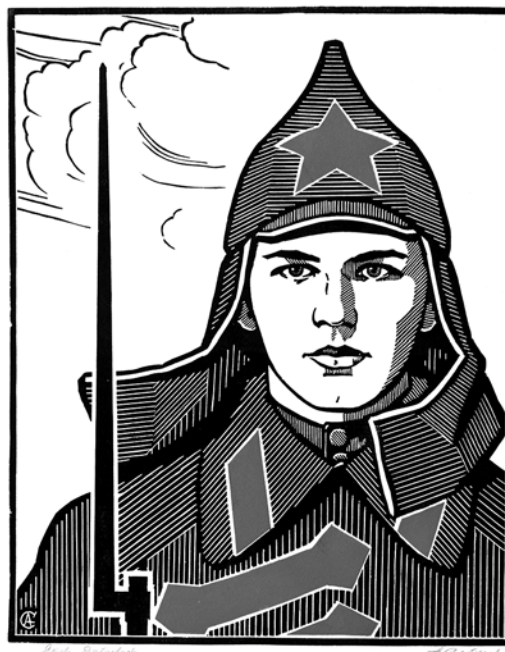
На первом этапе реставрации проведена механическая чистка произведения с лицевой стороны по полям и местам, свободным от изображения, резиновой крошкой, ластиком, скальпелем. В результате были удалены поверхностные загрязнения и запыление. Затем дублировочный картон был максимально послойно утончен при помощи остро заточенного скальпеля. Лабораторные исследования показали, что при дублировке использовался водорастворимый клей растительного происхождения (ржаной). Это позволило полностью удалить картонную подложку с помощью увлажнения методом погружения произведения в ванну с дистиллированной водой. Остатки клея с обратной стороны линогравюры тщательно удалены скальпелем, ватно-марлевыми тампонами, греческой губкой. Таким образом, раздублирование было совмещено с промывкой произведения от желтизны и продуктов деструкции.

После проведенных реставрационных операций бурые пятна и затеки были ослаблены, тем не менее они значительно искажали экспозиционный вид, мешали целостному восприятию произведения. Так как в составе бумажной основы линогравюры не содержалось древесной массы, общая химическая обработка была проведена водными растворами хлорамина Б и уксусной кислоты подобранных концентраций. Проведена локальная химическая обработка стойких бурых пятен и ярко-розовых затеков теми же растворами увеличенных концентраций или водными растворами марганцовокислого калия и щавелевой кислоты с последующей тщательной промывкой произведения в ванне с проточной водой на подложке из вязкой бумаги. От-

мывание от активного хлора проверено йодокрахмальным индикатором. Восполнена проклейка бумажной основы. Срывы фактуры с оборотной стороны произведения восполнены методом ручного долива бумажной массой, приготовленной в блендере из бумаги, близкой по цвету и качеству к бумаге оригинала. Деформация листа устранена прессованием.

ОФ-2564/13. Линогравюра «Яков Дубровин».
Лицевая сторона. До реставрации

ОФ-2564/13. Линогравюра «Яков Дубровин».
Лицевая сторона. После реставрации

По этой же методике в 2011–2014 гг. проведена реставрация остальных десяти листов серии линогравюр «Орлята Южного Урала». В результате были раздублированы линогравюры, удалены многочисленные бурые пятна и затеки, розовые затеки или удалены, или значительно ослаблены, благодаря чему выровнялся тон бумаги-основы, устранены механические повреждения. Благодаря реставрационным мероприятиям остановлены и нейтрализованы разрушающие произведения факторы, удалены последствия их негативного воздействия. Предметам возвращен экспозиционный вид.

Примечания

¹ Сабуров Александр Порфирьевич (1905–1983): 110 лет со дня рождения [Электронный ресурс] // Челябинведение : сайт. URL: <http://kray.chelib.ru/index.php/news/295-saburov-aleksandr-porfigrevich-1905-1983-110-let-so-dnya-rozhdeniya>

² Мемуары А. П. Сабурова. Публикация Г. С. Трифионовой // Челябинск неизвестный. Вып. 4. Челябинск, 2008. С. 558.

³ Комсомол — моя судьба: 90-летию Челябинской областной комсомольской организации посвящается / авт.-сост. Л. М. Рабченко. Челябинск, 2008. С. 20.

⁴ Там же. С. 20.

⁵ Там же. С. 27–28.

⁶ Там же. С. 30–31.

⁷ Там же. С. 33–34.

⁸ Цит. по: Рабченко Л. Федя Горелов. Уральский «Орленок» [Электронный ресурс]. URL: <http://komsomol74.ru/2017/03/13/федя-горелов-уральский-орленок/>

⁹ Участники установления Советской власти в Зауралье [Электронный ресурс]. URL: <http://persona.kurganobl.ru/gosud-i-polit/uchast-ust-sov-vlasti/argentovskaya-nv>

¹⁰ Хорошо ли мы знаем город, в котором живем? Откуда пошли названия его улиц, когда появились его здания и памятники? [Электронный ресурс] // ГТРК «Курган» : сайт. URL: http://gtrk-kurgan.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=6494&catid=40&Itemid=120

¹¹ Участники установления советской власти в Зауралье [Электронный ресурс]. URL: <http://persona.kurganobl.ru/gosud-i-polit/uchast-ust-sov-vlasti/argentovskaya-nv>

¹² Комсомол — моя судьба... С. 37–38.

¹³ *Рабченок Л.* Настя Собакина (Лысикова). В ее честь шахту в Копейске назвали «Красная горнячка». По материалам книги «Координаты подвига» [Электронный ресурс]. URL: <http://komsomol74.ru/2017/03/14/настя-собакина-лысикова-в-ее-честь-ша/>

¹⁴ Комсомол — моя судьба... С. 37.

¹⁵ Летопись шахты «Красная горнячка» Поселок Горняк [Электронный ресурс]. URL: <http://горняк74.рф/archives/8232>

Л. А. Новожилова

**«ТАМ, ГДЕ ТРИ СОСНЫ...»
ОПИСЬ ИМУЩЕСТВА ЛАГЕРЯ
ВТОРОГО ВОЕННОГО ОТДЕЛА ОКВ (1919)**

Оренбургское казачье войско располагалось на территории обширной Оренбургской губернии и в военно-административном отношении состояло из трех военных отделов. Центром 1-го отдела был Оренбург, 2-го — Верхнеуральск, 3-го — Троицк.

«На последнем году нахождения в приговорительном разряде, перед выходом на службу в первоочередные полки, все без исключения годные к службе казаки проходили учебные сборы в летних лагерях. Впервые такие лагерные сборы для новоставочных и льготных казаков в Оренбургском казачьем войске были проведены в 1878 году¹. Лагерь 1-го отдела находился на реке Черной, 2-го — на реке Гумбейке, 3-го — на реке Увельке.

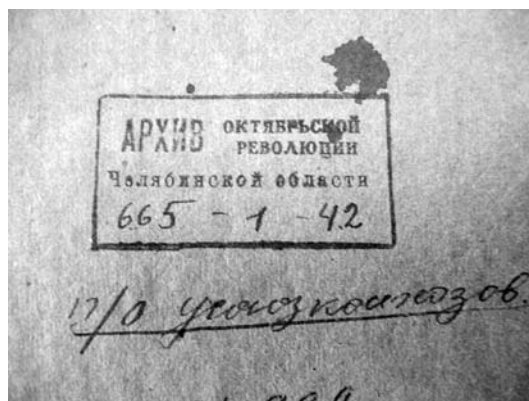
Известно, что лагерный участок 2-го военного отдела «включал 3364 десятины пашенной земли, 160 десятин лугов, 183 десятины леса и 86 десятин выгонной земли. По окончании сборов участки сдавались в аренду жителям прилегающих поселков под сенокосы и выпас скота»².

Замечу, что в работах исследователей истории ОКВ есть краткие упоминания о постройках и сооружениях для обучения военному делу и размещения казаков, например: «...в каждом военном отделе были отведены земельные участки и со временем построены специальные лагерные комплексы, включавшие в себя жилые и подсобные помещения, столовые, конюшни и стрельбища. Для сборов артиллеристов были устроены отдельные лагеря»³.

В данной статье впервые представлен письменный рукописный исторический источник, относящийся к группе актов документации, дающий более подробное описание лагеря 2-го военного отдела. Акт — документ, составленный комиссией (специально уполномоченными лицами) или одним должностным лицом, подтверждающий установленные факты, события, действия. Документ был обнаружен мной случайно при просмотре архивных дел из фонда «Земельное управление Верхнеуральского уездного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов; г. Верхнеуральск Верхнеуральского уезда Челябинской губернии (1919–1923)»⁴. Раньше это делопроизводство, судя по штампу на обложке, относилось к «Архиву Октябрьской революции Челябинской области».

Делопроизводство новой советской власти из-за нехватки бумаги нередко велось на оборотной стороне старых документов и даже на чайных обертках, рукописные записи каллиграфическим почерком и грамотностью не отличались, но достоверность информации сомнений не вызывает.

*Штамп «Архив Октябрьской революции...».
Фотография Л. А. Новожиловой*

Первое упоминание о «лагерном имуществе» встретилось в сопроводительной записке Куликовского станичного ревкома в Верхнеуральский земельный отдел от 2 января 1920 г. и относилось к делу коммуны «Красный меч». Здесь следует отметить, что ранее Куликовский поселок входил в состав Березинской станицы 2-го военного отдела ОКВ.

Описи предшествовал акт заведующего земотделом Куликовской станицы следующего содержания (орфография оригинала сохранена):

Сопроводительная записка
к описи лагерного имущества. 1920 г.
Фотография Л. А. Новожиловой

Акт

1919 года декабря 24 дня. Заведующий земотделом Куликовской станицы Иван Павлович Досманов при нижеподписавшихся понятых лагерного караульщика Петра Серова и гражд. поселка Фершампенуазского Ивана Динис. Тугульбаева постановили настоящий акт нижеследующим:

22 и 23 декабря нами была произведена опись имуществу находящееся в лагере на р. Гумбейке при чем нашли следующее:

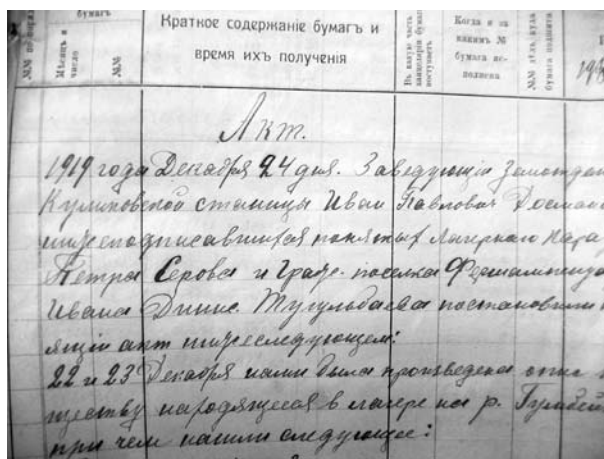
1. За не имением земельного плана на руках караульщика не приставилос возможность указат точное количество земли.
2. Все здания показанные в описи требуют большие ремонты, а частью которых пришли в совершенную ветхост;
3. Бывшая опись имуществу хранилас у заведующего лагерным хозяйством, которая в настоящее время на лицо нет. Ввиду чего в опись включены лиш те предметы, которые в исправности, а что же касается предметов, не имеющих характера инвентаря: кровати, столы, стулья, шкафы и т.п., все переломаны, перебиты.

Заведующий земотделом: Досманов
Понятые Петр Серов⁵.

Сама опись датировалась 26 декабря 1920 г. и являлась приложением к акту, содержала семь страниц с разнованными карандашом колонками на белой бумаге крупного формата с пометкой мелким шрифтом по правому краю страниц «Типография М. Неизвестного, в Верхнеуральске». Интересный факт: Моисей Иосифович Неизвестный, владелец этой типографии, приходился дедом знаменитому скульптору Эрнсту Неизвестному.

В описи были перечислены постройки с кратким описанием, рядом в колонке указывалась примерная сумма оценки.

Далее — текст документа (сохранена орфография оригинала):

Акт заведующего земотделом
Куликовской станицы. 1919 г.
Фотография Л. А. Новожиловой

1. Деревянная часовня с тремя выходами, крыта жостью, внутри имеется 2 хоругви, образ Николая Чудотв[орца], Спасителя и Бож[ьей] Матери, Георгия Побед[оносца] изящной выделки. 13 штук икон маленького размера, престольник, жертвенник, два аналая, и на них по одному покрывалу,

1 скатерть, 3 металлических подсвечника, 1 сосуд для св[ятой] воды, 3 лампадки.

Наруже — ограда деревянная, два колокола на столбах. Оценена 5000.

2. Медицинский лазарет, внутри с 3 перегородками из тесу, о 2 комнатах, крытых жстью с террасом 4 окна, 3 двери. Оценен: 4500.

3. Деревянная гаубвахта (гауптвахта — караульное или арестантское помещение. — Л. Н.), крыта жстью, перегороджена досками. Оценена: 1000.

4. Деревянная мастерская. Крыта жстью, перегороджена на 6 частей, 12 окон. Оценена: 3500.

5. Деревянный дом с 5 отделениями, крытый жстью, с 5 окнами, с 4 дверей. Оценен: 2000.

6. Деревянный дом перегороджен тесом (тес — обрезная доска, полученная путем продольной разделки бревна. — Л. Н.), крытый жстью, 4 окна, 2 двери. Оценен: 1500.

7. Офицерский барак из половых досок с 4 перегородками, 7 окнами и 7 железными болтами. Оценен: 2500⁶.

На следующей странице перечень продолжается:

8. Офицерский барак из половых досок с 4 перегородками, крытый жстью, 7 окон со ставнями и жолбом. Оценен: 2500

9. Канцелярия, деревянный дом о 3 комнатах, крытых жстью, с 6 окнами. Оценена: 2000.

10. Столовая деревянная крыта жстью, с 3 перегородками из досок, 11 окон, со ставнями и железными болтами, 2 двери. Оценена: 3000.

11. Офицерская кухня из досок, крыта тесом. Оценена: 300.

Справа — пояснение: «причина в ветхости».

12. Цехауз (военный склад. — Л. Н.) из половых досок, крыт жстью. Оценен: 1500.

(В оригинале нарушен порядок нумерации: нет № 13. — Л. Н.)

14. Кухня из саманного кирпича (сырцовый кирпич, высушенный на воздухе, без обжигания. — Л. Н.), крыта жстью с 3 дверями, 6 окнами, печ для выпечки хлеба немец. выделки. Оценена: 4000.

15. Такая же кухня. Оценена: 4000.

16. Лагерная лавочка, деревянная, крытая жстью, 2 окна и с 2 перегородками, приделана к ней лапас (лабаз. — Л. Н.), крыт жстью. Оценен: 1500.

17. Перемида (пирамида. — Л. Н.) для винтовок, помещение из досок, перегороджено тесом, крыто жстью. Оценена: 1000⁷.

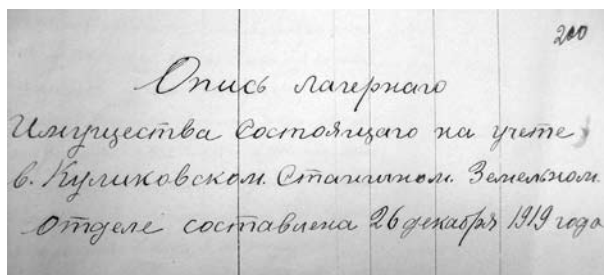
18–22. Те же помещения из досок, крыты жстью, внутри перегородка тесом. Оценены: по 1000.

23. Деревянный дом. Перегороджен на 4 части, 6 окон, 7 дверей. Оценен: 2000.

24. Генеральский дом из половых досок, крыт жстью, 8 окон. Оценен: 4000.

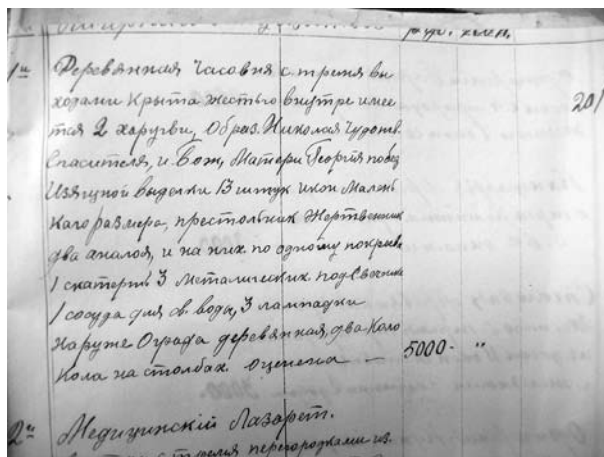
25. Атаманский дом, крестовый, ополубленный, деревянный, крыт жстью, с двумя террасами, крыт жстью, 10 окон, 8 двр (дверей. — Л. Н.). Оценен: 10000.

26. Аджутантский деревянный одна комната с сениями, крыта жстью, 2 окна. Оценен: 1000.

Опись лагерного имущества, состоящего на учете в Куликовском станичном земельном отделе. 26 декабря 1919 г.

Фотография Л. А. Новожиловой

Фрагмент перечня из описи имущества.

Фотография Л. А. Новожиловой

27. Дом Заведующего деревянный одна комната с сеньями крыта тесом 2 окна. Оценен: 1000.
28. Ветеринарный лазарет из досок крытый жестью. Оценен: 400.
29. Кухня деревянная с дверями, крыта жестью, 2 окна, 2 двери. Оценена: 1000
(№ 30–32 в перечне отсутствуют. — Л. Н.)
33. Конюшня из досок крыта жестью, другая половина навес на столбах, крытой тесом. Оценен: 2000.
34. Конюшня при атаманском доме из досок, крыта тесом. Оценена: 300⁸.
(№ 35–37 в перечне отсутствуют. — Л. Н.)
- Помещение из досок крыто тесом для автомобилей. Оценено: 150.
 - Деревянный новый дом крыт жестью, 5-ю окнами, перегороден тесом. Оценен: 1500.
 - 4 столовых навеса крытые жестью на столбах без стен по 500 рублей каждый. Оценены: 2000.
 - Деревянный амбар с погребом, крыт тесом с двумя сусеками. Оценен: 200.
 - Конюшня для заразных лошадей из досок, крыта тесом. Оценена: 200.
 - Тоже из бревен, крыта тесом. Оценена: 200.
 - 2 кузницы из саманного кирпича, одна крыта жестью другая не крыта. Оценены: 70 (именно так в документе. — Л. Н.).
 - Каменный пороховой погреб, крыт дерном. Оценен: 100.
 - Дерев. изба быв. сторожа, крыт жестью. Оценена: 300.
- Справа — «Пришло в ветхость».
38. Овсянный цехауз (цейхгауз — военный склад. — Л. Н.) из саманного кирпича крытой тесом. Оценен: 300.
39. Помещение из досок для кипятильника. Оценен: 150.
40. 4 гимнастических городка по 100 руб. каждый. Оценены: 400.
45. Помещение для деньщиков из досок, крыто тесом 2 по 150 руб. каждый. Оценены: 300⁹.
46. Артиллерийский лагерь.
- Дом командира батареи, деревянный, 5 комнат, крыт жестью, 2 двери, 9 окон. Оценен: 5000.
- Дом командира сотни деревянный о двух комнатах. Крыт жестью с двумя перегородками, 6 окнами. 2 дверей. Оценен: 4000.
- Канцелярия из досок крыта жестью. Оценена: 100.
- Офицерская кухня из досок в столбах крыта тесом. Оценена: 100.
- Тоже саманная. Оценена: 100.
- Помещение для погреба из досок крыто тесом. Оценено: 80.
- Деревянный амбар крыт тесом с обеих сторон приделаны навесы. Оценен: 200.
- Деревянный дом Заведывающего о двух комнатах крыт жестью. Оценен: 3000.
- На берегу кухня из досок, крыта тесом, около нее погребушка и навес для столовой. Оценена: 200.
- Навес для офицерских лошадей. Оценен: 50¹⁰.
- На последней странице упоминаются четыре барака «для кадровых казаков из досок, крыт жестью». Оценены в 100 и 150 рублей.
- Гаубвахта из теса крыта тесом. Оценена: 30.
- Оценку лагерного имущества произвели:
Заведывающий Куликовским станичным Земотделом Досманов
Понятые Петр Серов
Иван Тугулбаев¹¹.

Прокомментирую лишь некоторые моменты. Текст писал человек православный: святые на иконах написаны с заглавной буквы, грамотно названы предметы церковной утвари. Досмановы — известный род нагайбакских казаков, которые тогда являлись православными по вероисповеданию. Предположу, что подписавший документ Иван Павлович Досманов, заведующий земотделом Куликовской станицы, и «Досманов Иван — казак 16 Оренбургской казачьей сотни, награжденный Георгиевским Крестом за № 782782»¹² — это одно и то же лицо либо родственники.

Несмотря на события Гражданской войны, постройки полевого лагеря уцелели, церковное имущество в часовне осталось нетронутым. Хорошую сохранность часовни подтверждает сравнительно высокая сумма оценки (5000 рублей). Предположу, что в условиях гиперинфляции оценка стоимости лагерного имущества шла уже в расчетных знаках РСФСР 1919 г.

С началом Первой мировой войны лагерные сборы были отменены. Какое-то время лагерные постройки находились под присмотром штатного караульного. Упоминаемые сломанная мебель, «ветхая изба» бывшего сторожа говорят о том, что в годы Гражданской войны должного надзора за данной территорией уже не было, но они уцелели в это тревожное время.

Для офицерского состава в лагере имелись отдельные бараки, столовая, кухня, отдельное помещение для денщиков.

Самая большая сумма оценки указана у атаманского дома с верандами и десятью окнами. Причем он оценен в 2,5 раза дороже генеральского.

Интересно, кто из атаманов мог жить в этом доме?

«Атаманом 2-го военного отдела с 1894 по 1900 года был полковник Владимир Александрович Толмачев, участник русско-турецкой войны 1877–78 годов»¹³. С 1900 по 1907 г. атаманом 2-го военного отдела являлся Федор Митрофанович Стариков, генерал-майор, автор четырех книг по истории оренбургских казаков. С 1907 по 1913 г. атаманом отдела служил генерал-майор Николай Александрович Наследов. Думаю, что большой дом с отдельной конюшней был ему хорошо знаком. Возможно, в нем останавливались и проверяющие: представители генерал-инспектора от кавалерии, наказной атаман ОКВ.

Канцелярия занимала три комнаты, следовательно, работы с официальными документами было немало: постановка на службу, оформление послужных списков, финансовая отчетность и пр.

В лагере было все продумано, соблюдены все меры безопасности: пороховой погреб — каменный, «крыт дерном»; специальная конюшня для заразных лошадей. В кузницах лошадей могли подковать, имелись ветеринарный лазарет, специальный овсяной склад.

Лагерь был обеспечен продуктами как своего приготовления, так и привозными. Упоминаются кухни и столовые. Навес для столовой располагался на берегу реки.

Гараж, хоть и деревянный, предназначался для автомобилей, их наличие подтверждает стремление не отставать от технического прогресса.

Лагерь рассчитан был для долгосрочного пребывания: упомянуты мастерские, медицинский лазарет.

Артиллерийский лагерь располагался как отдельное подразделение со всем необходимым для организации службы. Внушительным был дом командира батареи, по стоимости он равнялся часовне. Известно, что именно в Верхнеуральске располагался штаб 5-й льготной Оренбургской казачьей артиллерийской батареи (ОКБ). Я знаю, что среди казаков Великопетровской станицы, награжденных Георгиевскими крестами в годы Первой мировой войны, были артиллеристы из 5-й ОКБ: Александр Борисов, Александр Дьячковский, Василий Клементьев¹⁴.

Сколько казаков по численности мог вместить лагерь? Историки отмечают, что во время лагерных сборов формировались два полка: один из новоставочных (молодых) казаков, второй — из льготных. «В каждый полк зачислялось от 1000 до 1500 человек, 10–12 офицеров, 25 урядников, выполнявших обязанности взводных командиров и инструкторов одновременно»¹⁵. Думаю, что кроме барачников казаки могли размещаться в летнее время в палатках.

Известный краевед Юрий Яковлевич Козлов (село Агаповка) сообщил нам о наличии плана лагеря 2-го военного отдела ОКВ. План выполнен в апреле 1902 г. в масштабе 50 саженей в дюйме, содержит описание местности, дает пространственное представление о размещении построек: часовни, барачников, столовых, мастерских

Расчетный знак РСФСР в 5000 рублей. 1919 г.

и пр. Опись имущества 1919 г. позволяет проследить дальнейшую судьбу этого объекта.

Почему меня заинтересовала эта тема? Мой прадед Василий Романович Юлаев¹⁶ был казаком Великопетровской станицы, которая входила во 2-й военный отдел. В 1896 г. ему исполнилось 20 лет, по возрасту он относился к приговорительному разряду и наверняка участвовал вместе с другими сверстниками в лагерных сборах, осваивал военную подготовку по особым программам.

В уставе строевой казачьей службы за 1899 г. предусматривалась обязательная джигитовка для развития смелости и ловкости. Среди упражнений были поднимание предметов с земли, подъем на коня пешего товарища, стрельба с коня и рубка чучел, соскакивание и вскакивание верхом на коня на карьере.

Военные знания и навыки, полученные казаками в учебном лагере на реке Гумбейке, способствовали их успешному прохождению дальнейшей службы.

Мой прадед, как и другие казаки, принимал присягу:

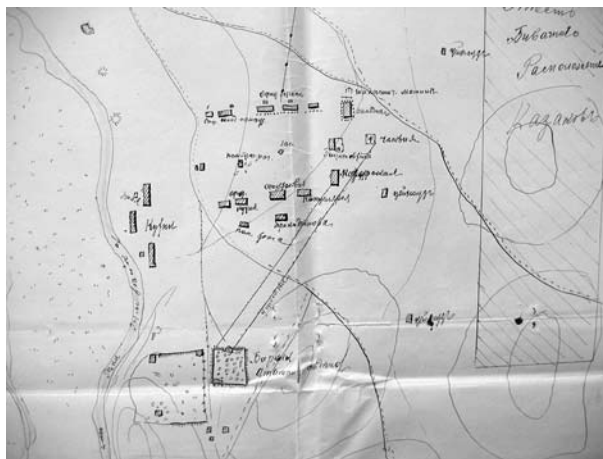
Я, нижепоименованный, обещаю и клянусь Всемогущим Богом, пред Святым Его Евангелием, в том, что хочу и должен ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, своему истинному и природному Всемиловейшему ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ, Самодержцу Всероссийскому, и законному ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Всероссийского Престола Наследнику верно и нелицемерно служить, не щадя живота своего, до последней капли крови, и все к Высокому ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Самодержавству силе и власти, принадлежащие права и имущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности исполнять.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, Государства и земель Его врагов, телом и кровию, в поле и крепостях, водою и сухим путем, в баталиях, партиях, осадах и штурмах, и в прочих воинских случаях храброе и сильное чинить сопротивление и во всем стараться спешествовать, что к ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА верной службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может.

Об ущербе же ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведая, не только своевременно объявлять, но всякими мерами отвращать и не допускать потщуся и всякую вверенную тайность крепко хранить буду, а предпоставленных надо мной начальникам во всем, что к пользе и службе Государства касаться будет, надлежащим образом чинить послушание и все по совести своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды против службы и присяги не поступать, от команды и знамя, где принадлежу, хотя в поле, обозе или гарнизоне, никогда не отлучаться, но за оными, пока жив, следовать буду, и во всем так себя вести и поступать, как честному, верному, послушному, храброму и расторопному солдату надлежит. В чем да поможет нам Господь Бог Всемогущий.

В заключение же сей моей клятвы целую слова и крест Спасителя моего. Аминь¹⁷.

События Революции 1917 г. и Гражданская война станут своеобразной проверкой на верность данной присяге.

Фрагмент плана лагеря 2-го военного отдела ОКВ. 1902 г. Предоставлен Ю. Я. Козловым

Открытка из серии «Казачи». Издательство «Шерф, Набгольц и К°»

...Интересно, что сейчас осталось от бывшего лагеря 2-го военного отдела ОКВ?

Неожиданно встретила ответ в «Викторине по-нагайбакски» для школьников:

Вопрос: «Какая достопримечательность находится у нас в поселке Гумбейский?»

Ответ: «Три сосны, посаженные на территории казачьего военного лагеря 2-го военного отдела Оренбургского казачьего войска на левом берегу реки Гумбейки вблизи поселка Гумбейский»¹⁸.

Примечания

¹ Кобзов В. С., Кузнецов В. А. Военная подготовка казачьей молодежи в 70–80-е годы XIX века // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2001. Сер. История. № 1 (12). С. 52.

² Кузнецов В. А. Военно-патриотическое воспитание Оренбургского казачества. Челябинск, 2004. С. 97.

³ Кобзов В. С., Кузнецов В. А. Указ. соч.

⁴ ОГАЧО. Ф. Р-665.

⁵ Там же. Оп. 1. Д. 42. Л. 198.

⁶ Там же. Л. 201.

⁷ Там же. Л. 201 об.

⁸ Там же. Л. 202.

⁹ Там же. Л. 202 об.

¹⁰ Там же. Л. 203.

¹¹ Там же. Л. 203 об.

¹² Бешенцев В. Г. и др. Именной справочник казаков Оренбургского казачьего войска, награжденных государственными наградами Российской империи. Челябинск, 2015. С. 136.

¹³ Козлов Ю. Я. В верховьях Урала, 1743–1917. Челябинск : Книга, 2008. С. 90.

¹⁴ Бешенцев В. Г. и др. Именной справочник казаков Оренбургского казачьего войска, награжденных государственными наградами Российской империи. Челябинск, 2012. С. 144–147.

¹⁵ Абрамовский А. П., Кобзов В. С. Оренбургское казачье войско в трех веках. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 1999. С. 177.

¹⁶ Подробнее см.: Новожилова Л. А. Метрические книги свидетельствуют... // К истории Велико-Петровской станицы. Челябинск : Цицero, 2016.

¹⁷ Войсковые учебники. Кавалерия : учеб. для казака. Изд. 7-е испр. СПб. : Рус. скоропечатка, 1911. С. 166–167.

¹⁸ Викторина по-нагайбакски [Электронный ресурс]. URL: gumbeisk.ucoz.ru

Е. В. Петрова, Н. А. Кругляк

**НАГРУДНЫЕ ЖЕТОНЫ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
КАК ВЫРАЖЕНИЕ ИДЕЙ НОВОГО ВРЕМЕНИ**
(на примере жетонов из фондов
Государственного исторического музея Южного Урала)

В феврале 1917 г. в Российском государстве произошли изменения, ознаменовавшие собой начало новой эпохи в истории страны. Антиполитические настроения, сохранившиеся в России с 1905 г., усугубленные ухудшением экономического положения и затянувшейся войной, вылились в восстания. Всего за несколько февральских дней империя стала республикой, управление которой взяло на себя самоизбранное Временное правительство.

В результате стихийного порыва, свергнувшего монархию, произошла резкая смена политической символики, были уничтожены и изменены любые отсылки к императорской России. Сразу после свержения царизма началась ликвидация титулов, мундиров и орденов. Во флоте отменялись погоны, а с мундиров была устранена символика, связанная с царским режимом (корона, императорские вензеля и пр.)¹. Изменялись названия полков, научных учреждений, библиотек и т. д. К примеру, корабли «Цесаревич», «Император Павел I», «Император Александр II», «Император Александр III», «Императрица Екатерина Великая» были переименованы в «Гражданин», «Республика», «Заря свободы», «Воля», «Свободная Россия».

Смена общественного строя также нашла отражение в печатных изданиях, листовках, почтовых марках, денежных знаках и т. д. Среди памятных примет времени были и нагрудные жетоны, которых в этот период появилось большое количество. В отличие от медалей, это были плоские металлические пластинки разной формы — круглые, треугольные, ромбовидные, фигурные. Они не отличались ни высокой техникой изготовления, ни художественным мастерством, что позволяло изготавливать их массовыми тиражами. В основном такие жетоны выпускались мелкими фабриками.

Каждый гражданин страны хотел иметь при себе революционную атрибутику, чтобы подчеркнуть свою причастность к происходящим в стране событиям. Жетоны свободно продавались по небольшой цене, раздавались на выступлениях или митингах, носились обычно на груди поверх красной ленточки. В. И. Ленин был активным пропагандистом новых традиций и обычаев. Участвуя во всех революционных празднествах того времени, он носил на лацкане пиджака значки, красные банты, тем самым утверждая общественное значение знаков как средства агитации и пропаганды нового строя².

Жетоны не были изобретением новой власти. Они выпускались и прежде, но большая их часть была посвящена императорской семье, а также различным историческим событиям в стране, например победам в различных войнах и сражениях. Обычно на жетонах того времени изображались императоры, а также атрибуты императорской власти.

Но новой стране нужны были новые герои, образы и символы, что нашло свое отражение в жетонах. Всего известно более ста видов жетонов, выпущенных в 1917–1918 гг. В фондах ГИМЮУ имеется несколько таких жетонов.

Одним из самых распространенных символов на жетонах стала женщина, олицетворяющая свободную Россию. Она изображалась одетой в длинное платье. В руках — развивающийся флаг. В фондах ГИМЮУ имеется жетон круглой формы, на котором рядом с женщиной изображены кузнец с молотом и солдат с винтовкой. Именно эти люди (рабочие и военные) должны были строить новую страну, а также защищать ее от внешнего и внутреннего врага. На реверсе жетона — цитата из стихотворения А. С. Пушкина «К Чаадаеву»: «Товарищъ, вървь взойдетъ она, заря плънительнаго счастья. Россія вспрянетъ ото сна и на обломкахъ самовластья напишетъ наши имена». Данные слова тоже использованы не случайно. Эти строки были посвящены Петру Яковлевичу Чаадаеву, члену тайного общества декабристов «Союз благоденствия». Именно это стихотворение впоследствии стало девизом декабристов и ассоциировалось с восстанием 1825 г.

На другом жетоне 1917 г. женщина со знаменем изображена в центре лаврового венка. По верхнему краю поля — надпись: «СВОБОДНАЯ РОССИЯ». На оборотной стороне — изображение солнца с расходящимися лучами и надпись в три строки: «СВОБОДА РАВЕНСТВО И БРАТСТВО».

В фондах музея имеется также жетон округлой формы с волнистыми краями. Женщина изображена сидящей около кузнеца, разбивающего молотом цепь. Одной рукой женщина держит знамя — как символ завоевания, победы и сплочения сил. На знамени — надпись: «ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА!» Другой рукой женщина опирается на щит, в центре которого — надпись: «СВОБОДНАЯ РОССИЯ». Справа от женщины — постамент с якорем. На втором плане — восходящее над горизонтом солнце, олицетворяющее рождение новой страны. На реверсе по диагонали — дата «1917 г.» на фоне лавровых ветвей.

Солнце изображено еще на одном овальном жетоне. Но в отличие от предыдущего жетона здесь оно является центром композиции. Солнце помещено в центр венка из лавровой и пальмовой ветвей, перевязанных внизу лентой. Под изображением солнца — рельефная надпись: «СВОБОДА». На реверсе жетона, в верхней части поля — надпись в три строки: «ВЕЛИКОМУ ОСВОБОЖДЕННОМУ НАРОДУ», в нижней части — цветок из пяти лепестков на стебле с двумя листочками. По обе стороны цветка — надпись: слева в две строки — «27-го февр.»; справа — «1917 г.». Также на реверсе помещено наименование фабрики, изготовившей жетон (что бывало довольно редко): «ФАБР. Д. КУЧКИН. МОСКВА».

На жетонах изображались и реальные деятели, имеющие непосредственное или весьма отдаленное отношение к революции.

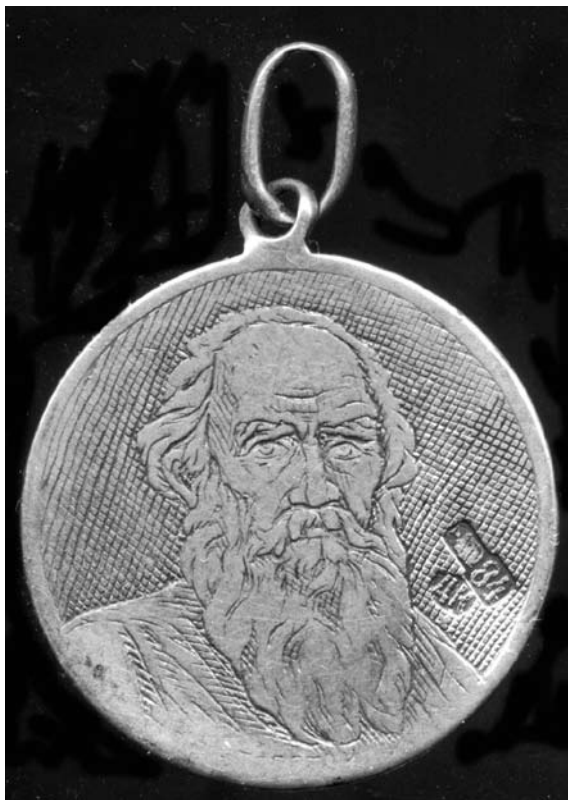
На одном из ранних жетонов, выпущенных почти сразу после февральских событий 1917 г., помещено погрудное изображение А. Ф. Керенского в $\frac{3}{4}$ оборота вправо. На реверсе в верхней части по окружности — надпись: «За свободу», по центру — надпись в две строки: «России вперед!», в нижней части — изображение пушки и полувенок из лавровых ветвей.

В музее есть еще один вариант жетона с портретом А. Ф. Керенского. В отличие от предыдущего второй вариант имеет фигурную форму. Слева от портрета — надпись «МИНИСТРЪ ЮСТИЦИИ». На реверсе в правой части — надпись в пять строк: «ВЪЧНАЯ СЛАВА БОРЦАМЪ за СВОБОДУ!» Слева рисунок обрамлен лавровой ветвью.

Отдельно можно упомянуть жетон с изображением русского писателя Л. Н. Толстого. На реверсе жетона — лозунг в три строки: «Да здравствует свобода и равенство», и дата «1917 г.». Писатель не являлся сторонником революционного развития

России, однако он не одобрял существующего царского режима и выступал за принятие конституции³. Его образ как народного защитника массово использовался в средствах пропаганды нового мышления и нового времени. В отличие от других жетонов, выполненных из меди или латуни, этот жетон выполнен в серебре. Перечисленные материалы были основными в изготовлении жетонов и нередко в различных их типах встречаются серебряные варианты.

В 1918 г., спустя год после революционных событий, жетоны, несущие политический смысл, продолжали изготавливаться. В 1918 г. были отчеканены знаки диаметром 28 мм с погрудным изображением нового героя страны — В. И. Ленина. На наградах советского времени портрет вождя мирового пролетариата почти не использовался, в отличие от памятных жетонов. На имеющемся в фондах ГИМЮУ жетоне В. И. Ленин изображен лаконично, в пиджаке и галстуке. Под портретом — надпись «В. И. ЛЕНИН (УЛЬЯНОВ)». На оборотной стороне — лозунг: «Да здравствует свобода великого трудового народа 25 окт. 1917», а также еще один символ революции — красная гвоздика.

Если символика рассматриваемых нагрудных знаков говорит о кардинальной смене политических настроений, то массовый характер распространения подобных жетонов, отмеченный многими исследователями⁴, — о вероятном взлете патриотического энтузиазма населения.

Жетоны 1917 г. как свидетельства наступления нового времени в истории продолжают оставаться ценным материалом в изучении отечественной культуры.

Примечания

¹ Шепелев Л. Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. М., 1991. С. 215.

² Ильинский В. Н. Значки и их коллекционирование. М., 1977. С. 16.

³ Нестандартная дочь [Электронный ресурс] // Киевский Телеграфъ, электронная версия интервью А. Л. Толстой, записанного в 1965 г. А. Малышевым. URL: <http://telegrafua.com/social/12943/print/>

⁴ Малышко В. Забытые жетоны // Наука и жизнь. 1994. № 3. С. 133; Шужкина Е. С. Два века русской медали: медальерное искусство в России 1700–1917 гг. М., 2000. С. 234; Ильинский В. Н. Значки и их коллекционирование. М., 1977. С. 9.

ИСТОЧНИКИ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В МУЗЕЕ СЕЛА ВАРНА

Современный музей в условиях реформирования общественно-политического и экономического устройства страны должен служить источником духовных ориентиров в современной социальной инфраструктуре общества. Неоспорима мысль о том, что малая родина, Отечество, родной край играют значительную роль в жизни каждого человека. Частица любимой Отчизны, дорогие сердцу места, близкие душе обычаи. Но мало говорить о любви к родному краю, надо знать его прошлое и настоящее, богатую духовную культуру, народные традиции, природу. И именно музей сегодня призван знакомить посетителей с богатой историей родного края и вносить посильный вклад в становление личности и патриотическое воспитание человека.

Одним из приоритетных направлений в работе музея является освещение юбилейных исторических дат. В 2017 г. отмечается столетие революционных событий в России. До сих пор тема Гражданской войны остается особо важной в истории нашей страны. Важной потому, что нельзя забыть сложное становление советской власти, годы войны и многое другое, связанное с этим временем. Эта дата не пройдет мимо музейных работников Варненского краеведческого музея, тем более что музей богат историческим материалом по данной теме. Очень важно, чтобы каждое последующее поколение людей стремилось не только узнать как можно больше правды о Гражданской войне, но и сохраняло и передавало эти знания будущим поколениям.

Музейные работники многое делают для того, чтобы увековечить память о земляках, участвовавших в сражениях Гражданской войны и становлении советской власти. Благодаря многолетней поисковой деятельности юных краеведов собран богатейший материал по Гражданской войне, связанный с нашим селом. При помощи односельчан удалось разыскать некоторые ценные экспонаты, которые заняли свои места в витринах экспозиции «Революционные события в Варне». Сейчас она занимает одно из центральных мест в музее и отражает события революции и Гражданской войны благодаря уникальным экспонатам. Среди них можно увидеть пушечное ядро, конно-армейскую буденовку, нагайку, шашку, винтовку Мосина, лошадиное стремя, штыки от винтовок, пороховницу, черкеску, пистолеты, остов пистолета, сабли.

Есть стенд, посвященный Гражданской войне, фотографии и документы на нем — это своеобразная историческая летопись 1920–30-х гг., которая, как киноплёнка, рассказывает о жизни варненцев в тот исторический период. Фотодокументы — надежные свидетели минувшего. Фотографии, как никакой другой документ истории, лаконично и образно передают атмосферу прошлых лет. Наряду с другими документами фотографии являются равноправным источником информации о любом периоде истории. Они не только дополняют, углубляют, уточняют содержание многих документов и воспоминаний, но и самостоятельно решают важные общественно-политические, культурные и эстетические задачи.

В фотоколлекции варненского музейного архива насчитывается более тридцати тематических фотографий, не считая портретных. Это фотографии, запечатлевшие красногвардейские и красноармейские отряды, первую казачью сотню Катенинской станицы — полка им. Степана Разина.

В вихре событий, рожденных Великим Октябрем, последовавшей Гражданской войной и иностранной интервенцией против молодой Республики Советов, когда решался вопрос, быть или не быть советской власти, утрачены многие документы. Однако Варненскому краеведческому музею повезло — здесь сохранились документы, врученные Султану Якупову реввоенсоветом 1-й Конной армии, — грамота за преданность революции и удостоверение о награждении его именными часами. На обоих документах стоят личные подписи Буденного и Ворошилова¹.

Среди разнообразных материалов, на основании которых мы судим о прошлом, важное место занимают воспоминания людей — участников общественно-политических и иных событий.

Воспоминания — специфический вид документа. Воспоминания — это восприятие прошлого, пропущенные через призму сознания и опыта человека. Несмотря на субъективность изложения событий, оценок деятельности людей воспоминания порой содержат уникальные сведения, отсутствующие в архивах, помогают воссоздать атмосферу, обстановку, в которых проходили «дела давно минувших дней».

Их немного, однако их значимость бесспорна, учитывая масштабы событий. Безусловно, они, не претендуя на исчерпывающую полноту освещения событий, содержат в себе сведения, которые помогают реконструировать их ход.

Вот воспоминания очевидца и участника Гражданской войны Султана Якупова: «Красная Армия, истекая кровью, в неравных боях отступала от белогвардейцев. наших сил было недостаточно. Деревни и села не раз переходили из рук в руки. События времен Гражданской войны носили жестокий, беспощадный характер. Самое ужасное это то, что брат шел против брата, отец против сына, сын против отца, страдали мирное население, простые крестьяне-труженики»². Вот как описывает С. Якупов один из боев: «Еще днем началась артиллерийская подготовка белых. Снаряды рвались на поле. Ночью белые неожиданно напали. Началась перестрелка. Первая атака была отбита, но началась вторая, но и она была отбита с большими потерями для белых, еще несколько раз враг атаковал нас. Но силы были неравны. 17-й полк попал в окружение. Более 70 человек погибло при прорыве кольца. Расчет врага был таков: окружить бригаду и кавалерский полк «Степана Разина». Но бригада все таки осталась боеспособной. 17-й уральский полк с большими потерями по глубокому снегу через лес без дороги пробился и соединился с 89 бригадой... В одном из боев я попал в плен к белым. Раздели, долго били, бросили, считая умершим. В одной нижней одежде босой и весь изуродованный, нашел в себе силы встать и прийти в часть, где служил»³.

Кроме воспоминаний С. Якупов передал в дар музею свою французскую саблю и буденовку, которые прошли с ним всю Гражданскую войну. Теперь они — экспонаты нашего музея.

Война! Она совершенно изменила ритм жизни всей страны, подвергнув всех жителей страшным испытаниям. «Война Гражданская — явление еще более бессмысленное и противоестественное, так как по обе стороны ее фронта оказываются граждане одной страны и даже родственники. Она началась в феврале 1917 года и закончилась ликвидацией последних крупных отрядов басмачей в Средней Азии в начале 30-х годов XX столетия»⁴. Волею судьбы человек может оказаться в водовороте событий, сценарий жизни создает сама судьба, безжалостная и неумолимая, которую невозможно обмануть или перехитрить. «В каком лагере оказался человек — в те годы чаще всего зависело от случайности, реже от идейных убеждений. К примеру, полный Георгиевский кавалер подхорунжий И. М. Чуриков, служивший в сотне подьесаула Н. Д. Каширина, под воздействием речи Н. Томина вступил в его отряд. Его же земляк подхорунжий М. Ф. Безмельницин, также полный Георгиевский кавалер, оказался в рядах противников большевиков и в чине есаула с остатками частей ушел в Китай. Оба они — выходцы из обычных казачьих семей, особым достатком не отличавшихся. А вот судьбы их оказались диаметрально противоположными»⁵. История уходит корнями в далекое прошлое, именно там, в лабиринтах событий давно минувших лет, придется найти ответы на множество вопросов. «Новый 20 век стал временем тяжелых испытаний. Две изнурительные войны и последовавшие за ними революции

не прошли бесследно. Взрослые, не знавшие прежде политических распри казаки оказались по разные стороны баррикад. Гражданская война унесла жизни нескольких миллионов граждан России. Понесла невосполнимые потери одна из многих станиц Оренбургского казачьего войска Варненская. В двадцатом веке казаки принимали участие в двух войнах — Русско-японской и Первой мировой. Сражались варненцы храбро. За время войны в поселок не пришло ни одного известия о предательстве и дезертирстве казаков с поля боя. Многие казаки были награждены Георгиевскими крестами и медалями “За храбрость”⁶.

Весть об отречении Николая II от престола и падении самодержавия казаки восприняли настороженно и неоднозначно. Они считали своим долгом верой и правдой служить Отечеству, поэтому известие о революционных событиях ошеломило многих. Казаки были не готовы к такому повороту событий. «Политическая борьба за влияние в среде казачества начала давать первые результаты. К осени 1917 года в станицах, началось брожение, и стала складываться оппозиция войсковому атаману и правительству. Начался раскол в казачьей общине. Часть казаков, протестуя против перехода власти в руки советов, с оружием в руках выступила против большевиков, а большинство заняло позицию нейтралитета. Казаки оказались не готовы к вооруженной борьбе со своими вчерашними братьями по оружию — солдатами русской армии, перешедшими на сторону новой власти»⁷.

Сообщение о победе социалистической революции с невероятной быстротой разнеслась по всей многострадальной стране. На местах большевики возглавили борьбу за власть Советов. «Создаются советы в с. Бородиновка, Катенино, Лейпциг, Кулевчи. Провозглашается советская власть. Весной 1918 г. положение молодой советской республики резко осложнилось в связи с Чехословацким мятежом. За несколько дней мятеж охватил огромную территорию от Волги до дальнего Востока и представлял главную опасность для молодой советской республики. В течение нескольких дней сформировали первый Оренбургский казачий полк им. С. Разина. Казаки многих поселков в т. ч. Катенино, Кулевчей, Бородиновки, Лейпцига, сформировали отряды для защиты своей власти. Так, в поселке Катенино В. И. Шумских и Морозов В. сформировали первую красноказачью сотню, которая вошла в состав 1-го Оренбургского казачьего войска им. С. Разина. В составе Уральской партизанской армии В. К. Блюхера эта сотня прошла многие сотни верст в боях с белогвардейскими частями»⁸.

Вернувшись, домой, красноармейцы активно включились в создание Советов. К работе по привлечению на сторону советской власти активно приступили все красные партизаны.

Историю творят личности. Это еще раз подтверждают собранные в нашем музее фотографии, материалы, посвященные людям, чьи судьбы настолько тесно переплетены с историей нашего района, что по их жизням можно изучать саму историю.

Многие варненцы героически сражались в годы Гражданской войны, являя собой пример героизма и стойкости. Активными участниками революционных событий 1917 г. и Гражданской войны были: Алексей Кузьмич Власов, моряк Балтийского флота, защищавший революционный Петроград от нашествия белых банд Юденича, принимавший участие в подавлении белогвардейского мятежа в Кронштадте в 1921 г.; Тимофей Михайлович Пятин, боец 1-й Конной армии Буденного и Ворошилова, участник разгрома армии Деникина и панской Польши; Никита Ионович Нагашевский, кавалерист Киевского корпуса Червоного казначейства; Рахимьян Исмагилович Рахмангулов, кавалерист, участник похода против белополяков; Петр Павлович Самохин, участник боев с басмачами; Петр Захарович Воробьев, матрос легендарного крейсера «Аврора»; Бадчи Фатхутдинович Мусин, кавалерист, сражавшийся против белополяков, и др. Все эти люди, прошедшие горнило Первой мировой войны, революции и отстаивавшие советскую власть в огне Гражданской войны, навсегда останутся в памяти варненцев, ведь их имена увековечены в бронзе, граните, мраморе обелисков, скульптур и мемориальных досок, в названиях улиц.

Примечания

¹ Архив Варненского краеведческого музея им. В. И. Савина.

² Там же.

³ Там же.

⁴ *Кобзов В. С.* Варна сквозь призму времени. Екатеринбург : Сократ, 2013. С. 276.

⁵ Там же. С. 276.

⁶ Там же. С. 284.

⁷ Там же. С. 286.

⁸ Там же. С. 287.

И. Б. Третьякова

ОТГОЛОСКИ ЭПОХИ. ИЗУЧАЯ ФОНДЫ ВЕРХНЕУФАЛЕЙСКОГО МУЗЕЯ

1917 год... Всего сто лет, ведь все мы прекрасно знаем, что по шкале бесконечного времени это малая доля миллисекунды...

Целых сто лет! Век человеческий краток, крайне редко человек доживает до своего столетия...

Но все-таки я скажу — уже целых сто лет прошло с того момента, как жизнь великой России кардинально изменилась. Не мне судить, в какую именно сторону — худшую или лучшую. Не совсем понятны рассуждения об альтернативных витках истории: а если бы так или вот так... Мы, сотрудники музеев, принимаем историю такой, какая она есть, накапливая ее и сохраняя для будущих поколений.

Родной мой город Верхний Уфалей сто лет назад был заводским поселком. Как встретил он переломный момент? Вот какие воспоминания старожил о великом переломе приводит в своей книге «Завод на речке Уфалей» краевед и моя коллега Валентина Черных: «Свобода! С красными флагами, хоругвями, иконами после отслуженного по этому случаю молебна пришло на предзаводскую площадь население Верхнего Уфалея. Наскоро сколотили из чего попало трибуну и открыли митинг. Каждого оратора встречали криками “Ура!”. И все — от кадета до рабочего-большевика — заканчивали свою речь словами: “Власть — наша! Все теперь наше! Теперь мы — хозяева! Заживем, товарищи!”»¹

Как нельзя лучше иллюстрирует этот момент фотография из фондов музея. В толчее людей виднеются показательные лозунги: «Честь и слава революции!», «Да здравствует свободная Россия!», «Слава павшим за свободу борцам!» и т. д.

Какие еще музейные предметы и исторические источники, относящиеся к 1917 г., имеются в обширных фондах историко-краеведческого музея? Оказалось, что в основном это печатные издания различного характера: периодика тех лет, агитационные листовки, избирательный бюллетень, фотографии. Давайте знакомиться с ними вместе.

Я нашла взаимосвязь между тремя источниками сразу — главой из книги по истории Верхнего Уфалея, агитационной листовкой и избирательным бюллетенем.

Цитата: «Партия эсеров широко распахнула двери для всех желающих без ограничения. В нее вступали целыми полками, деревнями, заводами... Эсеры завоевали прочные позиции в деревне благодаря лозунгу “Земля и воля”, привлекательной

Молебен во славу Временного правительства.
Март 1917 г.

аграрной программе... Эсеры заняли видные посты в городах... С. И. Бондарев — председателем Пермского губернского Совета крестьянских депутатов, С. К. Тарабукин — председателем Екатеринбургского областного Совета крестьянских депутатов»².

Рассмотрим два подлинника — агит-листовку и избирательный бюллетень партии социалистов-революционеров, выпущенные к выборам в Учредительное собрание в Пермской губернии.

Историческая справка: в подготовке к выборам в Учредительное собрание 1917 г. участвовали представители всех существующих на то время партий и всевозможных объединений. В типографиях изготавливались большие тиражи литературы, листовок, агитационных плакатов. На улицах проводились опросы населения. Также проходили различные выступления с целью познакомить народ с политикой той или иной партии. Мероприятие обещало быть демократичным — чего ранее не было в Российской империи. Избирателем мог стать любой гражданин в возрасте от 20 лет либо человек, проходящий службу в армии (от 18 лет). Также в выборах могли участвовать женщины. Выборы в Учредительное собрание 1917 г. проходили в нескольких избирательных округах, на которые была разделена страна. Квота выделялась из расчета один депутат на двести тысяч человек. Исключение составила Сибирь (один депутат на сто семьдесят девять тысяч человек). Выборы состоялись в ноябре. При подсчете результатов оказалось, что лидировали эсеры, набравшие около 50 % голосов. На втором месте были большевики (не более 25 %). На нижних местах были меньшевики и кадеты. Всего проголосовало около 44,5 миллиона человек.

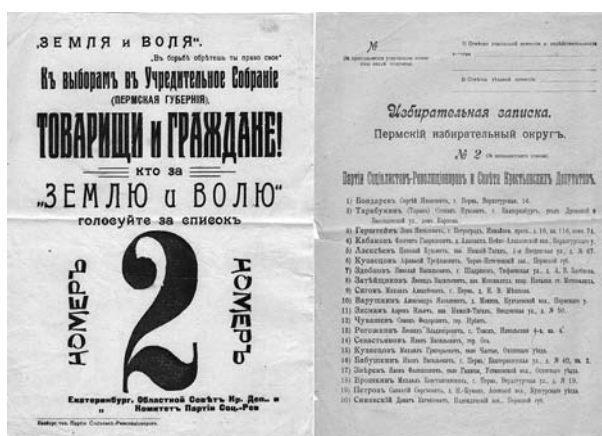
На первой листовке сразу в глаза бросается уже знакомый лозунг эсеров — «Земля и воля», а в бюллетене в списке кандидатов на избрание — вышеупомянутые Бондарев и Тарабукин. Прослеживается первоначальный политический успех партии социалистов-революционеров.

Для дальнейших исследований или создания лекции эти три взаимодополняющих источника очень показательны!

Обратимся к следующему источнику. В уездном городе Екатеринбурге Пермской губернии (именно к этому уезду относился Верхнеуфалейский завод) в преддверии революционных событий выходило около десятка газет и журналов. Общественно-политической и отчасти литературной газетой, выходящей с 1912 по 1918 г., был «Зауральский край». Газета выходила ежедневно и стоила шесть копеек в розницу³.

В Верхнем Уфалее активно выписывали множество периодических изданий, не стал исключением и «Зауральский край». К сожалению, в фондах музея сохранился только один номер этой газеты — от 9 января 1916 г. Изучив досконально всю периодику 1916–1918 гг., которая хранится в музее, я увидела интересную тенденцию: в довольно спокойном 1916 г. на страницах прессы можно наблюдать массу объявлений рекламного характера: «...технические конторы и мастерские, ковры братьев Агафуровых, железо Сергинско-Уфалейских горных заводов, оптика, часы, золото и серебро, массаж, услуги няни, изготовление кошельков и бумажников, дамское белье, паровые котлы, недвижимость, страхование от несчастных случаев — все это и многое другое соседствовало друг с другом на страницах газет, производя впечатление небывалого экономического роста. В городе работало более 50 одних только промышленных предприятий»⁴.

Судя по рекламе, накануне Февральской революции жителей Екатеринбургского уезда больше всего беспокоила зубная боль. Вспоминая закон о спресе и предложении,

Агитационные материалы партии эсеров

уже не удивляешься, что в газетах размещены объявления около двух десятков стоматологов.

Далее листаем издание Московского союза потребителей обществ «Общее дело» (№ 5–6 за 1917 г.). В нем множество статей просветительского содержания: «Свобода», «Какъ пало самодержавіе», «Свободному народу», «Смѣло, товарищи, въ ногу», «Революція и рабочий класс» и т. п. Приведены тексты революционных песен — видимо, еще не все знали их наизусть. И, что интересно, ни одного рекламного объявления!

Историческая справка: с первых дней существования советской власти начался процесс национализации. 25 октября 1917 г. был принят Декрет о земле, объявивший ее общенародной собственностью. 14 декабря 1917 г. подписан первый декрет о национализации ряда частных промышленных предприятий. Банковское дело объявлялось монополией государства. Позднее были национализированы торговый флот, внешняя торговля. По декрету о национализации всех крупных предприятий (июнь 1918) национализировали более трех тысяч предприятий. Крупное российское предпринимательство практически перестало существовать. У частного капитала пока оставались торговля, малые и часть средних промышленных предприятий. В 1918 г. предпринимательство было запрещено под страхом смертной казни. К 1920 г. физически истреблены или оказались в вынужденной эмиграции более ста тысяч предпринимателей. В марте 1921 г. десятый съезд партии провозгласил переход к новой экономической политике (нэпу). В период нэпа были возрождены некоторые элементы предпринимательской деятельности, достигнуты существенные экономические результаты. Однако по мере своего развития мелкое производство могло превратиться в среднее и крупное, которое могло оказать заметное влияние на экономику. Этого политическая власть допустить не могла. Система налогообложения и государственного контроля, ожесточавшаяся по мере развития предпринимательства, привела к укрупнению частного капитала. В начале 1930-х гг. частное предпринимательство практически перестало существовать в законных формах.

И для сравнения — ежедневная газета «Известия» (№ 115 от 22 июня 1918 г.). Опубликована масса приказов и распоряжений, постановлений различных комиссариатов. Например: «Комиссариатом Просвещения г. Екатеринбурга произведена посадка в огородах для снабжения учебных заведений в настоящем учебном году дешевыми продуктами для горячих завтраков нуждающимся ученикам... ...считает необходимым привлечь учащихся учебных заведений к работе по поливке и уходу за огородами, что дает значительную экономию и будет соответствовать новым задачам школ». Или: «От Областного Комиссариата по Военным делам. Артиллерийские курсы Красной Армии с 10 июня переводятся в г. Пермь. Открыт прием на младшую очередь. Просят советские и народные организации посылать на курсы достойных товарищей, не считаясь всецело с их боевой практикой и специальностью. Условия содержания равные с членами Красной Армии».

Издание «Зауральский край» (Екатеринбург). 1916 г.

Издание «Общее дело» (Москва). 1917 г.

Но одно, по-видимому, обыденное, а от этого еще более ужасающее объявление нашла я в скромном уголке четвертой полосы: «Желаю отдать в дети девочку двух недель здоровую крещеную узнуть Малаховская 6 кв. 2» (орфография и пунктуация сохранены). Что же стало с тобой, дитя революции?

Отмечу тот факт, что в печатных изданиях 1918 г. уже не встретишь таких букв русского алфавита, как «і», «ѣ» и других. Революция стала вездесущей, кардинально изменив все сферы российского общества.

Историческая справка: ко времени Октябрьской революции из букв, не нужных для передачи русской речи, в русском алфавите все еще оставалось четыре — десятиричное «и» («и с точкой»), «фита», «ижица» и особенно осложнявшая обучение грамоте буква «ять».

Все эти буквы были окончательно упразднены советской реформой 1917–1918 гг. Практическая реализация реформы началась в школах в самом начале 1918 г. Для средств массовой информации и государственных учреждений основополагающим стал декрет от 10 октября 1918 г., согласно которому на официальном уровне из русского алфавита навсегда были исключены буквы і, «ять» и «фита». Им на замену пришли соответственно И, Е и Ф.

Кроме этих букв реформа коснулась твердого знака (Ъ), который исключался при написании в конце слова, а также в частях сложных слов. В алфавите он сохранил функцию разделительного знака. Любопытно отметить, что требования реформы правописания не распространялись на довольно редкую букву «ижица», которая уже практически не использовалась в русском алфавите, но после проведения реформы она также исчезла из употребления навсегда.

Передо мной автобиография Василия Алексеевича Афанасьева, родившегося в 1885 г. в Нижнеуфалейском заводе, участника Первой мировой войны, члена коммунистической партии с 1917 г., персонального пенсионера... Интересна она тем, что автор подробно описывает момент, когда русские войска узнали о революции: «01 марта 1917 года был поднят весь Лужский военный гарнизон, вышли все воинские части на улицу, с оружием в руках, собрались около станции выступавшие представители приехавшие из г. Петрограда. Создан был орган Совет Рабочих и Солдатских депутатов. В тот же вечер стало известно что с фронта движутся эшелоны с войсками на Петроград, нашей задачей стало, во что бы то не стало задержать, не пропустить эшелоны, что и удалось проделать, ни один эшелон не прошел. В конце августа 1917 г. так же не были пропущены эшелоны с казачьим отрядом под командой генерала Крылова, который и был арестован»⁵ (авторские орфография и пунктуация сохранены).

Неведомо какими путями попала в Верхний Уфалей листовка из Томска, судя по

Фрагмент издания «Известия»
(Екатеринбург). 1918 г.

Василий Алексеевич Афанасьев
(в центре). Литва, 1916 г.

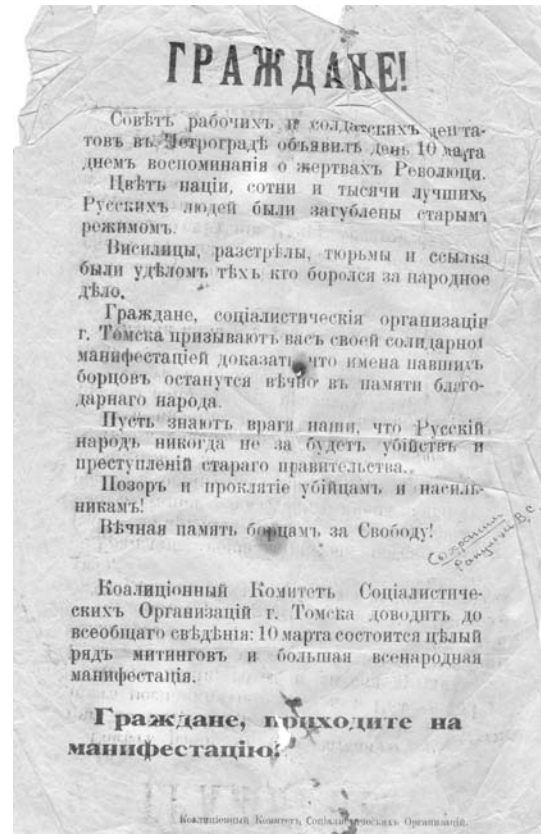

наличию в тексте «исчезнувших» букв, изданная в 1917 г. Напечатана она на очень тонкой (тоньше кальки) бумаге, но, несмотря на столетний возраст, сохранилась достаточно хорошо. Интересна рукописная надпись на правом поле: «Сохраним. Ракульцев В. С.». Кратко, по существу. Кто этот Ракульцев В. С., установить не удалось. Почему-то мне кажется, что это указание родным или потомкам активного участника революционных событий, для которого подобные листовки — не исторический артефакт, а спутник реальных событий из жизни...

Пусть немного, но есть в наших фондах и фотографии тех лет. Для тех, кто изучает историю развития железнодорожного сообщения на Урале, будет интересна фотография первого паровоза, прибывшего из Екатеринбурга после освобождения Верхнего Уфалея от белых. Конечно, снимок сделан в 1918 г., но вряд ли внешний вид железнодорожников-революционеров и их паровых машин кардинально изменился за столь короткий срок.

В продолжение темы — следующая фотография. На групповом портрете — члены Уфалейского Совета железнодорожных депутатов. Фотография датирована 1917 г. Известны фамилии почти всех изображенных на ней, в честь некоторых из них названы улицы Верхнего Уфалея: во втором сверху ряду четвертый слева — Николай Федорович Широков, погибший в бою у моста через реку Зюзелгу в 1918 г.; в третьем сверху ряду также четвертый — Алексей Михайлович Бабиков, председатель совета, расстрелянный белыми 7 июля 1918 г. на станции Сысерть; в нижнем ряду второй слева — Иван Павлович Сурков, которого восставшие белочехи сначала пытали, а потом расстреляли. Сама фотография особо ценной информации для неуфалейцев не несет, чего нельзя сказать об еще одном экземпляре этого снимка. На нем все те же персонажи, но у двоих — репрессированных позднее Ивана Степановича Пантелеева и Андрея Кузьмича Старожилова — вытравлены лица. В 1930-е гг., когда репрессивная политика СССР набрала бешеные обороты, много лиц на фотографиях было вытравлено, многие переписки уничтожены, многие близкие и родные вычеркнуты из памяти, многие ярые революционеры вдруг оказались врагами народа...

Конечно, это еще не все революционные раритеты из нашего фондохранилища. Много повторяется, многое не имеет названия, точных датировок, ведь, как я писала в начале статьи, целых сто лет прошло: давно ушли из жизни участники или свидетели тех грандиозных событий, многое забыто, переписано, искажено.

Листовка-призыв. Томск, 1917 г.

Прибытие первого паровоза из Екатеринбурга после освобождения Верхнего Уфалея от белых. 1918 г.

В фондах Верхнеуфалейского музея нет броневиков, пулеметов «Максим» или печатных станков для производства запрещенной литературы, то есть распространенных атрибутов русской революции, но имеющие исторические источники — письма, печатные издания, фотографии, воспоминания — не менее ценны для нас, сотрудников музея и, несомненно, для сохранения истории города, области, страны. Изучая эти материалы и подлинники, можно значительно обогатить свои представления о революции 1917 г., дополнить картину событий тонкими нюансами и жизненными ситуациями ушедшей эпохи, открыть новые, присущие только Уралу особенности смены политического строя, наконец, поразиться мужеству и стойкости русского характера и «заболеть» этим периодом в истории России навсегда!

Примечания

¹ Черных В. А. Завод на речке Уфалей. От завода — до города. Челябинск, 2013. С. 15.

² Там же. С. 13.

³ Смирнов А. Сто лет революции: чем жил Урал на пороге катастрофы // Аргументы и факты. 2017. № 8. С. 34.

⁴ Там же.

⁵ Автобиография В. А. Афанасьева // Фонды МБУК ВГО «Историко-краеведческий музей». НВ 145/3. С. 3.

Совет железнодорожных депутатов станции Уфалей. 1917 г.

*То же фото, но видны следы уничтожения лиц репрессированных в 1930-е гг.
И. С. Пантелева и А. К. Старожилова*

В. Б. Феркель, Е. С. Меньшенина

ФОРМИРОВАНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О СОБЫТИЯХ 1903–1919 ГОДОВ

О событиях начала прошлого века сегодня нам постоянно напоминают мемориальные и аннотационные доски и памятники. Мы редко обращаем на них внимание, считая частью городского пейзажа. Но внимательное прочтение информации на досках и надписей на памятниках дает очень много информации к размышлению.

Особенность революционных событий и их последствий в провинции, вероятно, заключается в их неодномоментности с событиями в столицах. Так, рассматривая события революций 1917 г., трудно обойти стороной факты, связанные с революцией 1905–1907 гг. К тому же с провозглашением советской власти в ноябре 1917 г. революционные события не закончились. Последовавшее восстание Чехословацкого корпуса, приход войск Колчака отодвинули окончательную победу новой власти на Южном Урале к концу июля 1919 г. Исходя из этого, мы будем рассматривать мемориальные объекты, связанные с событиями 1903–1919 гг.

Второе соображение связано с тем, что точками роста революционных настроений были три основных места сосредоточения пролетариата: Челябинское паровозное депо Транссибирской магистрали, завод «Столь и К°», Челябинские угольные копи. Поэтому при анализе мы решили объединить мемориальные объекты, размещенные в Челябинске и Копейске.

Всего было выявлено 87 мемориальных объектов, относящихся к теме исследования. В их числе 55 мемориальных и аннотационных досок и 32 памятника. При этом некоторые объекты сохранились только на фотографиях, увидеть их на улицах не удастся.

Для начала есть смысл разделить объекты на связанные с событиями исследуемого исторического периода и на посвященные героям и участникам этих событий.

Выстроим первые в хронологическом порядке и представим данные в виде таблиц.

Памятные доски, связанные с событиями первой русской революции

Текст на мемориальной доске	Место размещения
Здесь, в паровозном депо станции Челябинск, с 1903 по 1919 год находился основной центр революционной деятельности челябинских рабочих	Челябинск, ул. Красноармейская, 101, территория локомотивного депо станции Челябинск
Здесь 22 августа 1905 года состоялось нелегальное заседание партийного комитета, которым руководил Яков Михайлович Свердлов, и была конспиративная квартира Челябинского комитета РСДРП (большевиков)	Челябинск, ул. Васенко, 12, административное здание на углу ул. Васенко и Труда
Здесь в 1905 году помещался стачечный комитет, руководивший забастовкой рабочих города Челябинска в период всеобщей Всероссийской Октябрьской политической забастовки	Челябинск, ул. Свободы, 179, здание клуба железнодорожников им. В. И. Ленина

Окончание таблицы

Текст на мемориальной доске	Место размещения
1905. На этой площади в дни декабрьского вооруженного восстания 1905 года стачечный комитет во главе с Романом Пивкиным проводил митинги и демонстрации железнодорожников Челябинска	Челябинск, ул. Российская, 295, здание вычислительного центра АО «РЖД»
Здесь, в сосновом бору, в 1906–1908 гг. челябинские большевики проводили первые маевки рабочих	Челябинск, ул. Коммуны, 122/1, ЦПКиО им. Ю. А. Гагарина
В этом доме 7 октября 1907 года состоялась первая конференция членов РСДРП города Челябинска	Челябинск, ул. Береговая, 97, жилой дом

Из шести памятных досок сохранились лишь две — рассказывающие о проведении митингов и демонстраций железнодорожников и маевок. Остальные доски были демонтированы в процессе сноса или ремонта фасадов зданий, на которых они были установлены.

Памятные доски, связанные с событиями Октябрьской революции и Гражданской войны

Текст на мемориальной доске	Место размещения
В этом доме была образована Челябинская организация РСДРП(б) и избран первый городской комитет [19 марта 1917]	Челябинск, ул. Свободы, 179, здание клуба железнодорожников им. В. И. Ленина
Здесь в ноябре 1917 г. Челябинский комитет РСДРП /б/ принял постановление о вооруженном восстании и установлении в г. Челябинске Советской власти	Челябинск, ул. Труда, 66, административное здание
Здесь 20 ноября 1917 года был расквартирован сводный отряд самарских, сызранских и уфимских революционных рабочих и красногвардейцев. Отряд оказал содействие в установлении Советской власти в г. Челябинске	Челябинск, Свердловский пр., 28/2, здание клуба ЧВВАКИУ
Здесь 20 ноября 1917 года Челябинский Совет рабочих и солдатских депутатов принял постановление о переходе власти в городе (гор.) Челябинске и его окрестностях в руки Советов	Челябинск, ул. Кирова, 116, здание Народного дома
Здесь в ноябре-декабре 1917 года находился Челябинский городской комитет РСДРП (большевиков) и революционный штаб охраны города	Челябинск, ул. Труда, 88, административное здание
В этом здании в 1917–1918 годах помещался первый Совет рабочих, крестьянских и казачьих депутатов и штаб красногвардейских отрядов Северных копей	Копейск, пос. Северный Рудник, административное здание Северного рудника Кыштымских копей
В этом здании в 1917–1918 годах помещался штаб шахтерских красногвардейских отрядов, руководивших борьбой с белоказаками-дутовцами	Копейск, ул. Меховова, 1а (поселок РМЗ), здание заводууправления РМЗ
Здесь, в железнодорожных мастерских, 7 ноября 1918 года в условиях подполья и жесткой тирании белогвардейщины проведена однодневная политическая забастовка рабочих в честь первой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции	Челябинск, ул. Красноармейская, 101, здание локомотивного депо
Здесь, в вагонных мастерских, в 1917–1920 годах помещался штаб Красной Гвардии железнодорожного узла во главе с т. Евтеевым В. И. В этом помещении хранилось оружие Красной Гвардии, проходили собрания и митинги рабочих-революционеров	Челябинск, ул. Российская, 293/1, здание пассажирского депо АО «РЖД»
Здесь, на площади Восставших, в 1917–1920 гг. собирались боевые отряды Красной гвардии, проводились митинги и собрания рабочих железнодорожного узла	Челябинск, ул. Цвиллинга, 81, здание бывшего кинотеатра им. XXX-летия ВЛКСМ (восстановлен)
В этом доме во время колчаковщины в 1918–1919 гг. помещалась подпольная типография Челябинской большевистской организации	Челябинск, ул. 8 Марта, 51 / 1 Мая, 114 (бывшие Преображенская и Горшечные ряды), частный дом

Окончание таблицы

Текст на мемориальной доске	Место размещения
Здесь 7 марта 1918 г. при разоружении эшелона белогвардейцев погиб командир Копейского отряда Красной гвардии Меховов Михаил Федорович, кавалер Георгиевских крестов трех степеней	Челябинск, ст. Шершни, ул. Корабельная, 6/1, здание станции
Утром 24 июля 1919 года 242 Волжский полк и часть 243 Петроградского полка 27 дивизии под командованием героя Гражданской войны Степана Сергеевича Вострецова вступили в Челябинск и освободили город от белых банд	Челябинск, Привокзальная пл., 1/3, здание старого железнодорожного вокзала станции Челябинск
Постановлением Президиума ЦИКа Союза ССР от 2 января 1925 года награжден орденом Красного Знамени коллектив рабочих Челябинских угольных копей за помощь, оказанную Красной Армии 24 июля 1919 года при занятии г. Челябинска, когда в трудный момент рабочие влились в ряды Красной Армии и, презирая смерть, с пением «Интернационала» бросились в бой и тем помогли Красной Армии отстоять важный узловой пункт — г. Челябинск	Копейск, пл. Красных Партизан, трибуна-памятник В. И. Ленину
На этом месте стоял дом, в котором в 1919 году размещался политотдел 5-й красной армии. Заведующим иностранной секцией политотдела работал член РКП(б), известный чешский писатель Ярослав Гашек	Челябинск, ул. Тимирязева, 41, жилой дом
1918–1968. В этом здании 8 августа 1919 года состоялось организационное собрание комсомольцев Челябинска. Был избран первый городской комитет РКСМ	Челябинск, ул. Коммуны, 68 / Васенко, 41, административное здание

Из шестнадцати мемориальных досок сохранилось десять, при этом две были демонтированы и позже восстановлены на прежнем месте.

Рассмотрев персоналии участников революционных событий и Гражданской войны, мы обнаружили, что в Челябинске и Копейске на улицах имени героев установлены аннотационные доски, но в Челябинске на досках указано: «Улица названа в честь...», а в Копейске приведено имя и краткая биография героя. Отметим, что политических деятелей всероссийского масштаба (М. И. Калинин, С. М. Киров, В. И. Ленин, И. В. Сталин), чье пребывание в Челябинске отмечено на памятных досках и увековечено в памятниках, мы не рассматривали.

Персональные памятные доски (включая аннотационные) и памятники, посвященные героям революции и Гражданской войны

Герой исторических событий	Количество	
	досок	памятников
Агалаков Алексей Семенович	1	—
Белостоцкий Иван Степанович	2	—
Блюхер Василий Константинович	3	—
Бойко Яков Андреевич	1	1
Бойцов Дмитрий Авксентьевич	—	1
Болейко Михаил Андреевич	1	—
Васенко Евдоким Лукьянович	3	—
Веденев Николай Петрович	1	—
Вострецов Степан Сергеевич	1	—
Гашек Ярослав	1	—
Гербанов (Грбанов) Михаил Любомирович	1	—
Гозиосский Шмуль Израилевич	1	—
Голубцов Степан Викторович	1	1
Гольц Леопольд Фридрихович	1	1
Горелов Федор Яковлевич	1	—

Окончание таблицы

Герой исторических событий	Количество	
	досок	памятников
Грязнов Петр Андреевич	1	—
Евтеев Василий Ильич	1	—
Екимов Василий Яковлевич	1	1
Елькин Абрам Яковлевич	1	—
Елькин Соломон Яковлевич	2	—
Завалишин Александр Иванович	1	—
Затеев Николай Ильич	—	1
Каляев Василий Федорович	1	—
Карабанов Маркел Васильевич	1	—
Касьянов Дмитрий Семенович	1	—
Колющенко Дмитрий Васильевич	3	—
Костяновская Маргарита Александровна	1	—
Кривая Софья Авсеевна	2	—
Кудрявцев Дмитрий Дмитриевич	1	—
Лепешков Леонтий Романович	1	—
Мальшев И. М.	1	—
Меховов Михаил Федорович	3	1
Могильников Владимир Иванович	1	—
Монаков Константин Андреевич	1	—
Орешкин Тимофей Матвеевич	1	—
Пивкин Роман Матвеевич	2	—
Рогалев Константин Михайлович	—	1
Розановский Федор Яковлевич	—	1
Рындин Кузьма Васильевич	1	—
Свердлов Яков Михайлович	2	—
Сутягин Григорий Васильевич	1	1
Тряскин Петр Николаевич	1	—
Цвиллинг Самуил Моисеевич	2	3
Чопш Эмилий Михайлович	1	—
Чупин Яков Ильич	1	—
Шадымов Иван Иванович	1	—

Всего на изученных объектах зафиксирована память о 46 героях, из которых 11 удостоены персональных памятников (бюстов). Наибольшее количество памятных объектов посвящено С. М. Цвиллингу. Из трех посвященных ему памятников один к настоящему времени демонтирован. Четыре объекта связаны с именем М. Ф. Меховова (две доски, памятник и упоминание в списке на братской могиле). Трижды упоминаются В. К. Блюхер, Е. Л. Васенко, Д. В. Колющенко.

Теперь об общих памятниках. В их состав мы включили закладной камень на площади Павших революционеров и аннотационную доску на улице 60-летия Октябрьской революции.

Памятники, посвященные событиям революций и Гражданской войны

Памятный объект (памятник, закладной камень, аннотационная доска), надпись	Место размещения
Аллея героев Гражданской войны	Копейск, пл. Красных Партизан
Борцам Революции – коммунистам-подпольщикам Челябинкопей Борцам Революции – комсомол Копейска, 1967 г.	Копейск, ул. Борьбы, около Дворца культуры угольщиков
В память павших в боях за нашу советскую Родину (1917–1945)	Копейск, с. Калачево, ул. Южная, 8а
Вы похоронены здесь – рыцари революции, освободители Челябинска в грозном девятнадцатом году, – и мы помним вас вечно, с любовью и преклонением	Челябинск, пос. Фатеевка, ул. 2-я Краснохолмская, 1, территория за домом
Здесь, на площади Павших революционеров, будет сооружен памятник борцам за Советскую власть в городе Челябинске	Челябинск, ул. Труда / ул. Российская, площадь Павших Революционеров, рядом с Белыми казармами
Красногвардейцам-шахтерам Обелиск перезахороненных с площади Красных могил	Копейск, пос. Горняк, Центральное кладбище
Монумент труду	Челябинск, Копейское ш., 5а, рядом с дворцом спорта «Торпедо» ЧКПЗ
На новый путь	Челябинск, ул. Свободы, 163 / ул. Российская, 270, сквер в месте пересечения улиц
Некрополь на пл. Революции	Челябинск, пл. Революции, напротив Народного дома
Освобожденный труд	Челябинск, ул. Цвиллинга, 81, за зданием кинотеатра имени XXX-летия ВЛКСМ, рядом с типографией «Транспорт»
Орленок. Комсомольцам – героям Октябрьской революции и Гражданской войны на Урале. Установлен комсомольцами и молодежью Советского района города Челябинска в день 40-летия ВЛКСМ 29 октября 1958 г.	Челябинск, Алое поле, перекресток пр. Ленина и ул. Красной
Памятник летчику	Челябинск, пр. Ленина, 49 а
Сквер Павших героев. В честь рабочих-шахтеров г. Копейска, героически сражавшихся и погибших в боях за Советскую власть в годы Гражданской войны	Копейск, пл. Красных Партизан, сквер Павших героев
Триумфальная арка, сооруженная в честь героев Гражданской войны (1957 год)	Копейск, пл. Красных Партизан
Улица названа в честь 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции	Челябинск, ул. 60-летия Октября, 1 / ул. Сталеваров, 26, жилой дом
Чехословакам, павшим в боях за Родину. Вечная память павшим героям. 1918	Челябинск, Казанско-Богородицкое кладбище (нынешняя территория, ограниченная ул. Свободы, Плеханова, Цвиллинга и пр. Ленина)
Чехословацким legionерам, павшим на пути к свободной родине 10.05.1918 – 17.05.1919	Челябинск, Привокзальная пл., аллея напротив старого железнодорожного вокзала

Всего выявлено 17 общих памятников, четыре из них ныне не существуют.

Таким образом, можно сделать вывод, что память о событиях Октябрьской революции (Февральская революция 1917 г. отражения не нашла) и Гражданской войны в мемориальных объектах Челябинска и Копейска сохраняется, хотя целый ряд объектов утрачен. Основной причиной утрат является использование недолговечных материалов, необходимость сноса ветхих и реконструкция имеющихся зданий.

ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ СОБЫТИЙ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ПРИМЕРЕ КАРТЫ ПАМЯТНЫХ МЕСТ УСТЬ-КАТАВА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ, СОСТАВЛЕННОЙ В 1980 ГОДУ КРАЕВЕДОМ П. И. БИЕВЫМ

С момента создания Усть-Катавский музей активно участвует в документировании исторических событий революционного периода и Гражданской войны, которые происходили на территории нынешнего Усть-Катавского городского округа.

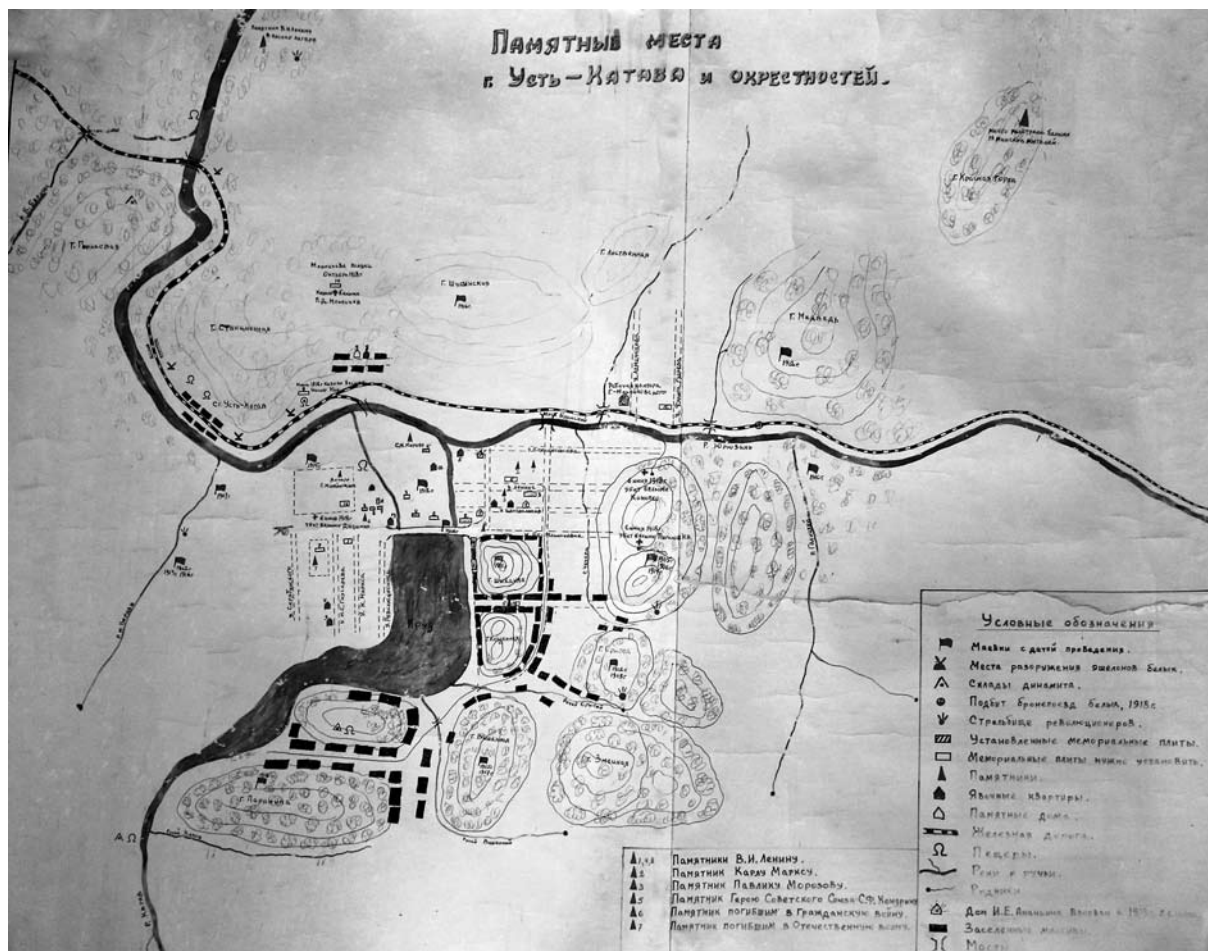
Усть-Катав оказался в центре революционной борьбы и Гражданской войны на Урале. В середине марта 1917 г. в поселке Усть-Катавском был создан Совет рабочих депутатов, а 5 апреля 1917 г. официально учреждена Усть-Катавская организация РСДРП. Уже к осени того же года в партии состоял 761 человек (при общей численности заводских работников 2800 человек). В борьбе за советскую власть на Южном Урале значительный вклад внесла Красная гвардия, которая, в частности, участвовала в подавлении восстания атамана А. И. Дутова.

6 июля 1918 г. Усть-Катав был захвачен белочехами. 4–6 июля 1919 г. за Усть-Катав между наступавшей Красной армией и колчаковцами развернулись бои, которые завершились к 7 июля 1919 г. — красногвардейцы заняли железнодорожную станцию Усть-Катав и поселок.

В фондах музея находится большое количество архивного материала — документов, предметов, воспоминаний очевидцев и участников событий начала XX в. Общее количество материалов, относящихся к революционному периоду и Гражданской войне, составляет несколько сотен единиц¹. Одним из таких материалов является карта памятных мест Усть-Катава и его окрестностей. Она была составлена в 1980 г. местным краеведом, инженером и художником П. И. Биевым по материалам И. М. Киселева — краеведа, организатора и первого директора музея при Дворце культуры вагоностроительного завода, и хранится в фондах историко-краеведческого музея города Усть-Катава.

Павел Иванович Биев занимался исследованием Усть-Катава и вагоностроительного завода, принимал участие в работе Южно-Уральской экспедиции (1937–1939), организованной Институтом истории материальной культуры АН СССР и областным Челябинским музеем². А в 1967 г. он совместно с А. П. Белостровым и Н. П. Петровым на берегу реки Минки нашел бивень мамонта длиной 2,7 метра и весом около 80 килограммов.

Карта представляет собой немасштабный схематичный план города и его ближайших окрестностей, на котором обозначены достопримечательные места, относящиеся к различным историческим событиям. В том числе она отражает картину событий, которые произошли в революционный период и Гражданскую войну. В частности, на ней отмечены 14 мест маевков, проводившихся революционерами в городе и его окрестностях с 1902 по 1916 г., явочные квартиры (например дом Прохорова) и стрельбища революционеров, места разоружения эшелонов белых и уничтожения бронепоезда белогвардейцев, склады динамита в Большой Усть-Катавской (Хаповой) пещере, в пещере на Паранинской горе и на Пороховой горе, а также памятники и мемориальные плиты, памятные здания.

Карта памятных мест Усть-Катава и его окрестностей, составленная в 1980 году местным краеведом инженером и художником П. И. Биевым

Явочная квартира (дом Прохорова)

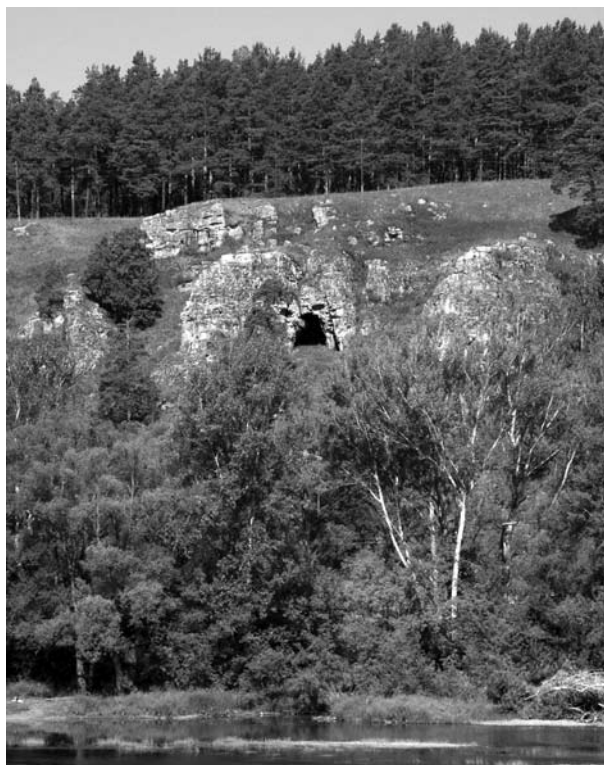

Петр Дмитриевич Мохначев

Например, показана Мохначева поляна, которая получила свое название после казни белыми на ней П. Д. Мохначева. Петр Дмитриевич Мохначев — рабочий Усть-Катавского завода, красногвардеец. Входил в состав штаба и участвовал в боевых действиях отрядов Красной гвардии Усть-Катава. В 1918 г. казнен карательными отрядами Колчака в районе поселка Первомайского.

Рядом с северной окраиной города на склоне горы Станционной, около линии железной дороги находится группа скал, в которых расположена пещера Усть-Катавская II и с которой связана одна из трагедий Гражданской войны, произошедшая летом 1918 г.

Во время Первой мировой войны на Усть-Катавском заводе работали военнопленные чехи, словаки, венгры, австрийцы, которые после революции почти все записались в отряды Красной гвардии. В Усть-Катавском музее хранится фотоснимок того периода, где запечатлена местная вольно-пожарная дружина, в полном составе вошедшая в ряды вновь созданной милиции; на нем в первом ряду изображены музыканты духового оркестра, в том числе чех Иосиф Кни (крайний справа с трубой в руках). Когда белые захватили заводской поселок, они выследили и поймали И. Кни недалеко от пещеры Усть-Катавской II, в которой тот прятался. После расстрела его похоронили в этой пещере. В настоящее время в историко-краеведческом музее Усть-Катава хранится поврежденная колчаковцами труба И. Кни. А у пещеры появилось второе название — «пещера Иосифа Кни», что также указано на карте.

Пещера Усть-Катавская II (пещера Иосифа Кни)

Усть-Катавская вольно-пожарная дружина

В центре первого ряда (третий слева) на фотоснимке, где запечатлена усть-катавская вольно-пожарная дружина, сидит человек с трубой в руках — военнопленный албанец Конопко, или, как его прозвали в народе, Кнопка, который вместе с другими военнопленными работал на Усть-Катавском вагоностроительном заводе и вместе с ними принял русскую революцию, решив драться за свободу народа. Конопко был застрелен белыми 6 июля 1918 г. на берегу реки Юрюзани, в Крутеньком овражке. Место его гибели указано на карте Биева.

Музыкальный инструмент Иосифа Кни

Рядом с церковью располагался дом (отмечен на карте как бывший дом заводууправления), где жил с семьей горный инженер — управляющий Усть-Катавского завода. На первом этаже здесь располагались заводские службы, позже — в 1917–1918 гг. — штаб отрядов Красной гвардии. Примерно здесь же располагались комитет РСДРП(б) и профсоюзный комитет (партком) завода. На этом здании имелась никелированная мемориальная доска с текстом: «В этом здании в 1917 г. размещался и работал штаб боевой дружины Усть-Катавского завода».

В ноябре 1917 г. атаман А. И. Дутов захватил Оренбург и установил кровавый режим. В январе 1918 г. под натиском красногвардейских отрядов под командованием В. К. Блюхера Дутов отошел в Верхнеуральск. Красногвардейцы из Усть-Катава, Катав-Ивановска, Миньяра, Сима съехались к Верхнеуральску и дали отпор оренбургским белоказакам Дутова, освободив город. Но победа стоила больших жертв. Отряд усть-катавских красногвардейцев после боев под Верхнеуральском недосчитался трех бойцов. На дутовском фронте были убиты красногвардейцы Петр Иванович Стрижов, Василий Иванович Тараканов, Иван Прохорович Гулин. Они первыми из жителей поселка погибли в начавшейся на Южном Урале Гражданской войне.

Похороны состоялись 21 апреля 1918 г. на площади возле Христорождественской церкви. В три часа дня началось торжественное шествие с пением духовной музыки, в первых рядах развивались красные знамена и плакаты. После горячих речей и похоронного марша раздались прощальные выстрелы из винтовок и пулеметов. Могила убитых была выложена кирпичом, обшита досками и огорожена. Но позже останки красногвардейцев были перенесены на кладбище. Сегодня на памятнике «Борцам революции», установленном на месте первоначального захоронения павших усть-катавских красногвардейцев — недалеко от бывшего здания заводууправления, изображены три красногвардейца, которые олицетворяют героев. На карте указано место захоронения красногвардейцев — там, где стоит памятник.

На карте показано место под горой Медведь, где в 1918 г. был подбит бронепоезд белых, а также местонахождение подбившего его орудия на горе Могильной.

В начале июля 1918 г. из Челябинска и Уфы на Усть-Катавский завод по железной дороге наступали войска мятежного Чехословацкого корпуса, которые восстали против советской власти и не хотели сдавать оружие. Целью белогвардейцев был захват станций, через которые они проезжали.

При мобилизации в поселке были поставлены в строй все местные красногвардейцы и бывшие фронтовики, в том числе офицеры. Главкомандующим усть-катавского отряда назначили Гурия Попова — одного из местных офицеров. К бою было подготовлено 2,5 тысячи штыков. Часть отряда была послана в сторону разъезда Минка, под горку Крутушку, а часть оставлена на горе Могильной для прикрытия артиллерии,

Памятник борцам революции

бойцы залегли цепью за кладбищем. У речки Малый Бердяш установили пушку, напротив поселка Колонии — пулемет.

6 июля с востока в сторону станции Усть-Катав прошла платформа, груженная камнем. А следом за ней — чехословацкий бронепоезд. Бронепоезд остановился между деревней Шубино и Пост-Заводом, дал несколько выстрелов из пушки. Красногвардейцы, находившиеся у Крутушки, встретили бронепоезд ураганным пулеметным огнем. Била и пушка с Могильной горы (отмечена на карте). От снарядов, пущенных с бронепоезда, в Усть-Катаве вспыхнули пожары — стрельба шла зажигательными снарядами.

После боя у Крутушки красногвардейцы отошли к поселку Малиновка (ныне микрорайон Усть-Катава) для отражения наступления чехословаков. Однако они оказались схваченными наступающими белыми войсками в полукольцо и были прижаты к поселку, вести бой в котором не было возможности. Штаб красногвардейцев отступил к разъезду Яхино, где перегрузился на конные упряжки, так как со стороны Сима по железной дороге тоже выдвигались чехословацкие отряды.

В это время Г. Попов и его помощники подняли белый флаг и перебежали к чехословакам. Обнаружив отсутствие командиров, предоставленные сами себе бойцы начали покидать свои позиции, отступать в леса и горы, нередко бросая оружие и сдаваясь белогвардейцам. Но были и такие, кто продолжил борьбу в условиях подполья или двинулся в направлении Белорецка.

В течение следующего года Усть-Катав находился под властью белых во главе с Колчаком. Колчак пошел дальше, но возле Казани Красная армия дала отпор белогвардейцам и начала контрнаступление. В результате в 1919 г. Гражданская война для Усть-Катава закончилась победой красногвардейцев.

Таким образом, карта памятных мест П. И. Биева имеет ценное практическое значение в работе музея для формирования и документирования исторической памяти о революционных событиях и Гражданской войне, хотя и не лишена некоторых неточностей и топографических ошибок.

Примечания

¹ Архивные материалы историко-краеведческого музея города Усть-Катава (Записи Киселева И. М. Папка № 1 «Материал о событиях революционного периода и гражданской войны». С. 11, 15; инв. номер НВМ 45).

² Бибиков С. Н. Пещерные палеолитические местонахождения в нагорной полосе Южного Урала // Совет. археология. 1950. № 12. С. 66.

О. М. Шилин, Е. Г. Засухина

О ШТУРМЕ ЗИМНЕГО ДВОРЦА. ИЗ ИСТОРИИ ОДНОГО МУЗЕЙНОГО ДОКУМЕНТА

Сто лет назад Россия вступила в эпоху коренного переустройства общественно-политической системы. Грандиозные, не знающие аналогов, одновременно романтические и трагические преобразования повлияли не только на историческую судьбу России, но и оказали существенное воздействие на развитие политических систем во всем мировом сообществе.

Западная историография уже давно обозначает период нашей истории, берущий свое начало сто лет назад, как *The Great Russian revolution*. В России в последнее время значительная часть профессионального сообщества историков выделяет три этапа «Великой российской революции» («российской» — видимо, отдавая дань многонациональному составу РоссийскоФй империи): Февраль, Октябрь и Гражданскую войну. Представляется, что процесс осмысления истории революции в России будет продолжен, и, безусловно, будут определены ее новые этапы, расширены временные границы и увеличится фактология. Ввод новых источников и свидетельств в исторические исследования позволит более точно разобраться в истоках, причинах, процессах и последствиях революционных преобразований.

История отдельного человека, социальных групп, различных сообществ, безусловно, иллюстрирует, расцветывает сложную картину Великой российской революции. Представляет также огромный интерес существование личности в обстоятельствах, предложенных историческим переломом, вовлеченность ее в событийный ряд исторического процесса.

Снежинск — город молодой. В этом году горожане отмечают его 60-летие. Снежинский городской музей еще моложе — ему 21 год, и трудно представить, что в его фондах могут находиться предметы, относящиеся к событиям, начало которым было положено сто лет назад. Однако в музее хранится документ под учетным номером СМ КП-516. Это «Почетный билет № 177 для входа на трибуну № 1». Он небольшого размера (формат А6), со следами бытовой реставрации. В правом верхнем углу лозунг: «Пролетарии всех стран, соединитесь!»; ниже, по центру, посвящение: «3-я Годовщина Октябрьской Революции»; далее надпись: «инсценировка „Взятие Зимнего Дворца“». Место и время проведения — «Петроград, площадь Урицкого, 8-го Ноября 1920 года, в 22 часа». В строке «Выдан тов.» фамилия не указана, и поэтому выяснить, кому предназначался этот экземпляр билета, не представляется возможным. Не удалось узнать и фамилию человека, который был председателем тройки по организации торжеств, так как подпись на документе

неразборчива. В следующей строке «Особоуполномоченный Штаба (Петроградского военного округа)» проставлено факсимиле — Темкин, и о нем речь пойдет чуть ниже. Далее в билете содержится предостережение: «Билет передаче не подлежит и без печати недействителен», затем указан порядок посещения инсценировки: «Вход со стороны Певческого моста». Билет заверен печатью Центральной комиссии по устройству торжеств и празднеств Петроградского губсовдепа. В 1999 г. этот билет музею передала в дар старейший житель города З. М. Дёмкина. Зинаида Михайловна — научный сотрудник Лаборатории «Б»¹. Легенда предмета или была неизвестна Зинаиде Михайловне, или она не посчитала возможным ее изложить. Ныне живущие члены ее семьи не обладают информацией, которая позволила бы узнать, как этот предмет попал в семейный архив.

Но вернемся к самому музейному источнику. Документ повествует, что к третьей годовщине Октябрьской революции была приурочена массовая инсценировка «Взятие Зимнего дворца». Следует отметить, что в впервые годы советской власти массовые действия, мистерии и инсценировки приобрели значительную популярность и имели как организационно-идеологическую, так и финансовую поддержку правительства. Инсценировка «Взятие Зимнего дворца» в 1920 г. была не первой в ряду массовых действий. Начало было положено двумя годами раньше. Но она стала самой массовой, технически и организационно оснащенной, беспрецедентной с театральнотворческой точки зрения и особенно важной идеологически. Поэтому к изучению и анализу инсценировки обращалось значительное число историков и искусствоведов. На просторах Интернета легко можно найти хроникальный фильм, снятый оператором Б. Н. Светловым, который так и называется «Взятие Зимнего дворца». Фильм в значительной степени дает представление о масштабах театрального действия. Ощутить атмосферу его помогут воспоминания современников, а тем более непосредственных участников события.

Русский советский писатель, поэт, драматург и журналист Лев Никулин (1891–1967) вспоминает: «7 ноября 1920 года. На юге, у Перекопского перешейка, армия Фрунзе штурмует позиции врангелевцев, форсирует Сиваш. Пишется последняя страница гражданской войны. Уже подписано перемирие и прелиминарные условия мира с белой Польшей. Мы вступаем в четвертый год существования власти Советов. И Октябрь в Петрограде решили отпраздновать щедро и широко. В Зимнем дворце, в покоях Николая Первого расположился “Штаб по проведению октябрьских торжеств”. Штаб действовал почти по-военному — мобилизовав художников, режиссеров, актеров, на помощь ему пришло командование округа и флота»².

Необозримые размеры постановки потребовали коллективной режиссуры: главным режиссером был Н. Н. Евреинов, с ним работали также А. Р. Кугель, К. Н. Державин, Н. В. Петров, Ю. П. Анненков (одновременно художник всех декораций и костюмов).

Юрий Павлович Анненков (1889–1974), живописец, график, художник театра и кино, в сборнике мемуарных очерков «Дневник моих встреч. Цикл трагедий» наиболее полно описал подготовку и саму инсценировку: «Сделанные мною декоративные сооружения были во всю ширину площади Зимнего Дворца, доходили до третьего этажа Главного Штаба и состояли из двух гигантских платформ (“белая” и “красная”), соединенных крутым мостом. Действующих лиц было около 8.000 человек. Но кроме действующих лиц, в спектакле принимали участие подлинные танки, подлинные пулеметы и, наконец, знаменитый крейсер “Аврора”, который, причалив к набережной вблизи Зимнего Дворца, должен был, по сигналу из нашей режиссерской будки, сделать три “исторических” холостых залпа. Сигнальная будка, в которой мы разместились, была построена на пьедестале Александровской колонны, со всеми необходимыми электрическими кнопками и телефонными аппаратами. Действующие лица были разделены на самостоятельные группы, и, таким образом, каждые сто человек имели своего “ответственного”, который подчинялся нашим сигналам, вызывая те или другие движения, крики или пение своей группы»³.

И далее: «Действие начиналось, в полной тьме, пушечным залпом, вслед за чем освещался мост с фанфаристами, и начиналась симфония Гуго Варлиха (оркестр 500 человек). Снова — тьма. Когда в симфонию вливалась Марсельеза, вспыхивал свет

на правой “белой” эстраде, где зарождалась актерская игра. Вслед за этим освещалась левая “красная” эстрада, и, наконец, свет распространялся на обе эстрады, на мост и на самую площадь, через которую, появившись из-под Арки Главного Штаба, отряды красногвардейцев, с пулеметами и броневиками, рванулись к Зимнему Дворцу, огороженному дровяными баррикадами, за которыми укрылись юнкера и женский батальон. Выстрелы, и опять — тьма»⁴.

Вышеупомянутый Николай Васильевич Петров (1890–1964), советский театральный режиссер, народный артист РСФСР, лауреат Сталинской премии, доктор искусствоведения, профессор, а тогда один из «мобилизованных» режиссеров, в своих воспоминаниях пишет: «“Красной площадкой” руководил я, а режиссура “белой площадки” была поручена А. Р. Кугелю, К. Н. Державину и Ю. П. Анненкову (он же являлся и художником всей постановки). Общим руководителем был Н. Н. Евреинов.

Центральной фигурой “красной площадки” был Ленин, центром “белой площадки” — Керенский. Эпизод “Октябрь” строился следующим образом. Из-под арки штаба мчались грузовики, заполненные вооруженными рабочими. Они пронеслись мимо Александровской колонны, возле которой находился наш командный пункт и трибуна для зрителей, и, продолжая свой путь, останавливались возле исторической “поленницы” у самого Зимнего дворца, который охраняли юнкера и женский батальон. Короткий бой возле “поленницы” оканчивался бегством юнкеров и женского батальона; восставшие врывались в Зимний дворец.

Дворец становился главным действующим лицом. Он был весь темный. Но как только восставшие врывались во двор, сразу же включались прожектора на “Авроре”, которая стояла на своем историческом месте. Прожектора начинали беспокойно метаться по крыше. Дворец превращался в силуэт, и тотчас же во всех его окнах вспыхивал свет. В окнах были спущены белые шторы, а на их фоне — приемом театра китайских теней — разыгрывались маленькие пантомимы боя. Этот эпизод в представлении так и назывался “Силуэтный бой”. Поединки в окнах кончились победой восставших. Все прожектора — и “Авроры” и с Дворцовой площади — концентрировались на огромном красном знамени, взвивавшемся над дворцом, а во всех окнах вспыхивал красный свет. На опустевшей дворцовой площади разыгрывался последний сатирический эпизод — бегство Керенского, переодетого в женское платье, и вся пантомима оканчивалась фейерверком и оружейным салютом»⁵.

И чтобы сделать последний штрих в описании инсценировки, обратимся к воспоминаниям упомянутого выше Льва Никулина: «Три ночи в Гербовом зале Зимнего дворца происходили репетиции. Полторы тысячи актеров и статистов были авангардом той армии, которая должна была повторить штурм Зимнего дворца; всего участвовало в этом зрелище десять тысяч человек.

Три ночи мы провели в Зимнем дворце и немало километров пробежали по скудно освещенным переходам Зимнего дворца. Со времени Октября 1917 года дворец не видел таких бурных ночей. На золоченых креслах и диванах лежали солдатские шинели. За малахитовыми столами сидели авторы спектакля — режиссеры — и в творческом азарте спорили, придумывали детали, если можно назвать деталями, например, то, что Керенского изображали одновременно двадцать актеров, фигурка одного актера пропала бы в просторах огромной сцены, построенной на площади. Это было несколько странное зрелище — на сцене одновременно, повторяя каждое движение соседа, действовали двадцать Керенских, одетых в одинаковые френчи, с одинаковыми портфелями. Они одновременно убегали, услышав первые залпы штурмующих дворец моряков и красногвардейцев. Разумеется, это была пантомима, все изображали жестами, ни одного слова не было бы слышно, — радиоусилителей и мощных динамиков тогда еще не существовало»⁶.

А что же зритель? По некоторым оценкам, насчитывалось от 100 до 140 тысяч зрителей инсценировки. И в финале вся эта масса людей, чувствуя свою сопричастность к происходящему, пела «Интернационал». Не имело значения, что реальный штурм «Зимнего» отличался от воплощенного в инсценировке действия, тем более что среди зрителей были реальные участники события. Воодушевление охватило всех, и цели, какими бы они ни были и кто бы их не ставил, были достигнуты.

Когда смотришь фильм и читаешь воспоминания, не покидает ощущение чего-то очень знакомого. И это не случайно. По мнению некоторых исследователей, в числе зрителей инсценировки «Взятие Зимнего дворца» был молодой Сергей Михайлович Эйзенштейн (1898–1948). Его знаменитый фильм «Октябрь» (1927), который долгие годы воспринимался как хроника, во многом повторяет сюжетные картины, созданные коллективом режиссеров во главе с Николаем Евреиновым. Можно сказать больше: советская батальная живопись и кинематография в значительной степени складывались по лекалам, созданным Евреиновым.

Усилиями театроведов, историков имя Николая Евреинова возвращено в историю русского, советского театра. Но до сих пор оно известно лишь узкому кругу специалистов, и, по мнению его современников, занимает не подобающее ему место. Юрий Анненков писал: «После Станиславского имя Евреинова должно стоять рядом с именем Мейерхольда, Комиссаржевского, Таирова и Вахтангова»⁷. Кто этот человек, что им двигало, какие цели он ставил, взявшись за инсценировку «Взятия Зимнего дворца»? Даже краткое обращение к его творчеству дает ответы на многие вопросы.

Николай Николаевич Евреинов (1879–1953) — русский режиссер, драматург, теоретик и новатор театра, историк театрального искусства, философ, музыкант, художник и психолог. Блестяще образованный молодой человек мог сделать любую карьеру. Имея юридическое образование, учился музыке у самого Николая Римского-Корсакова, постигал глубины философии и психологии. Но он страстно любил театр и посвятил ему свою жизнь. Драматургия Николая Евреинова насчитывает около тридцати произведений, самыми значительными из которых считаются трагикомедия «Самое главное» (1921) и драма «Шаги Немезиды» (1936–1938). Из-под пера Николая Евреинова вышло более сорока работ по истории, теории и философии театрального искусства. Наиболее ценными принято считать теоретические труды «Театр как таковой» и «Театр для себя». Не поддается подсчету число режиссерских работ самого Николая Евреинова и тем более число постановок его пьес на театральных сценах России, Европы, Северной и Латинской Америки, Японии.

Экспериментатор и первопроходец, он проверял в деле свои теоретические выводы, познавал пределы возможного в искусстве театра. Поэтому кажется не случайным выбор Евреинова в качестве главного режиссера инсценировки «Взятие Зимнего дворца». Воплощая в жизнь свой синтетический «театральный театр» как соединение всех видов искусства в представлении, Евреинов одновременно проводил свою «театротерапию», призванную сценическими средствами врачевать зрителя. Или просвещать, воспитывать, вдохновлять и вести за собой? Это требовалось уже другому «режиссеру», имя которому — советская власть. Гармония целей и задач и сделала возможной воплощение в жизнь такой инсценировки, как «Взятие Зимнего дворца».

Николай Евреинов не считал себя приверженцем советской власти, но, как сам он признавался, проявлял сочувствие к ней. Важно, что его экспериментаторский подход в значительной степени сочетался с теоретическими наработками главных идеологов пролеткульта того времени.

В этой связи Юрий Анненков писал: «Русская революция, голодная и беспаспортная, вплавляла новое могучее звено в цепь спектаклей под открытым небом, искусство, где участвуют многочисленные массы и где именно количество создает форму зрелища; цепь, восходящая к далеким векам, к средневековым мистериям, к санкюлотским празднествам французской революции в честь Федерации, Конституции, Разума и Высшего Существа...»⁸

Идеология, по-видимому, не интересовала Евреинова. Он был захвачен зрелищной, постановочной стороной действия. Интересный факт: в октябре 1917 г. Николай Евреинов не было в Петрограде, и инсценировку он выстраивал, исходя из своих эстетических и теоретических воззрений, тем самым создав миф о «штурме», который долгие годы считался реальностью.

В 1925 г. Николай Евреинов покинул Россию. Считается, что он был выдворен из страны. Подтверждение этой версии, а также причины выдворения, даже если они существовали, обнаружить не удалось. Представляется все же, что главными причина-

ми эмиграции Николая Евреинова стали смена идеологической парадигмы развития пролетарской культуры, набирающий силу соцреализм и предпочтение во взглядах на развитие театра точке зрения Станиславского и Немировича-Данченко.

Но вернемся к документу, где, как уже упоминалось в начале, в строке «Особоуполномоченный Штаб» проставлено факсимиле «Темкин». Имя этого человека, как представляется, известно еще меньше, чем имя Николая Евреинова. Юрий Анненков представляет его так: «Организатором этого спектакля был очень талантливый пианист и композитор, мой друг, юный Дмитрий Темкин. Его творческая и организаторская энергия была (и осталась) неисчерпаемой и чрезвычайно продуктивной, воодушевляющей всех создателей и участников спектакля»⁸.

Дмитрий Зиновьевич Тёмкин (1899–1979) во многих справочниках значится как американский композитор российского происхождения, внесший большой вклад в развитие киномузыки. До революции Дмитрий Тёмкин зарабатывал на жизнь частными уроками музыки, работал аккомпаниатором, тапером в кино, что впоследствии, видимо, и привело его в мир киномузыки. Водил дружбу с Сергеем Прокофьевым, Михаилом Фокиным и др.

Революция «мобилизовала» Дмитрия Тёмкина в политуправление Петроградского военного округа, где он стал одним из организаторов массовых театрально-музыкальных действ. Поэтому участие его в организации инсценировки «Взятие Зимнего дворца» не случайно. Знакомство с Ю. П. Анненковым, Н. Н. Евреиновым и участие в инсценировке, несомненно, оказало большое влияние на молодого человека и отразилось на его дальнейшем жизненном пути.

Но вот как интересно и неоднозначно можно оценить его личные качества, читая воспоминания Юрия Анненкова о технических сложностях в работе над инсценировкой: «Мы провели подряд несколько бессонных ночей. Технические сложности постановки оказывались почти непреодолимыми. Мне потребовалось, например, для световых эффектов около ста пятидесяти мощных прожекторов. В компании с административным помощником организатора зрелища, композитора Дмитрия Темкина, я отправился в петроградский электро-центр. Нас принял “товарищ заведующий”. Я объяснил ему, что нам требовалось.

— Пять или шесть прожекторов, пожалуй, будет возможно; но о ста пятидесяти не может быть и речи,— заявил товарищ заведующий и уже направился к двери.

— Товарищ заведующий! — произнес помощник Темкин,— у вас на дому есть телефон?

— Есть. А на что вам?

— Вы женаты?

— Женат.

— Рекомендую вам немедленно позвонить вашей жене и сказать ей, что вы больше домой не вернетесь.

Произошло короткое молчание.

— В сущности, я смогу вам выдать сейчас даже сто шестьдесят нужных вам прожекторов, но с просьбой тут же забыть наш предварительный разговор,— произнес товарищ заведующий почти дрожащим голосом.

— Забыто,— твердо ответил мой спутник.

Через десять минут на нашем грузовике стала расти гора прожекторов со всеми необходимыми принадлежностями...»⁹

В 1921 г. Дмитрий Тёмкин уехал за границу. Сначала в Германию, к отцу Зиновию Ионовичу Тёмкину, одному из видных членов Всемирного союза сионистов-ревизионистов. В Германии Дмитрий продолжил музыкальное образование, а затем переехал во Францию, где успешно концертировал. По совету Федора Шаляпина в 1925 г. отправился в Соединенные Штаты Америки и вскоре, по-видимому, неизбежно попал на орбиту Голливуда. Кинематограф принес ему заслуженную мировую известность. Музыка Дмитрия Тёмкина звучит в почти 150 фильмах. Четыре раза он был удостоен премии Американской киноакадемии «Оскар». Последней его работой в большом кино стала музыка к биографическому фильму Игоря Таланкина «Чайковский», поставленному на Мосфильме в 1970 г. В связи со съемками фильма ему в этом же году и впервые с 1921 г. удалось побывать в России. За музыку к фильму

«Чайковский» Дмитрий Зиновьевич Тёмкин получил последнюю в своей жизни — двадцать вторую номинацию на «Оскар».

Так при первом приближении к изучению музейного источника, можно передать то, о чем он повествует.

Музейный предмет, как любой другой артефакт культуры, является хранителем времени и истории. За каждым из них скрыты судьбы людей, сюжеты, далеко выходящие за пределы классификационных обозначений (названия, размеров, типовой принадлежности), сюжеты, в которых, как в зеркале, отражается дух эпохи.

В музее хранятся предметы, которые иллюстрируют историю города, региона, страны. Знакомство с ними дает представление о том, как жили люди. А если известна их история — то где они находились, кто ими пользовался. Можно восстановить связь времен, представить себе эпоху, образ жизни, заботы и устремления людей, живших задолго до нас.

Николай Евреинов и Дмитрий Тёмкин не принадлежали партии большевиков, но были «большевиками», точнее «большевиками от искусства». Нам ли, ныне живущим, судить этих людей, мотивы их поступков в жизни на изломе истории?

Вопрос о правомочности становится очевидным, когда оглянешься на прошлое, ушедшее 25 лет назад...

Примечания

¹ Лаборатория «Б» — уникальный объект атомного проекта СССР, который находился с 1946 по 1955 г. на полуострове Миндаркин озера Сунгуль (Челябинская область). См.: *Емельянов Б. М., Гаврильченко В. С.* Лаборатория «Б». Сунгульский феномен. Снежинск : Изд-во РФЯЦ — ВНИИТФ, 2000.

² *Никулин Л. В.* Сочинения : в 3 т. Т. 1. М., 1956. С. 154.

³ *Анненков Ю. П.* Дневник моих встреч. Цикл трагедий : в 2 т. Т. 2. М. : Худ. лит., 1991. С. 120.

⁴ Там же. С. 122.

⁵ *Петров Н. В.* 50 и 500. Всероссийское Театральное Общество. М., 1960. С. 194–195.

⁶ *Никулин Л. В.* Указ. соч. С. 155.

⁷ *Анненков Ю. П.* Указ. соч. С. 111.

⁸ Там же. С. 120.

⁹ Там же. С. 120–121.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алакшин Александр Эдуардович

Доктор исторических наук, заместитель директора Государственного исторического музея Южного Урала по научной работе (г. Челябинск)

Алексеев Николай Александрович

Доктор медицинских наук, заведующий Музеем истории медицины г. Челябинска

Андреев Александр Николаевич

Доктор исторических наук, профессор Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск)

Андреева Юлия Сергеевна

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск)

Багина Зинаида Святославовна

Художник-реставратор Государственного исторического музея Южного Урала (г. Челябинск)

Блиновский Анатолий Филиппович

Краевед (г. Куса)

Буданов Андрей Вячеславович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии, истории и философии Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Челябинский филиал)

Волков Евгений Владимирович

Доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск)

Вуколова Ксения Александровна

Сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург)

Выдрин Данил Сергеевич

Краевед (г. Москва)

Ганин Андрей Владиславович

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук (г. Москва)

Герасимова Татьяна Владимировна

Директор Снежинского городского музея

Графов Дмитрий Григорьевич

Заведующий редакционно-издательским отделом Государственного исторического музея Южного Урала (г. Челябинск)

Демаков Владислав Германович

Научный сотрудник отдела истории Государственного исторического музея Южного Урала (г. Челябинск)

Демакова Светлана Борисовна

Генеалог-исследователь (г. Челябинск)

Журавлева Нелли Сергеевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной истории Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск)

Засухина Екатерина Геннадьевна

Главный хранитель фондов Снежинского городского музея

Ивлиева Ирина Сергеевна

Заведующая сектором декоративно-прикладного искусства Государственного исторического музея Южного Урала (г. Челябинск)

Казанцева Мария Андреевна

Хранитель музея Карабашского городского округа

Калашникова Ирина Николаевна
Научный сотрудник Государственно-го исторического музея Южного Урала (г. Челябинск)

Карачевцева Татьяна Евгеньевна
Методист краеведческого музея Копейского городского округа

Кашин Владимир Викторович
Член Общества изучения истории отечественных спецслужб (г. Нижний Тагил)

Ковшов Игорь Валентинович
Кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, истории и права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Челябинский филиал)

Колмогоров Владимир Владимирович
Библиотекарь Центральной библиотеки Копейского городского округа

Конюченко Андрей Иванович
Доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и зарубежных стран Челябинского государственного университета

Королёва Елена Дмитриевна
Кандидат исторических наук (г. Троицк)

Кругляк Наталья Александровна
Заведующая сектором нумизматики Государственного исторического музея Южного Урала (г. Челябинск)

Кузьминых Виктория Андреевна
Художник-реставратор Государственного исторического музея Южного Урала (г. Челябинск)

Латышев Юрий Владимирович
Краевед (г. Челябинск)

Лымарев Александр Николаевич
Кандидат исторических наук, заведующий отделом истории Государственного исторического музея Южного Урала (г. Челябинск)

Марков Сергей Владимирович
Педагог дополнительного образования Дворца пионеров и школьников имени Н. К. Крупской (г. Челябинск)

Маткина Надежда Сергеевна
Заведующая отделом реставрации Государственного исторического музея Южного Урала (г. Челябинск)

Махрова Татьяна Кимовна
Доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права, конституционного и административного права Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск)

Меньшенина Елена Сергеевна
Редактор издательства Челябинского государственного университета

Микитюк Владимир Петрович
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора экономической истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург)

Молчанов Лев Николаевич
Педагог дополнительного образования Дома детского творчества (с. Чесма)

Мухамедова Нагима Рамазановна
Заведующая документальным фондом Государственного исторического музея Южного Урала (г. Челябинск)

Новожилова Людмила Александровна
Краевед (г. Челябинск)

Овчинникова Зоя Александровна
Директор краеведческого музея имени М. А. Тренина Увельского муниципального района

Окунцов Юрий Петрович
Заведующий отделом истории Златоустовского городского краеведческого музея

Павленко Владимир Денисович
Кандидат исторических наук (г. Челябинск)

Павленко Галина Константиновна
Кандидат исторических наук (г. Челябинск)

Палагина Татьяна Владимировна
Заместитель директора Государственного исторического музея Южного Урала по выставочной работе (г. Челябинск)

Панькин Станислав Игоревич
Кандидат социологических наук, доцент Российской академии предпринимательства (Челябинский филиал)

Петрова Елена Валентиновна
Главный хранитель фондов Государственного исторического музея Южного Урала (г. Челябинск)

Приходько Надежда Юрьевна

Заведующая выставочным отделом Государственного исторического музея Южного Урала (г. Челябинск)

Распопова Виктория Александровна

Хранитель фондов Музейно-краеведческого центра г. Кусы

Романов Андрей Петрович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений Челябинского государственного университета

Ростовцев Сергей Николаевич

Научный сотрудник отдела фондов Государственного исторического музея Южного Урала (г. Челябинск)

Самигулов Гаяз Хамитович

Кандидат исторических наук, доцент Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск)

Таршина Татьяна Николаевна

Методист краеведческого музея имени В. И. Савина (с. Варна)

Третьякова Ирина Борисовна

Научный сотрудник Историко-краеведческого музея Верхнеуфалейского городского округа

Феркель Владлен Борисович

Краевед (г. Челябинск)

Филатов Владимир Викторович

Доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета имени Г. И. Носова

Филимонов Михаил Алексеевич

Доктор исторических наук, профессор кафедры общественных наук Уфимского государственного авиационного технического университета

Часова Ксения Олеговна

Научный сотрудник историко-краеведческого музея г. Усть-Катава

Черных Валентина Александровна

Научный сотрудник Историко-краеведческого музея Верхнеуфалейского городского округа

Чухарева Нина Николаевна

Старший научный сотрудник краеведческого музея Миасского городского округа

Шилин Олег Михайлович

Методист Снежинского городского музея

Шуляк Екатерина Викторовна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Ханты-Мансийской государственной медицинской академии

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН — Академия наук
АСР — автономная советская республика
БАСР — Башкирская автономная Советская Республика
в., вв. — век, века
ВЛКСМ — Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи
волисполком — волостной исполнительный комитет
волревком — волостной революционный комитет
врио — временно исполняющий обязанности
ВРК — военно-революционный комитет
ВСНХ — Высший Совет народного хозяйства
ВЦИК — Всероссийский Центральный исполнительный комитет
ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия
г. р. — год рождения
г., гг. — год, годы
ГААОСО — Государственный архив административных органов Свердловской области
ГАОО — Государственный архив Оренбургской области
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГАСО — Государственный архив Свердловской области
ГИМЮУ — Государственный исторический музей Южного Урала
ГКК — Государственный контрольный комитет
горсовет — городской совет
ДОСААФ — Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту
ЗГАО — Златоустовский государственный архивный отдел
ИМУ — Императорский Московский университет
исполком — исполнительный комитет
КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога
КГБ — Комитет государственной безопасности
КЗОТ — Кодекс законов о труде
кн. — князь
КОМУЧ — Комитет членов Учредительного собрания
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
КРС — крупный рогатый скот
МВД — Министерство внутренних дел,
ММК — Магнитогорский металлургический комбинат
МТС — машинно-тракторная станция
МХТ — Московский художественный театр
НАРБ — Национальный архив Республики Башкортостан
НВ — научно-вспомогательный фонд
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НКО — Народный комиссариат обороны
НТГИА — Нижнетагильский городской исторический архив
ОбЛИК — Областной исполнительный комитет
ОВД — органы внутренних дел

- ОГАСПИ — Оренбургский государственный архив социально-политической истории
- ОГАЧО — Объединенный государственный архив Челябинской области
- ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление
- ОКВ — Оренбургское казачье войско
- ОФ — основной фонд
- Помгол (помощь голодающим) — Центральная комиссия помощи голодающим
- РАПП — Российская ассоциация пролетарских писателей
- РВС — Революционный военный Совет СССР
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
- РГАЭ — Российский государственный архив экономики
- РГВА — Российский государственный военный архив
- РГИА — Российский государственный исторический архив
- РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия
- РКП(б) — Российская коммунистическая партия (большевиков)
- РПЦ — Русская православная церковь
- РСДРП — Российская социал-демократическая рабочая партия
- РСДРП(б) — Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков)
- РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
- СМИ — средства массовой информации
- СНК СССР — Совет народных комиссаров
- ССРМ — Социалистический союз рабочей молодежи
- СССР — Союз Советских Социалистических Республик
- УНКВД — Управление народного комиссариата внутренних дел
- ФЗС — фабрично-заводская семилетка
- ФРГ — Федеративная Республика Германия
- ЦГАОО РБ — Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан
- ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области
- ЦИК — Центральный исполнительный комитет
- ЦИТ — Центральный институт труда
- ЦК — Центральный комитет
- ЧГРЭС — Челябинская государственная районная электростанция
- ЧК — чрезвычайная комиссия
- ШКМ — школа колхозной молодежи

Научное издание

ГОРОХОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы восьмой региональной музейной конференции

Редактор *И. Н. Козырева*
Художественные редакторы *А. В. Исаков, М. В. Максимов*
Корректоры *И. Н. Козырева, Е. Л. Зорина*
Верстка *В. Б. Феркель*

Формат 60×84/8 Бумага ВХИ 80 г/м²
Гарнитура BaskervilleWin95BT
Печать офсетная
Усл. печ. л. 42,32
Тираж 200 экз.

Областное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный исторический музей Южного Урала»
454091, г. Челябинск, ул. Труда, 100